ИГ42
4782

КУРСЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУКИ.

Б. Чичерина.

Часть III.

ПОЛИТИКА.

Цѣна 3 р. 50 к.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., соб. домъ.
1898.

+

КУРСЪ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУКИ.

Б. Чичерина.

X

Часть III.

ПОЛИТИКА.

Цѣна 3 р. 50 к.

Р. С. Ф. С. Р.
ИНСТИТУТ
К. МАРКСА и ФР. ЭНГЕЛЬСА
В. Ц. И.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., соб. домъ.
1898.

2-экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ИГ42 р
4782

Библиотека ин-та
Марксизма-Ленинизма
при ЦК КПСС

371102

III.

ПОЛИТИКА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Основанія политики.

ГЛАВА I.

Политика какъ наука.

Политика есть наука о способахъ достиженія государственныхъ цѣлей.

Государство есть союзъ, призванный исполнять извѣстныя общественныя цѣли. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ*, при разсмотрѣніи существа государства, было выяснено, въ чемъ онѣ состоятъ. Совокупность ихъ сводится къ понятію объ общемъ благѣ, осуществленіе котораго есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, раскрытіе самой природы, или идеи государства, ибо, проявляя свою идею въ дѣйствительномъ мірѣ, государство дѣлаетъ все то, что оно способно сдѣлать для общаго блага. Въ этомъ состоитъ его назначеніе.

Но эта общая цѣль осуществляется только постепенно, сообразно съ мѣстными и временными условіями и степенью развитія народа. Въ приложеніи, эта общая цѣль разбивается на множество частныхъ цѣлей, которыя, отчасти совмѣстно, отчасти одна за другою, становятся предметомъ дѣятельности государства. Въ каждый данный моментъ выступаютъ извѣстныя частныя задачи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои условія и требуетъ своихъ средствъ. Эти условія и эти средства опредѣляются состояніемъ общества. Въ *Наукѣ объ Обществѣ* изслѣдуется все то разнообразіе общественныхъ элементовъ и интересовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло государству. Правильное ихъ пониманіе составляетъ первое основаніе всякой здравой политики. Но когда эти элементы даны и основательно изслѣдованы, надобно умѣть ими пользоваться; надобно направить ихъ къ тому, что составляетъ собственную цѣль государства. Въ этомъ и заключается задача *Политики*.

Въ дѣйствительности, управленіе государствомъ всегда руководится политикой. Всякій государственный человѣкъ преслѣдуетъ извѣстныя государственныя цѣли и старается подыскать къ нимъ необходимыя средства. Въ этомъ смыслѣ политика есть не наука, а практическое искусство, существовавшее задолго до появленія какой бы то ни было государственной науки. Здѣсь практика не только предшествуетъ теоріи, но и указываетъ ей путь. Среди безконечнаго разнообразія условій, въ которыхъ находится государственная жизнь, практическій тактъ правителей показываетъ имъ, что въ данную минуту осуществимо и какія для этого требуются средства. Въ этомъ состоитъ *политическій смыслъ*, первое качество государственнаго человѣка, отъ чего зависитъ правильное теченіе государственной жизни и возможность исполненія ея задачъ. Политическій дѣятель долженъ имѣть ясное понятіе о состояніи и потребностяхъ общества; онъ долженъ ясно сознавать и самыя цѣли, которыя можно имѣть въ виду при существующихъ условіяхъ, опредѣлить, что на практикѣ исполнимо и что должно быть отложено; наконецъ, онъ долженъ имѣть понятіе и объ общемъ ходѣ исторіи, о томъ, къ чему естественнымъ движеніемъ жизни влекутся народы и государства, что слѣдуетъ поддерживать и съ чѣмъ надобно проститься: иначе онъ рискуетъ дать политической жизни ложное направленіе, потратить силы и средства государства на то, что обречено на погибель, и тѣмъ самымъ подорвать собственное его существованіе. Чѣмъ сложнѣе общественныя условія, чѣмъ болѣе развита политическая жизнь, тѣмъ, разумѣется, труднѣе исполненіе этой задачи, и тѣмъ выше требованія, которыя предъявляются государственному человѣку. Исторія показываетъ, что вообще, сочетаніе нужныхъ для этого качествъ составляетъ довольно рѣдкое явленіе. Обыкновенные государственные люди довольствуются заведенною рутиной, или, что еще хуже, производятъ перемѣны неумѣлыми руками, вслѣдствіе чего происходитъ ослабленіе государства, которое только силою внѣшнихъ событій или внутреннихъ переворотовъ, путемъ безчисленныхъ испытаній и жертвъ приводится наконецъ къ правильному пути. Исторія, въ значительной степени, есть повѣствованіе объ ошибкахъ правителей.

Политическій смыслъ необходимъ не однимъ государственнымъ людямъ, онъ нуженъ и гражданамъ. Правительство, въ своей дѣятельности, опирается на общество; оно находитъ въ послѣднемъ поддержку или противодѣйствіе. Отъ политическаго смысла гражданъ зависитъ, чтобы то и другое совершалось въ направленіи, благопріятномъ государственнымъ цѣлямъ. Съ своей стороны, общество воздѣйствуетъ на правительство. Самая неограниченная властъ находится подъ влія-

ніемъ теченій, господствующихъ въ окружающихъ ее сферахъ. Съ расширеніемъ участія общества въ государственныхъ дѣлахъ это вліяніе ростетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ возвышается требованіе политическаго смысла, способнаго отличать возможное и невозможное, желанное и нежеланное. Какъ практическое начало, политическій смыслъ очевидно пріобрѣтается лишь практикой. Только постоянное и долговременное участіе въ общественныхъ дѣлахъ развиваетъ въ обществѣ это высокое качество. Поэтому оно проявляется съ особенною силою у тѣхъ народовъ, которые всего долѣе пользовались практикою политической жизни. Въ этомъ отношеніи Англичане далеко опередили всѣ другіе европейскіе народы. Нельзя не удивляться не только прозорливости ея государственныхъ людей, но и выработанному временемъ политическому такту періодической печати, ея сдержанности при обсужденіи политическихъ вопросовъ, ея презрѣнію ко всякимъ звонкимъ фразамъ и теоретическимъ увлеченіямъ, ея тонкому пониманію различныхъ сторонъ государственной жизни, умѣнію разбирать осуществимое и неосуществимое, наконецъ ея дѣловому языку, который можетъ служить образцомъ для всѣхъ. Совершенно противоположную картину представляютъ общества, непривыкшія къ политической жизни и внезапно выпущенныя на просторъ. Стоитъ вспомнить хаотическое состояніе русской общественной мысли въ царствованіе Александра II-го. Въ ту пору именно самыя крайнія мнѣнія находили всего болѣе поддержки и могли расчитывать на успѣхъ: съ одной стороны тайная и явная соціалистическая пропаганда, какая-то безумная пляска, въ которой исчезало всякое здравое понятіе о вещахъ, съ другой стороны ярая реакція, взывающая къ самымъ пошлымъ страстямъ и самымъ низменнымъ стремленіямъ невѣжественнаго общества. Для разумнаго взгляда не оставалось мѣста; онъ подвергался безпощадному гоненію. Люди привыкшіе, во времена деспотизма, къ непримиримой тайной оппозиціи, считали непозволительнымъ всякое слово, сказанное въ пользу правительства, совершавшаго величайшія преобразованія; а съ другой стороны, тѣ, которые не успѣли отвыкнуть отъ вѣковаго холопства, считали всякую независимость преступленіемъ. Въ странахъ, подвергавшихся глубокимъ революціоннымъ потрясеніямъ, эта шаткость общественной мысли становится постояннымъ явленіемъ. Ничто такъ не препятствуетъ развитію политическаго смысла, какъ сохраняющійся въ обществѣ революціонный духъ. Политика требуетъ спокойнаго и здраваго пониманія существующихъ условій; она вступаетъ въ сдѣлки, ищетъ возможнаго, а революціонный духъ питается крайностями, увлекается страстью, закрываетъ глаза на дѣйствительность и живетъ созданіями воображенія, которыя онъ принимаетъ за

цѣль. Доселѣ Франція страдаетъ тѣмъ недостаткомъ политическаго смысла, который былъ воспитанъ въ ней новѣйшею ея исторіей. Поэтому нельзя не признать великой заслуги государственнаго человѣка, который изъ революціонныхъ элементовъ, завѣщанныхъ прошлымъ, умѣлъ создать оппортюнизмъ. То, что обзывается оппортюнизмомъ, то есть, умѣніе прилаживаться къ условіямъ мѣста и времени, есть сама политика. Изъ всѣхъ современныхъ политическихъ партій во Франціи, оппортюнисты одни обладаетъ политическимъ смысломъ. Остальныя гоняются за химерами.

Наконецъ, политическій смыслъ нуженъ не только въ практической, но и въ чисто теоретической области, для оцѣнки явленій исторической и государственной жизни народовъ. Не руководимое политическимъ смысломъ, изслѣдованіе этихъ явленій можетъ получить совершенно ложную окраску. Таковымъ оно бываетъ у тѣхъ историковъ и публицистовъ, которые, увлекаясь односторонними теоріями, смотрятъ на всѣ событія съ своей исключительной точки зрѣнія и переносятъ въ давно прошедшія времена понятія и требованія современности. Первая задача историка заключается въ глубокомъ и всестороннемъ пониманіи жизни, въ совокупности ея элементовъ и въ преемственномъ ея движеніи, и такова же задача политики. Въ этомъ отношеніи историческій и политическій смыслъ однородны. Какъ въ исторіи, такъ и въ политикѣ, каждое явленіе должно быть понято въ связи съ условіями мѣста и времени, которыя его окружаютъ, и которыя даютъ ему бытіе. Оторванное отъ своей среды, освѣщенное чуждымъ ему свѣтомъ, оно теряетъ истинное свое значеніе. Положительный смыслъ его затемняется; остается одно отрицаніе. Но съ другой стороны, совокупность явленій, принадлежащихъ къ извѣстному мѣсту и времени, получаетъ новое, высшее освѣщеніе, когда она связывается съ общимъ ходомъ исторіи, со всѣмъ, что ему предшествовало и что за нимъ слѣдовало. Только изученіе событій въ ихъ преемственной связи раскрываетъ глубокія ихъ причины и обнаруживаетъ самыя отдаленныя ихъ послѣдствія, которыя скрыты отъ взоровъ современниковъ и становятся ясными только для потомства.

Очевидно, что такое пониманіе требуетъ уже не однихъ практическихъ способностей, но и теоретическихъ соображеній. Для того, чтобы служить мѣриломъ явленій политической жизни народовъ, политика должна быть возведена на степень науки. А для этого необходимы научныя основанія и научная метода.

Къ этому ведетъ и самая жизненная практика. Одинъ чисто практическій смыслъ, не воспитанный надлежащею теоретическою подготовкой, легко теряется въ частностяхъ; онъ склоненъ принимать случай-

ное за постоянное и дать неподобающій вѣсъ и значеніе односторонне понятымъ началамъ. Мало того; всякій практическій человѣкъ волею или неволею руководится теоретическими соображеніями, присущими ему хотя бы на степени темныхъ вѣрованій и инстинктовъ, которые, не будучи провѣрены разумомъ, могутъ дать всей его дѣятельности ложное направленіе. Только серіозное политическое образованіе можетъ подготовить политическихъ дѣятелей, стоящихъ на высотѣ своего призванія. И чѣмъ шире и сложнѣе становится жизнь, чѣмъ многостороннѣе и отдаленнѣе отношенія, тѣмъ это требованіе дѣлается настойчивѣе. Пока народъ замкнутъ въ себѣ, пока онъ, при несложныхъ жизненныхъ элементахъ, идетъ постоянно по одной колеѣ, практическій смыслъ, воспитанный близкимъ знакомствомъ съ мало измѣняющеюся средою, можетъ служить ему достаточнымъ руководствомъ. Но какъ скоро народъ выступаетъ на поприще всемірной исторіи и входитъ въ многообразныя отношенія къ другимъ, какъ скоро собственная его жизнь получаетъ многостороннее развитіе и подвергается глубокимъ переломамъ, такъ одна голая практика становится крайне недостаточною; необходимо политическое образованіе. Въ наше время въ особенности, при легкости сношеній, какъ въ матеріальной, такъ и въ умственной сферѣ, и проистекающемъ отсюда безконечномъ переплетеніи международныхъ интересовъ, при широкомъ и свободномъ развитіи всѣхъ внутреннихъ сторонъ жизни, составляющемъ необходимое условіе для того, чтобы народъ могъ сохранить свое мѣсто въ ряду другихъ, серіозное политическое образованіе составляетъ, можно сказать, самое настоятельное требованіе отъ всякаго политическаго дѣятеля. Отъ этого требованія нельзя уклониться возраженіемъ, что каждый народъ идетъ своимъ путемъ, а потому государственному человѣку достаточно практически знать, что движется вокругъ него, и крѣпко держаться своего роднаго, не обращая вниманія на другихъ: такой узко національный взглядъ можетъ служить только удобнымъ прикрытіемъ своекорыстія и невѣжества; кромѣ слѣпой рутины, онъ ничего не въ состояніи произвести. А къ чему ведетъ слѣпая рутина, объ этомъ исторія свидѣтельствуетъ безчисленными примѣрами. Рано или поздно, государству приходится за нее расплачиваться дорогою цѣной.

Политическое образованіе необходимо не только для государственныхъ дѣятелей, но и для воспитанія общественнаго мнѣнія, которое въ настоящее время становится болѣе и болѣе могущественнымъ факторомъ политической жизни. Въ особенности оно необходимо обществамъ молодымъ, которыхъ долговременное участіе въ общественныхъ дѣлахъ не пріучило къ основательному обсужденію политическихъ вопросовъ.

Здѣсь правильная теорія должна восполнить недостатокъ практики. Только здравая политическая наука, изслѣдующая различныя стороны государственнаго быта и раскрывающая внутренній ихъ смыслъ, въ состояніи воздержать общество отъ легкомысленнаго увлеченія шаблонными взглядами, все подводящими къ извѣстной узкой мѣркѣ, по своей простотѣ доступной непросвѣщеннымъ умамъ, но менѣе всего способной обнять многостороннія и сложныя явленія общественной жизни. Наука одна можетъ противодѣйствовать распространенію въ обществѣ революціоннаго духа, составляющаго естественный плодъ скудоумія и невѣжества. Отрицаніе есть первый шагъ, который дѣлаетъ умъ, отрывающійся отъ слѣпаго погруженія въ окружающую среду и приходящій къ сознанію своей самостоятельности. Этотъ шагъ потому первый, что онъ самый легкій. Пониманіе требуетъ знанія и мысли; для отрицанія не нужно ничего, кромѣ юношеской дерзости. Потому-то оно такъ распространено среди неврѣлыхъ умовъ. Обыкновенно оно подкрѣпляется фантастическими идеалами, которыхъ праздное воображеніе можетъ плодить сколько угодно. Но иногда и это считается излишнимъ. Въ настоящее время мы видимъ множество людей, которые ставятъ себѣ цѣлью чистое разрушеніе, въ надеждѣ, что изъ этого само собою что-нибудь выйдетъ. Такое явленіе указываетъ на глубоко распространенное политическое невѣжество въ массахъ. Но противодѣйствовать ему можно не полицейскими мѣрами, которыя, конечно, бываютъ необходимы, когда безумныя теоріи переходятъ въ практическое дѣло, но которыя, въ свою очередь, разжигаютъ страсти и обостряютъ отношенія, а при излишествѣ и суровомъ примѣненіи, возбуждаютъ въ самомъ обществѣ реакцію противъ направляющей ихъ власти. Лѣкарствомъ противъ невѣжества можетъ служить только распространеніе здравыхъ политическихъ понятій, а это — дѣло науки, которой задача состоитъ въ раскрытіи многосторонніхъ элементовъ политическаго быта, въ выясненіи смысла существующаго и возможности улучшеній, а вмѣстѣ и тѣхъ способовъ, какими эти улучшенія могутъ быть осуществлены безъ нарушенія правильнаго теченія общественной жизни.

Существуетъ ли однако подобная наука? При безконечномъ разнообразіи жизненныхъ условій, при сложности общественныхъ отношеній, въ которыхъ переплетаются безпрерывно измѣняющіеся во времени факторы, есть ли возможность вывести отсюда какія-либо общія правила и законы, теоретически опредѣлить способы дѣйствія, которые по необходимости должны примѣняться къ обстоятельствамъ, наконецъ положить ограниченія будущему, опираясь на прошедшее? Такого рода практическая дѣятельность, какая вызывается государ-

ственною жизнью, не должна ли руководиться исключительно практическимъ смысломъ, умѣющимъ распознавать желательное и возможное, иногда и геніальнымъ предвидѣніемъ, угадывающимъ будущее, а отнюдь не шаткими теоретическими соображеніями, извлеченными изъ совершенно другихъ условій и часто вовсе не приложимыми къ даннымъ обстоятельствамъ? Еслибы мы могли даже руководствоваться какою-либо теоріей, какъ разобраться среди хаоса противорѣчащихъ другъ другу воззрѣній на государство? Каждый тянетъ на свою сторону, каждый выдаетъ свою теорію за непогрѣшимую истину. Въ самыхъ образованныхъ странахъ на политическомъ поприщѣ борются партіи съ радикально противоположными направленіями, изъ которыхъ каждая считаетъ мнѣнія противниковъ гибелью для государства. Гдѣ же тутъ мѣсто для науки, имѣющей въ виду раскрытіе неоспоримой истины? Повидимому, политика менѣе всего поддается такому изслѣдованію.

Противъ этихъ возраженій слѣдуетъ сказать, что они прилагаются ко всѣмъ областямъ человѣческой дѣятельности, что однако не мѣшаетъ научному ихъ изслѣдованію. Гдѣ есть рядъ повторяющихся однородныхъ явленій, тамъ есть и предметъ для изученія, есть и законы, есть и наука. Конечно, эти законы инаго рода, нежели тѣ, которые изслѣдуются механикой и физикой. Мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ матеріальною природой, лишенной самоопредѣленія, а потому управляемой законами необходимости. Политика имѣетъ дѣло съ свободными человѣческими дѣйствіями; о чисто механической необходимости въ ней не можетъ быть рѣчи. Но мы видѣли, что самая человѣческая свобода подчиняется общимъ законамъ. Человѣкъ воленъ выбирать тотъ или другой способъ дѣйствія; но не всякое его дѣйствіе достигаетъ цѣли, а лишь то, которое согласно съ условіями окружающей среды, съ законами физической природы, съ отношеніями къ другимъ людямъ. Мы видѣли, что исторія человѣчества представляетъ закономѣрное движеніе, въ которомъ человѣческая свобода является не только важнѣйшимъ дѣятелемъ, но и сознательнымъ или безсознательнымъ орудіемъ тѣхъ высшихъ началъ, которыя лежатъ въ глубинѣ человѣческаго духа. Изслѣдованіе всѣхъ этихъ законовъ и отношеній составляетъ задачу науки, а вмѣстѣ руководящее начало практики. Оно не замѣняетъ практическаго смысла, который одинъ способенъ рѣшить, что именно нужно въ данное время и въ данномъ мѣстѣ; но оно даетъ ему высшее освѣщеніе и опору. И въ области физическихъ наукъ, механика не учитъ, какъ нужно построить новую машину: это—дѣло изобрѣтательности. Но она указываетъ тѣ общіе законы, съ которыми механикъ долженъ сообразоваться, для того чтобы его машина могла дѣйствовать.

Чрезвычайное разнообразіе условій, среди которыхъ совершается политическая дѣятельность, не мѣшаетъ основательному ея изученію. Только для ненаучнаго взгляда это разнообразіе представляется хаосомъ, въ которомъ нельзя разобраться. Задача науки состоитъ именно въ томъ, чтобы все это разнообразіе явленій распредѣлить на группы, изслѣдовать свойства каждой, сравнить ихъ одну съ другою, указать ихъ мѣсто и значеніе въ цѣломъ, опредѣлить взаимныя ихъ отношенія, наконецъ вывести законы общіе всѣмъ. Эту задачу наука можетъ исполнить съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Въ этой работѣ и самая практика найдетъ необходимыя ей точки опоры. Только всестороннее научное изслѣдованіе можетъ побѣдить ограниченность чисто практической точки зрѣнія, не знающей ничего, кромѣ мѣстнаго и временнаго, а потому преходящаго. Но побѣждая ее, наука отдаетъ ей должное. Истинно научное пониманіе явленій состоитъ не въ отрицательномъ къ нимъ отношеніи и не въ подведеніи ихъ къ отвлеченной теоретической мѣркѣ, а въ постиженіи положительнаго ихъ смысла и въ опредѣленіи ихъ значенія въ цѣломъ. Въ этомъ заключается истинное существо реализма и та великая заслуга, которая оказана имъ человѣческой мысли. Это — тотъ неоцѣненный вкладъ, который внесенъ имъ въ изслѣдованіе человѣческихъ отношеній. Въ политикѣ, имѣющей дѣло съ практическимъ приложеніемъ общихъ началъ, такой взглядъ въ особенности плодотворенъ. Политика, по существу своему, есть наука *относительнаго*. Она исходитъ отъ явленій, а явленія суть нѣчто разнообразное и измѣнчивое. Но для того, чтобы это относительное получило истинно-научное значеніе, оно должно быть изслѣдовано со всѣхъ сторонъ, во взаимной связи, черезъ что самое оно сводится къ общимъ началамъ, выражающимъ самую сущность государственной жизни. Это составляетъ высшую цѣль науки.

Въ такомъ всестороннемъ пониманіи находятъ свое мѣсто и всѣ тѣ разнообразныя теоріи, которыя раздѣляютъ умы. Каждая политическая теорія, имѣющая фактическое и научное значеніе, опирается на извѣстный рядъ явленій, дѣйствительно существующихъ въ мірѣ. Ограниченность ея состоитъ въ томъ, что она эти явленія принимаетъ за исключительно законныя. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы побѣдить эту односторонность, указавъ мѣсто теоріи въ общемъ движеніи мысли и ея соотвѣтствіе тѣмъ или другимъ элементамъ государственной жизни. Поэтому и къ различнымъ политическимъ теоріямъ высшее научное пониманіе относится не отрицательно, а положительно, стараясь выяснить существенное ихъ значеніе и ихъ мѣсто въ общей системѣ. Безусловно должны быть отвергнуты только тѣ теоріи, которыя, коренясь въ чистыхъ созданіяхъ воображенія, ни-

когда не могли осуществиться на практикѣ. Таковъ соціализмъ. Теоріи абсолютизма, также какъ и народовластія могутъ указать на соотвѣтствующія имъ жизненныя явленія: эти формы существовали и существуютъ въ дѣйствительномъ мірѣ. Но соціализмъ никогда не находилъ приложенія въ человѣческихъ обществахъ, потому что онъ, по природѣ своей, неосуществимъ. Соціалистическому устройству можно подчинить безправную толпу рабовъ; среди свободныхъ людей для него нѣтъ почвы. Можно, конечно, мечтать о томъ, что оно когда-нибудь осуществится въ будущемъ; фантазіямъ о будущемъ нельзя положить границъ. Но въ наукѣ для фантастическихъ представленій нѣтъ мѣста. Она судитъ о будущемъ, опираясь на прошедшее; она ищетъ въ немъ осуществленія тѣхъ цѣлей, которыя составляютъ содержаніе и плодъ не витающей въ облакахъ фантазіи, а всего историческаго движенія человѣческихъ обществъ. Ни въ теоріи, ни въ практикѣ соціализмъ не находитъ опоры. Но осуждая его, какъ бредъ воображенія, наука указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, его мѣсто и значеніе въ общемъ ходѣ человѣческой мысли. Соціализмъ есть продуктъ исключительнаго идеализма, доведеннаго до нелѣпой крайности, или до самоотрицанія. Когда же демагоги, для которыхъ наука остается закрытою книгой, пытаются эту крайность идеализма сочетать съ крайностями реализма и, опираясь на уродливое сочетаніе противоположныхъ нелѣпостей, разжигаютъ страсти невѣжественной толпы, то подобное явленіе не представляетъ ничего, кромѣ чистѣйшаго умственнаго безобразія, которымъ можно морочить людей, не умѣющихъ связывать понятія, но которое съ истинной наукой не имѣетъ ничего общаго.

Опираясь на явленія, политика естественно должна слѣдовать опытной методѣ, которая есть научный способъ изученія явленій. Однако это не та опытная метода, которою руководятся естественныя науки. Тутъ есть свои особенности, вытекающія изъ самаго свойства изучаемыхъ явленій. Непониманіе этихъ особенностей и пристекающее отсюда стремленіе приложить къ явленіямъ человѣческой жизни тѣ пріемы и взгляды, которые господствуютъ въ изученіи физическаго міра, ведутъ къ путаницѣ понятій, а нерѣдко и къ совершенно ложному освѣщенію предмета.

Главная цѣль опытной методы, установившейся въ естественныхъ наукахъ, заключается въ томъ, чтобы, путемъ точныхъ наблюденій и опытовъ, опредѣлить постоянную связь явленій и тѣмъ раскрыть управляющіе ими законы и недоступныя чувственному взору причины. Эти причины могутъ быть для насъ совершенно непонятны; но постоянная связь явленій указываетъ на ихъ существованіе и наука признаетъ ихъ, какъ факты. Такими причинами представляются намъ,

напримѣръ, притяженіе, свѣтъ, электричество. Тутъ есть дѣйствующія силы, которыхъ существо намъ неизвѣстно и которыя мы можемъ изслѣдовать только въ ихъ проявленіяхъ. Сколько-нибудь раціональный характеръ это изслѣдованіе пріобрѣтаетъ лишь тамъ, гдѣ есть возможность получить количественное измѣреніе. Приложеніе математики, въ особенности механики, связывая опытныя данныя раціональными началами, вноситъ въ изученіе физическаго міра новый элементъ, который даетъ самые плодотворные результаты.

Совершенно иное имѣетъ мѣсто при изученіи человѣческихъ дѣйствій. Тутъ математика, вообще говоря, неприложима, а потому этотъ способъ изслѣдованія явленій остается закрытымъ для науки. Но зато есть другой, несравненно болѣе важный, ибо онъ даетъ пониманіе не однихъ только количественныхъ опредѣленій, но и качественныхъ. Въ области человѣческихъ дѣйствій мы имѣемъ дѣло не съ скрытыми отъ насъ причинами явленій, которыя приходится угадывать и признавать, какъ факты, а съ причинами явными и совершенно понятными человѣческому разуму, ибо онѣ проистекаютъ изъ него самого. Дѣйствуя въ мірѣ, человѣкъ сознательно ставитъ себѣ цѣли и подыскиваетъ для нихъ средства. Онъ знаетъ, что́ онъ дѣлаетъ, и способенъ совершенно правильно оцѣнить результаты своей дѣятельности и сдѣланныя имъ ошибки. Изслѣдованіе такого рода дѣйствій составляетъ именно задачу политики, которая, вслѣдствіе этого, получаетъ совершенно раціональный характеръ. Въ дѣйствительности многія человѣческія побужденія остаюся для насъ скрытыми, въ особенности если явленія относятся ко временамъ отдаленнымъ. Но и о нихъ мы можемъ судить по аналогіи съ другими, намъ близкими. Притомъ политика не имѣетъ въ виду изслѣдовать, подобно исторіи, всю совокупность явленій человѣческой жизни. Она беретъ изъ нихъ то, что́ поддается раціональному объясненію, и старается построить изъ этого разумную систему.

Въ результатѣ получается нѣчто совершенно иное, нежели то, что имѣетъ мѣсто въ наукахъ, изслѣдующихъ явленія физическаго міра. Въ политикѣ господствующее начало есть отношеніе цѣли и средствъ, начало, которое совершенно устраняется изъ области наукъ естественныхъ. Въ этомъ отношеніи она скорѣе подходитъ къ характеру наукъ прикладныхъ, которыя, отправляясь отъ достовѣрно изслѣдованныхъ физическихъ законовъ, показываютъ, какимъ образомъ человѣкъ, пользуясь ими, можетъ достигать практическихъ цѣлей. Таковы практическая механика, технологія, сельское хозяйство. Но и отъ послѣдняго рода наукъ политика существенно отличается тѣмъ, что начала, которыя служатъ для нея точками исхода, не суть внѣш-

ніе и въ существѣ своемъ непонятные для насъ законы природы, а собственныя начала человѣческаго духа и вытекающія изъ нихъ разумныя требованія, которыя человѣкъ стремится осуществить во внѣшнемъ мірѣ. Человѣкъ въ своей дѣятельности не ограничивается удовлетвореніемъ матеріальныхъ потребностей; онъ ставитъ себѣ высшія задачи. Свобода, право, нравственность, религія, государственная жизнь въ ея высшемъ значеніи, заключающемъ въ себѣ историческое призваніе народа на землѣ, таковы метафизическія начала, лежащія въ глубинѣ человѣческаго духа и полагающія высшія цѣли практической дѣятельности людей. Человѣкъ, по природѣ своей, есть метафизическое существо, и таковымъ онъ является во всей своей жизни. Изученіе этого рода явленій, связанныхъ съ метафизическими началами, есть нѣчто совершенно иное, нежели фактическое изслѣдованіе законовъ природы. Тутъ, кромѣ опредѣленія явленій, требуется и ихъ пониманіе; кромѣ факта, нужна и оцѣнка. И эта оцѣнка должна производиться не на основаніи какихъ-либо смутныхъ вѣрованій и стремленій, а чисто раціональномъ путемъ, на основаніи ясно сознаваемыхъ началъ, которыя одни имѣютъ право гражданства въ наукѣ. Отсюда двоякое основаніе политики: фактическое и теоретическое.

Фактическимъ основаніемъ служитъ тотъ кругъ явленій, который представляетъ развитіе человѣческой дѣятельности во всей ея полнотѣ и въ послѣдовательномъ порядкѣ, именно, всемірная исторія. Здѣсь человѣкъ становится предметомъ изученія во всѣхъ сторонахъ своего естества, не только какъ физическое, но и какъ метафизическое существо. Здѣсь можно видѣть, къ чему онъ стремится и чего онъ достигаетъ. Здѣсь раскрываются и всѣ стороны государственной жизни, тѣ цѣли, которыя ставитъ себѣ государство, и тѣ средства, которыя оно употребляетъ, великія дѣянія и крупныя ошибки. Поэтому, для политики исторія составляетъ самое первое и необходимое основаніе. Давно извѣстно изреченіе, что исторія есть наставница жизни. Оно въ особенности приложимо къ политической области. Въ историческомъ развитіи народовъ политическая жизнь играетъ первенствующую роль. Вслѣдствіе этого, издревле разсказъ политическихъ событій составлялъ главное содержаніе исторической науки. Но давно также извѣстно, что этимъ разсказомъ не исчерпывается содержаніе исторіи, и что самая политическая жизнь не виситъ на воздухѣ, а имѣетъ свои корни и точки опоры въ состояніи общества. Еще въ XVIII-мъ вѣкѣ Вольтеръ писалъ *Опытъ о Нравахъ*, а Монтескьё свой *Духъ Законовъ*, гдѣ онъ указывалъ на необходимыя отношенія законодательства къ различнымъ сторонамъ общественной жизни. Это направленіе

получило дальнѣйшее развитіе въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, которое отличалось широтою историческаго пониманія. Въ это время начали основательно и успѣшно разработывать исторію учрежденій, исторію культуры, исторію мысли, наконецъ исторію матеріальнаго быта. Пытались даже всѣ эти различныя стороны жизни свести къ общимъ законамъ историческаго развитія. Новѣйшее время прибавило къ этому много цѣннаго матеріала, но нельзя сказать, чтобъ оно внесло въ него новые взгляды. Скорѣе можно думать, что при господствующемъ отрицаніи метафизики самое историческое пониманіе съузилось, а отчасти приняло даже ложное направленіе. Распространяющійся у насъ нынѣ экономическій матеріализмъ, который старается всѣ явленія исторіи свести къ какому-то стихійному и безсознательному развитію матеріальнаго быта народныхъ массъ, свидѣтельствуетъ объ изумительныхъ размѣрахъ современнаго скудоумія. Въ немъ обнаруживается полное невѣдѣніе фактовъ, въ связи съ совершеннымъ непониманіемъ всѣхъ высшихъ сторонъ человѣческой жизни. Онъ составляетъ достойное дополненіе къ современному соціализму.

Въ приложеніи къ политикѣ можно изучать исторію двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, можно брать отдѣльные случаи, разбирать въ нихъ цѣли и средства и показывать, отчего произошла удача или неудача. Въ такого рода политическомъ анализѣ историческихъ событій неподражаемымъ мастеромъ былъ Макіавелли. Это былъ чистый политикъ, для котораго не существовало ничего, кромѣ государственной цѣли и подходящихъ къ ней средствъ; всякія сторонніе побужденія, всякое вниманіе къ нравственнымъ требованіямъ были ему чужды. Со своимъ яснымъ и трезвымъ умомъ, изощреннымъ внимательнымъ изученіемъ древнихъ писателей и многолѣтнею государственною дѣятельностью въ средѣ, представлявшей самые живые интересы и самыя разнообразныя теченія жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ глубокій знатокъ человѣческихъ характеровъ и отношеній, онъ съ удивительною силой и мѣткостью умѣлъ изъ каждаго историческаго событія извлечь политическіе уроки, назидательные для своихъ согражданъ. Его сочиненія долго были настольною книгой европейскихъ правителей. Самъ Фридрихъ Великій, который въ своей молодости написалъ противъ него возраженіе подъ заглавіемъ: *Анти-Макіавелли*, на практикѣ былъ ревностнымъ послѣдователемъ его ученій. И понынѣ еще, при совершенно измѣнившихся условіяхъ жизни, несмотря на возрастающую силу нравственныхъ требованій, они сохраняютъ свое значеніе. Макіавелли могъ бы съ восторгомъ привѣтствовать политику, создавшую Германскую Имперію.

Однако, изъ такихъ отрывочныхъ примѣровъ науки создать нельзя. Въ настоящее время въ особенности выдвигаются такія политическія начала и требованія, которыя во времена Макіавелли не существовали. Онъ ничего не зналъ ни объ историческомъ развитіи, ни о началѣ народности, ни о конституціонной монархіи. Многообразная практика новыхъ европейскихъ народовъ дала для изслѣдованія государственной жизни такой матеріалъ, который ставитъ политическую мысль на совершенно новую почву. Теперь приходится уже не ограничиваться разборомъ частныхъ случаевъ, а возвыситься къ общимъ началамъ. Теперь для всѣхъ стала ясною зависимость политической жизни отъ состоянія общества, а потому требуется основательное изученіе не только различныхъ государственныхъ формъ и способовъ дѣйствія, но и всего многообразія общественныхъ элементовъ въ ихъ взаимной связи и въ ихъ преемственномъ развитіи. Только при такомъ условіи можно сдѣлать правильный политическій выводъ. Безъ сомнѣнія, такая задача несравненно шире и сложнѣе, нежели та, которую имѣлъ въ виду великій флорентійскій писатель; но она одна можетъ удовлетворить требованіямъ науки.

Затрудненія тутъ двоякаго рода: въ изслѣдованіи фактовъ и въ оцѣнкѣ явленій.

Когда имѣешь въ виду отдѣльныя дѣйствія единичныхъ людей, нетрудно бываетъ, по совершившемся событіи, опредѣлить причины удачи или неудачи. Но совершенно иначе представляется дѣло, когда вопросъ идетъ объ общихъ мѣрахъ и о вліяніи ихъ на состояніе общества и на послѣдующій ходъ событій. Общественная жизнь такъ сложна, въ ней совмѣстно дѣйствуютъ такія разнообразныя и переплетающіяся между собой причины, что опредѣлить дѣйствіе каждой иногда просто невозможно. Нерѣдко извѣстная мѣра сопровождается видимымъ успѣхомъ, но этотъ успѣхъ могъ зависѣть отъ совершенно посторонникъ причинъ, которыя противодѣйствовали вреднымъ послѣдствіямъ, проистекающимъ изъ принятой системы. Такъ напримѣръ, введеніе меркантильной или покровительственной системы можетъ сопровождаться подъемомъ промышленныхъ силъ; но этотъ подъемъ могъ быть просто плодомъ труда промышленнаго населенія и естественнаго роста его благосостоянія. Мы знаемъ, что сѣверо-американскія колоніи Англіи процвѣтали при колоніальной политикѣ, несмотря на крайне стѣснительныя постановленія послѣдней, имѣвшей въ виду выгоды метрополіи въ ущербъ колоній. Иногда кажется, что покровительство полезно, потому что промышленность развивается; но покровительственная система отмѣняется и промышленность развивается еще болѣе, какъ это было, напримѣръ, во Франціи во вре-

мена второй Имперіи. Вообще, нѣтъ болѣе обманчиваго пріема, какъ заключеніе о причинности изъ послѣдовательности, а какъ опредѣлить истинную причину среди множества переплетающихся условій? Въ естественныхъ наукахъ употребляется для этого особый пріемъ: дѣлаются опыты, въ которыхъ устраняются постороннія условія и такимъ образомъ опредѣляется дѣйствіе настоящей причины. Для политики такого рода опыты недоступны, ибо постороннихъ условій устранить нельзя; опыты производятся въ томъ же обществѣ, въ которомъ дѣйствуютъ самыя разнообразныя причины. Отсюда безконечные споры, напримѣръ о покровительственной системѣ, при чемъ обѣ стороны ссылаются на достовѣрные факты. При такихъ условіяхъ, политикѣ, какъ чисто теоретической наукѣ, имѣющей въ виду не абсолютное, а относительное, остается указать на возможныя послѣдствія той или другой мѣры, и на тѣ условія, которыя благопріятствуютъ или мѣшаютъ ея дѣйствію.

Тотъ же пріемъ слѣдуетъ употреблять и при оцѣнкѣ явленій. Хорошо оно или дурно, полезно или вредно? Тамъ гдѣ существуетъ абсолютное мѣрило дѣйствій, напримѣръ въ нравственной области, эти вопросы обыкновенно рѣшаются легко. Но въ области относительнаго, гдѣ дѣло идетъ объ отношеніи цѣли и средствъ, отвѣты могутъ быть весьма разнообразные и противорѣчащіе другъ другу. Каждая мѣра, каждое учрежденіе имѣетъ свои выгоды и недостатки. Которые изъ нихъ перевѣшиваютъ? Это зависитъ отъ условій, среди которыхъ они дѣйствуютъ, а эти условія безконечно разнообразны. Теоретически взвѣшивать то и другое, какъ пытался дѣлать Бентамъ, при отсутствіи твердаго мѣрила, есть работа совершенно безплодная, не заключающая въ себѣ никакой доказательности. То, что полезно въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, то въ другое время и въ другомъ мѣстѣ можетъ быть вредно. Учрежденія, благодѣтельныя въ младенческомъ состояніи общества, становятся въ высшей степени стѣснительными при дальнѣйшемъ его ростѣ. Теоретическое рѣшеніе тѣмъ менѣе здѣсь умѣстно, что къ объективнымъ послѣдствіямъ неизбѣжно примѣшивается субъективная оцѣнка. То, что приходится одному народу, что согласуется съ его понятіями, нравами и стремленіями, то можетъ вовсе не приходиться другому. Даже въ одно и тоже время и въ томъ же мѣстѣ учрежденія и мѣры, выгодныя для одной части населенія, могутъ быть вредны для другой. Какъ же установить тутъ общую оцѣнку? И здѣсь политическая наука должна ограничиться указаніемъ полезныхъ и вредныхъ послѣдствій тѣхъ или другихъ мѣръ и учрежденій, а равно и тѣхъ условій, которыя имъ благопріятствуютъ или противодѣйствуютъ. Отъ практическаго смы-

сла дѣйствующихъ лицъ зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшеніе вопроса.

Но оцѣнка можетъ касаться не однихъ практическихъ послѣдствій принимаемыхъ мѣръ или учрежденій, а самыхъ началъ, которыя вводятся въ жизнь. Мы видѣли, что эти начала имѣютъ не только практическое, но и философское значеніе. Они вытекаютъ изъ самой природы человѣческаго духа и составляютъ тѣ высшія цѣли, которыя государство призвано осуществить во внѣшнемъ мірѣ. Философское изслѣдованіе этихъ началъ не входитъ собственно въ задачи *политики*. Это дѣлается другими науками, которыя даютъ ей теоретическое основаніе. Но она обязана изслѣдовать дѣйствіе этихъ началъ на практикѣ, показать условія и способы ихъ осуществленія, выгодныя и невыгодныя послѣдствія, проистекающія изъ нихъ для общественной жизни. Это служитъ провѣркою самой теоретической оцѣнки, которая только черезъ это получаетъ истинное свое значеніе, ибо руководящія начала государственной жизни имѣютъ въ виду не теоретическую истину, а практическое благо; поэтому, только въ осуществленіи этого блага они находятъ истинное свое оправданіе. Въ этомъ отношеніи *политика*, завершая весь циклъ общественныхъ наукъ, даетъ имъ окончательное и высшее освященіе.

Изъ означенныхъ началъ есть два, которыя находятся въ ближайшей и постоянной связи съ политикой, переплетаясь съ нею во всѣхъ отрасляхъ государственной дѣятельности. Эти начала суть *право* и *нравственность*. Изложеніе науки требуетъ точнѣйшаго ихъ разграниченія и опредѣленія взаимныхъ ихъ отношеній.

ГЛАВА II.

Политика и право.

Право какъ мы знаемъ [1]), есть опредѣленіе свободы общимъ закономъ. Свобода, опредѣленная закономъ, есть право въ субъективномъ смыслѣ; законъ, опредѣляющій свободу, есть право въ объективномъ смыслѣ. Эти двѣ стороны права тѣсно связаны другъ съ другомъ: содержаніе юридическаго закона состоитъ въ опредѣленіи правъ и обязанностей лицъ, того, что они могутъ дѣлать, и того, что можно отъ нихъ требовать. Это опредѣленіе сопровождается *принужденіемъ*, ибо свобода, опредѣляемая юридическимъ закономъ, есть свобода *внѣшняя*, проявляющаяся во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и вслѣдствіе того приходящая въ столкновенія съ таковою же свободою

[1]) См. часть I: *Общее государственное право*, стр. 17 и слѣд.

другихъ. Нарушеніе чужой свободы есть насиліе, учиненное надъ другимъ, и отрицаніе этого насилія есть, въ свою очередь, насиліе; но такъ какъ послѣднее совершается во имя права, въ силу общаго закона, то это—насиліе правомѣрное. Частному лицу всякое насиліе воспрещается, иначе какъ въ случаѣ самозащиты, ибо никто не можетъ быть судьею собственнаго права; но такъ какъ право должно быть ограждено и законъ долженъ быть исполненъ, то правомѣрное принужденіе составляетъ не только право, но и обязанность власти, охраняющей законъ. Въ этомъ состоитъ *правосудіе*, то-есть, осуществленіе *правды*, воздающей каждому *свое* и составляющей источникъ всякаго права.

Таковы элементарныя начала права, существующія вездѣ, гдѣ есть свободныя лица, живущія подъ общимъ закономъ. Эти начала относятся къ юридическимъ лицамъ, такъ же, какъ и къ физическимъ. Юридическое лице именно потому и есть лице, что оно имѣетъ закономъ опредѣленныя права и обязанности. Только во имя этихъ закономъ опредѣленныхъ правъ оно можетъ чего-либо требовать отъ своихъ членовъ или отъ лицъ подчиненныхъ. Все, что выходитъ изъ этихъ предѣловъ, есть чистое насиліе, а потому должно быть отрицаемо во имя права. Это относится къ органамъ государства, такъ же, какъ и къ частнымъ лицамъ. Мы видѣли, что существенное отличіе публичнаго права отъ частнаго состоитъ въ томъ, что послѣднимъ опредѣляются отношенія отдѣльныхъ лицъ между собою, а первымъ отношенія союза, какъ единаго цѣлаго, къ входящимъ въ составъ его членамъ. Но требованія союза въ отношеніи къ членамъ еще болѣе зависятъ отъ юридическихъ нормъ, нежели отношенія физическихъ лицъ между собою. Физическое лице создается не закономъ, а самою природою; изъ природы человѣка, какъ разумнаго существа, вытекаютъ извѣстныя требованія, которыя онъ предъявляетъ къ другимъ. Всякое посягательство на его свободу и на то, что пріобрѣтено свободною его дѣятельностью, есть нарушеніе прирожденнаго его права. Юридическое лице, напротивъ, создается не природою, а закономъ. Прирожденныхъ правъ у него нѣтъ, а есть только установленыя закономъ права и обязанности. Поэтому, все, что оно можетъ требовать, оно требуетъ единственно во имя закона.

Къ числу юридическихъ лицъ принадлежитъ и государство, которое однако имѣетъ свои особенности, вытекающія изъ того, что оно есть союзъ верховный въ юридической области. Противъ верховной власти очевидно нѣтъ правомѣрнаго принужденія, ибо всякое правомѣрное принужденіе исходитъ отъ власти, охраняющей право, а выше верховной власти нѣтъ другой: иначе она не была бы верховною.

Съ другой стороны однако, лице или лица, облеченныя верховною властью, могутъ требовать себѣ повиновенія только во имя законнаго права. Весь организмъ государства, всѣ права и обязанности его органовъ, отъ высшихъ до низшихъ, опредѣляются правомъ, чѣмъ самымъ опредѣляется и обязанность повиновенія. Какія отсюда могутъ проистекать столкновенія, объ этомъ мы говорили уже въ *Общемъ Государственномъ Правѣ*; здѣсь мы должны съ иной точки зрѣнія вернуться къ этому вопросу.

Главныя затрудненія при обсужденіи этихъ столкновеній проистекаютъ изъ отношенія права къ другимъ началамъ государственной жизни. Право не есть единственный элементъ государства. Имъ опредѣляются строеніе политическаго организма, права и обязанности высшихъ и низшихъ властей, а также и подчиняющихся имъ гражданъ. Но, по существу своему, это начало чисто *формальное*: оно опредѣляетъ то, что каждый *можетъ* дѣлать или требовать; *содержаніе* же самой дѣятельности предоставляется усмотрѣнію. Здѣсь господствуетъ начало *цѣлесообразности*, которое есть руководящее начало *политики*. Государство установляется въ виду высшей *цѣли—общаго блага*, и къ этой цѣли должны быть направлены всѣ его дѣйствія. Самая юридическая его организація должна служить этой цѣли.

37102.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, дѣятельность государства опредѣляется правомъ и не должна выходить изъ установленныхъ закономъ предѣловъ, съ другой стороны самое это право является средствомъ для достиженія цѣли. Пока эти два начала дѣйствуютъ согласно, государственная жизнь находится въ нормальномъ положеніи; но что дѣлать, когда они приходятъ въ столкновеніе? Правомѣрное и цѣлесообразное далеко не всегда совпадаютъ. Правомъ установляется постоянный порядокъ жизни, равно обязательный для всѣхъ; польза, напротивъ, есть начало, по существу своему, измѣнчивое и разнообразное, примѣняющееся къ условіямъ мѣста и времени, не поддающимся общимъ правиламъ. Мало подвижный организмъ права съ трудомъ можетъ слѣдовать за вѣчнымъ движеніемъ жизни. Послѣдняя предъявляетъ свои требованія, которыя нерѣдко противорѣчатъ установленнымъ нормамъ. Отсюда стѣсненія, неудовольствія, иногда даже возмущенія противъ господствующаго закона и охраняющей его власти. Отсюда, съ другой стороны, стремленіе власти выдти изъ положенныхъ для нея предѣловъ, отрицать правомѣрное во имя того, что она считаетъ полезнымъ. Политика, имѣющая въ виду осуществленіе государственной цѣли, склонна признавать право лишь настолько, насколько оно можетъ служить для нея средствомъ.

Такое воззрѣніе не можетъ однако считаться правильнымъ. Это

явствуетъ уже изъ того, что право для государства есть не только средство, но и цѣль. Охраненіе права составляетъ одну изъ первыхъ и самыхъ существенныхъ его обязанностей. Государство установляется прежде всего для устраненія внутренней анархіи, неизбѣжно водворяющейся тамъ, гдѣ нѣтъ единой, господствующей надъ всѣми власти; анархія же состоитъ въ томъ, что одинъ безнаказанно посягаетъ на права другихъ. Установить въ обществѣ правомѣрный порядокъ и охранять права гражданъ отъ нарушенія, такова первая задача общественной власти. И чѣмъ выше стоитъ государство, тѣмъ глубже и полнѣе оно понимаетъ эту задачу. Высшая цѣль внутренней политики въ истинномъ ея значеніи состоитъ въ большемъ и большемъ водвореніи правды въ общественныхъ отношеніяхъ, соображаясь съ условіями жизни и съ обстоятельствами, но постоянно имѣя въ виду идеальное начало. Это требованіе относится не только къ отношеніямъ гражданъ между собою, но и къ отношеніямъ органовъ власти къ гражданамъ. Если между правами лица и требованіями государства происходитъ столкновеніе, то первое очевидно должно уступить, ибо частное подчиняется общему; но лице, котораго права нарушаются, должно получить справедливое вознагражденіе или удовлетвореніе. Таково неизмѣнное требованіе права. Отсюда вознагражденіе за имущества, отчуждаемыя для общественной пользы. Отсюда возможность иска противъ органовъ власти, виновныхъ въ нарушеніи права.

Такое отношеніе существенно важно не только для отдѣльныхъ лицъ, которыхъ права нарушаются, но и для самого государства. Уваженіе къ закону составляетъ одну изъ самыхъ крѣпкихъ опоръ государственнаго порядка, а уваженіе къ закону неразрывно связано съ охраненіемъ права. Ниже мы подробнѣе разсмотримъ этотъ вопросъ; здѣсь достаточно будетъ сказать, что твердое охраненіе права составляетъ одну изъ первыхъ задачъ здравой политики во всякомъ благоустроенномъ государствѣ.

Нѣтъ сомнѣнія однако, что есть чрезвычайныя обстоятельства, когда здравая политика требуетъ уклоненія отъ законнаго порядка. Когда въ государствѣ происходятъ внутреннія смуты или ему грозитъ внѣшняя опасность, гарантіи личнаго права, установленныя для мирнаго времени, могутъ служить помѣхой успѣшному дѣйствію правительства. Тутъ требуются сосредоточеніе власти и быстрота дѣйствій, несовмѣстныя съ медленными формами и задержками правосудія. Мы знаемъ уже, что для такого рода обстоятельствъ властямъ даются чрезвычайныя полномочія, которыя, будучи предвидѣны и установлены закономъ, согласуютъ требованія права съ задачами политики. Опас-

ность заключается лишь въ распространеніи чрезвычайныхъ мѣръ и на мирное время, то-есть, въ превращеніи ненормальнаго порядка въ нормальный, чѣмъ самымъ подрывается уваженіе къ праву и закону. И къ этому мы подробнѣе вернемся впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ, принципіальнаго противорѣчія между правомъ и политикой нѣтъ, пока власть дѣйствуетъ въ предѣлахъ законныхъ своихъ полномочій.

Иначе ставится вопросъ, когда право является спорнымъ. Тутъ политика должна рѣшить, слѣдуетъ ли на немъ настаивать или нѣтъ. Такъ какъ пользованіе правомъ есть дѣло усмотрѣнія, то этотъ вопросъ имѣетъ характеръ чисто политическій. Становиться на строго юридическую точку зрѣнія при обсужденіи государственныхъ вопросовъ служитъ признакомъ недостатка политическаго смысла. Юридическія тонкости всего менѣе пригодны для ихъ рѣшенія. Настаивать на правѣ, когда приложеніе его вредно, можетъ вести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Этимъ путемъ возбуждались междоусобныя войны и расторгались государства. Таковъ, напримѣръ, былъ результатъ обложенія податями сѣвероамериканскихъ колоній англійскимъ парламентомъ въ половинѣ XVIII вѣка. Въ то время многіе англійскіе государственные люди, въ томъ числѣ лордъ Чатамъ, утверждали, что быть обложеннымъ податями не иначе, какъ съ согласія своихъ представителей, есть прирожденное право каждаго Англичанина, а потому и колонистовъ. Правительственная партія, напротивъ, стояла на томъ, что метрополіи принадлежитъ право облагать колоніи. Сопротивленіе въ Америкѣ было такъ сильно, что англійское правительство принуждено было отмѣнить бо́льшую часть предложенныхъ имъ и установленныхъ парламентомъ налоговъ. Оставлена была лишь ничтожная пошлина на чай, не изъ какой-либо выгоды, а единственно для утвержденія права. Именно это и повело къ разрыву и къ отпаденію колоній.

Еще хуже, когда юридическія зацѣпки служатъ только предлогомъ для достиженія политическихъ цѣлей. Это случается въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ правительство, во имя государственной пользы, выступаетъ изъ предѣловъ своего права, ссылаясь иногда на явно лживое толкованіе основныхъ законовъ. Тутъ водворяется уже полная шаткость всѣхъ общественныхъ отношеній, неувѣренность въ почвѣ, на которой стоитъ общество, недовѣріе, а нерѣдко и ненависть къ правительству, неуваженіе къ закону, сбивчивость всѣхъ нравственныхъ и гражданскихъ понятій. Та цѣль, которая можетъ быть этимъ достигнута, рѣдко искупаетъ проистекающее отсюда зло. Яркимъ примѣромъ такого конфликта, гдѣ съ особенною силой выражались противоположныя точки зрѣнія, можетъ служить конститу-

ціонный споръ въ Пруссіи передъ войной 1866 года. Весь вопросъ заключался въ томъ, что при реорганизаціи арміи правительство хотѣло установить трехлѣтній срокъ службы, а палата соглашалась только на два года. И для проведенія своихъ видовъ прусское правительство, въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, управляло безъ бюджета, превратно толкуя конституцію и ссылаясь на то, что въ соображеніяхъ государственной пользы оно не можетъ поступить иначе. Самые суды, раболѣпствуя передъ властью, постановляли позорныя для ихъ чести рѣшенія. Результатомъ было всеобщее озлобленіе не только общественнаго мнѣнія въ Пруссіи, но и во всей Германіи. Выдти изъ этого положенія можно было лишь путемъ междоусобной войны, къ чему и вела вся эта политика. Блистательныя побѣды прусскихъ войскъ положили конецъ столкновенію; упоеніе успѣха заставило забыть раздоры. Но нельзя сказать, чтобы этимъ оправдывалось прежнее поведеніе правительства. Относительно управленія безъ бюджета оно уступило, испросивъ у палаты послѣдующаго узаконенія своихъ дѣйствій и обѣщая, что впредь этого не будетъ. Самый двухлѣтній срокъ службы впослѣдствіи былъ признанъ достаточнымъ, а потому невозможно утверждать, что именно этому прусскія войска обязаны своими побѣдами. Къ чему же было вызывать всю эту злобу? Если имѣлось въ виду объединеніе Германіи, составлявшее пламенное желаніе всѣхъ патріотовъ, то, очевидно, полезнѣе было имѣть общественное мнѣніе за себя, а не противъ. А между тѣмъ, торжество грубой силы оставило по себѣ весьма печальные плоды, и политическіе и нравственные. Оно повело къ господству милитаризма и къ чрезмѣрному напряженію всѣхъ военныхъ и финансовыхъ силъ государства. Оно же побудило князя Бисмарка, вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ образованнымъ классамъ, искать опоры въ массахъ и ввести всеобщее право голоса, чѣмъ самымъ открыто было широкое поприще развитію соціалъ-демократіи. Въ нравственномъ же отношеніи, оно повело къ тому, что поклоненіе силѣ сдѣлалось господствующимъ явленіемъ въ Германіи, и понятіе о правѣ замѣнилось понятіемъ интереса. Современные нѣмецкіе историки, повѣствующіе объ этихъ событіяхъ, возведшихъ ихъ отечество на высшую степень могущества и славы, стараются обходить молчаніемъ всѣ эти темныя стороны дѣла; но безпристрастный наблюдатель, взвѣшивающій выгоды и невыгоды, проистекающія отъ презрѣнія къ праву, не можетъ не обратить на нихъ самаго серіознаго вниманія.

Лицемѣрный обходъ права, при столкновеніи властей, тѣмъ болѣе можетъ расчитывать на успѣхъ, что надъ враждующими сторонами нѣтъ высшаго судьи, который бы могъ рѣшить спорный вопросъ.

Когда обѣ партіи стоятъ на своемъ и не хотятъ уступить, все окончательно сводится къ превосходству силы. Поэтому подобныя столкновенія нерѣдко разрѣшаются ниспроверженіемъ существующаго порядка. Это дѣлается двоякимъ путемъ: государственнымъ переворотомъ сверху (coup d'état) и революціей снизу.

Государственный переворотъ происходитъ, когда ограниченная власть, устраняя другія, ее сдерживающія, захватываетъ совокупную верховную власть въ свои руки и установляетъ новый порядокъ по своему изволенію. Таковы были перевороты, совершенные Наполеономъ I-мъ 18 Брюмера 1789 годъ, и Наполеономъ III-мъ 2-го Декабря 1851 года.

При обсужденіи этихъ событій юридическая точка зрѣнія и политическая часто расходятся. Юридически такого рода перевороты никогда не могутъ быть оправданы. Нарушеніе права остается нарушеніемъ права, хотя бы оно впослѣдствіи было узаконено во имя государственной пользы. Съ политической же точки зрѣнія, которая здѣсь является преобладающею, надобно въ каждомъ данномъ случаѣ разсмотрѣть пользу и вредъ, проистекающіе отъ насильственнаго ниспроверженія установленнаго порядка и замѣны его другимъ. Нерѣдко такого рода перевороты вызываются неспособностью слабыхъ или враждующихъ между собою властей управлять государствомъ и вытекающею отсюда потребностью болѣе сосредоточенной организаціи. Таково именно было положеніе дѣлъ во Франціи во времена Директоріи, и нельзя не признать, что переворотъ, совершенный Наполеономъ I-мъ, имѣлъ для страны самыя благодѣтельныя послѣдствія. Онъ устранилъ разслабляющіе раздоры партій и отдалъ власть въ руки геніальнаго человѣка, который водворилъ внутренній миръ и порядокъ, устроилъ новый гражданскій бытъ и администрацію на прочныхъ началахъ и временно возвелъ Францію на неслыханную степень могущества и славы. Также оправдывается политическій переворотъ, совершенный шведскимъ королемъ Густавомъ III-мъ въ 1772 году. Внутреннія распри партій, состоявшихъ на откупу у иностранныхъ державъ, вели къ полному разслабленію государства. Могучіе сосѣди старались поддерживать это анархическое состояніе; въ усиленіи монархическаго начала они видѣли вредъ для своихъ интересовъ. Переворотъ, произведенный Густавомъ, упрочилъ внутренній порядокъ и возвысилъ внѣшнее значеніе Швеціи. Поэтому онъ и не встрѣтилъ сопротивленія. Но далеко не всегда такого рода насильственныя перемѣны вызываются настоятельными потребностями и оправдываются послѣдствіями. На счетъ переворота 2-го Декабря, совершеннаго Наполеономъ III-мъ, этого нельзя сказать. Конечно, онъ былъ напередъ указанъ всенароднымъ

выборомъ кандидата на императорскій престолъ въ президенты республики, и послѣдующее голосованіе, что о немъ ни говори, было выраженіемъ общаго мнѣнія, узаконившаго переворотъ. Но въ глазахъ безпристрастнаго наблюдателя положеніе страны было вовсе не таково, чтобъ оно требовало чрезвычайныхъ и насильственныхъ мѣръ. Если президентъ имѣлъ за себя общественное мнѣніе, то тѣмъ легче для него было дѣйствовать законнымъ путемъ и стараться измѣнить конституцію не актомъ насилія, а опираясь на народное право, которое въ выборномъ собраніи находило полное свое выраженіе. Узаконеніе переворота послѣдующимъ голосованіемъ было болѣе или менѣе вынуждено тѣмъ, что не оставалось другой альтернативы. Отвергнуть предложеніе значило идти на встрѣчу полной неизвѣстности. Послѣдствія же замѣны весьма умѣреннаго республиканскаго правленія императорскимъ единовластіемъ состояло въ томъ, что государство отдано было на жертву мечтамъ и интригамъ коронованнаго искателя приключеній. Лучшіе государственные люди были устранены, свобода подавлена. Это и привело Францію къ неслыханному униженію. Ей пришлось дорого поплатиться за отреченіе отъ либеральныхъ началъ, изъ страха предъ безумствами соціализма.

Такимъ образомъ, обсуждая государственные перевороты съ точки зрѣнія политической, можно въ разныхъ случаяхъ придти къ разнымъ заключеніямъ. Даже на счетъ одного и того же событія мнѣнія могутъ далеко расходиться. Польза есть начало относительное, подлежащее разнообразнымъ толкованіямъ. Во всякомъ случаѣ, нарушеніе права и ниспроверженіе законнаго порядка составляютъ великое зло; только чрезвычайно вѣскія соображенія могутъ его уравновѣсить. Задача безпристрастной науки состоитъ въ томъ, чтобы положить на вѣсы, съ одной стороны, выгодныя, а съ другой стороны вредныя послѣдствія совершеннаго переворота, и стараться вывести отсюда общее заключеніе. Но оно можетъ касаться лишь отдѣльныхъ случаевъ. Никакихъ общихъ выводовъ тутъ нельзя сдѣлать, ибо обстоятельства могутъ быть чрезвычайно разнообразны, и успѣхъ окончательно зависитъ отъ свойствъ дѣйствующаго лица. Поэтому чисто теоретическія соображенія тутъ неумѣстны.

На такую же относительную точку зрѣнія слѣдуетъ становиться и при обсужденіи революцій. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ, однако, найти и юридическое оправданіе. Когда ограниченная законами власть выступаетъ изъ своихъ предѣловъ и нарушаетъ права народа, тогда возстаніе совершается во имя права, и вина въ немъ лежитъ на преступившей свои обязанности власти. Таковы были обѣ англійскія революціи и такова же была французская революція 1830 года. Но

иначе ставится вопросъ, когда происходитъ возстаніе противъ власти, дѣйствующей въ предѣлахъ своихъ полномочій. Примѣрами такихъ переворотовъ могутъ служить Февральская революція во Франціи и Бразильская революція, замѣнившая конституціонную монархію республикой. Съ юридической точки зрѣнія, такого рода возмущенія столь же мало могутъ быть оправданы, какъ и перевороты сверху. Ссылка на начало народовластія не имѣетъ силы, ибо верховенство народа, какъ источникъ государственной власти, признается только въ демократіяхъ. Не идеальное, а положительное право составляетъ законъ, обязательный для гражданъ. Все, что можно сказать въ извиненіе, это то, что когда одностороннія теоретическія начала распространены въ обществѣ, они рано или поздно находятъ себѣ практическій исходъ. Но предупредить это могутъ не полицейскія мѣры, а лишь здравая наука.

Она же можетъ служить руководствомъ и при обсужденіи политической стороны революцій. Люди, принадлежащіе къ противоположнымъ партіямъ, смотрятъ на нихъ каждый съ своей исключительной точки зрѣнія. Задача политической науки состоитъ въ томъ, чтобы стать выше этихъ односторонностей, взвѣсить доводы тѣхъ и другихъ, сообразить выгоды и невыгоды переворота и стараться вывести общее заключеніе, имѣя въ виду разнообразіе поводовъ, условій и обстоятельствъ. Безусловное осужденіе революцій столь же мало согласно съ правильнымъ пониманіемъ исторіи и политики, какъ и безусловное ихъ оправданіе. Были революціи, которымъ самыя самодержавныя правительства Европы оказывали сочувствіе. Таково было возстаніе Грековъ противъ многовѣковаго владычества Турокъ. Очевидно, что есть крайняя степень притѣсненій, гдѣ возстаніе оправдывается нуждой. Но указать здѣсь какой-либо предѣлъ нѣтъ возможности, вслѣдствіе разнообразія обстоятельствъ, а потому остается широкое мѣсто для самыхъ разнорѣчащихъ взглядовъ. И тутъ, какъ и во всѣхъ политическихъ сужденіяхъ, точка зрѣнія можетъ быть только относительная, а не абсолютная. Вѣрнѣе всѣхъ подойдетъ къ истинѣ тотъ, кто въ состояніи понять различныя точки зрѣнія и взвѣсить безпристрастно силу и значеніе каждой. Въ этомъ и состоитъ высшая цѣль науки. Мы еще вернемся къ этому ниже. Здѣсь нужно было только установить общія начала.

Наконецъ, всего менѣе чисто юридическая точка зрѣнія приложима къ международной политикѣ. И въ этой области невозможно отрицать существованія настоящихъ юридическихъ нормъ, какъ это иногда дѣлается при поверхностномъ взглядѣ. Международныя обязательства связываютъ волю договаривающихся сторонъ и нарушеніе

ихъ составляетъ законный поводъ къ войнѣ; иначе они не имѣли бы смысла. Но такъ какъ здѣсь каждое государство остается судьею своего права и всегда можетъ объявить о прекращеніи принятыхъ на себя обязательствъ, а для другой стороны пользованіе своимъ правомъ всегда зависитъ отъ усмотрѣнія, то политическая точка зрѣнія является здѣсь преобладающею. Въ международныхъ отношеніяхъ интересъ господствуетъ надъ правомъ. Поэтому нигдѣ нѣтъ такихъ вопіющихъ правонарушеній, какъ именно въ этой области. Притѣсненіе слабыхъ, распоряженіе народами, какъ стадами, попираніе самыхъ священныхъ правъ и самыхъ явныхъ обязательствъ, лживые предлоги, соединенные съ явнымъ насиліемъ, составляютъ явленія самыя обыкновенныя, и съ чисто политической точки зрѣнія они нерѣдко оправдываются успѣхомъ. Выставляется даже, какъ общее правило, что государственный человѣкъ долженъ имѣть въ виду исключительно интересы своего народа. Вся его мудрость должна заключаться въ томъ, чтобы проводить ихъ, соображаясь съ обстоятельствами и пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ для увеличенія силъ государства. Передъ этимъ основнымъ требованіемъ всякія юридическія соображенія теряютъ свою силу.

Кромѣ права и политики, есть, однако, третье начало, которое призвано быть надъ ними высшимъ судьею. Это начало есть нравственность. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса объ отношеніи политики къ нравственности.

ГЛАВА III.

Политика и нравственность.

Въ отличіе отъ права, нравственность не имѣетъ принудительнаго характера. Источникъ ея лежитъ во внутренней свободѣ человѣка. Нравственно то, что совершается по собственному внутреннему побужденію, а не изъ страха внѣшняго наказанія. Никого нельзя заставить любить ближняго, совершать подвиги самоотверженія, а въ этомъ и состоитъ существо нравственныхъ требованій. Только добровольная жертва имѣетъ нравственную цѣну. Рѣшающимъ началомъ является здѣсь голосъ совѣсти, признающей надъ собою высшій законъ и свободно его исполняющей. Въ этой области принужденіе есть отрицаніе самаго источника нравственныхъ дѣйствій, слѣдовательно отрицаніе самой нравственности. Принужденіе къ нравственности есть безнравственность. Какъ свободное существо, человѣкъ воленъ исполнять писанный въ сердцахъ законъ или отъ него уклоняться; за это онъ отвѣтствуетъ не передъ человѣкомъ, а только

передъ Богомъ, непогрѣшимымъ судьей всякаго нравственнаго поступка и всякаго рѣшенія совѣсти. Человѣческій же судъ наступаетъ только тамъ, гдѣ есть посягательство на чужое право. Тутъ начинается область принужденія.

Отсюда ясно, что государство, какъ принудительный союзъ, не должно вторгаться въ область чисто нравственныхъ отношеній. Оно не призвано водворять нравственный порядокъ на землѣ; это дѣло свободнаго союза—церкви, которая является посредницею между человѣкомъ и Богомъ. Если же государство, съ своею принудительною властью, приходитъ на помощь церкви, или если оно, по собственному почину, хочетъ карательными мѣрами водворить господство нравственнаго закона, оно становится притѣснителемъ совѣсти; стараясь утвердить нравственность, оно само подаетъ величайшій примѣръ безнравственности. Отсюда коренное внутреннее противорѣчіе всей теократической системы среднихъ вѣковъ, когда церковь и государство соединялись для притѣсненія совѣсти совокупными силами, системы, нашедшей высшее свое выраженіе въ католическомъ мірѣ. Отсюда несостоятельность всѣхъ притязаній новѣйшаго клерикализма, взывающаго къ государству для поддержанія религіи и нравственности. Если церковь свободною проповѣдью не можетъ дѣйствовать на сердца, то государство карательными мѣрами можетъ только усилить зло, порождая лицемѣріе, возмущая совѣсть и низводя религію на степень орудія политическихъ цѣлей.

Но если государство не призвано водворять нравственный порядокъ въ обществѣ, то въ собственной, принадлежащей ему области оно можетъ поступать нравственно или безнравственно и этимъ содѣйствовать или противодѣйствовать установленію нравственнаго порядка. Оно можетъ ставить себѣ нравственныя или безнравственныя цѣли; оно можетъ употреблять нравственныя или безнравственныя средства.

Цѣль государства, общее благо, по существу своему есть цѣль нравственная, ибо нравственное требованіе состоитъ именно въ дѣятельности на пользу другихъ, слѣдовательно и на общую пользу. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что призваніе государства состоитъ въ установленіи нравственнаго порядка въ обществѣ. Подчиняя частныя цѣли общественной, оно тѣмъ самымъ устанавляетъ порядокъ, требуемый нравственнымъ закономъ. Черезъ это нравственное начало становится существеннымъ элементомъ самой государственной дѣятельности. Но начало общаго блага можетъ быть понято односторонне или даже превратно, и тогда оно теряетъ свой нравственный характеръ. Если оно понимается исключительно какъ практическій инте-

ресъ извѣстной группы людей,—а таковымъ является большею частью то, что называется государственною пользой,—оно можетъ быть притѣснительнымъ для другихъ, а это противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ. Чингисъ-Ханъ и Тамерланъ дѣйствовали для блага своей орды, но нельзя считать ихъ благодѣтелями человѣчества. Къ той же категоріи принадлежитъ и всякое насильственное порабощеніе. Польза побѣдителей есть несчастіе для побѣжденныхъ. Нерѣдко и самое благо подданныхъ понимается превратно. Всѣ гоненія на совѣсть, всѣ произвольныя стѣсненія человѣческой свободы происходятъ во имя общаго блага. Solitudinem faciunt, pacem appellant [1]). И, что всего хуже, подъ этою личиною часто скрываются личныя цѣли правителей: властолюбіе, гордость, тщеславіе, алчность, всѣ человѣческіе пороки, которые проявляются тѣмъ съ большею силой, чѣмъ менѣе они встрѣчаютъ препятствій. Исторія наполнена примѣрами правителей, которые пользовались властью отнюдь не для общаго блага, а для удовлетворенія собственныхъ прихотей, и тѣмъ подвергали управляемые или народы величайшимъ бѣдствіямъ. Достаточно вспомнить Римскую Имперію.

Съ другой стороны, цѣлью можетъ быть дѣйствительно общее благо, но средства для достиженія ея могутъ быть выбраны такія, которыя осуждаются нравственностью. И въ этомъ отношеніи исторія наполнена примѣрами безнравственныхъ поступковъ, совершаемыхъ во имя государственнаго интереса. Хитрость, двоедушіе, обманъ, насиліе, подкупъ, презрѣніе къ правамъ и интересамъ слабыхъ, таковы весьма обыкновенныя орудія политики, какъ она представляется намъ на страницахъ исторіи. Это до такой степени вошло въ общее сознаніе, что коварство и политика сдѣлались синонимами. „Князь Меттернихъ становится настоящимъ государственнымъ человѣкомъ“, говорилъ Наполеонъ I: „онъ лжетъ очень хорошо“.

Чистые политики возводятъ это даже въ теорію. Для достиженія извѣстной цѣли, говорилъ Макіавелли, надобно избирать тѣ средства, которыя къ ней ведутъ. Въ государствѣ мы имѣемъ дѣло съ людьми; поэтому надобно брать ихъ такъ, какъ они есть, и дѣйствовать сообразно съ дѣйствительными, а не съ воображаемыми ихъ свойствами. Вообще, люди, по природѣ своей, злы и склонны предаваться своимъ дурнымъ наклонностямъ, какъ скоро представляется тому удобный случай. Всякій правитель долженъ отправляться отъ мысли, что родъ людской неблагодаренъ, непостояненъ, лицемѣренъ, трусливъ при опасности и жаденъ на прибыль. Кто будетъ полагаться на добрыя

---

[1]) Создаютъ пустыню и называютъ это миромъ.

качества людей, тотъ всегда будетъ обманутъ. Съ одними нравственными средствами ничего нельзя достигнуть. Дѣйствуя въ реальномъ мірѣ, государственный человѣкъ долженъ пользоваться тѣми средствами, которыя представляетъ ему практика.

Здѣсь во всей рѣзкости высказывается различіе между политикой и нравственностью. Политика имѣетъ въ виду единственно практическую цѣль и практическія средства; нравственныя побужденія для нея дѣло постороннее. Она пользуется ими, когда они ведутъ къ цѣли, и пренебрегаетъ ими, когда они ей противорѣчатъ. Противъ такого взгляда нельзя возразить, что зло, рано или поздно, влечетъ за собою свое возмездіе. Изученіе исторіи убѣждаетъ насъ, напротивъ, что успѣхъ не только временный, но и прочный, чаще всего достается людямъ, которые менѣе всего разборчивы въ выборѣ средствъ. Конечно, есть случаи, когда лицемѣрная или двоедушная политика подвергается заслуженной карѣ. Коварные поступки Наполеона въ вопросѣ объ испанскомъ престолонаслѣдіи были одною изъ главныхъ причинъ его паденія. Но такое возмездіе составляетъ, можно сказать, исключеніе. Вообще, создатели государствъ и тѣ правители, которые всего болѣе содѣйствовали ихъ возвышенію, рѣдко отличались высокими нравственными свойствами. Ѳемистоклъ былъ спасителемъ Греціи при вторженіи Ксеркса; онъ создалъ величіе Аѳинъ; но нравственными качествами отличался не онъ, а соперникъ его, Аристидъ. Лукавый Лизандръ былъ основателемъ могущества Спарты. Не идеальныя стремленія Демосѳена, а коварная политика Филиппа явилась побѣдительницею въ борьбѣ Аѳинъ съ Македонскою монархіей. И въ новое время, создатели великихъ монархій, Филиппъ Красивый, Людовикъ XI, Фердинандъ Католикъ, Генрихъ VII и Генрихъ VIII въ Англіи, у насъ Иванъ Грозный, и въ своихъ свойствахъ и въ своихъ поступкахъ, всего менѣе подходили подъ нравственное мѣрило.

Въ болѣе близкое къ намъ время назидательный примѣръ представляетъ Фридрихъ Великій. Онъ былъ основателемъ величія Пруссіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и современнаго могущества Германской Имперіи; его прославляли и прославляютъ на всѣ лады, и безспорно, какъ политикъ, онъ стоитъ въ первыхъ рядахъ; а между тѣмъ трудно найти правителя, который бы менѣе стѣснялся нравственными соображеніями. Смолоду онъ привыкъ лицемѣрить изъ страха передъ суровымъ отцомъ, а въ школѣ французскихъ философовъ онъ научился прикрывать свои замыслы высокопарными фразами, сквозь которыя прорывался иногда весь цинизмъ его натуры. Еще девятнадцатилѣтнимъ юношей онъ составлялъ планы, какъ бы обобрать сосѣдей, чтобъ округлить слишкомъ растянутыя владѣнія, что не мѣшало ему

становиться въ нравственныя позы и написать сочиненіе въ опроверженіе Макіавелли. Какъ же скоро онъ вступилъ на престолъ, первымъ его шагомъ былъ захватъ Силезіи, среди полнаго мира, безъ малѣйшаго повода и права, единственно потому, что наслѣдница австрійскаго престола находилась въ затруднительномъ положеніи и онъ надѣялся поживиться на ея счетъ. Откопанныя въ архивной пыли, сто лѣтъ дремавшія спорныя притязанія могли служить достаточнымъ предлогомъ, но онъ самъ признавался, что главное дѣло состояло въ томъ, что были полныя кассы, готовое войско и желаніе составить себѣ имя. Вся послѣдовавшая затѣмъ война была рядомъ измѣнъ съ его стороны. Онъ началъ съ того, что соединился съ исконнымъ врагомъ Германіи, Франціей, которой войска заняли даже Прагу; затѣмъ, бросивъ союзника, онъ заключилъ отдѣльный миръ съ Австріей; когда же Австрія стала получать перевѣсъ, онъ снова соединился съ Французами. Интригами и побѣдами ему удалось удержать свои захваты. Ободренный успѣхомъ, онъ опять среди полнаго мира внезапно вторгся въ Саксонію и взялъ въ плѣнъ саксонское войско, даже безъ объявленія войны, подъ предлогомъ, что противъ него замышляется коалиція. Когда же, вслѣдствіе этого разбойническаго нападенія, противъ него дѣйствительно составилась коалиція и онъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе, отъ котораго избавила его только смерть императрицы Елисаветы, онъ въ лицемѣрномъ негодованіи писалъ своей сестрѣ: „видано ли когда-нибудь, чтобы три могучихъ князя соединились для того, чтобъ уничтожись четвертаго, который не причинилъ имъ никакого зла?... Если бы въ гражданскомъ обществѣ три человѣка затѣяли ограбить честнаго сосѣда, ихъ бы колесовали по приказанію суда. Какъ! правители, которые въ своихъ государствахъ должны охранять правосудіе, подаютъ своимъ подданнымъ такой ужасный примѣръ? Какъ! тѣ, которые должны быть законодателями, учатъ преступленію своимъ примѣромъ? О времена! о нравы! По истинѣ, лучше жить между тиграми, леопардами и рысями, нежели въ столѣтіи, которое считается просвѣщеннымъ, между убійцами, разбойниками и клятвопреступниками, управляющими этимъ бѣднымъ міромъ“ [1]). Эти напыщенныя восклицанія не помѣшали однако великому королю, какъ скоро представился удобный случай, предложить своимъ двумъ могучимъ сосѣдямъ подѣлить беззащитную Польшу. Уроки Семилѣтней войны показали Фридриху, что разбойническія нападенія могутъ быть не совсѣмъ безопасны; но прикарманить сосѣднюю область, не тратя гроша и не жертвуя ни однимъ

[1]) Oncken: das Zeitalter Friedrichs des Grossen II, стр. 169.

солдатомъ, это была, какъ говорятъ современные его нѣмецкіе панегирики, „мастерская штука первой величины“ (ein Meisterstück ersten Ranges). Не въ первый разъ уже со стороны Пруссіи шли такого рода предложенія. Еще Петру Великому былъ сообщенъ подобный планъ. Но онъ отвѣчалъ, что идти на такое дѣло было бы противно Богу, совѣсти и вѣрности, и заявилъ, что будетъ помогать Польшѣ противъ всякаго, кто посягнетъ на ея территорію [1]). Екатерина держалась иной политики: подобно Фридриху, она не стѣснялась нравственными предразсудками, и успѣхъ былъ полный. Въ ея извиненіе можно однако сказать, что присоединенныя къ Россіи области нѣкогда принадлежали русскимъ князьямъ и были заселены русскимъ племенемъ. Съ своей стороны, Марія-Терезія была противъ воли вовлечена въ раздѣлъ. Ей была поставлена дилемма: или принять участіе въ дѣлежѣ или воевать съ двумя могучими сосѣдями, которые во всякомъ случаѣ хотѣли усилиться на счетъ Польши, что поставило бы Австрію въ весьма невыгодное положеніе. Фридрихъ же не имѣлъ ни одного изъ этихъ извиненій; ему просто нужно было округлить свои владѣнія, и онъ находилъ удобнымъ обирать беззащитныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ выказалъ себя великимъ политикомъ; но когда, не довольствуясь славою полководца и государственнаго человѣка, Нѣмцы хотятъ сдѣлать изъ него нравственнаго героя, то это не можетъ не поразить нѣкоторымъ изумленіемъ всякаго, у кого патріотизмъ не затемняетъ нравственнаго смысла.

И въ наши дни нравственныя требованія столь же мало, какъ и прежде, принимаются въ расчетъ практическими политиками, достигающими великихъ результатовъ. Совершившееся на нашихъ глазахъ созданіе Германской Имперіи показываетъ, что доселѣ преданія великаго короля, сохраняющіяся, какъ святыня, среди прусскихъ государственныхъ людей, служатъ руководящими началами ихъ дѣятельности. Увѣнчавшаяся неслыханнымъ успѣхомъ политика князя Бисмарка, безспорно, можетъ служить образцомъ политической дальновидности и умѣнія, но она можетъ служить и образцомъ самаго беззастѣнчиваго коварства. Лицемѣрный походъ въ защиту правъ Шлезвигъ-Гольштейна съ цѣлью конфисковать въ свою пользу эти самыя права; увлеченіе за собою обманутой Австріи подъ предлогомъ уваженія къ трактатамъ, въ разрѣзъ съ правами Германскаго Союза, которому въ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ дѣлѣ принадлежалъ рѣшающій голосъ; столь же обманное, совмѣстно съ Австріей, предложеніе

---

[1]) Соловьевъ: „Исторія Россіи“, XVII, стр. 373.

на Лондонской конференціи принца Аугустенбургскаго, какъ претендента, имѣющаго за себя весь Германскій Союзъ и все мѣстное населеніе, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ послѣ, какъ скоро оказалось, что Европа не вступится, раскрыть свои карты передъ одураченной союзницей и отвергнуть предложеннаго претендента, какъ не имѣющаго никакихъ правъ; заключеніе, черезъ посредство Франціи, союза съ Италіей, съ цѣлью возбужденія междоусобной войны; внезапное предложеніе перестроить Германскій Союзъ на основаніи всеобщей подачи голосовъ, идущее отъ правительства, которое постоянно воевало съ своимъ парламентомъ, управляло безъ бюджета и насмѣхалось надъ общественнымъ мнѣніемъ, и затѣмъ объявленіе войны прежнимъ союзникамъ, которые не хотѣли въ 48 часовъ согласиться на такую неслыханную перемѣну, и отобраніе у нихъ владѣній за то, что они смѣли защищаться; послѣдовавшія затѣмъ нескончаемыя интриги и козни съ цѣлью вызвать войну съ Франціей; превращеніе мирной телеграммы въ воинственный вызовъ; все это представляетъ такую глубину лицемѣрія и лукавства, передъ которою практическій политикъ останавливается съ благоговѣніемъ, но которая нравственному суду представляется въ совершенно иномъ видѣ. Когда современные нѣмецкіе историки осуждаютъ побѣжденныхъ нѣмецкихъ князей за то, что они обратились къ Франціи за посредничествомъ, утверждая, что „обращеніе къ иностраннымъ державамъ по внутреннимъ нѣмецкимъ дѣламъ противорѣчитъ нашимъ понятіямъ о нравственности и чести“ [1]), и рядомъ съ этимъ находятъ совершенно естественнымъ и законнымъ заключеніе съ иностранцами союзовъ для возбужденія междоусобной войны, то нельзя не сказать, что въ самыхъ лучшихъ умахъ Германіи упоеніе побѣды заглушило всякое чувство справедливости и затмило понятія о различіи между добромъ и зломъ.

Государственный человѣкъ можетъ, конечно, извиняться тѣмъ, что стремленіе къ государственной пользѣ составляетъ для него обязанность, а средства приходится употреблять тѣ, которыя возможны при данныхъ условіяхъ. Частныя цѣли не имѣютъ въ себѣ ничего обязательнаго; человѣкъ долженъ отъ нихъ отказаться, если онѣ не могутъ быть достигнуты честнымъ способомъ. Однако и въ этой сферѣ есть случаи, когда умолкаетъ самое правосудіе. Если человѣкъ присвоиваетъ себѣ чужое, чтобы дать пищу голодающимъ дѣтямъ, рука судьи не поднимется для кары. Еще болѣе это прилагается къ отношеніямъ государственнымъ. Когда дѣло идетъ о защитѣ или объ

---

[1]) Sybel: die Begründung des Deutschen Reichs, V, стр. 383.

интересахъ отечества, приходится иногда, волею или неволею, прибѣгать къ лицемѣрію и обману. Исторія не осуждаетъ Ѳемистокла за то, что онъ, желая заставить Грековъ сражаться въ узкомъ Саламинскомъ проливѣ, послалъ сказать Ксерксу, что они хотятъ ускользнуть и тѣмъ побудилъ его запереть выходъ. Столь же мало возможно осудить его за то, что при построеніи стѣнъ, соединявшихъ Аѳины съ Пиреемъ, онъ самъ отправился посломъ въ Спарту и безстыдно завѣрялъ Спартанцевъ, что ничего подобнаго не дѣлается, побуждая ихъ послать лучшихъ своихъ гражданъ, чтобъ удостовѣриться въ правдѣ его словъ, а когда тѣ были посланы въ Аѳины и тамъ задержаны до окончанія постройки, онъ наконецъ откровенно признался, что все это было имъ сочинено единственно для отвода глазъ.

Но если въ политикѣ для достиженія цѣли приходится иногда прибѣгать къ несогласнымъ со строгою нравственностью средствамъ, то далеко не всякое дѣйствіе можетъ быть этимъ оправдано. Прежде всего, надобно, чтобы самая цѣль была нравственная. Не всякій государственный или народный интересъ имѣетъ нравственное право на существованіе. Народу можетъ быть выгодно притѣснять другихъ, но передъ нравственнымъ судомъ интересы притѣснителей стоятъ на одной доскѣ съ интересами воровъ и разбойниковъ. Фридриху Великому, какъ представителю Прусскаго государства, было чрезвычайно выгодно присвоить себѣ польскія области, не пожертвовавъ ни однимъ солдатомъ и не истративъ ни одного талера; но это не помѣшало одному изъ величайшихъ государственныхъ людей Пруссіи, отличавшемуся столько же возвышеннымъ нравственнымъ строемъ, сколько практическими способностями, назвать этотъ поступокъ „отвратительнымъ политическимъ преступленіемъ“ (ein abscheuliches politisches Verbrechen) [1]). Политическая точка зрѣнія и нравственная тутъ вполнѣ расходятся.

Затѣмъ, даже если цѣль сама по себѣ законна и возвышенна, надобно спросить: дѣйствительно ли нужны были тѣ безнравственныя средства, которыя были употреблены для ея осуществленія? Съ точки зрѣнія практической политики это вопросъ совершенно праздный. Совершившіеся факты надобно принимать, какъ они есть; толковать о разныхъ возможностяхъ значитъ пускаться въ лишенное всякой почвы и ни къ чему не ведущее резонерство. Но съ нравственной точки зрѣнія этого вопроса нельзя обойти. Когда мы говоримъ, напримѣръ, о созданіи Германской Имперіи, слѣдуетъ спросить: нужно ли было для достиженія этой цѣли попирать ногами права Шлезвигъ-Гольштейна,

[1]) Pertz, VI, стр. 1147.

которыя Пруссія шла защищать, и во имя грубой силы включить эту область въ составъ Прусскаго государства? Если единство Германіи было общимъ, пламеннымъ желаніемъ народа, то не слѣдовало ли опираться на силу общественнаго мнѣнія, вмѣсто того, чтобъ оказывать ему полнѣйшее презрѣніе и соединяться съ иностранцами для возбужденія междоусобной войны? Не только съ нравственной, но и съ патріотической точки зрѣнія, на междоусобную войну можно рѣшиться только въ крайнемъ случаѣ, когда всѣ другія средства исчерпаны, а не готовить ее исподволь, путемъ нескончаемыхъ интригъ и обмановъ, возбуждая противъ себя общее недовѣріе согражданъ и соединяясь съ внѣшними врагами противъ своихъ соотечественниковъ и союзниковъ [1]). Государственный человѣкъ можетъ для достиженія своей цѣли выбирать тѣ средства, которыя онъ считаетъ наиболѣе цѣлесообразными или выгодными; успѣхъ можетъ блистательно увѣнчать его планы; но отъ нравственнаго суда онъ все-таки не уйдетъ. Нравственность не есть начало относительное, какъ политика: это— абсолютный законъ, обязательный для совѣсти всегда и вездѣ. Человѣкъ не можетъ отъ него отказаться, не отрекаясь отъ высшаго своего достоинства, какъ разумно-нравственнаго существа. Сознаніе этого закона можетъ быть мало развито; оно можетъ болѣе или менѣе затмѣваться; но это не мѣшаетъ ему быть безусловнымъ мѣриломъ человѣческихъ дѣйствій, и по этой мѣркѣ возвышенные умы современности и безпристрастное потомство цѣнятъ поступки государственныхъ людей. Въ этой оцѣнкѣ политическое сужденіе и нравственное далеко не всегда совпадаютъ. Политика оправдываетъ успѣхъ; она стоитъ на сторонѣ побѣдителей; нравственный же судъ историка чаще склоняется на сторону побѣжденныхъ. Это было превосходно выражено Грановскимъ въ публичной лекціи о Людовикѣ IX-мъ: „Разсматривая съ вершины настоящаго погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи“, говорилъ онъ, „нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни, въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но нерѣдко отказываетъ

[1]) Зибель этимъ восторгается: „Wie lange hatte er gekämpft und gerungen, um den nach seiner Ueberzeugung unvermeidlichen Krieg im rechten, im letzten Augenblick zum Ausbruch zu bringen“. Die Begr. des Deutschen Reichs, V, 248. Бисмаркъ откровенно говорилъ, что для войны всегда найдется предлогъ, нужно только выбрать удобную минуту.

имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былаго. Зато за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Большее право на личное сочувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники". Не Филиппъ Македонскій, а Демосеенъ, не Цезарь, а Катонъ, не Робеспьеръ и Маратъ, а Людовикъ XVI, привлекаютъ къ себѣ сочувствіе историка, одареннаго живымъ нравственнымъ смысломъ.

Отъ нравственнаго сужденія не можетъ отказаться и теоретическій политикъ. Въ государственной жизни проявляются всѣ разнообразныя стороны человѣческаго естества, переплетаясь между собою такъ, что часто нѣтъ возможности ихъ раздѣлить. Откинуть высшую изъ этихъ сторонъ, ограничить политику одними низменными побужденіями обиходной практики, корыстнымъ стремленіемъ къ власти и матеріальнымъ благамъ, значило бы лишить государство всякаго нравственнаго значенія и низвести самую науку на степень простаго практическаго орудія, отнявъ у нея всякое отношеніе къ идеалу. Этого не должно быть. Государство, призванное осуществлять идею общаго блага, по самой своей природѣ заключаетъ въ себѣ нравственное начало; наука же есть исканіе истины, а высшая человѣческая истина заключается въ идеальныхъ требованіяхъ. Поэтому, какова бы ни была практика, что бы ни говорила намъ исторія, чѣмъ бы ни обусловливался политическій успѣхъ, государственная наука въ ея полнотѣ не можетъ не ставить идеальною цѣлью политической жизни осуществленіе нравственной цѣли нравственными средствами. Чисто практическая политика, хотя бы она пропровѣдывалась такимъ геніальнымъ писателемъ, какъ Макіавелли, есть всегда признакъ низкаго нравственнаго чувства и ограниченнаго пониманія. Она имѣетъ въ виду только настоящее и прошлое; будущее для нея закрыто, а въ будущемъ лежитъ вся надежда человѣка, какъ практическаго дѣятеля на землѣ.

Но еслибы нравственныя требованія въ политикѣ ограничивались надеждою на осуществленіе идеала въ безконечно отдаленномъ будущемъ, то это было бы довольно безплодное начало. Къ чему мечтать о несуществующихъ на землѣ нравственныхъ совершенствахъ, когда дѣйствительность представляетъ совсѣмъ иную картину, когда въ ней нравственное существо обречено на погибель, а безнравственность торжествуетъ на всѣхъ поприщахъ? Люди живутъ не мечтою, а дѣйствительностью. Самая наука, если она ограничивается мечтаніями, осуждена витать въ облакахъ; реальная наука должна изучать настоящія условія жизни и показать тѣ средства, которыя при суще-

ствующихъ данныхъ ведутъ къ предположенной цѣли. Иначе она остается химерою. Самая надежда на будущее должна исчезнуть, если она не имѣетъ корня въ настоящемъ и прошломъ. И логика и теорія показываютъ, что осуществимо только то, что постепенно развивается въ преемственномъ процессѣ человѣческой жизни, что подготовляется настоящимъ и прошлымъ и является какъ созрѣвшій плодъ многовѣковой дѣятельности человѣчества. Поэтому, если нравственному идеалу суждено когда-либо, хотя бы и въ малой мѣрѣ, осуществиться въ политической жизни, то мы должны показать, что нравственное начало дѣйствительно пріобрѣтаетъ бо́льшую и бо́льшую силу въ государственной жизни.

Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Изученіе исторіи въ постепенномъ ея ходѣ убѣждаетъ насъ, что нравственное начало болѣе и болѣе становится политическою силой у новыхъ народовъ и черезъ это самое пріобрѣтаетъ значеніе въ практической политикѣ.

Древніе знали только гражданскія добродѣтели. Любовь къ отечеству была для нихъ высшимъ началомъ жизни; для него они готовы были жертвовать всѣмъ. Однако и въ то время уже признавались неписанные законы, запечатлѣнные въ сердцахъ людей и освѣщенные религіей. Вѣрность данному слову, святость договоровъ считались правиломъ и въ государственной жизни. Требованіямъ политики противополагалась справедливость. Рядомъ съ острымъ политическимъ умомъ Ѳемистокла возвышался чистый образъ Аристида. Есть разсказъ, или легенда, что однажды Ѳемистоклъ сказалъ своимъ согражданамъ, что онъ хочетъ сдѣлать имъ предложеніе, но не можетъ высказать его явно, а проситъ, чтобы выбрали довѣренное лице, съ которымъ бы онъ могъ переговорить. Избранъ былъ Аристидъ. Ѳемистоклъ шепнулъ ему, что въ настоящее время союзныя греческія войска собраны всѣ вмѣстѣ, не ожидая никакой опасности. Можно напасть на нихъ врасплохъ, всѣхъ ихъ истребить, и тогда Аѳины сдѣлаются самымъ могущественнымъ государствомъ въ Греціи. Аристидъ объявилъ народу, что предложеніе Ѳемистокла весьма полезно для государства, но въ высшей степени безнравственно, и Аѳиняне, не спрашивая даже въ чемъ дѣло, единогласно его отвергли. Такъ издревле отличались нравственность и польза.

Но гражданскія добродѣтели античнаго міра пали съ разложеніемъ древней жизни, или, лучше сказать, съ разложеніемъ древней нравственности разлагалась и древняя жизнь. Съ одной стороны, любовь къ отечеству уступила мѣсто личному своекорыстію, а съ другой стороны, гражданская нравственность расширилась въ общечеловѣческое начало. Послѣднее однако было достояніемъ немногихъ избран-

ныхъ умовъ, усвоившихъ себѣ догматы спиритуалистической философіи. Стоики были главными представителями нравственныхъ началъ въ разрушающемся мірѣ. Ихъ ученіемъ вдохновлялся добродѣтельный Маркъ-Аврелій. Но это было не болѣе какъ случайностью. Единичныя добродѣтели не въ состояніи были поднять общій уровень массы. Въ общественной жизни паденіе религіи и нравственности выражалось все въ болѣе и болѣе безобразныхъ явленіяхъ. Въ политикѣ царилъ самый необузданный произволъ. Взаимное истребленіе партій въ греческихъ республикахъ, проскрипціи Суллы и тріумвировъ, жестокости первыхъ римскихъ императоровъ представляютъ картины ужаса и разврата, которыя превосходятъ все, что можно найти въ позднѣйшей исторіи.

Христіанство обновило погибающее человѣчество; оно вывело его изъ той бездны нравственнаго зла, въ которое оно было погружено. Передъ глазами людей поставленъ былъ самый высокій нравственный идеалъ, какой когда-либо представлялся человѣку. И съ этой нравственной высоты возвѣщалась религія любви, доступная самымъ простымъ сердцамъ, связывающая людей между собою и съ Богомъ. Это имѣло громадное вліяніе и на политическую область. Рядомъ съ государствомъ сталъ другой, независимый отъ него союзъ, основанный на нравственно-религіозномъ началѣ. Давая высшее освященіе государственной власти, признавая ее установленною самимъ Богомъ для охраненія правосудія на землѣ, церковь, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдерживала ее божественнымъ закономъ и внушала ей возложенныя на нее нравственныя обязанности, за которыя она должна отвѣчать передъ вѣчнымъ Судьею. Святители церкви явились обличителями политической неправды. Въ католическомъ мірѣ, въ особенности, церковная власть вознеслась высоко надъ свѣтскими правительствами. Она присвоила себѣ высшій нравственный судъ надъ земными владыками; она карала ихъ во имя божественнаго закона, свергала ихъ съ престола, разрѣшала подданныхъ отъ повиновенія. Сильная своимъ нравственнымъ авторитетомъ, она стремилась внести миръ и порядокъ въ буйный хаосъ средневѣковыхъ элементовъ.

Это высокое положеніе церкви имѣло однако и свою оборотную сторону. Мы видѣли, что оно вело къ искаженію самаго нравственнаго начала. Смѣшеніе его съ правомъ дѣлало его принудительнымъ, а черезъ это притѣснительнымъ для совѣсти. Посягательство на независимость свѣтской власти, противорѣчащее ея призванію и ея положенію, неизбѣжно вызывало противодѣйствіе, а это вело къ ослабленію самаго нравственнаго авторитета церкви. Сопротивленіе церковнымъ притязаніямъ оправдывалось тѣмъ болѣе, что самое пониманіе

нравственно-религіознаго начала было узкое и исключительное. Религія всеобщей любви заключалась въ тѣсныя рамки вѣроисповѣданія, въ которомъ первенствующимъ элементомъ было властолюбіе первосвященника. Все, что не хотѣло безусловно подчиняться этой власти и признаннымъ ею догматамъ, отлучалось отъ церкви, отсѣкалось, какъ ересь, и эти отщепенцы не только лишались общенія съ другими, но преслѣдовались огнемъ и мечемъ. Папы взывали къ помощи свѣтской власти, и потоки крови лились для охраненія церковнаго единства. Крестовые походы противъ Альбигойцевъ и костры инквизиціи могутъ, по своей безпощадной свирѣпости, соперничать съ проскрипціями Суллы и казнями римскихъ императоровъ. Передъ нравственнымъ судомъ потомства они находятъ тѣмъ меньшее извиненіе, что всѣ эти злодѣянія совершались подъ лицемѣрною личиною христіанской любви.

Результатомъ этого извращенія нравственныхъ началъ было паденіе средневѣковаго порядка. На мѣсто его воздвиглось новое государство. Но и оно, на первыхъ порахъ, далеко не отличалось высотою своего нравственнаго сознанія. Возникши изъ хаоса средневѣковыхъ силъ, которыя оно должно было обуздывать всѣми мѣрами, отвергнувъ, съ другой стороны, всѣ притязанія церкви, оно не хотѣло знать ничего, кромѣ государственнаго интереса, которому оно жертвовало всѣмъ. Чтобы побороть анархическія стихіи, оно пользовалось тѣми средствами, которыя были въ ходу въ обществѣ, привыкшемъ къ безграничному произволу необузданныхъ страстей. Всякія нравственныя сдержки были откинуты въ сторону. Для утвержденія силы и единства власти прибѣгали поперемѣнно къ насилію и коварству, смотря по тому, что представлялось болѣе выгоднымъ. Во имя государственной пользы совершались всякія злодѣянія. Макіавелли жилъ среди этого общества, и его ученіе было вѣрнымъ его отраженіемъ.

Средневѣковое владычество церкви не прошло однако даромъ. Провозглашенныя ею нравственныя требованія сдѣлались достояніемъ общественнаго сознанія. Покоряя сердца, христіанство собственною внутреннею силой содѣйствовало ихъ смягченію. Противники католической церкви, вооружаясь противъ ея притязаній, сами ссылались на христіанское ученіе, противопоставляя принудительному закону коренящіяся въ немъ требованія любви, смиренія и свободнаго отношенія души къ Богу. Эти стремленія перешли и въ свѣтскую литературу, которая, со всѣмъ жаромъ вновь пробудившагося философскаго сознанія, проповѣдывала истекающія изъ разума начала свободы и права, терпимости и любви къ людямъ. Просвѣтительная философія XVIII-го вѣка, несмотря на одностороннее свое направле-

ніе а, можетъ быть, благодаря самой этой односторонности, болѣе всего содѣйствовала водворенію гуманныхъ началъ въ человѣческихъ отношеніяхъ. Признавая отдѣльное лице основаніемъ и концомъ всего общественнаго быта, она требовала огражденія его отъ произвола, отвергая, какъ незаконное, всякое посягательство на самостоятельное его развитіе. Цѣлью государства ставилось уже не развитіе силы, а внутреннее благоденствіе, которое немыслимо безъ огражденія права. Подъ вліяніемъ этихъ идей, во многихъ европейскихъ государствахъ совершались преобразованія, проникнутыя стремленіемъ ко благу человѣчества. Еще болѣе широкое приложеніе они нашли по ту сторону океана. Молодая республика Соединенныхъ Штатовъ показала и то высокое значеніе, которое имѣетъ нравственная доблесть въ государственной жизни. Въ противоположность создателямъ великихъ монархій, возвышенный и чистый образъ Вашингтона всего болѣе содѣйствовалъ привлеченію общаго сочувствія къ юному народу и упроченію республиканскихъ учрежденій. Но въ старой Европѣ политика кабинетовъ, облеченная непроницаемою тайной, шла своимъ чередомъ. Фридрихъ II и Екатерина любезничали съ философами, а на практикѣ совершались дѣла, которыя не имѣли ничего общаго съ философскими началами. Беззащитные дѣлались жертвою могучихъ сосѣдей. Государственныя средства и даже многія тысячи живыхъ душъ раздавались любовницамъ и фаворитамъ. Въ нравственномъ отношеніи, политическая практика XVIII-го вѣка немного ушла впередъ противъ прежняго времени. Нужна была буря, вызванная Французскою Революціей, чтобъ очистить воздухъ и ввести въ жизнь новые политическіе нравы. Самое водвореніе новыхъ началъ сопровождалось кровавымъ терроромъ внутри и политикой насилія въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ. Идилліи, которыя рисовались въ воображеніи террористовъ, представляли ужасающее противорѣчіе съ ихъ политическою практикой.

Наполеонъ явился наслѣдникомъ Революціи. Внутри онъ утвердилъ прочный миръ и порядокъ на основаніи гражданской свободы и равенства всѣхъ передъ закономъ; въ этомъ состоитъ его вѣчная заслуга передъ Франціей и человѣчествомъ. Но политика внѣшнихъ насилій продолжалась; въ проведеніи своихъ цѣлей онъ не зналъ никакихъ нравственныхъ сдержекъ. Это былъ чистый политикъ, презиравшій идеологію и ставившій себѣ исключительно практическія задачи. Нѣкоторымъ извиненіемъ могло служить ему то, что онъ считалъ себя и дѣйствительно былъ представителемъ новаго порядка вещей, призваннымъ разрушить гнилые остатки средневѣковаго строя. Въ исполненіи этого призванія онъ не стѣснялся ни упроченными вѣками правами правителей, ни самобытностью народовъ. На этотъ

разъ однако презрѣніе къ нравственнымъ требованіямъ понесло заслуженную кару. Противъ него соединились и правители и народы; геніальный полководецъ палъ подъ ударами всеобщаго европейскаго союза. Но торжествующіе правители скоро забыли провозглашенныя ими начала и данныя народамъ обѣщанія. На Вѣнскомъ Конгрессѣ народы дѣлились, какъ стада, по числу душъ. Тайная политика кабинетовъ возродилась въ полной силѣ; свобода подавлялась всѣми средствами. Однако не надолго; система, руководителемъ которой былъ князь Меттернихъ, въ свою очередь потерпѣла крушеніе. Либеральныя начала, посѣянныя Французскою Революціей, окончательно восторжествовали и завоевали всю Западную Европу. Самая Россія водворила у себя гражданскій порядокъ, основанный на свободѣ. Таковъ былъ результатъ движеній XIX-го вѣка.

Нельзя не признать, что установившіяся въ Европѣ начала свободы во многомъ содѣйствовали развитію нравственныхъ требованій въ политической области. Въ настоящее время много утратила своей силы тайная политика кабинетовъ, приготовлявшая во тьмѣ всякаго рода крайолы и ставившая ни во что права народовъ. Наполеонъ III провозгласилъ начало народностей и освободилъ Италію. Князь Бисмаркъ, который оказывалъ такое полное презрѣніе къ либеральному общественному мнѣнію въ Германіи, усвоилъ себѣ его цѣли и окончательно принужденъ былъ на него опереться, чтобы создать Имперію. Въ настоящее время немыслимо то беззастѣнчивое владычество любовницъ и фаворитовъ, которое въ XVIII-мъ вѣкѣ составляло самое обыкновенное явленіе. Нравственное сознаніе общества окрѣпло и стало могучею сдержкой личныхъ страстей и стремленій. Гласность выводитъ наружу всякія козни и обличаетъ совершаемыя во тьмѣ дѣянія. Голосъ нравственнаго чувства можетъ свободно возвышаться и осуждать самыхъ могучихъ правителей, когда они уклоняются отъ прямаго пути. Личная свобода человѣка ограждена отъ прежняго возмутительнаго произвола; гражданинъ можетъ гордо поднимать свою голову и смѣло высказывать свое мнѣніе, не опасаясь незаслуженной кары. На свободу народовъ не такъ легко уже посягать, какъ въ прежнія времена; она завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе твердую почву.

Однако эта свобода имѣетъ и свою оборотную сторону, которой нельзя отрицать. Веденіе политическихъ выборовъ влечетъ за собою такую массу интригъ, подкуповъ, лжи, клеветы, что при безпристрастной оцѣнкѣ невозможно предаваться слишкомъ оптимистическимъ взглядамъ на счетъ успѣховъ политической нравственности въ современныхъ обществахъ. Политика дворовъ безспорно стала чище, но

политика обработки народной толпы сдѣлалась гораздо грязнѣе. И чѣмъ глубже выборы проникаютъ въ массы, тѣмъ зло становится больше. Демократія, представляющая владычество большинства, не знающаго сдержекъ, есть, безспорно, одинъ изъ наименѣе совершенныхъ образовъ правленія. Ничто такъ не исказило парламентскихъ учрежденій, какъ появленіе ея на политическомъ поприщѣ въ новѣйшее время. Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ эта форма давно утвердилась, преданія Вашингтона замѣнились совершенно иными понятіями и нравами. Тамъ политическіе выборы сложились въ прочно организованную систему, гдѣ личный интересъ совершенно безстрѣнчиво выступаетъ на первый планъ. Зло какъ будто перемѣстилось, а не уменьшилось. Проникая въ массы, оно разрослось и въ глубь и въ ширь.

Однако, самое это перемѣщеніе несетъ съ собою возможность исправленія. Если въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ зло скрывалось въ тайнѣ и укоренилось многовѣковымъ опытомъ и успѣхомъ, оказывается значительное улучшеніе, то тѣмъ болѣе можно его ожидать въ области недавно открытой для политической жизни. И здѣсь, сравнительно съ прошлымъ, успѣхи общественной нравственности въ странахъ, гдѣ сохранились старыя сдержки, не подлежатъ сомнѣнію. Въ Англіи въ настоящее время нѣтъ ничего похожаго на ту безстыдную торговлю парламентскими голосами, которая была обычнымъ явленіемъ въ XVIII вѣкѣ. Политическая атмосфера значительно очистилась подъ вліяніемъ развивающагося общественнаго мнѣнія. Если въ чисто демократическихъ странахъ мы видимъ иное, то это доказываетъ только старую истину, что люди, не знающіе сдержекъ, легко переступаютъ черезъ всякія нравственныя преграды. Надобно отказаться отъ иллюзіи, что демократія въ состояніи установить порядокъ, удовлетворяющій нравственнымъ требованіямъ человѣка. Но и тутъ окончательно все зависитъ отъ роста общественнаго сознанія, которое во всякомъ образованномъ обществѣ является, прямо или косвенно, руководителемъ политической жизни и которымъ въ особенности установляются общественные нравы.

Въ этомъ отношеніи важное значеніе можетъ имѣть политическая наука. Конечно, она не призвана быть нравственною проповѣдницей, да и самая эта роль довольно безплодна. Но изслѣдуя политическія отношенія, какъ они проявляются въ дѣйствительности, она обязана указать все то неизмѣримое зло, которое проистекаетъ изъ безнравственнаго отношенія къ общественному дѣлу. Государственную силу можно, конечно, создать безнравственными средствами; но прочной гражданственности на этомъ основать нельзя. Наука должна выяс-

нить, что государственная сила сама по себѣ не есть цѣль, а лишь средство для упроченія внутренняго благосостоянія и разумной гражданственности, которой успѣхи измѣряются развитіемъ нравственныхъ требованій. Изслѣдуя политическія формы въ ихъ приложеніи къ жизни, она раскрываетъ ихъ выгоды и недостатки, а равно и тѣ лѣкарства, которыя могутъ быть употреблены противъ проистекающихъ изъ нихъ золъ. Она указываетъ и необходимыя условія свободы, тѣ высокія нравственныя требованія, то постоянство усилій и ту преданность общественному дѣлу, которыя поддержаніе ея возлагаетъ на гражданъ. Въ особенности она обязана показать, что принимаемое за свободу своеволіе есть гораздо худшее зло, нежели притѣсненія и произволъ, и что владычество ничѣмъ не сдержанной толпы несравненно менѣе сносно, нежели деспотизмъ единаго лица. Наконецъ, обнимая государственную жизнь во всей ея полнотѣ, она должна напирать на высшія, идеальныя ея стороны. Она должна ввести въ общественное сознаніе, что чисто практическія цѣли и низменная точка зрѣнія національнаго интереса не исчерпываютъ ея содержанія, и что только тотъ народъ занимаетъ высокое мѣсто среди другихъ, который не имѣетъ въ виду исключительно свои практическія выгоды, а служитъ высшимъ идеямъ, развивающимся въ исторіи человѣчества.

Такова высокая задача политической науки, понимаемой въ томъ широкомъ объемѣ, который дается самымъ предметомъ. Съ изслѣдованіемъ реальныхъ отношеній должно соединяться указаніе высшихъ, идеальныхъ сторонъ государственной жизни. Это одно можетъ дать ей значеніе истинной науки, а вмѣстѣ утвердить ея вліяніе на умы современниковъ.

ГЛАВА IV.

Раздѣленіе политики.

Политика, вообще, раздѣляется на внутреннюю и внѣшнюю. Послѣдняя однако выходитъ изъ предѣловъ настоящаго курса. Изложеніе ея предполагаетъ международное право, также какъ изложеніе внутренней политики предполагаетъ ученіе объ обществѣ. Ограничиваясь послѣднею, мы будемъ касаться внѣшней политики лишь настолько, насколько она отзывается на внутреннихъ отношеніяхъ или можетъ служить примѣромъ для выясненія тѣхъ или другихъ политическихъ началъ.

Что касается до внутренней политики, то первый вопросъ, который намъ предстоитъ разсмотрѣть, есть самое *созданіе государства*, или собираніе тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Затѣмъ

слѣдуетъ *политика государственнаго устройства*, заключающая въ себѣ изслѣдованіе различныхъ образовъ правленія, ихъ выгодъ и недостатковъ, а равно и тѣхъ средствъ, которыми они держатся. И тутъ мы должны будемъ сдѣлать нѣкоторое ограниченіе. Мы видѣли, что политическія формы могутъ быть раздѣлены на собственно государственныя и негосударственныя. Такъ какъ политика есть наука теоретическая, которая имѣетъ въ виду изложеніе средствъ для достиженія государственныхъ цѣлей, то послѣднія формы имѣютъ для нея лишь второстепенное значеніе, поскольку они ведутъ къ установленію собственно государственнаго порядка. Поэтому мы коснемся ихъ при разсмотрѣніи способовъ созданія государствъ. Остальное принадлежитъ къ области исторіи, а не теоретической политики.

За политикой государственнаго устройства, слѣдуетъ, согласно съ изложеніемъ, принятымъ въ *Общемъ Государственномъ Правѣ*, *политика законодательства*. Мы разсмотримъ здѣсь главные факторы и элементы законодательной дѣятельности, способы проведенія ихъ въ жизнь, преданія и прогрессъ, реформы и революціи, общее законодательство и мѣстное. Но политику суда, которая, по принятому плану, должна бы слѣдовать за политикой законодательства, мы не станемъ излагать отдѣльно. Судъ имѣетъ въ виду отправленіе правосудія, а не осуществленіе политическихъ цѣлей. Изложеніе его устройства и способовъ дѣйствія въ виду достиженія собственной его цѣли принадлежитъ къ спеціальнымъ наукамъ судоустройства и судопроизводства. Но такъ какъ судъ имѣетъ и общее политическое значеніе, составляя самый существенный элементъ для утвержденія въ государствѣ законнаго порядка и для огражденія свободы, то съ этой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать его въ связи съ *политикой управленія*, которой мы дадимъ мѣсто вслѣдъ за политикой законодательства. Здѣсь мы одну за другою пройдемъ всѣ внутреннія цѣли государства и покажемъ способы ихъ осуществленія.

Наконецъ, мы перейдемъ къ *политикѣ партій*. Эта часть соотвѣтствуетъ отдѣлу *о правахъ гражданъ* въ *Общемъ Государственномъ Правѣ*. Пользованіе политическими правами ведетъ къ образованію партій, имѣющихъ большее или меньшее вліяніе на ходъ государственной жизни. Мы разсмотримъ значеніе и виды партій, ихъ организацію и ихъ способы дѣйствія. Этимъ и закончится изложеніе теоретической *политики*, а вмѣстѣ и весь курсъ государственной науки.

КНИГА ВТОРАЯ.

Созданіе государства.

ГЛАВА I.

Способы происхожденія государствъ.

Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* были изложены различные способы происхожденія государствъ. Первоначально они возникаютъ либо преобразованіемъ другихъ союзовъ въ государственный, либо свободною волею людей. Затѣмъ они могутъ образоваться соединеніемъ или распаденіемъ уже существующихъ государствъ; это способы производные. Здѣсь мы должны изслѣдовать этотъ процессъ съ политической точки зрѣнія, разсмотрѣть, какими путями создаются новыя государства и какими средствами они упрочиваются.

Начальная форма человѣческихъ союзовъ есть, какъ мы видѣли, патріархія, которая можетъ быть семейная, родовая и племенная. Государство образуется изъ патріархальнаго союза, когда нѣсколько мелкихъ племенъ соединяются подъ властью одного вождя, облеченнаго верховнымъ правомъ. Иногда этотъ вождь является вмѣстѣ и завоевателемъ. Пользуясь силой соединеннаго племени, онъ расширяетъ свои владѣнія и основываетъ болѣе или менѣе обширное государство. Таковъ былъ въ древности Киръ. На глазахъ исторіи такими явились монгольскіе завоеватели, Чингисъ-ханъ и Тамерланъ. Предводители мелкихъ племенъ покорили половину Азіи. Во всѣхъ этихъ событіяхъ главную роль играетъ самая личность вождя. Нигдѣ значеніе личности въ исторіи и политикѣ не выступаетъ такъ ярко, какъ именно при созданіи или расширеніи государствъ. Скудная племенная жизнь возводится на новую высоту геніемъ вождя, какъ бы воплощающаго въ себѣ всю силу своего народа и своими доблестями возвышающагося надъ современниками. Не одна только военная отвага и стратегическій талантъ, но неутомимая энергія и постоянство въ преслѣдова-

ніи цѣли, умѣніе пользоваться средствами, глубокое знаніе людей и способность привязывать ихъ къ себѣ и направлять ихъ по своей волѣ, сообщая имъ тотъ духъ, которымъ воодушевленъ самъ предводитель, таковы качества, которыя требуются для создателей новыхъ монархій. Такіе люди появляются вѣками; народы смотрятъ на нихъ, какъ на высшія существа. Не даромъ древнія сказанія постоянно связываютъ возникновеніе государствъ съ именемъ извѣстнаго лица. Въ этомъ выражается не одна только присущая человѣку наклонность приписывать всякое дѣйствіе извѣстному лицу, которое является иногда миѳическимъ представителемъ цѣлой эпохи, а вѣрное пониманіе того, что происходитъ въ дѣйствительности, той роли, которую играетъ лицо въ событіяхъ народной жизни, особенно въ первоначальныя времена, при мало развитомъ общественномъ сознаніи. Здѣсь темные инстинкты массъ находятъ сознательное выраженіе лишь въ волѣ геніальнаго предводителя.

Великіе полководцы бываютъ обыкновенно и великими законодателями. Требованіе порядка и дисциплины, необходимое въ военномъ дѣлѣ, они переносятъ и на гражданскую область. И здѣсь проявляется прирожденный имъ даръ организаціи, который тѣмъ необходимѣе, чѣмъ обширнѣе покоренныя области, чѣмъ разноплеменнѣе населеніе и чѣмъ труднѣе все это связать въ одно цѣлое. Чтобы создать прочное государство, недостаточно одной силы; нуженъ твердый порядокъ, основанный на законѣ; необходимы административныя учрежденія, строгое уголовное законодательство, наконецъ, ограждение правъ подвластныхъ, безъ чего послѣдніе, не обезпеченные въ своей частной жизни, отданные на жертву произволу, всегда готовы взбунтоваться. Эти правила здравой политики понимали даже монгольскіе завоеватели. Чингисъ-ханъ славился тѣмъ порядкомъ, который онъ умѣлъ водворить въ своей необъятной имперіи. Взаимныя распри мелкихъ племенъ прекратились; дороги были безопасны; жизнь и собственность были обезпечены; произволъ правителей укрощался немилосердно. Безпощадный къ врагамъ, которыхъ онъ истреблялъ тысячами, онъ соблюдалъ строгую справедливость относительно тѣхъ, которые ему подчинялись. Законы его сдѣлались неприкосновеннымъ кодексомъ для его преемниковъ. Этому законодательству возникшія изъ его завоеваній царства обязаны своимъ болѣе или менѣе продолжительнымъ существованіемъ. Государство, не имѣющее основанія въ крѣпкой народной жизни, только въ твердомъ законномъ порядкѣ находитъ надлежащую опору. Безъ этого, мимолетныя созданія военной силы исчезаютъ такъ же быстро, какъ они возникли.

Но еще болѣе, нежели въ свѣтскомъ законодательствѣ, вновь воз-

никающія государства находятъ опору въ религіи, дающей высшее освященіе власти. Могучее дѣйствіе религіи на человѣческія души проявляется съ особенною силой въ первобытныя времена, когда свѣтское образованіе не успѣло еще дать своихъ плодовъ и не поколебало непосредственныхъ вѣрованій требованіями критики. Вслѣдствіе этого, создатели государствъ ищутъ опоры въ религіозныхъ представленіяхъ. Они выдаютъ себя за посланниковъ Бога, призванныхъ карать грѣшниковъ и водворить порядокъ на землѣ. Ихъ считаютъ какими-то сверхъестественными существами; составляются легенды о ихъ божественномъ происхожденіи. Патріархія, вступившая на путь завоеваній, обыкновенно превращается въ теократію. Если неразвитая религія мелкаго племени представляетъ для этого слишкомъ мало элементовъ, создаются новые догматы. Чингисъ-ханъ предписывалъ поклоненіе единому Богу, властителю вселенной; въ остальномъ онъ оказывалъ полную терпимость. Но такъ какъ этого было слишкомъ недостаточно для упроченія теократической власти, то его преемники перешли въ магометанство. Иногда, наоборотъ, возникновеніе новой религіозной формы, давая могучій толчокъ народному духу, становится началомъ завоевательнаго движенія. Такъ создались первоначально магометанскія государства. У восточныхъ народовъ, теократическія представленія до такой степени вошли въ плоть и кровь, что при покореніи ихъ древніе завоеватели считали нужнымъ придавать себѣ высшее божественное освященіе. Александръ Великій, покоривъ Египетъ, предпринялъ походъ къ храму Аммона и превозгласилъ себя сыномъ этого верховнаго божества, къ великому неудовольствію его македонскихъ сподвижниковъ, привыкшихъ къ европейскимъ понятіямъ. Между восточными представленіями и европейскою цивилизаціей существовало внутреннее противорѣчіе, которое окончательно оказалось гибельнымъ для послѣдней. Она была вытѣснена изъ завоеванныхъ ею странъ. Греческая культура, распространенная побѣдами Александра, уступила мѣсто владычеству ислама.

И точно, неразрывная связь религіи съ гражданскимъ порядкомъ рано или поздно ведетъ къ ущербу обоихъ элементовъ. Религія, по существу своему, какъ выраженіе вѣчной истины, есть начало неподвижное и неизмѣнное, и тотъ же характеръ она сообщаетъ освящаемымъ ею законамъ. Гражданскій порядокъ, напротивъ, измѣняется съ ходомъ жизни, подъ вліяніемъ свѣтскаго развитія. Отсюда неизбѣжныя столкновенія между свѣтскимъ образованіемъ, которое требуетъ свободы и стремится къ самостоятельному развитію, и религіей, которая хочетъ наложить на него узду. Перевѣсъ перваго ведетъ къ разложенію теократіи, а вслѣдствіе того къ паденію утверж-

дающагося на ней порядка. Такова именно была судьба магометанскихъ государствъ, основанныхъ Арабами. Воспринявъ греческую цивилизацію, пустившую глубокіе корни въ покоренныхъ ими странахъ, они достигли высокой степени культуры; но это самое привело ихъ къ паденію. Они должны были уступить мѣсто болѣе свѣжимъ племенамъ, чуждымъ образованію, но сохранявшимъ неприкосновенными свои религіозныя основы. Теократія можетъ держаться только отрицаніемъ свободнаго умственнаго развитія; слѣдовательно, она должна всегда оставаться на низшей ступени. Такое именно явленіе представляютъ народы Востока.

Въ самой политической области обнаруживается внутреннее противорѣчіе между религіозными основами и требованіями гражданственности. Государственная власть покоится на религіозныхъ вѣрованіяхъ, которыя не могутъ быть навязаны всѣмъ. Чѣмъ обширнѣе государство, чѣмъ разнообразнѣе племена, которыя оно себѣ подчиняетъ, тѣмъ менѣе возможно требовать, чтобъ они исповѣдали вѣру господствующаго племени. Обыкновенно теократическія государства допускаютъ вѣротерпимость относительно подвластныхъ; но послѣдніе черезъ это самое исключаются изъ политической жизни, имъ преграждается доступъ къ государственнымъ должностямъ. Такимъ образомъ установляются два рѣзко раздѣленныя сословія: владычествующее, для котораго государство имѣетъ значеніе религіозное, и подчиненное, для котораго оно является только чисто внѣшнею силой, лишенной всякаго нравственнаго авторитета. Чѣмъ выше состояніе подвластныхъ, чѣмъ они богаче и образованнѣе, тѣмъ это положеніе для нихъ нестерпимѣе, и тѣмъ, въ свою очередь, оно опаснѣе для владычествующаго племени. Отсюда стремленіе держать народъ въ невѣжествѣ и нищетѣ; отсюда, съ другой стороны, революціонныя попытки, которыя ведутъ къ кровавымъ возмездіямъ. Неестественность этихъ отношеній усиливается, когда религія подвластныхъ, по внутреннимъ своимъ свойствамъ, стоитъ выше религіи покорителей. Таково именно положеніе христіанъ, подчиненныхъ магометанскому игу. Турція доселѣ раздирается этими внутренними противорѣчіями, присущими всякому теократическому государству, но выступающими особенно ярко при столкновеніяхъ его съ высшею цивилизаціей.

Исходомъ изъ этого положенія можетъ быть только преобразованіе теократіи въ чисто свѣтское государство; но именно это дѣло въ высшей степени трудное. Пока религія нераздѣльно сохраняетъ свою власть надъ умами, объ этомъ нечего и думать: теократія стоитъ крѣпко и только внѣшняя сила можетъ ее поколебать. Ослабленіе происходитъ вслѣдствіе вторженія чуждыхъ элементовъ и въ особен-

ности вслѣдствіе развитія подвластныхъ племенъ, которыя стремятся занять подобающее имъ мѣсто въ политическомъ тѣлѣ. Въ завоевательныхъ теократіяхъ, этому содѣйствуетъ долговременный періодъ мира. Когда завершилась эпоха завоеваній, и государство усѣлось на своихъ основахъ, военная сила, на которую оно опирается, разлагается отъ бездѣйствія или увлеченія гражданскими интересами. Для защиты государства приходится прибѣгать къ наемнымъ войскамъ; или же создается дружина, совершенно оторванная отъ гражданской среды и вполнѣ преданная властителю. Къ послѣднему средству прибѣгали турецкіе султаны. Изъ христіанскихъ мальчиковъ, которые насильно отбирались у родителей и обращались въ магометанство, набиралось войско, чуждое всякихъ мѣстныхъ интересовъ и связей. Таковы были янычары. Но такая дружина, грозная на войнѣ, можетъ сдѣлаться опаснымъ элементомъ для мирнаго времени. Она становится властителемъ судебъ государства. Янычары, по своей прихоти, низлагали и возводили султановъ. Наконецъ, послѣдніе принуждены были ихъ уничтожить. Еще опаснѣе наемныя войска. Они забираютъ всю дѣйствительную власть въ свои руки, оставляя законнымъ правителямъ одинъ только призракъ. Такъ и случилось съ калифами изъ рода Абассидовъ. Эта даровитая династія возвела цивилизацію управляемаго ею государства до высокой степени процвѣтанія; но это самое привело къ ослабленію, какъ ея военной силы, такъ и теократическихъ основъ, на которыя она опиралась. Пришлось прибѣгнуть къ наемнымъ турецкимъ войскамъ. Но черезъ это послѣднія получили первенствующее положеніе въ государствѣ. Ихъ предводители въ концѣ концовъ сдѣлались настоящими властителями страны. Все свѣтское управленіе перешло въ руки военной дружины; за калифами осталась только тѣнь духовной власти. Наконецъ, предводитель другой отрасли турецкаго племени перенесъ на себя и достоинство калифа, черезъ что возстановилось теократическое единство обѣихъ областей, духовной и свѣтской.

Подобное явленіе, хотя съ значительными особенностями, представляетъ и исторія Японіи. Вслѣдствіе распространенія буддизма и проистекшаго отсюда ослабленія старой теократической связи, и тамъ произошло раздѣленіе властей, свѣтской и духовной. За микадо осталась одна тѣнь духовнаго владычества, а все свѣтское управленіе перешло въ руки главы феодальныхъ владѣльцевъ, шогуна. Но и здѣсь національное движеніе, возникшее изъ ненависти къ допущеннымъ шогуномъ иностраннымъ вліяніямъ, повело къ возстановленію власти микадо въ прежнемъ объемѣ. Этотъ сохранявшійся въ теченіи вѣковъ призракъ теократіи былъ настолько еще силенъ, что онъ послужилъ центромъ для полнаго возрожденія государства. При этомъ однако

не исчезли и плоды свѣтскаго управленія. Но вмѣсто того, чтобы призывать къ себѣ иностранцевъ, какъ хотѣлъ шогунъ, Японцы сами рѣшились усвоить себѣ не только европейскую науку, но и самыя европейскія учрежденія, ограничивающія верховную власть выборнымъ началомъ. Это первый примѣръ во всемірной исторіи теократическаго государства, которое собственнымъ починомъ преобразуется въ свѣтскія формы. Къ чему приведетъ эта попытка, можетъ показать только будущее. Но изумительные успѣхи японской цивилизаціи и та боевая сила, которую выказалъ этотъ народъ въ борьбѣ съ громадною Китайскою Имперіей, дѣлаютъ его достойнымъ самаго внимательнаго изученія историковъ и политиковъ. Это—одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій современнаго міра.

Примѣры настоящаго, полнаго преобразованія теократическаго государства въ свѣтское представляютъ намъ древнія республики. Здѣсь этотъ переходъ ознаменовался уничтоженіемъ главнаго представителя теократическаго начала — монархической власти. Этому значительно способствовало то, что въ Греціи и Римѣ это начало было гораздо слабѣе, нежели на Востокѣ. Царь не возвышался неизмѣримо надъ всѣми, какъ представитель Божества на землѣ. Въ патріархально-теократической общинѣ знатные роды, окружавшіе престолъ, участвовали въ дѣйствіяхъ власти. Самая религія была ближе къ человѣку; она не тяготѣла надъ нимъ, какъ высшая міровая сила, передъ которою онъ уничтожался, а носила въ себѣ въ значительной степени характеръ антропоморфизма. Однако и тутъ перемѣна была подготовлена воспринятіемъ чуждыхъ стихій. Въ Аѳинахъ новые, пришлые роды примкнули къ старымъ, туземнымъ. Произошло, повидимому, переустройство общества, сплотившее разнообразные его элементы въ одно цѣлое, съ болѣе или менѣе свѣтскимъ характеромъ. Изъ новыхъ родовъ вышла династія Кодридовъ, смѣнившая прежнихъ царей. Перемѣна совершилась здѣсь постепенно, шагъ за шагомъ, безъ насильственныхъ переворотовъ. По преданію, послѣ самоотверженной смерти Кодра, вмѣсто царя установленъ былъ пожизненный архонтъ изъ того же рода; но религіозныя функціи были отъ него отдѣлены. Затѣмъ, послѣ тринадцати смѣнъ, пожизненная должность замѣнена была десятилѣтнею, по выбору; наконецъ, архонты стали выбираться ежегодно, и число ихъ умножено до десяти. Въ Римѣ, напротивъ, перемѣна произошла путемъ насильственнаго переворота, поведшаго къ изгнанію царей. Но этому предшествовали глубокія общественныя преобразованія. Пришлый элементъ, плебеи, былъ введенъ царями въ число римскихъ гражданъ. Законами Сервія Туллія они, наравнѣ съ патриціями, включены были въ раздѣленіе народа на центуріи, имѣв-

шее значеніе, какъ для войска, такъ и для законодательства. Тиранія Тарквинія Гордаго, повидимому, вся была направлена противъ аристократіи. Извѣстенъ разсказъ, что спрошенный о способахъ сохраненія власти, онъ, идя мимо маковаго поля, въ видѣ отвѣта сбивалъ возвышающіяся надъ другими головки. Таковъ издревле идущій практическій пріемъ деспотизма: опираясь на толпу, онъ старается уничтожить всѣ независимыя силы. Но самый этотъ примѣръ показываетъ, что такой пріемъ далеко не всегда бываетъ удаченъ. Опирающаяся на насиліе царская власть была уничтожена; она замѣнилась владычествомъ аристократіи. Отсюда начинается чисто свѣтское развитіе государства.

Всѣ эти перемѣны совершились однако въ такія отдаленныя эпохи, о которыхъ исторія сохранила только смутныя преданія. Съ гораздо большею подробностью можемъ мы прослѣдить происхожденіе новыхъ государствъ изъ средневѣковыхъ гражданскихъ союзовъ, вотчины и вольной общины. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* были изложены главныя черты этихъ устройствъ. Мы видѣли, что отличительнымъ признакомъ средневѣковаго порядка было господство частнаго права въ общественныхъ отношеніяхъ. Преобразованіе основанныхъ на немъ союзовъ въ настоящія государства произошло замѣною частнаго права публичнымъ, чѣмъ самымъ въ союзѣ установлялась настоящая верховная власть. Здѣсь мы должны разсмотрѣть, какими путями и средствами это совершилось.

Изъ двухъ средневѣковыхъ формъ гражданскаго общества, безъ сравненія важнѣйшую роль въ этомъ процессѣ играла вотчина. Князь-вотчинникъ былъ прирожденнымъ главою союза, естественнымъ носителемъ его единства. Чтобы преобразовать вотчину въ государство, нужно было частныя начала права замѣнить публичными, а къ этому побуждалъ собственный интересъ князя, стремленіе увеличить свою власть и свое могущество. Въ этихъ видахъ требовалось прежде всего положить предѣлъ раздѣленію владѣній между дѣтьми, уменьшивъ долю младшихъ и подчинивъ ихъ старшему. Въ Россіи удѣльная система, на Западѣ надѣленіе младшихъ крупными апанагіями постепенно замѣнились единодержавіемъ. Предусмотрительные князья всего болѣе заботились о скопленіи денежныхъ средствъ и о заведеніи собственнаго, постояннаго войска, которое могло бы служить имъ опорою, независимою отъ подручниковъ. Всѣми средствами старались они и о расширеніи своихъ владѣній: бракомъ, наслѣдствомъ, покупкою, наконецъ прямымъ насиліемъ. Собираніе земли производилось всякими путями, часто безъ малѣйшаго вниманія къ нравственнымъ требованіямъ. Макіавелли списывалъ къ натуры образы зиждителей государствъ и самъ преподавалъ имъ вѣрныя правила для достиженія цѣли.

Но для водворенія государственнаго порядка недостаточно было одной матеріальной силы; нужно было къ этому присоединить нравственный авторитетъ, возвышающій князя надъ подданными. Съ этою цѣлью и тутъ, также какъ при созданіи теократическихъ государствъ, призывалась на помощь религія. Благословеніе церкви давало высшее освященіе княжеской власти, котсрая считалась установленною самимъ Богомъ для управленія людьми. Отсюда тѣсный союзъ между свѣтскою властью и церковною въ эти первыя времена возникновенія новыхъ государствъ. И на Востокѣ и на Западѣ христіанскіе святители всего болѣе содѣйствовали торжеству государственнаго порядка надъ средневѣковыми буйными силами. Церковь не только, во имя религіи любви, проповѣдывала миръ и согласіе и требовала подчиненія установленной Богомъ власти, но она являлась хранительницею преданій Римской Имперіи, которыя она старалась поддерживать среди анархическаго средневѣковаго строя.

Однако христіанство, по существу своему, далеко не такъ тѣсно связано было съ тою или другою политическою формой, какъ языческія вѣрованія. Цѣль, къ которой оно направляло человѣка, была не земная, а небесная. Церковь образовала союзъ независимый отъ государства, по идеѣ распространяющійся на всѣ племена и народы. Требуя повиновенія предержащимъ властямъ, призваннымъ охранять порядокъ среди людей, она не считала ихъ представителями Божества на землѣ. Обоготвореніе Нерона и Домиціана представлялось ей языческою мерзостью. Когда впослѣдствіи римскіе императоры приняли христіанство, многіе изъ нихъ были еретиками. Святители Церкви обличали ихъ поведеніе и противились ихъ произволу. Восточные отцы церкви прямо проповѣдывали, что отъ Бога идетъ только существо власти, а не принадлежность ея тому или другому лицу. Они ссылались на то, что Апостолъ говоритъ: „Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога“, а не сказалъ: „нѣсть бо князь, аще не отъ Бога“ [1]). Тѣхъ же началъ держались и западные учители. Ѳома Аквинскій доказывалъ, что отъ Бога идетъ только устроеніе власти, а не злоупотребленіе ею; поэтому повиненіе имѣетъ границы, а злоупотребляющій властью заслуживаетъ, чтобъ она была у него отнята [2]). Мало того; папы стремились подчинить себѣ свѣтскихъ князей, утверждая, что они свою власть получаютъ не прямо отъ Бога, а черезъ посредство власти духовной; они требовали покорности во имя нравственнаго закона, котораго верховнымъ судьею является церковь, и той высшей

---

[1]) См. Исторія Политическихъ Ученій, ч. I, стр. 100.

[2]) Тамъ же, стр. 187 и слѣд.

цѣли, къ которой она призвана неправлять людей. Князьямъ приходилось бороться съ ихъ непомѣрными притязаніями, отстаивать независимость свѣтской области, а сдѣлать это было не легко при нераздѣльной силѣ религіозныхъ вѣрованій и той первенствующей роли, которую играла вселенская церковь, возвышающаяся въ спокойномъ величіи надъ хаосомъ средневѣковыхъ силъ. Приходилось прибѣгнуть къ свѣтской наукѣ, въ особенности къ римскому праву, которое было вѣрнымъ толкователемъ выработанныхъ древностью государственныхъ началъ. Отсюда важное значеніе университетовъ и особенно юристовъ, которые были главною опорою королей въ ихъ стремленіи къ созиданію государства. Такимъ образомъ, вражда свѣтской власти и церковной вела къ успѣхамъ свѣтскаго просвѣщенія. Въ восточной половинѣ не было этой вражды, но не было и выгодныхъ ея послѣдствій. Восточная церковь никогда не предъявляла такихъ притязаній, какъ западная; но зато она пользовалась гораздо меньшею независимостью и вліяніемъ. Послѣ бурной эпохи борьбы съ постоянно возникавшими ересями, она стала подъ крыло императорской власти, возлагая на нее защиту церкви, и этотъ духъ она перенесла на тѣ народы, которые отъ нея восприняли христіанство. Она была для нихъ и единственнымъ проводникомъ началъ римскаго права. Но, согласно съ цѣлями нравственно-религіознаго союза, она брала изъ этихъ началъ не то, что ограждало лице, а то, что подчиняло его власти. Поэтому, свѣтская разработка римскаго права и выработанный ею юридическій смыслъ остались намъ чуждыми, а это имѣло значительное вліяніе на все наше послѣдующее общественное развитіе. Крайне недостаточнымъ сознаніемъ началъ права объясняется то крѣпостное состояніе, которое постигло всѣ классы русскаго народа въ эпоху Московскаго государства.

Западнымъ князьямъ юристы нужны были не только для отпора притязаніямъ папъ, но и для борьбы съ феодализмомъ. Юристы были главными проводниками государственныхъ началъ въ новой исторіи. Феодальному порядку, основанному на частномъ правѣ, они противопоставляли римскія понятія о верховной власти князя, какъ представителя государства. Вооруженные силою знанія и логики, они съ неуклонною энергіей, шагъ за шагомъ, разрушали средневѣковое зданіе и воздвигали на его мѣсто новое. Однако, для практическаго примѣненія этихъ началъ, недостаточно было одной теоріи; въ борьбѣ съ феодализмомъ надобно было опираться на реальныя общественныя силы. Князьямъ нужны были деньги и войско, а то и другое можно было получить только изъ общества, главнымъ образомъ отъ тѣхъ элементовъ, которые въ княжеской власти искали защиты противъ

притѣсненій феодальныхъ владѣльцевъ. Эти элементы представляла самая та среда, изъ которой выходили юристы, именно, средніе классы, которые сосредоточивались преимущественно въ городахъ. На нихъ болѣе всего опирались западные короли въ борьбѣ съ могучими феодалами. Поэтому, поднятіе и развитіе среднихъ классовъ было одною изъ главныхъ цѣлей ихъ политики, до тѣхъ поръ пока независимость вельможъ была сломана, и столпившаяся ко двору аристократія, въ свою очередь, сдѣлалась главною опорой престола.

Результатомъ этого процесса было водвореніе абсолютизма на всемъ почти европейскомъ материкѣ. Періодъ созиданія новыхъ государствъ былъ вмѣстѣ періодомъ утвержденія неограниченной монархіи. Надъ разрозненными сословными группами воздвиглась единая власть, которая охраняла общій порядокъ, стараясь удержать каждый элементъ на своемъ мѣстѣ и не давая однимъ возвыситься на счетъ другихъ. Дальнѣйшіе результаты этой политики мы увидимъ ниже, когда будемъ говорить о государственномъ устройствѣ.

Этотъ общій историческій ходъ подвергался, однако, нѣкоторымъ существеннымъ видоизмѣненіямъ, зависѣвшимъ отъ мѣстныхъ условій и отъ различнаго состоянія народовъ. Важнѣйшее уклоненіе представляетъ Англія, которой обособленное положеніе было причиною своеобразнаго развитія. Здѣсь внѣшняя защита не требовала сосредоточенія военной силы въ рукахъ королевской власти, и когда послѣдняя выступала съ произвольными требованіями и притязаніями, она вызывала всеобщее сопротивленіе. Въ Англіи, еще въ средніе вѣка, города и бароны соединялись, чтобы дать отпоръ королямъ, и этотъ союзъ послужилъ самою твердою основой англійской свободы. Однако и здѣсь анархическая борьба средневѣковыхъ силъ и потребность водворенія государственнаго порядка повели къ развитію монархическаго начала въ весьма широкихъ размѣрахъ. Но и при деспотизмѣ Тюдоровъ парламентскія учрежденія продолжали существовать, хотя съ умаленнымъ значеніемъ. Когда же Стюарты, опираясь на свое божественное право, хотѣли править самовластно, приниженные временно элементы воспрянули снова; возобновленъ былъ старый союзъ аристократіи и городовъ, и послѣ двукратной революціи, монархія введена была въ законныя границы. Парламентъ сдѣлался первенствующимъ факторомъ англійской политической жизни. Такимъ образомъ, отъ соединенія или раздѣленія общественныхъ элементовъ зависитъ весь ходъ государственнаго развитія.

Если Англія, вслѣдствіе островнаго положенія, ограждавшаго ее отъ сосѣдей, получила своеобразное устройство, то особенности Россіи объясняются условіями совершенно противоположнаго характера.

Она была открыта вторженію азіатскихъ ордъ и два вѣка состояла подъ игомъ Татаръ. Подъ ихъ владычествомъ совершилось въ ней преобразованіе вотчины въ государство, и это оставило роковую печать на всей ея послѣдующей судьбѣ. Для борьбы съ Татарами потребовалось сильнѣйшее сосредоточеніе власти, которая встрѣчала тѣмъ меньше противодѣйствія, что всѣ независимые элементы были подавлены. Отсюда большее развитіе началъ абсолютной монархіи, нежели въ какой-либо другой европейской странѣ. Самыя отношенія государя къ подданнымъ сложились подъ монгольскимъ вліяніемъ, по типу неизвѣстному европейскимъ народамъ и умѣстному лишь въ восточныхъ деспотіяхъ: это были отношенія господина къ холопамъ. Однако и тутъ не обошлось безъ борьбы. Вольные слуги, переѣзжавшіе отъ одного князя къ другому и вступавшіе съ ними въ свободные договоры, не охотно и не вдругъ превратились въ рабовъ. Они упорно отстаивали свое право отъѣзда, и только свирѣпая тираннія Ивана Грознаго сломила наконецъ всякое сопротивленіе. Затѣмъ дошла очередь и до остальнаго населенія. Вольнымъ крестьянамъ точно также запрещенъ былъ переходъ отъ одного землевладѣльца къ другому. И они пытались уклоняться отъ этого побѣгами, но правительство, по мѣрѣ силъ и средствъ, разыскивало ихъ и возвращало на прежнія мѣста. Гражданскія права ихъ не были ограничены какимъ-либо общимъ закономъ; но господствующее безправіе болѣе и болѣе ихъ заѣдало, пока наконецъ они сдѣлались такими же полными рабами своихъ помѣщиковъ, какъ послѣдніе были въ отношеніи къ царю. Государство, слагавшееся изъ бродячихъ элементовъ, соединенныхъ весьма слабою связью, старалось всѣхъ ихъ закрѣпить къ мѣстамъ жительства или служенія и подчинить ихъ государственнымъ цѣлямъ. Закрѣпощеніе бояръ и слугъ неизбѣжно влекло за собою закрѣпощеніе крестьянъ, ибо надобно же было съ чего-нибудь нести свою службу. Собственныя средства у государства были крайне скудны; жалованья платить оно не могло. Для того чтобы служилый человѣкъ, въ теченіи всей жизни состоявшій въ полномъ распоряженіи правительства, могъ отправлять свои обязанности, надобно было надѣлить его извѣстнымъ количествомъ крестьянъ. Всеобщее закрѣпленіе сословій было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тѣхъ условій, при которыхъ слагалось Русское государство. Это была тяжелая служба, которую всѣ должны были нести для пользы отечества. Этою службой выросла и окрѣпла Россія, которая черезъ это сдѣлалась одною изъ самыхъ могущественныхъ державъ въ мірѣ. Въ этой суровой школѣ закалился русскій человѣкъ, который привыкъ всѣмъ жертвовать и все переносить съ мужественною стойкостью. Но зато онъ потерялъ

чувство права и свободы, безъ котораго нѣтъ истинно человѣческаго достоинства, нѣтъ жизни достойной человѣка. Рано или поздно, однако, это требованіе должно было проявиться у народа, носящаго въ себѣ сѣмена высшаго развитія и сознаніе своего человѣческаго призванія. За періодомъ закрѣпленія послѣдовалъ періодъ раскрѣпленія, который завершился на нашихъ глазахъ великимъ актомъ освобожденія крестьянъ. Начала права и свободы водворились въ гражданской области, но въ нравахъ и понятіяхъ въ значительной степени господствуетъ еще прежній типъ. Понынѣ еще слѣды монгольскаго владычества и старыхъ холопскихъ отношеній болѣзненно поражаютъ въ явленіяхъ русской общественной жизни. Способъ созданія государства отразился на всемъ послѣдующемъ ходѣ его развитія.

Эти своеобразныя особенности различныхъ европейскихъ народовъ не мѣшаютъ однако тому, что общій ходъ государственнаго развитія вездѣ былъ одинъ и тотъ же: средневѣковая вотчина, основанная на частномъ правѣ, превратилась въ государство новаго времени. Вездѣ также созданіе государства сопровождалось періодомъ абсолютизма. Разница состоитъ лишь въ томъ, что у однихъ народовъ это начало получило большее, а у другихъ меньшее развитіе, смотря по различію условій, подъ которыми слагалось государство. Патріотическія мечты о томъ, что Россія будто бы шла своимъ, только ей свойственнымъ путемъ и развивала начала невѣдомыя остальному міру, при безпристрастномъ изслѣдованіи разсѣеваются, какъ дымъ. Тѣ особенности Россіи, которыя запечатлѣло на ней ея прошлое, вовсе не такія, которыя желательно было бы сохранить неприкосновенными. Менѣе всего можно дорожить слѣдами монгольскаго ига.

Сравнительно съ вотчинами вольныя общины играли въ созданіи новыхъ государствъ весьма незначительную роль. Большею частью онѣ подпали подъ власть усиливающихся монархій. Немногія успѣли удержать свою независимость; но и тѣ окончательно пали среди политическихъ движеній новѣйшаго времени. Сохранились лишь тѣ, которыя издавна образовали болѣе или менѣе прочные союзы, какъ Швейцарія и Голландія; но и послѣднія занимаютъ въ европейскомъ мірѣ третьестепенное мѣсто.

Изъ вольныхъ общинъ наиболѣе способными къ установленію государственнаго порядка оказались тѣ, въ которыхъ преобладали аристократическіе элементы. Аристократія, по своему высокому и обезпеченному положенію, по привычкѣ къ власти, по своей привязанности къ преданіямъ и порядку, составляетъ по преимуществу правительственный элементъ въ обществѣ. Но она часто страдаетъ внутреннею рознью, проистекающею изъ соперничества лицъ, стремя-

щихся къ власти и вліянію. Въ средніе вѣка, при господствѣ личнаго начала, эти внутреннія распри аристократическихъ родовъ были особенно сильны и продолжительны. Тамъ, гдѣ аристократія умѣла ихъ побѣдить и сплотиться въ цѣльное, прочно организованное сословіе, она могла образовать настоящую верховную власть и такимъ образомъ преобразовать вольную общину въ государство. Обыкновенный способъ состоялъ въ томъ, что аристократія замыкалась и организовала иногда весьма сложную систему учрежденій, представляющихъ расчлененіе верховной власти на различныя ея отрасли и функціи. Типами такого рода аристократическихъ республикъ, возникшихъ изъ средневѣковыхъ вольныхъ общинъ, были Венеція и Бернъ. Ниже мы увидимъ тѣ средства, которыми онѣ упрочиваются и держатся.

Напротивъ, постоянное продолженіе внутреннихъ распрей аристократическихъ родовъ ведетъ къ тому, что каждая партія ищетъ опоры въ низшемъ населеніи, а черезъ это, въ свою очередь, возвышается демократія. Но неустроенная демократія вольныхъ общинъ менѣе всего способна образовать изъ себя прочное государство. Обыкновенно она соединяется вокругъ вождя, который, удовлетворяя матеріальнымъ ея интересамъ и давая ей защиту противъ притѣсненій вельможъ, привязываетъ ее къ себѣ и, мало-по-малу забирая власть въ свои руки, становится наконецъ неограниченнымъ правителемъ. Демократическія вольныя общины обыкновенно преобразуются въ монархіи. Примѣромъ можетъ служить Тоскана. Политика Медичей указываетъ и тѣ средства, которыя способны вести къ предположенной цѣли. Не военною силой, а политическою мудростью, умнымъ употребленіемъ своихъ обширныхъ богатствъ, умѣніемъ привязывать къ себѣ и направлять людей, не выставляясь своею личностью на показъ, положилъ основаніе своему могуществу родоначальникъ этой династіи, Козьма I. Преемники его утвердили свою власть стараніемъ удовлетворять народнымъ потребностямъ и въ особенности просвѣщеннымъ покровительствомъ наукамъ и искусству. При этомъ приходилось бороться и съ внутренними и съ внѣшними врагами. Опираясь то на народныя массы, то на внѣшніе союзы, искусно лавируя между могучими политическими сосѣдями, Медичи успѣли изъ средневѣковой вольной общины образовать прочную монархію, сохранявшуюся до нашего времени. При всемъ томъ, основанное ими государство было небольшихъ размѣровъ. Окончательно оно было поглощено единствомъ Италіи.

Только при полной однородности элементовъ и отсутствіи внѣшнихъ столкновеній демократическія общины среднихъ вѣковъ могли образовать изъ себя маленькія государства, сохранившія самостоятельное положеніе среди новыхъ политическихъ формацій. Таковы первобыт-

ные кантоны Швейцаріи, которые однако находили крѣпкую опору въ общемъ союзѣ. Сюда же можно отнести и демократическія общины, возникающія путемъ колонизаціи; но послѣднія принадлежатъ собственно уже не къ первоначальнымъ, а къ производнымъ формаціямъ. Онѣ выносятъ изъ метрополіи уже выработанныя государственныя начала, которыя они полагаютъ въ основаніе своихъ новыхъ учрежденій. Если при этомъ порывается всякая связь съ метрополіей, то этимъ путемъ образуются новыя самостоятельныя государства, основанныя свободнымъ договоромъ гражданъ. Объ этомъ было говорено въ *Общемъ Государственномъ Правѣ*. Если же сохраняется болѣе или менѣе тѣсная связь съ метрополіей, то образуются либо подчиненныя области, либо полусамостоятельныя государства, которыя однако, съ теченіемъ времени, могутъ свергнуть съ себя владычество метрополіи и сдѣлаться совершенно независимыми. Это именно и случилось съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки и съ другими европейскими колоніями Новаго Свѣта.

Здѣсь мы имѣемъ уже государства, образующіяся изъ другихъ, путемъ раздѣленія или соединенія. Какими способами совершается то и другое, что къ этому ведетъ и что этому препятствуетъ, все это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ свойства и отношеній тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается политическое тѣло, а потому должно быть разсмотрѣно въ связи съ послѣдними. Матеріалъ, изъ котораго создается государство, двоякаго рода: земля, представляющая область, на которую простирается верховная власть, и народъ, или совокупность гражданъ, ей подчиняющихся. Мы разсматривали оба эти элемента со стороны юридической и общественной; теперь мы должны изслѣдовать ихъ съ точки зрѣнія политической.

ГЛАВА II.

Территоріальная политика.

Относительно территоріи, политическому обсужденію подлежатъ два вопроса: 1) границы государства; 2) его величина, съ чѣмъ связаны и новыя пріобрѣтенія. Разсмотримъ ихъ одинъ за другимъ.

Важнѣйшая задача территоріальной политики при созданіи государства состоитъ въ томъ, чтобы оно получило естественныя границы. Онѣ даютъ ему и защиту противъ внѣшнихъ враговъ, и внутреннюю замкнутость, и связь частей. Отсюда упорное, продолжающееся иногда нѣсколько вѣковъ, стремленіе правителей къ пріобрѣтенію такого рода границъ. Этимъ въ значительной степени опредѣляется, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя политика.

Въ *Ученіи объ Обществѣ* (стр. 44 и слѣд.) мы разсматривали вліяніе суши и моря на политическій бытъ. Мы видѣли, что лучшими естественными границами государствъ являются горныя цѣпи и моря. Послѣднія, въ особенности, служатъ двоякой цѣли: внѣшней защитѣ и сношеніямъ съ другими странами. Въ обоихъ отношеніяхъ море имѣетъ несравненное превосходство передъ горами. Ни Альпы, ни Пиренеи не послужили препятствіемъ военнымъ замысламъ Наполеона, тогда какъ островное положеніе Англіи дѣлало ее неприступной. Этимъ опредѣлился весь ходъ новѣйшей исторіи Европы. Точно также и во второмъ отношеніи море представляетъ неисчислимыя выгоды. Владѣніе морскимъ берегомъ дѣлаетъ государство независимымъ отъ сосѣдей: оно можетъ сноситься съ самыми отдаленными странами, не спрашивая ничьего дозволенія. Государство не можетъ играть всемірной роли, если оно не имѣетъ морскихъ береговъ. Стѣсненное сосѣдями, оно по необходимости вращается въ тѣсномъ кругу ближайшихъ сношеній. Отсюда неудержимое стремленіе къ морю всѣхъ народовъ, призванныхъ играть историческую роль. Это именно было удѣломъ Россіи. Государство, возникшее въ центрѣ громадной равнины, искало выхода къ граничащимъ съ нею отдаленнымъ морямъ, Балтійскому, Бѣлому и Черному. Ни въ чемъ такъ не выразился политическій геній Петра, какъ въ томъ, что онъ поставилъ себѣ главною цѣлью осуществленіе этой жизненной задачи. Берега Балтійскаго моря, служившаго главнымъ путемъ для сношеній съ Европой, были имъ завоеваны. Отсюда и перенесеніе столицы въ Петербургъ, знаменовавшее вступленіе Россіи въ число европейскихъ державъ. Петромъ былъ указанъ и путь къ Азовскому, а черезъ него и къ Черному морю. Прусскій походъ временно положилъ предѣлъ этому стремленію. Можно думать, что это послужило къ пользѣ Россіи. На первыхъ порахъ нужно было не разбрасывать свои силы, а сосредоточиться на Сѣверѣ. Когда государство упрочилось въ своемъ новомъ положеніи, Югъ, рано или поздно, долженъ былъ естественно подпасть подъ его власть. Это и было задачею Екатерины, которая довершила дѣло Петра, расширивъ Россію до естественныхъ ея предѣловъ. Только съ этихъ поръ Русскому народу открылась возможность заняться своимъ внутреннимъ благоустройствомъ, не подчиняя всей внутренней жизни цѣлямъ внѣшней политики.

Однако, приморское положеніе иногда влечетъ за собою новыя политическія осложненія. Когда море открыто, препятствіе сношеніямъ можетъ оказывать только война или соперничество морскихъ державъ. Въ международномъ правѣ излагаются тѣ гарантіи, которыя даются нейтральному флагу, и тѣ вопросы, которые изъ этого

возникаютъ. Иначе стоитъ дѣло, когда море замыкается узкими проливами, какъ, напримѣръ, Черное. Въ такомъ случаѣ отношенія къ державѣ, владѣющей этимъ ключемъ, связываются съ вопросами внутренней политики. Интересъ приморскаго государства естественно состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть свободный выходъ въ открытое море, и, наоборотъ, для него важно, въ случаѣ нужды, чтобъ этотъ выходъ былъ запертъ для другихъ. Всего выгоднѣе для него имѣть военный пунктъ на самомъ проливѣ, такъ чтобы ключъ находился въ его рукахъ. Если этого нельзя достигнуть, надобно имѣть сосѣда, если не зависимаго, то слабаго, на котораго можно дѣйствовать силой или угрозою. Но это самое заставляетъ послѣдняго искать поддержки у другихъ соперничествующихъ державъ. Сложныя отношенія и колебанія Восточнаго вопроса въ значительной степени объясняются этимъ положеніемъ. Здравая политика состоитъ въ томъ, чтобы не приноситъ жертвъ несоразмѣрныхъ съ выгодами, которыя можно получить. При весьма слабомъ развитіи русскаго торговаго флота, при невозможности для Россіи, обладающей по преимуществу континентальнымъ положеніемъ, разыгрывать, вмѣстѣ съ тѣмъ, роль крупной морской державы, свободный выходъ въ Черное море не представляетъ такихъ выгодъ, изъ-за которыхъ стоило бы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, тратить много денегъ и силъ. Все, чего можно желать, это то, чтобы, въ случаѣ европейской войны, доступъ въ Черное море былъ прегражденъ иностраннымъ флотамъ. Это составляетъ основной вопросъ всей нашей политики относительно Турецкой Имперіи.

Но недостаточно владѣть морскими берегами, надобно ими пользоваться. Важнѣйшимъ для этого условіемъ служитъ существованіе удобныхъ гаваней. Иногда отъ этого зависитъ все міровое положеніе государства и его историческая роль. Ѳемистоклъ создалъ величіе Аѳинъ, указавъ своимъ согражданамъ на Пирей, какъ на твердыню, откуда они могутъ владычествовать на моряхъ. Не даромъ онъ говорилъ, что не умѣетъ играть на флейтѣ, но знаетъ, какъ изъ малаго государства сдѣлать большое. Ни въ чемъ государственный умъ политическихъ дѣятелей не выражается такъ ярко, какъ въ выборѣ средствъ, которыя ведутъ къ величію страны. Стоитъ вспомнить тѣ неисчислимыя послѣдствія, которыя имѣла для Грековъ и для всего человѣчества геніальная прозорливость Ѳемистокла, спасеніе Греціи отъ нашествія Персовъ, тотъ изумительный подъемъ духа, которымъ сопровождалось возвышеніе Аѳинъ, и тѣ несмѣтныя блага, которыя вытекли отсюда для общечеловѣческой цивилизаціи, чтобы понять крайнее скудоуміе историческаго воззрѣнія, пытающагося развѣнчать вели-

кихъ государственныхъ людей и все развитіе исторіи свести къ едва замѣтнымъ измѣненіямъ бытовыхъ условій народной массы.

Міровое значеніе приморской гавани выразилось и въ основаніи Александріи Александромъ Македонскимъ, а также и въ перенесеніи столицы въ Византію Константиномъ Великимъ. Александрія сдѣлалась центромъ не только всемірной торговли, но и умственной жизни въ послѣдній періодъ древняго міра; она придала небывалый блескъ новой Египетской монархіи, основанной македонскими завоевателями. Константинополь въ теченіи тысячелѣтія былъ столицей имперіи, которая, несмотря на внутреннее разслабленіе, въ значительной степени благодаря несравненному положенію города, отбивалась отъ натиска европейскихъ и азіатскихъ варваровъ. Стоя на перепутьѣ между Европой и Азіей, защищаемый двумя проливами, которые дѣлаютъ изъ Мраморнаго моря какъ бы внутренній портъ, способный служить опорой и убѣжищемъ для всякаго флота, Константинополь командуетъ и надъ Средиземнымъ и надъ Чернымъ моремъ. Въ рукахъ могучей державы онъ можетъ дать ей первенствующее положеніе. Наполеонъ I говорилъ, что кто обладаетъ Константинополемъ, тотъ можетъ сдѣлаться владыкою міра. Ни въ чемъ такъ явно не выражается внутреннее безсиліе Турецкой Имперіи, какъ въ неумѣніи пользоваться этимъ превосходнымъ положеніемъ. Отсюда ревнивое отношеніе европейскихъ державъ ко всякой попыткѣ распространить на него свою власть или вліяніе. Только нейтральное положеніе Константинополя обезпечиваетъ равновѣсіе политическихъ силъ. Это именно и служитъ главною поддержкой Турецкой Имперіи.

Не такое міровое значеніе, но весьма существенное, какъ оплотъ государственной силы, имѣетъ для насъ Севастополь. Этотъ несравненный портъ можетъ служить одинаково и военнымъ и торговымъ цѣлямъ, какъ пріютъ для флота и какъ важный пунктъ для торговли, которая на всемъ побережьи Чернаго моря не находитъ столь удобнаго мѣста. Въ Крымскую кампанію на него были направлены всѣ силы союзниковъ, и если онъ наконецъ палъ послѣ геройской защиты, то на взятіе его было употреблено столько жертвъ и усилій, что этимъ самымъ кончилась и война. И тутъ здравая политика состоитъ въ умѣніи пользоваться столь важнымъ мѣстомъ, не только для внѣшней защиты, но и для внутренняго преуспѣянія, не жертвуя одной цѣли другою, въ особенности тѣмъ, что служитъ источникомъ возрастающаго богатства, тому, что требуетъ громадныхъ издержекъ.

Эти двоякаго рода соображенія слѣдуетъ имѣть въ виду и при всякомъ пріобрѣтеніи новыхъ портовъ. Какъ оно ни кажется выгоднымъ для государства, тутъ всегда есть оборотныя стороны, которы-

ми никакъ не должно пренебрегать. Устройство и укрѣпленіе порта требуютъ весьма значительныхъ расходовъ; надобно знать, окупятся ли они полученными выгодами. Когда, напримѣръ, Россія стремится пріобрѣсти незамерзающій портъ на Японскомъ морѣ и тамъ завести военный флотъ, позволительно усомниться въ пользѣ такихъ предпріятій въ отдаленномъ пустынномъ краѣ, гдѣ нѣтъ никакой торговли и гдѣ нечего защищать. Надежды на весьма далекое и проблематическое будущее не оправдываютъ чрезмѣрныхъ затратъ въ настоящемъ. Въ политикѣ своевременность играетъ первенствующую роль.

Подобно морямъ, рѣки имѣютъ двоякое значеніе: какъ естественныя границы и какъ средства сообщеній. Объ этомъ было уже говорено въ *Ученіи объ Обществѣ*. Но въ морѣ эти два свойства легко совмѣщаются, тогда какъ относительно рѣкъ они дѣйствуютъ въ противоположномъ направленіи и ведутъ къ столкновеніямъ. Близость противолежащихъ рѣчныхъ береговъ и удобство сношеній имѣютъ послѣдствіемъ, что оба берега обыкновенно заселяются однимъ племенемъ, для котораго водный путь служитъ какъ бы центральной артеріей; а съ другой стороны, племя, занимающее равнину, не имѣющую естественныхъ границъ, склонно расширяться, пока оно не встрѣтитъ препятствія въ широкой рѣкѣ. Отсюда исконная политика Франціи, стремившаяся къ тому, чтобы сдѣлать Рейнъ естественною своею границей, стремленіе, которое находило совершенно законное противодѣйствіе въ германскихъ государствахъ. Здѣсь территоріальная политика приходитъ въ столкновеніе съ политикой народности. Въ настоящее время, когда начало народности въ политической области выдвинулось на первый планъ, соображенія территоріальныхъ выгодъ менѣе всего имѣютъ шансовъ на успѣхъ. Объ этомъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

Значеніе рѣкъ не ограничивается отношеніемъ береговъ; какъ пути сообщенія, онѣ связываютъ верхнія части теченія съ нижними. Большія рѣки представляютъ естественный выходъ къ морю. Отсюда стремленіе сильныхъ племенъ разселяться по всему ихъ теченію; отсюда и политика большихъ государствъ, направленная къ тому, чтобы занять этотъ выходъ. Такъ, Россія занимаетъ все теченіе протекающихъ по ней большихъ рѣкъ: Волги, Дона, Сѣверной и Западной Двины, Днѣпра, Днѣстра. Франція сложилась по теченію Сены, Луары, Гаронны, Сѣверная Германія по теченію Одера, Везера, Эльбы. Гораздо меньшее значеніе имѣетъ Рейнъ, всегда служившій предметомъ пограничныхъ споровъ и заселенный разными племенами. Для Польши Висла составляетъ естественный исходъ къ Балтійскому морю; но даже во времена независимости Польскаго государства оно никогда

этимъ путемъ не пользовалось и не дорожило, а устремляло главное свое вниманіе на Востокъ. Въ этомъ сказывается тотъ крупный недостатокъ политическаго смысла, которымъ всегда отличался этотъ несчастный народъ, или, лучше, правившая имъ аристократія.

Выходъ къ морю важенъ однако лишь въ томъ случаѣ, когда море открыто или, по крайней мѣрѣ, находится подъ преобладающимъ вліяніемъ имѣющаго къ нему доступъ государства. Поэтому, хотя Дунай составляетъ главный водный путь Австрійской Имперіи, истоки его, примыкающіе къ Черному морю, имѣютъ для Австріи гораздо меньшее значеніе, нежели Тріестъ или даже Салоники, представляющіе ближайшій выходъ къ открытымъ морямъ.

Вообще, въ настоящее время, съ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, значеніе рѣкъ, какъ путей сообщенія, отошло на второй планъ; но значеніе ихъ, какъ линій защиты, осталось. Переправа большихъ массъ войска черезъ широкія рѣки всегда составляетъ существенное препятствіе свободному ихъ передвиженію, и этимъ государство не можетъ не дорожить.

Когда нѣтъ такихъ естественныхъ границъ, какъ море, горныя цѣпи или широкія рѣки, приходится сооружать границы искусственныя. Таковыми служитъ система крѣпостей, расположенныхъ такъ, чтобы дать отпоръ непріятелю. Въ этомъ проявляется стратегическое искусство военныхъ людей. Такая система укрѣпленій существуетъ по нашей западной границѣ, а также по восточной окраинѣ Франціи. Послѣ войны 1870 года, когда Франціей уступлены были Эльзасъ и Лотарингія, пришлось сооружать новую линію крѣпостей, что потребовало громадныхъ издержекъ.

Система крѣпостей нужна не только для внутренней защиты государства, но также, и еще болѣе, для охраненія отдаленныхъ областей, вдвигающихся между сосѣдними владѣніями. Таково было положеніе Австріи въ Италіи до войны 1866-го года. Здѣсь оплотомъ австрійскихъ владѣній служилъ знаменитый четверугольникъ крѣпостей въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Какую роль такая система сооруженій можетъ играть въ политическихъ событіяхъ, показываетъ новѣйшая исторія. Передъ этимъ четыреугольникомъ остановился Людовикъ-Наполеонъ послѣ сраженія при Сольферино. Онъ не надѣялся съ нимъ совладать при существующимъ политическихъ и военныхъ условіяхъ, и это повело къ заключенію Виллафранскаго мира. Послѣдствіемъ былъ союзъ Италіи съ Пруссіей, война 1866-го года, а затѣмъ и война 1870-го года, которая перевернула весь политическій строй Европы.

Границами опредѣляется и величина государства, элементъ, имѣ-

ющій первостепенную важность въ политической жизни. Это—второй вопросъ, который намъ предстоитъ разсмотрѣть. Отъ объема государства въ значительной степени зависитъ, какъ внутреннее его устройство, такъ и его внѣшнее вліяніе. Большія и малыя государства имѣютъ свои выгоды и невыгоды, которыя легко сознаются всѣми, а потому могутъ быть возведены на степень неоспоримыхъ политическихъ истинъ, хотя здѣсь, какъ и вездѣ, при разнообразіи и сложности политическихъ элементовъ, послѣдствія, вытекающія изъ одного начала, могутъ парализоваться или видоизмѣняться другими, а потому выводы всегда имѣютъ относительный, а не безусловный характеръ. Выгоды большихъ государствъ суть слѣдующія:

Во-первыхъ, обладая превосходными силами, они имѣютъ бо́льшую возможность защищаться и отстоять свою независимость. Раздробленная на удѣлы, Русская земля подпала подъ владычество Монголовъ; сосредоточенное государство способно было свергнуть съ себя это иго. Раздѣленная на мелкія владѣнія, Италія всегда была жертвою честолюбія сосѣдей. Мелкія германскія и итальянскія государства легко сдѣлались добычею Наполеона, тогда какъ крупныя державы, даже побѣжденныя и раздавленныя, могли отстоять свое существованіе. Конечно, исторія представляетъ примѣры столкновеній, въ которыхъ небольшія государства отражали громадныя полчища могущественнѣйшихъ державъ. Таковы были войны Грековъ съ Персами и защита Голландіи противъ силъ Испанской монархіи. Но для этого требовались геройскіе подвиги и благопріятныя условія. Аѳиняне все-таки принуждены были покинуть свой городъ и искать убѣжища на корабляхъ; только геній Ѳемистокла умѣлъ одержать блистательную побѣду, воспользовавшихъ выгодами узкаго Саламинскаго пролива. Голландія могла отстоять себя лишь благодаря возможности затоплять свои низменныя равнины.

Во-вторыхъ, по той же причинѣ, большія государства способны играть несравненно бо́льшую историческую и политическую роль, нежели малыя. Если собственная защита бываетъ затруднительна для послѣднихъ, то еще менѣе доступна имъ внѣшняя дѣятельность. Однако и тутъ качество можетъ замѣнить количество. Въ этомъ отношеніи древнія классическія государства представляютъ поучительный примѣръ. Нося въ себѣ невѣдомыя тогдашнему человѣчеству начала свободы и внутренняго развитія, эти маленькія республики играли такую историческую роль, какою не можетъ похвалиться ни одно крупное государство ни древняго, ни новаго міра. Громадныя азіатскія деспотіи не оставили по себѣ слѣдовъ въ исторіи человѣчества, тогда какъ добытое этими мелкими народцами политическое

и умственное достояніе легло въ основаніе всей новой цивилизаціи. Но самая эта историческая роль привела ихъ къ паденію. Между объемомъ государства и его политическимъ призваніемъ была несоразмѣрность, которая подрывала его основы. Вслѣдствіе этого, мелкія классическія республики превратились наконецъ въ крупныя монархіи. При равенствѣ условій, при общности цивилизаціи, большее количество всегда будетъ имѣть первенство надъ меньшимъ. Поэтому, въ новой исторіи на первомъ планѣ стоятъ крупныя державы. Имъ принадлежитъ первенствующая роль на политическомъ поприщѣ. Маленькая Голландія, послѣ сверженія испанскаго ига, одно время поднялась на несвойственную ея объему высоту. Она владычествовала на моряхъ, давала отпоръ честолюбію Людовика XIV-го; ея морскія силы заставляли трепетать самую Англію. Однако не долго она удержалась на этой высотѣ. Натискъ Франціи и въ особенности соперничество Англіи скоро низвели ее къ уровню, свойственному ея величинѣ.

Въ-третьихъ, большія государства обыкновенно обладаютъ и бо́льшими матеріальными средствами для устройства своей внутренней жизни. При разнообразіи естественныхъ условій, они имѣютъ въ себѣ все нужное для своего существованія и менѣе зависимы отъ другихъ. Поэтому у нихъ есть бо́льшая возможность принимать тѣ или другія мѣры, соображаясь исключительно съ своими внутренними потребностями. Такъ, напримѣръ, при обсужденіи таможенной политики, большое государство можетъ имѣть въ виду, что обширность внутренняго оборота способна вознаградить за стѣсненіе внѣшнихъ сношеній. Напротивъ, малыя государства принуждены примыкать къ политикѣ большихъ, такъ какъ они не могутъ довольствоваться внутреннимъ сбытомъ. Значительныя средства даютъ также возможность заводить у себя обширныя предпріятія, которыя малымъ государствамъ не всегда по силамъ. Даже при относительной бѣдности страны политическое могущество доставляетъ значительный кредитъ, а этимъ открывается широкое поле для плодотворной дѣятельности на промышленномъ поприщѣ. Только благодаря своему политическому могуществу Россія могла устроить у себя сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая была не по силамъ собственнымъ ея капиталамъ, или которая, при другихъ условіяхъ, сдѣлала бы ее добычей иностранныхъ капиталистовъ. Вообще, крупные политическіе центры привлекаютъ къ себѣ и промышленность, и торговлю, и кредитъ. Берлинъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ биржевыхъ операцій, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ столицею Германской Имперіи. И тутъ, однако, надобно замѣтить, что политическое могущество и промышленное развитіе далеко не всегда совпадаютъ. Послѣднее требуетъ общественной самодѣятель-

ности, которая иногда отсутствуетъ въ большихъ государствахъ, а находитъ пріютъ въ малыхъ. Поэтому случается, что небольшія страны, какъ Голландія, даютъ кредитъ, а обширныя государства, какъ Россія, его получаютъ.

Въ-четвертыхъ, большое государство обыкновенно располагаетъ бо̀льшимъ числомъ способныхъ людей для различныхъ отраслей управленія. Это происходитъ не только оттого, что при большемъ населеніи, есть возможность бо̀льшаго выбора, но и оттого, что высшія потребности вывываютъ высшія способности. Только на широкомъ поприщѣ проявляются и изощряются всѣ силы человѣка. И наоборотъ, крупныя личности требуютъ и широкаго поля для своей дѣятельности. Ели онѣ его не находятъ, онѣ ищутъ иныхъ путей, или переходятъ на службу къ другимъ государствамъ, или, наконецъ, вовлекаютъ свою страну въ предпріятія несоразмѣрныя съ ихъ средствами.

Въ-пятыхъ, именно это обиліе и ширина всевозможныхъ поприщъ для дѣятельности составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ преимуществъ большихъ государствъ передъ малыми. Въ первыхъ интересы крупнѣе и возвышеннѣе. Люди не погружены въ мелочи ежедневной жизни; они выводятся изъ тѣсной сферы мѣстныхъ отношеній, предразсудковъ и взглядовъ. Вопросы ставятся болѣе общіе и сложные. Обширность поприща даетъ высшее значеніе самой политической жизни; цѣли мелкаго честолюбія и тщеславія заслоняются общечеловѣческими интересами, къ участію въ которыхъ призываются граждане. Наконецъ, этимъ поднимается самый народный характеръ, въ которомъ обширность предстоящихъ задачъ вызываетъ высшую энергію и способности. Люди чувствуютъ себя членами великаго тѣла, призваннаго играть значительную роль въ исторіи. Этимъ не только возвышается сознаніе своего достоинства, но облагораживается душа, устремленная на высшія цѣли. Даже малое государство, когда оно силою обстоятельствъ вызывается на широкое историческое поприще, проявляетъ иногда внутреннія силы, приводящія въ изумленіе потомковъ. Великая историческая роль производитъ такой подъемъ народнаго духа, который творитъ чудеса. Стоитъ вспомнить пышный расцвѣтъ греческой жизни послѣ Персидскихъ войнъ и процвѣтаніе Голландіи послѣ освобожденія отъ испанскаго владычества. Но то, что малымъ государствамъ достается только въ силу благопріятныхъ обстоятельствъ, то для большихъ составляетъ постоянное ихъ призваніе. Поэтому нѣтъ болѣе превратной политики, какъ та, которая въ большихъ государствахъ стремится стѣснить всѣ поприща и подавить всякую общественную инціативу. При условіяхъ, вызывающихъ къ

широкой дѣятельности, которыя создаются большимъ государствомъ, она хочетъ заставить людей жить, какъ въ малыхъ, тихо и безмолвно, не возвышая мысли къ тому, что выходитъ изъ предѣловъ обыденной жизни.

Послѣдствія такого направленія умѣряются однако тѣмъ, что, въ шестыхъ, въ большихъ государствахъ превратная политика далеко не такъ тяжело ложится на гражданъ, какъ въ малыхъ. Въ нихъ требуется власть болѣе сосредоточенная, но зато она дальше отъ гражданъ, а потому менѣе ихъ стѣсняетъ. Дѣйствіе ея умѣряется разстояніемъ. При самомъ суровомъ деспотизмѣ можно въ отдаленныхъ отъ центра мѣстностяхъ жить привольно. Русскимъ людямъ это хорошо извѣстно.

Всѣ эти громадныя выгоды имѣютъ однако и оборотную сторону. При неоспоримыхъ преимуществахъ, большимъ государствамъ присущи и важные недостатки. Они двоякаго рода.

Первый заключается въ трудности управленія. При разнообразіи элементовъ, при дальности разстояній и при сложности интересовъ, управленіе большимъ государствомъ требуетъ несравненно бо̀льшихъ средствъ и высшихъ способностей, нежели управленіе малымъ. Связать всѣ части обширнаго политическаго тѣла и дать имъ общее направленіе составляетъ задачу, представляющую весьма значительныя затрудненія. Обыкновенно для этого воздвигается сложная и неуклюжая бюрократическая машина, которая служитъ органомъ исходящей изъ центра воли, посредствомъ нея распространяющейся на окраины. Такая машина, по самой своей природѣ, страдаетъ рутиной и формализмомъ, стѣсняетъ свободное движеніе жизни и нерѣдко ложится тяжелымъ бременемъ на народъ. Если ея нѣтъ, приходится облекать мѣстныхъ правителей весьма широкими полномочіями, а это, въ свою очередь, даетъ просторъ мѣстному произволу, гораздо болѣе чувствительному, нежели отдаленный произволъ центральныхъ властей. Наконецъ, если мѣстное управленіе всецѣло ввѣряется мѣстнымъ выборнымъ органамъ, то центральное правительство слабѣетъ, а именно въ большомъ государствѣ всего нужнѣе сильная центральная власть. Въ политикѣ управленія мы подробнѣе разберемъ тѣ средства, съ помощью которыхъ государства стараются избѣгать этихъ золъ, и тѣ комбинаціи, къ которымъ они прибѣгаютъ. Здѣсь достаточно указать въ общихъ чертахъ на трудности, съ которыми сопряжена обширная и сложная администрація.

Вторая существенная невыгода большихъ государствъ заключается въ томъ, что они требуютъ отъ гражданъ несравненно бо̀льшихъ жертвъ, нежели малыя. Крупныя задачи нуждаются въ значитель-

ныхъ средствахъ, а средства получаются отъ гражданъ, которые своимъ лицемъ и имуществомъ покупаютъ величіе и славу отечества, то-есть, исполненіе исторической его задачи, какъ великой державы. Чѣмъ скуднѣе матеріальное благосостояніе страны и чѣмъ ниже уровень ея развитія, тѣмъ больше требуется жертвъ, чтобы создать большое государство. Стоитъ вспомнить тѣ чрезмѣрныя тягости, которыя пали на Русскій народъ, въ виду устройства его государственнаго быта. Еще во времена Московскихъ царей на всѣ сословія наложена была пожизненная служба въ пользу государства. Служилые люди обязаны были являться по первому призыву; посадскіе были прикрѣплены къ мѣстамъ и должны были, подъ общею отвѣтственностью, нести разныя обязательныя службы по финансовому управленію; крестьяне были подчинены помѣщикамъ, которые могли содержаться на службѣ только съ помощью подвластнаго населенія. Когда помѣстная служба, при Петрѣ Великомъ, замѣнилась постояннымъ войскомъ, личныя и имущественныя тягости сдѣлались еще значительнѣе. Впослѣдствіи, когда государство окрѣпло, обязательная служба дворянъ была отмѣнена; съ посадскихъ также были сняты вѣрныя службы; но суровая рекрутская повинность всею тяжестью падала на низшее населеніе, а крѣпостное право сохранялось во всей своей силѣ. Только въ новѣйшее время послѣднее было уничтожено, а первая получила значительныя облегченія. Россія сдѣлалась одною изъ самыхъ могущественныхъ державъ въ мірѣ, но это положеніе было куплено цѣною колоссальныхъ жертвъ, и личныхъ и вещественныхъ. Народы, которые не хотятъ ихъ нести, обречены на безсиліе. Примѣръ тому представляетъ Польша. Правящая аристократія хотѣла пользоваться необузданною свободой, не принимая на себя никакихъ тягостей; зато она потеряла свое отечество.

Отъ необходимости нести жертвы для сохраненія своего самостоятельнаго положенія не избавлены и малыя государства; но въ обоихъ указанныхъ отношеніяхъ они имѣютъ значительныя преимущества передъ большими. Выгоды ихъ состоятъ въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, не играя значительной политической роли, они не нуждаются въ чрезмѣрномъ напряженіи силъ для ея поддержанія. Имъ не нужно содержать огромнаго войска. Свое положеніе они сохраняютъ болѣе дипломатическимъ искусствомъ, умѣніемъ поддерживать союзы и пользоваться соперничествомъ великихъ державъ, нежели самостоятельнымъ участіемъ въ дѣлахъ міра. Поэтому они могутъ обращать большее вниманіе на внутреннее благоустройство и на благосостояніе народа. Они не должны приносить въ жертву внутренніе интересы внѣшнему величію.

Во-вторыхъ, если они обладаютъ меньшими матеріальными средствами, то они могутъ дѣлать лучшее употребленіе изъ этихъ средствъ. Малое хозяйство имѣетъ то преимущество передъ большимъ, что въ первомъ хозяинъ знаетъ каждую мелочь и умѣетъ извлечь пользу изъ каждой копейки. А съ другой стороны, въ малыхъ государствахъ, при правильномъ взглядѣ на дѣло, отпадаютъ тѣ потребности роскоши, которыя въ большихъ составляютъ источникъ весьма крупныхъ тратъ. Въ нихъ возможна бо́льшая простота формъ и отношеній, что значительно удешевляетъ управленіе.

Къ тому же ведетъ, въ-третьихъ, и то, что малыя государства могутъ довольствоваться болѣе простою администраціей. Имъ не нужно скрѣплять отдаленныя части сложною бюрократическою системой. Можно избѣжать и формализма, неразлучнаго съ правительственнымъ контролемъ. Послѣдній можетъ въ значительной степени замѣняться контролемъ общественнымъ, гораздо болѣе дѣйствительнымъ въ малыхъ государствахъ, гдѣ общественныя дѣла близки и знакомы всѣмъ, нежели въ большихъ, гдѣ они окончательно возносятся къ отдаленной вершинѣ.

Это знаніе дѣла составляетъ, въ-четвертыхъ, одну изъ важнѣйшихъ выгодъ малыхъ государствъ. Здѣсь общіе интересы, вращаясь въ болѣе тѣсной сферѣ и не осложняясь внѣшними отношеніями, гораздо доступнѣе гражданамъ, а потому здравое ихъ пониманіе болѣе распространено въ народѣ, нежели въ большихъ государствахъ. Къ тому же, будучи ближе къ каждому, они живѣе принимаются къ сердцу. Всякій общественный вопросъ становится личнымъ дѣломъ гражданина. Каждый непосредственно на себѣ чувствуетъ послѣдствія принимаемыхъ мѣръ. Отсюда большее количество людей, которые въ состояніи принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ; этимъ восполняется недостатокъ высшихъ способностей.

Въ-пятыхъ, меньшее разнообразіе интересовъ выкупается бо́льшимъ единствомъ жизни, вращающейся въ тѣсной сферѣ. Здѣсь всѣ люди болѣе или менѣе знаютъ другъ друга; сношенія чаще и тѣснѣе. Вслѣдствіе этого и народный характеръ, если онъ пріобрѣтаетъ менѣе возвышенный полетъ, отличается большею внутреннею крѣпостью. Въ народѣ сохраняется привязанность къ основанному на преданіяхъ быту, къ установленному порядку, а это даетъ устойчивость политической жизни. И въ этомъ отношеніи нельзя не указать на классическія государства, которыя, выступивъ изъ своей тѣсной сферы, тѣмъ самымъ подорвали свою внутреннюю силу. Изъ греческихъ республикъ, Спарта всего болѣе замыкалась въ своемъ тѣсномъ кругу, а потому сохраняла свои древніе нравы и учрежденія; но и ея

нравственныя основы были расшатаны, какъ скоро она выступила на болѣе широкое поприще.

Изъ всего этого ясно, въ-шестыхъ, что малыя государства заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе благопріятныя условія для политической свободы, нежели большія. Тутъ нѣтъ препятствій, порождаемыхъ отдаленностью разстояній, разъединенностью элементовъ и малымъ знакомствомъ общества съ государственными дѣлами. Тѣсная область содѣйствуетъ взаимному сближенію и соглашенію людей, слѣдовательно и совокупной дѣятельности, составляющей первое условіе политической свободы. При однородномъ составѣ населенія, соглашеніе установляется всего легче; но даже и при разнородныхъ элементахъ, каковы были, напримѣръ, въ Римѣ патриціи и плебеи, потребность совмѣстной дѣятельности въ тѣсномъ кругу ведетъ къ взаимнымъ уступкамъ и сдѣлкамъ, на которыхъ покоится вся жизнь свободныхъ учрежденій. Поэтому политическая свобода ранѣе всего получила развитіе въ мелкихъ классическихъ государствахъ. Поэтому и въ новое время она прежде всего утвердилась въ Англіи, гдѣ сравнительно небольшой объемъ страны, при уединенномъ ея положеніи, способствовали внутреннему соглашенію элементовъ.

Въ итогѣ, можно сказать, что въ малыхъ государствахъ человѣкъ можетъ лучше устроить общественный бытъ сообразный съ интересами гражданъ; но въ большихъ государствахъ онъ призванъ къ высшей дѣятельности и къ разрѣшенію высшихъ задачъ. Сознаніе принадлежности къ великому цѣлому, призванному играть историческую роль, поднимаетъ духъ на высоту недосягаемую для дѣятельности, обращенной на удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ, или даже для образованной жизни въ тѣсномъ кругу. Въ настоящее время въ особенности всюду является стремленіе къ образованію крупныхъ соединеній, которыя одни въ состояніи дать народу подобающее ему мѣсто на политическомъ поприщѣ. Многіе видятъ въ этомъ даже общій историческій законъ, ведущій къ поглощенію малыхъ государствъ большими. Спенсеръ возводитъ интеграцію, то-есть, соединеніе раздѣленныхъ массъ въ болѣе крупныя цѣлыя, на степень міроваго факта, обнимающаго какъ матеріальную, такъ и духовную сферу.

Съ этимъ взглядомъ, однако, невозможно согласиться. Для такого вывода мы не имѣемъ достаточно данныхъ. Проявляющееся въ извѣстное время стремленіе вовсе не означаетъ, что оно будетъ идти все возрастая, не встрѣчая противодѣйствія въ другихъ силахъ. Исторія представляетъ столько же примѣровъ раздробленія, какъ и соединенія государствъ. Это зависитъ отъ характера силъ, временно выступающихъ на первый планъ. Нынѣшнее расшатанное положеніе

Европы, въ особенности появленіе на сцену начала народности, которое нарушило прежнее равновѣсіе, заставляетъ европейскіе народы соединяться въ болѣе или менѣе обширные политическіе союзы, которые даютъ имъ возможность отстаивать свою самостоятельность. Но такія соединенія имѣютъ свой естественный предѣлъ, и самое начало народности, которое является въ нихъ движущею силой, столь же часто ведетъ къ отдѣленію областей отъ бо́льшаго цѣлаго. Если создалась единая Италія, то этимъ самымъ уменьшилась Австрія, отъ которой отторглось Ломбардо-Венеціанское Королевство. Можно полагать, что пришедшіе въ броженіе новые элементы наконецъ придутъ въ состояніе болѣе или менѣе устойчиваго равновѣсія, и тогда окажется, что для сохраненія этого равновѣсія малыя государства столь же необходимы, какъ и большія. Они нужны не только для того, чтобы не давать вѣсамъ склоняться на сторону той или другой крупной силы, но и для того, чтобъ умѣрять между ними столкновенія. Полезно имѣть сѣть небольшихъ государствъ, отдѣляющихъ великія державы одну отъ другой. Въ прежнее время такими буферами между германскими державами и Франціей служили мелкія государства Германскаго Союза. Съ тѣхъ поръ какъ на мѣсто слабаго союза образовалась могущественная Германская Имперія, эта выгода исчезла. Вмѣсто подушки, въ центрѣ Европы воздвиглась колоссальная баттарея, которая заставляетъ всѣ сосѣднія государства напрягать свои военныя силы до крайнихъ предѣловъ. Но такое положеніе очевидно не можетъ быть продолжительно. Позволительно думать, что потребность дѣйствительнаго, а не вооруженнаго мира, истощающаго средства государствъ и парализующаго благосостояніе народовъ, приведетъ наконецъ къ порядку вещей, болѣе соотвѣтствующему истиннымъ пользамъ человѣчества, а это возможно только при низведеніи Германской Имперіи съ настоящей ея высоты. Въ центрѣ Европы нуженъ все-таки буферъ, а не баттарея. Это, конечно, не обойдется безъ кровопролитныхъ войнъ, но ихъ не миновать современному человѣчеству. Горючіе матеріалы накопились въ слишкомъ большомъ количествѣ; просящіяся наружу силы находятся въ слишкомъ напряженномъ и неестественномъ состояніи; поставленные вопросы слишкомъ настойчиво просятъ отвѣта, а временныя ихъ рѣшенія слишкомъ мало соотвѣтствуютъ сколько-нибудь разумнымъ требованіямъ, чтобы подобный порядокъ вещей могъ считаться прочнымъ. Практическій политикъ имѣетъ въ виду злобу настоящаго дня; онъ довольствуется хотя бы и гнилымъ миромъ, лишь бы только отсрочить ужасы войны; онъ упорно охраняетъ настоящее, чтобъ отдалить неизвѣстное будущее. Научная политика должна смотрѣть шире и дальше. Она

не можетъ не признать, что на голомъ правѣ силы нельзя утвердить прочнаго порядка. Дѣйствительный миръ Европы будетъ обезпеченъ лишь тогда, когда существующимъ народнымъ стихіямъ дозволено будетъ группироваться по своимъ естественнымъ стремленіямъ и наклонностямъ. Тогда возродятся и подавленныя нынѣ мелкія государства, которыя будутъ смягчать столкновенія крупныхъ. Тогда, можно думать, возродится и Польша, которой исчезновеніе было несчастіемъ не только для нея самой, но и для Европейскаго равновѣсія. Въ настоящее время, болѣе нежели когда-либо, между Россіей и Германіей нуженъ буферъ, также какъ между Германіей и Франціей. Этого требуетъ и здраво понятый интересъ Россіи, которой, съ ея стотридцати-милліоннымъ населеніемъ, нечего опасаться слабаго сосѣда, имѣющаго вдобавокъ враждебную ему многомилліонную имперію съ другой стороны. Конечно, все это вопросы болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго; много крови будетъ пролито прежде, нежели Европа придетъ къ сколько-нибудь сносному и справедливому порядку вещей. Но задача науки—смотрѣть въ даль и стараться уловить общій ходъ вещей, не довольствуясь мимолетными созданіями современной минуты.

Съ водвореніемъ болѣе нормальныхъ международныхъ отношеній самыя цѣли государства должны нѣсколько измѣниться. Главнымъ предметомъ заботы будетъ не внѣшняя сила и величіе, а внутреннее благоустройство. Въ этомъ отношеніи, какъ сказано, малыя государства имѣютъ значительныя преимущества передъ большими. При большемъ единеніи элементовъ и большей простотѣ отношеній, въ нихъ скорѣе можетъ осуществиться тотъ идеалъ мирнаго и свободнаго сожительства, который представляется высшимъ счастіемъ человѣческаго существованія. И это, конечно, при современныхъ условіяхъ, не болѣе какъ отдаленная мечта. Пока въ массахъ распространены соціалистическія теоріи и стремленія, ни о какомъ внутреннемъ единеніи не можетъ быть рѣчи. Такое настроеніе ведетъ только къ постоянной враждѣ, тѣмъ болѣе ожесточенной, чѣмъ тѣснѣе кругъ, въ которомъ она вращается. Въ этомъ отношеніи малыя государства представляютъ особенныя опасности. Нигдѣ деспотизмъ толпы, на которомъ зиждется весь соціализмъ, не становится до такой степени невыносимымъ, какъ именно въ тѣсномъ кругу, гдѣ онъ охватываетъ всю частную жизнь и гдѣ уйти отъ него нѣтъ никакой возможности, иначе какъ эмиграціей. Въ малыхъ государствахъ скорѣе возможно и временное торжество соціализма, которое влечетъ за собою полное ниспроверженіе всего гражданскаго строя. Но именно эти уроки могутъ служить назиданіемъ для другихъ. Умственная борьба противъ соціализма составляетъ задачу науки, не знающей политическихъ

границъ; но для большинства человѣческаго рода, неспособнаго связывать отвлеченныя понятія и болѣе всего довѣряющаго внушеніямъ чувствъ, живой примѣръ служитъ гораздо болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ, нежели всякія общія разсужденія. Въ этомъ отношеніи малыя государства могутъ оказать человѣчеству существенную услугу.

Они могутъ оказать ее и въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Небольшое государство, не играя такой великой роли, имѣетъ гораздо меньше обаянія въ глазахъ людей. Оно не представляется расточителемъ всѣхъ земныхъ благъ, а ограничивается собственно ему принадлежащимъ призваніемъ управлять совокупными интересами общества. Здѣсь на первый планъ выступаютъ тѣ мелкіе союзы, частью принудительные, частью свободные, въ которыхъ вращается обыденная жизнь человѣка. Отъ нихъ главнымъ образомъ зависитъ то внутреннее благоустройство и то гармоническое соглашеніе элементовъ, которое недоступно для государства, поглощеннаго общими вопросами.

Вообще, въ политической сферѣ, какъ и вездѣ, идеальное устройство состоитъ не въ подавленіи различныхъ элементовъ какимъ-либо однимъ, а въ гармоническомъ сочетаніи всѣхъ, при свободномъ развитіи каждаго, то-есть въ согласіи разнообразія. Въ историческомъ развитіи человѣчества, большія государства и малыя играютъ ту роль, которая предназначается имъ ихъ географическими и этнографическими условіями. Часто это не зависитъ отъ произвола. Малое государство не можетъ, по своему хотѣнію, сдѣлаться большимъ. Въ основаніи его лежитъ извѣстная народность, которой объемъ и внутренняя сила опредѣляютъ занимаемое государствомъ пространство. Однако государство можетъ расширить свои предѣлы посредствомъ завоеваній. Этимъ путемъ самое незначительное государство можетъ сдѣлаться громаднымъ. Примѣръ представляютъ Римляне, которые, исходя изъ маленькаго города, покорили наконецъ весь извѣстный тогда міръ.

Здѣсь возникаетъ весьма важный политическій вопросъ: насколько завоеванія полезны и въ какихъ случаяхъ они полезны? Этотъ вопросъ съ особеннымъ вниманіемъ трактовалъ Макіавелли, но и понынѣ онъ сохранилъ свое значеніе.

Основное правило политики состоитъ въ томъ, что завоеванія должны быть соразмѣрны съ внутреннею силой государства. Новыя завоеванія, съ одной стороны, требуютъ защиты, а съ другой стороны должны быть прочно связаны съ прежними владѣніями. Увеличенная территорія естественно нуждается въ большей защитѣ. Если новое пріобрѣтеніе не доставляетъ новыхъ средствъ, то защищать рас-

ширенныя владѣнія приходится съ прежними средствами, которыя могутъ быть достаточны для меньшей территоріи, но недостаточны для большей. Поэтому, пріобрѣтеніе новыхъ владѣній нерѣдко ведетъ къ напряженію силъ, истощающему страну. Въ примѣръ можно привести итальянскія войны французскихъ королей въ XVI-мъ вѣкѣ и тѣ, которыя были вызваны честолюбіемъ Людовика XIV-го. Но еще болѣе разительный примѣръ представляютъ завоеванія Наполеона I-го. Послѣ неслыханнаго періода славы они оставили Францію истощенною и униженною. Покореніе Испаніи въ особенности потребовало такихъ жертвъ, которыя подорвали силы, необходимыя противъ другихъ враговъ.

Весьма важное значеніе имѣетъ при этомъ возможность прочно связать новую область съ старыми. Чѣмъ легче установляется эта связь, тѣмъ, разумѣется, выгоднѣе завоеваніе. Поэтому, пріобрѣтеніе области близкой не представляетъ такихъ препятствій, какъ завоеваніе областей отдаленныхъ. Послѣднія труднѣе защищать и связать съ цѣлымъ составомъ государства. Съ другой стороны, возможность удержать свое владычество зависитъ отъ состоянія покоряемой страны. Всего легче дается покореніе племенъ полудикихъ или стоящихъ на гораздо низшей степени культуры, нежели побѣдители. Таковы, напримѣръ, племена Туркестана въ отношеніи къ Россіи и народцы Южной Африки въ отношеніи къ Англіи. Но иногда и полудикія племена проявляютъ такую внутреннюю силу, которая является неожиданнымъ препятствіемъ завоеванію. Недавно мы видѣли это на примѣрѣ Абиссиніи. Еще труднѣе удержать владычество тамъ, гдѣ образованіе побѣдителей и побѣжденныхъ болѣе или менѣе однородное, а населеніе привыкло къ самостоятельной жизни или тяготѣетъ къ другому государству. Испанія показала Наполеону, какъ можетъ защищаться народъ, повидимому отупѣвшій подъ игомъ клерикальнаго деспотизма. Итальянскія владѣнія Австріи были потеряны, какъ скоро Италія сознала себя какъ единое цѣлое. Въ такомъ же положеніи находится Польша въ отношеніи къ Россіи. Легко было завоевать и удержать за собою Остзейскія провинціи, которыя и прежде уже находились подъ владычествомъ Швеціи, и гдѣ горсть Нѣмцевъ сидѣла надъ массою латышскаго населенія. Условій для самостоятельной политической жизни тутъ не было; обѣ народности связывались своими интересами съ Россіей. Но совсѣмъ иное было отношеніе къ Польшѣ. Овладѣть ею было не трудно при полномъ разложеніи государственной жизни; но преданія прежней независимости, при однородности собственно польскихъ элементовъ, донынѣ составляютъ неодолимое препятствіе всякой дальнѣйшей связи.

Сліяніе можетъ значиться на бумагѣ; но на дѣлѣ Польша болѣе чужда Россіи, нежели даже въ первое время присоединенія, когда тамъ была, по крайней мѣрѣ, русская партія. Понынѣ эта страна представляетъ не болѣе какъ боевой пунктъ, удержаніе котораго едва ли не превышаетъ приносимыхъ выгодъ. Можно весьма усомниться и въ политической пользѣ отъ пріобрѣтенія Германіей Эльзаса и Лотарингіи. Несмотря на нѣмецкое населеніе Эльзаса, послѣ двадцатипятилѣтняго владычества эта область осталась также чужда Германіи, какъ и прежде. И тутъ это не болѣе какъ боевая позиція, сохраненіе которой требуетъ самаго страшнаго напряженія военныхъ силъ и держитъ всю Европу подъ гнетомъ все возрастающаго милитаризма. Безпристрастный наблюдатель политическихъ событій не можетъ не признать, что еслибы миръ былъ заключенъ на болѣе умѣренныхъ условіяхъ, и Германія и Европа были бы избавлены отъ неисчислимыхъ золъ и находились бы въ болѣе нормальномъ положеніи; онѣ не имѣли бы постоянно висящій надъ ними Дамокловъ мечъ ожидаемой войны, грозящей обагрить образованнѣйшія страны міра потоками крови. Но люди, отуманенные побѣдами, всего менѣе думаютъ объ умѣренности: они хотятъ только воспользоваться всецѣло настоящимъ днемъ и раздавить врага, не помышляя объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ своего торжества. Когда же туманъ прошелъ, народное самолюбіе и тщеславіе мѣшаютъ смотрѣть вещамъ прямо въ глаза. Еще не было въ мірѣ примѣра, чтобы государство добровольно отказалось отъ своихъ стяжаній. Даже Австрія не рѣшилась отвратить войну 1866 г. уступкою Венеціи, хотя она хорошо понимала, что ей въ концѣ концовъ не удержать этой области. Пріобрѣтенное кровью и желѣзомъ отнимается только кровью и желѣзомъ. Тутъ дѣйствуетъ уже не политика, хладнокровно обсуждающая выгоды и невыгоды извѣстнаго дѣйствія, а голосъ страстей или самолюбія, которому подчиняется политика. Онъ внушаетъ народамъ, что занявъ силою оружія извѣстное положеніе, они должны стараться во что бы ни стало его удержать, хотя бы для этого нужно было пожертвовать всѣми благами цивилизаціи. Исторіи приходится смирять такого рода притязанія.

Относительно новыхъ завоеваній можно принять за правило, что ихъ не слѣдуетъ дѣлать, пока не упрочены прежнія. Исторія доказываетъ, что основанныя на обширныхъ завоеваніяхъ государства падаютъ также быстро, какъ они возникаютъ. Такова была монархія Александра Македонскаго; она распалась тотчасъ послѣ смерти ея основателя. Таже участь постигла монархію Чингисхана. Въ наше время всѣ завоеванія Наполеона I-го были утрачены еще при его жизни. Образцомъ постепенности въ завоевательной политикѣ могутъ

служить Римляне. Они расширяли свои владѣнія шагъ за шагомъ, упрочивая каждое новое пріобрѣтеніе прежде, нежели они приступали къ дальнѣйшимъ. Они не присоединили ни единаго клочка земли внѣ Италіи, пока послѣдняя не была связана съ Римомъ самыми прочными узами. Благодаря этой разумной дальновидности, они не только завоевали весь міръ, но и сохранили свои пріобрѣтенія въ теченіи многихъ вѣковъ.

Однако и тутъ безмѣрное расширеніе территоріи имѣло свои весьма существенныя невыгоды. При такомъ составѣ государства владычествующая народность растворяется въ другихъ. Государство становится пестрою смѣсью разнородныхъ элементовъ, которые связываются лишь общимъ правительствомъ, а правительство, которое не опирается на народный духъ, лишается главной своей поддержки, о чемъ подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей главѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о расширеніи границъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о народности. Матеріальными и нравственными силами господствующей народности опредѣляется естественный объемъ ея владычества. Какъ скоро она выходитъ изъ этихъ предѣловъ, она подрываетъ собственныя основы. Отсюда несбыточность всѣхъ такъ-называемыхъ всемірныхъ монархій. Римская Имперія распалась вслѣдствіе внутренняго безсилія, прежде нежели она была покорена варварами.

И въ этомъ отношеніи существенную важность имѣютъ характеръ и свойства пріобрѣтаемыхъ земель. Присоединеніе пустынныхъ пространствъ, заселенныхъ дикими племенами, не требуетъ большихъ жертвъ и мало вліяетъ на внутренній бытъ. Они составляютъ какъ бы придатокъ, съ которымъ легко справиться. Таковы наши завоеванія на Востокѣ. Но еслибы Россіи удалось завоевать Константинополь, то удержаніе этого міроваго пункта не только потребовало бы неисчислимыхъ жертвъ, но оно отразилось бы на всемъ ея государственномъ и общественномъ строѣ. Черезъ это измѣнились бы всѣ задачи ея внѣшней и внутренней политики. Центръ тяжести Русской земли передвинулся бы на Югъ. Россія перестала бы быть тѣмъ, чѣмъ ее сдѣлала исторія, и самый складъ русскаго народа сталъ бы инымъ. Невозможно, конечно, сказать, на сколько онъ былъ бы способенъ совладать съ этими новыми задачи. Во всякомъ случаѣ, такое отрѣшеніе отъ всего своего прошлаго имѣло бы для него весьма невыгодныя послѣдствія.

Сказанное о завоеваніяхъ въ значительной степени относится и къ колоніямъ. Колоніи суть отдѣльныя территоріи, или вовсе не заселенныя, или заселенныя племенами, стоящими на низшей степени культуры, куда переселяются граждане для постояннаго жительства.

Здѣсь возникаютъ два вопроса: 1) до какой степени нужны колоніи и 2) какъ ихъ устроить?

Колоніи создаются большею частью изъ экономическихъ соображеній: онѣ составляютъ источникъ богатства. Чѣмъ болѣе покоренная страна изобилуетъ естественными произведеніями, чѣмъ болѣе она представляетъ выгодъ для торговли, тѣмъ болѣе она привлекаетъ къ себѣ поселенцевъ. Къ этому присоединяются иногда и политическіе виды: богатыя области умножаютъ силы государства По своему выгодному положенію на земномъ шарѣ, колоніи могутъ доставить не только торговые пути, но и опору для морскаго владычества и для дѣйствія на сосѣдей. Но колоніи требуютъ жертвъ: съ одной стороны, онѣ нуждаются въ защитѣ, съ другой стороны онѣ отвлекаютъ силы страны, переманивая къ себѣ поселенцевъ. Когда же покоренная страна заселена воинственными племенами, нужны значительныя усилія со стороны владычествующаго государства, чтобы покорить ихъ прочнымъ образомъ. Франція испытала это въ Алжирѣ.

Если колонія, какъ обыкновенно бываетъ, отдѣлена моремъ отъ метрополіи, то защита ея требуетъ морскихъ силъ. Поэтому, онѣ всего болѣе сподручны большимъ морскимъ державамъ, которыя въ состояніи посылать свой флотъ по всѣмъ концамъ міра. Колоніи же мелкихъ государствъ при первой войнѣ попадаютъ въ руки болѣе сильныхъ соперниковъ; такимъ образомъ уничтожаются плоды долголѣтнихъ усилій и жертвъ. Такъ исчезла большая часть колоній португальскихъ и французскихъ. Таже судьба постигла и значительную часть голландскихъ колоній. Все это досталось владычествующей на морѣ державѣ—Англіи. Въ послѣдніе годы во Франціи происходили оживленные споры на счетъ расширенія колоніальныхъ владѣній. Въ настоящее время всѣ болѣе или менѣе значительныя морскія государства, какъ бы взапуски другъ передъ другомъ, стараются овладѣть свободными пространствами земнаго шара и подѣлить ихъ между собою. Этимъ думаютъ открыть новый сбытъ для торговли и приготовить почву для возрастающаго народонаселенія. Первоклассной державѣ, какъ Франція, трудно отстать отъ другихъ, тѣмъ болѣе, что основаніе колоній имѣетъ затягивающее свойство: каждый шагъ влечетъ за собою дальнѣйшіе, не всегда желательные, но неизбѣжные. Противники расширенія не безъ основанія указываютъ на то, что этимъ способомъ отвлекаются силы, необходимыя для внутренней обороны. Послѣ постигшаго ее погрома, имѣя подъ бокомъ могучаго сосѣда, увѣнченнаго побѣдами, и открытую границу, Франція принуждена постоянно стоять на сторожѣ и приносить величайшія жертвы для поддержанія своихъ военныхъ силъ, не отвлекаясь дальними предпріятіями. Указываютъ и

на то, что при первой войнѣ всѣ эти съ трудомъ пріобрѣтенныя колоніи могутъ разомъ попасть въ руки враговъ. Противъ этого защитники колоніальной политики возражаютъ, что держава, играющая такую историческую роль, какъ Франція, не можетъ ограничиваться настоящимъ днемъ, упуская изъ виду будущее. Если она останется на мѣстѣ, когда все кругомъ расширяется и ростетъ, она неизбѣжно понизится въ ряду народовъ и закроетъ всякіе дальнѣйшіе пути будущимъ поколѣніямъ. При такихъ условіяхъ выборъ, очевидно зависитъ не столько отъ политическихъ расчетовъ, для которыхъ будущее остается всегда гадательнымъ, а отъ вѣры въ силы своего народа. Страна, занимающая въ мірѣ первенствующее положеніе, не можетъ низойти съ этой ступени, не сдѣлавъ, можетъ-быть, даже излишнихъ жертвъ, чтобы на ней удержаться. Только исторія можетъ разрѣшить этотъ вопросъ.

Кромѣ значительной траты денегъ и людей, удержаніе колоній требуетъ и выселенія извѣстной части народа, притомъ самой энергической и предпріимчивой. Если есть избытокъ населенія, такая эмиграція бываетъ полезна. При такомъ условіи, колонизація становится существенною потребностью государства. Она представляетъ какъ бы естественное его расширеніе; этимъ способомъ культура страны разносится по отдаленнымъ берегамъ. Такое именно явленіе представляютъ намъ древнія греческія государства. Для нихъ колоніи были источникомъ силъ и богатства. Но при другихъ условіяхъ выселеніе значительной части гражданъ можетъ вести къ истощенію государства. Разительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Испанія. Послѣ открытія Америки все, что было въ Испаніи энергическаго и любящаго свободу, отправилось искать приключеній на новомъ материкѣ. Истощенная страна подпала подъ гнетъ самаго удушливаго деспотизма. А между тѣмъ и колоніи не были счастливы; только вмѣсто деспотизма въ нихъ водворилась анархія. Элементы свободы и порядка, которые, въ совокупности, могли бы упрочить разумный государственный бытъ, будучи разъединены породили, противоположныя крайности и общій упадокъ силъ.

Совершенно иное зрѣлище представляетъ англо-саксонское племя. Оно какъ будто по преимуществу предназначено для колонизаціи. Въ немъ, во всѣхъ слояхъ, господствуетъ тотъ духъ личной иниціативы и предпріимчивости, который для этого всего болѣе нуженъ. Оно высылаетъ своихъ сыновъ во всѣ концы міра, вездѣ основываетъ обширныя колоніи, а между тѣмъ зерно остается столь же крѣпкимъ, какъ и прежде. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о колонизаціи весьма многое зависитъ отъ свойствъ племени. Замѣчаютъ, что изъ всѣхъ европей-

скихъ народовъ Французы менѣе всѣхъ имѣютъ способность къ колонизаціи. Они неохотно выселяются и скорѣе склонны подчиняться правительственному руководству, нежели дѣйствовать по собственному почину, а въ колонизаціи требуется именно обратное. Плодотворное проложеніе новыхъ путей есть дѣло личной предпріимчивости.

Однако и государственное устройство оказываетъ при этомъ свое вліяніе. Аристократическія государства обнаруживаютъ особенную способность къ колонизаціи. Здѣсь низшіе и средніе классы, не находя надлежащаго простора въ отечествѣ, ищутъ новыхъ поприщъ для дѣятельности въ покореніи другихъ странъ. Колоніи служатъ самою сильною поддержкой англійской аристократіи. Въ нихъ младшіе сыновья обрѣтаютъ доходныя мѣста, которыя вознаграждаютъ ихъ за лишеніе отцовскаго наслѣдства. Тамъ занимаютъ высокое положеніе тѣ, которые въ Англіи не допускаются въ высшія общественныя сферы. Туда, наконецъ, устремляются бѣдные, обдѣленные землей.

Нерѣдко и самое покореніе туземныхъ племенъ бывало дѣломъ частной предпріимчивости: Америка была завоевана искателями приключеній. Но самый разительный примѣръ представляетъ покореніе двухсотъ-милліоннаго населенія Индіи англійскою Остъ-Индскою Компаніей. Правительство давало только привилегіи; остальное было совершено частными средствами. Торговыя выгоды съ избыткомъ вознаграждали приносимыя жертвы. Для государства такой способъ пріобрѣтенія представляетъ то несомнѣнное преимущество, что отъ него не требуется никакихъ тратъ и усилій. Оно не втягивается въ ненужныя войны, не идетъ далѣе того, что матеріально полезно. Но зато меркантильный расчетъ стоитъ здѣсь на первомъ планѣ, часто въ ущербъ не только частной, но и политической нравственности. Громкіе процессы Клайва и Варренъ-Гестингса обнаружили тѣ ужасы, которые нѣкогда творились агентами Остъ-Индской Компаніи. И на нашихъ глазахъ разбойническое нападеніе на Трансвааль показало, что въ настоящее время, также какъ и прежде, торговая выгода не останавливается ни передъ чѣмъ. Но въ наше время, по крайней мѣрѣ, невозможна уже прежняя тайна. Все скорѣе выходитъ наружу.

Тамъ, гдѣ доходы не вознаграждаютъ убытковъ или требуются силы, превосходящія частныя средства, покореніе туземцевъ становится по необходимости дѣломъ правительства. Тутъ ему приходится расчитывать, насколько расширеніе владѣній можетъ вознаградить его за производимыя траты. Но, какъ указано выше, именно этотъ расчетъ представляетъ величайшія трудности, ибо выгоды отдаленнаго будущаго всегда остаются гадательными, и къ матеріальнымъ расчетамъ присоединяются идеальныя соображенія, какъ-то, цивилизующее

призваніе великаго народа, которое не поддается математическимъ выкладкамъ. Во Франціи, со времени завоеванія Алжира, не разъ возникали пренія на счетъ выгодъ, приносимыхъ этою колоніей. Многіе утверждали, что лучшее ее покинуть, такъ какъ она не вознаграждаетъ и никогда не можетъ вознаградить постоянной траты денегъ и людей. Однако, выгода приморскаго положенія, расчетъ на будущее и въ особенности чувство національной гордости всегда склоняли вѣсы въ пользу сохраненія пріобрѣтеннаго. Великой державѣ въ особенности трудно покинуть завоеваніе, на которое потрачено много денегъ и людей. Тѣмъ необходимѣе величайшая осмотрительность, прежде нежели пускаться въ новыя предпріятія. Италіи пришлось жестоко поплатиться за стремленіе основать обширную колонію въ Африкѣ. Государству, котораго финансы находятся въ самомъ плачевномъ положеніи, въ которомъ платежныя силы народа напряжены до крайности, пускаться въ отдаленныя предпріятія есть верхъ неблагоразумія. При настоящихъ условіяхъ, Италіи всего выгоднѣе было бы покинуть Эритрею; но этому мѣшаетъ чувство національной гордости, которое въ политикѣ играетъ первенствующую роль.

Нерѣдко однако государство волей или неволей бываетъ вовлечено въ новыя предпріятія. Съ дикими народами, привыкшими къ независимой и воинственной жизни, трудно жить въ мирѣ. Безпрерывныя нападенія влекутъ за собою отместку; нужно обуздать дикарей, а обуздать ихъ нельзя иначе, какъ покореніемъ. Этимъ способомъ государства затягиваются въ войны, которыя съ перваго взгляда представляются вовсе не желательными. Такъ совершилось у насъ покореніе Кавказа; такъ расширились и наши владѣнія въ Туркестанѣ. Въ силу такого же рода обстоятельствъ, Франція совершила завоеванія Тонкина и Мадагаскара. Но въ такомъ случаѣ надобно устремить все свое вниманія на то, чтобы новое пріобрѣтеніе поглощало какъ можно менѣе силъ и средствъ. Это достигается, главнымъ образомъ, благоразумнымъ устройствомъ управленія.

Способы управленія колоній могутъ быть разные. Въ прежнія времена самымъ обыкновеннымъ дѣломъ было предоставленіе управленія торговымъ компаніямъ. Это практикуется даже и теперь. Торговой компаніи, завоевавшей Родезію, Англія предоставила управленіе этою страной. Но если въ совершенно дикихъ мѣстностяхъ такой способъ управленія можетъ быть допущенъ, то въ упроченныхъ колоніяхъ, особенно при значительной эмиграціи изъ метрополіи, онъ представляетъ весьма существенныя невыгоды. Частная компанія всегда имѣетъ въ виду свой барышъ, а не пользу колоніи. Съ туземцами она обходится безъ всякаго зазрѣнія совѣсти; граждане же собственнаго

государства, выселяющіеся съ колонію, подчиняются не общественной, а частной власти, преслѣдующей исключительно коммерческія цѣли. При расширеніи владѣній нерѣдко требуются и политическія соображенія, къ чему частная компанія совершенно неспособна. Вторженіе въ Трансвааль показываетъ, къ какимъ осложненіямъ можетъ вести подобная система. Даже Остъ Индская Компанія, завоевавшая многомилліонное населеніе, въ концѣ концовъ оказалась неспособною совладать съ своею задачей. Вслѣдствіе послѣдняго грознаго возстанія въ Индіи она была лишена своихъ привилегій.

Но и правительственное управленіе можетъ быть разное. Когда покоренная страна имѣетъ уже свою, болѣе или менѣе прочную племенную или государственную организацію, всего лучше установить протекторатъ. Это имѣетъ ту весьма существенную выгоду, что отъ владычествующаго государства требуется гораздо менѣе издержекъ, а туземцы остаются при знакомыхъ и привычныхъ имъ условіяхъ жизни, а потому болѣе довольны. Легче держать въ повиновеніи правительство, нежели цѣлый народъ. Такой протекторатъ установленъ Франціей въ Тунисѣ, и это имѣло самыя благія послѣдствія. Если же племенное устройство такъ шатко, что не представляетъ достаточныхъ гарантій, или, по какимъ-либо инымъ обстоятельствамъ, протекторатъ невозможенъ, приходится устроивать собственное управленіе, военное или гражданское. Оба имѣютъ свои весьма значительныя невыгоды. Военное управленіе ведетъ къ произволу, гражданское къ бюрократическому формализму. Первое совершенно умѣстно тамъ, гдѣ имѣешь дѣло съ воинственными племенами; въ такомъ случаѣ оно даже единственно возможное. Отъ военныхъ властей зависитъ умѣрять суровость этой системы и прилагать силу только тамъ, гдѣ нужно. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи высшая культура, полагая глубокое раздѣленіе между побѣдителями и побѣжденными, не только не способствуетъ ихъ сближенію, но усугубляетъ рознь. Судьба сѣверо-американскихъ племенъ подъ владычествомъ Англичанъ достаточно извѣстна. Изъ европейскихъ народовъ, наименѣе культурные Русскіе всего болѣе способны сближаться съ покоренными племенами и держать ихъ въ повиновеніи не однимъ страхомъ, но и общительностью. Это относится и къ гражданскому управленію, котораго существенные недостатки состоятъ въ томъ, что, съ одной стороны, оно требуетъ большихъ расходовъ, а съ другой стороны, оно давитъ туземцевъ и стѣсняетъ дѣятельность собственныхъ гражданъ. На это всего болѣе жалуются во Франціи. Бюрократія составляетъ здѣсь язву колоніальной жизни.

Устранить это зло можно только тамъ, гдѣ количество новыхъ

поселенцевъ достаточно велико для устройства мѣстнаго самоуправленія. Въ такомъ положеніи съ самаго начала находилась большая часть англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ. Но такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не только объ управленіи собственными дѣлами, но и объ отношеніи къ туземнымъ племенамъ, то метрополія, имѣющая въ виду установленіе порядка вещей, основаннаго на справедливомъ уваженіи къ правамъ и интересамъ послѣднихъ, не можетъ отказаться отъ большаго или меньшаго контроля, смотря по обстоятельствамъ. Она не можетъ терять изъ виду и собственную связь съ колоніей. Послѣдній вопросъ ставится особенно рѣзко, когда населеніе колоніи увеличивается и въ ней является стремленіе къ самобытной жизни. Въ такомъ случаѣ здравая политика предписываетъ сохранять связь политическую, уничтоживъ связь административную. Въ этомъ отношеніи, образцомъ можетъ служить колоніальная политика Англіи. Отторженіе Соединенныхъ Штатовъ послужило ей урокомъ. Теперь всѣ сколько-нибудь значительныя колоніи получаютъ свои отдѣльные парламенты, облеченные законодательною властью, съ отвѣтственнымъ передъ ними министерствомъ. Губернаторъ же, стоящій во главѣ исполнительной власти, назначается англійскимъ правительствомъ. Этимъ способомъ сохраняется политическая связь при полномъ внутреннемъ самоуправленіи. Но нужно сказать, что для такого рода отношеній нужна вся эластичность англійской конституціи, предоставляющей самый широкій просторъ свободѣ. Въ Испаніи и Франціи, колоніи посылаютъ своихъ представителей въ парламенты метрополій; но это далеко не имѣетъ тѣхъ выгодъ, какъ англійская система. Нынѣшнее возстаніе въ Кубѣ показываетъ, какъ мало такой порядокъ вещей удовлетворяетъ колонистовъ. Только при широкомъ внутреннемъ самоуправленіи колонія перестаетъ быть предметомъ вымогательствъ и притѣсненій со стороны присылаемыхъ изъ метрополія правительственныхъ агентовъ, которые, благодаря отдаленности края и особенности условій, обыкновенно пользуются почти полною безнаказанностью. Можно сказать, что англійская система, сохраняющая самостоятельность присоединяемыхъ областей и дающая имъ возможность развиваться свободно, составляетъ вѣнецъ политики пріобрѣтеній.

ГЛАВА III.

Политика народности.

Мы разсматривали народность съ точки зрѣнія юридической, этнографической и исторической [1]). Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть

[1]) См. I, стр. 81 и слѣд.; II, стр. 68 и слѣд., 357 и слѣд.

ее съ точки зрѣнія политической: при какихъ условіяхъ и какими путями народность организуется въ государство?

Мы видѣли, что народность составляетъ главное основаніе государства, то, что даетъ ему внутреннее, живое единство. Связанный духовнымъ общеніемъ, единствомъ языка, нравовъ, религіи, народъ естественно стремится образовать одно политическое цѣлое. И съ точки зрѣнія правительственной, легче связать части одного народа, нежели различныя народности, другъ другу чуждыя, а нерѣдко и враждебныя, имѣющія каждая свои особенности и свои стремленія.

Вслѣдствіе этого, большая часть государствъ, и древнихъ и новыхъ, возникали, опираясь на извѣстную народность. Теократическія государства Востока создавались завоеваніями воинственнаго племени, одушевленнаго вѣрою въ національнаго бога, владычеству котораго они покоряли другіе народы. Менѣе обширныя классическія государства организовались на основаніи естественнаго племеннаго единства. Въ новое время процессъ представляется болѣе сложнымъ. Нашествіе варваровъ произвело смѣшеніе племенъ, которыя раздробились на мелкіе союзы, не связанные общею политическою связью. Государства новаго времени, а съ ними и новыя народности, вырабатывались изъ этого хаотическаго состоянія труднымъ и медленнымъ путемъ, постепеннымъ соединеніемъ разсѣянныхъ частей и сплоченіемъ ихъ воедино. Этотъ процессъ политическаго объединенія, въ которомъ создавалась и самая народность, былъ главнымъ образомъ дѣломъ абсолютныхъ монарховъ, которые явились собирателями земли. Имъ предстояло уничтожить самостоятельность мелкихъ мѣстныхъ союзовъ и слить ихъ въ одно цѣльное государственное тѣло. Въ этотъ періодъ созиданія государствъ абсолютныя монархіи играютъ поэтому первенствующую историческую роль. Типическими ихъ представителями можно считать Францію и Россію.

Однако, при этомъ постепенномъ образованіи государствъ не имѣлось въ виду ясно сознанной цѣли — собрать воедино разсѣянную народность. Обыкновенно преслѣдовались цѣли чисто правительственныя: пріобрѣтеніе новыхъ областей, увеличеніе могущества князя, какъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, такъ и для умноженія внутренней силы. Но монархи руководствовались при этомъ вѣрнымъ инстинктомъ, соединяя области, естественно связанныя другъ съ другомъ, и которыя, поэтому, легче было сплотить въ одно тѣло и подчинить единой власти. Развивающееся сознаніе народности шло на встрѣчу этимъ стремленіямъ. Тамъ, гдѣ оно было слабѣе и, напротивъ, крѣпче была самостоятельная жизнь отдѣльныхъ областей, тамъ не удалось создать единаго политическаго тѣла. Народность осталась

раздѣленною на самостоятельныя государства. Такова была судьба Италіи и Германіи.

Съ другой стороны, вслѣдствіе преобладанія правительственныхъ цѣлей, являлись и чисто искусственныя комбинаціи. Частные способы пріобрѣтенія земель, какъ-то, наслѣдство, бракъ, нерѣдко и завоеванія, соединяли въ одно политическое тѣло совершенно различныя народности. Типомъ такого искусственнаго соединенія является Австрія. Конечно, для того чтобы такое политическое зданіе могло держаться долго и прочно, надобно, чтобъ этому способствовали самыя естественныя условія. Когда племена перемѣшаны другъ съ другомъ и область одного вторгается въ область другаго, раздѣлить ихъ чрезвычайно трудно. Слабость каждой отдѣльной части и географическое ихъ положеніе побуждаютъ ихъ искать опоры другъ въ другѣ или подчиняться общей власти. Примѣръ такой естественной связи различныхъ народностей представляетъ Швейцарія. Здѣсь три различныхъ народности, нѣмецкая, французская и итальянская, вслѣдствіе географическаго положенія издавна связаны другъ съ другомъ и образуютъ общій политическій союзъ, сохраняя каждая свою самостоятельность. Точно также и различныя народности Австрійской Имперіи тяготѣютъ къ общему центру вслѣдствіе неспособности устроить самостоятельную политическую жизнь, а въ иныхъ случаяхъ и вслѣдствіе потребности имѣть опору для подавленія другихъ, подчиненныхъ народностей. Однако далеко не всегда такія естественныя группировки и тяготѣнія принимались въ соображеніе при созданіи или увеличеніи государствъ. До новѣйшаго времени преобладающимъ началомъ было право силы; господствовала политика захватовъ, которая воздерживалась только соображеніями равновѣсія. На Вѣнскомъ Конгрессѣ менѣе всего имѣлись въ виду желанія или польза подвластныхъ населеній. Народы распредѣлялись между государями по обширности территоріи и количеству душъ. Принимались въ расчетъ главнымъ образомъ отношенія силъ и интересовъ могучихъ державъ. И въ наше время отторженіе Эльзаса и Лотарингіи отъ Франціи показываетъ, что право силы остается рѣшающимъ началомъ въ международной политикѣ, что, впрочемъ, неизбѣжно тамъ, гдѣ независимыя державы, не имѣюшія надъ собою высшаго судьи, приходятъ другъ съ другомъ въ столкновеніе. Гдѣ нѣтъ высшей власти, всякій вопросъ въ концѣ концовъ рѣшается силою. Отъ побѣдителя зависитъ болѣе или менѣе умѣренное пользованіе своимъ правомъ, и практика показываетъ, что въ этихъ случаяхъ чувство справедливости и вниманіе къ пользѣ побѣжденныхъ менѣе всего принимаются въ соображеніе.

Злоупотребленіе правомъ силы не проходитъ однако даромъ. Ис-

кусственныя соединенія, идущія наперекоръ непреоборимымъ жизненнымъ стремленіямъ подвластныхъ, имѣютъ свои весьма существенныя политическія невыгоды, съ которыми приходится считаться. Недостаточно покорить чужую область или народность; надобно постоянно держать ее въ повиновеніи, а это иногда требуетъ такого напряженія силъ, которое не окупается полученными выгодами. Отсюда безпрерывныя затрудненія, и во внутреннемъ управленіи, и во внѣшней политикѣ. Эти затрудненія ростутъ, по мѣрѣ того какъ общественныя силы крѣпнутъ и выдвигаются на первый планъ, а именно это составляетъ явленіе новѣйшаго времени. Искусственныя сочетанія держатся лишь силою власти, а потому представляются болѣе или менѣе надежными, только пока вся жизнь государства сосредоточивается въ правительствѣ. Таково было положеніе европейскихъ народовъ въ періодъ абсолютизма, пока нужно было создавать и укрѣплять государство. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ выдвигаются другія задачи. Общественное сознаніе зрѣетъ; является потребность внутренняго преуспѣянія; предъявляются требованія свободы. Французская Революція провозгласила, какъ общее начало, что всякій народъ имѣетъ право самъ устроивать свою судьбу, и хотя собственные ея подвиги весьма мало соотвѣтствовали теоретическимъ ея ученіямъ, сѣмена ихъ глубоко запали въ западно-европейскія общества. Самыя насилія, совершенныя, какъ революціонными войсками, такъ и Наполеономъ, вызвали реакцію народнаго чувства во имя свободы. Повсюду пробудилось сознаніе самостоятельности народнаго духа и народныхъ особенностей. Это сознаніе было возведено въ общую идею развитіемъ философіи, которая поняла народность, какъ извѣстную форму или ступень всемірнаго духа. Уже въ первую половину XIX-го вѣка эта идея носилась въ общемъ сознаніи, а во вторую половину она перешла на практическую почву. Начало народности сдѣлалось главнымъ двигателемъ европейской политики; во имя его была пересоздана карта Европы.

Можно спорить о томъ, насколько каждая народность имѣетъ право на самобытное существованіе; но, въ виду очевидныхъ фактовъ, невозможно не признать, что народность составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ политической жизни. А потому предстоитъ разсмотрѣть, при какихъ условіяхъ народъ можетъ имѣть притязаніе на самостоятельность, какія для этого могутъ употребляться средства и какой политики должны держаться государства, которыхъ интересы, въ ту или другую сторону, затрогиваются этими стремленіями.

Очевидно, что не всякое племя способно образовать изъ себя го-

сударство. Чтобы занимать самостоятельное мѣсто въ ряду другихъ надобно имѣть достаточную внутреннюю и внѣшнюю силу, чтобъ стоять на своихъ ногахъ и охранять свою независимость. Государство не есть произведеніе природы, какъ физическое лицо: это — искусственная личность, создаваемая исторіей, и призванная играть извѣстную роль на міровомъ поприщѣ. Первое и главное его основаніе составляетъ собственная сила, а для того, чтобъ эта сила создалась, нуженъ цѣлый рядъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій.

Внутренними условіями служатъ крѣпость народнаго духа и способность организоваться. Чтобъ образовать самостоятельное политическое тѣло, необходимо прежде всего, чтобы въ обществѣ существовало единодушное къ этому стремленіе, а это есть дѣло духовныхъ силъ, лежащихъ въ глубинѣ народнаго сознанія. Новѣйшее время представляетъ въ этомъ отношеніи назидательные примѣры. Ни въ чемъ, можетъ быть, прогрессивное развитіе человѣчества не высказывается такъ явно, какъ въ выступленіи на историческое поприще народнаго сознанія въ самыхъ различныхъ племенахъ. Грецiя, Италія, Германія, славянскія народности возродились въ теченіи нынѣшняго столѣтія. Главную роль въ этомъ пробужденіи играетъ литература, которая получаетъ черезъ это политическое значеніе. Литературою пробуждается въ народѣ сознаніе своего единства и любовь къ своимъ особенностямъ. Она зажигаетъ въ сердцахъ тотъ священный пламень, который неотразимо влечетъ народъ къ требованію самостотельнаго существованія. И это дѣйствіе не знаетъ никакихъ политическихъ преградъ. Нѣтъ цензуры, которая способна была бы заглушить вѣяніе народнаго духа. Самыя суровыя мѣры австрійскаго правительства во времена Меттерниха не въ состояніи были остановить ростъ славянскихъ народностей. Лексиконы, историческія изысканія, согрѣтая любовью къ родинѣ поэзія, все воспламеняетъ сердца и увлекаетъ ихъ съ неудержимою силой. Чѣмъ строже цензура, тѣмъ сильнѣе возбуждается ненависть къ господствующему порядку. Всякій намекъ схватывается на-лету и передается изъ устъ въ уста. Противъ такого рода духовныхъ движеній полицейскія мѣры совершенно безсильны.

Но мало одного національнаго движенія; надобно, чтобы къ этому присоединялись другія условія. Важнымъ факторомъ является географическое положеніе страны, дающее ей возможность выдѣлиться изъ другихъ и образовать самостоятельное цѣлое. Племя, стѣсненное между другими, особенно входящее въ составъ крупной державы, съ трудомъ можетъ добиться независимаго существованія. Еще бо́льшимъ препятствіемъ внутреннему единенію служитъ смѣшеніе племенъ. Тамъ,

гдѣ различныя народности такъ перемѣшаны другъ съ другомъ, что отдѣлить одну отъ другой нѣтъ никакой возможности, тамъ національное движеніе всегда встрѣтитъ неодолимыя преграды. Если преобладающая народность оказалась настолько могущественною, что она въ состояніи была покорить смѣшанныя съ нею племена и образовать самостоятельное государство, то она тѣмъ самымъ заявила себя историческою силой, которая держится на своихъ ногахъ и способна отстаивать свое существованіе. Такова, напримѣръ, Венгрія. Однако и она принуждена опираться на Австрійскую Имперію. Если же господствующее племя малочисленно и какъ бы заброшено среди другихъ, оно неизбѣжно подпадаетъ подъ чужое владычество. Таково, напримѣръ, положеніе Остзейскаго края. Горсть Нѣмцевъ, нѣкогда покорившая латышскія племена, оторванная отъ остальнаго народа, могла держаться только при средневѣковыхъ порядкахъ. Съ возникновеніемъ новыхъ государствъ она неизбѣжно должна была подчиниться владычеству могучихъ сосѣдей, сначала Швеціи, а потомъ Россіи. Ни о самостоятельномъ политическомъ существованіи, ни о соединеніи съ Германіей тутъ не можетъ быть рѣчи.

Наконецъ, важнѣйшимъ условіемъ внутренней силы является способность организоваться. Однихъ духовныхъ стремленій мало для практической дѣятельности. Надобно, чтобы народъ, ищущій политической независимости, во-первыхъ, умѣлъ драться, а во-вторыхъ, умѣлъ образовать болѣе или менѣе прочное правительство, соединяющее вокругъ себя лучшія силы страны. Народъ, лишенный военныхъ способностей, не можетъ имѣть притязанія на государственное существованіе, ибо государство, какъ державное тѣло, должно отстаивать свои права собственною силой. Это—первое условіе независимости. Затѣмъ, онъ долженъ выработать изъ себя крѣпкую власть, которой всѣ безпрекословно подчиняются, ибо первый признакъ государства состоитъ въ установленіи единой, господствующей надъ всѣми верховной власти. При возникновеніи новыхъ государствъ такая власть вдвойнѣ необходима. Издавна отмѣченныя лѣтописцами постоянныя ссоры Славянъ между собою всего болѣе содѣйствовали тому, что они всѣ почти должны были подчиниться чужеземному владычеству. Только тамъ, гдѣ вотчинное начало пріобрѣло достаточно силы, чтобы сдѣлаться центромъ государственной жизни, могло образоваться независимое и прочное государство. Отсюда, вообще, великое значеніе вотчиннаго начала при возникноненіи европейскихъ государствъ. Внутреннія распри средневѣковыхъ вольныхъ общинъ и аристократическихъ сословій служили существеннымъ препятствіемъ устройству крѣпкихъ политическихъ тѣлъ.

Эта способность организоваться является важнѣйшимъ условіемъ и для пріобрѣтенія внѣшнихъ союзовъ. Рѣдко подчиненная народность можетъ обрѣсти независимость безъ чужой помощи. Владычествующее государство имѣетъ за себя и организованныя военныя силы, и упроченный временемъ государственный порядокъ, и множество связанныхъ съ этимъ порядкомъ интересовъ и, наконецъ, признаніе другихъ. Противъ всего этого трудно бороться. Самые героическіе подвиги нерѣдко бываютъ тщетны. Но когда народность, стремящаяся къ самостоятельному существованію, выказала и военныя и политическія способности, когда геройская борьба, руководимая прочно организованною властью, длится въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, она волею или неволею привлекаетъ къ себѣ сочувствіе другихъ народовъ и государствъ, которыхъ интересы замѣшаны въ происходящей борьбѣ. Тутъ оказывается новая политическая сила, съ которою надобно считаться и которая можетъ служить опорой въ международныхъ отношеніяхъ.

Таково именно было положеніе Греціи во время борьбы за независимость. Она выставила не только рядъ героевъ, прославившихъ ея имя на полѣ битвы, но и замѣчательныхъ государственныхъ людей, которые руководили внутренними дѣлами и были посредниками между возстающимъ народомъ и европейскими правительствами: таковы были Каподистріа, Маврокордато, Колетти. Общественное мнѣніе Европы съ пламеннымъ сочувствіемъ слѣдило за геройскими подвигами христіанскаго народа, стремившагося свергнуть съ себя вѣковое иго мусульманскаго варварства. Классическія преданія древней Греціи поддерживали общее одушевленіе. Поэты и публицисты взывали къ самымъ возвышеннымъ чувствамъ образованныхъ обществъ. Отовсюду стекались и люди и матеріальныя средства. Наконецъ, самыя правительства были увлечены общимъ потокомъ. Тутъ боролись начала и интересы двоякаго рода. Съ одной стороны, принципъ легитимизма, господствовавшій среди европейскихъ державъ, препятствовалъ оказанію помощи подданнымъ, возстающимъ противъ законнаго правительства. Въ особенности этой точки зрѣнія держалась Австрія, которой самое существованіе связано было съ сохраненіемъ установленнаго порядка на Балканскомъ полуостровѣ. Примѣръ Греціи могъ быть заразителенъ и для собственнаго ея разноплеменнаго населенія. Съ другой стороны, требованія человѣколюбія, сочувствіе христіанскому народу, стремящемуся къ освобожденію отъ варварскаго ига, наконецъ, для нѣкоторыхъ державъ, политическій интересъ, состоявшій въ ослабленіи Оттоманской Имперіи, все это побуждало европейскія правительства оказать поддержку возстанію. Благодаря героиче-

скому постоянству Греціи, послѣдняя точка зрѣнія наконецъ взяла верхъ. Наваринское сраженіе положило конецъ турецкому владычеству, а война 1828 года окончательно упрочила независимость Греціи.

Въ совершенно иномъ положеніи находилась Болгарія, когда Россія шла на ея освобожденіе. Въ то время Болгары не выказали еще ни боевыхъ, ни политическихъ способностей. Предпринимая это дѣло, русское правительство руководилось, съ одной стороны, сочувствіемъ къ угнетеннымъ и негодованіемъ, которое было возбуждено въ европейскомъ мірѣ ужасами болгарской рѣзни, съ другой стороны вѣковою политикой Россіи, которая стремилась расширить свое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ, покровительствуя подвластнымъ Турціи племенамъ. Но при полной неизвѣстности относительно того, что могла дать Болгарія, война все-таки была начата нѣсколько необдуманно; цѣль ея оставалась въ полномъ туманѣ. Еще менѣе согласно съ требованіями политики было заключеніе Санъ-Стефанскаго договора: создавалось значительное государство изъ совершенно невѣдомыхъ матеріаловъ. Берлинскій трактатъ ввелъ эти условія въ болѣе скромныя границы, и если русское общественное мнѣніе ополчилось противъ сдѣланныхъ на немъ уступокъ, то это обнаруживало только недостатокъ въ немъ политическаго смысла: національное самолюбіе брало верхъ надъ хладнокровнымъ расчетомъ. Надобно было сперва устроить малую Болгарію и предоставить времени довершить начатое дѣло. Болгары дѣйствительно показали себя способными къ государственной жизни: въ войнѣ съ Сербами они выказали боевыя способности, а въ послѣдующее затѣмъ время они проявили значительный политическій смыслъ, только не въ пользу освободившей ихъ державы, а въ ущербъ ея интересамъ. Какъ бы ни судили съ нравственной точки зрѣнія о политической дѣятельности Стамбулова, нѣтъ сомнѣнія, что онъ выказалъ себя замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ. Возвращеніе князя, схваченнаго ночью вслѣдствіе гнуснаго заговора и вывезеннаго тайкомъ за границу, показало въ немъ гражданина, дорожащаго законнымъ порядкомъ и твердо стоящаго противъ всякихъ революціонныхъ козней; затѣмъ, умѣніе соединить вокругъ себя всѣ лучшія силы страны и твердою рукой направлять народное собраніе; созданіе прочнаго правительства при самыхъ трудныхъ условіяхъ, при явно враждебномъ отношеніи покровительствующей державы и безпрерывныхъ козняхъ, которыя учинялись партіей, возлагавшей свои надежды на поддержку Россіи и не пренебрегавшей ни возстаніями, ни тайными убійствами; выборъ князя, никѣмъ не признаннаго и умѣніе, въ теченіи семи лѣтъ, удержать его на мѣстѣ, лавируя между противоположными интересами крупныхъ европейскихъ

державъ; все это обличаетъ политическаго дѣятеля съ выдающимися способностями. Жестокость мѣръ, къ которымъ ему приходилось прибѣгать, въ значительной степени вызывалась опасностью положенія и способами дѣйствія его противниковъ, которые не гнушались никакими средствами. Всякія попытки террора снизу всегда имѣли и будутъ имѣть послѣдствіемъ терроръ сверху; а въ полудикой странѣ, цѣлые вѣка страдавшей подъ варварскимъ гнетомъ и едва нарождающейся къ государственной жизни, подавленіе революціонныхъ козней по неволѣ принимаетъ характеръ жестокости. Самъ Стамбуловъ, позорно преданный правительствомъ, которое онъ создалъ, палъ наконецъ жертвой убійцъ; но совершенное имъ дѣло принесло свои плоды. Благодаря ему, Болгарія получила прочный политическій порядокъ; она сдѣлалась не орудіемъ только въ чужихъ рукахъ, а самостоятельною силой, съ которою надобно считаться. Въ этомъ отношеніи, результаты войны 1878 года оправдались; но они вышли совсѣмъ не тѣ, которые ожидало отъ нихъ русское правительство. Собственная наша политика въ этомъ дѣлѣ можетъ служить скорѣе предостереженіемъ, нежели примѣромъ. Она показываетъ, что когда начинаешь войну, надобно знать, къ какой цѣли идешь, и какими матеріалами располагаешь; а когда вызвана къ жизни новая народность, надобно умѣть съ нею обращаться, а не считать ее просто покорнымъ орудіемъ своей воли, въ расчетѣ на ея благодарность. Политика состоитъ прежде всего въ искусствѣ управлять людьми, не полагаясь на ихъ чувства, а понимая ихъ интересы и стараясь направить ихъ въ свою пользу.

Если Грецiя и Болгарія могутъ служить примѣрами народностей, которыя, можно сказать, возродились изъ ничтожества, благодаря обладанію военныхъ и политическихъ способностей, то Польша, напротивъ, представляетъ примѣръ народности, которая пала вслѣдствіе полнаго отсутствія въ ней политическаго смысла. Можно скорбѣть о бѣдственномъ положеніи даровитаго и образованнаго народа, лишившагося отечества; можно негодовать противъ беззастѣнчивой политики державъ, которыя подѣлили между собою владѣнія слабаго сосѣда безъ малѣйшаго на то повода, просто во имя права силы; но глядя на эти событія съ политической точки зрѣнія, нельзя не сказать, что паденіе Польши было вызвано совершенною ея политическою неспособностью. Политикъ долженъ стараться выяснить причины явленій, и эти причины онъ часто находитъ въ превратномъ способѣ дѣйствій государственныхъ людей. И въ XVII-мъ и въ XVIII-мъ вѣкѣ, единственная цѣль польской аристократіи, казалось, состояла въ томъ, чтобъ ослабить государство. Нелѣпая конституція, пред-

ставлявшая только организованную анархію, уничтоженіе войска изъ опасенія усилить власть короля, притѣсненіе подвластныхъ и своеволіе шляхты, безпрерывные внутренніе раздоры, вызывавшіе вмѣшательство сосѣдей, все это могло имѣть послѣдствіемъ только полный внутренній упадокъ. И это происходило именно въ то время, когда сосѣднія государства крѣпли и усиливались подъ управленіемъ неограниченныхъ монарховъ, направлявшихъ всю свою политику къ умноженію государственныхъ силъ. Результатомъ этого положенія былъ первый раздѣлъ Польши. Тогда, изъ ненависти къ Россіи, Поляки возложили всѣ свои надежды на Пруссію, для которой они были только игрушкой, и которая, въ сущности, была ихъ главнымъ врагомъ. Это привело ко второму и третьему раздѣлу. Раздавленная страна пріобрѣла однако неожиданнаго покровителя въ лицѣ императора Александра Перваго. Послѣ великихъ европейскихъ войнъ, по его настоянію, Царство Польское было возстановлено. Оно получило и собственное войско и даже представительныя учрежденія, о которыхъ и не мечтали сосѣдніе народы. Но вмѣсто того, чтобы дорожить этими пріобрѣтеніями и понимать всю непрочность своего положенія среди окружающихъ ихъ великихъ державъ, Поляки провод ли время въ мелочной оппозиціи, по вопросамъ, не стоившимъ вниманія здравомыслящаго политика. Наконецъ, безумная революція 1830 года уничтожила всѣ дарованныя льготы. Ребенокъ могъ бы понять, что слабой Польшѣ, окруженной враждебными ей могучими державами, не совладать съ силами Россіи. Но увлеченные революціоннымъ потокомъ, вызваннымъ Іюльскими днями, Поляки ничего не видѣли и не понимали. Они ринулись въ безнадежную борьбу безъ всякаго серіознаго повода, и, разумѣется, пали. Тридцатилѣтній суровый гнетъ былъ наказаніемъ безумной попытки. Затѣмъ еще разъ имъ представился случай возродиться къ новой жизни подъ управленіемъ монарха, одушевленнаго самыми благими и либеральными стремленіями, готоваго дать имъ все, что было совмѣстно съ интересами Россіи. Въ маркизѣ Віелопольскомъ они нашли и государственнаго человѣка, способнаго быть руководителемъ по этому пути. И все это опять самымъ безумнымъ образомъ было отвергнуто. Внутренніе раздоры парализовали всякое политическое дѣйствіе. Графъ Замойскій шелъ наперекоръ маркизу Віелопольскому; Россіи въ глаза брошенъ былъ вызовъ, заявленіемъ, что Поляки не довольствуются принадлежащимъ имъ Царствомъ Польскимъ, а намѣрены требовать и древнерусскихъ областей, вошедшихъ въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Наконецъ, безсмысленная и свирѣпая революція 1863-го года положила конецъ всякимъ либеральнымъ начинаніямъ. Революціонная пар-

тія думала тайнымъ терроромъ достигнуть своей цѣли. Но и тутъ терроръ снизу могъ только вызвать терроръ сверху; революція безъ большаго труда была подавлена русскими войсками; несбыточныя надежды на помощь европейскихъ державъ оказались тщетными, и Польша окончательно пала жертвою собственнаго политическаго безсмыслія. Таковъ приговоръ, который долженъ произнести надъ нею политикъ, безпристрастно наблюдающій явленія государственной жизни. Политическая роль ея не кончена; народъ, жившій историческою жизнью, богато одаренный природою и одушевленный несокрушимою любовью къ отечеству, не исчезнетъ съ лица земли. Покоряясь внѣшней силѣ, Польскій народъ сохранилъ свою духовную самостоятельность. Съ нимъ придется еще считаться. Но человѣкъ, сочувствующій Польшѣ и желающій ея возрожденія, не можетъ не сказать, что оно возможно лишь подъ тѣмъ условіемъ, что уроки исторіи послужатъ ей на пользу. Поляки должны убѣдиться, что для самостоятельной жизни недостаточно однихъ пылкихъ стремленій; нуженъ еще здравый политическій смыслъ, пониманіе своего положенія и умѣніе пользоваться обстоятельствами. Безъ этого для народа нѣтъ будущности.

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что надежда на чужую помощь всегда бываетъ очень гадательна. Надобно, чтобъ интересъ иностранной державы совпадалъ съ требованіями стремящейся къ освобожденію народности. Тамъ, гдѣ есть нѣсколько соперничествующихъ державъ, которыхъ интересы идутъ врозь, дѣйствіе неизбѣжно парализуется. Это именно было причиною поддержанія Оттоманской Имперіи. Соперничество европейскихъ державъ требуетъ сохраненія неприкосновенности Турціи. Поэтому стремленія подвластныхъ народностей встрѣчаютъ такъ мало поддержки. Только тамъ, гдѣ Россія, пользуясь обстоятельствами, могла дѣйствовать либо одна, либо въ союзѣ съ другими заинтересованными державами, она, шагъ за шагомъ, завоевывала большую или меньшую самостоятельность для подчиненныхъ племенъ и вмѣстѣ расширяла сферу своего вліянія. Но Восточная война положила предѣлъ одностороннему дѣйствію и воздвигла сильныя преграды русскому вліянію. При такихъ условіяхъ, внутреннія силы пріобрѣтаютъ рѣшающее значеніе. Дальнѣйшая судьба народовъ Балканскаго полуострова зависитъ главнымъ образомъ отъ собственнаго ихъ преуспѣянія и отъ ихъ способности утвердить у себя прочный государственный порядокъ. Вообще, освобожденіе племенъ, находящихся подъ вѣковымъ чужеземнымъ владычествомъ, есть дѣло медленнаго и многотруднаго историческаго процесса, въ которомъ постепенное внутреннее развитіе соединяется съ измѣнчивою игрой внѣшнихъ обстоятельствъ.

Гораздо выгоднѣе положеніе народности, которая внутри себя имѣетъ уже упроченное государство, составляющее центръ, къ которому можно примкнуть и около котораго можно группироваться. Тутъ есть уже признанный всѣми вождь и организованная сила, а это составляетъ первое условіе успѣха. Таково именно было въ новѣйшее время положеніе Италіи и Германіи. Однако, въ обоихъ случаяхъ, какъ условія, такъ и способы дѣйствія были совершенно различны.

Центромъ итальянскаго движенія былъ Піэмонтъ, государство второстепенное, не обладавшее достаточною силой, чтобы побороть могущество Австріи. Главною его нравственною опорой была общая ненависть къ чужеземному игу. Это чувство соединило Итальянцевъ и заставило ихъ столпиться около національнаго знамени, когда оно, въ 1848-мъ году, было поднято Сардинскимъ правительствомъ. Увлеченный общимъ потокомъ, Піэмонтъ объявилъ Австріи войну; было провозглашено, что Италія сама совершитъ свое освобожденіе (Italia fara da se). Скоро однако оказалось, что одного народнаго энтузіазма недостаточно для побѣды. Наварское сраженіе положило конецъ всѣмъ этимъ увлеченіямъ. Пришлось начинать дѣло съизнова, идти шагъ за шагомъ, руководствуясь уже не мечтами, а зрѣло обдуманною политикой. Къ счастію для Италіи, нашелся государственный человѣкъ первой величины, который, подобно Ѳемистоклу, зналъ, какимъ образомъ изъ маленькаго государства можно сдѣлать большое. Нашелся и король, который понялъ и поддерживалъ политику своего министра, представляя въ лицѣ своемъ національное знамя, къ которому обращались люди самыхъ различныхъ свойствъ и направленій, отъ строгихъ консерваторовъ до рьяныхъ республиканцевъ.

Задача и тутъ предстояла двоякая: внутренняя и внѣшняя. Внутренняя политика состояла въ томъ, чтобы привлечь къ себѣ общее довѣріе и соединить вокругъ себя лучшія силы Италіи, отвлекая ихъ отъ революціонныхъ партій. Ненависть къ чужеземному игу естественно возбуждала революціонныя стремленія, и, по обыкновенію, крайняя партія волновалась въ пустотѣ, проповѣдывала самыя радикальныя теоріи, дѣйствовала тайными заговорами и производила безплодныя возстанія, не расчитывая цѣли и средствъ. Надобно было ввести это неопредѣленное броженіе въ правильное русло, дать исходъ національному чувству, замѣнить революціонную организацію правительственною силой. Средствомъ для этого служила откровенно либеральная политика, которая, подъ знаменемъ конституціонной монархіи, умѣла сочетать крѣпость правительственной власти съ широкою свободой. Кавуръ въ этомъ дѣлѣ былъ мастеръ. Онъ твердо держался

конституціоннаго порядка, который одинъ въ состояніи былъ соединить и направить къ общей цѣли разрозненные элементы національной жизни. Если въ эпоху возникновенія новыхъ европейскихъ государствъ абсолютные монархи были зиждителями политическаго единства, то съ развитіемъ общественныхъ элементовъ чисто правительственная связь становится недостаточною; въ наше время дѣло національнаго объединенія можетъ быть совершено только съ помощью свободы. Новѣйшія событія доказываютъ это съ полною очевидностью.

Положеніе Сардинскаго правительства осложнялось отношеніями къ другимъ государствамъ. Нельзя было поднимать національное знамя, не затрогивая интересовъ другихъ итальянскихъ князей, которымъ національное единство грозило паденіемъ. Къ счастью для Піэмонта онъ не имѣлъ между ними соперниковъ; но тѣмъ враждебнѣе они относились къ мало скрываемымъ стремленіямъ его государственныхъ людей. Самыя международныя отношенія требовали крайней осторожности. Не нарушая мира и не возбуждая противъ себя грознаго союза, нельзя было поднимать національный вопросъ. Можно было касаться его лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, указывая въ особенности на практическія затрудненія существующаго порядка. Въ глазахъ европейскихъ правительствъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи установленнаго трактатами распредѣленія силъ, извиненіемъ политики Піэмонта выставлялось то, что безъ этого Италія неудержимо отдавалась въ руки революціонной партіи, которой вліяніе росло по мѣрѣ того, какъ слабѣла надежда на правительства. Но парализовать революціонную партію, взявши ея дѣло въ свои руки, значило замѣнить тайную революцію явною, слѣдовательно болѣе опасною для заинтересованныхъ властей. Нужно было необыкновенное политическое искусство, чтобы лавировать между всѣми этими подводными камнями, сохраняя должную мѣру, соображая цѣли со средствами, поддерживая движеніе, но не забѣгая слишкомъ далеко впередъ и тѣмъ не компрометтируя собственнаго дѣла. Легко возбуждать революціонныя страсти, но не легко сдерживать и направлять ихъ къ предположенной цѣли. И въ этомъ отношеніи Сардинское правительство обнаружило изумительное искусство.

Однако и всего этого было мало. Одними собственными силами Италія все-таки не могла освободиться отъ чужеземнаго ига. Нужно было найти внѣшнюю опору. Ее далъ императоръ Французовъ, который былъ истиннымъ основателемъ итальянскаго единства. Собственно для Франціи начало народности не представляло никакого интереса. Сама Франція была давно объединена, и новый принципъ могъ только усилить сосѣдей, въ ущербъ ея собственному положенію въ

Европѣ. На это указывали дальновидные старые французскіе государственные люди. Но Людовикъ-Наполеонъ былъ мечтатель. Превратности его судьбы уклоняли его отъ путей благоразумной политики. Возведенный внезапно на высоту величія, послѣ молодости, проведенной въ безплодныхъ мечтаніяхъ и попыткахъ, онъ думалъ пересоздать всю карту Европы на основаніи новыхъ началъ. Ему мерещился союзъ латинскихъ народовъ подъ главенствомъ Франціи; въ своихъ планахъ онъ захватывалъ даже Америку. Совѣты осторожности не служили ни къ чему; Австріи было заявлено, что отношенія натянуты, и это заставило ее объявить войну. Но тутъ, не смотря на блестящіе успѣхи французскаго оружія, явились грозныя препятствія. Передъ французскимъ императоромъ стоялъ знаменитый четыреугольникъ крѣпостей, за которыми скрывалась разбитая австрійская армія; Германія мобилизировала свое войско, а собственныя военныя способности императора оказались весьма слабыми. Онъ рѣшился заключить миръ, совершивъ дѣло только на половину. Ломбардія была присоединена къ Піэмонту; но Венеціанское Королевство осталось за Австріей. Можетъ быть, при данныхъ условіяхъ, это былъ самый благоразумный исходъ, но это самое показывало, что дѣло было начато легкомысленно. Всѣ надежды и страсти были напряжены до крайности, и вдругъ ихъ постигло разочарованіе, которое обратилось противъ самого виновника этого предпріятія. Началась политика дерганій, всего менѣе достигающая цѣли: она всѣхъ раздражаетъ и никого не привязываетъ. Италія была предоставлена себѣ, и тутъ опять она проявила необыкновенный политическій смыслъ. Подъ вліяніемъ возбужденныхъ національныхъ надеждъ, всѣ мелкія правительства Италіи низвергались одно за другимъ и вездѣ предъявлялось одно требованіе—присоединеніе къ Піэмонту, которое представляло единственную гарантію противъ внѣшней опасности. Папа пробовалъ навербовать иноземныхъ волонтеровъ для подавленія революціи въ своихъ владѣніяхъ; сардинскія войска разсѣяли эти полчища. Экспедиція Гарибальди, съ горстью добровольцевъ, низвергла неаполитинское правительство и пріобщила весь югъ Италіи къ Сардинскому королевству. Нѣтъ сомнѣнія, что политика руководившаго этими движеніями піэмонтскаго правительства противорѣчила началамъ международнаго права; но при ненормальномъ и возбужденномъ состояніи, въ которомъ находилась Италія, трудно было дѣйствовать иначе. Предупредить революцію можно было только взявши дѣло въ свои руки. Наконецъ, императоръ Французовъ принужденъ былъ уступить настойчивымъ стремленіямъ Итальянцевъ. Первоначальною его цѣлью было вовсе не объединеніе Италіи, а образованіе союза государствъ съ папою во главѣ;

но событія приняли неожиданный для него оборотъ. Цѣною Савойи и Ниццы было куплено политическое единство освобожденной имъ страны. Оставалась Венеція, которая находилась еще въ рукахъ Австріи, и Римъ, гдѣ французскія войска охраняли главу католической церкви, на которую опирался императоръ Французовъ въ своей внутренней политикѣ. Союзъ Италіи съ Пруссіей довершилъ дѣло освобожденія: побѣдами Прусаковъ Венеція была возвращена разбитымъ Итальянцамъ. Самъ Людовикъ-Наполеонъ, въ непостижимомъ ослѣпленіи, содѣйствовалъ заключенію этого союза, который рано или поздно долженъ былъ обратиться противъ Франціи. Наконецъ, когда вслѣдствіе франко-прусской войны, раздавленная Франція доведена была до полнаго безсилія, Римъ самъ собою достался въ руки итальянскаго правительства. Такъ совершилось дѣло объединенія, въ высокой степени поучительное, какъ политическими результатами, такъ и совершенными ошибками. Слѣпое орудіе исторіи, императоръ Французовъ игралъ здѣсь роль того ученика, который зналъ магическое слово для вызова духовъ, но не зналъ, какъ ихъ опять угомонить, и былъ наконецъ ими растерзанъ. Франція жестоко поплатилась за оказанную Италіи помощь.

Насколько самъ Итальянскій народъ выигралъ отъ этой перемѣны своей судьбы, это—тоже вопросъ, который можно разсматривать съ разныхъ сторонъ. Безъ сомнѣнія, Итальянцы пріобрѣли независимость отъ чужеземнаго ига, внутреннюю свободу и почетное мѣсто среди европейскихъ народовъ. Но эти высокія блага куплены цѣною жертвъ, тяжелымъ бременемъ ложащихся на населеніе. Италія истощена непосильными повинностями, которыя требуются для поддержанія ея европейскаго положенія. Весьма можетъ быть, что даже въ недалекомъ будущемъ это искусственное единство разнородныхъ частей замѣнится болѣе свободнымъ союзомъ, въ которомъ чрезмѣрное напряженіе силъ уступитъ мѣсто мирному внутреннему развитію вокругъ мѣстныхъ центровъ, созданныхъ самою исторіей и носящихъ въ себѣ лучшія ея преданія. Мечты Людовика-Наполеона болѣе подходили къ истиннымъ потребностямъ Итальянскаго народа, нежели то политическое созданіе, къ которому привели его событія и которое поставило его на неправильный путь. Но для того чтобы произошла подобная перемѣна, нужно, чтобы сама Европа усѣлась на новыхъ основахъ. При существующемъ крайнемъ напряженіи военныхъ силъ, волей или неволей приходится тянуться за другими.

Не менѣе поучительна въ политическомъ отношеніи исторія образованія Германской Имперіи. И тутъ національное движеніе первоначально вызвано было ненавистью къ иноземному владычеству. Напо-

леоновскія войны пробудили въ Германіи сознаніе народности. Но въ теченіи полустолѣтія оно оставалось достояніемъ либеральной партіи. И крупныя и мелкія германскія правительства видѣли въ немъ опасность для существующаго порядка и преслѣдовали эти стремленія всѣми мѣрами. Въ революціонномъ движеніи 1848-го года они проявились наконецъ съ неудержимою силой. Созванъ былъ Франкфуртскій парламентъ, составленный изъ представителей всѣхъ нѣмецкихъ земель; воздвиглось даже временное имперское правительство въ лицѣ эрцгерцога Іоанна. Но скоро эти уступки, вынужденныя страхомъ, были унесены наступившей реакціей. Германскіе государи отказались повиноваться имперскому правителю. Прусскій король отклонилъ предложенную ему императорскую корону. Франкфуртскій Сеймъ палъ, и создавшее его революціонное движеніе разсѣялось, повидимому, безъ всякихъ результатовъ. Однако, стремленіе къ національному единенію глубоко коренилось въ потребностяхъ народнаго духа; рано или поздно оно должно было проявиться съ новою силой. И тутъ требовался прежде всего политическій руководитель, стоящій во главѣ организованнаго правительства. И здѣсь онъ явился въ лицѣ государственнаго человѣка первой величины, который понялъ потребности времени и задумалъ основать на нихъ величіе Пруссіи. Онъ увлекъ за собою и стараго монарха на совершенно несвойственный ему революціонный путь. Мы видѣли, что съ нравственной точки зрѣнія тѣ способы дѣйствія, къ которымъ прибѣгалъ кн. Бисмаркъ, далеко не заслуживаютъ одобренія; но въ чисто политическомъ отношеніи нельзя не преклониться передъ смѣлостью, прозорливостью и изворотливостью, съ которыми онъ проводилъ свои замыслы.

Средства, которыя онъ употреблялъ для достиженія своей цѣли, были вовсе не тѣ, къ которымъ прибѣгалъ Кавуръ. Тотъ дѣйствовалъ путемъ свободы; Бисмаркъ хотѣлъ осуществить свою мысль кровью и желѣзомъ. Онъ не искалъ чужой поддержки, а заключалъ союзы, какъ равный съ равными. Онъ не опирался и на общественное мнѣніе, а, напротивъ, оказывалъ ему полное презрѣніе. Главная задача состояла въ томъ, чтобъ увеличить военныя силы Пруссіи и сдѣлать ее способною одолѣть своихъ соперниковъ. Для проведенія этой политики, которой цѣли хранились въ глубокой тайнѣ, онъ вступилъ въ открытую борьбу съ парламентомъ и предпринялъ управленіе безъ утвержденнаго палатами бюджета. Нужно ли было, имѣя въ виду войну внѣшнюю, затѣвать войну внутреннюю и, вмѣсто опоры, имѣть въ обществѣ врага, это вопросъ, который, послѣ совершившихся событій, становится праздным. Государственный человѣкъ избираетъ тотъ путь, который указывается ему обстоятельствами. Во всякомъ

случаѣ, успѣхъ оправдалъ этотъ способъ дѣйствія и разрѣшилъ столкновеніе. Послѣ побѣды противники помирились; но съ тѣмъ вмѣстѣ водворилась эра милитаризма, которая тяжелымъ гнетомъ ложится на весь европейскій міръ.

Главнымъ препятствіемъ къ объединенію Германіи было соперничество двухъ великихъ державъ. Надобно было прежде всего отдѣлаться отъ Австріи. Ее заманили въ ловушку: подъ предлогомъ защиты правъ Шлезвигъ-Гольштейна, ее противъ воли вовлекли въ войну съ Даніей, затѣмъ, когда Шлезвигъ-Гольштейнъ былъ завоеванъ, затѣяли ссору; въ виду войны заключенъ былъ союзъ съ Италіей; а когда все было готово, Германскому Союзу предложили созвать представительное собраніе, основанное на всеобщей подачѣ голосовъ, и потребовали, чтобы въ 48 часовъ германскіе государи, подъ страхомъ военной оккупаціи, дали свое согласіе на это неслыханное предложеніе. Такимъ образомъ, въ самую удобную минуту, по тщательномъ соображеніи всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, обезпечивъ себя союзниками и оградивъ себя отъ всякаго внѣшняго вмѣшательства, прусское правительство возбудило войну, въ которой и австрійскія войска и войска Германскаго Союза были сокрушены въ кампаніи, веденной съ изумительной энергіей и быстротой. Военный геній Мольтке пришелъ на помощь политическому генію Бисмарка. Заключенъ былъ миръ, въ силу котораго владѣнія значительнѣйшихъ государей сѣверной Германіи, которыхъ вся вина заключалась въ томъ, что они не приняли прусскихъ предложеній и вздумали защищаться, присоединены были къ Пруссіи; присоединенъ былъ и Шлезвигъ-Гольштейнъ, права котораго прусское правительство шло защищать. Остальные мелкіе владѣльцы Сѣверной Германіи вошли въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза, подъ прусскою гегемоніей; съ южными заключены были оборонительные и наступательные союзы противъ всякаго внѣшняго врага. Австрія была выброшена изъ Германіи; Пруссія сдѣлалась главою всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, а вмѣстѣ одной изъ самыхъ могущественныхъ державъ Европы.

Оставалось довершить объединеніе, ставши во главѣ союзниковъ противъ общаго врага. Этимъ врагомъ была Франція, которой внезапное измѣненіе европейскаго равновѣсія грозило неминуемой опасностью, хотя оно совершилось съ согласія и даже съ помощью совершенно отупѣвшаго правительства Рано или поздно война была неизбѣжна; но и ее надобно было подвести такъ, чтобъ она произошла при самыхъ благопріятныхъ для Германіи условіяхъ. Прежде всего, необходимо было обезпечить свой тылъ. Естественнымъ союзникомъ Франціи была Австрія, которая искала возмездія за пораже-

ніе. Она была воздержана союзомъ съ Россіей, которая въ этомъ случаѣ поступила вопреки самымъ элементарнымъ правиламъ политики, воспрещающей содѣйствовать чрезмѣрному усиленію сосѣдней державы. Цѣною отмѣны постановленій Парижскаго трактата о Черномъ морѣ была куплена эта услуга. Затѣмъ, всѣ ухищренія Прусской политики были направлены къ тому, чтобы подставить Франціи ловушку и взвалить на нее самоё вину въ объявленіи войны. Велись интриги съ Испаніей; заранѣе уже расчитаны были плоды побѣды. Хитрость удалась какъ нельзя лучше. Неприготовленная къ войнѣ Франція сама ее объявила и была раздавлена съ быстротою, превосходящею самыя смѣлыя мечты. Двѣ провинціи съ первоклассными крѣпостями и пять милліардовъ контрибуціи были наказаніемъ политики, которая руководилась фантазіями и не умѣла соображать цѣли съ средствами. Объ умѣренности со стороны побѣдителя не было и рѣчи. Съ тѣмъ вмѣстѣ основалась и Германская Имперія. Всѣ германскіе государи стали подъ знамя ведшаго ихъ къ побѣдѣ могущественнаго монарха. Либеральнымъ стремленіямъ, которыя воспитали національную идею, дано было удовлетвореніе созданіемъ парламента, основаннаго на всеобщемъ правѣ голоса. Недавній ярый противникъ либерализма счелъ нужнымъ призвать демократическія силы, чтобы дать широкую опору воздвигнутому имъ политическому зданію. Сама Австрія преклонилась передъ неотразимымъ ходомъ событій и вступила въ союзъ съ новой имперіей, помогая ей охранять пріобрѣтенное ею могущество, какъ съ Востока, такъ и съ Запада. При такихъ условіяхъ, Россіи, содѣйствовавшей основанію этого грознаго тѣла, не оставалось ничего болѣе, какъ вступить въ союзъ съ обновленной Франціей. Только этимъ могло удержаться равновѣсіе европейскихъ силъ.

Изъ всего этого ясно, что вопросъ объ отношеніи народности къ государству находится въ самой тѣсной связи съ международною политикой. Появленіе всякаго новаго народа, съ самостоятельнымъ государственнымъ устройствомъ, на политическомъ поприщѣ измѣняетъ равновѣсіе политическихъ силъ, на которомъ покоится общій миръ, а потому не можетъ быть безразлично для остальныхъ. Государство, какъ державный союзъ, прежде всего представляетъ извѣстную силу и само остается судьею употребленія этой силы. Задержку оно находитъ только въ отпорѣ, который оно встрѣчаетъ въ другихъ. Поэтому, чрезмѣрное усиленіе одного всегда встрѣчаетъ противодѣйствіе сосѣдей, которые, въ свою очередь, принуждены напрягать всѣ свои средства для огражденія себя отъ возможныхъ нападеній. Изъ этихъ взаимныхъ отношеній возникаетъ извѣстная система равновѣсія, ко-

торой большая или меньшая устойчивость обезпечиваетъ прочность сохраненіе мира. Всякое измѣненіе этого равновѣсія влечетъ за собою новыя отношенія, которыя только временемъ, послѣ значительныхъ колебаній, могутъ быть приведены къ надлежащему уровню. Прочнымъ равновѣсіе можетъ считаться лишь тогда, когда участвующія въ немъ силы находятся въ замиренномъ состояніи. Когда же ихъ раздѣляютъ самые жгучіе вопросы, когда они взапуски другъ передъ другомъ увеличиваютъ свои военныя средства, о прочномъ мирѣ не можетъ быть рѣчи. А таково именно состояніе современной Европы, которая, благодаря боевой политикѣ Пруссіи, истощается безмѣрнымъ развитіемъ вооруженій. Война отсрочивается со дня на день лишь изъ опасенія тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, которыя могутъ изъ нея произойти при современномъ состояніи орудій разрушенія. Наивныя мечты друзей мира въ настоящее время менѣе осуществимы, нежели когда-либо. Франція не можетъ, не отказавшись отъ себя, отъ своего призванія, отъ своей исторической роли, оставаться въ томъ положеніи, въ которое ввергло ее страшное злоупотребленіе побѣды послѣ войны 1870-го года. Если она не была окончательно раздавлена, а обновилась и окрѣпла, то это обличаетъ въ ней присутствіе такихъ внутреннихъ силъ, которыя служатъ и всегда будутъ служить угрозою для Германіи. Или она должна быть стерта съ лица земли, или могущество Германіи должно быть ослаблено, таковы единственные возможные выходы изъ современнаго неестественнаго положенія. Но первое было бы несчастіемъ для человѣчества, которое лишилось бы одного изъ важнѣйшихъ органовъ своей духовной и политической жизни. Такой исходъ не можетъ быть допущенъ и Россіею, для которой, при существующемъ положеніи Европы, сила Франціи составляетъ условіе собственнаго ея могущества. Только обѣ державы вмѣстѣ могутъ сойти съ историческаго поприща или низойти на степень второстепенныхъ государствъ. Тогда властительницею міра осталась бы одна Германія. Но такой результатъ противорѣчилъ бы всему ходу новой исторіи. Въ древности одно государство могло получить перевѣсъ надъ всѣми другими и сдѣлаться владычествующею силой въ человѣческихъ обществахъ; въ новой исторіи, при разнообразіи и сложности элементовъ, силы человѣчества распредѣляются между многими народами, имѣющими каждый свое призваніе. Политическое развитіе происходитъ совокупною дѣятельностью всѣхъ. Здѣсь требуется равнонѣсіе силъ, а не исключительное преобладаніе одной надъ другими. При настоящемъ положеніи Европы, прочное равновѣсіе, основанное на замиренномъ состояніи, можетъ быть достигнуто только однимъ способомъ: ослабленіемъ могущества Германіи. Это послужитъ и къ пользѣ че-

ловѣчества, и ко благу самого Нѣмецкаго народа, котораго высокія духовныя дарованія страдаютъ отъ неестественнаго преобладанія политическихъ интересовъ: умы тупѣютъ и нравы дичаютъ подъ гнетомъ чрезмѣрно развившагося милитаризма. Какъ бы ни превозносилась народная гордость въ своемъ недавно пріобрѣтенномъ величіи, безпристрастный политическій наблюдатель долженъ сказать, что прочный миръ въ Европѣ можетъ установиться только тогда, когда Нѣмцы будутъ побиты. Съ точки зрѣнія общеловѣческаго развитія нѣтъ сомнѣнія, что всѣ народы вздохнутъ свободнѣе, когда этотъ гнетъ будетъ съ нихъ снятъ. Объ уничтоженіи германскаго единства, конечно, не можетъ быть рѣчи; оно слишкомъ глубоко коренится въ потребностяхъ народнаго духа. Но и для самой Германіи и для Европы желательна форма союза, основанная не на преобладаніи военной силы, а на удовлетвореніи матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ разнообразнаго населенія, которое входитъ въ составъ Германской Имперіи. Рано ли или поздно это совершится, конечно, угадать невозможно. Можетъ-быть, на это потребуется періодъ долгой и упорной борьбы; но это можетъ произойти очень быстро, однимъ ударомъ. Пути исторіи скрыты отъ взоровъ человѣка. Во всякомъ случаѣ, считать современное положеніе сколько нибудь прочнымъ и удовлетворительнымъ нѣтъ ни малѣйшей возможности. Чисто практическіе политики, которыхъ взглядъ не простирается далѣе настоящаго дня, могутъ считать положеніе прочнымъ, когда имъ удалось уладить текущія столкновенія, за что человѣчество можетъ быть имъ благодарнымъ; историкъ и политикъ, изучающіе общій ходъ событій, должны смотрѣть на явленія шире и простирать свои взоры въ даль. Менѣе всего позволительно современные недуги принимать за благодѣянія.

Равновѣсіе европейскихъ силъ можетъ быть нарушено и съ другой стороны. Начало народности, какъ источникъ новыхъ политическихъ формацій, не исчерпало своего содержанія. Послѣ объединенія Италіи и Германіи предстоитъ разрѣшеніе вопроса славянскаго. Почти одновременно съ движеніемъ, охватившимъ другіе европейскіе народы, пробудились національныя стремленія и въ славянскихъ племенахъ. Возникла туземная литература, поэтическая и ученая. Сознаніе своихъ народныхъ особенностей и общей духовной связи проявлялись все съ большею и большею силой. Въ настоящее время это — элементъ, съ которымъ приходится считаться и въ политикѣ. Однако здѣсь вопросъ ставится совершенно иначе, нежели въ Италіи и Германіи. Тутъ нѣтъ мѣста для дилеммы, поставленной великимъ поэтомъ:

Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.

Можно, напротивъ, навѣрное сказать, что ни славянскіе ручьи не сольются въ безъ того уже слишкомъ обширномъ русскомъ морѣ, ни оно не изсякнетъ. Славянскія племена разсѣяны по огромному пространству, на Сѣверѣ и на Югѣ; они перемѣшаны съ другими, столь же, если не болѣе, крѣпкими и не поддающимися чужому вліянію. Каждое изъ нихъ имѣетъ свой характеръ, свой языкъ, свою историческую судьбу; они раздѣлены и религіозными вѣрованіями. Стремясь къ самостоятельности, они вовсе не желаютъ быть поглощенными даже сроднымъ племенемъ и такимъ образомъ лишиться своей личности. Сознаніе духовнаго сродства не влечетъ за собою политическаго единства. Въ политическомъ отношеніи славянскій вопросъ вовсе не означаетъ созданія единаго, безмѣрно великаго государства, а образованіе мелкихъ, самоуправляющихся единицъ, связанныхъ болѣе или менѣе тѣсною федеративною связью и состоящихъ подъ защитою и покровительствомъ крупной державы. Но какая это держава: сродная имъ Россія или иноплеменная Австрія?

Исторія соединила значительную часть западныхъ славянскихъ племенъ подъ владычествомъ Австрійской Имперіи. Но именно противъ этого владычества направлены были всѣ стремленія пробудившагося славянскаго духа. Пока Австрія была деспотическимъ государствомъ, которое, высоко держа знамя законной монархіи, не признавало никакихъ народныхъ стремленій, а напротивъ, видѣло въ нихъ исчадіе революціоннаго духа и старалось подавить ихъ всѣми средствами, естественно, что она была предметомъ ненависти дорожащихъ своею самобытностью славянскихъ племенъ. Въ то время всѣ взоры обращались къ Россіи, въ которой видѣли будущую освободительницу отъ чужеземнаго ига, и хотя русское правительство, строго держась правильныхъ международныхъ отношеній и само проникнутое духомъ австрійской политики, отвергало всякую солидарность съ этими стремленіями, однако въ русскомъ обществѣ они встрѣтили глубокое сочувствіе. Завязались живыя сношенія, въ которыхъ важнѣйшую роль играли наши славянофилы. Пробудилось чувство духовнаго братства славянскихъ племенъ. Это была эпоха идиллическаго поклоненія народному духу, радостнаго пробужденія долго дремавшихъ силъ.

Съ тѣхъ поръ однако положеніе существенно измѣнилось. Австрія изъ абсолютнаго государства превратилась въ конституціонное. Съ тѣмъ вмѣстѣ открылось широкое поприще для всѣхъ національныхъ стремленій. Конечно, удовлетворить ихъ всѣ, при смѣшеніи племенъ и разнообразіи противорѣчащихъ другъ другу требованій, представляетъ дѣло чрезвычайной трудности. Австрія не можетъ отказаться и отъ того, что составляло всю ея историческую силу, отъ преобла-

данія германскаго элемента. Тѣмъ не менѣе, австрійскіе государственные люди съ замѣчательнымъ искусствомъ умѣютъ лавировать между всѣми этими подводными камнями. Путемъ сдѣлокъ и уступокъ, давая частное удовлетвореніе умѣреннымъ притязаніямъ и сдерживая крайнія, они успѣли установить такой порядокъ вещей, въ которомъ, при относительной свободѣ разнообразныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ имперіи, сохраняется однако твердый центръ, на который всѣ могутъ опираться. Всѣ чувствуютъ, что безъ этого центра все распадется и настанетъ хаосъ. Поэтому, австрійское правительство успѣло пріобрѣсти приверженцевъ среди самихъ славянскихъ народовъ. Хорваты издавна были главною опорой австрійскихъ войскъ; въ 1848 году они возстали за цѣлость имперіи противъ сепаратистскихъ стремленій Венгріи. Чехи, которые долго держались въ сторонѣ, вступили наконецъ въ составъ австрійскаго парламента и одно время служили одною изъ главныхъ опоръ правительственнаго большинства. Лучшіе представители Западныхъ Славянъ, люди, принадлежащіе къ старочешской партіи, оказавшіе своему народу незабвенныя услуги, вступили даже съ австрійскимъ правительствомъ въ сдѣлку, которая подорвала ихъ мѣстное вліяніе; ихъ замѣнила болѣе крайняя младочешская партія. Но уроки исторіи доказываютъ, что радикальная политика менѣе всего можетъ расчитывать на прочный успѣхъ. Младочешская партія, въ свою очередь, поняла, что безъ сдѣлокъ никакая политика не обходится. Парламентское поприще скорѣе всего этому научаетъ. Это поняли даже и Поляки, которые, какъ мы видѣли, въ своей исторіи менѣе всего выказывали политическаго смысла. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ они всего ближе стоятъ къ австрійскому правительству. Австрія даетъ имъ то, чего они не находятъ нигдѣ: свободное поприще національнаго развитія, при относительной самостоятельности положенія. Вездѣ ихъ народность преслѣдуется и угнетается; здѣсь же она не только находитъ политическій центръ, около котораго она можетъ развиваться свободно, но она составляетъ одну изъ главныхъ опоръ всего государственнаго зданія. Въ настоящую минуту изъ среды Поляковъ выходятъ тѣ государственные люди, которые стоятъ во главѣ австрійскаго правительства. Здѣсь Поляки могутъ на практикѣ научиться политическому искусству, недостатокъ котораго былъ причиною ихъ паденія и пріобрѣтеніе котораго составляетъ залогъ всей ихъ будущности. Такимъ образомъ, конституціонная Австрія даетъ подвластнымъ ей славянскимъ племенамъ то, въ чемъ отказывала имъ абсолютная монархія: возможность самобытнаго развитія въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставила ихъ исторія. На парламентскомъ поприщѣ они могутъ бороться за свои права и

достигать своихъ цѣлей, вступая въ сдѣлки съ другими и пользуясь обстоятельствами. Либерализмъ здѣсь, какъ и вездѣ, служитъ самымъ сильнымъ орудіемъ и опорою національныхъ стремленій.

Ничего подобнаго не представляетъ имъ Россія. Какое бы сочувствіе мы ни оказывали славянскимъ братьямъ, участь Польши не оставляетъ ихъ равнодушными; это они доказали на Московскомъ съѣздѣ. Въ этомъ отношеніи мы находимся въ гораздо болѣе невыгодномъ положеніи, нежели Австрія. Конечно, мы можемъ оправдываться тѣмъ, что для насъ польская народность является врагомъ; не разъ она поднимала оружіе противъ русскаго владычества. Но нельзя не признать, что это враждебное отношеніе было вызвано предыдущей политикой. Раздѣлъ Польши совершился среди полнаго мира, когда обезсиленная страна неспособна была причинить сосѣдямъ какое бы то ни было зло. Какъ бы ни противорѣчили здравой политикѣ слѣдовавшія затѣмъ вооруженныя возстанія, они были не болѣе какъ легкомысленными увлеченіями возбужденнаго патріотизма, то-есть, такого чувства, которое заслуживаетъ не осужденія, а похвалы. Полное подавленіе польской народности ими не оправдывается. А между тѣмъ, при такомъ условіи, политика освобожденія угнетенныхъ Славянъ въ самомъ корнѣ своемъ поражена внутреннимъ противорѣчіемъ. Когда русское правительство шло на освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига и русское общественное мнѣніе увлекалось мыслью о войнѣ за притѣсняемыхъ братьевъ, они не замѣчали того ложнаго положенія, въ которое становится государство, одною рукою поднимающее знамя свободы, а другою рукою подавляющее это самое начало у себя. Тѣ самые люди, которые волновались за Болгаръ, не хотѣли слышать о Полякахъ. Правительство, преслѣдующее чисто политическія цѣли, легко мирится съ такого рода противорѣчіями; но общество, которое воображаетъ, что оно ополчается во имя нравственной цѣли, не въ правѣ пенять на иностранцевъ, которые не совсѣмъ довѣряютъ его безкорыстію. Самый примѣръ освобожденной Болгаріи показалъ, какъ трудно абсолютной монархіи ужиться съ условіями свободы. Непривычка имѣть дѣло съ независимыми силами заставляетъ прилагать къ освобожденнымъ народамъ тѣ самые пріемы, которые употребляются дома, а это ведетъ къ взаимному отчужденію. Недостаточно требовать благодарности, надобно умѣть обходиться съ людьми и направлять ихъ къ своимъ цѣлямъ. Когда же это умѣніе не пріобрѣтено практикой, выходитъ въ результатѣ, что кровь и деньги были потрачены даромъ, и тѣ, которые должны бы быть привязаны благодарностью, отталкиваются безъ нужды, что не можетъ не имѣть вліянія и на всѣхъ другихъ, ищущихъ покровительства.

Къ такимъ же плачевнымъ результатамъ ведетъ и та травля подвластныхъ народностей, которая недавно еще производилась самою вліятельною частью русской печати. Безъ малѣйшаго повода объявлялась война всѣмъ подвластнымъ Россіи племенамъ, которыя дорожили своими историческими и національными особенностями. На нихъ сыпались часто совершенно неосновательные обвиненія и доносы; требовалось безусловное ихъ подчиненіе однообразной государственной регламентаціи, съ искорененіемъ всего, что напоминало бы объ особенностяхъ края. Новѣйшая политика относительно Остзейскихъ губерній была печальнымъ послѣдствіемъ этого похода. Такіе способы дѣйствія едва ли могутъ привлечь кого бы то ни было, а скорѣе способны оттолкнуть тѣ славянскія племена, которые вздумали бы искать опоры въ Россіи. При такихъ условіяхъ, возбужденіе славянскаго вопроса можетъ быть только дѣломъ отдаленнаго будущаго. Нужно, чтобы произошло много перемѣнъ и въ русской политической жизни и въ общественномъ сознаніи, прежде нежели Россія можетъ стать опорою славянскихъ народностей, стремящихся къ самостоятельному существованію; а безъ поддержки Россіи онѣ не въ состояніи стоять на своихъ ногахъ.

Было время, когда даже умные и тонкіе дипломаты воображали, что Сербія можетъ служить для южныхъ Славянъ такимъ же объединительнымъ центромъ, какъ Піэмонтъ для Италіи и Пруссія для Германіи. Новѣйшія событія обнаружили всю несостоятельность этихъ мечтаній. Въ двухъ послѣдовательныхъ войнахъ, съ Турціей и Болгаріей, Сербы выказали боевыя способности весьма невысокаго свойства, а внутренніе перевороты, которымъ подвергалась эта страна, показали, что политическія ихъ способности стоятъ не выше боевыхъ. Можетъ-быть, со временемъ, при дальнѣйшемъ развитіи, единственное самостоятельное южно-славянское государство поднимется на ту высоту, которая требуется для объединяющаго центра; пока для этого не представляется еще никакихъ зачатковъ. А за исключеніемъ Сербіи нѣтъ другаго государства, которое могло бы взять на себя такую роль. Горсть Черногорцевъ, при всѣхъ своихъ военныхъ доблестяхъ, не можетъ входить въ расчетъ. Разобщенныя славянскія племена принуждены искать внѣшней опоры, а такъ какъ соплеменная Россія не можетъ ее дать, то имъ остается группироваться около Австріи.

Нельзя не сказать однако, что такое положеніе не можетъ вѣкъ продолжаться. Какъ бы ни изворотливы были австрійскіе государственные люди, съ какимъ бы умѣніемъ они ни старались держать вѣсы между различными народностями, входящими въ составъ имперіи, такая искусственная склейка всегда представляетъ величайшія

затрудненія; при первомъ ударѣ она можетъ распасться. Политика сдѣлокъ и уступокъ хороша въ мирное время, при нормальномъ ходѣ вещей; въ минуты опасности она становится недостаточной. Тутъ требуется прочная сила, а именно этого Австрія не имѣетъ. Преобладающая въ ней народность, германская, болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе. Она тяготѣетъ къ объединенной Германіи. Остальныя же представляютъ пеструю смѣсь, изъ которой нельзя создать ничего цѣльнаго. Австрія однимъ ударомъ была выбита изъ Италіи; однимъ ударомъ она была выбита и изъ Германіи, которая направила ее на Востокъ; но точно также однимъ ударомъ она можетъ лишиться своего вліянія на Востокѣ, и тогда что отъ нея останется?

Какъ соперница Австріи на Востокѣ, Россія имѣетъ передъ нею два громадныя преимущества. Первое состоитъ въ томъ, что она обладаетъ неистощимою собственною силой, помимо подвластныхъ народностей, тогда какъ Австрія можетъ дѣйствовать только опираясь на однѣ народности противъ другихъ. Второе же состоитъ въ томъ, что Русскій народъ—соплеменникъ Славянамъ, населяющимъ Австрію. Поэтому, пробужденіе славянскаго духа всегда питалось надеждами на Россію, въ которой Славяне видѣли опору для своего будущаго развитія. Конечно, племенное сродство не есть еще признакъ внутренняго единенія; примѣръ Польши лучше всего это доказываетъ. Грозная сила можетъ даже служить страшилищемъ для слабыхъ; племена, которыя дорожатъ національною жизнью, вовсе не хотятъ быть поглощены сѣвернымъ колоссомъ. Пока Польша находится въ своемъ угнетенномъ состояніи, надежды австрійскихъ Славянъ скорѣе будутъ обращаться на Западъ, нежели на Востокъ. Но ничто не ручается за то, что на русскомъ престолѣ не появится вновь государь, подобно Александру Первому одушевленный высокими чувствами справедливости и человѣколюбія, который захочетъ возвратить отчество раздавленному племени и залѣчить раны, нанесенныя братоубійственною рознью. Конечно, въ настоящее время это не болѣе, какъ мечта; но, какъ уже было сказано выше, ни политическій мыслитель, устремляющій свои взоры въ даль, ни народъ, сознающій свое историческое призваніе, не могутъ отказаться отъ идеала, не отрекаясь отъ того, что составляетъ высшее достоинство человѣка; идеаломъ же можетъ быть не торжество братоубійства, а поднятіе павшаго брата и любовное отношеніе къ его ошибкамъ и его недостаткамъ. Не безпощадною ссылкой на мнимые приговоры исторіи, прикрывающіе только грубое право силы, а вниманіемъ къ высшимъ нравственнымъ требованіямъ народы исполняютъ истинное свое назначеніе въ человѣчествѣ. Наблюдатель же, который становится на чисто политическую

точку зрѣнія и изучаетъ явленія, какъ они есть въ дѣйствительности, долженъ сказать, что славянскій вопросъ, также какъ итальянскій и германскій, требуетъ великаго государственнаго человѣка, который взялъ бы дѣло въ свои руки и умѣлъ направить его къ предположенной цѣли. Итальянское и германское единство точно также оставались мечтою, пока не явились Кавуръ и Бисмаркъ. Народныя стремленія и потребности составляютъ только грубый матеріалъ, изъ котораго государственный человѣкъ строитъ политическое зданіе, давая ему форму, приспособленную къ существующимъ условіямъ и оживляя его собственнымъ духомъ. Въ политической области, также какъ въ наукѣ и искусствѣ, личность является зачинателемъ и исполнителемъ всякаго великаго дѣла. Отсюда высокое ея значеніе въ исторіи; отрицаніе ея исторической роли обнаруживаетъ только крайне скудное пониманіе явленій. Но причины появленія великихъ людей въ то или другое время недоступны взорамъ человѣка. Это—дѣйствіе Духа, скрывающагося за измѣнчивою игрой событій и направляющаго ходъ исторіи къ высшей цѣли.

Прослѣдивъ въ главныхъ чертахъ вліяніе народности на образованіе государствъ, мы должны разсмотрѣть политическое значеніе этого начала для внутренняго управленія и возможныя отношенія различныхъ народностей, входящихъ въ составъ государства. Но этотъ вопросъ мы отлагаемъ до одной изъ слѣдующихъ главъ, такъ какъ настоящее изслѣдованіе ограничивается созданіемъ государства. Теперь же мы переходимъ къ политикѣ государственнаго устройства.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Политика государственнаго устройства.

ГЛАВА I.

Происхожденіе образовъ правленія.

Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* были изложены тѣ разнообразныя формы, которыя принимаетъ государственное устройство. Выборъ той или другой зависитъ частью отъ теоретическихъ соображеній, но въ еще гораздо большей степени отъ состоянія общества. Въ *Соціологіи* была уже высказана мысль, что различное состояніе общества требуетъ и различнаго политическаго устройства. Поэтому образы правленія имѣютъ значеніе чисто относительное. Извѣстная политическая форма можетъ обладать въ идеѣ всякаго рода преимуществами; надобно, чтобы жизненныя условія дѣлали возможнымъ правильное ея приложеніе, иначе она останется въ области мечтаній или произведетъ только смуту. Отсюда ясно, что здравая политическая теорія не можетъ ограничиваться начертаніемъ идеальнаго государства; она должна показать его отношенія къ жизни. Разбирая выгоды и невыгоды различныхъ образовъ правленія, она изслѣдуетъ тѣ общественныя потребности, которымъ они отвѣчаютъ, тѣ условія, которыя ихъ вызываютъ, и тѣ средства, которыми они поддерживаются. Къ числу этихъ условій принадлежатъ и особенности народа, склоняющія его къ тому или другому политическому устройству. Но и тутъ истинно научная теорія, изучающая явленія, какъ они есть, а не такъ, какъ они представляются фантазіи, видитъ только связь относительную. Въ *Соціологіи* было доказано, что народная жизнь не ограничена разъ навсегда данною политическою формой (II, стр. 365 и слѣд.). Одинъ и тотъ же народъ, на разныхъ ступеняхъ развитія, съ измѣненіемъ жизненныхъ условій, проходитъ черезъ разные образы правленія и, наоборотъ, одинъ и тотъ же образъ правленія

можетъ существовать у совершенно различныхъ народовъ. Стоять на иной точкѣ зрѣнія могутъ только тѣ, которые не хотятъ знать фактовъ.

Поэтому, совершенно противно здравой политической теоріи возведеніе какого бы то не было образа правленія на степень чего-то въ родѣ религіознаго догмата, составляющаго предметъ вѣры и признаваемаго за абсолютную истину. Къ какимъ печальнымъ политическимъ послѣдствіямъ ведутъ подобные взгляды, показываютъ французскіе легитимисты. Люди становятся совершенно неспособными понимать окружающую ихъ дѣйствительность; они живутъ въ области тѣней и преслѣдуютъ цѣли, идующія наперекоръ настоящей пользѣ отечества. Привязанность къ отжившимъ учрежденіямъ, съ которыми связаны и преданія и личные интересы, весьма понятное чувство. Но нельзя дѣлать изъ этого кумира, которому приносятся въ жертву всѣ высшіе интересы отечества. Еще менѣе можно воображать, что отжившее свой вѣкъ учрежденіе продолжаетъ существовать въ идеѣ и остается правомъ, безъ дѣйствительнаго исполненія обязанностей. Верховная власть въ государствѣ не есть частная собственность, на которую владѣлецъ сохраняетъ свои притязанія, даже когда она не находится у него въ рукахъ. Верховная власть установлена для общаго блага и не существуетъ помимо дѣйствительнаго ея обладанія. Во имя этого блага она можетъ быть устроена въ видѣ наслѣдственной монархіи; но право на престолъ существуетъ только пока дѣйствуетъ положительный законъ, его установляющій; съ отмѣною закона исчезаетъ и право. Когда такое измѣненіе совершилось въ силу революціоннаго движенія, и затѣмъ революція, какъ обыкновенно бываетъ, уступаетъ мѣсто реакціи, народъ можетъ возстановить порванную нить преданія и снова призвать низложенную линію; таково значеніе реставрацій. Но права на такую реставрацію никто не имѣетъ; мечтать объ этомъ, когда событія повернули совершенно въ другую сторону, есть чистое политическое безуміе. Даже для частнаго права собственности установляется давность, полагающая предѣлъ всякимъ спорамъ; въ государственномъ же правѣ давности нѣтъ только потому, что право перестало существовать: осталась одна вредная фантазія. Еще нелѣпѣе связывать такое поклоненіе свѣтскому кумиру съ религіозными вѣрованіями, на подобіе восточнымъ теократіямъ. Умный глава католической церкви долженъ былъ напомнить французскимъ легитимистамъ, что христіанское ученіе не связано ни съ какою политическою формой, а признаетъ всякую установленную власть законною. Только по его велѣнію послушные сыны церкви отступились отъ этой чудовищной политической ереси, да и

тѣ въ ихъ партіи составляютъ меньшинство; большинство же признаетъ ихъ отступниками, а папу чуть не еретикомъ. Далѣе этого политическая нелѣпость не можетъ идти.

Но и республиканцы, со своей стороны, впадаютъ въ совершенно одинакій фетишизмъ, когда они республику признаютъ единственнымъ правомѣрнымъ образомъ правленія и всякую другую форму считаютъ посягательствомъ на народныя права. И они возводятъ относительное начало на степень абсолютнаго, когда они исконныя республиканскія убѣжденія ставятъ непремѣннымъ условіемъ участія въ правительствѣ и отвергаютъ союзъ съ такъ-называемыми присоединенными. Безъ сомнѣнія, когда республика установлена, старыя республиканскія убѣжденія имѣютъ ту выгоду, что они совпадаютъ съ существующимъ строемъ и побуждаютъ гражданъ его поддерживать; но отвергать содѣйствіе благоразумныхъ людей, которые теоретически могутъ быть убѣждены въ преимуществѣ того или другаго образа правленія, но на практикѣ подчиняются существующему порядку, потому что этого требуетъ польза отечества, есть признакъ крайне узкаго и односторонняго взгляда: это—политика сектантовъ, а не государственныхъ людей.

Тоже слѣдуетъ сказать, наконецъ, и о тѣхъ приверженцахъ конституціонной монархіи, которые, во имя теоретическаго идеала, не хотятъ признать установившагося республиканскаго строя. Теоретическій политикъ, обладающій достаточными свѣдѣніями и широтою взгляда, не можетъ не признать высокаго значенія монархическаго начала въ государственной жизни народовъ; по идеѣ можно считать уравновѣшенную монархію наилучшимъ образомъ правленія; но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ другіе образы правленія никуда не годятся и что имъ должно всячески противодѣйствовать. Умѣренная республика можетъ быть также весьма хорошимъ образомъ правленія, сочетающимъ строгое охраненіе порядка съ самымъ широкимъ развитіемъ свободы и удовлетворяющимъ потребностямъ образованнаго человѣка. Для того, чтобъ она стала таковою, надобно, чтобъ образованные классы принимали участіе въ политической жизни и старались объ утвержденіи законнаго порядка. Когда же болѣе или менѣе значительная часть ихъ, во имя чисто-теоретическихъ убѣжденій, объявляетъ ему непримиримую вражду, то подобный способъ дѣйствія составляетъ бѣдствіе для страны. Не только онъ обличаетъ крайнюю узкость взглядовъ, но онъ противорѣчитъ прямымъ обязанностямъ гражданина. Изъ этого рождается ожесточенная борьба партій, изъ которыхъ каждая выставляетъ своего кумира, стараясь всѣми силами низвергнуть остальные. Отсюда шаткость всѣхъ отношеній, ко-

торою страдаетъ современная Французская республика. Лучшіе люди изъ старыхъ орлеанистовъ, Тіеръ, Дюфоръ, Одилонъ Барро, Дювержье де Гораннъ, Монталивѣ, не такъ понимали свои гражданскія обязанности: они не терзали отечество своими узкими и нетерпимыми теоріями, а искренно примкнули къ республикѣ и старались объ ея утвержденіи. Этимъ они показали себя не сектантами, а государственными людьми, широко понимающими задачи политической жизни. И здравая теорія и практика одинаково заставляютъ смотрѣть на различныя политическія формы, какъ на установленія, зависимыя отъ времени и мѣста. Это—не безусловныя и неизмѣнныя начала жизни, а учрежденія, призванныя удовлетворять извѣстнымъ общественнымъ потребностямъ и измѣняющіяся вмѣстѣ съ этими потребностями. Такова единственная точка зрѣнія, на которую можетъ становиться политическая наука.

Если это такъ, то возникновеніе того или другаго образа правленія зависитъ главнымъ образомъ отъ условій среды, въ которой власть призвана дѣйствовать. Эти условія двоякаго рода: внутреннія и внѣшнія.

Въ *Ученіи объ Обществѣ* были уже изложены въ главныхъ чертахъ тѣ отношенія общества къ государству, которыми опредѣляется строеніе власти (II, кн. I, гл. 4). Первый и основной законъ, управляющій этими отношеніями, состоитъ въ томъ, что чѣмъ меньше единства въ обществѣ, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть. Это начало вытекаетъ изъ самыхъ задачъ государства. Единство политическаго тѣла и охраненіе въ немъ законнаго порядка требуютъ единой верховной власти, вынуждающей общее повиновеніе. Изъ *Общаго Государственнаго Права* мы знаемъ, что эта власть можетъ либо сосредоточиваться въ одномъ физическомъ лицѣ, обладающемъ ею по собственному праву, либо находиться въ большей или меньшей зависимости отъ различныхъ общественныхъ элементовъ, аристократическихъ и демократическихъ. Чѣмъ болѣе эти элементы дѣйствуютъ согласно, тѣмъ болѣе они способны оказывать вліяніе на власть, не нарушая требуемаго единства. Напротивъ, чѣмъ болѣе они идутъ врозь, тѣмъ болѣе власть должна быть отъ нихъ независима. Сосредоточеніе совокупной верховной власти въ одномъ физическомъ лицѣ есть признакъ неспособности общества къ самоуправленію.

Потребность такого сосредоточенія можетъ вызываться или временными или постоянными причинами. Къ первымъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, ожесточенная борьба партій, приводящая въ разстройство весь государственный организмъ и доходящая иногда до кровопролитія. Въ такихъ случаяхъ гражданамъ, желающимъ порядка,

остается только подчиниться вождю, способному подавить внутреннія волненія и водворить миръ въ распатанномъ обществѣ. Таково было происхожденіе греческой тиранніи. Борьба владычествующей аристократіи съ стремящеюся къ равноправности демократіей доходила до высшей степени ожесточенія. Въ Аѳинахъ даже мудрое законодательство Солона, облеченнаго общимъ довѣріемъ гражданъ, не въ состояніи было успокоить возбужденныя страсти. Нужна была долговременная тираннія Писистрата и его сыновей, чтобы соединить всѣхъ въ дружномъ противодѣйствіи деспотической власти. Таково же было происхожденіе бонапартизма во Франціи. Послѣ революціи, ниспровергшей всѣ основы стараго общественнаго зданія, разстроенное государство находилось подъ управленіемъ неумѣлой Директоріи, которая не въ состояніи была справиться ни съ внутренними партіями, ни съ внѣшними врагами. Геніальный полководецъ взялъ власть въ свои руки, далъ обществу миръ и побѣду и устроилъ его на новыхъ основаніяхъ. Внутренними раздорами вызвано было и возрожденіе бонапартизма въ 1848 году. Здѣсь соціалистическая пропаганда, выразившаяся въ ужасающихъ явленіяхъ, заставила мирныхъ гражданъ искать вождя, который бы высоко держалъ знамя власти. Выборъ Людовика-Наполеона въ президенты республики былъ отвѣтомъ на Іюньскіе дни и первымъ шагомъ къ ниспроверженію республиканской конституціи.

Такого рода перевороты рѣдко совершаются безъ насилія. Римляне въ подобныхъ обстоятельствахъ прибѣгали къ диктатурѣ: одно лице, облеченное общимъ довѣріемъ, вооружалось безграничною властью. Это былъ законный исходъ изъ затруднительнаго положенія; потребность единой и сильной власти удовлетворялась временною пріостановкой обыкновенныхъ гарантій свободы. Къ тому же ведутъ тѣ чрезвычайныя полномочія, которыми въ наше время облекаются конституціонныя правительства при внутреннихъ смутахъ. Но когда требуется измѣнить самую форму правленія, а возбужденіе страстей не дозволяетъ сдѣлать это мирнымъ образомъ, приходится прибѣгать къ силѣ. Наполеонъ I совершилъ государственный переворотъ 18-го Брюмера, Наполеонъ III переворотъ 2-го Декабря. Перваго поддерживали самые значительные люди Франціи, которые не видѣли инаго исхода изъ невозможнаго положенія. Второй имѣлъ къ тому достаточный поводъ въ самомъ своемъ избраніи. Кромѣ преданій первой имперіи, за нимъ не было ничего, и когда онъ подавляющимъ большинствомъ былъ выбранъ въ президенты, то это было указаніемъ, что народъ желаетъ императора. Сперва онъ думалъ измѣнить конституцію мирнымъ путемъ; но когда это предложеніе не нашло въ

собраніи законнаго большинства трехъ четвертей голосовъ и въ самихъ вождяхъ большинства онъ встрѣтилъ сопротивленіе своимъ замысламъ, онъ произвелъ военный переворотъ 2-го Декабря. Послѣдующее народное голосованіе узаконило совершенное имъ дѣло.

Въ обоихъ случаяхъ образъ правленія, основанный на сосредоточеніи власти, не продержался даже и при жизни его основателей. Наполеонъ I палъ подъ ударами соединенной Европы, и возстановленный на прародительскомъ престолѣ Людовикъ XVIII, въ виду настоятельной потребности, далъ Франціи конституцію. Наполеонъ III, въ послѣдніе годы своего царствованія, самъ принужденъ былъ дѣлать уступки пробудившемуся въ обществѣ либеральному мнѣнію. Послѣ его паденія установилась республика. Но причины, вызывающія сосредоточеніе власти, могутъ имѣть и болѣе глубокіе корни. Общество можетъ быть такъ расшатано или разрознено, что оно не въ состояніи само собою управляться. Единство его можетъ поддерживаться только властью, стоящею надъ враждующими силами и отъ нихъ независимою. Таково было положеніе Рима въ послѣдніе годы республики. Безмѣрныя завоеванія подорвали ея внутреннее единство; народъ былъ развращенъ до корня; аристократія преслѣдовала только личныя свои выгоды. Властителями судебъ государства были поперемѣнно счастливые полководцы, успѣвшіе побороть своихъ противниковъ. Страшныя междоусобія, въ которыхъ погибли лучшіе люди того времени, показывали невозможность оставаться при существующемъ строѣ. Только сильная власть, стоящая надъ борющимися стихіями, въ состояніи была охранять единство и порядокъ въ разноплеменномъ составѣ необъятнаго государства. Не смотря на всѣ ужасы деспотизма первыхъ императоровъ, не смотря на всю шаткость власти, не опиравшейся ни на преданія, ни на преемственность монархическаго начала, и состоявшей игралищемъ преторіанцевъ, она сохранялась въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, какъ единственное прибѣжище отживающаго міра.

Такая же абсолютная власть установилась и при возрожденіи новыхъ государствъ изъ хаоса средневѣковыхъ силъ. И тутъ причины, вызывавшія сосредоточеніе власти, глубоко коренились въ самомъ строеніи общества. Какъ уже было неоднократно указано, средневѣковой порядокъ, основанный на частномъ правѣ, велъ къ безконечному дробленію силъ и къ безпрерывнымъ междоусобіямъ. Выдти изъ этого можно было только установленіемъ сосредоточенной въ одномъ лицѣ власти, которая, опираясь на собственное право, являлась представителемъ государственнаго единства. Таковы были абсолютные монархи, которые вступили въ борьбу со средневѣковыми стихіями и

наконецъ подчинили ихъ себѣ. Но именно потому, что средневѣковой порядокъ глубоко коренился въ нравахъ и учрежденіяхъ, для этой перемѣны потребовались цѣлые вѣка. Борьба усиливающейся власти монарховъ съ феодализмомъ и вольными общинами наполняетъ весь первый періодъ новой исторіи. И тутъ, конечно, дѣло не обходилось безъ нескончаемыхъ насилій, но тутъ не требовалось созданіе новой власти на развалинахъ прежнихъ. Власть была дана въ лицѣ князей вотчинниковъ; нужно было только возвести ее на степень верховнаго государственнаго начала, подчинивъ ей привилегіи феодальныхъ владѣльцевъ и городовъ. Борьба происходила не только съ отдѣльными могучими вассалами, у которыхъ отбирались державныя права, но и съ аристократическими чинами, которыхъ вольности ограничивали монархическую власть. Устраненіе ихъ происходило различными способами: иногда постепеннымъ отобраніемъ правъ, иногда внезапнымъ переворотомъ. Главнымъ орудіемъ королей было постоянное войско; но нужно было его содержать и для этого облагать подданныхъ налогами, а на это требовалось согласіе чиновъ. Право самовольнаго обложенія сдѣлалось поэтому главною цѣлью политики монарховъ. Въ Англіи оно встрѣтило неодолимое сопротивленіе народа, вслѣдствіе чего абсолютная монархія не могла окончательно тамъ утвердиться. Но въ государствахъ европейскаго материка князья тѣмъ или другимъ путемъ успѣли его себѣ присвоить. Во Франціи сами аристократическія сословія, дворянство и духовенство, уступили королю право произвольно облагать низшіе классы, выговоривъ для себя только изъятіе отъ податей. Этимъ самымъ собраніе чиновъ становилось излишнимъ. Они созывались въ случаяхъ опасности, но въ мирное время ихъ вовсе не считали нужнымъ собирать. Мало-по-малу они совершенно вышли изъ употребленія. Въ 1614-мъ году они были созваны въ послѣдній разъ до Революціи; но и тутъ они проявили такую глубокую рознь, аристократическія сословія выказали такіе узкіе и высокомѣрные взгляды, что совокупное участіе ихъ въ законодательствѣ и управленіи оказалось немыслимымъ. Генеральные штаты были осуждены общимъ мнѣніемъ, и въ теченіи полутора вѣка они перестали существовать. Въ Швеціи рознь чиновъ и ненависть противъ владычествующей аристократіи дали возможность Карлу XI-му обобрать дворянство и утвердить абсолютную власть. Безразсудныя войны и деспотическіе пріемы Карла XII-го снова повели къ ослабленію королевской власти и къ возстановленію прежняго порядка, и снова раздоры партій были причиной переворота, совершеннаго Густавомъ III-мъ: опираясь на низшія сословія, онъ низвергъ владычествующее дворянство. Въ Даніи, въ 1661-мъ году, послѣ несчастной вой-

ны съ Швеціей, обнаружившей всю несостоятельность аристократическаго правленія, сами чины провозгласили наслѣдственность королевской власти и дали королю полномочіе для изданія конституціи по своему усмотрѣнію. Король воспользовался этимъ для установленія неограниченной власти. Утвержденный имъ „королевскій законъ" былъ обнародованъ только послѣ его смерти, при вступленіи на престолъ его преемника, и тутъ оказалось, что чины устраняются отъ всякаго участія въ правленіи, и вся власть сосредоточивается въ рукахъ монарха. Здѣсь абсолютизмъ водворился безъ насилія, но не безъ злоупотребленія довѣріемъ.

Такъ совершился этотъ процессъ, представляющій первую ступень развитія государства новаго времени. Когда онъ, наконецъ, достигъ своей высшей точки, произошло обратное движеніе: сосредоточенная власть въ западно-европейскихъ государствахъ мало-по-малу снова уступила мѣсто вліянію общественныхъ элементовъ. Сами абсолютные монархи подготовили для этого почву. Объединяя общество, уничтожая средневѣковыя привилегіи, подчиняя всѣхъ подданныхъ общему закону, содѣйствуя развитію среднихъ классовъ, они тѣмъ самымъ способствовали тому внутреннему единенію, которое составляетъ первое и необходимое условіе политической свободы. Средневѣковой порядокъ былъ разрушенъ; онъ замѣнился новымъ общественнымъ строемъ, который требовалъ иныхъ политическихъ формъ. Мы приходимъ здѣсь ко второму, изложенному въ *Ученіи объ Обществѣ* закону, опредѣляющему отношенія общества къ государству, именно, что каждый общественный строй требуетъ соотвѣтствующаго ему строя политическаго.

Мы видѣли, что родовой порядокъ, основанный на органическомъ расчлененіи естественныхъ союзовъ, обладаетъ такимъ внутреннимъ единствомъ, которое дѣлаетъ его вполнѣ способнымъ къ государственной дѣятельности. Владычествующій здѣсь элементъ есть родовая аристократія, которая и стоитъ во главѣ государства. Таковъ былъ первый періодъ древнихъ республикъ. Когда къ этому ядру пріобщались другіе, хотя и сродные, но посторонніе элементы, они органически связывались съ гражданскимъ и политическимъ порядкомъ, которые здѣсь еще не раздѣлены. Однако, между старыми элементами и новыми можетъ возгорѣться и болѣе или менѣе упорная борьба, что̀ и ведетъ къ тиранніи. Вслѣдствіе этихъ движеній родовой порядокъ все болѣе и болѣе разлагается, а съ тѣмъ вмѣстѣ является потребность единой, возвышенной надъ всѣми власти, сдерживающей противоборствующія стремленія и подчиняющей себѣ общественныя силы. Древняя исторія Греціи и Рима кончается уста-

новленіемъ абсолютной монархіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родовой порядокъ мало-по-малу уступаетъ мѣсто сословному.

Послѣдній, вмѣсто единства, основанъ на разобщеніи элементовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои интересы и замыкается внутри себя. Такое устройство, безъ высшей, сдерживающей власти, ведетъ къ полному разложенію государства. Это и было отличительною чертой средневѣковаго общественнаго быта. Общество связывалось лишь теократическими началами, которыя однако, по своей отвлеченности, не въ состояніи были внести въ него единство. Разнообразныя стихіи, съ своими влекущими ихъ врозь стремленіями, представляли картину полной анархіи. Это и повело къ потребности возрожденія государственной связи. Но при глубокой розни общественныхъ элементовъ, эта связь могла установиться только властью, стоящею надъ ними и подчиняющею ихъ себѣ. Опять возродилась потребность абсолютной монархіи. Она вызывалась неспособностью сословій къ совокупной дѣятельности, а потому и къ государственному управленію.

Развитіе государства само собою ведетъ къ упраздненію сословнаго строя и къ замѣнѣ его порядкомъ общегражданскимъ, основаннымъ на личной свободѣ и равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Сословныя привилегіи, политическія и гражданскія, мало-помалу отмѣняются, какъ несовмѣстныя съ государственными началами. Вмѣсто частной зависимости однихъ лицъ отъ другихъ установляется общая всѣхъ зависимость отъ ограждающаго ихъ закона. Надъ разрозненными интересами сословій воздвигается область интересовъ народныхъ, къ охраненію которыхъ всѣ равно призываются. Наконецъ, начало свободы изъ гражданской сферы переносится и въ политическую, ибо невозможно, чтобы двѣ области, находящіяся въ постоянномъ соприкосновеніи и взаимнодѣйствіи, управлялись радикально противоположными началами. По указанному выше общему закону, каждый гражданскій строй требуетъ соотвѣтствующаго ему строя политическаго, а политическій строй, соотвѣтствующій общегражданскому, есть тотъ, который въ большей или меньшей степени допускаетъ политическую свободу. Воображать, что можно оставаться при старомъ политическомъ порядкѣ, когда весь гражданскій бытъ измѣнился, значитъ вовсе не понимать государственной жизни и закрывать глаза на дѣйствительность. Новѣйшая исторія показываетъ, что во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, вслѣдъ за общегражданскимъ порядкомъ, установилась и свобода политическая, не во имя какихъ-либо теоретическихъ доводовъ, а силою вещей, по закону столь же неотразимому, какъ законы природы. Для политическаго мыслителя, безпристрастно наблюдающаго явленія и не увле-

кающагося фантазіями, не можетъ быть въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго сомнѣнія.

Такой переходъ отъ одного гражданскаго строя къ другому не совершается, однако, внезапно. Онъ является плодомъ болѣе или менѣе продолжительнаго историческаго процесса. Гражданскій бытъ, охватывающій всѣ частныя отношенія людей, связанный съ вѣками установившимися нравами, привычками и взглядами, менѣе всего поддается быстрымъ переворотамъ. Главнымъ рѣшающимъ шагомъ является здѣсь отмѣна крѣпостнаго права, на которомъ, по существу своему, зиждется сословный порядокъ. И это можетъ происходить либо медленно и постепенно, частными мѣрами, либо одновременно, изданіемъ общаго органическаго закона, какъ было у насъ. Такіе законы составляютъ эпоху въ исторіи народа. Они означаютъ жизненный переломъ, конецъ стараго и начало новаго порядка. Старыя привычки и взгляды могутъ еще долго сохраняться; но когда этотъ актъ совершенъ, онъ съ неудержимою силой влечетъ за собою всѣ свои послѣдствія.

Однако, установленіе общегражданской свободы не ведетъ непосредственно къ свободѣ политической. И это—процессъ, требующій времени. Когда обѣ перемѣны совершаются заразъ, онѣ могутъ даже произвести такія глубокія потрясенія, которыя отдаляютъ самую возможность политической свободы. Примѣръ тому представляетъ Французская Революція. Участіе общественныхъ элементовъ въ государственной жизни требуетъ, какъ сказано, внутренняго ихъ единенія, а установленіе общегражданскаго порядка даетъ только почву для такого единенія. Для этого не достаточно юридическаго закона; нужно живое общеніе силъ. Сословный порядокъ полагаетъ этому общенію преграды, раздѣляя интересы сословій, что̀ ведетъ къ различію понятій и нравовъ. Общегражданскій порядокъ, напротивъ, даетъ этому общенію полный просторъ; но для того, чтобы оно совершилось, необходимо дѣйствіе самой жизни.

Условія этого процесса обнимаютъ всѣ стороны общественнаго быта. Первое состоитъ въ развитіи матеріальнаго благосостоянія. Мы видѣли, что политическая свобода требуетъ обезпеченныхъ положеній, ибо на нихъ покоятся независимыя силы общества, которыми опредѣляется и вліяніе послѣднихъ на государственный бытъ (II, стр. 204). Это справедливо въ особенности тамъ, гдѣ свободныя учрежденія еще не упрочились, гдѣ обществу предстоитъ еще завоевать себѣ мѣсто въ политическомъ строѣ. Если въ немъ нѣтъ достаточно обезпеченныхъ состояній, оно не выбьется изъ-подъ гнета бюрократіи, съ нимъ не станутъ считаться Относительно большихъ государствъ въ осо-

бенности, можно признать общимъ правиломъ, что народъ бѣдный есть всегда народъ порабощенный. Только обезпеченное состояніе доставляетъ человѣку досугъ и возбуждаетъ въ немъ интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Оно даетъ возможность заниматься ими, не дѣлая изъ этого постояннаго ремесла и источника дохода. Мѣстныя дѣла въ особенности тогда идутъ успѣшно, когда управляющіе ими люди не дорожатъ общественными должностями, какъ средствомъ существованія, а независимость мѣстнаго управленія составляетъ одно изъ важныхъ условій политической свободы. Наконецъ, развитіе матеріальнаго благосостоянія и проистекающее отсюда живое общеніе между людьми даютъ обществу то духовное единство, которое составляетъ первое условіе его государственнаго значенія. Желѣзныя дороги и телеграфы уничтожаютъ пространства и связываютъ самые отдаленные края. Черезъ нихъ большое государство, съ разсѣяннымъ населеніемъ, ставится въ тѣже условія, въ какихъ находятся малыя.

Но еще важнѣе матеріальнаго благосостоянія развитіе умственное. Оно даетъ ту широту пониманія, ту разносторонность свѣдѣній и взглядовъ, безъ которыхъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ часто приноситъ болѣе вреда, нежели пользы. Это относится въ особенности къ высшимъ слоямъ, которые въ политическомъ движеніи играютъ всегда первенствующую роль и первые призываются къ участію въ общественномъ дѣлѣ. Даже глубокое невѣжество массъ не препятствуетъ весьма высокому развитію политической жизни, если высшіе классы достаточно образованы. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить Англія, гдѣ образованіе массъ до новѣйшаго времени стояло на очень низкой ступени и которая, между тѣмъ, является классическою страной конституціонной свободы.

Въ особенности важно, какъ матеріальное, такъ и умственное преуспѣяніе среднихъ классовъ. Мы видѣли, что они составляютъ главный связующій элементъ общественнаго быта. Отъ нихъ главнымъ образомъ исходятъ и промышленное развитіе и умственное движеніе. Отсюда въ высшей степени важное значеніе живой связи ихъ съ высшими классами. То общественное единство, отъ котораго главнымъ образомъ зависитъ вліяніе общества на государственную жизнь, состоитъ прежде всего въ единеніи высшихъ и среднихъ классовъ. Гдѣ ихъ раздѣляютъ сословные предразсудки, тамъ о политической свободѣ не можетъ быть рѣчи. Въ Англіи младшіе сыновья лордовъ издавна занимаются промышленными и торговыми дѣлами. Союзъ городскихъ классовъ съ землевладѣльческими составлялъ здѣсь главный оплотъ конституціонной свободы. Во Франціи, напротивъ, сословная рознь всего болѣе мѣшала водворенію свободныхъ учрежденій. Дво-

рянство крѣпко держалось абсолютной монархіи, которая одна обезпечивала ему привилегированное положеніе. Въ концѣ XVШ-го вѣка французское третье сословіе значительно превосходило дворянство и богатствомъ и образованіемъ, а между тѣмъ положеніе его въ государствѣ вовсе не соотвѣтствовало внутреннему его содержанію. Сліяніе совершилось въ 1789 году, при созваніи Генеральныхъ Штатовъ; значительная часть дворянства и низшее духовенство примкнули къ третьему сословію, и это имѣло рѣшающее вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ событій. Но этотъ союзъ былъ только плодомъ временнаго увлеченія. Испуганное революціей, дворянство эмигрировало; съ тѣмъ вмѣстѣ и средніе классы лишились своего первенствующаго положенія. Рознь высшихъ сословій отдала Францію въ руки столичной черни.

Можно спросить: какая же степень матеріальнаго и умственнаго развитія достаточна для того, чтобы дать общественнымъ силамъ законную долю вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ? Правительство, желающее сохранить свое положеніе, всегда можетъ сослаться на то, что общество недостаточно подготовлено для политическихъ правъ. На этотъ вопросъ нельзя дать общаго отвѣта. Нѣтъ такихъ признаковъ, которые опредѣляли бы съ полною очевидностью степень зрѣлости общества. Однако, есть возможность дать нѣкоторыя указанія, которыя могутъ служить достаточно вѣскими доводами въ ту или другую сторону.

Первымъ признакомъ умственнаго развитія служитъ состояніе политической литературы. Тамъ, гдѣ появляются самостоятельныя политическія сочиненія, основательно обсуждающія государственные вопросы, они могутъ считаться признакомъ извѣстной зрѣлости общественной мысли. Конечно, этимъ признакомъ можно руководствоваться только тамъ, гдѣ суровая цензура не уничтожаетъ самой возможности появленія такихъ сочиненій. Мысль можетъ существовать, но если для нея запертъ всякій исходъ, она либо пропадаетъ даромъ, либо пробивается неправильными путями. Такой порядокъ вещей служитъ, однако, лучшимъ доказательствомъ совершенной ненормальности существующаго политическаго строя: при такихъ условіяхъ онъ не въ состояніи удовлетворять потребностямъ образованнаго общества.

Еще болѣе важнымъ признакомъ можетъ служить состояніе журналистики. Книга можетъ быть произведеніемъ одинокаго мыслителя, не находящаго отзыва у своихъ современниковъ; періодическая же литература держится только поддержкою публики. Если въ ней господствуютъ крайнія направленія, если въ ней нѣтъ ни талантовъ, ни серіозной мысли, то о политической зрѣлости общества трудно говорить. И тутъ требующееся для политической жизни единство обще-

ственныхъ силъ выражается въ господствѣ среднихъ мнѣній, понимающихъ условія среды и задающихся достижимыми цѣлями. Всего хуже тайная или явная проповѣдь соціалистическихъ идеаловъ, которая не въ состояніи ничего произвести, кромѣ реакціи, а потому преграждаетъ обществу всякое движеніе впередъ. Съ другой стороны, важенъ, какъ и политическій, такъ и нравственный уровень органовъ, поддерживающихъ существующій порядокъ. Сравненіе различныхъ направленій показываетъ, гдѣ находится умственное превосходство. Если на одной сторонѣ оказываются и таланты, и знаніе и нравственное достоинство, а на другой только раболѣпство и пошлость, то это самое служитъ сильнѣйшимъ осужденіемъ существующаго порядка. Конечно, случается, что образованные и даровитые люди изъ личныхъ видовъ становятся орудіями произвола и реакціи. Стоитъ вспомнить Фридриха Генца. Это одно изъ самыхъ противныхъ явленій общественнаго быта. Но обыкновенно такого рода случайные метеоры исчезаютъ, оставляя послѣ себя только эпигоновъ, которые своею бездарностью обнаруживаютъ всю несостоятельность защищаемой ими политики.

Однако и журналистика далеко не всегда можетъ служить надежнымъ мѣриломъ общественнаго сознанія. Въ странахъ, обладающихъ свободными учрежденіями, она дѣйствительно играетъ первенствующую политическую роль. Каждая партія имѣетъ свои органы, которыхъ вѣсъ и значеніе выражаютъ самое отношеніе общественныхъ силъ. Но тамъ, гдѣ нѣтъ политической жизни, журналы являются только органами ихъ редакторовъ. Отъ большаго или меньшаго таланта послѣднихъ и отъ умѣнія ихъ заинтересовать публику зависитъ успѣхъ журнала. А такъ какъ отсутствіе политической жизни не представляетъ достаточной пищи для ежедневнаго обсужденія серіозныхъ вопросовъ, а обо многомъ даже вовсе нельзя говорить, то приходится пробавляться всякими мелочами. При такихъ условіяхъ журналы большею частью попадаютъ въ руки людей, не имѣющихъ другаго, болѣе серіознаго дѣла. Органъ, пользующійся дѣйствительнымъ общественнымъ значеніемъ, становится рѣдкостью. Наибольшее распространеніе имѣютъ тѣ, которые расчитываютъ на вкусы наименѣе взыскательной публики. Наконецъ, образованная часть общества перестаетъ придавать имъ какой бы то ни было вѣсъ.

Несравненно важнѣе поэтому изученіе дѣятельности общества въ лицѣ настоящихъ его представителей, въ тѣхъ сферахъ, гдѣ они призываются къ дѣйствительному участію въ общественныхъ дѣлахъ. При отсутствіи общихъ политическихъ учрежденій существуетъ самоуправленіе. Въ немъ общество можетъ выказать свои способности, и оно служитъ для него политическою школой. Конечно, и тутъ нѣтъ

вполнѣ опредѣленныхъ признаковъ, которые могли бы служить мѣриломъ политической зрѣлости. Въ большомъ государствѣ въ особенности, при значительномъ разнообразіи условій, самые результаты мѣстнаго самоуправленія могутъ быть весьма различны. Людямъ, желающимъ бросить на него тѣнь, нѣтъ ничего легче, какъ подобрать множество частныхъ случаевъ въ доказательство его несостоятельности. Но для опредѣленія того, что способно дать общество, надобно брать не какія-либо захолустья, а болѣе или менѣе крупные центры, въ которыхъ возможно соединеніе силъ. Важнымъ указаніемъ служитъ и сравненіе представителей общества съ органами правительства: на чьей сторонѣ находятся образованіе, знаніе дѣла, вниманіе къ общественнымъ интересамъ, наконецъ умѣніе себя держать. Сравненіе можно проводить и выше. Если правительство призываетъ къ себѣ лучшія силы страны, а въ мѣстныхъ собраніяхъ господствуютъ предразсудки, невѣжество и халатное отношеніе къ дѣлу, то нѣтъ сомнѣнія, что общество не дозрѣло до политической жизни, и перемѣна можетъ быть только вредною. Но если, наоборотъ, мѣстныя учрежденія представляютъ собранія независимыхъ людей, добросовѣстно обсуждающихъ общественныя дѣла и рѣшающихъ ихъ въ видахъ общаго блага, а на вершинахъ бюрократіи господствуютъ личные интересы и произволъ, при полномъ незнаніи мѣстныхъ потребностей и условій и стараніи все представить въ выгодномъ для себя свѣтѣ, если бумажное производство замѣняетъ тамъ настоящее дѣло и оффиціальная ложь заслоняетъ истину, если въ высшихъ сферахъ трудно даже найти умнаго и образованнаго человѣка, имѣющаго въ виду не личное свое положеніе, а пользу отечества, то этимъ самымъ доказывается, что общество стоитъ выше правительства, а потому призваніе его къ участію въ дѣлахъ государства можетъ послужить только къ общему благу.

Исторія показываетъ однако, что подобныя перемѣны рѣдко совершаются вслѣдствіе добросовѣстнаго взвѣшиванія выгодъ и невыгодъ того или другаго рѣшенія; обыкновенно онѣ происходятъ болѣе или менѣе революціоннымъ путемъ, или подъ напоромъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Обаяніе власти и сопряженныя съ нею преимущества такъ велики, интересы лицъ, окружающихъ престолъ и управляющихъ государственными дѣлами, такъ сильны, что рѣшимость измѣнить существующій порядокъ вещей составляетъ весьма рѣдкое исключеніе. Аристотель, въ своей „Политикѣ“ повѣствуетъ о спартанскомъ царѣ Ѳеопомпѣ, который самъ предложилъ ограниченіе царской власти эфорами, и когда жена его упрекала за то, что онъ передаетъ своимъ дѣтямъ власть умаленною противъ той, которую онъ получилъ отъ

предковъ, онъ съ спартанскимъ лаконизмомъ отвѣчалъ: „нѣтъ, ибо болѣе прочною". Но это именно приводится какъ примѣръ, выходящій изъ ряду вонъ. Обыкновенно же подбираются всевозможные доводы для сохраненія удобнаго положенія. Призываются на помощь и религія, и исторія, и народность, извращенныя фантастическою сантиментальностью, которая не хочетъ знать ни движенія жизни, ни измѣненія условій; рисуются ужасающія картины борьбы партій и личныхъ интересовъ; бюрократія представляется исполненною мудрости, а общество жертвою анархическихъ страстей; однимъ словомъ, пускаются въ ходъ всѣ пружины, чтобъ устранить или, по крайней мѣрѣ, отсрочить непріятную перемѣну. Нерѣдко самыя торжественныя обѣщанія, данныя въ минуту опасности, забываются или кладутся подъ спудъ, какъ скоро государство возвратилось къ мирному состоянію. Въ 1815 году, послѣ изгнанія Французовъ, германскіе государи торжественно постановили, что во всѣхъ германскихъ государствахъ должны быть введены земскіе чины; но только южно-германскія правительства добросовѣстно исполнили данное обѣщаніе. Пруссія до 1847-го года не сдѣлала ни шага въ этомъ направленіи, и только Фридрихъ-Вильгельмъ IV, изъ романтической привязанности къ средневѣковымъ формамъ, вздумалъ ихъ возстановить въ XIX-мъ вѣкѣ. Но въ слѣдующемъ уже году этотъ карточный домикъ былъ унесенъ революціоннымъ движеніемъ.

На дѣлѣ, такого рода политика, недовѣрчиво смотрящая на всякаго рода общественную самостоятельность, въ концѣ концовъ можетъ породить только смуту. Подготовляемыя жизнью перемѣны ускоряются ошибками правительствъ. Грубый деспотизмъ вызываетъ вспышки, тяжелое давленіе производитъ глухой ропотъ и неудовольствіе. Въ Испаніи свирѣпое правленіе Фердинанда VII-го было поддержано только вмѣшательствомъ иностраннаго войска; послѣ его смерти вдова его, чтобъ удержать престолъ за своею дочерью, должна была провозгласить конституцію. Жестокости неаполитанскаго короля повели къ тому, что королевство его пало передъ горстью добровольцевъ. Не лучшіе плоды принесла и не столь суровая, но еще болѣе настойчивая система Меттерниха. Въ 1848 году Австріи грозило распаденіе; она была спасена въ значительной степени благодаря вмѣшательству русскаго оружія; но возродиться она могла лишь съ помощью воспринятыхъ ею либеральныхъ началъ, которыя вдохнули въ нее новую жизнь. Когда правительство, вмѣсто того чтобы внимать развивающимся общественнымъ потребностямъ, становится къ нимъ во враждебное отношеніе и, вмѣсто того чтобы привязать къ себѣ лучшія общественныя силы, окружаетъ себя людьми, не заслуживаю-

щими ни довѣрія, ни даже уваженія общества, оно готовитъ себѣ неисчислимыя затрудненія и само подрываетъ свои основы. Въ наше время, въ особенности, нельзя не сказать, что появленіе общественныхъ силъ на политическомъ поприщѣ есть міровой фактъ, съ которымъ нельзя не считаться. Онъ представляетъ извѣстную эпоху въ развитіи человѣчества. Кто закрываетъ на это глаза, тотъ неспособенъ къ политическому руководству. Между общественными силами есть, конечно, и дурныя и хорошія; но бороться противъ дурныхъ можно только опираясь на хорошія; съ одной полиціей и чиновничествомъ ничего не сдѣлаешь.

Какъ бы ни рѣдки были примѣры правительствъ, измѣняющихъ свои основы по собственному почину, а не подъ вліяніемъ внѣшняго принужденія, здравая политика все-таки должна видѣть въ этомъ единственный исходъ, согласный съ требованіями общаго блага. Революціонныя движенія всегда влекутъ за собою совершенно ненормальныя явленія государственной жизни; объ этомъ мы подробно будемъ говорить ниже. Избѣжать же ихъ можно только внимательно присматриваясь къ развивающимся потребностямъ общества и стараясь своевременно ихъ удовлетворить. Здравая политика требуетъ, чтобы отброшены были въ сторону всѣ сантиментальныя фантазіи и выяснены были тѣ цѣли, которыя долженъ имѣть въ виду государственный человѣкъ, и тѣ пути, которые къ нимъ ведутъ.

Къ числу средствъ, способствующихъ переходу одного порядка вещей въ другой, можно отнести учрежденія съ болѣе или менѣе неопредѣленнымъ характеромъ. Прежде нежели облечь общество настоящими политическими правами, можно призвать нѣкоторыхъ изъ его представителей къ участію въ обсужденіи законодательныхъ мѣръ, совмѣстно съ правительственными лицами; можно также устроить собранія съ чисто совѣщательнымъ голосомъ. Спрашивается, насколько подобнаго рода учрежденія могутъ быть полезны?

Безусловно отвергать ихъ пригодность невозможно, но нельзя также придавать имъ большаго значенія. Противъ нихъ говоритъ уже то, что они нигдѣ не упрочились. Пріобщеніе выборныхъ лицъ къ совѣщательнымъ государственнымъ учрежденіямъ можетъ дать правительству нѣсколько путныхъ совѣтниковъ и раскрывать такія стороны дѣла, которыя часто ускользаютъ отъ бюрократіи. Но требованію политическаго права оно не удовлетворяетъ и гарантій никакихъ не даетъ. Тоже можно сказать и о выборныхъ собраніяхъ съ чисто совѣщательнымъ голосомъ. Такого рода учрежденія могли быть полезны во времена государственнаго неустройства, когда не было ни дорогъ, ни печати, ни иныхъ средствъ сношенія, и правительство

должно было прибѣгать къ личному совѣщанію съ заинтересованными лицами, чтобъ узнать силы страны и свои собственныя средства. Таковы были наши земскіе соборы. Они созывались въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда правительство не знало, на что рѣшиться, и хотѣло узнать, что страна можетъ дать. Съ минованіемъ надобности, они прекратились сами собою. Постоянными учрежденіями они не могли сдѣлаться, потому что это противорѣчитъ самому ихъ существу. Это—машина слишкомъ громоздкая, сложная и дорогая для простыхъ совѣщаній. Они должны или быстро исчезнуть или превратиться въ настоящія представительныя собранія, облеченныя правами. Какъ писалъ баронъ Штейнъ, „совѣщательное собраніе чиновъ представляетъ или косную массу, или буйную толпу, болтающую попустому, безъ достоинства, безъ уваженія“ [1]).

Переходъ можетъ быть не только отъ абсолютной монархіи къ ограниченной, но и отъ ограниченной монархіи къ республикѣ; чѣмъ же онъ вызывается? Мы указали уже въ *Ученіи объ Обществѣ* на важное значеніе монархическаго начала въ государственной жизни: при сословномъ строѣ оно представляетъ государственное единство, возвышающееся надъ разобщенными интересами сословій; въ общегражданскомъ строѣ оно является посредникомъ и умѣрителемъ между аристократическими и демократическими элементами общества. Въ силу чего же монархія, отвѣчающая существеннымъ потребностямъ народной жизни, можетъ замѣниться республикой?

Это зависитъ опять отъ состоянія общества и отъ внутренняго единства его частей. Чѣмъ больше это единство, тѣмъ меньше требуется сосредоточеніе власти. Въ небольшихъ государствахъ, при простотѣ жизни и однородности элементовъ, монархическая власть даже вовсе не нужна; она была бы только лишнимъ бременемъ для народа. Таково искони было положеніе Швейцарскихъ кантоновъ. Нѣкоторые изъ нихъ находились подъ владычествомъ аристократіи; но и тутъ, при умѣренности правленія и патріархальности отношеній, государственная жизнь не требовала высшаго, уравновѣшивающаго элемента. Когда же, вслѣдствіе Французской Революціи, демократія выступила на сцену, сочетаніе новыхъ элементовъ съ старыми и взаимное ихъ замиреніе совершились подъ иноземнымъ вліяніемъ, которое замѣнило отсутствующее монархическое начало. Такимъ образомъ Швейцарія, отъ среднихъ вѣковъ и до нашихъ дней, сохранилась въ чисто республиканской формѣ.

---

[1]) Pertz: Stein's Leben, V, стр. 327. Подробнѣе о совѣщательныхъ собраніяхъ см. въ моемъ сочиненіи: *О народномъ представительствѣ*, кн. II, гл. 3.

Въ другихъ случаяхъ монархическая власть, по самымъ условіямъ жизни, была началомъ внѣшнимъ и чуждымъ. Таково было положеніе американскихъ колоній. И здѣсь, при однородности элементовъ, не требовалось сосредоточенной власти; а потому, какъ скоро онѣ достигли достаточной крѣпости и самостоятельности, онѣ свергли иго метрополіи и организовались въ республики. Однако, только колоніи, основанныя Англичанами, успѣли устроить у себя прочный политическій порядокъ; испанскія представляютъ лишь анархическую борьбу частныхъ силъ и постоянную картину междоусобій. Счастливое исключеніе составляла Бразилія, подъ управленіемъ поселившейся тамъ португальской династіи. Здѣсь умѣренная монархія, охраняя порядокъ, не тяготѣла надъ народомъ. Казалось, мудрое конституціонное правленіе должно было удовлетворять всѣхъ; но южныя страсти и вызываемыя колоніальною жизнью привычки необузданнаго своеволія, подкрѣпленныя теоретическими воззрѣніями, находящими въ этихъ условіяхъ благодарную почву, повели къ ниспроверженію монархической власти. Съ тѣхъ поръ и въ этой несчастной странѣ междоусобія сдѣлались обычнымъ явленіемъ.

Иногда монархія переходитъ въ республику вслѣдствіе торжества аристократическихъ элементовъ, которые въ ней находятъ соперника. Аристократія стремится къ владычеству, а монархія, понимающая свое призваніе, старается держать вѣсы равные между всѣми; противъ притязаній аристократіи она опирается на массы. Если аристократія достаточно сильна и обладаетъ внутреннимъ единствомъ, она изъ этой борьбы выходитъ побѣдительницей, и тогда монархія превращается въ аристократическую республику. Таково, какъ мы видѣли, было положеніе классическихъ государствъ. Но и тутъ исчезновеніе монархіи повлекло за собою вѣковую борьбу аристократіи съ демократіей, нерѣдко сопровождавшуюся междоусобіями. Демократія шагъ за шагомъ завоевывала себѣ права; когда же она, наконецъ, восторжествовала, въ ней, въ свою очередь, обнаружилась внутренняя рознь, которая повела къ возстановленію монархіи.

Демократія новаго времени не содержитъ въ себѣ тѣхъ элементовъ внутренней розни, которые повели къ паденію древней. Рабство исчезло; крайнее неравенство состояній, порожденное разлагающимся родовымъ порядкомъ, уступило мѣсто общегражданскому строю, въ которомъ преобладаютъ средніе классы. Въ новое время аристократія ищетъ опоры въ монархіи, а демократія, напротивъ, часто является ей враждебною, что опять можетъ вести къ замѣнѣ монархическаго устройства республиканскимъ, но уже не аристократическимъ, а демократическимъ. Примѣръ такого процесса представляетъ Франція, и

здѣсь мы можемъ прослѣдить причины, поведшія къ паденію монархическихъ учрежденій. Съ конца прошедшаго столѣтія монархія принимала три разныя формы, и всѣ три оказались несостоятельными. Старая монархія связала свою судьбу съ привилегированными сословіями и пала съ уничтоженіемъ сословнаго строя. Впослѣдствіи, когда она была возстановлена, она не хотѣла отказаться отъ своихъ многовѣковыхъ преданій и потерпѣла вторичное крушеніе. Іюльская монархія, напротивъ, стала во главѣ среднихъ классовъ. Казалось бы, тутъ открывалось безграничное поле для политической дѣятельности сообразной съ требованіями новаго времени; но вмѣсто широкаго пониманія своей задачи, Людовикъ-Филиппъ вздумалъ опираться на одну денежную аристократію, выдѣлявшуюся высокимъ политическимъ цензомъ изъ остальнаго народа. Это было полное извращеніе истиннаго призванія среднихъ классовъ, которые должны служить связующимъ звеномъ между крайностями, а не замыкаться въ привилегированное состояніе. Результатомъ было то, что и эта форма потерпѣла крушеніе. Не только она возстановила противъ себя низшіе слои, но она была покинута и значительною частью среднихъ классовъ, которые сознавали свое единство съ народомъ. Наконецъ, бонапартизмъ опирался на массы, но употреблялъ ихъ только какъ орудія монархической диктатуры. При Наполеонѣ I-мъ это имѣло смыслъ, ибо тутъ нужно было вновь организовать расшатанное революціей общество, а это могло быть только дѣломъ власти, сосредоточенной въ рукахъ геніальнаго человѣка. Но при Наполеонѣ III-мъ потребность сосредоточенной власти вызвана была временнымъ разгаромъ народныхъ страстей послѣ революціи 1848 года; подавленіе свободы, которая успѣла пустить глубокіе корни въ общественномъ сознаніи, должно было возбудить неудовольствіе всѣхъ образованныхъ классовъ. Избѣгнуть результатовъ этого неудовольствія и поднять свое обаяніе можно было только блескомъ внѣшней политики. Но и тутъ опасность безконтрольной власти, принужденной искать приключеній, выказалась въ полной силѣ. Наполеонъ I-й палъ предъ коалиціей всей Европы; для низверженія Наполеона III-го достаточно было одной Германіи. Седанъ и Мецъ навсегда положили конецъ бонапартизму, который влачитъ еще жалкое существованіе, но не въ состояніи подняться послѣ постигшаго его позора. Такимъ образомъ, крупныя ошибки монархіи во всѣхъ ея формахъ повели къ водворенію республики. Насколько послѣдняя имѣетъ въ себѣ прочности и какія она можетъ питать надежды на будущее, это вопросъ, который мы постараемся обсудить ниже, когда будемъ говорить о политикѣ демократіи.

Теперь же намъ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ внѣшнихъ причинахъ, которыя ведутъ къ установленію того или другаго образа правленія. Здѣсь главнымъ опредѣляющимъ началомъ является тотъ фактъ, что внѣшняя защита требуетъ сосредоточенной власти. Римляне во времена опасности установляли диктатуру. Чѣмъ менѣе общество обладаетъ прочною организаціей, тѣмъ болѣе чувствуется эта потребность. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ Россія, открытая къ Востоку, всѣхъ болѣе была подвержена нашествію азіатскихъ ордъ, и это именно повело къ установленію неограниченной власти. Тоже самое имѣло мѣсто въ Испаніи при изгнаніи Мавровъ. Даже малыя государства, склонныя къ республиканскимъ учрежденіямъ, въ минуты опасности прибѣгаютъ къ единовластію. Въ Голландіи не разъ передъ внѣшнимъ врагомъ возстановлялось правленіе Оранскаго дома, которое устранялось опять въ мирное время. Потребность внѣшней защиты обыкновенно ведетъ къ установленію постояннаго войска, а оно служитъ монархамъ самымъ сильнымъ орудіемъ для подавленія внутреннихъ враговъ и для утвержденія своего владычества. Изъ этого развился абсолютизмъ французскихъ королей. Тоже самое повторилось и въ другихъ государствахъ европейскаго материка. Тѣ страны, которыя, будучи открыты нападеніямъ сосѣдей, не хотѣли учредить у себя постояннаго войска изъ опасенія усилить королевскую власть, пали жертвою внѣшнихъ враговъ. Такова была судьба Польши. Англія, напротивъ, окруженная моремъ и отдѣленная отъ сосѣдей, не имѣла этой потребности, и это было одною изъ главныхъ причинъ ранняго утвержденія въ ней политической свободы. Англичане, также какъ Поляки, всегда ревниво смотрѣли на постоянное войско, которое могло служить опаснымъ орудіемъ въ рукахъ королей. Доселѣ оно пополняется добровольнымъ вербованіемъ, въ силу ежегодно возобновляемыхъ актовъ парламента, который даетъ на это нужныя средства. Но при уединенномъ положеніи страны, это не могло имѣть вредныхъ послѣдствій.

Иноземное владычество можетъ служить и самымъ сильнымъ орудіемъ для подавленія всякихъ самостоятельныхъ силъ, чѣмъ самымъ пролагается путь неограниченному единовластію. Таково именно было слѣдствіе покоренія Россіи Татарами. Вѣковое владычество азіатской орды повлекло за собою всеобщее порабощеніе, которое отразилось на всемъ ходѣ нашей исторіи. Такой же результатъ имѣло владычество Мавровъ въ Испаніи. Покоренные народы охотно мѣняютъ чужеземное иго на безграничную власть туземнаго князя, а съ ихъ помощью подавляются и тѣ элементы, которые успѣли сохранить бо́льшую или меньшую независимость. Прогнавши Мавровъ, испанскіе

короли уничтожили и всѣ народныя права. Водворился клерикальный деспотизмъ, продолжавшійся до новѣйшаго времени.

Съ перемѣною условій измѣняются, однако, и потребности. Въ настоящее время Россія не только не открыта нападеніямъ азіатскихъ ордъ, но сама покорила ихъ своему владычеству. Въ Испаніи защита отъ Мавровъ давно потеряла всякій смыслъ. При такомъ измѣненіи международнаго положенія, сохраненіе или измѣненіе того или другаго порядка вещей опредѣляется уже иными, не внѣшними, а внутренними причинами. Самая потребность внѣшней защиты имѣетъ совершенно иное значеніе тамъ, гдѣ государство успѣло уже прочно организоваться, нежели тамъ, гдѣ оно представляетъ неустроенное цѣлое. Въ первомъ случаѣ внѣшнее пораженіе ведетъ иногда къ паденію сосредоточенной власти. Франція два раза испытала это въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ 1814 и въ 1870 году бонапартизмъ палъ вслѣдствіе вторженія иноземныхъ войскъ, уступая мѣсто въ первый разъ конституціонной монархіи, а во второмъ случаѣ республикѣ. Въ Швеціи Густавъ IV былъ низложенъ вслѣдствіе пораженія шведскихъ войскъ въ Финляндскую войну. Вообще, внѣшнія побѣды ведутъ къ утвержденію власти, стоящей во главѣ военныхъ силъ, а пораженія ее ослабляютъ, обнаруживая ея недостаточность или несостоятельность. Но измѣненіе существующаго порядка въ либеральномъ смыслѣ наступаетъ лишь тогда, когда за пораженіемъ слѣдуетъ миръ, и государство, для возстановленія своего значенія, принуждено организоваться на новыхъ началахъ. Если же требуется новое напряженіе силъ, то можетъ потребоваться и новое сосредоточеніе власти. Нѣтъ сомнѣнія, что сѣверо-американская демократія, огражденная отъ всякихъ внѣшнихъ опасностей, заключаетъ въ себѣ несравненно болѣе залоговъ прочности, нежели демократія французская, принужденная вѣчно стоять на-сторожѣ и приносить громадныя жертвы для защиты отъ грознаго сосѣда. Если когда-либо вспыхнетъ война и во Франціи явится военный геній, который побѣдитъ Нѣмцевъ, то республиканскому правленію будетъ грозить серіозная опасность. Политическая свобода не исчезнетъ окончательно: она слишкомъ глубоко связана съ условіями жизни и потребностями образованнаго народа; недостатокъ ея слишкомъ тяжело отозвался на судьбахъ Франціи подъ управленіемъ Бонапартовъ. Но она весьма вѣроятно приметъ иныя формы, болѣе соотвѣтствующія потребностямъ сосредоточенной власти. Это покажетъ недалекое будущее.

Переходимъ теперь къ отдѣльнымъ образамъ правленія. Опираясь на явленія исторіи, покажемъ ихъ выгоды и недостатки, а также способы дѣйствія и средства поддержанія.

ГЛАВА II.

Политика чистой монархіи.

Всякій образъ правленія имѣетъ свои выгоды и свои недостатки, проистекающіе частью изъ самой его формы, частью изъ способа пользованія властью. Каждый изъ нихъ, въ силу самой своей опредѣленности, страдаетъ нѣкотороою односторонностью: будучи расчитанъ на удовлетвореніе извѣстной потребности, онъ тѣмъ самымъ менѣе удовлетворяетъ другимъ. Государство, какъ мы видѣли, есть сложное тѣло, имѣющее разнообразныя цѣли; когда преслѣдуется одна цѣль, то упускаются изъ вида остальныя, или на нихъ обращается меньше вниманія. Когда же государственное устройство ставитъ себѣ задачей удовлетвореніе всѣхъ цѣлей и приведеніе ихъ къ гармоническому соглашенію, то этимъ самымъ ослабляется требуемое единство воли и направленія. Сосредоточенная власть не можетъ имѣть выгодъ власти раздѣленной, а послѣдняя лишена выгодъ власти сосредоточенной. Политическій мыслитель обязанъ изслѣдовать тѣ и другія, опираясь на исторію и указывая на тѣ условія, которыя даютъ перевѣсъ той или другой сторонѣ.

Къ числу вліяющихъ факторовъ принадлежатъ и свойства тѣхъ лицъ или общественныхъ элементовъ, которымъ ввѣряется правленіе. Властью можно пользоваться хорошо или дурно, направлять ее ко благу или ко вреду государства. Это зависитъ уже не отъ устройства власти, а отъ способовъ ея примѣненія. Однако и устройство власти имѣетъ тутъ существенное вліяніе, ибо, вручая правленіе извѣстному разряду лицъ, оно тѣмъ самымъ даетъ силу свойственнымъ имъ недостаткамъ, откуда и проистекаютъ злоупотребленія.

Это всего яснѣе обнаруживается въ чистой монархіи. Выгоды ея слѣдующія:

Первая и главная состоитъ въ томъ, что ею обезпечивается *единство власти*. Образуя единое цѣлое, государство требуетъ единой направляющей воли. Но единство воли наиболѣе обезпечено, когда власть ввѣрена одному лицу. Какъ скоро она раздѣляется между разными лицами, такъ является различіе воль, а потому необходимость соглашенія. Но соглашеніе различныхъ мнѣній, интересовъ и направленій нерѣдко бываетъ затруднительно, а иногда просто недостижимо. Здѣсь всегда есть возможность раздоровъ, вредныхъ для государства. Если, при раздѣленіи мнѣній, образуется сильное большинство, то оно можетъ дѣйствовать деспотически, въ односторонемъ направленіи, стараясь уничтожить своихъ противниковъ, что̀ не мѣшаетъ послѣднимъ прибѣгать, съ своей стороны, ко всякаго рода

кознямъ, съ цѣлью ослабить большинство и, въ свою очередь, стать владычествующею партіей. Если же различныя мнѣнія болѣе или менѣе уравновѣшиваются или раздробляются, то единство воли и направленія становится почти невозможнымъ. Всѣхъ этихъ недостатковъ избѣгаетъ чистая монархія, гдѣ воля одного лица является безусловнымъ закономъ, которому всѣ подчиняются. Поэтому къ ней обыкновенно прибѣгаютъ народы при внутреннихъ раздорахъ, грозящихъ опасностью государству.

Изъ единства власти проистекаетъ, во-вторыхъ, ея *сила*. Власть раздѣленная неизбѣжно слабѣетъ. Различіе направленій въ верховной волѣ ведетъ къ колебаніямъ, которыя поселяютъ въ обществѣ недовѣріе. Даже когда состоялось окончательное рѣшеніе, меньшинство старается ему противодѣйствовать и ослабить его силу. Напротивъ, при сосредоточенной власти всѣ колебанія происходятъ въ подчиненной сферѣ, въ стадіи обсужденія; когда же рѣшеніе состоялось, оно не подлежитъ дальнѣйшему спору и должно быть исполнено безпрекословно. Самое исполненіе совершается быстрѣе и энергичнѣе, когда оно исходитъ отъ одного лица. Отсюда общее правило, что для обсужденія нужны многіе, исполненіе же должно быть, по возможности, ввѣрено одному.

Въ-третьихъ, съ единствомъ власти связана и ея *прочность*. При всякой коллегіальной власти возможны раздоры и борьба, которые нерѣдко ведутъ къ ея паденію. Здѣсь многіе имѣютъ надежду стать во главѣ правленія; отсюда происки и колебанія, которыя дѣлаютъ власть непрочною. Чистая монархія поставлена выше всего этого. Она представляетъ неизмѣнный порядокъ, независимый отъ частной воли тѣхъ или другихъ лицъ. И чѣмъ долѣе она держится, тѣмъ болѣе она заключаетъ въ себѣ залоговъ прочности.

Въ-четвертыхъ, будучи независима отъ общественныхъ элементовъ, чистая монархія непричастна духу партій. Всякое общество составлено изъ разнообразныхъ элементовъ, имѣющихъ каждый свои интересы. Эти интересы находятъ свое выраженіе въ направленіи различныхъ партій, которыя борются за преобладаніе. Вліяніе общества на государственныя дѣла проявляется въ господствѣ той или другой партіи, слѣдовательно, извѣстнаго частнаго интереса, въ ущербъ другимъ. Чѣмъ ожесточеннѣе борьба, тѣмъ болѣе страдаютъ интересы лицъ, находящихся въ меньшинствѣ. При господствѣ высшихъ классовъ, обыкновенно страдаютъ интересы массы и, наоборотъ, при господствѣ массы ущербъ терпятъ образованные классы, то-есть качественно высшая часть народа. Этими недостатками не страдаетъ неограниченная монархія, возвышенная надъ всѣми частными интересами

и партіями. Какъ представительница народнаго единства, она имѣетъ въ виду пользу не одной какой-либо части населенія, а всѣхъ. Она держитъ между ними вѣсы и старается о справедливомъ удовлетвореніи каждой, сообразно съ тѣмъ положеніемъ, которое она занимаетъ въ государственномъ организмѣ. Въ особенности монархія является защитникомъ и покровителемъ низшихъ классовъ, менѣе способныхъ принимать участіе въ правленіи, а потому нерѣдко обдѣляемыхъ и притѣсняемыхъ высшими. Исторія показываетъ, что именно опираясь на низшіе слои въ борьбѣ съ аристократіей, монархи достигали неограниченной власти. Только когда они забывали настоящее свое призваніе, они становились исключительными защитниками привилегій.

Въ-пятыхъ, сила власти, независимой отъ общественныхъ элементовъ, дѣлаетъ то, что чистая монархія есть образъ правленія, наиболѣе приспособленный къ охраненію въ обществѣ внѣшняго порядка. Всякое сопротивленіе здѣсь умолкаетъ, всякіе раздоры и смуты устраняются. Общество безпрекословно подчиняется признанному всѣми правительству. Еслибы охраненіе внѣшняго порядка было единственною цѣлью государства, то чистая монархія имѣла бы неоспоримое преимущество предъ всѣми другими образами правленія. Поэтому, она естественно водворяется тамъ, гдѣ эта задача становится на первый планъ.

Съ другой стороны, въ-шестыхъ, нѣтъ образа правленія, который былъ бы болѣе приспособленъ къ совершенію крупныхъ преобразованій. Всякое преобразованіе, глубоко захватывающее общественныя отношенія, нарушаетъ господствующіе интересы; съ ними поэтому приходится вести борьбу. Но для веденія борьбы единоличная власть, независимая отъ общественныхъ силъ, несравненно болѣе пригодна, нежели правленіе, находящееся подъ вліяніемъ господствующихъ интересовъ и партій. Возвышающаяся надъ всѣми власть одна въ состояніи мирнымъ путемъ перевести одинъ порядокъ вещей въ другой. Мы, Русскіе, видѣли это при освобожденіи крестьянъ. Только власть, стоящая выше интересовъ партій и имѣющая въ виду исключительно общее благо, могла обдуманно и спокойно совершить такой крутой переломъ въ общественной жизни, взвѣсить интересы обоихъ сословій, устранить, съ одной стороны, всякія несбыточныя надежды, а съ другой всякое сопротивленіе, наконецъ, сдѣлать выборъ людей, которые способны были твердо и безпристрастно водворить новый порядокъ. Одновременно съ этимъ въ демократической и свободной Америкѣ совершалось освобожденіе Негровъ. Тамъ, при отсутствіи независимой отъ общества власти, этотъ переворотъ произошелъ путемъ страшнаго междоусобія, стоившаго безчисленныхъ жертвъ и

доселѣ отзывающагося на всемъ политическомъ и общественномъ бытѣ Соединенныхъ Штатовъ. Сравненіе этихъ двухъ великихъ событій показываетъ, на чьей сторонѣ преимущество, когда требуется народную жизнь направить по новому пути. Во Франціи разнузданныя общественныя силы могли ниспровергнуть весь старый порядокъ; но для созданія новаго нужна была неограниченная власть Наполеона.

Въ-седьмыхъ, можно сказать, вообще, что если въ исторіи личность играетъ выдающуюся роль, то именно при неограниченной власти она можетъ проявить всѣ свои высокія качества. Генію подобаетъ такая власть; всякія сдержки могутъ только ослабить его дѣйствіе. Только въ силу своей неограниченной власти Петръ Великій могъ создать новую Россію. Въ гораздо меньшихъ размѣрахъ Фридрихъ Великій былъ основателемъ величія Пруссіи. Даже въ мирныя времена, когда не требуется коренныхъ перемѣнъ, правленіе мудраго монарха или просвѣщеннаго министра можетъ быть эпохою благоденствія и счастія для народа. Достаточно вспомнить управленіе обоихъ Бернсторфовъ въ Даніи, послѣ того какъ, вслѣдствіе распрей чиновъ, неограниченная власть была ввѣрена королю.

Но именно тамъ, гдѣ оказываются наибольшія выгоды, кроются и существенные недостатки. Первый и главный недостатокъ неограниченной монархіи состоитъ въ томъ, что замѣщеніе власти совершается не по способности и заслугамъ, а въ силу случайности рожденія. Избѣгнуть этого нельзя, ибо этого требуетъ твердая преемственность власти. Всякій другой способъ замѣщенія престола ведетъ къ смутамъ и колебаніямъ. Рожденіе же открываетъ самый широкій просторъ случайности. Если можетъ родиться геній, то точно также можетъ родиться извергъ, слабоумный, полупомѣшанный. Исторія представляетъ тому не одинъ примѣръ. Въ Римской Имперіи послѣ Августа престолъ занимали Тиверій, Калигула, Неронъ; за Титомъ слѣдовалъ Домиціанъ. Въ новое время Испанія видѣла мрачную тиранію Филиппа Втораго и слабоуміе послѣднихъ Бурбоновъ, Австрія узкій фанатизмъ Фердинанда II-го, зачинателя Тридцатилѣтней войны, Россія свирѣпыя казни Іоанна Грознаго, Франція разорительный деспотизмъ Людовика XIV-го и развратъ Людовика XV-го. Съ религіозной точки зрѣнія можно смиренно покоряться волѣ Божіей, наказывающей народы за ихъ грѣхи; политическаго наблюдателя такая точка зрѣнія не можетъ удовлетворять. Она не устраняетъ вредныхъ для государства послѣдствій случайнаго замѣщенія престола недостойными или неспособными лицами. Петръ Великій въ *Правдѣ воли Монаршей* ярко выставилъ этотъ недостатокъ наслѣдственной монархіи. Онъ думалъ устранить его назначеніемъ преемника царствующимъ

государемъ. Но собственный его примѣръ показалъ, что этимъ способомъ замѣщенія престолъ отдается на жертву всякаго рода интригамъ. Тутъ лѣкарство хуже самаго зла. Если состояніе общества требуетъ неограниченной власти, то лучше установить твердый порядокъ престолонаслѣдія, примиряясь съ неизбѣжными его недостатками, въ виду несомнѣнной приносимой имъ пользы.

Другая столь же невыгодная сторона всякой неограниченной власти заключается въ томъ дѣйствіи, которое она производитъ на человѣческую душу. Совершенное существо можетъ быть облечено безграничнымъ полновластіемъ безъ ущерба своему внутреннему достоинству; несовершенная же воля человѣка требуетъ сдержекъ, и чѣмъ менѣе высоки ея свойства, тѣмъ это требованіе настоятельнѣе. Возвышенная душа сдерживается сознаніемъ долга, чувствомъ отвѣтственности за благоденствіе подчиненныхъ народовъ, наконецъ религіей, проповѣдующей смиреніе и повиновеніе высшему, божественному закону; обыкновенныя души, напротивъ, превозносятся чувствомъ своего величія, передъ которымъ все преклоняется. Видѣть себя поднятымъ на неизмѣримую высоту надъ остальнымъ человѣчествомъ, знать, что всякое произнесенное слово есть законъ, что отъ мановенія руки зависитъ судьба многихъ милліоновъ людей, имѣть возможность безпрепятственно удовлетворять всякой своей прихоти, это — такое положеніе, которое часто не подъ силу бренному человѣку. Римскихъ императоровъ оно поражало безуміемъ. Христіанство сдерживаетъ непомѣрную гордость, напоминая земному владыкѣ, что онъ все-таки не Богъ, а человѣкъ. Но и оно, производя власть непосредственно отъ Бога, даетъ высшее освященіе сознанію своего величія и дѣлаетъ то, что внушенія самолюбія и страсти нерѣдко принимаются за голосъ самого Божества. Исторія показываетъ, какъ мало чисто нравственныя сдержки способны укрощать человѣческія страсти. Іоаннъ Грозный мучился угрызеніями совѣсти, и все-таки проливалъ потоки крови. Французскіе короли, Людовикъ XIV-й, Людовикъ XV-й, смиренно преклонялись передъ волею церкви, а между тѣмъ предоставляли полный просторъ всѣмъ своимъ влеченіямъ. Нерѣдко самые представители религіи, угождая земному владыкѣ, даютъ высшее освященіе его слабостямъ. И не въ одномъ только непомѣрномъ самопревознесеніи кроется опасность; въ слабыхъ натурахъ неограниченная власть порождаетъ двоедушіе. Обуреваемый противоположными теченіями и окруженный всевозможными интригами, зная, что ни на кого въ сущности нельзя положиться, что подъ личиною преданности обыкновенно скрываются личныя цѣли, монархъ не довѣряетъ ни себѣ, ни другимъ; значеніе, которое придается каждому его слову, задержи-

ваетъ въ немъ всякій душевный порывъ; политика заставляетъ его скрытничать и кривить душою, и это дѣлается постояннымъ складомъ ума и сердца. Даже такой богато одаренный и исполненный такихъ высокихъ стремленій характеръ, какъ Александръ I, исказился въ этихъ условіяхъ; измученный и вѣчно колеблющійся, онъ окончательно отдался желѣзной волѣ Аракчеева.

Противостоять всѣмъ искушеніямъ власти тѣмъ труднѣе, что ее, въ третьихъ, окружаютъ всевозможные соблазны. Монарху, безгранично властвующему надъ подданными, все доступно: и безмѣрное богатство, и удовлетвореніе всякой прихоти. Отсюда примѣры безумной расточительности, истощающей страну и ложащейся тяжелымъ бременемъ на народъ. Въ то время какъ прусскіе монархи строгою бережливостью полагали основаніе будущему могуществу своего государства, Саксонскіе короли безъ счета бросали деньги на свои удовольствія, оставляя государство беззащитнымъ въ минуты опасности. Такую же картину представлялъ и французскій дворъ при послѣднихъ Бурбонахъ. Всего хуже, когда милости падаютъ на недостойныхъ любимцевъ. Господство любовницъ и фаворитовъ составляетъ весьма обычное явленіе въ лѣтописяхъ неограниченной монархіи. Вліяніе маркизы де-Помпадуръ и госпожи дю-Барри тяжело отозвалось на политическомъ положеніи Франціи. Даже такая великая государыня, какъ Екатерина II, раздавала многія тысячи денегъ и людей и ввѣряла даже государственныя дѣла лицамъ, которыхъ главная заслуга заключалась въ удовлетвореніи страсти. А когда на престолѣ царствуетъ порокъ, то и подчиненное общество слѣдуетъ тому же примѣру.

Къ соблазнамъ власти присоединяется, въ четвертыхъ, вліяніе окружающихъ. Абсолютный монархъ является расточителемъ всѣхъ земныхъ благъ; поэтому всѣ, кто ищетъ власти, почестей, богатства (а таково значительное большинство людей, занимающихъ высшія ступени общественной лѣствицы), толпятся около престола въ надеждѣ получить какую-нибудь долю ниспадающихъ съ него милостей. Обыкновеннымъ для этого средствомъ служитъ стараніе понравиться владыкѣ и угодить всѣмъ его желаніямъ. Раболѣпство и лесть становятся господствующимъ началомъ въ высшихъ придворныхъ и чиновныхъ сферахъ. Это — не случайное только явленіе, а общая черта, подмѣченная глубокими наблюдателями общественной жизни. „Пускай прочтутъ то, что историки всѣхъ временъ писали о дворѣ монарховъ“, говоритъ Монтескьё; „пускай припомнятъ разговоры людей всѣхъ странъ о жалкомъ характерѣ придворныхъ: это не выводы теоріи, а плоды печальнаго опыта. Честолюбіе въ бездѣліи, низость при гордости, желаніе обогатиться безъ труда, отвращеніе отъ исти-

ны, лесть, предательство, лукавство, нарушеніе всѣхъ обязательствъ, презрѣніе къ обязанностямъ гражданъ, боязнь добродѣтели князя, надежда на его слабости, и, болѣе всего, постоянное осмѣяніе добродѣтели, составляютъ, я думаю, характеръ большей части придворныхъ, проявляющійся во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена“ [1]). Къ этому можно прибавить лаконическое изреченіе Суворова: „чтобы быть придворнымъ, нужны три вещи: дерзость, гибкость и вѣроломство“. Безъ сомнѣнія, есть исключенія, тѣмъ болѣе почетныя, чѣмъ они рѣже. Но нужно глубокое знаніе людей, чтобы проникнуть въ потаенные изгибы человѣческой души и отличить искреннюю преданность отъ раболѣпнаго угодничества, стремленіе къ личнымъ цѣлямъ отъ любви къ общему благу; нужна необыкновенная возвышенность и твердость духа, чтобы противостоять лести и допускать противорѣчіе, когда однимъ взглядомъ можно его устранить. Обыкновенно люди любятъ тѣхъ, кто имъ угождаетъ. Личное удобство и пріятность отношеній образуютъ покойную колею, въ которую незамѣтно втѣсняется воля монарха. Вокругъ него образуется миражъ оффиціальной лжи, заслоняющій настоящее положеніе дѣлъ; истина прогоняется со срамомъ въ тотъ глубокій колодезь, куда помѣщало ее еще древнее сказаніе, и только чрезвычайныя событія, производя внезапныя потрясенія, заставляютъ пробуждаться отъ той пріятной дремоты, которую навѣваетъ усыпляющая среда. Такова весьма обычная картина неограниченныхъ монархій, когда имъ не приходится бороться съ трудными обстоятельствами.

Эти условія личнаго положенія и обстановки не могутъ не отразиться, въ-пятыхъ, и на самомъ управленіи. Недостатокъ каждаго образа правленія состоитъ въ наклонности преувеличивать собственное начало; но такъ какъ это начало всегда одностороннее, а государство состоитъ изъ разнообразныхъ элементовъ, которые всѣ требуютъ удовлетворенія, то этимъ самымъ государственной жизни дается направленіе, противорѣчащее общественнымъ потребностямъ. Нерѣдко этимъ вызывается противодѣйствіе, которое окончательно можетъ подорвать самое начало, проводимое въ жизнь. Въ неограниченной монархіи господствующее начало есть сила власти; преувеличеніе этого начала есть *произволъ*. Этотъ недостатокъ естественно проявляется во всякой власти, не знающей сдержекъ. Произволомъ можетъ страдать управленіе чистой аристократіи и даже демократіи. Передъ послѣдними неограниченная монархія имѣетъ то громадное преимущество, что въ ней господствуетъ воля одного лица, возвышеннаго надъ вся-

[1]) Esprit des Loix, L. III, ch. 5.

кими частными интересами, а не воля многихъ, преслѣдующихъ свои личныя цѣли. Но и произволъ одного лица, не знающаго сдержекъ, можетъ пагубно отразиться на управленіи. Россія испытала это въ царствованіе императора Павла. Еще хуже, когда это начало проводится и въ низшемъ управленіи, и каждое облеченное властью лице, какъ представитель монарха, не сдерживается ничѣмъ и считаетъ себѣ все позволеннымъ. Господство произвола сверху до низу есть одинъ изъ худшихъ способовъ управленія, какіе можно придумать. Турція представляетъ тому живой примѣръ.

Съ этимъ связана, въ-шестыхъ, наклонность предпочитать внѣшній порядокъ внутреннему. Выше было сказано, что одно изъ преимуществъ неограниченной монархіи состоитъ въ способности охранять внѣшній порядокъ; для подавленія всякихъ смутъ и волненій нужна только сила власти. Напротивъ, для установленія порядка внутренняго, состоящаго въ томъ, чтобы каждый на своемъ мѣстѣ исполнялъ свое дѣло, требуется строгое исполненіе закона и сознаніе долга, а это такія начала, которымъ болѣе всего противорѣчитъ произволъ. Даже при наилучшихъ намѣреніяхъ, лице, облеченное верховною властью, не можетъ все знать и за всѣмъ усмотрѣть, и чѣмъ обширнѣе государство, чѣмъ разнороднѣе его составъ, тѣмъ эта задача становится труднѣе. Отсюда жалобы, столь знакомыя намъ, Русскимъ, что у насъ нѣтъ порядка въ управленіи. Отсюда соблазнъ довольствоваться внѣшнимъ порядкомъ и принимать его за благоустройство, направленіе, которое въ запискѣ, составленной и распространенной въ высшихъ правительственныхъ сферахъ во времена Крымской кампаніи, было мѣтко характеризовано словами: „сверху блескъ, снизу гниль“. Подъ покровомъ внѣшняго величія и строгаго охраненія внутренней дисциплины скрывались глубочайшія язвы управленія: произволъ, лихоимство, казнокрадство, господство оффиціальной лжи, стремленіе все выставить на-показъ при отсутствіи всякаго вниманія къ настоящему дѣлу. Сознаніе этихъ недостатковъ именно и привело къ великимъ преобразованіямъ царствованія Александра Втораго.

Произволъ имѣетъ, въ-седьмыхъ, то вредное послѣдствіе, что право лишается черезъ это всякаго огражденія. Между тѣмъ, огражденіе права составляетъ одну изъ важнѣйшихъ и благороднѣйшихъ цѣлей государства. Все нравственное значеніе власти основано на томъ, что она держитъ мечъ правосудія, а правосудіе состоитъ въ томъ, чтобы воздавать каждому то, что ему принадлежитъ. Если же мечъ, ввѣренный для охраненія права, становится орудіемъ нарушенія права, то этимъ самымъ уничтожается нравственная его сила въ глазахъ народа, а это имѣетъ пагубныя послѣдствія какъ для

обиженныхъ, такъ и для самой власти. Но и помимо всякихъ злоупотребленій, неограниченная власть устраняетъ ту высшую гарантію права, которая дается политическою свободой. Это—неизбѣжно присущій ей недостатокъ, который однако можетъ быть значительно смягченъ постояннымъ, строгимъ соблюденіемъ закона и учрежденіемъ независимыхъ судовъ.

Въ-восьмыхъ, господствомъ произвола и проведеніемъ всюду началъ строгаго подчиненія не только устраняются гарантіи права, но и подавляется всякая личная и общественная самодѣятельность, а между тѣмъ, отъ самодѣятельности зависитъ высшее развитіе общества. Пока народъ стоитъ еще на низкой ступени, пока силы его дремлютъ и ожидаютъ пробужденія, главная инціатива всякаго дѣйствія исходитъ сверху. Правительство, имѣя въ виду общія потребности государства, старается удовлетворить имъ умноженіемъ народныхъ средствъ; понужденія и привилегіи служатъ стимулами личной дѣятельности. Но такая система опеки умѣстна только въ младенческомъ состояніи общества; она не въ силахъ поднять его выше нѣкотораго, довольно низменнаго уровня. Высшее развитіе требуетъ инціативы самихъ гражданъ, а именно это встрѣчаетъ препятствія со стороны власти, ставящей себѣ задачею охранять строгую дисциплину и опекать все и всѣхъ. Въ особенности свобода умственнаго развитія, безъ котораго нѣтъ и развитія матеріальнаго, представляется дѣломъ опаснымъ и противнымъ государственному порядку. Правительство, призванное содѣйствовать просвѣщенію, становится его гонителемъ. Достаточно вспомнить тѣ условія, въ которыя были поставлены печать и университеты въ Германіи во времена господства системы Меттерниха. Но тамъ народное образованіе стояло уже такъ высоко, сосѣдство свободныхъ странъ доставляло такіе легкіе способы обойти туземныя стѣсненія, что усилія правительствъ, обращенныя къ подавленію мысли, оказались тщетными. Гораздо хуже было положеніе у насъ. Россіи пришлось расплачиваться за революціонныя волненія Западной Европы. Тяжелый гнетъ, которому подверглись университеты, ограниченіе числа студентовъ, невѣроятныя стѣсненія цензуры, заглушавшія всякую живую мысль, таково было удручающее положеніе, хорошо памятное людямъ, жившимъ въ тѣ времена. И тутъ, въ концѣ концовъ, стремленіе подавить рвущуюся на свободу мысль оказалось безсильнымъ; но черезъ это самая мысль получила неправильное движеніе. Когда впослѣдствіи правительство принялось за реформы, оно не встрѣтило единодушной поддержки въ обществѣ, привыкшемъ къ оппозиціи. Въ этой системѣ кроются сѣмена нашего нигилизма.

Таковы выгоды и недостатки неограниченной монархіи. Задача

политической науки заключается въ томъ, чтобы, наблюдая и сравнивая различныя историческія явленія, вывести изъ нихъ всестороннюю характеристику извѣстной формы государственнаго устройства. Но этотъ выводъ, какъ уже было замѣчено, отнюдь не имѣетъ свойства истины, одинаково приложимой всегда и вездѣ. При разныхъ условіяхъ та или другая сторона можетъ получить перевѣсъ, чѣмъ опредѣляется и самая польза, приносимая устройствомъ власти. Въ неограниченной монархіи болѣе, нежели гдѣ-либо, это зависитъ отъ личнаго характера правителей. Счастливъ народъ, котораго государи, одушевленные сознаніемъ своего долга, свято исполняютъ свое призваніе и умѣютъ выбирать людей, способныхъ прилагать къ жизни ихъ благія намѣренія. Такія царствованія являются свѣтлыми эпохами въ исторіи и заставляютъ иногда примиряться съ печальными сторонами управленія предшественниковъ или преемниковъ. Но такъ какъ это зависитъ отъ случайности рожденія, изъятой изъ области человѣческой воли, то для научнаго изслѣдованія тутъ нѣтъ мѣста. Для политика несравненно важнѣе тѣ общія условія народной жизни, которыя даютъ перевѣсъ тѣмъ или другимъ сторонамъ правительственной дѣятельности. Важнѣйшую роль играютъ въ этомъ отношеніи тѣ задачи государственнаго быта, которыя въ разныя эпохи выдвигаются на первый планъ. Когда приходится создавать государство, умножать его силы, или переводить одинъ порядокъ вещей въ другой, всѣ выгоды неограниченной монархіи выступаютъ съ особенною яркостью. Напротивъ, когда жизнь вошла въ нормальную колею и требуется упроченіе внутренняго благоустройства, огражденіе права, развитіе общественной самодѣятельности, невыгодныя стороны этого образа правленія чувствуются сильнѣе. Чѣмъ менѣе монархія оказывается способною удовлетворить этимъ потребностямъ, чѣмъ болѣе она опасается общественныхъ силъ, тѣмъ болѣе она возбуждаетъ противъ себя оппозицію и тѣмъ скорѣе она подрываетъ собственныя основы. Этимъ объясняется главнымъ образомъ общее паденіе абсолютныхъ монархій въ Западной Европѣ въ XIX-мъ вѣкѣ. Не столько вліяніе новыхъ идей, сколько развитіе новыхъ общественныхъ потребностей привело къ этому результату. Первыя только тамъ пускаютъ прочные корни, гдѣ онѣ находятъ подготовленную почву.

Здравая политика, направленная къ тому, чтобы дать силу и прочность извѣстному образу правленія, очевидно состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться его выгодами и устранять, по возможности, его недостатки. Это относится, какъ къ самому устройству власти, такъ и къ выбору ея орудій и способовъ дѣйствія.

Неограниченная монархія тогда только сильна и прочна, когда она опирается на твердый порядокъ престолонаслѣдія. Здѣсь сила власти зиждется на постоянномъ законѣ, изъятомъ отъ человѣческаго произвола. Избирательная форма, которая ставитъ монарха въ зависимость отъ избирателей, несовмѣстна съ существомъ этого образа правленія. Избраніе можетъ имѣть мѣсто по пресѣченіи царствующей династіи, когда нѣтъ законныхъ наслѣдниковъ, а потому приходится прибѣгать къ всенародному выбору. Такъ у насъ, по пресѣченіи династіи Рюриковичей, избранъ былъ на царство Годуновъ, затѣмъ Шуйскій и, наконецъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Но постоянно повторяющійся выборъ, какъ законъ государства, неизбѣжно ведетъ къ ограниченію монархической власти. Поэтому онъ умѣстенъ только въ смѣшанныхъ правленіяхъ, да и тутъ онъ имѣетъ самые существенные недостатки, о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи. При неограниченной власти, избирательная форма совмѣстна только съ теократическимъ правленіемъ, чему примѣръ представляетъ прежняя Папская область. Здѣсь избирался собственно глава церкви коллегіей высшихъ ея сановниковъ, въ силу закона, устранявшаго какое бы то ни было ограниченіе власти, признаваемой установленною самимъ Богомъ; свѣтское владычество было только придаткомъ къ духовному сану. Чисто свѣтскіе государи не имѣютъ такого положенія; для нихъ источникомъ и опорою власти служитъ постоянный законъ, опредѣляющій порядокъ преемственности. Чѣмъ тверже этотъ законъ, чѣмъ продолжительнѣе его дѣйствіе, тѣмъ больше обаяніе власти въ глазахъ подданныхъ. Старыя династіи срастаются со всею жизнью народа, представляя высшій, неизмѣнный порядокъ, связывающій настоящее поколѣніе съ прошедшими и будущими. Народъ и династія вмѣстѣ переживаютъ эпохи величія и бѣдствій; отсюда рождается чувство привязанности, которое составляетъ какъ бы самую душу народа и котораго не въ состояніи поколебать временныя неудовольствія. Личность даже неспособнаго или недостойнаго монарха представляется не болѣе какъ мимолетнымъ явленіемъ въ цѣломъ рядѣ историческихъ дѣятелей и народныхъ вождей. Особенно въ глазахъ массы, которой чужды отвлеченныя понятія, въ лицѣ монарха воплощается идея отечества, связанная съ нимъ неразрывно. Тотъ гнетъ, который она нерѣдко испытываетъ, приписывается подчиненнымъ властямъ, а монархъ, возвышаясь надъ всѣми, остается окруженнымъ недосягаемымъ величіемъ и блескомъ. Нужны продолжительные періоды невыносимыхъ притѣсненій и полное забвеніе своего призванія со стороны облеченныхъ властью для того, чтобы глубоко вкоренившееся въ народы монархическое чувство могло въ немъ изсякнуть, какъ это случилось, на-

примѣръ, во Франціи съ династіей Бурбоновъ. Но разъ оно исчезло, его невозможно уже возстановить. А съ другой стороны, ни личное обаяніе, ни блескъ побѣдъ не въ состояніи упрочить власть, не имѣющую корней въ народной жизни. Наполеонъ I постоянно жаловался на то, что онъ безпрерывными внѣшними успѣхами принужденъ поддерживать положеніе, которое старыя династіи сохраняютъ безъ труда, не смотря ни на какія невзгоды. Въ этой глубокой связи съ народною жизнью состоитъ истинное значеніе начала законной монархіи. Какъ юридическій принципъ, оно теряетъ смыслъ, какъ скоро дѣйствительная власть перешла въ другія руки, ибо, по публичному праву, верховная власть неразлучна съ дѣйствительнымъ исполненіемъ сопряженныхъ съ нею обязанностей; но какъ нравственный устой государственной жизни, это начало имѣетъ огромную важность. Исчезновеніе его влечетъ за собою шаткость всего политическаго организма. Это мы и наблюдаемъ во Франціи.

Твердость законнаго порядка требуетъ, чтобы власть переходила отъ одного лица къ другому по неизмѣнному правилу, независимо отъ произвола. Этому противорѣчитъ назначеніе преемника царствующимъ монархомъ. Петръ Великій, какъ упомянуто выше, установилъ этотъ послѣдній способъ. Онъ указывалъ на то, что наслѣдственная монархія, при всѣхъ своихъ преимуществахъ, имѣетъ одинъ существенный недостатокъ, именно то, что недостойный преемникъ можетъ уничтожить всѣ великія дѣла отца. Петръ находился въ этомъ случаѣ въ исключительномъ положеніи, и эту особенность онъ возвелъ въ правило. Но придуманное имъ лѣкарство хуже самаго зла. Оно производитъ шаткость всѣхъ отношеній. Этимъ открывается поприще всякимъ кознямъ, раздорамъ и междоусобіямъ. При жизни государя около каждаго изъ возможныхъ наслѣдниковъ образуется придворная партія, которая старается интригами дѣйствовать на монарха. Въ самой царской семьѣ возбуждается взаимная ненависть и затаенная вражда. Энергическій государь можетъ этому противодѣйствовать; но при слабомъ правителѣ эти отношенія становятся общественнымъ бѣдствіемъ. Судьба государства зависитъ отъ придворныхъ интригъ. Раздоры продолжаются и послѣ смерти монарха; устраненный наслѣдникъ остается соперникомъ, а потому опасенъ для правителя. Соперничество можетъ дойти до междоусобной войны, или же оно устраняется братоубійствомъ, явленіе нерѣдкое въ восточныхъ деспотіяхъ. Наконецъ, если государь не успѣлъ назначить преемника, то все предоставляется случаю. Это и имѣло мѣсто въ Россіи послѣ смерти Петра.

Всѣ эти невыгоды устраняются единственно твердымъ закономъ о

престолонаслѣдіи, который, не допуская никакого сомнѣнія, устанавливаетъ непрерывный переходъ власти отъ одного лица къ другому. Въ этомъ отношеніи всемірный опытъ утвердилъ порядокъ естественный, то-есть, наслѣдованіе старшаго въ старшей линіи. Наслѣдованіе брата вмѣсто сына есть порядокъ родовой, а не государственный. Престолъ является здѣсь достояніемъ всего рода, въ которомъ старшій лѣтами заступаетъ мѣсто отца. Въ государственномъ правѣ спорнымъ является только вопросъ о наслѣдованіи женщинъ. Какъ уже было объяснено въ *Ученіи объ Обществѣ*, женщина, вообще, менѣе способна къ государственнымъ дѣламъ, нежели мужчина. Умъ ея менѣе склоненъ къ общимъ вопросамъ, характеръ ея болѣе подверженъ человѣческимъ слабостямъ и чужому вліянію. Настоящее ея призваніе относится къ области семейной и общественной, а не политической. Однако исторія представляетъ намъ примѣры великихъ правительницъ: Елисавета Англійская, Екатерина Вторая, Марія-Терезія. Поэтому, совершенное устраненіе женщинъ отъ престола не можетъ быть признано общимъ политическимъ правиломъ. Тамъ, гдѣ оно существуетъ, оно основывается болѣе на историческихъ преданіяхъ страны, нежели на здравыхъ политическихъ началахъ. Въ случаѣ недостатка другихъ наслѣдниковъ, устраненіе женщинъ можетъ даже имѣть весьма невыгодныя послѣдствія, ибо тогда все предоставляется случаю. Но предпочтеніе мужскаго пола женскому составляетъ требованіе здравой политики. Оно подтверждается и тѣмъ, что женщина, выходя замужъ, вступаетъ въ чужое семейство, съ инымъ духомъ и иными преданіями, нежели тѣ, которые господствуютъ на родинѣ. Вслѣдствіе этого, при вступленіи на престолъ ея самой или ея потомства, государство подчиняется управленію иностранной династіи, вовсе не связанной со страной и имѣющей совершенно чуждые ей интересы. Достаточно вспомнить тѣ осложненія, которымъ подвергалась англійская политика вслѣдствіе связи Англіи съ Ганноверомъ, а въ нашей исторіи намѣреніе Петра III-го начать войну съ Даніей изъ-за притязаній Гольштинскаго дома.

Съ закономъ о престолонаслѣдіи тѣсно связанъ и вопросъ о бракѣ государей. Политическія соображенія допускаютъ только наслѣдованіе дѣтей, рожденныхъ отъ равныхъ браковъ, то-есть, отъ браковъ съ лицами, принадлежащими къ царствующимъ династіямъ. Причина этого ограниченія заключается въ желаніи устранить родственныя связи государя съ подданными. Какъ представитель государства, монархъ долженъ одинаково возвышаться надъ всѣми. Отношенія къ подданнымъ должны быть не частныя, а политическія. Между тѣмъ, при бракѣ съ подданною, родственники послѣдней есте-

ственно выдѣляются изъ остальныхъ и получаютъ привилегированное положеніе, не въ силу общаго закона и не по способностямъ или заслугамъ, а вслѣдствіе частныхъ отношеній къ царствующему государю. Этимъ открывается дверь господству временщиковъ и всякому непотизму. Законы о неравныхъ бракахъ имѣютъ въ виду устранить всѣ эти частныя связи и сохранить одни отношенія политическія.

Требованіе твердаго законнаго порядка въ неограниченной монархіи распространяется и на управленіе. Какъ власть независимая отъ общественныхъ силъ, чистая монархія нуждается въ собственныхъ, независимыхъ отъ общества орудіяхъ дѣйствія. Всякій другой образъ правленія въ себѣ самомъ носитъ источникъ своей силы. Демократія разсѣяна всюду; вездѣ она находитъ поддержку въ волѣ большинства гражданъ, отъ котораго зависятъ установленныя власти. Точно также аристократія находитъ постоянную поддержку въ членахъ высшаго сословія, живущихъ и въ центрѣ и на мѣстахъ: обладая значительными средствами и вліяніемъ, связанные корпоративнымъ духомъ, они дѣйствуютъ постоянно въ видахъ сохраненія своего владычества. Ни тотъ, ни другой образъ правленія не нуждается въ опорѣ какихъ-либо иныхъ общественныхъ элементовъ, ибо онъ самъ представляетъ владычество того или другаго общественнаго элемента, обладающаго собственною внутреннею силой, а потому способнаго управлять государствомъ. Монархъ, напротивъ, какъ единичное лице, не имѣетъ ни собственной силы, ни прирожденныхъ орудій власти; а потому онъ долженъ ихъ создать. Иначе власть его останется чисто нарицательною. Чтобы господствовать надъ общественными элементами, онъ долженъ имѣть собственную силу, отъ нихъ независимую. Къ тому же, онъ по необходимости ограниченъ однимъ мѣстомъ; для того, чтобы воля его распространялась по всѣмъ концамъ государства, нужны особые органы. Наконецъ, одна изъ главныхъ выгодъ монархическаго правленія заключается въ силѣ и быстротѣ дѣйствія. И для этого требуются надежныя орудія. Таковыми являются постоянное войско и бюрократія, которыя, по этому самому, имѣютъ въ неограниченной монархіи болѣе значенія, нежели въ какомъ-либо другомъ образѣ правленія.

Выше было уже сказано, что постоянное войско составляетъ одно изъ самыхъ сильныхъ орудій власти. Оно главнымъ образомъ способствовало водворенію абсолютизма на развалинахъ феодальнаго порядка въ Западной Европѣ. Въ чистой монархіи болѣе, нежели гдѣ-либо, отъ войска требуются строгая дисциплина, чувство военной чести, наконецъ преданность монарху, какъ представителю отечества. Послѣднее возможно только при войскѣ туземномъ, ибо оно одно связы-

ваетъ монарха съ народомъ, изъ котораго оно набирается и въ который оно возвращается. Наемныя войска, напротивъ, особенно вербованныя изъ иностранцевъ, каковы были, напримѣръ, въ прежнее время Швейцарцы во Франціи и въ Неаполѣ, а также французскій легіонъ въ Папскихъ владѣніяхъ, составляютъ учрежденіе безусловно вредное. Независимость войска отъ народа ведетъ къ полному разобщенію между верховною властью и подданными. Оно показываетъ, что монархъ держится не внутреннею, а внѣшнею силой. Окруженіе себя иностранною гвардіей есть признакъ глубокаго недовѣрія къ подданнымъ, а недовѣріе сверху всегда вызываетъ недовѣріе снизу. Такое войско можетъ сдѣлаться орудіемъ величайшихъ притѣсненій, ибо оно ничѣмъ не связано съ притѣсняемыми. Между тѣмъ, на него нельзя положиться, ибо цѣль его—корысть, а не служба отечеству. Если же оно достаточно сильно, то оно можетъ обратиться въ преторіанцевъ, располагающихъ судьбами государства.

Еще хуже поддержка чужеземнаго войска. Она служитъ признакомъ неисцѣлимой слабости власти. Черезъ это монархъ ставится въ зависимость отъ иностраннаго государя, чѣмъ еще болѣе возбуждается неудовольствіе подданныхъ. Даже случайная помощь противъ собственныхъ подданныхъ составляетъ несчастіе для страны; постоянная же охрана иноземнымъ войскомъ равняется отреченію. Независимость государства исчезаетъ, и нравственная связь между верховною властью и подданными порывается совершенно. Нѣкогда политика Священнаго Союза состояла въ томъ, чтобы войсками великихъ державъ поддерживать мелкихъ государей противъ революціонныхъ стремленій ихъ подданныхъ. Исторія показала, до какой степени тщетны всѣ эти попытки. Гдѣ внутренняя связь порвана, она не возстановится иноземною силой.

Туземное войско всегда отражаетъ на себѣ характеръ самаго общества, изъ котораго оно набирается. Выше было указано, что чистая монархія исторически связана съ сословнымъ строемъ. Это отражается и на составѣ войска. Поэтому здѣсь привилегированное положеніе получаетъ дворянство, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, является главнымъ хранителемъ чувства чести, составляющаго самую душу войска. Но такъ какъ монархъ есть представитель всего государства, то не исключается и повышеніе по заслугамъ строевыхъ солдатъ. Этого требуютъ и справедливость, и здравая политика и польза самаго военнаго дѣла. Это требованіе ростетъ съ развитіемъ образованія, когда солдаты набираются не только изъ народной массы, но и изъ болѣе или менѣе зажиточныхъ и образованныхъ среднихъ

классовъ. Полная безсословность военныхъ учрежденій обозначаетъ переходъ отъ сословнаго строя къ общегражданскому, что влечетъ собою и переходъ отъ абсолютной монархіи къ другимъ политическимъ формамъ. Чисто народный характеръ войско имѣетъ въ демократической диктатурѣ, которая опирается на массы противъ образованныхъ классовъ. Но здѣсь оно можетъ сдѣлаться орудіемъ самаго страшнаго деспотизма.

Значеніе войска для неограниченной монархіи дѣлаетъ то, что монархъ долженъ обращать на него особенное вниманіе. Чувства чести и преданности, которыя должны господствовать въ войскѣ, возможны только при личныхъ отношеніяхъ къ нему государя. Послѣдній является настоящимъ главою и предводителемъ арміи. Онъ долженъ вникать во всѣ ея нужды, знать всѣ подробности военнаго дѣла, быть обходительнымъ и съ солдатами и съ офицерами. Только этимъ онъ можетъ пріобрѣсти въ войскѣ ту популярность, которая составляетъ первое условіе преданности. Поэтому, внимательное занятіе военнымъ дѣломъ составляетъ обязанность и заслугу монарха. Однако и тутъ, какъ во всемъ, можетъ быть излишекъ. Любовь къ фронту, къ парадамъ, къ мелочамъ военной обмундировки можетъ доходить до страсти, поглощающей все вниманіе, развивающей мелочность характера и отвлекающей отъ болѣе важныхъ государственныхъ дѣлъ. Примѣры тому не рѣдки въ новѣйшей исторіи. Зло увеличивается склонностью предпочитать внѣшній порядокъ внутреннему. На показъ все кажется превосходнымъ; на парадѣ оружіе блеститъ, мундиры всѣ съ иголки, движенія совершаются съ изумительною точностью, а когда приходитъ настоящее дѣло, оказывается, что войска лишены самыхъ существенныхъ принадлежностей, провіантъ раскрадывается, сапоги дрянные, оружіе плохо стрѣляетъ, предводители никуда не годятся, и армія, исполненная самыхъ высокихъ доблестей, терпитъ пораженіе за пораженіемъ. Мы это испытали въ Крымскую кампанію.

Но всего вреднѣе для государства, когда любовь къ военному дѣлу переносится и на гражданскую область, когда и въ послѣдней водворяется солдатская дисциплина, вниманіе къ мелочамъ, затмѣвающее пониманіе истинно полезнаго, требованіе подчиненія, заглушающее всякую самостоятельную мысль и всякое живое отношеніе къ дѣлу. При такомъ смѣшеніи сферъ исчезаетъ самое понятіе о томъ, что гражданское управленіе требуетъ особенныхъ знаній и пріемовъ. Военные люди, вовсе къ тому неприготовленные, привыкшіе къ совершенно инымъ порядкамъ, ставятся во главѣ гражданскихъ отраслей, въ которыя они вносятъ взгляды и способы дѣйствія, господствующіе въ военныхъ кругахъ. При такихъ условіяхъ, путная

гражданская администрація становится совершенно невозможною. И это мы, Русскіе, испытали на себѣ.

Для того, чтобы гражданская администрація сдѣлалась надежнымъ орудіемъ власти, она должна получить особенное устройство и развитіе. Это не есть дѣло нѣсколькихъ лѣтъ, а плодъ работы многихъ поколѣній, хранящихъ административныя преданія и утверждающихъ прочный административный порядокъ. Бюрократія, которая была самымъ могучимъ органомъ абсолютныхъ монархій въ ихъ борьбѣ съ феодализмомъ, вырабатывалась историческимъ путемъ. Она была главною устроительницей новаго государства. Образуя систему учрежденій, связывающихъ государство въ одно цѣлое, живущее общею жизнью, она даетъ верховной власти именно то орудіе, въ которомъ она нуждается. Неограниченная монархія въ особенности безъ бюрократіи немыслима. Но именно здѣсь послѣдняя представляетъ значительныя опасности. Изъ удобнаго орудія власти она можетъ превратиться въ самостоятельное тѣло, имѣющее свои собственные интересы и становящееся между монархомъ и народомъ. Интересъ бюрократіи состоитъ въ томъ, чтобы господствовать неограниченно въ административной сферѣ. Эта цѣль достигается тѣмъ, что обществу дается какъ можно менѣе способовъ дѣйствовать самостоятельно, а отъ монарха скрывается истинное положеніе дѣлъ. Черезъ это все переходитъ въ руки чиновничества; самая воля монарха, при видимомъ самовластіи, становится отъ него въ зависимость. Сверху водворяется господство оффиціальной лжи, а внизу царитъ полнѣйшій произволъ, который тѣмъ тяжелѣе ложится на общество, чѣмъ болѣе онъ служитъ прикрытіемъ и орудіемъ корыстныхъ цѣлей. Власть, не знающая сдержекъ и движимая частнымъ интересомъ, неизбѣжно становится произвольною и притѣснительною.

Противодѣйствовать этому злу можно только системою сдержекъ, вводящихъ господство бюрократіи въ должныя границы. Таковыми служатъ, прежде всего, высшія государственныя учрежденія, законодательныя и административныя. Въ высокой степени важно, чтобы мѣры, которыя предлагаются лицами, стоящими во главѣ управленія, обсуждались въ независимомъ отъ нихъ учрежденіи, заключающемъ въ себѣ всѣ условія основательнаго и безпристрастнаго сужденія. Столь же важно существованіе высшаго контролирующаго учрежденія, куда можно приносить жалобы на дѣйствія властей. Этимъ потребностямъ отвѣчаютъ у насъ Государственный Совѣтъ и Сенатъ. Отъ хорошаго устройства и правильнаго дѣйствія этихъ учрежденій въ значительной степени зависитъ возможность утвержденія законнаго порядка въ неограниченной монархіи. Но авторитетъ ихъ держится

прежде всего тѣмъ уваженіемъ, которое оказываетъ имъ сама верховная власть. Безъ сомнѣнія, монархъ не связанъ мнѣніями какихъ бы то ни было совѣщательныхъ учрежденій. Но когда у него нѣтъ собственнаго, твердо установившагося убѣжденія, согласіе съ мнѣніемъ большинства служитъ признакомъ уваженія къ установленному самими монархами государственному строю. Когда же мѣра, прошедшая черезъ высшее учрежденіе, подвергается новому обсужденію въ тѣсномъ кругу довѣренныхъ лицъ и окончательное рѣшеніе принимается на основаніи мнѣнія послѣднихъ, то этимъ самымъ выражается предпочтеніе частныхъ вліяній постояннымъ учрежденіямъ, которыхъ главная цѣль заключается именно въ освобожденіи воли монарха отъ всякихъ частныхъ вліяній. Это—ударъ, нанесенный высшимъ учрежденіямъ въ государствѣ, а вмѣстѣ и всему существующему государственному строю. Обыкновенно это бываетъ послѣдствіемъ плохаго состава этихъ собраній: въ нихъ сажаютъ людей, отжившихъ свой вѣкъ или оказавшихся неспособными на болѣе дѣятельномъ поприщѣ. При такомъ условіи мнѣнія ихъ, разумѣется, не могутъ имѣть никакого вѣса. Но это доказываетъ только необходимость осмотрительнаго выбора. Если воля монарха, подверженная всевозможнымъ вліяніямъ, должна быть обставлена учрежденіями, на которыя бы она могла опираться, то въ высшей степени важно имѣть такой составъ этихъ учрежденій, который обезпечивалъ бы за нимъ нравственный авторитетъ.

Но еще важнѣйшею сдержкою владычествующей бюрократіи служитъ независимый судъ. Отдѣленіе суда отъ администраціи составляетъ первое условіе законномѣрнаго управленія. Независимость же суда обезпечивается несмѣняемостью судей. Нерѣдко высказывается мнѣніе, что начало несмѣняемости несовмѣстно съ неограниченностью воли монарха, который всегда имѣетъ право смѣщать всякое подчиненное лице. Такое мнѣніе основано на смѣшеніи понятій. Верховная власть проявляется въ общихъ государственныхъ мѣрахъ, которыя вполнѣ зависятъ отъ воли монарха, а не въ частныхъ судебныхъ рѣшеніяхъ, въ которыя монархъ никогда не вмѣшивается; несмѣняемость же судей установляется именно въ виду этихъ послѣднихъ. Начало несмѣняемости противорѣчитъ не самодержавію монарха, а самодержавію министра юстиціи, ибо только по докладу министра монархъ смѣщаетъ судью. Устраненіемъ этой гарантіи судьи всецѣло отдаются въ руки министра и независимость суда перестаетъ существовать. Если въ учрежденіи независимаго суда можно видѣть ограниченіе власти, то это такое, которое не касается ея существа и нравственно ее возвышаетъ. Самоограниченіе власти есть высшій

нравственный подвигъ. Поэтому, учрежденіе независимаго суда составляетъ одно изъ великихъ дѣлъ абсолютной монархіи. Вступая на путь закона, она тѣмъ самымъ придаетъ себѣ высшее нравственное значеніе. У насъ, то самое царствованіе, которому Россія обязана освобожденіемъ крестьянъ, водворило впервые независимый и праведный судъ. Это—великая эпоха въ жизни народа.

Но и всѣхъ этихъ сдержекъ недостаточно для того, чтобъ удержать бюрократію въ надлежащихъ предѣлахъ и устроить управленіе на правильныхъ основаніяхъ. Необходима еще широкая система мѣстнаго самоуправленія. И это начало не только не противорѣчитъ неограниченной монархіи, а напротивъ, составляетъ необходимое ея восполненіе. Чѣмъ болѣе стѣсняется свобода наверху, тѣмъ болѣе ей должно быть предоставлено простора въ подчиненныхъ сферахъ. Какъ было замѣчено выше, здравая политика состоитъ не въ томъ, чтобы преувеличивать одностороннее начало, проводя его съ неуклонною послѣдовательностью сверху донизу, а въ томъ, чтобъ исправлять присущіе ему недостатки, насколько это совмѣстно съ основнымъ принципомъ. Только допуская широкую систему самоуправленія монархія удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ; только относясь къ ней съ полнымъ довѣріемъ она вступаетъ въ живое общеніе съ народною жизнью, не оффиціальными путями, черезъ посредство правящей бюрократіи, а лицемъ къ лицу. Конечно, она должна и въ областяхъ имѣть свои непосредственные органы, которымъ присвоиваются верховный контроль и руководство; но отношеніе этихъ органовъ къ мѣстнымъ учрежденіямъ должно состоять не въ возможномъ стѣсненіи и заподозриваніи послѣднихъ, а во взаимномъ довѣріи и помощи. Только обставляя себя, наверху и внизу, цѣлою системой подобныхъ учрежденій, обладающихъ относительною независимостью, неограниченная монархія въ состояніи утвердить въ государствѣ твердый законный порядокъ. По глубокому замѣчанію Монтескьё, монархія отличается отъ деспотизма существованіемъ посредствующихъ тѣлъ, задерживающихъ проявленія власти. Деспотизмъ весь основанъ на произволѣ; монархія, обставленная учрежденіями, является хранительницею закона; она даетъ гарантіи свободѣ и праву, хотя бы въ подчиненныхъ сферахъ. Чѣмъ болѣе устраняются эти частныя сдержки, тѣмъ болѣе монархія склоняется къ деспотизму.

Къ числу этихъ сдержекъ принадлежатъ также личныя и корпоративныя права сословій. Мы видѣли, что чистая монархія исторически возникла изъ сословнаго порядка. Съ одной стороны, потребность неограниченной власти, какъ представительницы государства, вызывается раздѣленіемъ народа на группы, связанныя каждая сво-

ими частными интересами и разобщенныя между собой. Съ другой стороны, она въ этомъ самомъ раздѣленіи обрѣтаетъ опору, ибо въ возвышающейся надъ всѣми власти каждый частный интересъ находитъ защиту противъ другихъ. Въ особенности высшее сословіе, дворянство, связано съ монархіей и своими историческими преданіями и наслѣдственностью положенія. Въ ней оно находитъ поддержку своихъ привилегій, а потому оно само является главною опорою престола. Но гдѣ есть опора, тамъ есть и сдержка. Привилегіи служатъ историческою замѣною политическаго права; въ нихъ находитъ преграду безграничное самовластіе. Чѣмъ крѣпче корпоративный духъ дворянства, чѣмъ болѣе оно сознаетъ свое историческое положеніе, тѣмъ болѣе оно составляетъ общественную силу, съ которою надобно считаться. Бюрократія, въ особенности, встрѣчаетъ въ немъ постоянную задержку и противодѣйствіе своимъ уравнительнымъ стремленіямъ. Вражда дворянства съ бюрократіей составляетъ весьма обычное явленіе въ абсолютныхъ монархіяхъ. При отсутствіи политической свободы, этимъ всего болѣе сдерживается административный произволъ. Безъ привилегированнаго положенія высшаго сословія, безъ корпоративныхъ правъ, образующихъ извѣстную общественную силу, народъ въ неограниченной монархіи превращается въ массу единицъ, ничѣмъ не связанныхъ между собой, а потому безсильныхъ противъ всемогущей власти. Паденіемъ этихъ сдержекъ открывается дверь самому безграничному деспотизму. Именно это соображеніе побудило Монтескьё признать честь движущимъ началомъ монархіи, въ отличіе отъ деспотизма, который управляется страхомъ. Въ чувствѣ чести соединяется сознаніе правъ и обязанностей. Оно дѣлаетъ то, что дворянство является вмѣстѣ и опорой престола и сдержкой бюрократіи.

Однако сословныя привилегіи имѣютъ и свою оборотную сторону. Они всегда существуютъ въ ущербъ другимъ. Въ особенности народная масса обыкновенно отдается на жертву интересамъ дворянства и произволу чиновничества. Достаточно указать на положеніе народа во Франціи при старомъ порядкѣ. И у насъ, до новѣйшаго времени, господствовало во всей силѣ крѣпостное право, отдававшее крестьянское сословіе всецѣло въ руки помѣщиковъ; положеніе же казенныхъ крестьянъ, управлявшихся чиновниками, было нисколько не лучше. Между тѣмъ, такое положеніе населенія парализуетъ дѣятельность государства и идетъ въ разрѣзъ съ самыми существенными его интересами. Изъ народной массы оно черпаетъ свои главныя силы и средства; жертвуя ею для привилегированныхъ классовъ, оно подрываетъ собственныя основы. Поэтому монархія, понимающая свое призваніе, рано или поздно становится ея

заступницею и выступаетъ съ преобразованіями, которыя измѣняютъ существующій строй, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаютъ противъ нея вражду привилегированныхъ лицъ, тѣхъ самыхъ, которыя служатъ ей главною опорой.

Отсюда двойственность положенія и задачъ абсолютной монархіи. Историческій процессъ государственной жизни порождаетъ для нея затрудненія, съ которыми справиться не легко. Вообще, держать вѣсы между двумя противоположными сторонами составляетъ одну изъ трудныхъ задачъ политики. Здѣсь же эта задача осложняется тѣмъ, что измѣненіе гражданскаго строя касается всѣхъ сторонъ народной жизни, всего частнаго быта, а потому производитъ полный переворотъ всѣхъ общественныхъ отношеній. Она осложняется и тѣмъ, что, принимая на себя защиту слабыхъ, правительство должно дѣйствовать противъ тѣхъ, которые имѣютъ въ государствѣ наиболѣе вліянія, на которыхъ оно само опирается. Противодѣйствіе аристократическихъ и придворныхъ сферъ всякимъ кореннымъ преобразованіямъ заставляло отступать не только слабыхъ монарховъ, какъ Людовикъ XVI, но и самыхъ энергическихъ государей, сознававшихъ полноту своей власти и не знавшихъ преградъ своей волѣ, каковъ былъ, напримѣръ, императоръ Николай I. Къ этому присоединяется, наконецъ, боязнь либеральныхъ началъ, которыхъ развитіе можетъ грозить опасностью самой монархіи. По всѣмъ этимъ причинамъ рѣдко подобныя преобразованія совершаются безъ сильнаго внѣшняго толчка. Во Франціи слабая монархія не дерзала коснуться сословныхъ привилегій; результатъ былъ тотъ, что она, вмѣстѣ съ ними, была унесена революціей. Въ Пруссіи освобожденіе крестьянъ совершилось послѣ Іенскаго погрома, въ Австріи вслѣдствіе революціи 1848-го года, въ Россіи послѣ Крымской войны. Хорошо, когда этотъ толчекъ оставляетъ неприкосновенною верховную власть, которая, сознавая свою задачу, исполняетъ ее обдуманно и твердо. Мы видѣли, что неограниченная монархія, по существу своему, всего болѣе способна совершить такого рода реформы. Но для этого недостаточно одной силы власти; нужно зрѣлое обсужденіе условій, внимательное взвѣшиваніе всѣхъ интересовъ, наконецъ настойчивое проведеніе принятыхъ началъ. Только этимъ обезпечивается успѣхъ преобразованія.

Это приводитъ насъ къ вопросу о способахъ дѣйствія неограниченной монархіи. Во всякомъ образѣ правленія общее правило здравой политики состоитъ въ томъ, что требуется сила въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и умѣренность въ обыкновенномъ теченіи жизни. Въ первомъ случаѣ нужны быстрота рѣшенія и энергія въ

исполненіи; во второмъ необходимо осторожное вниманіе къ разнообразнымъ интересамъ народной жизни, стараніе ихъ примирить и удовлетворить по возможности всѣхъ; нужны переговоры, сдѣлки, уступчивость, мягкость, избѣжаніе слишкомъ рѣзкихъ проявленій власти, всегда возбуждающихъ неудовольствіе. Иногда требуется соединеніе того и другаго. Когда совершается коренное преобразованіе, необходимо, какъ сказано, сочетаніе осторожности съ настойчивостью, умѣренности требованій съ неуклоннымъ ихъ проведеніемъ.

Изъ различныхъ образовъ правленія неограниченная монархія, какъ замѣчено выше, всѣхъ болѣе способна проявить силу власти. Это именно то начало, на которомъ она стоитъ. Если въ немъ оказывается недостатокъ, то причина заключается не въ устройствѣ власти, а въ облеченномъ ею лицѣ, и противъ этого нѣтъ лѣкарства. Слабый монархъ всегда будетъ дѣйствовать сообразно съ своимъ характеромъ; измѣнить этого нельзя. Единственный исходъ въ этомъ случаѣ—довѣриться энергическому лицу. Если выборъ удаченъ, правленіе можетъ идти успѣшно; въ противномъ случаѣ можетъ произойти еще худшее зло, ибо у министра нѣтъ тѣхъ побужденій, которыя есть у монарха: у него нѣтъ ни обезпеченнаго положенія, ни преданій, ни связи съ историческою жизнью народа; онъ не стоитъ выше всякихъ частныхъ интересовъ. Для самого монарха отдача себя въ чужія руки представляетъ значительную опасность, а гдѣ есть недовѣріе, вездѣ будутъ и колебанія. Такимъ образомъ, сила власти зависитъ главнымъ образомъ отъ личныхъ свойствъ государя. Напротивъ, умѣренность всегда можетъ быть правиломъ политики. Слабый монархъ и безъ того къ этому склоненъ; энергическая же власть можетъ сама себя умѣрить: въ этомъ состоитъ высшее ея нравственное достоинство. Не въ преувеличеніи своего начала, а въ восполненіи его недостатковъ заключается требованіе политики, имѣющей въ виду истинное благо государства. Здѣсь это правило прилагается болѣе, нежели гдѣ-либо.

Способы дѣйствія касаются принимаемыхъ мѣръ и отношенія къ людямъ. Относительно перваго нельзя лучше выразить истинныя требованія политической мудрости, какъ словами Екатерины Второй, переданными императору Александру Павловичу статсъ-секретаремъ Поповымъ *).

„Имѣя доступъ къ Императрицѣ, бабкѣ Вашего Величества“, писалъ Поповъ, „я однажды въ бесѣдѣ слышалъ отъ нея; дѣло зашло о неограниченной власти ея не только внутри Россійской Имперіи, но и въ другихъ земляхъ. Я говорилъ ей съ изумленіемъ о томъ слѣпомъ повиновеніи, съ

*) См. письмо его въ „Русскомъ Архивѣ“ 1891 г., № 5.

которымъ воля ея вездѣ была исполняема, и о томъ усердіи и ревности, съ коими старались всѣ ей угодить. „Это не такъ легко, какъ ты думаешь“, сказала она. „Во-первыхъ, повелѣнія мои не исполнялись бы съ точностью, если-бы не были удобны къ исполненію. Ты самъ знаешь, съ какою осмотрительностью, съ какою осторожностью поступаю я въ изданіи своихъ узаконеній. Я разбираю обстоятельства, извѣдываю мысли просвѣщенной части народа и по нимъ заключаю, какое дѣйствіе указъ мой произвести долженъ. Когда же напередъ я увѣрена объ общемъ одобреніи, тогда выпускаю я мое повелѣніе и имѣю удовольствіе видѣть то, что ты называешь слѣпымъ повиновеніемъ, и вотъ основаніе власти неограниченной. Но будь увѣренъ, что слѣпо не повинуются, когда приказаніе не приноровлено къ обычаямъ, и когда въ ономъ я бы слѣдовала одной моей волѣ, не размышляя о слѣдствіяхъ. Во-вторыхъ, ты ошибаешься, когда думаешь, что вокругъ меня все дѣлается только мнѣ угодное. Напротивъ того, это я, которая принуждаю себя, стараюсь угождать каждому сообразно съ заслугами, достоинствомъ, склонностями и привычками. Повѣрь мнѣ, что гораздо легче дѣлать пріятное для всѣхъ, нежели чтобы всѣ тебѣ угождали. Напрасно сего будешь ожидать и будешь огорчаться. Я сего огорченія не имѣю, ибо не ожидаю, чтобы все безъ изъятія по-моему дѣлалось. Можетъ-быть, сначала и трудно было себя къ этому пріучить, но теперь съ удовольствіемъ я чувствую, что не имѣя прихотей, капризовъ и вспыльчивости, не могу и быть въ тягость, и бесѣда моя всѣмъ нравится. Перенимай у меня, поступай такъ дома и скажешь послѣ мнѣ спасибо“.

Эти золотыя слова, которыя должны быть памятны каждому самодержцу, заключаютъ въ себѣ наставленіе и на счетъ отношенія къ людямъ. Во всякомъ образѣ правленія выборъ людей составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ государственнаго управленія. Мало того, чтобъ исполненіе принятыхъ мѣръ ввѣрялось надежнымъ лицамъ; надобно, чтобы цвѣтъ общества стоялъ во главѣ государства. Только этимъ утверждается нравственный авторитетъ власти, уваженіе къ ней подданныхъ, исполненіе ея велѣній. Въ неограниченной монархіи эта задача имѣетъ сугубую важность: монархъ не можетъ все видѣть и все дѣлать самъ; онъ болѣе другихъ нуждается въ орудіяхъ и менѣе другихъ имѣетъ возможность удостовѣриться въ истинномъ положеніи дѣлъ. А между тѣмъ, именно здѣсь выборъ людей представляетъ особенныя трудности. При свободныхъ учрежденіяхъ, гдѣ политическая дѣятельность происходитъ у всѣхъ на глазахъ, даровитые люди выдвигаются сами собой. Ихъ способность выказывается умѣньемъ дѣйствовать на другихъ и защищать или опровергать предлагаемыя мѣры. Въ неограниченной монархіи, напротивъ, политическая дѣятельность остается болѣе или менѣе скрытою; то, что выставляется на показъ, часто вовсе не соотвѣтствуютъ истинному положенію дѣлъ. Общественная критика устраняется, а критика другихъ членовъ управленія слишкомъ часто руководствуется личными побужденіями и страдаетъ

незнаніемъ дѣла. Въ выборѣ людей монарху приходится руководиться не объективными данными, а чисто личнымъ усмотрѣніемъ; но именно тутъ оказываются величайшія трудности. Люди рѣдко представляются ему въ настоящемъ свѣтѣ. Корыстные виды всегда прикрываются личиною преданности и усердія. Нужно глубокое знаніе людей, чтобъ отличить въ нихъ истину отъ лжи. Неопытный монархъ обыкновенно слишкомъ довѣрчивъ; опытный, видя себя окруженнымъ постояннымъ обманомъ, перестаетъ довѣрять кому бы то ни было и черезъ это самъ перестаетъ пользоваться довѣріемъ подвластныхъ. Къ этому присоединяется свойственная человѣку наклонность поддаваться вліянію ближайшей среды, которая окружаетъ монарха знаками личной преданности и, зная его характеръ, умѣетъ имъ владѣть и направлять его къ своимъ цѣлямъ. Сила привычки и пріятность удобныхъ отношеній составляютъ великое дѣло въ человѣческой жизни. Надобно прибавить и естественную податливость на лесть, противъ которой немногіе въ состояніи бороться. Все это ведетъ къ тому, что въ неограниченныхъ монархіяхъ довольно обыкновеннымъ явленіемъ бываетъ господство такъ называемой камарильи, то-есть, нѣсколькихъ лицъ, близкихъ къ монарху и пользующихся его довѣріемъ въ ущербъ интересамъ страны. Она можетъ состоять изъ придворныхъ или изъ особъ, стоящихъ во главѣ управленія. Иногда же неограниченнымъ довѣріемъ облекается одно лице, которое черезъ это становится истиннымъ правителемъ государства.

Для монарха, понимающаго свое призваніе, нѣтъ болѣе настоятельной потребности, какъ выйдти изъ этого заколдованнаго круга, замыкающагося въ тѣсной сферѣ придворныхъ и бюрократическихъ интересовъ, и вступить въ живыя сношенія съ людьми, представляющими различные элементы общества и разнообразныя направленія общественной мысли. Только этимъ путемъ можно получить настоящія свѣдѣнія и узнать способныхъ людей. Въ неограниченныхъ монархіяхъ весьма обыкновенный пріемъ состоитъ въ томъ, что монархъ говоритъ о государственныхъ дѣлахъ единственно съ тѣми, кому они ввѣрены. Нѣтъ болѣе вѣрнаго средства закрыть для себя познаніе истины и отдаться всецѣло въ руки докладчика, который можетъ представить дѣло въ какомъ угодно видѣ и дать ему желанное направленіе, зная въ особенности слабости монарха и средства его обойти. Это превосходно выражено въ письмѣ Семена Романовича Воронцова къ императору Александру I-му:

„Нѣтъ въ мірѣ ничего болѣе опаснаго, какъ рѣшать дѣла съ глаза на глазъ съ министромъ“, писалъ этотъ опытный государственный мужъ. „Какимъ образомъ можете вы удостовѣриться, что онъ не введетъ васъ

въ ошибку вольную или невольную? Почему вы знаете, что министръ представляетъ вамъ все, что должно быть доведено до вашего свѣдѣнія? Въ природѣ человѣка — стремиться къ вліянію, къ власти; этимъ создается деспотизмъ министра, и Ваше Величество создадите деспотизмъ невыносимый, рѣшая дѣла съ глаза на-глазъ съ тѣмъ или другимъ министромъ".

Приведенныя выше слова Екатерины показываютъ, что она старалась, напротивъ, узнать мнѣніе не тѣхъ, кому ввѣряется исполненіе извѣстной мѣры, а тѣхъ, которые ей подлежатъ. Прежде нежели приступать къ какому-либо мѣропріятію, она хотѣла лично вывѣдать мысли образованнѣйшей части общества, а для этого необходимо находиться съ нею въ постоянныхъ сношеніяхъ. Этимъ упрочивается самая сила правительства. Монархія должна собирать вокругъ себя и привязывать къ себѣ всѣ значительнѣйшія способности страны. То, что при политической свободѣ совершается дѣйствіемъ учрежденій, то здѣсь должно быть личнымъ дѣломъ монарха. Пренебреженіе къ этой задачѣ ведетъ не только къ ослабленію правительства, но и къ развитію оппозиціоннаго духа въ обществѣ. Способный человѣкъ, которому нѣтъ надлежащаго поприща для дѣятельности, всегда недоволенъ и старается пріобрѣсти значеніе въ обществѣ оппозиціоннымъ положеніемъ. Оставленіе въ сторонѣ людей, которыхъ можно привлечь къ правительству, всегда составляетъ политическую ошибку.

Но если имѣть въ виду привлеченіе къ себѣ людей, то надобно умѣть съ ними обращаться. Масса пошляковъ приходитъ въ восторгъ отъ всякаго привѣтливаго слова, и на это монархъ тѣмъ менѣе долженъ скупиться, что это ничего не стоитъ. Но люди высшаго разряда требуютъ иного обхожденія. Благородныя души, по природѣ своей, независимы; онѣ не нисходятъ къ раболѣпству, угодничеству, лести; внѣшніе знаки милости мало ихъ трогаютъ. Независимы и высшія способности: у кого есть собственныя убѣжденія и характеръ, тотъ не можетъ сдѣлаться слѣпымъ исполнителемъ чужихъ велѣній. Отъ этого зависитъ и самый успѣхъ: только дѣятельность, одушевленная убѣжденіемъ, бываетъ истинно плодотворна. Между тѣмъ, независимые люди не всегда удобны. Управлять съ независимыми силами гораздо мудренѣе, нежели имѣть дѣло съ покорными орудіями. Монархъ, привыкшій къ безпрекословному исполненію своей воли, встрѣчаетъ тутъ нравственное сопротивленіе, которое ему не нравится. Отсюда весьма обыкновенное явленіе, что независимые люди устраняются или удаляются сами. Вокругъ престола остается кружокъ раболѣпныхъ царедворцевъ; правительство лишается важнѣйшей своей опоры, а въ обществѣ распространяется духъ оппозиціи. Печальныя послѣдствія такого порядка вещей обнаруживаются, когда наступаютъ затрудни-

тельныя обстоятельсева. Оказывается, что государство приведено на край гибели или поставлено въ тяжелое положеніе вслѣдствіе неспособности правящихъ лицъ. Тогда, волею или неволею, приходится призывать къ управленію или къ реорганизаціи политическаго тѣла способныхъ людей изъ общества. Но и это нерѣдко бываетъ только временною мѣрой. Какъ скоро нужда миновала, неудобныя орудія опять удаляются, и люди, оказавшіе отечеству незабвенныя услуги, оканчиваютъ свою жизнь въ полномъ забвеніи.

Исторія даже нынѣшняго столѣтія представляетъ поучительные примѣры такого способа дѣйствія. Въ Германіи не было, конечно, государственнаго человѣка, который, по возвышенности характера и по нравственному достоинству, могъ сравняться съ барономъ Штейномъ. Съ твердымъ и яснымъ практическимъ умомъ, съ широкимъ образованіемъ у него соединялись пламенный патріотизмъ, несокрушимая энергія и способность собрать вокругъ себя и направлять людей къ благороднымъ цѣлямъ. Уроженецъ Нассаускій, непосредственный рыцарь Имперіи, онъ всю свою плодотворную дѣятельность посвятилъ Пруссіи, въ которой онъ видѣлъ оплотъ протестантской Германіи. И тотъ государь, которому онъ служилъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III, былъ честный, мягкосердечный, внушавшій къ себѣ привязанность окружающихъ. Но привыкши къ неограниченной власти, онъ не любилъ независимости, а окружалъ себя раболѣпными и ничтожными людьми, которыхъ онъ облекалъ своимъ довѣріемъ. Это и привело къ Іенской катастрофѣ. Тогда всѣ взоры обратились къ Штейну; въ немъ видѣли единственнаго человѣка, способнаго возродить павшее государство. Но Фридрихъ-Вильгельмъ, даже стоя на краю гибели, не хотѣлъ разстаться съ своими ничтожными любимцами; онъ соглашался только пріобщить къ нимъ Штейна. Послѣдній, разумѣется, не пошелъ на такую комбинацію, которая парализовала всякое дѣйствіе. Тогда король написалъ ему собственноручно кабинетный ордеръ, въ которомъ значилось: „къ крайнему моему сожалѣнію, я долженъ былъ убѣдиться, что я въ васъ съ самаго начала не ошибался, и что вы строптивый, дерзкій, упорный и непослушный государственый служитель, который, надѣясь на свой геній и свои таланты, вмѣсто того чтобъ имѣть въ виду благо государства, руководствуется только капризами и дѣйствуетъ по страсти или изъ личной ненависти и озлобленія. Но именно такого рода государственные чиновники, по своему способу дѣйствія, всего вреднѣе и опаснѣе для скрѣпленія цѣлаго. Мнѣ жаль, что вы поставили меня въ необходимость говорить вамъ такъ ясно и открыто. Но такъ какъ вы выдаете себя за человѣка любящаго правду, то я вамъ по-нѣмецки высказалъ свое мнѣніе, при-

бавляя, что если вы не хотите перемѣнить свое неуважительное и непристойное поведеніе, то государство не можетъ расчитывать на вашу дальнѣйшую службу“ [1]).

Разумѣется, Штейнъ немедленно подалъ въ отставку, которая и была принята. Однако, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ Тильзитскаго мира, когда ни откуда не было спасенія, пришлось все-таки обратиться къ Штейну, и онъ съ полнымъ самоотверженіемъ принялся за работу. Въ одинъ годъ все приняло новый оборотъ. Предприняты были радикальныя преобразованія во всѣхъ частяхъ государственнаго организма; новый духъ повѣялъ въ обществѣ. Наполеонъ немедленно почувствовалъ грозившую ему опасность. Штейнъ подвергся опалѣ; имѣнія его были конфискованы; самъ онъ принужденъ былъ бѣжать изъ отечества. Въ 1812 году его вызвалъ къ себѣ императоръ Александръ I. Штейнъ сдѣлался близкимъ ему человѣкомъ, главнымъ совѣтникомъ по германскимъ дѣламъ. При вступленіи русскихъ войскъ въ Германію онъ былъ поставленъ во главѣ коммиссіи, управлявшей владѣніями союзниковъ Наполеона. Но между тѣмъ какъ чужеземный монархъ, высоко цѣня его достоинства, облекалъ его полнымъ своимъ довѣріемъ, собственный его государь, которому онъ оказалъ ни съ чѣмъ несравнимыя услуги, не хотѣлъ его знать. Когда Штейнъ лежалъ въ Бреславлѣ при смерти больной, Фридрихъ-Вильгельмъ не прислалъ даже освѣдомиться о его здоровьѣ. Канцлеръ Гарденбергъ, который продолжалъ его начинанія и находился съ нимъ въ постоянныхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ, никогда не проронилъ ни единаго слова о прусскихъ дѣлахъ. По заключеніи мира Штейнъ возвратился въ частную жизнь, въ которой и остался до своей смерти. При введеніи провинціальныхъ земскихъ чиновъ, онъ былъ назначенъ ландмаршаломъ Вестфальскаго собранія; но и по этимъ дѣламъ на его представленія не обращали никакого вниманія. Такимъ образомъ, эта крупная политическая сила, которой Пруссія обязана своимъ возрожденіемъ, пропала для государства. Такіе примѣры не могутъ не остановить на себѣ вниманія политическаго мыслителя, изучающаго выгоды и невыгоды различныхъ образовъ правленія.

И въ этомъ отношеніи мастерицею привлекать и привязывать къ себѣ людей была Екатерина Вторая. Нельзя не вспомнить ея завѣщанія потомкамъ по поводу изученнаго ею дѣла Волынскаго:

„Всякій государь“, писала мудрая монархиня, „имѣетъ неизчислимые кроткіе способы къ удержанію въ почтеньѣ своихъ подданныхъ. Естьли бы Волынскій при мнѣ былъ, и я бы усмотрѣла его способность въ дѣ-

[1]) Pertz: Das Leben des Fr. v. Stein, I, стр. 393—4.

лахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ, я бы старалась всякими для него неогорчительными способами его привести на путь истинный, а естьли бъ я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, я бъ ему сказала или дала разумѣть, не огорчая же его: будь щастливъ и доволенъ, а мнѣ ты не надобенъ. Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены. Изволь мѣриться на сей аршинъ" [1]).

Такіе согласные не только съ человѣколюбіемъ и гуманностью, но и со здравою политикой способы дѣйствія служатъ къ поддержанію неограниченной монархіи. Напротивъ, противоположные ведутъ ее къ паденію. Неограниченная монархія склоняется къ паденію: 1) когда, преувеличивая свое начало, она всюду водворяетъ произволъ и устраняетъ всякія сдержки, тѣмъ самымъ подавляя свободное движеніе жизни; 2) когда она принимаетъ необдуманныя мѣры, выражающія только личное самовластіе и нарушающія существенные интересы народа; 3) когда она окружаетъ себя неспособными лицами, а независимыхъ и способныхъ устраняетъ; 4) когда она выступаетъ защитницею устарѣвшихъ привилегій, которымъ приносится въ жертву благосостояніе другихъ классовъ; 5) когда она расточаетъ государственныя средства и запутывается въ финансовыхъ затрудненіяхъ, изъ которыхъ нѣтъ исхода; 6) когда она ведетъ внѣшнюю политику, истощающую средства страны и нарушающую существенные ея интересы; 7) когда, потерявши внутреннія опоры, она держится только иноземнымъ или наемнымъ войскомъ. Къ этому присоединяются 8) случайныя причины, какъ-то, раздоры въ самомъ царствующемъ домѣ, чему примѣры представляютъ въ нынѣшнемъ столѣтіи Испанія и Португалія.

Народъ, привыкшій къ повиновенію, можетъ однако долго выносить даже крупныя злоупотребленія власти. Достаточно вспомнить Испанію при послѣднихъ Бурбонахъ. Перевороты совершаются быстро только тамъ, гдѣ въ государствѣ есть могучая аристократія, которая является соперницею монархіи. Такъ было въ Швеціи послѣ смерти Карла XII-го и при Густавѣ IV-мъ. Въ другихъ случаяхъ происходятъ дворцовые перевороты, которые имѣютъ послѣдствіемъ перемѣну лицъ, а не образа правленія. Русская исторія представляетъ тому не одинъ примѣръ. Вообще, средніе классы только медленнымъ историческимъ процессомъ становятся политическою силой, способной выступить на государственное поприще и заявить о своихъ правахъ. Низшіе же классы обыкновенно чѣмъ болѣе угнетены, тѣмъ болѣе безмолвны. При такихъ условіяхъ, погрязшее въ рутинѣ управленіе можетъ тянуться многіе годы, не замѣчая ни откуда опасности. Только сильный внѣшній толчекъ обнаруживаетъ всю его гниль.

[1]) Чтенія Общества Древностей 1858 г., кн. 4, смѣсь, стр. 143—4.

Однако и послѣ такого толчка монархія, имѣющая прочные корни, можетъ обновиться, преобразовать свое управленіе, вызвать къ дѣятельности дремлющія общественныя силы, однимъ словомъ, окунуться въ свѣжую струю народной жизни. Если она съумѣетъ совершить этотъ подвигъ, она можетъ еще стоять во главѣ народа и вести его по новому пути. Но если, по миновании опасности, она возвращается къ обычной рутинѣ и незамѣтно втѣсняется въ покинутую временно колею, если къ прежнимъ самообольщеніямъ присоединяется опасная мечта, что можно, довольствуясь старыми орудіями и пріемами, управлять при совершенно измѣнившихся условіяхъ жизни, то шансы долговременнаго существованія значительно уменьшаются. Новый, даже небольшой толчекъ можетъ положить конецъ отжившему свой вѣкъ и потерявшему свое значеніе порядку вещей. Это именно и случилось съ прусскою монархіей. Послѣ Іенскаго погрома она воспрянула съ необыкновенною силой. Призваны были лучшіе люди, совершены глубокія преобразованія, и Пруссія поднялась на новую высоту. Но съ миромъ вернулась старая рутина; подъ вліяніемъ Австріи наступила реакція, и обновленная монархія не въ силахъ была противостоять революціонному движенію 1848 года. Пруссія перешла въ разрядъ конституціонныхъ государствъ.

Въ предыдущей главѣ были уже указаны тѣ условія, при которыхъ совершается превращеніе одной политической формы въ другую. Излишне было бы ихъ повторять. А потому переходимъ къ аристократіи.

ГЛАВА III.

Политика аристократіи.

Мы видѣли, что аристократическій элементъ составляетъ существенную принадлежность всякаго общества. Надъ количествомъ естественно возвышается качество, которое, занимая въ обществѣ подобающее ему мѣсто, входитъ въ составъ самой государственной жизни. Высшее качество даетъ и высшую политическую способность, а это именно то, что требуется для государства. Одна изъ важнѣйшихъ его задачъ состоитъ въ выдѣленіи способности и въ поставленіи ея во главѣ управленія.

Въ *Ученіи объ Обществѣ* были обозначены и различные виды аристократіи: родовая, которая есть вмѣстѣ поземельная, умственная и денежная. Изъ нихъ умственная аристократія, при всемъ своемъ высокомъ общественномъ значеніи, менѣе всѣхъ имѣетъ вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, ибо задача ея иная, не практическая, а теоретическая. Денежная же аристократія, вслѣдствіе подвижности своей

матеріальной основы, становится естественнымъ вожатаемъ среднихъ классовъ; но и въ ней промышленное призваніе въ значительной степени заслоняетъ политическую роль. Истинно политическимъ сословіемъ является аристократія родовая, опирающаяся на крупную поземельную собственность, которая даетъ ей обезпеченное и прочное положеніе, переходящее изъ рода въ родъ. Она составляетъ существенный, если не юридическій, то фактическій элементъ всякаго государственнаго порядка. И въ родовомъ и въ сословномъ строѣ она стоитъ во главѣ общества и пользуется наибольшимъ вліяніемъ въ политическихъ дѣлахъ.

Рѣдко однако этотъ элементъ достигаетъ исключительнаго преобладанія; обыкновенно онъ смѣшивается съ другими началами, монархическимъ и демократическимъ. Это объясняется самыми его свойствами, которыя одинаково обнаруживаются и въ чистыхъ формахъ и въ смѣшанныхъ, вслѣдствіе чего, для общей характеристики аристократіи, слѣдуетъ имѣть въ виду и тѣ и другія. Но когда она является въ чистой формѣ, основныя ея черты обозначаются съ особенною рѣзкостью.

По самому существу дѣла, въ аристократическомъ правленіи власть присвоивается многимъ лицамъ, которыя должны дѣйствовать заодно. Иначе единство правленія невозможно. Это требованіе усиливается еще тѣмъ, что аристократія должна отстаивать свое привилегированное положеніе, вслѣдствіе чего всѣ ея члены должны крѣпко держаться другъ за друга. Поэтому, правленіе аристократіи возможно только тогда, когда въ членахъ ея живетъ общій духъ. Но этотъ духъ неизбѣжно носитъ характеръ исключительный и корпоративный; онъ заключается въ болѣе или менѣе тѣсномъ кружкѣ. Изъ этого основнаго свойства проистекаютъ всѣ выгоды и недостатки аристократіи. Выгоды ея слѣдующія:

Во-первыхъ, корпорація, стоящая во главѣ управленія, которой члены, обезпеченные въ средствахъ существованія, имѣютъ возможность получить самое тщательное воспитаніе, смолоду привыкаютъ къ государственнымъ дѣламъ и руководятся на политическомъ поприщѣ своими отцами, опытными въ политической жизни, заключаетъ въ себѣ всѣ залоги значительной способности къ управленію. Недостатокъ природныхъ способностей у однихъ восполняется другими, которые естественно получаютъ преобладающее значеніе къ корпораціи. Этой выгоды не имѣютъ ни монархія, въ которой геніальный человѣкъ можетъ смѣниться совершенно неспособнымъ, ни демократія, гдѣ владычествуетъ масса, вовсе не приготовленная къ участію въ государственныхъ дѣлахъ и принужденная вѣрить на слово тѣмъ,

которые особенно удачно умѣютъ играть на ея страстяхъ. Исторія показываетъ намъ примѣры высшей политической мудрости въ правящихъ аристократіяхъ. Такова была въ древности аристократія римская, а въ новое время англійская. Такимъ же государственнымъ смысломъ, хотя на менѣе широкомъ поприщѣ, обладали аристократія венеціанская и бернская. Если одна изъ важнѣйшихъ задачъ государства заключается въ томъ, чтобы поставить высшую способность во главѣ управленія, то подобный элементъ, спеціально вырабатывающій политическую способность, составляетъ одну изъ первыхъ основъ государственной жизни.

Во-вторыхъ, аристократія болѣе всякаго другаго образа правленія обезпечиваетъ обдуманность рѣшеній. Этого далеко не всегда можно ожидать отъ отдѣльнаго лица, ибо у всякаго человѣка взгляды необходимо носятъ личный характеръ; онъ часто смотритъ на вещи съ одной стороны и не усмотритъ или не досмотритъ всего. Если онъ окружаетъ себя совѣтниками, то отъ него зависитъ слушать ихъ или не слушать; онъ часто руководится ошибочнымъ довѣріемъ; наконецъ, самые совѣтники обыкновенно имѣютъ свои личные виды и еще чаще стараются угодить предполагаемому желанію властителя. Съ другой стороны, масса заключаетъ въ себѣ слишкомъ мало задатковъ обдуманнаго рѣшенія. Она видитъ только ближайшую цѣль и легко увлекается мимолетными впечатлѣніями и страстями; обыкновенно она подчиняется вліянію людей, которые умѣютъ ей льстить. Представительное устройство въ значительной степени умѣряетъ этотъ недостатокъ, вручая рѣшеніе дѣлъ собранію выборныхъ лицъ; но самый выборъ опредѣляется минутнымъ настроеніемъ массы и различными господствующими въ ней теченіями, которыя не легко привести къ соглашенію. Слишкомъ часто демократическое представительство, составленное изъ случайно сходящихся лицъ, представляетъ хаотическую смѣсь колеблющихся мнѣній, въ которыхъ коалиціи партій и борьба за власть приводятъ къ совершенно случайнымъ рѣшеніямъ, идущимъ наперекоръ самымъ существеннымъ интересамъ страны. Владычествующая корпорація изъята отъ всѣхъ этихъ недостатковъ. Она неспособна увлекаться минутными впечатлѣніями; воспитанная на государственныхъ дѣлахъ, она имѣетъ въ виду не временныя только, а постоянныя и отдаленныя цѣли. Состоя изъ людей, близко знающихъ другъ друга и связанныхъ общими интересами, имѣя во главѣ способнѣйшихъ лицъ, она содержитъ въ себѣ всѣ элементы здраваго сужденія, и собственная ея выгода требуетъ, чтобы рѣшеніе было наилучшее, ибо опрометчивость можетъ какъ разъ привести ее къ паденію.

Въ-третьихъ, аристократія обладаетъ большею твердостью и постоянствомъ воли, нежели какой-либо другой образъ правленія. Воля одного лица всегда подвержена колебаніямъ, а смѣна лицъ ведетъ къ перемѣнѣ направленій. Еще болѣе непостоянна воля массы, которая легко переходитъ отъ увлеченія къ равнодушію, отъ чрезмѣрной увѣренности къ упадку нравственныхъ силъ. Въ ней владычествуютъ болѣе порывы, нежели разумное самообладаніе, и эти свойства отражаются на собраніяхъ ея представителей. Аристократія чужда этихъ недостатковъ; въ ней шаткость отдѣльныхъ членовъ находитъ поддержку въ общемъ духѣ корпораціи; привычка къ управленію государствомъ дѣлаетъ ее нечувствительною къ случайнымъ навзгодамъ и преходящимъ впечатлѣніямъ; высокое положеніе, гордость и понятія о чести не дозволяютъ падать духомъ даже при крупныхъ неудачахъ; наконецъ, желаніе сохранить свое положеніе въ глазахъ народа поддерживаетъ постоянство рѣшеній. Изъ всѣхъ правительствъ въ мірѣ аристократія отличалась наибольшею непреклонностью воли. Въ этомъ отношеніи древній Римъ представляетъ неподражаемый образецъ для всѣхъ временъ и народовъ.

Въ-четвертыхъ, аристократія отличается наибольшею привязанностью къ преданіямъ и къ историческимъ началамъ. Мы видѣли, что и монархія представляетъ постоянный порядокъ, господствующій надъ разрозненными общественными элементами; но здѣсь этотъ порядокъ вполнѣ зависитъ отъ воли одного лица, подверженной колебаніямъ и перемѣнамъ. Какъ скоро новый монархъ вступаетъ на престолъ, такъ во всемъ ходѣ государственнаго управленія обнаруживается новое теченіе. Переломъ можетъ быть полный; самыя глубокія и коренныя преобразованія въ народной жизни совершались неограниченными монархами. Съ другой стороны, если масса народа, нагруженная въ первобытное состояніе, дорожитъ преданіями, то народъ, пріобщенный къ политической жизни, ставшій верховнымъ владыкою въ государствѣ, скорѣе склоненъ увлекаться новизною. Между присвоенною ему верховною властью и его низменнымъ матеріальнымъ положеніемъ оказывается глубокое противорѣчіе, которое онъ хочетъ устранить. Чѣмъ тяжелѣе ложилось на него прежнее владычество высшихъ классовъ, тѣмъ болѣе онъ старается свергнуть съ себя всякіе историческіе наросты. Все старое представляется ему плодомъ невѣжества и угнетенія; его взоры устремлены исключительно на будущее. Это направленіе пріобрѣтаетъ тѣмъ большую силу, что по ограниченности взглядовъ онъ видитъ только минутное, а потому и рѣшенія его имѣютъ характеръ минутный. Политическихъ преданій у него нѣтъ и не можетъ быть. Народная масса можетъ служить под-

держкою исторической власти, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, что она сама не пріобщается къ политической жизни. Еще менѣе дорожатъ историческими началами средніе классы, которыхъ существенная черта состоитъ въ движеніи впередъ, если только они не закоснѣли въ несвойственныхъ имъ привилегіяхъ. Аристократія, напротивъ, является настоящею хранительницей государственныхъ преданій. Они составляютъ естественное достояніе тѣхъ, которые изъ рода въ родъ посвящаютъ себя государственнымъ дѣламъ. Аристократія обновляется постепенно; новые члены, пріобщаясь къ правленію, проникаются общимъ корпоративнымъ духомъ. Нѣтъ собранія людей, которое представляло бы такую непрерывность взглядовъ и направленія, при постоянномъ приспособленіи къ измѣняющимся потребностямъ. Наконецъ, самое существованіе аристократіи все основано на историческихъ преданіяхъ; они связаны со всѣми ея частными интересами, а потому она держится ихъ крѣпко. Нѣтъ свѣтскихъ государствъ, которыя представляли бы такое постоянство историческаго порядка, какъ аристократическія. Примѣрами могутъ служить Спарта и Венеція. Въ этомъ отношеніи превосходятъ ихъ только государства теократическія. Но послѣднія основаны на неизмѣнномъ религіозномъ началѣ, отъ котораго нельзя отступить и съ которымъ вмѣстѣ они падаютъ. Аристократическое же правленіе не исключаетъ движенія впередъ; но когда, примѣняясь къ новымъ жизненнымъ условіямъ, аристократія идетъ на уступки, она дѣлаетъ ихъ постепенно, на сколько нужно, никогда не забѣгая впередъ и не разрывая связи съ прошедшимъ. Оттого вездѣ, гдѣ господствуетъ аристократія, исторія представляетъ мѣрный и правильный ходъ, безъ скачковъ, безъ переворотовъ, но и безъ реакціи. Примѣрами могутъ служить въ древности Римъ, а въ новое время Англія.

Въ-пятыхъ, аристократія болѣе всѣхъ другихъ образовъ правленія охраняетъ законность. Въ монархіи усмотрѣніе власти всегда имѣетъ болѣе значенія, нежели законъ, вполнѣ зависящій отъ воли одного лица. Какъ бы подчиненныя учрежденія и добрыя желанія монарха ни содѣйствовали утвержденію законнаго порядка, господство личной воли можетъ быть только ослаблено, а не уничтожено. Съ другой стороны, въ демократіи господствующее начало есть свобода. Послѣдняя требуетъ закона для своего огражденія; но здѣсь не свобода ставится въ зависимость отъ закона, а законъ отъ свободы. Свобода же не имѣетъ въ себѣ того постоянства, той преемственности воли, той привязанности къ существующему порядку, которыя необходимы для поддержанія закона. Верховною властью облекается здѣсь воля массы, которая не знаетъ сдержекъ и склонна измѣнять

законъ по своей прихоти, приспособляя его къ тому, что ей нужно и чего ей хочется въ настоящую минуту. Аристократіи, напротивъ, свойственны, какъ уже сказано, то постоянство воли и та привязанность къ существующему порядку, которыя служатъ самою твердою охраной закона. Стремленія къ произволу встрѣчаютъ сдержку въ тѣхъ опасеніяхъ, которыя внушаетъ подчиненная масса. Свое положеніе аристократія можетъ сохранить, единственно внушая народу уваженіе къ законному порядку, ибо, составляя часть народа, она не можетъ, какъ монархія, опираться на божественное право. Монарху, для поддержанія его власти, нуженъ одинъ законъ, тотъ, которымъ утверждается его право на престолъ. Права же сословія переплетаются съ цѣлымъ порядкомъ жизни. Поэтому, частный интересъ аристократіи связанъ съ строгимъ охраненіемъ этого порядка. Дѣйствительно, исторія показываетъ, что наибольшею твердостью и постоянствомъ закона отличались именно аристократическія государства. Таковы были Спарта и Римъ, а въ новое время Англія.

Въ-шестыхъ, аристократія въ своей собственной средѣ находитъ надежныя орудія власти, исполнителей велѣній правительства, лично заинтересованныхъ въ его поддержаніи. Монархическое начало представляетъ единство власти; но находясь въ центрѣ государства, монархъ можетъ быть только верховною движущею пружиной государственнаго управленія. Самъ онъ не въ состояніи за всѣмъ усмотрѣть, а потому долженъ всюду употреблять орудія, на которыя нельзя положиться, ибо они всегда имѣютъ свои личные интересы, отличные отъ интересовъ правительства. Съ другой стороны, демократія, вездѣ присущая, можетъ сама управлять мѣстными дѣлами, но и она нуждается въ органахъ, а интересъ этихъ органовъ состоитъ въ томъ, чтобы добиться власти и воспользоваться ею для своихъ частныхъ цѣлей. И тутъ интересы власти и ея органовъ слишкомъ часто расходятся. Къ тому же, при такомъ раздробленіи власти, трудно сохранить требуемое единство управленія; а если управленіе централизуется, то мѣстныя власти, назначаемыя сверху, являются органами господствующей партіи, которой направленіе можетъ идти въ разрѣзъ съ требованіями населенія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ аристократія имѣетъ весьма важныя преимущества. Такъ же, какъ демократія, она вездѣ присуща; члены ея, по самому своему положенію, имѣютъ власть и въ центрѣ и на мѣстахъ. Но интересы ихъ не расходятся съ интересами правительства, а состоятъ именно въ возможно прочномъ его поддержаніи. Какъ бы они ни расходились во взглядахъ, они держатся другъ за друга; проникнутые общимъ духомъ, они сохраняютъ въ управленіи надлежащее единство, не прибѣгая къ чрезмѣрной

централизаціи. Корпоративная связь установляетъ не формальное только, а живое единеніе центра и областей, оставляя послѣднимъ должную самостоятельность.

Таковы весьма существенныя выгоды аристократіи; но рядомъ съ ними стоятъ столь же крупные недостатки.

Во-первыхъ, въ аристократіи власть раздѣлена между многими. Единство ея охраняется корпоративнымъ духомъ, составляющимъ главную силу владычествующаго сословія; но этотъ духъ далеко не всегда въ состояніи обуздать личныя стремленія членовъ. Высокое положеніе въ государствѣ естественно возбуждаетъ честолюбіе, а честолюбіе ищетъ личной власти и личнаго почета; здѣсь же личныя стремленія должны приноситься въ жертву сословному интересу. Нигдѣ личность не имѣетъ такъ мало значенія, какъ въ аристократіи; но именно поэтому она старается пробивать себѣ дорогу. Для обузданія честолюбивыхъ стремленій отдѣльныхъ членовъ нужны или постоянно грозящая опасность со стороны народа, которая заставляетъ вельможъ тѣснѣе держаться другъ за друга, или же чрезвычайныя средства. Какъ скоро аристократія увѣрена въ своемъ владычествѣ, такъ въ ней естественно образуются партіи съ личнымъ характеромъ, то-есть худшія изъ всѣхъ, ибо онѣ основаны не на общихъ началахъ, а на частныхъ интересахъ. Въ особенности когда аристократія, какъ обыкновенно бываетъ, распадается внутри себя на богатыхъ и бѣдныхъ, въ ней естественно выдвигаются нѣсколько знатныхъ семействъ, которыя собираютъ вокругъ себя толпы приверженцевъ и стараются вытѣснить другъ друга изъ власти. Тогда борьба за власть принимаетъ личный характеръ, доходящій до междоусобій. Таково, именно, было положеніе Польши. При такихъ условіяхъ исчезаетъ корпоративный духъ, которымъ держится правленіе. Польскіе вельможи нерѣдко прибѣгали къ иностранной помощи противъ своихъ собственныхъ собратьевъ, чѣмъ главнымъ образомъ и погубили государство. Устранить эти козни и раздоры можно только искусственными мѣрами, подавляющими всякое личное честолюбіе, но вмѣстѣ и всякую свободу, какъ было, напримѣръ, въ Венеціи. Если же аристократіи грозитъ опасность со стороны народа, то и въ этомъ случаѣ честолюбцы изъ ея среды стараются возвыситься съ помощью массы. Отсюда явленіе демагоговъ изъ среды аристократовъ. Нерѣдко они успѣваютъ захватить въ свои руки самую верховную власть. Таковы были греческіе тираны. Таковъ былъ и Цезарь. Въ Венеціи тѣмъ же путемъ пытался идти Марино Фаліери. Такимъ образомъ, при личныхъ честолюбивыхъ стремленіяхъ вельможъ, сохраненіе корпоративнаго духа, которымъ держится все правленіе, представляетъ значительныя труд-

ности, а личные раздоры между правителями дѣйствуютъ гибельно на государство.

Въ вторыхъ, даже тамъ, гдѣ корпоративный духъ сохраняется во всей своей силѣ, въ немъ самомъ заключаются существенные недостатки. По самой своей природѣ, духъ всякой болѣе или менѣе замкнутой корпораціи является узкимъ, неподвижнымъ и эгоистическимъ. Онъ имѣетъ въ себѣ все нужное для исполненія непосредственной практической задачи и еще болѣе для неуклоннаго слѣдованія по разъ проложенному пути, но далѣе этого онъ не идетъ: болѣе широкіе взгляды ему чужды; болѣе обширныя задачи ему не по силамъ. Римская аристократія пала, когда пришлось управлять обширными завоеванными областями. Въ особенности когда жизнь народная идетъ впередъ, аристократія остается безпомощною. Она не содѣйствуетъ народному развитію, а только нехотя ему уступаетъ. Она не въ состояніи произвести коренныхъ перемѣнъ и преобразованій; на это нужны другіе элементы. Въ себѣ самой она не имѣетъ иниціативы; задача ея—уступать тому, что подготовлено другими, и умѣрять движеніе. Неподвижность составляетъ существенное свойство аристократіи, какъ таковой. Гдѣ она владычествуетъ одна, перемѣны становятся почти невозможными. Правительство коснѣетъ въ рутинѣ, пока не падетъ наконецъ отъ внутренняго разслабленія. Такова была исторія Спарты и Венеціи. Въ тѣхъ же государствахъ, гдѣ есть движеніе, перемѣны совершаются подъ вліяніемъ другихъ силъ. Въ римской исторіи иниціатива преобразованій принадлежала плебеямъ; патриціи уступали имъ шагъ за шагомъ. Это упорство связано и съ корыстными побужденіями; исключительный духъ естественно становится въ высшей степени эгоистическимъ. Корпорація прежде всего дорожитъ своимъ собственнымъ интересомъ и старается проводить его со всею свойственною ей энергіей. Она не увлекается возвышенными идеями, какъ бываетъ иногда съ народными массами; она не сдерживается и нравственнымъ началомъ, какъ отдѣльное лице, которое слѣдуетъ внушеніямъ совѣсти. Въ корпораціи совѣсть замѣняется корпоративнымъ духомъ, нравственныя обязанности сословными. Жертвуя своими личными убѣжденіями интересамъ корпораціи, лице какъ будто уступаетъ требованіямъ общаго блага, и эти сдѣлки съ совѣстью освящаются поддержкою другихъ. Если во внутреннемъ управленіи этотъ эгоистическій духъ находитъ себѣ задержку въ опасеніи возбудить общее неудовольствіе, то во внѣшнихъ дѣлахъ онъ проявляется во всей своей силѣ. Нѣтъ внѣшней политики болѣе корыстолюбивой, менѣе взирающей на требованія правды и нравственности, какъ политика аристократи-

ческихъ государствъ. Примѣрами могутъ служить Спарта, Римъ, Венеція, Англія.

Но, въ-третьихъ, и во внутреннемъ управленіи эти эгоистическія стремленія не могутъ не отразиться пагубно на народную жизнь. Каковы бы ни были опасенія неудовольствія, чисто нравственныя сдержки всегда недостаточны, а въ аристократическомъ правленіи онѣ менѣе дѣйствительны, нежели гдѣ-либо. По самой его природѣ, въ немъ общій интересъ государства тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ частными интересами сословія; подъ личиною перваго всегда неизбѣжно выдвигаются послѣдніе, а это можетъ совершаться только въ ущербъ низшимъ классамъ. Великое преимущество монархическаго правленія заключается въ томъ, что монархъ поставленъ выше всякихъ частныхъ интересовъ: онъ вовсе не частное лице. Поэтому, интересы всѣхъ частей народа для него одинаковы; масса, желающая единственно, чтобы ея не притѣсняли, для него даже менѣе опасна, нежели высшіе классы, стремящіеся къ преобладанію. Съ другой стороны, въ демократіи государственный интересъ есть интересъ всѣхъ и каждаго. Народъ хочетъ того, что онъ считаетъ полезнымъ для всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, для большей части гражданъ. Аристократія же составляетъ меньшинство народа, даже весьма незначительное. Для нея, рядомъ съ общимъ государственнымъ интересомъ, на первомъ планѣ стоитъ частный интересъ сословія. При смѣшеніи обоихъ, нерѣдко первый приносится въ жертву послѣднему. Аристократическое правленіе становится орудіемъ эксплуатаціи большинства меньшинствомъ.

Вслѣдствіе этого, въ-четвертыхъ, аристократія, для сохраненія своего владычества, старается держать народъ на низкой степени умственнаго развитія. Не только масса намѣренно оставляется въ состояніи грубаго невѣжества, но по возможности задерживается образованіе среднихъ классовъ, которые являются для аристократіи наиболѣе опасными соперниками. Широкое образованіе, возбуждая мысль, выводитъ ее изъ тѣсныхъ границъ господствующихъ понятій и привычекъ и открываетъ ей новые горизонты. Оно всего болѣе содѣйствуетъ развитію среднихъ классовъ, которые, непрестанно увеличивая свой умственный и матеріальный капиталъ, прорываютъ наконецъ положенныя имъ преграды и выбиваютъ аристократію изъ владычествующаго ея положенія. Но именно поэтому просвѣщеніе для аристократіи опасно.

Въ-пятыхъ, по той же причинѣ аристократія старается не давать хода наиболѣе способнымъ людямъ. Мы видѣли, что главное ея значеніе состоитъ въ томъ, что она во главѣ государства ставитъ высшую способность. Но это способность корпоративная, подчиняющаяся

общему направленію, а не личная, идущая своеобразными путями. Послѣдней аристократія не терпитъ и въ своей средѣ; возвышеніе одного лица въ ущербъ другимъ, въ особенности же въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ, было бы для нея слишкомъ опасно. Еще менѣе можетъ она допуститъ возвышеніе способныхъ людей изъ низшихъ классовъ; это прямо ведетъ къ усиленію народнаго элемента. Возвышеніе способностей совершается противъ ея воли. Если этому нельзя противодѣйствовать, умная аристократія принимаетъ ихъ въ свою среду и тѣмъ сама себя подкрѣпляетъ и обновляетъ. Но во всякомъ случаѣ, это составляетъ исключеніе; да и не всякая способность согласится войти въ тѣсныя рамки сословныхъ интересовъ. Чѣмъ она выше, тѣмъ болѣе она требуетъ себѣ простора; именно это и служитъ главною пружиной движенія и развитія. Личный геній или талантъ всегда выше корпоративнаго духа, а ему нѣтъ мѣста въ аристократіи. Тамъ же, гдѣ нѣтъ движенія впередъ и обновленія свѣжими силами, аристократія неизбѣжно коснѣетъ и приходитъ къ нравственному и умственному упадку. Вырожденіе составляетъ общую участь замкнутыхъ сословій.

Въ-шестыхъ, аристократія для сохраненія своей власти должна не только понижать умственный уровень народа, но и присвоивать себѣ значительную часть матеріальнаго богатства. Находясь въ ея рукахъ, оно служитъ поддержкою ея положенія, а въ чужихъ рукахъ оно является орудіемъ, противъ нея обращеннымъ. Чѣмъ болѣе въ низшихъ и среднихъ классахъ умножается богатство, тѣмъ болѣе ростутъ ихъ притязанія и тѣмъ болѣе аристократія встрѣчаетъ опасныхъ соперниковъ. Отсюда законы, которые способствуютъ сосредоточенію богатства въ рукахъ знати. Таковы были въ Римѣ законы объ общественныхъ поляхъ и о кабалѣ должниковъ; таковы же въ Англіи законы, препятствующіе свободному передвиженію поземельной собственности.

Въ-седьмыхъ, хотя аристократія, понимающая истинные свои интересы, старается не возбуждать неудовольствія въ народѣ, однако и самыя высоко стоящія сословія не умѣютъ воздерживаться отъ притѣсненій, если воля ихъ не встрѣчаетъ юридическихъ преградъ. Римскіе патриціи служатъ тому разительнымъ примѣромъ. При неограниченной власти, поползновеніе употреблять ее во зло представляетъ слишкомъ большой соблазнъ, а при многочисленности сословія достигнуть общаго воздержанія почти невозможно. Аристократы смотрятъ на себя, какъ на людей высшей породы; въ нихъ развиваются надменность, презрѣніе къ низшимъ и произволъ. Они считаютъ себѣ все позволеннымъ, а корпорація поддерживаетъ своихъ членовъ, чтобы не выдать ихъ низшимъ классамъ и не

унизить себя въ глазахъ послѣднихъ. Притѣсненія особенно невыносимы, когда они исходятъ отъ множества мелкихъ тирановъ. Деспотизмъ одного лица никогда не можетъ быть такъ ужасенъ, ибо онъ дѣйствуетъ издалека. Тутъ одинъ человѣкъ ищетъ удовлетворенія своихъ страстей, тогда какъ тамъ къ этому стремятся множество лицъ, притомъ близко стоящихъ къ народу. Достаточно вспомнить то, что происходило въ Польшѣ. Даже и въ томъ случаѣ, когда аристократія умѣетъ воздерживаться отъ притѣсненій, раздѣленіе народа на двѣ породы, высшую и низшую, дѣйствуетъ унизительно на гражданъ. Здѣсь не только возбуждается чувство зависти, но оскорбляются и болѣе благородныя свойства человѣческой души. Уваженіе къ высокому положенію является и политическимъ и нравственнымъ требованіемъ, когда это положеніе дается высокими качествами, образованіемъ, заслугами; когда же люди раздѣляются на высшую и низшую породу единственно по физическому происхожденію, то противъ этого возмущается человѣческое достоинство, равное во всѣхъ. Если же внутреннее содержаніе находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ внѣшнимъ почетомъ, если чванство и могущество прикрываютъ полную внутреннюю пустоту, невѣжество и неспособность, то преимущества и почести, воздаваемыя знатнымъ лицамъ, не могутъ не возбуждать негодованія во всякой благородной душѣ, дорожащей общимъ благомъ и нравственнымъ характеромъ общественныхъ отношеній. Напыщенная и лишенная внутренняго содержанія аристократія составляетъ одно изъ самыхъ противныхъ явленій общественнаго быта. Монархія не имѣетъ этихъ невыгодъ. Монархъ, каковъ бы онъ ни былъ, стоитъ одинъ на вершинѣ зданія, какъ представитель идеи. Онъ вовсе не частный человѣкъ; между нимъ и подданными нѣтъ никакого приравненія. Въ аристократіяхъ же самый народъ раздѣляется на двѣ породы; неравенство встрѣчается на каждомъ шагу, въ частной жизни, стѣсняя гражданъ во всѣхъ ихъ, не только общественныхъ, но и домашнихъ отношеніяхъ. Отсюда глубокая внутренняя рознь и ненависть низшихъ классовъ къ высшимъ, которая ростетъ съ развитіемъ первыхъ.

Всѣ эти выгодныя и невыгодныя свойства принадлежатъ всякой аристократіи; но они могутъ проявляться въ большей или меньшей степени. Отъ преобладанія той или другой окраски зависитъ та польза, которую аристократія можетъ приносить государству. Она можетъ быть либо цвѣтомъ, либо отребьемъ общества, либо руководителемъ его въ государственной и общественной жизни, либо пѣной, всплывающей на верхъ по своему легковѣсію. Вообще, чѣмъ выше и краше начало, тѣмъ противнѣе его извращеніе. Это вполнѣ прилагается къ аристократіи. Но преобладаніе въ ней тѣхъ или другихъ качествъ

зависитъ не отъ произвола, а главнымъ образомъ отъ того, какъ она сложилась исторически. Свойства монарха опредѣляются рожденіемъ и воспитаніемъ; свойства аристократіи вырабатываются исторіей. Изъ всѣхъ политическихъ формъ это наиболѣе историческая. Не только нельзя произвольно сообщить ей тѣ или другія свойства, но невозможно ее создать. Это—самородная сила, которая, обладая избыткомъ матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ, сама собою становится во главѣ общества. Такого рода силы не создаются и не уничтожаются по произволу. Онѣ возникаютъ изъ извѣстнаго порядка вещей; онѣ держатся естественною необходимостью, историческимъ преданіемъ и уваженіемъ къ нимъ народа. Когда же онѣ рушились вслѣдствіе внутренняго разложенія или неспособности совладать съ новыми жизненными задачами, ихъ нельзя возстановить. Всѣ попытки создать или возсоздать аристократію совершенно несостоятельны. Можно создать только титулы и внѣшній почетъ, которые лишены всякаго внутренняго содержанія и уносятся при первомъ толчкѣ.

Первоначально аристократія образуется изъ родоваго или изъ сословнаго порядка; но обыкновенно она утверждается завоеваніемъ. Это и ставитъ ее во главѣ государственнаго строя. Если одно племя покоряетъ другое, то первое становится въ привилегированное положеніе относительно втораго. Такъ произошла большая часть древнихъ аристократій. Способъ покоренія можетъ быть впрочемъ разный. Пришедшіе извнѣ завоеватели могутъ поселиться среди побѣжденныхъ, какъ въ Спартѣ; или же побѣдители остаются на своихъ мѣстахъ и селятъ около себя побѣжденныхъ, какъ было въ Римѣ. Если же завоевателемъ является не цѣлое племя, а дружина, то она становится аристократіей, а вожди ея получаютъ первенствующее общественное положеніе. Но аристократія можетъ образоваться и мирнымъ путемъ. Изъ племени выдѣляются старшіе роды, или къ старымъ поселенцамъ примыкаютъ новые, которые получаютъ меньшія права. Наконецъ, естественное превосходство богатства, знатности и общественнаго положенія можетъ перейти въ юридическое черезъ то, что знатные роды присвоиваютъ себѣ исключительное обладаніе власти. Такъ было при переходѣ средневѣковыхъ вольныхъ общинъ въ государственныя формы новаго времени.

Становясь во главѣ государства, аристократія вступаетъ въ двоякаго рода отношенія: къ монарху, гдѣ онъ есть, и къ народной массѣ. Какъ общее явленіе, борьба съ монархомъ составляетъ первую эпоху въ развитіи аристократіи. Эти два элемента стоятъ во главѣ государства, а потому между ними естественно возникаетъ соперничество. Вопросъ состоитъ въ томъ, который изъ нихъ получитъ пере-

вѣсъ. Это зависитъ главнымъ образомъ отъ внутренней крѣпости и силы аристократическаго элемента. Въ этомъ отношеніи родовая аристократія имѣетъ весьма значительныя преимущества передъ сословною. Мы видѣли, что родовой порядокъ, основанный на естественныхъ, упроченныхъ временемъ отношеніяхъ, на внутреннемъ расчлененіи племени, заключаетъ въ себѣ всѣ условія силы и единства. Отсюда внутренняя связь и крѣпость образующейся изъ него аристократіи. Монархическая власть не въ состояніи съ нею соперничать. Отсюда паденіе монархіи во всѣхъ древнихъ государствахъ, какъ Греціи, такъ и Италіи. Но затѣмъ наступаетъ вторая эпоха — борьба аристократіи съ подвластнымъ населеніемъ, которое, въ свою очередь, стремится къ уравненію въ политическихъ правахъ. Нужна необыкновенная внутренняя дисциплина среди владычествующаго сословія для того, чтобы оно могло въ теченіи долгаго времени сохранить неизмѣннымъ свое положеніе. Примѣръ тому представляетъ, можетъ-быть, только одна Спарта. Обыкновенно же аристократія или падаетъ въ борьбѣ или идетъ на уступки. Первое имѣло мѣсто во всѣхъ почти греческихъ республикахъ. Такой исходъ означаетъ, что аристократія не умѣла справиться съ своею задачей: въ ней частные интересы преобладали надъ общими; исключительность и своекорыстіе получили перевѣсъ надъ политическимъ смысломъ. Это и ведетъ ее къ паденію. Въ Римѣ, напротивъ, внутренняя дисциплина соединялась съ достаточною гибкостью, чтобы примѣняться къ новымъ условіямъ; римская аристократія, какъ уже замѣчено, явила себя образцомъ политическаго смысла, вслѣдствіе чего она не только сохранила руководящее положеніе внутри, но и покорила весь міръ.

Совершенно иной характеръ имѣла аристократія сословная при своемъ вступленіи на историческое поприще. Она возникла изъ средневѣковой дружины, основанной на свободномъ договорѣ вольныхъ людей съ предводителемъ. Внутренней, прочной связи въ ней не было; все держалось частными отношеніями, которыя, съ основаніемъ вотчинныхъ и феодальныхъ княжествъ, получили болѣе или менѣе постоянный характеръ. Когда эти княжества стали превращаться въ настоящія государства, монархъ явился въ нихъ представителемъ общественнаго единства, въ противоположность дробнымъ средневѣковымъ силамъ, во главѣ которыхъ выступала аристократія. И тутъ между обоими элементами неизбѣжно должна была произойти борьба, въ которой, однако, монархъ, какъ носитель новаго, высшаго начала, въ концѣ концовъ долженъ былъ остаться побѣдителемъ. Тамъ, гдѣ аристократія восторжествала, государство разложилось. Такова была судьба Германской Имперіи, гдѣ, однакоже, каждое отдѣльное владѣніе

образовало маленькое абсолютное государство съ княземъ во главѣ. Если же государство сохранило свою цѣльность, торжество аристократіи повело къ анархическому порядку и окончательному внутреннему разложенію, какъ было въ Польшѣ. Только въ небольшихъ общинахъ, гдѣ городовая аристократія утвердилась благодаря своей внутренней связи, она долга могла держаться во главѣ правленія, съ устраненіемъ всякаго монархическаго элемента, пока наконецъ демократическое развитіе новѣйшаго времени не унесло окончательно этихъ остатковъ средневѣковыхъ формацій.

Но и торжество монархіи не вездѣ сопровождалось одинакими послѣдствіями. Тамъ, гдѣ оно было полное и гдѣ, вслѣдствіе этого, аристократія потеряла все свое политическое могущество, она столпилась около двора, стараясь замѣнить утрату правъ упорнымъ сохраненіемъ привилегій. Но именно черезъ это она перестала быть руководительницею общества и потеряла свое политическое и историческое значеніе. Она явилась не существеннымъ элементомъ общественной жизни, а помѣхою развитію. Своекорыстныя цѣли заслонили въ ней стремленіе къ общему благу. Въ такомъ положеніи получили перевѣсъ именно худшія стороны аристократіи. Такова была въ особенности аристократія французская, которая можетъ служить типомъ вельможъ, обратившихся въ придворныхъ. При блестящихъ наружныхъ качествахъ, она утратила всякій политическій смыслъ, а потому и всякое право на политическое существованіе. Цѣпляясь за свои привилегіи, свободная отъ податей, пользуясь милостями правительства, которое выколачиваемыя изъ народа деньги расточало празднымъ царедворцамъ, она возбуждала противъ себя низшіе классы. Окружая монарха роболѣпствомъ и лестью, она затягивала его въ свои частные интересы и тѣмъ влекла самую монархію къ паденію. Во времена Революціи она покинула отечество и сражалась противъ него въ рядахъ непріятеля; когда же наступила Реставрація, она своими безумными стремленіями и отсутствіемъ всякаго пониманія истиннаго положенія вещей вовлекла монархію во вторичную гибель. Однимъ словомъ, противорѣчіе между притязаніями и способностью обнаружилось тутъ вполнѣ.

Напротивъ, тамъ, гдѣ аристократія имѣла достаточно внутренней крѣпости, чтобы не дать себя раздавить, и достаточно политическаго смысла, чтобы не поддаться обольщеніямъ двора и сохранить связь съ народомъ, она успѣла удержать свое высокое общественное положеніе. Въ Англіи она вступила въ союзъ съ средними классами противъ стремленій королей къ абсолютизму. Этимъ союзомъ двухъ первенствующихъ общественныхъ силъ монархія была окончательно побѣждена; аристократія стала во главѣ государственнаго управленія.

Она отказалась отъ всякихъ гражданскихъ привилегій, отъ крѣпостнаго права, отъ свободы отъ податей, для сохраненія своего политическаго могущества. Младшіе сыновья лордовъ были уравнены съ простолюдинами. Когда же затѣмъ наступила новая эпоха демократическаго развитія, она своевременными уступками умѣла удержать свое положеніе. Доселѣ она остается частью руководительницею, частью умѣрительницею политическаго движенія. Послѣ римской аристократіи англійская всѣхъ болѣе отличается политическимъ смысломъ. За нею слѣдуетъ аристократія венгерская, благодаря которой небольшое государство, стѣсненное между могучими сосѣдями, съ разноплеменнымъ составомъ, подъ иностранною династіей, играетъ видную роль въ политическомъ мірѣ.

Такимъ образомъ, свойства аристократіи вырабатываются изъ тѣхъ отношеній, въ которыя она исторически поставлена, и въ свою очередь содѣйствуютъ созданію этихъ отношеній. Можно сказать, что высокія качества аристократіи проявляются только тамъ, гдѣ она становится дѣйствительною политическою силой и защитницею народныхъ правъ. Только при этомъ условіи она имѣетъ крѣпкіе корни въ народной жизни и пользуется заслуженнымъ почетомъ. Напротивъ, въ придворной аристократіи выказываются худшія ея свойства. Выше было приведено сужденіе Монтескьё, основанное на всемірномъ опытѣ.

Однако и политическое могущество аристократіи далеко не всегда служитъ ко благу народа. Лучшія ея качества развиваются лишь тамъ, гдѣ она встрѣчаетъ сдержки, какъ въ монархѣ, такъ и въ другихъ классахъ общества. Сдержки пріучаютъ людей умѣренно пользоваться властью, оказывать должное вниманіе чужимъ интересамъ, имѣть въ виду не свою только, а общую пользу. Въ аристократіи, не знающей сдержекъ, развиваются опять худшія ея свойства. Примѣромъ можетъ служить польская знать. Она имѣла передъ собою монарха, лишеннаго почти всякихъ правъ, и порабощенную, безмолвную массу; среднее сословіе почти совершенно отсутствовало. Вслѣдствіе этого, она предавалась необузданному своеволію, которое привело, наконецъ, государство къ полному разложенію.

Важное вліяніе имѣютъ при этомъ и естественныя условія страны. Необходимое для аристократіи единство корпоративнаго духа очевидно труднѣе вырабатывается въ большомъ государствѣ, нежели въ маломъ. Дальность разстояній и разнообразіе условій влекутъ ее врозь. Рождаются различія интересовъ и взглядовъ, при трудности взаимныхъ сношеній. Каждый могучій вельможа стремится только къ тому, чтобы быть властителемъ у себя дома, не заботясь объ остальныхъ. При такомъ духѣ, преобладаніе аристократіи ведетъ къ разложенію государства,

какъ въ Германіи, или же оно объединяется силою монархіи, какъ во Франціи, и тогда аристократія теряетъ свое политическое значеніе. Созданію общаго корпоративнаго духа сильно содѣйствуетъ островное положеніе страны: отдѣляя народъ отъ другихъ, оно даетъ ему внутреннюю связь. Это было одною изъ причинъ крѣпости аристократическаго элемента въ Англіи. Но, вообще, чистыя аристократіи установляются только въ малыхъ государствахъ, гдѣ центромъ служитъ небольшая община. Таковы были Спарта, Римъ, Венеція, Бернъ. При такомъ условіи, члены высшаго сословія могутъ всегда сойтись, сговориться, принять общія мѣры, создать постоянныя учрежденія, имѣть бдительный надзоръ и за самими членами высшаго сословія и за народомъ. Въ маломъ государствѣ нужно и меньше средствъ; не приходится, въ случаѣ нужды, прибѣгать къ помощи народной массы, что неизбѣжно возбуждаетъ въ послѣдней стремленіе къ пріобрѣтенію правъ. Въ небольшой общинѣ аристократія, обладающая политическимъ смысломъ, можетъ долго сохранять свое владычество.

Изъ сказаннаго ясно, какія для этого слѣдуетъ принимать мѣры, и какія должны употребляться орудія и способы дѣйствія.

Въ аристократіи важно, прежде всего, внутреннее взаимное отношеніе членовъ. Здѣсь нѣтъ естественнаго единства, какъ въ монархіи; нужно соглашеніе воль, а для этого требуется общее ихъ направленіе. Въ этихъ видахъ надобно устранить всякія постоянныя причины раздоровъ, а таковою является неравенство правъ. Галлеръ, который самъ былъ бернскій патрицій и хорошо зналъ всѣ выгодныя и темныя стороны аристократическаго правленія, настаиваетъ на томъ, что равенство правъ въ средѣ владычествующаго сословія составляетъ первое и необходимое условіе его долговѣчности. Юридическому дѣленію аристократіи на высшую и низшую онъ противополагаетъ то, что онъ называетъ *естественнымъ патриціатомъ*, то-есть, возвышеніе родовъ, отличающихся знатностью, богатствомъ, заслугами. Не пользуясь особыми правами, они должны признаваться всѣми за естественныхъ руководителей корпораціи. Иначе неизбѣжны внутренніе раздоры, которые ведутъ аристократію къ паденію [1]). Фактическое же неравенство установляется силою вещей, вслѣдствіе законовъ, обезпечивающихъ матеріальное благосостояніе членовъ владычествующаго сословія. Для того чтобы аристократія могла держаться, необходимо, чтобы богатство знатныхъ родовъ сохранялось непоколебимо, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію. Средствомъ для этого служатъ гражданскіе законы, ограждающіе аристократи-

[1]) Restauration der Staatswissenschaft, VI стр. 358 и слѣд. (изд. 1825 г.).

ческое достояніе отъ произвольнаго отчужденія и сохраняющіе его въ однихъ рукахъ. Таковы право первородства, фидеикоммиссы, субституціи. Но все это даетъ преимущество старшимъ членамъ семьи; младшіе же обдѣляются, а потому бѣднѣютъ. Между тѣмъ, владычествующая аристократія не можетъ приравнять ихъ къ простолюдинамъ. Это возможно только при смѣшанномъ устройствѣ, въ которомъ и низшіе классы пользуются значительными политическими правами. Въ чистой же аристократіи такое уравненіе порождаетъ массу недовольныхъ, которые своимъ происхожденіемъ принадлежатъ къ владычествующему сословію, а между тѣмъ лишены всякихъ правъ, слѣдовательно находятся въ ложномъ положеніи, изъ котораго они необходимо стремятся выйдти. Этимъ подрывается самое начало аристократіи, которая, будучи основана на наслѣдственности положенія, не можетъ выкидывать собственныхъ собратій изъ своей среды. Только сохраненіе за младшими сыновьями высшихъ правъ можетъ сколько нибудь вознаградить ихъ за потерю состоянія. Но разъ они остаются членами сословія, а между тѣмъ матеріальное ихъ благосостояніе умаляется, неизбѣжно установляется различіе богатыхъ и бѣдныхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ приходится изыскивать средства для поддержанія послѣднихъ. Всего выгоднѣе для аристократіи пріобрѣтеніе подвластныхъ земель и колоній, которыя даютъ доходныя мѣста обдѣленнымъ членамъ. Этимъ въ широкихъ размѣрахъ пользовалась Венеція. Этимъ въ значительной степени поддерживаются и младшія отрасли аристократическихъ родовъ въ Англіи. Колоніи даютъ исходъ и всѣмъ недовольнымъ. Отсюда широкое развитіе колоніальной политики въ аристократическихъ государствахъ, понимающихъ потребности своего положенія.

Но для устраненія недовольныхъ и для предупрежденія козней необходимы еще иныя средства. Они заключаются въ постоянныхъ учрежденіяхъ, охраняющихъ единство сословія и пресѣкающихъ всякія злоупотребленія власти. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* были изложены учрежденія, свойственныя аристократическому правленію. Главный центръ тяжести лежитъ здѣсь въ Маломъ Совѣтѣ, или Сенатѣ. Большой Совѣтъ, составленный, если не изъ всѣхъ, то изъ значительной части членовъ сословія, слишкомъ многочисленъ для руководства дѣлами; въ него входятъ разнообразные элементы, и высшіе и низшіе. Малый же Совѣтъ содержитъ въ себѣ цвѣтъ сословія, выдающихся людей, стоящихъ въ его главѣ. Обыкновенно его члены пожизненены, ибо этимъ обезпечивается постоянство политики. Высшимъ образцомъ такого рода учрежденій можетъ служить римскій Сенатъ, состоявшій изъ бывшихъ сановниковъ, пріобрѣтшихъ опыт-

ность въ государственныхъ дѣлахъ. Его неуклонной энергіи и прозорливости Римъ обязанъ своимъ величіемъ. Отъ Малаго Совѣта состоитъ въ зависимости исполнительная власть, которой существенные признаки суть раздѣленіе власти и ея кратковременность; иначе она можетъ сдѣлаться опасною для владычествующаго сословія, предоставляя слишкомъ большой просторъ личному честолюбію. Но изъ всѣхъ учрежденій, свойственныхъ аристократіи, важнѣйшую ея особенность составляетъ, какъ мы видѣли, власть надзирающая, которой ввѣряется строгое наблюденіе за членами сословія и въ особенности за носителями власти. Таковы были въ Римѣ цензоры, въ Спартѣ эфоры, въ Венеціи Трибуналъ Десяти и государственные инквизиторы. Такого рода учрежденія, особенно когда они составляютъ постоянную коллегію, имѣютъ однако весьма существенныя невыгоды. Если даже многое изъ того, что писалось о венеціанскомъ Трибуналѣ Десяти значительно преувеличено, то нѣтъ сомнѣнія, что орудіемъ его дѣятельности была широко развѣтвленная система шпіонства, охватывавшая всю частную жизнь гражданъ. А съ другой стороны, такой тайный, безотвѣтственный трибуналъ, облеченной самою широкою властью, имѣетъ естественное поползновеніе вмѣшиваться во всѣ государственныя дѣла и все забирать въ свои руки. Римъ не имѣлъ нужды давать своимъ цензорамъ такія широкія полномочія, ибо тамъ республика была смѣшанная и борьба происходила явно. Въ случаѣ опасности, внутренней или внѣшней, выбирался диктаторъ, который облекался чрезвычайными правами. Однако и это учрежденіе представляетъ такія опасности, что чисто аристократическія правленія стараются къ нему не прибѣгать. Нужно было необыкновенное величіе духа римской аристократіи для того, чтобы выдвинутый ею членъ сословія, совершивъ свое дѣло, сложилъ съ себя полномочія и мирно возвратился къ своему плугу. Обыкновенно человѣческая природа не мирится съ такими перемѣнами положенія.

Значительныя затрудненія представляютъ для аристократіи тѣ орудія, которыя она принуждена употреблять, въ особенности войско. Это составляетъ самое больное мѣсто аристократическаго правленія. Рѣдко владычествующее сословіе достаточно многочисленно, чтобы довольствоваться войскомъ, составленнымъ единственно изъ своихъ членовъ. Спартанцы были собственно осѣдлою дружиной; но и они принуждены были вооружать Лакедемонянъ, а иногда даже Илотовъ. При постоянныхъ войнахъ, волею или неволею, приходится призывать къ оружію подвластныхъ, а это ведетъ къ тому, что послѣдніе требуютъ себѣ правъ. Это и было главною причиной развитія демократіи, какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ. Въ послѣднемъ, народныя

собранія по центуріямъ, представлявшія организованное войско, мало-по-малу вытѣснили собранія по куріямъ, составленныя изъ однихъ патриціевъ. Если же аристократія не довѣряетъ народу, остается прибѣгать къ наемному войску, а это еще опаснѣе, ибо оно ничѣмъ не связано съ государствомъ, кромѣ частной выгоды, которая можетъ побудить его обратиться противъ самихъ нанимателей. Это испыталъ Карѳагенъ. При постоянныхъ войнахъ, войско, вербованное даже изъ гражданъ, вслѣдствіе привязанности къ побѣдоносному вождю, можетъ сдѣлаться опаснымъ для государства. Римская республика пала, когда она, вслѣдствіе обширныхъ завоеваній, принуждена была держать постоянныя арміи, которыя въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ оставались подъ начальствомъ одного и того же вождя. Честолюбіе полководцевъ привело сперва къ безпрерывнымъ междоусобіямъ, а затѣмъ къ установленію единовластія. Аристократіи, желающія сохранить свое положеніе, должны поэтому воздерживаться, по возможности, отъ войнъ; но и это имѣетъ свои невыгодныя стороны: погруженныя въ мирную рутину или предаваясь ничѣмъ не сдержанному своеволію, и недостаточно огражденныя отъ внѣшнихъ опасностей, онѣ внутренно слабѣютъ и, наконецъ, дѣлаются жертвою сосѣдей. Такъ пали Польша и Венеція.

Несравненно меньшія затрудненія представляютъ орудія гражданскаго управленія. Какъ сказано выше, аристократія имѣетъ въ себѣ самой неисчерпаемый источникъ правительственныхъ преданій и правящихъ лицъ. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы сдерживать послѣднихъ въ должныхъ границахъ. Самовластный правитель можетъ сдѣлаться опаснымъ для государства. Это касается въ особенности управленія областей. Цезарь, утвердившись въ Галліи, обратился противъ самого Рима. Съ другой стороны, необузданное самовластіе, порождая невыносимыя притѣсненія, ведетъ къ возстаніямъ, которыя особенно опасны при отсутствіи постояннаго войска или при недовѣріи къ военнымъ силамъ. И тутъ счастливый полководецъ можетъ сдѣлаться властителемъ государства. Чѣмъ оно обширнѣе, тѣмъ опасность больше и тѣмъ труднѣе съ нею справиться. Въ Римѣ, въ послѣднія времена республики, неограниченная власть проконсуловъ была источникомъ самыхъ неслыханныхъ вымогательствъ, а вмѣстѣ признакомъ внутренняго безсилія правительства. Лучшая система для аристократіи, желающей сохранить свое владычество, состоитъ въ томъ, чтобы предоставить подчиненнымъ широкое самоуправленіе, поставляя отъ себя только высшія правящія лица и соблюдая надъ ними строгій контроль. Галлеръ особенно настаиваетъ на необходимости уваженія къ правамъ и привилегіямъ подвластныхъ общинъ и корпорацій, ибо это одно обез-

печиваетъ охраненіе законнаго порядка и самыхъ правъ владычествующаго сословія [1]).

Вообще, умѣренность въ отношеніи къ народу должна быть главнымъ руководящимъ началомъ разумнаго аристократическаго правленія. Силу власти слѣдуетъ обращать противъ всякихъ тайныхъ козней и явныхъ попытокъ къ возмущенію, но въ обыкновенномъ порядкѣ умѣренность въ пользованіи правами составляетъ первое условіе долговѣчности для аристократіи, болѣе, нежели для какого-либо другаго образа правленія. Это одно дѣлаетъ владычество привилегированнаго сословія сноснымъ для подданныхъ и привязываетъ ихъ къ порядку, ограждающему ихъ частныя права и ихъ интересы. Такъ поступали Венеція и Бернъ. Римляне возводили подвластныя племена, сохранявшія къ нимъ вѣрность, на степень союзниковъ и даже римскихъ гражданъ. Только отдаленный и дряхлый Востокъ отдавался грабленію. Польская знать, напротивъ, никогда не помышляла о соблюденіи умѣренности: подвластные подвергались безпощадному притѣсненію, но это и привело ее къ паденію.

Умѣренность должна проявляться не только въ способахъ управленія, но и въ личномъ обхожденіи съ людьми. И въ этомъ отношеніи бернскій патрицій даетъ самые мудрые совѣты своимъ собратьямъ [2]). Ничто такъ не возбуждаетъ непріязни, какъ высокомѣріе и чванство, особенно когда требованія внѣшняго почета находятся въ явномъ противорѣчіи съ внутреннимъ содержаніемъ. Притязанія и замашки аристократіи, гордой своимъ происхожденіемъ и смотрящей свысока на людей несравненно выше ея стоящихъ по уму, знаніямъ, заслугамъ и нравственному достоинству, могутъ возстановить противъ нея все, что есть образованнаго, даровитаго и независимаго въ народѣ. Только гуманнымъ личнымъ обхожденіемъ она можетъ заставить независимыхъ людей примириться съ ея привилегіями. Аристократія, столь же, если не болѣе, нежели монархія, должна стараться привязать къ себѣ сердца подвластныхъ. Истинный вельможа познается учтивымъ и ласковымъ обхожденіемъ съ людьми, даже стоящими гораздо ниже его. Только этимъ пріобрѣтается кліентела, а съ тѣмъ вмѣстѣ и нравственная опора въ низшихъ классахъ. Галлеръ совѣтуетъ даже избѣгать всякихъ внѣшнихъ знаковъ пышности и роскоши, чтобы не подавать повода къ зависти и нареканіямъ.

При всемъ томъ онъ признается, что нѣтъ возможности избѣгать непріязненныхъ чувствъ именно высшихъ слоевъ народа, тѣхъ, кото-

---

[1]) Restauration der Staatswiss. VI, стр. 527.

[2]) Restauration der Staatswiss. VI, стр. 311 и слѣд., 479 слѣд., 533.

рые образованіемъ и богатствомъ стоятъ ближе всего къ аристократіи, а потому являются естественными ея соперниками. И чѣмъ болѣе развивается масса, тѣмъ это соперничество становится опаснѣе. Противъ этого есть только одно средство: принятіе способнѣйшихъ людей изъ народа въ свою среду. Этимъ открывается законное поприще честолюбіямъ, которыя иначе примыкаютъ къ недовольнымъ и начинаютъ строить козни, тѣмъ болѣе опасныя, чѣмъ способнѣе лица. Съ другой стороны, этимъ укрѣпляется и самая аристократія, которая въ способнѣйшихъ людяхъ пріобрѣтаетъ новыя силы. Однако, это возведеніе въ высшій санъ не должно доставаться слишкомъ легко; оно должно быть увѣнчаніемъ поприща, посвященнаго пользѣ отечества. Аристократія сохраняетъ свое высокое положеніе единственно тогда, когда пріобщеніе къ ней считается высшею наградой для подвластныхъ. Если же средніе классы достигли такого развитія, что пріобщеніе болѣе или менѣе значительной части ихъ къ политической жизни составляетъ насущную потребность, то лучше прямо перейти къ смѣшанному устройству. Таковъ и есть обыкновенный исходъ аристократическаго правленія, если оно не падаетъ вслѣдствіе внѣшняго толчка.

Этотъ исходъ можетъ быть ускоренъ политикою противоположною той, которая указана выше. Аристократія падаетъ: 1) вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, которые ведутъ либо къ переворотамъ, либо къ вмѣшательству иностранныхъ державъ; 2) вслѣдствіе слабости силъ или даже вырожденія владычествующаго сословія, что дѣлаетъ его жертвою могучихъ сосѣдей; 3) вслѣдствіе притѣсненій, вызывающихъ возстанія, которыя могутъ вести къ низверженію правительства; 4) вслѣдствіе войнъ, которыя, требуя усиленнаго содѣйствія низшихъ классовъ, побуждаютъ послѣднихъ предъявлять притязанія на соотвѣтствующія ихъ заслугамъ политическія права; 5) вслѣдствіе естественнаго роста особенно среднихъ классовъ, которые, умножая свое умственное и матеріальное достояніе, стремятся къ занятію подобающаго имъ положенія въ государствѣ. А такъ какъ послѣдняя причина составляетъ результатъ всего историческаго развитія человѣчества, то рано или поздно чисто аристократическое правленіе обречено на паденіе. Аристократія должна сдѣлаться не исключительно господствующимъ, а однимъ изъ существенныхъ элементовъ государственной жизни. Въ этомъ состоитъ истинное ея историческое призваніе. Мы видѣли, что лучшія ея качества развиваются не тамъ, гдѣ она владычествуетъ безгранично, а тамъ, гдѣ она встрѣчаетъ сдержки со стороны другихъ. И въ свою очередь, какъ независимый политическій элементъ, она служитъ самою сильною сдержкой, какъ монархіи, стремящейся къ неограниченной власти, такъ и демократіи, все под-

чиняющей волѣ большинства. Въ системѣ смѣшанныхъ правленій аристократія находитъ настоящее свое мѣсто и значеніе, не какъ преходящая только форма, а какъ прочный элементъ политическаго зданія. Но для того чтобы занять такое мѣсто, она должна быть подготовлена предшествующимъ историческимъ развитіемъ; она должна выработать въ себѣ тѣ качества, которыя дѣлаютъ ее способною стоять во главѣ народа съ пользою для государства. Въ мірѣ немного есть аристократій, достойныхъ такого положенія.

ГЛАВА IV.

Политика демократіи.

Въ демократіи верховная власть принадлежитъ совокупности гражданъ. Основныя ея начала суть свобода и равенство. Отсюда проистекаютъ великія сопряженныя съ нею выгоды. Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, каждый членъ общества получаетъ здѣсь высшее огражденіе своихъ правъ и своихъ интересовъ. Когда люди хотятъ или принуждены дѣйствовать совокупными силами, отдѣльное лице не можетъ уже руководиться единственно собственною своею волей; оно должно подчиняться совокупному рѣшенію: иначе это была бы анархія. Его свобода, съ вытекающими изъ нея правами, сохраняется и обезпечивается лишь тѣмъ, что оно само участвуетъ въ этомъ рѣшеніи, и если его мнѣніе не имѣетъ перевѣса, то оно можетъ всѣми законными способами стараться убѣдить другихъ. Таково правило всякаго товарищества. Безправныя лица подчиняются чужой волѣ, свободныя рѣшаютъ дѣла совокупнымъ совѣщаніемъ. Въ демократіи это начало простирается на самую верховную власть; слѣдовательно, обезпеченіе свободы и права здѣсь наивысшее. Всѣ граждане и всѣ интересы представлены въ верховномъ собраніи, отъ котораго зависитъ установленіе законовъ и наложеніе государственныхъ тягостей. Гдѣ этого нѣтъ, интересы классовъ, исключенныхъ изъ правленія, всегда могутъ быть принесены въ жертву. Поэтому Бентамъ, который въ своихъ политическихъ планахъ постоянно имѣлъ въ виду огражденіе всѣхъ интересовъ, окончательно призналъ чистую демократію единственнымъ образомъ правленія, соотвѣтствующимъ этому началу.

Во-вторыхъ, господство начала свободы въ государствѣ раскрываетъ полный просторъ энергіи каждаго. Въ человѣкѣ рождается сознаніе своей силы и увѣренность въ себѣ. Онъ дѣлаетъ все, что можетъ сдѣлать; и физическій и умственный трудъ, не стѣсненные ничѣмъ, достигаютъ высшей степени производительности. А такъ какъ

личный трудъ составляетъ коренной источникъ всякаго движенія и всякаго прогресса, то свобода составляетъ первое и главное условіе человѣческаго развитія. Всѣ силы народа возбуждаются въ демократіи; онъ проявляетъ всю свою духовную сущность. Примѣрами въ этомъ отношеніи могутъ служить древнія Аѳины, а въ новое время Сѣверо-Американскіе Штаты. Никогда человѣчество не проявляло такой изумительной и плодотворной дѣятельности во всѣхъ направленіяхъ, какъ въ Аѳинской республикѣ. Это именно и привлекало сочувствіе къ демократіи историковъ и мыслителей. Еслибы демократія не могла указать въ свою пользу ничего, кромѣ своего мимолетнаго владычества въ Аѳинахъ, то этого было бы достаточно для того, чтобы дать ей почетное мѣсто въ исторіи человѣчества. Въ Соединенныхъ Штатахъ жизнь носитъ гораздо болѣе односторонній отпечатокъ: согласно съ характеромъ народа, она направлена преимущественно на экономическую область. Но здѣсь проявляются такая необычайная энергія и такая самодѣятельность, которыя поражаютъ сторонникъ наблюдателей и внушаютъ вѣру въ будущность народа, одареннаго такими способностями. Нѣтъ сомнѣнія, что демократія значительно содѣйствуетъ развитію этихъ способностей и, наоборотъ, только демократія умѣстна при такомъ духѣ народа.

Въ-третьихъ, участіе каждаго въ верховной власти возвышаетъ чувство личнаго достоинства человѣка. Онъ не знаетъ надъ собою владыки; какъ членъ свободнаго народа, онъ преклоняется только передъ общею волей. Отсюда возвышеніе нравственнаго уровня общества. Все раболѣпное, низкопоклонное, трусливое, изгоняется изъ человѣческой души. Римскій гражданинъ не зналъ этихъ низменныхъ чувствъ. Онъ гордо поднималъ голову и смѣло высказывалъ свою мысль передъ лицемъ всѣхъ. Въ демократіи, болѣе нежели гдѣ-либо, гражданинъ одушевленъ этимъ высокимъ сознаніемъ своей независимости и своего права.

Въ-четвертыхъ, тамъ, гдѣ каждый участвуетъ въ правленіи, политическое образованіе распространяется на всѣхъ. Общія дѣла становятся дѣломъ каждаго; они обсуждаются во всѣхъ углахъ. Партіи стараются набрать себѣ приверженцевъ всюду; политическая жизнь нисходитъ до самыхъ глубокихъ слоевъ общества, а это воспитываетъ народъ, возвышаетъ его умственный уровень и пріучаетъ его къ самостоятельному управленію своими дѣлами.

Въ-пятыхъ, вопросы обсуждаются и рѣшаются тѣми самыми лицами, до которыхъ они касаются и которымъ они, поэтому, ближе извѣстны. Никакая часть народа не призвана рѣшать за остальныхъ, а потому не имѣетъ возможности проводить свой частный интересъ

въ ущербъ другимъ. Участіемъ всѣхъ въ совокупномъ рѣшеніи устанавливается владычество общаго интереса, а это и составляетъ высшую цѣль государства.

Въ-шестыхъ, тамъ, гдѣ правительство выходитъ изъ общества, невозможенъ между ними разрывъ. Тутъ связь установляется самая тѣсная; правительство является чистымъ представителемъ народа, отъ котораго оно состоитъ въ постоянной зависимости. Поэтому оно принуждено заботиться объ удовлетвореніи всѣхъ его потребностей; только стараясь угодить избирателямъ, оно можетъ держаться. Этимъ, съ другой стороны, устраняется всякій поводъ къ революціоннымъ движеніямъ. Большинство имѣетъ всегда возможность проводить свое мнѣніе путемъ выборовъ, а меньшинство можетъ дѣйствовать только путемъ убѣжденія: оно должно стараться само сдѣлаться большинствомъ. Въ демократіи попытки ниспровергнуть существующій порядокъ являются возмущеніемъ меньшинства противъ большинства, что не имѣетъ ни теоретическаго, ни практическаго оправданія, ибо никто не имѣетъ права ставить свою личную волю выше воли другихъ, а путь убѣжденія открытъ для всѣхъ.

Въ-седьмыхъ, если каждый общественный строй требуетъ соотвѣтствующаго ему строя политическаго, то демократія является какъ бы естественнымъ завершеніемъ общегражданскаго порядка, составляющаго, какъ мы видѣли, вѣнецъ гражданскаго развитія человѣчества. Начала свободы и равенства, господствующія въ гражданскихъ отношеніяхъ, переносятся и въ политическую область. Черезъ это между обѣими сферами установляется полная гармонія. Отсюда неудержимое стремленіе къ демократіи всѣхъ новыхъ европейскихъ народовъ, установившихъ у себя начала общей гражданской свободы и равенства всѣхъ передъ закономъ.

Таковы весьма существенныя и наглядныя выгоды демократіи. Мы ихъ выставили въ полной силѣ. Но имъ противополагаются не менѣе важные недостатки:

Во-первыхъ, полезное для государства согласованіе гражданскаго порядка и политическаго не должно простираться до полнаго смѣшенія началъ, господствующихъ въ этихъ двухъ сферахъ. Безъ сомнѣнія, признаніе общей гражданской свободы рано или поздно ведетъ къ свободѣ политической. Гражданинъ признается свободнымъ, потому что свобода составляетъ принадлежность самой природы человѣка, какъ разумнаго существа; въ силу этого, во всѣхъ образованныхъ странахъ отмѣняются рабство и крѣпостное состояніе. А если это такъ, то человѣкъ долженъ быть признанъ свободнымъ во всѣхъ сферахъ своей дѣятельности, не только какъ членъ граждан-

скаго союза, но и какъ членъ государства: въ этомъ и заключается основаніе политическаго права. Тѣмъ не менѣе, правоспособность политическая существенно отличается отъ правоспособности гражданской. Въ гражданскихъ отношеніяхъ человѣкъ завѣдываетъ собственными своими дѣлами, и въ этой области онъ полный хозяинъ. Хорошо или дурно онъ ихъ ведетъ, это до другихъ не касается. Здѣсь всякій совершеннолѣтній, обладающій здравымъ разсудкомъ, признается вполнѣ правоспособнымъ. Въ политической области, напротивъ, онъ призванъ обсуждать и рѣшать дѣла, касающіяся не только его самого, но и всѣхъ другихъ; ему ввѣряется извѣстная доля общественной власти. Для обсужденія такого рода дѣлъ, нерѣдко весьма сложныхъ, и еще болѣе для пользованія верховною властью, нужна способность высшаго разряда, необходимо извѣстное умственное развитіе. Между тѣмъ, начало равенства, послѣдовательно проведенное, устраняетъ начало способности. Всѣ граждане, за исключеніемъ женщинъ и дѣтей, получаютъ совершенно одинакое участіе въ верховной власти. А такъ какъ высшее развитіе всегда составляетъ достояніе меньшинства, дѣла же рѣшаются большинствомъ, то здѣсь верховная власть вручается наименѣе способной части общества. Противъ этого не имѣетъ силы возраженіе, что съ призваніемъ массы къ совокупному рѣшенію, разсѣянная въ лицахъ невысокая способность собирается какъ бы въ одинъ фокусъ и неспособность однихъ восполняется способностью другихъ. Сколько бы мы ни набирали людей, не знающихъ дѣла, совокупность ихъ мнѣній не дастъ хорошаго рѣшенія. Всего чаще они, по незнанію, дадутъ предпочтеніе именно тому мнѣнію, которое наименѣе полезно. На массу всего болѣе дѣйствуютъ тѣ, которые умѣютъ низойти къ ея уровню и говорить ея страстямъ. Каждый подаетъ голосъ по своему разумѣнію, а если это разумѣніе не велико, то какое бы ни составилось большинство неразумныхъ, разумнаго мнѣнія изъ этого не выйдетъ. Несостоятельно также возраженіе, что народъ, неспособный судить о дѣлахъ, способенъ выбирать людей, которымъ ввѣряются обсужденіе и веденіе дѣлъ. Выборъ людей опредѣляется главнымъ образомъ ихъ направленіемъ, а для того, чтобы судить объ общемъ направленіи, нужно имѣть еще большее умственное развитіе, нежели для сужденія о частныхъ вопросахъ.

Такимъ способомъ рѣшенія отрицается, во-вторыхъ, самое значеніе образованія для государственной жизни. Верховная власть на землѣ ввѣряется наименѣе образованной части общества. Въ этомъ заключается глубокое, коренное противорѣчіе демократіи, отъ котораго она никогда не можетъ исцѣлиться. Какое бы мы ни представляли себѣ развитіе человѣчества въ будущемъ, всегда, въ силу самыхъ

условій земной жизни, будетъ масса, занятая преимущественно физическимъ трудомъ, и меньшинство, преданное труду умственному. Но только послѣдній даетъ высшее развитіе, а потому и высшую государственную способность; постоянное же занятіе физическимъ трудомъ неизбѣжно удерживаетъ человѣка на низшей ступени: развитіе опредѣляется призваніемъ. Никакія системы обученія этому не помогутъ. То интегральное образованіе, о которомъ мечтаютъ демократы, есть чистая мечта. Чѣмъ шире и выше образованіе, тѣмъ выше стоитъ образованное меньшинство надъ невѣжественною массой. Нерѣдко полуобразованіе хуже совершеннаго его отсутствія: въ послѣднемъ случаѣ сохраняется естественный здравый смыслъ человѣка, тогда какъ въ первомъ онъ часто сбивается съ толку односторонними или поверхностными взглядами. Между тѣмъ, въ демократіи мыслящая и образованная часть общества подчиняется большинству людей, едва умѣющихъ читать и писать, а нерѣдко лишенныхъ даже скуднаго элементарнаго образованія. Такой порядокъ состоитъ въ коренномъ противорѣчіи, какъ съ требованіями государства, такъ и съ высшими задачами человѣчества, которыя осуществляются въ государственномъ порядкѣ. Поэтому, демократія никогда не можетъ быть идеаломъ человѣческаго общежитія. Она способна отвѣчать наличнымъ потребностямъ тѣхъ или другихъ обществъ, но, какъ общее явленіе, она можетъ быть только преходящею ступенью историческаго развитія.

Въ-третьихъ, демократія представляетъ безграничное владычество духа партій, изъ которыхъ каждая стремится захватить власть въ свои руки съ тѣмъ, чтобы проводить свои виды. Это составляетъ неизбѣжное послѣдствіе всякаго свободнаго правленія, и въ этомъ, безъ сомнѣнія, есть значительная выгода. Не только всѣ мнѣнія и направленія имѣютъ возможность высказываться и отстаивать свои точки зрѣнія, но каждое направленіе, имѣющее серіозное значеніе въ государственной жизни, получаетъ возможность провѣрить свои взгляды примѣненіемъ ихъ къ дѣлу, когда оно находится у власти. Оппозиція можетъ ограничиваться отрицательною критикой; пользованіе же властью требуетъ положительныхъ дѣйствій; многое изъ того, что высказывалось въ пылу полемики, неизбѣжно смягчается или отпадаетъ. Получая власть въ свои руки, оппозиціонная партія становится правительственною. Но эта борьба за власть имѣетъ и свою оборотную сторону. Все направлено къ тому, чтобъ одолѣть противниковъ, и для этого не гнушаются никакими средствами. Государственный интересъ затмѣвается партійными цѣлями. Организуется цѣлая система лжи и клеветы, имѣющая задачею представить въ превратномъ видѣ и власть и людей. Если явный подкупъ воспре-

щенъ закономъ, то косвенный подкупъ практикуется съ полною безстѣнчивостью. Всевозможныя милости расточаются приверженцамъ партіи, находящейся у власти. Въ демократіи эта система получаетъ особенно широкіе размѣры. Чтобъ обработать и направить народныя массы, нужна цѣлая ватага второстепенныхъ дѣятелей, заглядывающихъ во всѣ закоулки и неутомимо преслѣдующихъ партійную цѣль. Образуется особый классъ политикановъ, которые изъ политической агитаціи дѣлаютъ ремесло и средство наживы. Они являются главными двигателями и орудіями на политическомъ поприщѣ, и какъ скоро ихъ партія получила перевѣсъ, такъ всѣ государственныя должности отдаются имъ на расхищеніе. Въ Сѣверной Америкѣ эта система практикуется въ громадныхъ размѣрахъ и самымъ безстыднымъ образомъ. Не только общественныя должности, но и денежныя средства казны, подъ видомъ пенсій за мнимыя услуги, оказанныя въ междоусобной войнѣ, расточаются для удовлетворенія алчности достигшихъ власти приверженцевъ партіи. Государство становится добычею политикановъ. Еще хуже обстоятъ дѣла въ большихъ городахъ. Съ помощью всеобщаго права голоса городское управленіе переходитъ въ руки организованной шайки грабителей; честнымъ гражданамъ стбитъ неимовѣрныхъ и часто тщетныхъ усилій, чтобы положить хотя бы какой-нибудь предѣлъ этому злу [1]). Во Франціи министры постоянно осаждаются депутатами и сенаторами, требующими назначенія приверженцевъ господствующей партіи на тѣ или другія общественныя должности, а такъ какъ отъ просителей зависитъ самое существованіе министерства, то противостоять этому натиску нѣтъ никакой возможности. По общему признанію, это составляетъ величайшее зло нынѣшняго политическаго строя. Общественныя должности даются не способнѣйшимъ людямъ, а усердствующимъ политиканамъ.

Послѣдствіемъ такого порядка вещей является, въ-четвертыхъ, устраненіе лучшей и образованнѣйшей части общества отъ политической жизни. Въ Сѣверной Америкѣ это — общее явленіе. Уважающій себя человѣкъ неохотно вступаетъ на поприще, гдѣ ему приходится вести борьбу съ противниками самаго низменнаго свойства, гдѣ самъ онъ подвергается грязнымъ нападкамъ и безсовѣстной клеветѣ, гдѣ каждое его слово толкуется вкривь и каждый поступокъ представляется въ ложномъ свѣтѣ, гдѣ самая его частная жизнь и репутація близкихъ ему людей становятся предметомъ публичной полемики, язвительныхъ намековъ и часто совершенно превратныхъ разоблаченій. Чтобы дѣйствовать на политическомъ поприщѣ въ демократической странѣ, нуж-

---

[1]) См. Bryce: The American commonwealth.

но сдѣлаться толстокожимъ; но для этого надобно въ значительной степени потерять чувство нравственнаго достоинства. Многіе на это не пойдутъ. Еще менѣе станетъ порядочный человѣкъ унижаться до того, чтобы заискивать въ массѣ и льстить толпѣ, а безъ этого онъ не можетъ надѣяться на успѣхъ. Такимъ образомъ, руководителями народа остаются демагоги, которые умѣютъ низойти къ уровню массы, говорить ея языкомъ, льстить ея самолюбію, потакать ея страстямъ, возбуждать въ ней самыя низменныя влеченія, однимъ словомъ, пускать въ ходъ всѣ тѣ средства, которыми гнушается уважающій себя человѣкъ. Противодѣйствовать имъ можно только силою денегъ. Изъ всѣхъ аристократическихъ элементовъ общества, въ демократіи всплываетъ только денежная аристократія, то есть, худшая изъ всѣхъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ это — кидающееся въ глаза явленіе. Не брезгая ничѣмъ, она соритъ деньгами для политическихъ цѣлей и тѣмъ поддерживаетъ свое вліяніе. Это и подало поводъ къ остроумному замѣчанію, что всеобщее право голоса есть дурное учрежденіе, умѣряемое подкупомъ.

Однако и денежный перевѣсъ не ограждаетъ высшихъ классовъ отъ ограбленія. Демократія, по существу своему, ведетъ, въ пятыхъ, къ тому, что государственныя тягости сваливаются преимущественно на зажиточные классы, вопреки основному началу справедливости, требующему пропорціональнаго распредѣленія тягостей, ибо законъ долженъ быть одинъ для всѣхъ. При исключительномъ господствѣ верхнихъ слоевъ, это начало нерѣдко нарушается въ ихъ пользу; при владычествѣ демократіи происходитъ обратное явленіе: большинство состоитъ изъ неимущихъ, которые, пользуясь своимъ превосходствомъ, стремятся всѣ тягости свалить на меньшинство. Чѣмъ рѣзче въ обществѣ противоположность богатыхъ и бѣдныхъ, тѣмъ ярче выступаетъ это стремленіе. Въ древнихъ республикахъ оно вело къ тому, что на богатыхъ людей возлагались громадныя издержки не только на государственныя надобности, но и для увеселенія народа окончательно эти отношенія разрѣшились кровавыми междоусобіями и водвореніемъ деспотизма. Въ новое время, при возрастающемъ развитіи среднихъ классовъ, противоположность имущихъ и неимущихъ не обозначается такъ рѣзко. Средніе классы и въ демократіи сохраняютъ свое положеніе и стараются оберегать себя отъ излишнихъ поборовъ. Однако и тутъ развитіе демократическихъ началъ ведетъ къ прогрессивному налогу, къ изъятію бѣдныхъ отъ тягостей съ сохраненіемъ за ними правъ, къ обращенію государства, вопреки его природѣ и призванію, въ благотворительное учрежденіе для неимущихъ. Все это прикрывается заманчивыми началами человѣколюбія

и благотворенія, при чемъ забываютъ, что благотворительность, какъ нравственное требованіе, есть начало не принудительное, а свободное, и что благотворяемымъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предоставлено право распоряжаться тѣмъ, что имъ дается изъ чужаго достоянія. Здѣсь же бѣднѣйшіе классы, составляющіе массу, будучи участниками верховной власти, сами избавляютъ себя отъ тягостей и опредѣляютъ то, что они хотятъ брать съ богатыхъ. И демагоги, разумѣется, пользуются этими стремленіями для своихъ личныхъ цѣлей. Они наускиваютъ толпу на все, что надъ нею возвышается, возбуждаютъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, разжигаютъ въ массѣ чувства ненависти и зависти. Соціалитическая пропаганда идетъ на всѣхъ парахъ, и политическое право служитъ ей самымъ сильнымъ орудіемъ. Извѣстно, какое страшное развитіе получилъ соціализмъ въ Германской Имперіи съ введеніемъ всеобщаго права голоса. Даже Соединенные Штаты, которыхъ экономическія условія вовсе не благопріятствуютъ соціальному движенію, въ новѣйшее время заражаются этой язвой.

Опасность, проистекающая изъ этого направленія, особенно велика тѣмъ, что чистая демократія, въ-шестыхъ, не знаетъ никакихъ сдержекъ. Неограниченный монархъ опасается возбудить неудовольствіе и вельможъ и народа, которые могутъ возстать и низвергнуть правленіе. Точно также и правящая аристократія всегда опасается народнаго возмущенія. Демократіи же бояться нечего, ибо она составляетъ большинство и у нея власть въ рукахъ. Она не только юридически, но и физически всегда сильнѣе всѣхъ, а потому не знаетъ предѣловъ своей волѣ. Она въ каждую минуту можетъ рѣшить и исполнить все, что она хочетъ. И этотъ деспотизмъ не ограничивается одною политическою областью; онъ охватываетъ все и проникаетъ всюду. Монархъ и аристократія стоятъ на вершинѣ зданія; отъ самаго сильнаго гнета сверху подданные могутъ укрываться въ частную жизнь. Народъ же вездѣ присущъ; онъ все видитъ и все знаетъ. Всякій, кто не примыкаетъ къ общему теченію или осмѣливается поднять голосъ противъ рѣшенія большинства, рискуетъ поплатиться и имуществомъ и даже самою жизнью, ибо разъяренная толпа способна на все, а воздерживать ее некому. Демократическій деспотизмъ — самый ужасный изъ всѣхъ. Терроръ во Франціи выказалъ это въ полномъ свѣтѣ. Безъ сомнѣнія, это вызывалось тѣмъ чрезвычайными обстоятельствами, въ которыхъ находилось общество; но и въ обыкновенномъ теченіи жизни деспотизмъ не знающаго никакихъ сдержекъ большинства представляетъ величайшую опасность не только для внѣшней, но и для самой внутренней свободы человѣка. Надобно выть съ волками, плыть

по теченію или быть задушеннымъ и раздавленнымъ этимъ всесокрушающимъ напоромъ массы. Всякая независимость преслѣдуется неумолимо; всякая своеобразность исчезаетъ. Этотъ невыносимый гнетъ простирается на все, на мысль и совѣсть, на семейныя связи, на отношенія человѣка къ Богу. Во Франціи, въ общинахъ, гдѣ владычествуетъ соціалистическое или радикальное большинство, жены и дѣти лицъ, зависимыхъ отъ мѣстныхъ властей, не смѣютъ войти въ церковь изъ опасенія, что ихъ мужья и отцы лишатся мѣста за клерикальный образъ мыслей. Всѣ мыслящіе наблюдатели демократіи, даже самые ей сочувственные, прежде всѣхъ Токвиль, а за нимъ Джонъ Стюартъ Милль, Спенсеръ, Мэнъ, Лекки, согласны въ томъ, что здѣсь самое больное ея мѣсто. Демократія вся основана на свободѣ; въ этомъ заключается весь ея смыслъ, а между тѣмъ, лишенная сдержекъ, она неудержимо ведетъ къ подавленію свободы. „Что мнѣ всего болѣе претитъ въ Америкѣ“, писалъ Токвиль, „это не чрезмѣрная свобода, а ничтожныя гарантіи противъ тиранніи“. И далѣе: „я не знаю страны, гдѣ было бы менѣе умственной независимости и истинной свободы преній, нежели въ Америкѣ“ [1]). Изучая Соединенные Штаты въ самую лучшую ихъ пору, онъ пришелъ къ заключенію, что демократія представляетъ господство посредственности: возвышая массу, она понижаетъ верхніе слои и все подводитъ къ однообразному, пошлому уровню. Въ современной Франціи наблюдается тоже самое. Всеохватывающая пошлость кладетъ свою печать не только на политическую, но и на умственную и нравственную жизнь демократическаго общества. Здѣсь качество распускается въ количествѣ и отдается ему всецѣло на жертву. А такъ какъ отъ высшаго качества зависитъ весь прогрессъ человѣчества, такъ какъ свобода составляетъ необходимое его условіе, то демократія является въ этомъ отношеніи величайшею помѣхой человѣческому совершенствованію. Разливая въ массахъ матеріальныя и духовныя блага, составлявшія достояніе высшихъ слоевъ, она безпорно представляетъ значительный шагъ впередъ; но безграничное владычество массы есть шагъ не впередъ, а назадъ. Оно неминуемо должно вызвать реакцію.

Результатомъ этой ничѣмъ не сдержанной воли большинства является, въ-седьмыхъ, шаткость всѣхъ общественныхъ отношеній. Древняя демократія славилась своимъ непостоянствомъ. Въ новой демократіи введеніе представительныхъ учрежденій и въ особенности господство среднихъ классовъ, устремленныхъ на экономическія выгоды и въ виду этого дорожащихъ порядкомъ, ослабило, но не искоренило это

[1]) De la Démocratie en Amérique, I, ch. XV.

зло. Внѣшняя политика остается, по прежнему, игралищемъ общественныхъ увлеченій. Только тамъ, гдѣ страна находится въ нейтральномъ положеніи или удалена отъ историческаго поприща, демократія можетъ держаться, не обнаруживая въ этомъ отношеніи своей несостоятельности. Современная Франція сдерживается опасеніемъ грознаго сосѣда; но ея политика въ Египтѣ, въ Тонкинѣ, на Мадагаскарѣ показываетъ, что тутъ постоянства и прозорливости очень мало. Внутренняя же политика въ демократическихъ странахъ страдаетъ неисцѣлимою шаткостью направленія. Въ демократіи нѣтъ именно того, что даетъ устойчивость и постоянство политической жизни,—преданій. Она смотритъ не назадъ, а впередъ; она ищетъ не сохраненія, а улучшенія. Таково естественное стремленіе низшихъ классовъ, достигшихъ преобладанія. Въ прошломъ они помнятъ только угнетеніе, отъ котораго они избавились; будущее же сулитъ имъ нескончаемыя блага. Они видятъ впереди все большее и большее возвышеніе своего благосостоянія, а такъ какъ ихъ понятія о средствахъ для улучшенія этого благосостоянія весьма смутны, такъ какъ они воображаютъ, что это можетъ совершиться не медленнымъ развитіемъ жизни, а государственными мѣрами, то они естественно склонны употреблять пріобрѣтенную ими власть для проведенія этихъ мѣръ. Отсюда неустанное стремленіе къ всевозможнымъ преобразованіямъ, которое однако, въ силу вещей, большею частью остается тщетнымъ, но значительно содѣйствуетъ колебанію умовъ. Необходимыя для устойчивой политики охранительныя начала откидываются въ сторону, какъ несовмѣстныя съ демократіей; самые умѣренные люди непремѣнно хотятъ быть прогрессистами. Непремѣнно нужно что-нибудь дѣлать, безъ устали идти впередъ, а что именно нужно дѣлать, это остается въ туманѣ. Хорошо еще, когда это кончается только безплоднымъ топтаніемъ на мѣстѣ; но нерѣдко, вслѣдствіе этого преобразовательнаго зуда, происходитъ ломка учрежденій или принимаются обрывки мѣръ, съ которыми потомъ не знаютъ что дѣлать. Чѣмъ далѣе развивается демократія, чѣмъ болѣе она пріобрѣтаетъ прочности и увѣренности въ себѣ, тѣмъ съ большею силой обнаруживаются эти стремленія. Поэтому, лучшія времена демократіи всегда первыя, когда, восторжествовавъ надъ своими противниками, она не успѣла еще свергнуть съ себя иго старыхъ преданій и волею или неволею движется еще по пробитой колеѣ. Какъ скоро она изъ нея вышла, она неудержимо клонится къ упадку.

Еще въ худшемъ положеніи, нежели законодательная дѣятельность, находится, въ-восьмыхъ, правительственная власть при такомъ непостоянномъ, своевольномъ и мало просвѣщенномъ владыкѣ. Стоя во

главѣ государства, призванное руководить обществомъ, демократическое правительство становится, между тѣмъ, чистымъ игралищемъ партій. Своимъ минутнымъ обладаніемъ власти оно пользуется не для достиженія какихъ либо отдаленныхъ цѣлей, не для удовлетворенія прочныхъ потребностей государства, которыя выходятъ изъ предѣловъ его мимолетнаго существованія, а главнымъ образомъ для доставленія выгодъ своимъ приверженцамъ. Оно является слабымъ относительно массы и произвольнымъ относительно соперниковъ. Власть, состоящая въ полной зависимости отъ большинства, не смѣетъ ему противорѣчить. Поэтому народъ можетъ безнаказанно позволить себѣ всякое нарушеніе закона; толпа беретъ и судъ и наказаніе въ свои руки. Сѣверная Америка представляетъ тому живые примѣры. Вообще, нѣтъ полиціи хуже полиціи демократической. Частныя лица не ограждены отъ нападеній; они сами должны защищать себя, какъ знаютъ. Но безсильная относительно толпы, таже правительственная власть можетъ дойти до самаго страшнаго деспотизма въ отношеніи къ меньшинству. Зная за собою поддержку массы, она ничего не боится, а народъ всегда готовъ идти за вождемъ, который выступаетъ защитникомъ его интересовъ. Отсюда диктатура демагоговъ, которая можетъ обратиться въ настоящую тираннію, если диктаторъ успѣетъ захватить военную власть въ свои руки и направить ее въ свою пользу. Но черезъ это демократія падаетъ и переходитъ въ другой образъ правленія.

Изъ всего этого ясно, что демократію ни въ какомъ случаѣ нельзя считать идеаломъ человѣческаго общежитія. Тѣмъ не менѣе, она не можетъ быть безусловно осуждена. Выгоды ея велики, и весь вопросъ заключается въ томъ, которая изъ двухъ ея сторонъ перевѣшиваетъ, свѣтлая или темная. Здѣсь, также какъ въ аристократіи, это зависитъ прежде всего отъ состоянія общества и отъ свойствъ правящихъ классовъ. Необузданная демократія, не знающая сдержекъ и преувеличивающая свое начало, безспорно составляетъ одинъ изъ худшихъ образовъ правленія. Но умѣренная демократія, уважающая свободу, которая составляетъ самое ея основаніе, и дающая просторъ всѣмъ разнообразнымъ стремленіямъ общества, можетъ быть весьма хорошею политическою формой, способною удовлетворять самымъ высокимъ потребностямъ человѣка, какъ доказали Аѳины во времена Перикла. Есть общества, въ которыхъ иное правленіе даже немыслимо. Въ небольшихъ государствахъ, при однородномъ составѣ, при большей или меньшей простотѣ жизни и мало развитыхъ потребностяхъ, демократія составляетъ естественную форму, въ которую вливается общественная жизнь. Тоже самое можно сказать и о большихъ го-

сударствахъ, которыя образуются союзомъ такого рода малыхъ, особенно если естественныя условія, доставляя обезпеченіе массѣ и широкій просторъ для дѣятельности каждаго, не ведутъ къ противоположности и борьбѣ классовъ. Таково положеніе Соединенныхъ Штатовъ. Монархическое начало не имѣетъ здѣсь ни преданій, ни почвы. Трудно даже себѣ представить, чтобы Сѣверо-Американскій Союзъ когда-либо обратился въ монархію. Наконецъ и тамъ, гдѣ исторія всѣмъ своимъ ходомъ вела къ установленію демократіи, гдѣ, какъ во Франціи, этому всего болѣе содѣйствовали крупныя ошибки слѣдовавшихъ другъ за другомъ монархій, которыя сами подрывали свое существованіе, и еще болѣе аристократіи, которая въ непостижимомъ ослѣпленіи связала судьбу свою съ отжившимъ порядкомъ вещей, гдѣ все прошлое было вырвано съ корнемъ и надобно было новое общественное зданіе воздвигать снизу, начиная съ основанія, тамъ приходится мириться съ демократическимъ правленіемъ, какъ съ единственнымъ возможнымъ при существующихъ условіяхъ, памятуя, что образы правленія имѣютъ значеніе не абсолютное, а относительное, и что существующій имѣетъ за себя уже то громадное преимущество, что онъ оставляетъ законъ страны и что ниспровергнуть его можно только переворотомъ, менѣе всего желаннымъ съ точки зрѣнія охранительныхъ интересовъ. Когда демократія установилась, здравая политика заключается въ томъ, чтобы дать ей правильный ходъ, воспользовавшись ея выгодами и умѣряя ея недостатки. Обязанность каждаго добраго гражданина, въ особенности консерватора, содѣйствовать этому по мѣрѣ силъ, а не стараться тайными и явными кознями ниспровергнуть существующій порядокъ вещей во имя чисто теоретическихъ убѣжденій. Такой способъ дѣйствія можетъ служить лишь прикрытіемъ личнаго честолюбія.

Какова должна быть истинная политика демократіи, при какихъ условіяхъ она упрочивается и какія средства ведутъ къ этой цѣли, это ясно изъ предыдущаго. Различныя формы этого правленія требуютъ однако отдѣльнаго изученія. Мы знаемъ, что демократія раздѣляется на непосредственную и представительную. Первая принадлежитъ древнему міру, вторая новому.

Всѣ выгоды и невыгоды демократіи проявляются самымъ яркимъ образомъ въ демократіи непосредственной. Тамъ, гдѣ каждый гражданинъ своимъ лицемъ участвуетъ въ общихъ рѣшеніяхъ, тамъ онъ безспорно имѣетъ наибольшую возможность отстоять свои права и свои интересы; тамъ водворяется наибольшая политическая свобода, происходитъ наибольшій подъемъ народныхъ силъ и возвышеніе уровня массы; тамъ наименѣе возможно господство исключительныхъ ин-

тересовъ высшихъ классовъ и установленіе правительства, не соотвѣтствующаго требованіямъ народа. Но зато здѣсь дѣла рѣшаются наименѣе способными лицами, господствуетъ наибольшее легкомысліе и открывается самый широкій просторъ деспотизму толпы. Кромѣ того, непосредственная демократія требуетъ совершенно исключительныхъ условій существованія. Она возможна только въ весьма небольшихъ размѣрахъ. Надобно, чтобы всѣ граждане имѣли возможность сойтись въ одномъ собраніи; слѣдовательно, число ихъ не должно превышать того, что можетъ содержать одна площадь. Надобно, чтобъ и область не была обширная, такъ чтобы всѣ могли безъ труда являться въ собраніе. Однимъ словомъ, непосредственная демократія возможна лишь въ предѣлахъ общины съ небольшою, окружающею ее территоріей.

Другое условіе состоитъ въ томъ, чтобы граждане могли постоянно посвящать себя государственнымъ дѣламъ и чтобъ эти дѣла были имъ доступны, а это возможно въ одномъ изъ двухъ случаевъ: 1) когда жизнь весьма несложна и не требуетъ постояннаго дѣйствія верховной власти. Здѣсь каждый можетъ заниматься своими частными дѣлами, а изрѣдка всѣ собираются для общаго совѣщанія и обсуждаютъ вопросы доступные всѣмъ. Обыкновенное же веденіе дѣлъ предоставляется выборнымъ исполнителямъ. Такъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи. Это—первобытная форма общинной жизни, которая однако вовсе не приходится высшему государственному развитію, требующему постояннаго дѣйствія власти. 2) Послѣднее становится возможнымъ, когда въ обществѣ есть многочисленное населеніе рабовъ, на которыхъ возлагается удовлетвореніе всѣхъ частныхъ потребностей. Тогда граждане имѣютъ достаточно досуга, чтобы заниматься государственными дѣлами, и достаточно матеріальнаго обезпеченія, чтобы достигнуть высшаго развитія и образованія. Таковы были классическія государства. Руссо, который считалъ непосредственную демократію единственнымъ правильнымъ образомъ правленія, приходилъ къ заключенію, что рабство составляетъ условіе свободы. Нельзя однако не замѣтить, что здѣсь демократія становится нѣкотораго рода аристократіей. Власть считается принадлежностью всѣхъ, единственно потому, что рабы исключаются изъ числа гражданъ.

Что касается до первой формы, то она не требуетъ особаго разсмотрѣнія, такъ какъ она въ развитіи политической жизни играетъ слишкомъ незначительную роль. Вторая же составляетъ характеристическую особенность древнихъ республикъ. Это было одно изъ самыхъ блестящихъ, но вмѣстѣ и скоропреходящихъ явленій исторіи.

Гражданинъ, обезпеченный въ матеріальныхъ средствахъ, могъ всецѣло жить для идеальныхъ цѣлей. Свобода вызывала всѣ народныя силы, а тѣсный кругъ политическаго организма воспитывалъ гражданъ въ идеяхъ стройности и порядка. Но древняя демократія страдала внутренними противорѣчіями, которыя неизбѣжно должны были вести ее къ разложенію. Она требовала отъ гражданъ постоянныхъ усилій, неусыпнаго вниманія къ общему дѣлу, а вмѣстѣ единства духа, нравовъ и направленій. Гражданинъ долженъ былъ весь жить для отечества, жертвовать ему всѣмъ; онъ не долженъ былъ имѣть личныхъ стремленій и интересовъ, которые разрозниваютъ людей и ставятъ общее благо на второй планъ. А между тѣмъ, свобода неизбѣжно ведетъ къ развитію личныхъ интересовъ, ибо она сама есть личное начало. Какъ скоро лицу предоставляется полный просторъ для его дѣятельности, такъ оно неудержимо стремится къ удовлетворенію всѣхъ присущихъ ему по природѣ потребностей. Въ аристократическихъ республикахъ господствуетъ законъ, сдерживающій личныя стремленія; здѣсь учрежденія имѣютъ въ виду не развитіе свободы, а охраненіе нравовъ. Въ демократіи, напротивъ, законъ ставится въ полную зависимость отъ воли гражданъ; свобода становится здѣсь высшимъ жизненнымъ началомъ, основаніемъ всего политическаго устройства, а потому здѣсь неизбѣженъ разгулъ личныхъ страстей и интересовъ. Чѣмъ менѣе они обращены на промышленныя цѣли, тѣмъ болѣе они разыгрываются въ области политической, а это—прямая гибель демократіи, которая держится только единствомъ общаго духа.

Къ этому присоединялось и другое противорѣчіе. Свобода вызываетъ всѣ народныя силы, а тѣсные предѣлы общины не даютъ имъ достаточнаго простора. Обезпеченный въ матеріальныхъ средствахъ, гражданинъ ищетъ удовлетворенія идеальныхъ стремленій, а въ узкой сферѣ общинныхъ интересовъ онъ этого удовлетворенія не находитъ. Отсюда естественное стремленіе демократіи къ расширенію. Свободныя силы ищутъ себѣ болѣе обширнаго поприща. Между тѣмъ, расширеніе предѣловъ опять гибельно для непосредственной демократіи. Управлять обширною территоріей и сложными отношеніями гораздо труднѣе, нежели ограничиваться тѣснымъ кругомъ общинныхъ дѣлъ. Далекія предпріятія требуютъ обдуманности плана, постоянства направленія, сосредоточенной власти, а все это несовмѣстно съ демократіей. Притомъ разнообразіе внѣшнихъ столкновеній рождаетъ внутри самого общества различіе стремленій и интересовъ; знакомство съ чужими землями водворяетъ новые нравы; честолюбію, корыстолюбію и любви къ роскоши открывается широкое поле;

въ общество входятъ новые элементы, которые измѣняютъ его составъ и нарушаютъ внутреннее единство, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, число первоначальныхъ гражданъ уменьшается вслѣдствіе постоянныхъ войнъ. Наконецъ, демократія, покоряющая себѣ другія племена или общины, становится въ положеніе владычествующей, то-есть, аристократической корпораціи, которая держитъ подчиненныхъ въ неравноправныхъ къ себѣ отношеніяхъ. Послѣдніе, въ свою очередь, ищутъ свободы и равенства; отсюда безпрерывныя столкновенія, которыя, при малыхъ силахъ владычествующей общины, дѣлаютъ положеніе демократіи весьма непрочнымъ. Чѣмъ болѣе она расширяется, тѣмъ болѣе она склоняется къ упадку.

При такихъ внутреннихъ противорѣчіяхъ, при неизбѣжномъ разнообразіи стремленій и интересовъ, непосредственная демократія сама не въ состояніи управлять государственными дѣлами. Она нуждается въ руководителѣ. Таковымъ можетъ быть не корпорація, представляющая аристократическій элементъ, несовмѣстный съ народными стремленіями, а единственно лице, понимающее потребности народа и облеченное полнымъ его довѣріемъ. Непосредственная демократія тогда только получаетъ возможность проявить всѣ свои силы и согласить свободу съ разумною дѣятельностью, когда она находитъ себѣ достойнаго вождя. Таковъ былъ въ Аѳинахъ Периклъ. Но тутъ демократіи угрожаетъ новая опасность. Лице, стоящее во главѣ государства, возвышенное надъ остальными, легко можетъ превратиться въ тирана. Самое его положеніе противорѣчитъ господствующимъ началамъ свободы и равенства. Еще хуже, когда выдающихся дѣятелей нѣсколько, и между ними возгарается личное соперничество. Тогда демократіи грозитъ гибель. Если даже эти лица остаются въ частной жизни, ихъ честолюбіе и вліяніе не перестаютъ дѣйствовать; они становятся тѣмъ опаснѣе для общаго дѣла. Отсюда необходимость удаленія выдающихся людей, возвышающихся надъ толпою. Греки съ этою цѣлью установляли остракизмъ. Но и остракизмъ можетъ сдѣлаться орудіемъ личной ненависти, не говоря о томъ, что онъ лишаетъ государство способнѣйшихъ гражданъ и налагаетъ на демократію клеймо неблагодарности. Въ Аѳинахъ лучшіе люди подвергались изгнанію: и Ѳемистоклъ, спаситель Греціи и основатель величія Аѳинъ, и праведный Аристидъ, и великодушный Кимонъ; побѣдитель Персовъ при Марафонѣ кончилъ свою жизнь въ темницѣ. Одинъ Периклъ умѣлъ избѣгнуть этой участи. Демагоги же, любимцы черни, никогда ей не подвергаются.

Изъ всего этого ясно, что объ упраздненіи подобной демократіи не можетъ быть рѣчи. Можно говорить только о средствахъ, которыя болѣе или менѣе задерживаютъ ея паденіе.

Къ учрежденіямъ, умѣряющимъ непостоянство народной воли, принадлежитъ, прежде всего, система задержекъ при обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ въ народномъ собраніи. Послѣднее представляетъ верховную власть; оно не терпитъ независимыхъ отъ себя органовъ. И Совѣтъ и исполнительная власть исходятъ отъ народа и ему подчиняются. Но весьма важно, чтобы представляемыя собранію дѣла подвергались, по крайней мѣрѣ, основательному предварительному обсужденію въ коллегіи опытныхъ и знающихъ людей. Если никакой законъ не можетъ пройти иначе какъ по предложенію выборнаго совѣта, то подобный порядокъ представляетъ уже значительное улучшеніе, приближающее непосредственную демократію къ представительной формѣ. Но если, наоборотъ, всякій членъ народнаго собранія можетъ въ каждую данную минуту сдѣлать предложеніе, которое обсуждается и рѣшается тутъ же, то нельзя ожидать никакого постоянства и обдуманности въ принимаемыхъ мѣрахъ. Весьма полезно и другое средство внести обдуманность въ законодательную дѣятельность. Это—существовавшее въ Аѳинахъ учрежденіе особенныхъ избиравшихся народомъ номоѳетовъ, передъ которыми всякій новый проектъ закона обсуждался въ видѣ тяжбы, при чемъ оффиціально назначались защитники стараго. Это опять переходъ къ представительству.

Въ высшей степени важно и отдѣленіе судебной власти отъ народнаго собранія. Толпа, увлекаемая страстью, менѣе всего способна быть судьею. Она неизбѣжно становится орудіемъ партій и интригъ, если не подкупа; любимцы же народа всегда имѣютъ возможность дѣйствовать безнаказанно: они знаютъ, что они будутъ оправданы. Судьи въ демократіи должны быть взяты изъ народа, но они должны составлять отдѣльную коллегію. Такова была аѳинская Геліэя.

Однако всѣ эти юридическія задержки тщетны, если нѣтъ сдержекъ нравственныхъ. Толпа, облеченная верховною властью, вольна отмѣнить всякій законъ и дѣйствовать по произволу. Надобно, чтобы духъ ея былъ таковъ, чтобъ она этого не дѣлала. Непосредственная демократія держится только нравственнымъ духомъ гражданъ. Самою сильною изъ нравственныхъ сдержекъ является религія, которая для массы всегда составляетъ не только высшую, но и единственную опору нравственныхъ началъ. Она содержитъ народъ въ добровольномъ подчиненіи высшимъ, неписаннымъ законамъ. Въ монархіи и аристократіи религія служитъ поддержкою власти; въ демократіи она сохраняетъ единство народнаго духа, уваженіе къ праву и нравственности; она воздерживаетъ честолюбивыя и корыстолюбивыя стремленія отдѣльныхъ лицъ. Поэтому упадокъ религіи неизбѣжно влечетъ за

собою упадокъ непосредственной демократіи. Въ Аѳинахъ демократія обречена была на погибель, какъ скоро атеистическая проповѣдь Софистовъ получила полный просторъ. Тоже можно сказать и о Римѣ.

Непосредственная демократія нуждается и въ матеріальныхъ условіяхъ существованія. Будучи основана на юридическомъ равенствѣ гражданъ, она требуетъ и большаго или меньшаго равенства общественнаго. Тамъ, гдѣ народъ раздѣляется на враждующіе другъ съ другомъ классы богатыхъ и бѣдныхъ, тамъ необходимое единство политическаго направленія невозможно. Противоположность интересовъ ведетъ къ борьбѣ, разрушительной для республики. Поэтому, въ непосредственной демократіи необходимо нѣкоторое уравненіе состояній, или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе крайностей богатства и нищеты. Къ этому ведутъ, съ одной стороны, законы, препятствующіе чрезмѣрному накопленію богатства въ однихъ рукахъ и въ особенности возложеніе государственныхъ тягостей на богатыхъ. Таково было значеніе греческихъ литургій. Онѣ противорѣчатъ началу справедливости, но составляютъ естественное порожденіе демократіи. Съ другой стороны, необходимо поддерживать обѣднѣвшихъ гражданъ. Это дѣлается или прямо раздачею хлѣба, какъ въ Римѣ (annona), или платою за участіе въ народномъ собраніи и въ судилищахъ, какъ было установлено въ Аѳинахъ: безъ такого вознагражденія, бѣднымъ, не имѣющимъ рабовъ, постоянное участіе въ политической дѣятельности становится почти невозможнымъ, или же они становятся кліентами богатыхъ, которые дѣлаютъ ихъ орудіями своихъ цѣлей. Но это поддержаніе массы изъ государственныхъ средствъ имѣетъ свои громадныя невыгоды, которыя опять ведутъ къ паденію демократіи. Оно порождаетъ толпу тунеядцевъ, которые видятъ въ политикѣ только средство пропитанія. Народъ развращается до корня; всякій общественный духъ въ немъ исчезаетъ. „Хлѣба и зрѣлищъ!“ таково было требованіе римской черни, обдеченной верховною властью. При такомъ порядкѣ система подкуповъ достигаетъ ужасающихъ размѣровъ; кто больше соритъ деньгами, тотъ и становится правителемъ или военачальникомъ. Или же полновластная толпа дѣлается орудіемъ демагоговъ, которые возбуждаютъ ее противъ высшихъ классовъ. Тогда водворяется система общественнаго грабежа, которая, въ свою очередь, возстановляетъ богатыхъ, принужденныхъ всѣми средствами отстаивать свое достояніе. Борьба обыкновенно кончается тѣмъ, что самый ловкій изъ демагоговъ становится тираномъ.

Наконецъ, здравая политика требуетъ, чтобы непосредственная демократія воздерживалась, по возможности, отъ внѣшнихъ предпріятій. Мы видѣли, что они ей не по силамъ. Успѣхъ ведетъ къ па-

губному самопревознесенію, къ развитію честолюбивыхъ стремленій и, наконецъ, къ разложенію народнаго духа; неудача же можетъ быть гибельна для правительства. Извѣстно, какимъ ударомъ была для аѳинской демократіи сицилійская экспедиція. Продолжать свое существованіе демократія можетъ только замыкаясь въ тѣсномъ кругу мѣстныхъ интересовъ. Но это опять имѣетъ свои невыгоды; такое обособленіе можетъ вести къ упадку силъ или къ еще болѣе опасной внутренней борьбѣ. Если духъ народный разъ возбужденъ, если событія вывели его на болѣе широкое историческое поприще, то ему невозможно уже коснѣть въ мелкой общинной средѣ. Возбужденныя силы требуютъ исхода; иначе онѣ истощаются во внутренней борьбѣ, ведущей къ гибели государства. Во всякомъ случаѣ, непосредственная демократія, которой суждено играть историческую роль, составляетъ мимолетное, хотя порою блестящее явленіе.

Представительное устройство значительно смягчаетъ невыгоды демократическаго правленія. Здѣсь масса народа ограничивается производствомъ выборовъ, а это гораздо болѣе ей по силамъ, нежели управленіе дѣлами. Выбираются люди болѣе или менѣе выходящіе изъ ряда, внушающіе къ себѣ наиболѣе довѣрія, слѣдовательно несомнѣнно болѣе способные, нежели масса. Они посвящаютъ себя политической дѣятельности, а не случайно ею занимаются. Обсужденіе и рѣшеніе дѣлъ происходитъ въ небольшомъ собраніи, которое, по своей малочисленности и по спеціальному призванію, дѣйствуетъ обдуманнѣе, постояннѣе и менѣе увлекается, нежели народная толпа. При такомъ устройствѣ возможно раздѣленіе властей, воздерживающихъ другъ друга, ибо верховная власть принадлежитъ здѣсь массѣ народа, изъ которой исходятъ всѣ другія власти; каждой изъ послѣднихъ вручается только часть верховнаго права. Наконецъ, представительная демократія можетъ быть установлена на большомъ пространствѣ и не требуетъ рабства для своего поддержанія.

Тѣмъ не менѣе, и представительная демократія не избѣгаетъ общихъ недостатковъ, присущихъ демократическому правленію. Если выборные люди, вообще, способнѣе массы, зато самая масса здѣсь менѣе способна, нежели въ непосредственной демократіи. Не принимая прямаго участія въ политическихъ дѣлахъ, она менѣе съ ними знакома; а между тѣмъ, выбирая людей, она должна судить о ихъ направленіи. Поэтому, она готова выбрать всякаго, кто льститъ ей или обѣщаетъ наиболѣе выгодъ. Обыкновенно выборы производятся организованными партіями, которыя сорятъ деньгами и не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобы завербовать мало смыслящихъ избирателей и такимъ образомъ провести своихъ кандидатовъ. Если нѣтъ

какого-либо сильнаго общественнаго возбужденія, влекущаго народъ въ извѣстную сторону, масса остается страдательнымъ орудіемъ въ рукахъ политикановъ, которые дѣйствуютъ во имя своихъ личныхъ цѣлей и выбираютъ, кого хотятъ; а когда есть общее увлеченіе, то имъ тѣмъ съ большею силой стараются воспользоваться вожаки для своей корысти.

При такихъ условіяхъ возможно, какъ уже указано выше, полное отстраненіе образованныхъ классовъ отъ политическаго поприща. Въ непосредственной демократіи каждый гражданинъ участвуетъ въ собраніи; онъ можетъ отстаивать свое мнѣніе и даже увлекать людей, которые не завербованы окончательно въ ту или другую партію. Здѣсь меньшинство составляетъ все-таки извѣстную силу. Въ собраніи же представителей оно можетъ совершенно исчезнуть. Люди приходятъ сюда съ заранѣе начертанною программой; вопросы обыкновенно рѣшены прежде преній, развѣ партіи такъ раздроблены или такъ уравновѣшены, что исходъ можетъ быть сомнителенъ, въ каковомъ случаѣ самое управленіе становится крайне шаткимъ. Къ тому же, собраніе представителей, облеченное только временною властью, менѣе въ себѣ увѣрено; оно старается угодить избирателямъ и легко поддается всякому внѣшнему давленію или нестройному говору общественнаго мнѣнія. Это порождаетъ шаткость рѣшеній, которая усиливается еще тѣмъ, что здѣсь постоянно дѣйствуютъ закулисныя интриги и случайныя сочетанія партій. Когда же извѣстное направленіе получило рѣшительное преобладаніе и чувствуетъ за собою толпу, выборное собраніе можетъ дѣйствовать несравненно болѣе деспотически, нежели самъ народъ: здѣсь власть болѣе сосредоточена, а потому имѣетъ болѣе энергіи и постоянства. Собраніе представителей становится владычествомъ замкнутой и организованной партіи, которая не знаетъ себѣ преградъ, потому что опирается на народныя массы. Французскій Конвентъ служитъ тому примѣромъ. Даже въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни соединеніе предводителей партій въ верховномъ собраніи ведетъ къ тому, что партійныя цѣли получаютъ здѣсь несравненно большую силу, нежели среди самихъ избирателей. Будучи избранниками партіи, преслѣдующей свои частныя цѣли, выборные люди перестаютъ быть истинными представителями народа и его интересовъ.

Отсюда то замѣчательное явленіе, что нерѣдко масса народа оказывается болѣе разумною и охранительною, нежели выборные ея представители. Это обнаруживается при такъ называемомъ *референдумъ*, когда прошедшіе черезъ собраніе законы представляются на утвержденіе народа. Въ Швейцаріи случалось не разъ, что радикальныя мѣры, принятыя обѣими палатами, отвергались большинствомъ

народа. Собранная во-едино, толпа легко поддается чужому вліянію и увлекается демагогами; но когда каждому приходится рѣшать своимъ умомъ, благоразуміе беретъ верхъ и масса отказывается идти за своими предводителями. Въ штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ измѣненіе основныхъ законовъ всегда подлежитъ утвержденію народа, въ конституцію нерѣдко вносятся всякаго рода законодательныя и даже административныя постановленія, съ цѣлью изъять ихъ отъ произвола выборныхъ собраній. Въ этомъ обнаруживается глубокое недовѣріе къ представителямъ, недовѣріе, которое оправдывается способомъ производства выборовъ: дѣятельною силой являются тутъ политиканы, которые ищутъ личной наживы и для которыхъ масса является только орудіемъ. При такихъ условіяхъ, референдумъ служитъ средствомъ оградить себя отъ мѣръ, противорѣчащихъ общему благу, и отъ безпрестанчиваго хищенія общественнаго достоянія.

Онъ имѣетъ и другое, высшее значеніе. Онъ служитъ сдержкою правящей власти, а въ демократіи система сдержекъ нужнѣе, нежели гдѣ-либо, ибо деспотизмъ большинства опаснѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ образѣ правленія. И тутъ, какъ и вездѣ, главное заблужденіе заключается въ преувеличеніи своего начала; здравая же политика состоитъ въ умѣреніи присущихъ ему недостатковъ предоставленіемъ достаточнаго простора другимъ элементамъ.

Также какъ въ непосредственной демократіи, сдержки могутъ быть двоякаго рода: юридическія и нравственныя; онѣ могутъ заключаться въ учрежденіяхъ или въ правахъ. Къ первымъ принадлежитъ союзное устройство государства. Оно всего болѣе приходится демократическому образу правленія. Мы видѣли, что непосредственная демократія возможна только въ предѣлахъ общины. Представительная допускаетъ гораздо большіе размѣры государства. Однако и здѣсь обширная область представляетъ значительныя затрудненія. Демократія требуетъ близкаго знакомства народа съ государственными вопросами и живаго къ нимъ интереса. Но чѣмъ обширнѣе область и многочисленнѣе народонаселеніе, тѣмъ меньше участіе каждаго въ верховной власти и тѣмъ дальше граждане отъ центра, гдѣ обсуждаются вопросы. Вслѣдствіе этого, въ большомъ государствѣ знакомство народа съ дѣлами и интересъ къ нимъ естественно слабѣютъ. Люди, у которыхъ политическіе вопросы не всегда передъ глазами, легко поддаются искушенію заняться своими частными дѣлами и возложить общественныя на правительство. А между тѣмъ, въ большомъ государствѣ интересы гораздо сложнѣе и значительнѣе, нежели въ маломъ; они требуютъ высшаго развитія въ народѣ. Къ тому же, центральная власть облечена здѣсь большею силой, а потому нуждается въ болѣе бдительномъ

контролѣ. Послѣднее обстоятельство представляетъ особенную опасность для демократіи. Въ небольшомъ государствѣ въ рукахъ правительства не сосредоточивается такая масса силъ; власть вездѣ встрѣчаетъ отпоръ и контроль. Въ обширномъ государствѣ, напротивъ, центральная власть, управляя всѣмъ, обладаетъ по необходимости несравненно бо́льшими средствами, а контроль со стороны народа гораздо менѣе дѣйствителенъ. Эти средства увеличиваются еще тамъ, гдѣ существуетъ сильная централизація и нужно держать большое войско. Тутъ народъ по имени облеченъ верховною властью, но вся дѣйствительная сила находится въ рукахъ представительнаго собранія или даже одного лица, которое, хотя избирается народомъ, но, обладая такими громадными средствами, легко можетъ дѣйствовать на самихъ избирателей, направлять выборы по своему произволу, наконецъ даже, нарушивъ законъ, безнаказанно удержать власть въ своихъ рукахъ. Искушенія здѣсь гораздо сильнѣе, нежели въ маломъ государствѣ, ибо чѣмъ значительнѣе положеніе, тѣмъ больше приманки для честолюбія. Всѣ эти опасности устраняются союзнымъ устройствомъ, которое, раздробляя власть, умаляетъ ея силу, полагаетъ ей твердыя границы и ставитъ ее подъ ближайшій контроль населенія. Центральная власть сдерживается мѣстными, а мѣстныя центральною. Въ отдѣльныхъ штатахъ установляется самая тѣсная связь между правительствомъ и народомъ; центральное же управленіе ограничивается дѣлами, касающимися всѣхъ, а потому доступными всѣмъ.

Къ тому же результату ведетъ и другое обстоятельство. Демократія требуетъ единства интересовъ въ самомъ обществѣ, ибо иначе нѣтъ единства направленія, нѣтъ общаго стремленія поддерживать власть всѣми силами, безъ чего демократія немыслима. Но чѣмъ обширнѣе область, тѣмъ разнообразнѣе интересы и тѣмъ болѣе расходятся стремленія. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ соединить въ общемъ направленіи нѣсколько десятковъ милліоновъ людей, разсѣянныхъ по обширному пространству. Союзное устройство и тутъ значительно уменьшаетъ препятствія. Разнообразіе мѣстныхъ интересовъ находитъ соотвѣтственные центры въ отдѣльныхъ штатахъ; общему же союзу предоставляются только совокупныя дѣла. Этимъ предупреждается деспотическое преобладаніе одного интереса надъ другими; каждый, ограничиваясь своею мѣстною сферой, имѣетъ возможность отстоять свою независимость. Однако и тутъ противоположность интересовъ, когда она достигаетъ крайнихъ предѣловъ, можетъ вести къ разрыву, о чемъ свидѣтельствуютъ Сѣверо-Американскіе Штаты и Зондербундъ. Но самая возможность защиты со стороны меньшинства доказываетъ, что тутъ есть сдержки, которыя преодолѣть не всегда легко; для этого

требуется напряженіе всѣхъ силъ, и въ результатѣ все-таки сохраняется относительная самостоятельность отдѣльныхъ мѣстностей.

Кромѣ союзнаго устройства, важнѣйшею сдержкой въ демократіи служитъ раздѣленіе властей. Въ единичномъ государствѣ, гдѣ союзное устройство неприложимо, оно имѣетъ первенствующее значеніе. Сосредоточенная власть, съ одной стороны, усиливаетъ деспотизмъ толпы, съ другой стороны, грозитъ опасностью демократіи, создавая значительную силу внѣ народа. Но устройство раздѣленныхъ властей можетъ быть различно.

Относительно законодательной власти, которой въ демократіи принадлежитъ первенство, существеннѣйшею гарантіей свободы служитъ учрежденіе двухъ палатъ. Единое собраніе неудержимо стремится къ произволу. Оно можетъ быть орудіемъ борьбы, но не органомъ правильной государственной жизни. Типомъ такого учрежденія былъ во Франціи Конвентъ. Французская республика 1848 года думала усилить законодательную власть, противопоставивъ выборному народомъ президенту единое собраніе. Но это повело лишь къ безвыходной борьбѣ и къ государственному перевороту, который разомъ покончилъ съ представительствомъ. Уроки исторіи заставили признать необходимость двухъ палатъ. Но устройство верхней представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Оба собранія исходятъ изъ той же массы народа, которая является здѣсь верховнымъ и единственнымъ источникомъ всякой власти; а между тѣмъ, верхняя палата не должна быть только повтореніемъ нижней: она должна имѣть свой характеръ, по преимуществу охранительный, сдерживающій увлеченія демократическаго представительства. Въ союзномъ устройствѣ эта цѣль достигается тѣмъ, что верхняя палата, или сенатъ, является представителемъ отдѣльныхъ штатовъ и выбирается ихъ законодательными собраніями, а нижняя представляетъ народъ въ его совокупности, пропорціонально населенію. Въ единичномъ государствѣ, въ тѣхъ же видахъ, для верхней палаты вводится болѣе сложная система выборовъ, преимущественно въ двухъ ступеняхъ; установляются болѣе продолжительные сроки и обновленіе по частямъ, что способствуетъ непрерывности политическаго духа. Во всякомъ случаѣ важно, чтобы республиканскій сенатъ пользовался должнымъ авторитетомъ. Если иниціатива и главное направленіе исходятъ отъ нижней палаты, ближе стоящей къ народной массѣ, какъ источнику власти, то сенатъ долженъ играть роль существенной, а не мнимой только сдержки. Въ этомъ заключается первый залогъ прочности и правильнаго развитія демократіи. Только радикальное легкомысліе можетъ стремиться къ уничтоженію сената, или къ ослабленію его власти.

Отъ законодательной власти отдѣляется правительственная. Относительно ея устройства возникаютъ два вопроса: лучше ли вручить ее одному или нѣсколькимъ? и должна ли она быть избираема народомъ или собраніемъ представителей?

Коллегіальная власть, по существу своему, слабѣе единоличной. Здѣсь нѣтъ единства воли и направленія, какое существуетъ въ отдѣльномъ лицѣ. Производство дѣлъ здѣсь медленнѣе, рѣшенія болѣе шатки, отвѣтственность меньше, исполненіе слабѣе. Въ аристократической коллегіи единство сохраняется силою корпоративнаго духа; въ демократіи коллегія составляется болѣе или менѣе случайно, изъ людей, которые часто только мѣшаютъ другъ другу. Отсюда внутренніе раздоры, которые могутъ вести даже къ насильственнымъ переворотамъ. Примѣромъ можетъ служить французская Директорія. Если же правящая коллегія составляется изъ единомышленниковъ, то взаимная поддержка въ одностороннемъ направленіи, при меньшей отвѣтственности каждаго, можетъ значительно усилить деспотическое дѣйствіе власти. Таковъ былъ во времена Конвента Комитетъ Общественнаго Спасенія, который служилъ только прикрытіемъ безграничнаго деспотизма Робеспьера. Въ небольшихъ государствахъ, гдѣ управленіе несложно, коллегія, сдержанная представительными собраніями въ должныхъ предѣлахъ, не приноситъ существеннаго вреда и можетъ быть даже совершенно умѣстна: таково положеніе въ Швейцаріи. Но при обширномъ и сложномъ управленіи, гдѣ приходится имѣть дѣло и съ важными внѣшними отношеніями, коллегія можетъ оказаться совершенно несостоятельною.

Коллегіальное устройство устраняется, когда выборъ правительственной власти предоставляется всему народу. Всеобщимъ голосованіемъ можетъ избираться только одно лице, стоящее во главѣ правленія, а другое лишь въ качествѣ замѣстителя. Избраніе же нѣсколькихъ лицъ, облеченныхъ совокупною властью, кромѣ чрезмѣрной сложности процедуры, давало бы слишкомъ большое значеніе отдѣльнымъ лицамъ и разрушило бы необходимое единство управленія. Поэтому, вопросъ о способѣ выбора, народомъ или совокупностью обѣихъ палатъ, возникаетъ лишь тамъ, гдѣ во главѣ правленія стоитъ президентъ. Всенародный выборъ имѣетъ ту значительную выгоду, что правительственная власть совершенно отдѣляется отъ законодательной, а потому не только можетъ служить самою сильною сдержкой послѣдней, но, будучи независима отъ случайнаго сочетанія партій въ представительномъ собраніи, можетъ пріобрѣсти гораздо бо́льшую устойчивость и прочность въ теченіи всего срока, на который производятся выборы. Но, съ другой стороны, здѣсь открывается возможность

раздоровъ между президентомъ и собраніемъ, а это ведетъ къ ослабленію власти и къ внутреннему разладу. Въ союзномъ государствѣ, находящемся въ уединенномъ положеніи, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты, такой временный разладъ не имѣетъ существеннаго значенія; но въ централизованной странѣ, окруженной могучими сосѣдями, онъ можетъ быть гибельнымъ. Къ этому присоединяется и то, что лице, имѣющее въ рукахъ всѣ правительственныя силы и облеченное довѣріемъ народа, можетъ употребить власть свою во зло. При такихъ условіяхъ, раздоры между президентомъ и собраніемъ легко могутъ привести къ государственному перевороту, чему примѣръ представила Франція въ 1851 году. Поэтому, для демократіи гораздо безопаснѣе поставить во главѣ правленія лице, избираемое обѣими палатами. Но это имѣетъ свои существенныя невыгоды: власть, зависимая отъ палатъ, лишается всякаго самостоятельнаго значенія. Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей является парламентское правленіе, то-есть, назначеніе министерства изъ большинства палатъ. Но тогда президентъ, лишенный всякаго самостоятельнаго права, остается чисто страдательнымъ лицемъ, которое служитъ только для внѣшняго представительства. Такимъ образомъ, правительственная власть въ демократіи оказывается или слишкомъ сильной или слишкомъ слабой. Это—неизбѣжный недостатокъ, присущій этому образу правленія.

Чѣмъ меньшею самостоятельностью обладаетъ правительственная власть, тѣмъ, напротивъ, независимѣе должна быть власть судебная. Она представляетъ главную гарантію противъ деспотизма большинства. Поэтому, всякое посягательство на независимость судебной власти составляетъ въ демократіи величайшее зло. Въ особенности избраніе судей народомъ превращаетъ ихъ въ чистыя орудія партій. Такой способъ назначенія умѣстенъ только тамъ, гдѣ отношеніе партій не составляетъ главной движущей пружины всей политической жизни. Необходимое въ демократіи участіе народа въ судѣ можетъ происходить лишь въ такой формѣ, которая устраняетъ всякія партійныя козни и комбинаціи. Таковымъ является судъ присяжныхъ, который въ демократическомъ государствѣ можетъ получить самые широкіе размѣры. Онъ служитъ не только гарантіею права, но и школою для гражданъ, призываемыхъ къ постоянному участію въ общественныхъ дѣлахъ.

Кромѣ юридическихъ сдержекъ, въ представительной демократіи, также какъ и въ непосредственной, необходимы сдержки нравственныя. Послѣднія даже важнѣе первыхъ, ибо и тутъ все держится общимъ духомъ народа, его умѣніемъ управлять собою безъ всякаго внѣшняго контроля. И тутъ весьма важную роль играетъ религія.

Токвиль сильно настаиваетъ на томъ значеніи, которое она имѣетъ въ американскомъ обществѣ. Надобно однако замѣтить, что католицизмъ гораздо менѣе приходится демократическому строю, нежели протестантизмъ. Основанный на началѣ абсолютной власти и безпрекословнаго повиновенія, считая терпимость, свободу и равенство началами революціонными, онъ является естественнымъ врагомъ основаннаго на нихъ порядка вещей, тогда какъ личное начало, составляющее самый корень протестантизма, есть вмѣстѣ и основное начало демократіи. Религіозный духъ, воспитавшій сѣверо-американскихъ гражданъ, есть духъ протестантскій. Кинѐ видѣлъ главную причину неудачи Французской Революціи въ томъ, что господствующая во Франціи религія была католическая. И въ наши дни, борьба съ враждебнымъ настроеніемъ католической церкви и ея приверженцевъ составляетъ одно изъ главныхъ препятствій прочному утвержденію французской демократіи. Здравая политика требуетъ умѣренности съ обѣихъ сторонъ. Церковь, имѣющая въ виду не мірскія, а небесныя блага, не можетъ связывать судьбу свою съ какимъ бы то ни было образомъ правленія; она стоитъ выше всякихъ политическихъ бореній. Это призналъ самъ нынѣшній глава католицизма. А съ другой стороны, для демократіи нѣтъ большей опасности, какъ возбужденіе противъ себя религіознаго чувства, имѣющаго самые глубокіе корни въ душѣ человѣческой. Не бороться съ католической церковью, а примирить ее съ собою широкою терпимостью, такова должна быть истинная цѣль демократическаго правленія. Но какъ бы далеко ни простиралась эта терпимость, противоположность началъ остается въ своей силѣ. Католицизмъ не можетъ въ свѣтской области сочувствовать тѣмъ началамъ, которыя онъ проклинаетъ въ области церковной. Опорою демократіи онъ никогда не можетъ быть. Поэтому, упроченіе демократіи въ католической странѣ всегда будетъ встрѣчать самыя сильныя препятствія. Но бороться съ ними можно только умѣренностью, а не силою, которая въ этой области не только не достигаетъ цѣли, а, напротивъ, увеличиваетъ зло. Демократія, раздираемая религіозными партіями, осуждена на погибель.

Во Франціи эта нравственная сдержка замѣняется опасностью, которая постоянно грозитъ извнѣ. Можно думать, что уроки послѣдней войны послужили самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для поддержанія во Французской республикѣ умѣреннаго направленія, которое одно въ состояніи упрочить демократію. Патріотизмъ въ значительной степени умѣряетъ раздоры и удерживаетъ отъ увлеченій. Если онъ мало дѣйствуетъ на крайнія партіи, если монархисты, въ особенности, не устыдились, въ виду занимавшей еще французскую территорію чуже-

странной арміи, изъ партійныхъ цѣлей низвергнуть правительство, возстановившее разгромленную Францію и заслужившее уваженіе всей Европы, то въ общемъ итогѣ умѣренное направленіе все-таки сохраняетъ перевѣсъ. Не смотря на постоянныя колебанія власти и на чудовищныя коалиціи правой и лѣвой, оно въ теченіи четверти вѣка удерживается во главѣ республиканскаго правительства. Лица смѣняются, но направленіе, въ сущности, остается тоже. Благодаря внѣшней опасности, здравый смыслъ преобладаетъ надъ радикальными стремленіями. Это и повело къ утвержденію республики. Не будь этой сдержки, внутренніе раздоры и увлеченія партій, при отсутствіи всякихъ твердыхъ началъ и руководящихъ личностей, скоро привели бы французскую демократію къ разложенію.

Нравственныя сдержки нужны въ особенности для того, чтобы владычество большинства не сдѣлалось способомъ обиранія богатыхъ бѣдными. Представительная демократія не требуетъ такого уравненія состояній, какъ непосредственная демократія. Будучи поставлена на болѣе широкой основѣ, она способна совмѣщать въ себѣ все разнообразіе общественныхъ положеній. Коренное начало демократіи, свобода, находитъ полное приложеніе въ экономической области. Однако и здѣсь борьба классовъ, богатыхъ и бѣдныхъ, когда она обостряется, неудержимо ведетъ демократію къ паденію. Какъ скоро законъ переставъ быть охраною общаго, равнаго для всѣхъ права и демократическая власть дѣлается орудіемъ ограбленія однихъ классовъ другими, такъ паденіе демократіи становится уже только дѣломъ времени. Поэтому нѣтъ вопроса, который требовалъ бы бо́льшаго вниманія и болѣе осторожнаго обращенія со стороны демократическихъ правителей, какъ именно этотъ. Въ этомъ отношеніи Франція находитъ великую опору въ началахъ, провозглашенныхъ Французскою Революціей, которая поставила демократическіе принципы свободы и равенства на настоящую почву.

Но однихъ нравственныхъ сдержекъ мало для предупрежденія печальныхъ послѣдствій борьбы классовъ. Нищенствующее и необразованное большинство всегда будетъ пользоваться предоставленною ему властью для того, чтобъ улучшить свои благосостояніе на счетъ богатыхъ и обратить государственныя средства въ свою пользу. Противодѣйствіе этому стремленію должно лежать въ самыхъ условіяхъ экономическаго быта. Оно заключается главнымъ образомъ въ развитіи среднихъ классовъ, которые, связывая высшихъ съ низшими, составляютъ настоящее ядро всякой здоровой демократіи. Развитіе же среднихъ классовъ сопряжено, прежде всего, съ умноженіемъ движимаго капитала, который, разливаясь болѣе и болѣе въ массахъ и по

своему характеру способствуя безпрерывному передвиженію общественныхъ элементовъ, служитъ главнымъ связующимъ звеномъ экономическаго быта, а вмѣстѣ и опорою порядка, основаннаго на свободѣ и равенствѣ. Къ тому же ведетъ, съ другой стороны, развитіе мелкой личной поземельной собственности. Внушая человѣку привязанность къ землѣ, она даетъ демократическому строю незыблемыя основы и составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый крѣпкій оплотъ противъ соціалистической пропаганды. Во Франціи всѣ усилія соціалистовъ разбиваются о сопротивленіе созданнаго Революціей класса мелкихъ поземельныхъ собственниковъ. Поэтому, здравая экономическая политика демократіи должна состоять въ содѣйствіи всему, что ведетъ къ разлитію движимой и недвижимой собственности въ массахъ, и въ противодѣйствіи всему, что ведетъ къ колебанію этого начала. Отъ этого зависитъ вся ея будущность.

Изъ сказаннаго ясно, каковы должны быть орудія и способы дѣйствія демократіи.

Демократическое государство, стоящее посреди другихъ и участвующее въ историческомъ движеніи, естественно нуждается въ войскѣ. Какъ уже замѣчено, вербованными войсками могутъ довольствоваться только государства уединенныя или нейтральныя. Но съ демократіей несовмѣстна постоянная армія, выдѣленная изъ народа и образующая какъ бы особое сословіе. Ею всегда можно воспользоваться для подавленія народной свободы. Истинно демократическое войско есть всенародное ополченіе. Здѣсь войско и народъ составляютъ одно; въ нихъ господствуетъ одинъ духъ, а потому первое не можетъ грозить опасностью послѣднему. Такой именно характеръ носятъ всѣ современныя европейскія войска. Всеобщая повинность, при краткости срока службы, дѣлаетъ то, что почти все народонаселеніе, въ лѣтахъ мужества, находится или подъ оружіемъ или въ запасѣ. Это имѣетъ свои весьма невыгодныя стороны. Такой порядокъ, особенно когда, вслѣдствіе взаимнаго соперничества державъ, силы напрягаются до крайности, ложится тяжелымъ бременемъ на народъ. Но, для демократіи въ особенности, онъ имѣетъ и весьма существенныя выгоды: онъ пріучаетъ народъ къ дисциплинѣ, къ подчиненію, къ уваженію авторитета, а это — качества, которыя болѣе всего нужны именно тамъ, гдѣ свободѣ предоставляется полный просторъ, гдѣ она составляетъ краеугольный камень всего политическаго зданія. Свобода тогда только способна служить основой общественнаго порядка, когда она умѣетъ себя сдерживать и признаетъ надъ собою высшія, руководящія начала, а этому она учится въ войскѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ чрезмѣрномъ развитіи военныхъ силъ для демокра-

тіи кроется опасность. Пока нѣтъ войны, всенародное ополченіе служитъ только школою дисциплины; противъ революціоннаго меньшинства оно представляетъ самый надежный оплотъ. Но усиленныя ополченія рано или поздно разрѣшаются войной, а для демократіи нѣтъ ничего опаснѣе войны. Здѣсь требуется сосредоточеніе власти, стѣсняющее свободу; выдвигаются крупные военные таланты, которые привязываютъ къ себѣ солдатъ. Счастливый полководецъ легко можетъ сдѣлаться властителемъ государства. Однако и въ этомъ случаѣ народное войско труднѣе сдѣлать орудіемъ для подавленія народныхъ правъ, нежели всякое другое ополченіе. Для этого надобно, чтобы самъ народъ, который съ войскомъ составляетъ одно, наскучивъ своеволіемъ или увлеченный военною славой, палъ къ ногамъ побѣдоноснаго военачальника. Но при такомъ настроеніи демократія сама по себѣ не можетъ держаться.

Другое, столь же важное орудіе демократическаго правленія есть бюрократія. Повидимому, нѣтъ ничего болѣе противорѣчащаго демократическому духу, какъ бюрократическій характеръ управленія. Такъ какъ основное начало демократіи есть свобода, то все здѣсь должно исходить снизу; администрація должна покоиться на самой широкой системѣ мѣстнаго самоуправленія. Въ значительной степени это справедливо, но именно недостатки этого устройства здѣсь, болѣе нежели гдѣ либо, требуютъ восполненія. Мѣстное самоуправленіе всего лучше дѣйствуетъ тамъ, гдѣ оно не имѣетъ политическаго значенія и гдѣ, поэтому, нѣтъ рѣзкой борьбы партій, особенно вредной въ тѣсномъ кругу. Въ демократіи же весь политическій строй на этомъ зиждется; поэтому, мѣстное самоуправленіе неизбѣжно становится поприщемъ раздоровъ, а при полной безконтрольности орудіемъ хищенія. Достаточно указать на сѣверо-американскіе города. Когда же и общее государственное управленіе слѣдуетъ той же системѣ, когда и оно, какъ въ Сѣверной Америкѣ, становится предметомъ хищенія для торжествующей партіи, то зло достигаетъ величайшихъ размѣровъ. Сдержкою въ этой области можетъ служить только существованіе прочной, организованной бюрократіи, привыкшей къ веденію дѣлъ и остающейся на своихъ мѣстахъ при смѣнѣ партій. Она одна способна обезпечить въ государствѣ твердость административнаго порядка и оградить управленіе отъ беззастѣнчиваго вторженія частныхъ интересовъ. При всѣхъ присущихъ ей весьма крупныхъ недостаткахъ, которые отчасти уже упомянуты выше и о которыхъ мы подробно будемъ говорить ниже, приносимая ею въ этомъ отношеніи громадная польза дѣлаетъ ее необходимымъ восполненіемъ демократическаго самоуправленія. Поэтому, одна изъ главныхъ задачъ здравой демократической политики заклю-

чается въ томъ, чтобы дать ей прочность, оградить ее отъ произвола и обезпечить пополненіе ея образованными силами. Чѣмъ менѣе устойчива владычествующая масса, тѣмъ устойчивѣе должны быть сдерживающіе ее элементы.

Тѣми же соображеніями опредѣляются и способы дѣйствія демократіи. Они сводятся къ основному правилу, приложимому ко всѣмъ образамъ правленія: нужна сила въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и умѣренность въ обычномъ теченіи жизни. Но здѣсь сила легко становится чрезмѣрною, а умѣренность съ трудомъ соблюдается. Необразованная масса менѣе всѣхъ способна руководиться разумными правилами, а потому демократія болѣе всѣхъ другихъ образовъ правленія склонна преувеличивать свое начало и увлекаться минутными порывами. Нѣтъ силы страшнѣе той, которую проявляетъ возбужденная толпа. Терроръ 1793 года и ужасы парижской Коммуны служатъ тому свидѣтельствомъ. Если первый вызванъ былъ внѣшними и внутренними опасностями, противъ которыхъ революціонному правительству приходилось бороться всѣми средствами, то послѣдняя не имѣла никакого оправданія. Война была кончена, миръ заключенъ; власть находились въ рукахъ собранія, вышедшаго изъ всеобщаго выбора Франціи; во главѣ правленія стоялъ государственный человѣкъ съ выдающимися способностями, указанный самими избирателями, пользовавшійся довѣріемъ всей Европы. И въ ту минуту, когда насущная потребность отечества состояла въ общемъ умиротвореніи, чтобы дать вздохнуть разгромленной странѣ, разъяренная чернь, въ виду непріятеля, пятнала себя подвигами самаго безсмысленнаго разрушенія. И это не было минутною только вспышкой. Понынѣ представители этой самой черни, поддержанные всею соціалистическою партіей, въ самомъ представительномъ собраніи кричатъ: „да здравствуетъ Коммуна!“, тѣмъ самымъ доказывая, что духъ злобы и разрушенія составляетъ постоянное свойство толпы, населяющей центръ, который величаетъ себя самымъ просвѣщеннымъ городомъ въ мірѣ. Еслибы во Франціи не имѣли значительнаго перевѣса охранительные элементы провинціи, то французская демократія скоро бы истерзала себя въ кровавыхъ вакханаліяхъ. Но и при нынѣшнихъ условіяхъ, присутствіе въ столицѣ такого революціоннаго элемента, всегда готоваго на всякія неистовства, представляетъ величайшую опасность для государственнаго порядка. Конечно, демократическое правленіе заключаетъ въ себѣ нравственную силу, какою не обладаютъ другія правительства: представляя совокупность народа, оно можетъ энергически дѣйствовать во имя цѣлаго противъ возмутившейся части. Но когда меньшинство дерзко, беззастѣнчиво и одушевлено несокруши-

мымъ революціоннымъ духомъ, оно легко можетъ взять верхъ надъ умѣреннымъ большинствомъ, не имѣющимъ внутренней связи и всегда готовымъ на уступки. Это обнаружилось въ переговорахъ, предшествовавшихъ подавленію Коммуны. Твердость главы правленія положила конецъ всѣмъ этимъ попыткамъ; но будетъ ли тоже самое при другихъ обстоятельствахъ?

Свойственная демократіи склонность уступать революціоннымъ стремленіямъ составляетъ величайшую помѣху умѣренной политикѣ даже и въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ. Она поддерживается желаніемъ задобрить мало имущее большинство избирателей. Выдвигаются нравственныя цѣли, которыми прикрывается политика обиранія богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. Къ этому присоединяется и то важное обстоятельство, что, вообще, умѣренныя партіи, расплываясь въ массѣ, менѣе способны къ крѣпкой организаціи, нежели крайнія, обособляющіяся въ своихъ исключительныхъ требованіяхъ или преслѣдующія личные интересы. Смѣлое и крѣпко организованное меньшинство вынуждаетъ уступки, если не успѣваетъ захватить власть въ свои руки. Зло усиливается тамъ, гдѣ партіи, поднимающія знамя охранительныхъ началъ, являются врагами существующаго порядка, и тѣмъ заставляютъ умѣренныхъ демократовъ вступать въ союзъ съ радикалами. Таково именно положеніе Франціи. Всѣ уступки радикаламъ вызваны были образомъ дѣйствія монархической реакціи, которая заслуживаетъ самаго строгаго осужденія съ точки зрѣнія не только нравственныхъ требованій, но и здравой политики. И наоборотъ, нельзя отказать въ уваженіи умѣренной республиканской партіи, умѣвшей, среди борьбы страстей, сохранить не только свое преобладающее положеніе, но и образъ дѣйствій, чуждый партійныхъ цѣлей и способный вести къ общему умиротворенію. Конечно, этому, какъ уже замѣчено выше, значительно способствуютъ внѣшнее положеніе Франціи, опасность со стороны грознаго врага и потребность пріобрѣсти союзы и сохранить общее уваженіе европейскихъ державъ.

Предоставленная себѣ, свободная отъ внѣшнихъ опасностей, демократія едва ли заключаетъ въ себѣ залоги прочнаго существованія, а еще менѣе высшаго развитія. Не говоря о непосредственной демократіи, которая была мимолетнымъ явленіемъ классической древности, и которая въ новомъ мірѣ не имѣетъ почвы, самая представительная демократія естественно разлагается дѣйствіемъ внутреннихъ силъ, которымъ она не въ состояніи противопоставить прочныя преграды. Это обнаруживается въ исторіи той великой республики, которая служитъ главнымъ типомъ демократическаго развитія новаго времени. Безспорно, Америка временъ Вашингтона представляла высокій обра-

зецъ и нравственныхъ доблестей и гражданскаго порядка. Любовь къ общему дѣлу, при самомъ широкомъ развитіи свободы, была господствующею чертой сѣвероамериканскаго общества. Разумное, осторожное и практическое преобразованіе союзнаго устройства, послѣ того какъ первоначальная форма оказалась недостаточною, превосходитъ всякую похвалу. Это одна изъ величайшихъ страницъ въ политической исторіи народовъ. Но послѣдующее развитіе принесло не совершенствованіе, а скорѣе искаженіе установленнаго порядка. При громадномъ экономическомъ преуспѣяніи, въ государственный бытъ вкрадывались сѣмена разложенія. Времена Джаксона уже не похожи на времена Вашингтона. Однако, нравственные устои американской жизни стояли еще твердо. Безпристрастные наблюдатели, какъ Токвиль, указывая на недостатки демократическаго строя, могли съ любовью и удивленіемъ останавливаться на свѣтлыхъ его сторонахъ. Самымъ темнымъ пятномъ было невольничество, существовавшее въ южныхъ штатахъ. Какъ ни возмущалось противъ него общественное мнѣніе Сѣвера, политическія соображенія первостепенной важности, въ особенности опасеніе возбудить междоусобную войну, заставляли терпѣть эту язву. Но, наконецъ, нравственныя требованія взяли верхъ надъ всѣмъ остальнымъ. Послѣ страшной междоусобной войны, рабство Негровъ было уничтожено; лежавшее на обществѣ пятно было смыто. Но именно послѣ этого торжества нравственныхъ началъ, элементы разложенія проявились съ ужасающею силой. Разнузданные частные интересы вторглись во всѣ области государственной жизни. Весь государственный строй сдѣлался добычею политиковъ, для которыхъ общественная дѣятельность служитъ орудіемъ наживы. Самое беззастѣнчивое хищеніе общественныхъ средствъ нагло выставляется на показъ и пріобрѣтаетъ силу, противъ которой честные граждане тщетно стараются бороться. Денежные интересы и нескрываемый подкупъ господствуютъ въ самыхъ верховныхъ сферахъ Союза. Сравнивая изображеніе государственнаго и общественнаго быта Соединенныхъ Штатовъ у новѣйшаго его изслѣдователя, Брайса, съ картиною, которую чертилъ Токвиль въ тридцатыхъ годахъ, нельзя не придти въ ужасъ отъ той быстроты, съ которою совершился процессъ извращенія нѣкогда столь высоко стоявшаго государственнаго строя. Тщетно сочувствующій демократіи Брайсъ старается ослабить впечатлѣніе замѣчаніями, что въ послѣднее время какъ будто есть нѣкоторое улучшеніе. Такія оговорки, сами по себѣ ничего не значущія, падаютъ въ виду новѣйшихъ явленій. Разоряющая государство система пенсій мнимымъ участникамъ междоусобной войны, законъ, заставлявшій казну ежегодно скупать серебро по е-

имовѣрно высокой цѣнѣ для обогащенія владѣльцевъ серебряныхъ рудъ, нынѣшняя агитація въ пользу свободной чеканки серебра съ цѣлью уплаты долговъ фиктивною монетой, все это свидѣтельствуетъ объ исчезновеніи всякаго чувства не только общественной пользы, но и нравственнаго стыда. При такихъ условіяхъ, напрасно Брайсъ ссылается на неограниченное господство общественнаго мнѣнія, передъ которымъ будто бы все должно преклоняться. Самъ онъ признаетъ, что неорганизованное мнѣніе совершенно безсильно противъ организованной партіи, а твердую организацію имѣютъ только политиканы, которые и направляютъ выборы въ виду личныхъ цѣлей. Общественное настроеніе служитъ имъ только орудіемъ, посредствомъ котораго они играютъ на народныхъ страстяхъ и эксплуатируютъ ихъ въ свою пользу. При этомъ Брайсъ вовсе не коснулся нѣкоторыхъ изъ самыхъ темныхъ явленій американской жизни. Онъ какъ будто намѣренно оставилъ въ сторонѣ громадное вліяніе журналистики, не знающей ни юридическихъ, ни нравственныхъ сдержекъ, направленной, какъ и все американское общество, на пріобрѣтеніе денежныхъ выгодъ, расточающей лесть и клевету, роющейся грязными руками въ частной жизни каждаго общественнаго дѣятеля, извращающей всякое дѣло изъ партійныхъ цѣлей, доводящей шантажъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Онъ не раскрылъ и главной современной язвы Сѣверо-Американскаго Союза, состоянія южныхъ штатовъ, поставленныхъ въ совершенно невозможное положеніе вслѣдствіе междоусобной войны. Тамъ уравненіе правъ Негровъ съ бѣлыми повело сперва къ неслыханно безобразному хозяйничанью чернаго большинства, а затѣмъ, въ видѣ реакціи, къ системѣ насилій, подлоговъ и подкуповъ, которая одна позволяетъ бѣлому меньшинству сохранять свое преобладаніе. И ко всему этому присоединяется въ будущемъ еще бо́льшая опасность. Доселѣ, вслѣдствіе экономическихъ условій Сѣверной Америки, обилія земель и капиталовъ и рѣдкости населенія, соціализмъ не находилъ здѣсь почвы. Но въ новѣйшее время онъ значительно усиливается, а это грозитъ демократіи нескончаемыми раздорами и неисчислимыми бѣдствіями. Главная сила сѣверо-американской демократіи состояла и состоитъ въ изумительной самодѣятельности народа, для которой полная свобода составляетъ первое и необходимое условіе; соціализмъ же весь направленъ на подавленіе свободы и самодѣятельности и на замѣну ихъ дѣйствіемъ государства. Нѣтъ сомнѣнія, что именно въ американскомъ обществѣ онъ встрѣтитъ сильнѣйшій отпоръ, ибо нѣтъ направленія, которое было бы болѣе противно духу американскаго народа; но въ минуту экономическаго кризиса, когда лишенныя работы массы, не знающія никакихъ сдержекъ и стремящіяся

исключительно къ матеріальному удовлетворенію, возстанутъ съ грозными требованіями, что помѣшаетъ имъ захватить власть въ свои руки и сдѣлаться распорядителями судьбы государства? Демократія не заключаетъ въ себѣ силъ способныхъ противостоять натиску толпы. Даже въ мирное время, совершаемыя чернью своевольныя казни, именуемыя закономъ Линча, доказываютъ полное безсиліе власти въ минуты народнаго возбужденія. Если же опасность отъ разрушительныхъ стремленій соціализма заставитъ лучшую часть общества столпиться около власти и оказать ей могучую поддержку противъ собственныхъ согражданъ, то этимъ самымъ демократіи нанесенъ будетъ ударъ, отъ котораго она съ трудомъ въ состояніи будетъ оправиться. Именно демократическому правленію внутренніе раздоры всего опаснѣе.

Невозможно, конечно, предсказать исходъ подобной борьбы. Привычка Американцевъ къ безграничной самодѣятельности такъ глубоко вкоренилась въ ихъ нравы, ихъ умѣніе выйдти изъ самаго труднаго положенія и подниматься послѣ всякаго паденія такъ велико, что нѣтъ, повидимому, такихъ матеріальныхъ опасностей, которыхъ бы они не въ состояніи были преодолѣть. Труднѣе сказать, имѣютъ ли они достаточно духовныхъ силъ для возрожденія нравственнаго, а безъ этого будущность демократіи представляется весьма проблематической. Во всякомъ случаѣ, если есть народъ, къ которому демократія вполнѣ приходится и по естественнымъ условіямъ и по духу, понятіямъ, нравамъ, такъ это Сѣвероамериканцы. Идеаломъ человѣческаго общежитія демократія не можетъ быть по самому своему существу; но въ историческомъ развитіи человѣчества проявляются всѣ разнообразныя стороны и формы государственнаго быта, упрочиваясь тамъ, гдѣ онѣ находятъ подходящую почву. При одностороннемъ складѣ, высшее развитіе не достигается; но для человѣчества полезно существованіе обществъ, въ которыхъ въ полной мѣрѣ господствуютъ односторонніе демократическія начала: они могутъ служить поученіемъ и предостереженіемъ для другихъ. Такого рода правленія могутъ установляться и въ большихъ размѣрахъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ малыхъ, какъ въ Швейцаріи. Послѣднее совершается легче, ибо условія болѣе благопріятны; но первое болѣе поучительно, ибо на широкомъ поприщѣ демократія можетъ проявить всѣ свои силы.

Гдѣ этихъ условій нѣтъ, демократія можетъ составлять только преходящую ступень въ развитіи народа. И въ этомъ отношеніи она имѣетъ свои выгоды и невыгоды.

Когда новая сила выступаетъ на историческое поприще, полезно, чтобъ она выказала все, что она можетъ дать. Появленіе демократіи принесло человѣчеству ту прочную выгоду, что оно впервые обратило

общее вниманіе на положеніе и интересы низшихъ классовъ, которые дотолѣ оставались въ пренебреженіи. Полезно, чтобъ эти интересы всегда пользовались должною гарантіей. Съ этой точки зрѣнія, демократія всегда должна остаться существеннымъ элементомъ государственной жизни. Но самое обыкновенное въ исторіи явленіе состоитъ въ томъ, что появляющійся на сцену новый элементъ ростетъ и достигаетъ преобладанія, до тѣхъ поръ пока дальнѣйшимъ теченіемъ жизни не обнаружится его односторонность и онъ не будетъ введенъ въ должные предѣлы. А односторонность демократическаго правленія стала совершенно очевидною. Если приверженцы демократіи могли ожидать отъ ея торжества невѣдомыхъ доселѣ благъ для человѣчества, то они скоро должны были разубѣдиться въ своихъ чаяніяхъ. Во Франціи, послѣ революціи 1848 года, первымъ дѣломъ всенароднаго голосованія былъ выборъ претендента на престолъ въ президенты республики. Демократія сама кинулась въ объятія деспотизма. Можно было думать, что это произошло оттого, что она выступила на сцену внезапно, вовсе не подготовленная къ политической дѣятельности. И точно, въ настоящій, болѣе продолжительный періодъ ея существованія она проявила несравненно болѣе благоразумія. Но какихъ-либо новыхъ началъ политической жизни она все таки не принесла. Когда въ концѣ XVIII-го столѣтія, средніе классы выступили на политическое поприще, они принесли съ собою цѣлую политическую программу, новый міръ политическихъ идей, которымъ суждено было обновить человѣчество. Выдвинулись новые люди, съ блестящими дарованіями, которые заняли видное мѣсто на политической сценѣ. Низшіе классы, напротивъ, получивъ власть въ свои руки, не принесли ни новыхъ понятій, ни новыхъ силъ. Въ теоріи они пробавляются ученіями XVIII-го вѣка, которыхъ односторонность давно обличена и наукой и практикой. Новыми являются лишь безобразныя мечтанія соціалистовъ, которыя еще въ концѣ XVIII-го вѣка имѣли представителей въ Бабефѣ и его послѣдователяхъ, и которыя, развиваясь въ цѣлыя системы, обнаружили только полную свою несостоятельность. Людей низшіе слои также не выставили, да и не могли выставить, ибо въ общегражданскомъ порядкѣ всякій даровитый и образованный человѣкъ собственною силой возвышается на общественной лѣствицѣ и занимаетъ подобающее ему мѣсто. Тутъ нѣтъ юридическихъ преградъ, которыя бы стѣсняли и подавляли силы, рвущіяся на просторъ. Всѣ поприща открыты для всѣхъ, и низшіе слои не заключаютъ въ себѣ никакихъ невѣдомыхъ сокровищъ. Получивъ преобладаніе, они даютъ только поддержку тому, что ближе подходитъ къ ихъ уровню, то есть, полуобразованію. Осуществляется пред-

сказаніе Токвиля, что демократія есть господство посредственности. И чѣмъ долѣе она держится, чѣмъ прочнѣе она утверждается, тѣмъ болѣе выступаютъ наружу ея недостатки. Сѣверная Америка, какъ мы видѣли, представляетъ картину постепеннаго извращенія демократическаго строя. Тамъ же, гдѣ демократія, не будучи верховнымъ началомъ, является однако преобладающимъ элементомъ политической жизни, она ведетъ только къ искаженію парламентскаго правленія. Ей главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать то разочарованіе въ парламентскихъ учрежденіяхъ, которое нынѣ постигло многіе умы даже въ просвѣщенной Европѣ.

Изъ всего этого мы можемъ заключить, что, какъ историческое явленіе, демократія совершила свой круговоротъ и выказала все, что въ ней содержится. Нынѣшній вѣкъ былъ періодомъ ея роста; будущій, безъ сомнѣнія, представитъ намъ картину ея упадка.

Причины паденія демократіи могутъ быть внѣшнія и внутреннія. Первыя проистекаютъ изъ столкновеній съ другими державами. Выше было уже замѣчено, что войны опасны для демократіи. Несчастная война обнаруживаетъ ея слабость и рождаетъ потребность сосредоточить власть въ рукахъ единаго вождя. Успѣшная война ведетъ къ непомѣрному самопревознесенію и разнуздываетъ всѣ страсти. Не опасаясь внѣшняго врага, партіи начинаютъ раздирать другъ друга, пока счастливый полководецъ не положитъ конца внутреннимъ смутамъ и не наложитъ узды на своеволіе массы.

Внутреннія причины упадка всѣ сводятся къ устраненію сдержекъ, полагающихъ преграды своеволію или деспотизму большинства, а именно къ избавленію себя отъ всякихъ сдержекъ народное правленіе всего болѣе склонно. Демократія извращается и падаетъ: 1) когда ослабляется или уничтожается авторитетъ верхней палаты, имѣющей призваніе сдерживать увлеченія массы или непосредственныхъ ея представителей; 2) когда судебная власть теряетъ свою самостоятельность; 3) когда законъ перестаетъ быть одинъ для всѣхъ и установляются привилегіи для низшихъ классовъ, въ видѣ прогрессивнаго налога, изъятія отъ податей и т. п.; 4) когда борьба партій обостряется до такой степени, что сохраненіе внутренняго порядка становится затруднительнымъ; 5) когда деспотизмъ большинства, посягая и на внѣшнюю и на внутреннюю свободу человѣка, дѣлаетъ не только общественную, но и частную жизнь нестерпимою и тѣмъ подрываетъ самыя основы демократическаго правленія.

Послѣднія двѣ причины достигаютъ высшей степени напряженія съ распространеніемъ соціалистическихъ ученій. Нѣтъ общественнаго устройства, болѣе противорѣчащаго кореннымъ началамъ демократіи,

какъ то, о которомъ мечтаютъ соціалисты. Вся сущность и сила демократіи заключается въ свободѣ, а соціализмъ есть подавленіе всякой свободы и замѣна ея всеохватывающею дѣятельностью государства. Это деспотизмъ толпы, не знающій никакихъ границъ и подавляющій все, что есть святаго и независимаго въ человѣкѣ. Лице превращается въ чистое колесо громадной общественной машины. Подобный порядокъ вещей до такой степени противорѣчитъ всему существу и требованіямъ человѣческой природы, что полное его приложеніе къ жизни совершенно немыслимо. Именно поэтому стремленіе къ осуществленію такого общественнаго строя неизбѣжно производитъ въ обществѣ глубочайшій разладъ. Не только высшіе, но и средніе классы, все, что имѣетъ нѣкоторый достатокъ и образованіе, не могутъ не противиться всѣми силами ученіямъ, грозящимъ разрушить все ихъ благосостояніе, а вмѣстѣ и всякое разумное общежитіе; а чѣмъ больше сопротивленіе, тѣмъ больше, со другой стороны, ожесточеніе соціалистовъ. Они всѣми средствами разжигаютъ страсти невѣжественныхъ массъ, морочатъ ихъ теоріями, въ которыхъ онѣ ровно ничего не понимаютъ, вдыхаютъ въ нихъ зависть и ненависть къ высшимъ классамъ и ведутъ ихъ сомкнутыми полчищами на разрушеніе существующаго общественнаго порядка. Политическое право служитъ для нихъ только удобнымъ орудіемъ борьбы; истинная же цѣль, не скрываемая фанатическими послѣдователями этихъ ученій, состоитъ въ насильственномъ ниспроверженіи не только политическаго, но и всего общественнаго строя, во имя безобразнаго и неосуществимаго идеала, носящагося въ отуманенныхъ головахъ. Плодомъ этихъ стремленій могутъ быть только страшныя междоусобія, примѣры которыхъ мы видѣли въ Іюньскіе дни и во времена парижской Коммуны. При такихъ условіяхъ демократія, очевидно, не можетъ существовать. Самымъ опаснымъ ея врагомъ является соціализмъ, именно тѣмъ, что, доводя до крайности всѣ присущіе ей недостатки, онъ тѣмъ самымъ подрываетъ ея основы и обнаруживаетъ ея несостоятельность. Тамъ, гдѣ соціализмъ становится грозною силой, демократіи предстоитъ неизбѣжное и быстрое паденіе.

ГЛАВА V.

Смѣшанная республика.

Мы видѣли, что существенный недостатокъ, какъ чистой аристократіи, такъ и чистой демократіи, заключается въ отсутствіи сдержекъ, мѣшающихъ власти выходить изъ должныхъ предѣловъ и дѣлаться притѣснительною. Этотъ недостатокъ устраняется тамъ, гдѣ

обоимъ элементамъ дается участіе въ правленіи. Этимъ способомъ образуется смѣшанная республика. Она имѣетъ то значительное преимущество передъ аристократіей, что она не исключаетъ народа изъ правленія, слѣдовательно, интересы массы ограждены и притѣсненіямъ полагается преграда. Она имѣетъ то преимущество передъ демократіей, что она даетъ самостоятельную силу аристократическимъ элементамъ, слѣдовательно устраняетъ безграничное владычество массы, а вмѣстѣ и униженіе или ограбленіе высшихъ класовъ низшими. Наконецъ, она имѣетъ то преимущество передъ всякимъ чистымъ образомъ правленія, что тутъ установляется система сдержекъ и взаимный контроль властей. Тамъ, гдѣ верховная власть сосредоточивается въ однихъ рукахъ, чьи бы онѣ ни были, произволъ не встрѣчаетъ преградъ. Неограниченная власть можетъ измѣнять законы и прилагать ихъ по своему усмотрѣнію; тутъ нѣтъ ни контроля, ни сдержки. Поэтому всякій чистый образъ правленія, каковы бы ни были другія его выгоды, можетъ, по самому существу своему, превратиться въ деспотизмъ; а такъ какъ для власти нѣтъ бо́льшаго искушенія, какъ ея безграничность, то въ каждомъ изъ нихъ существуетъ эта наклонность. Въ смѣшанномъ правленіи, напротивъ, верховная власть раздѣлена; одна власть воздерживается другою, отъ нея независимою, слѣдовательно, каждая привыкаетъ къ умѣренности и законности, злоупотребленія становятся затруднительнѣе, однимъ словомъ, здѣсь владычествуетъ не произволъ, а законъ. Поэтому, раздѣленіе властей составляетъ первую и главную гарантію свободы гражданъ.

Оно имѣетъ и другія выгоды. При такомъ устройствѣ самыя рѣшенія гораздо обдуманнѣе и осмотрительнѣе; здѣсь необходимо принять въ соображеніе всѣ интересы, ибо отдѣльная власть не можетъ рѣшать общественныхъ дѣлъ по своему усмотрѣнію. Независимые другъ отъ друга органы принуждены совокупными силами искать наилучшаго рѣшенія; оно установляется вслѣдствіе сдѣлки между различными элементами. Сдѣлки же составляютъ первое условіе умѣренной политики; посредствомъ взаимныхъ сдѣлокъ и уступокъ каждый общественный интересъ получаетъ свое мѣсто и значеніе въ общемъ государственномъ строѣ.

Но эти весьма существенныя выгоды имѣютъ и свою оборотную сторону. Всякій смѣшанный образъ правленія страдаетъ кореннымъ недостаткомъ: здѣсь власть раздѣлена, а потому нѣтъ единства направленія; а гдѣ нѣтъ единства, тамъ легко возникаетъ борьба. Изъ этой дилеммы невозможно выйдти: сосредоточенная власть рождаетъ произволъ, раздѣленная власть рождаетъ борьбу. Отъ состоянія общества и отъ взаимнаго отношенія входящихъ въ составъ его эле-

ментовъ зависитъ, которое изъ этихъ двухъ золъ оказывается меньшимъ. Первая общественная потребность всегда состоитъ въ охраненіи порядка, для чего необходима сильная власть; борьба остается безвредною, только когда она не нарушаетъ порядка и не расшатываетъ общественныхъ основъ. Если независимыя власти способны дѣйствовать согласно, воздерживая другъ друга лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ выходятъ изъ должныхъ предѣловъ, то подобное сочетаніе порядка и свободы представляется наиболѣе желательнымъ; но для того, чтобы такое устройство могло правильно дѣйствовать, нужно много практическаго смысла и въ правительствѣ и въ народѣ Надобно, чтобы всѣ дѣятельные элементы общества привыкли къ самовоздержанію и чтобы противоположность интересовъ не была такая, которая бы вызывала непримиримую борьбу.

Эти условія рѣже всего встрѣчаются въ смѣшанныхъ республикахъ. Аристократія и демократія имѣютъ интересы прямо противоположные. Между ними происходитъ борьба не только за власть, но и за общественныя и частныя блага, которыя аристократія старается удержать въ своихъ рукахъ и которыя демократія, напротивъ, стремится распространить на всѣхъ. Отсюда столкновенія на каждомъ шагу, во всѣхъ жизненныхъ сферахъ. Здѣсь не власть противополагается власти, а одна часть народа противополагается другой, при чемъ частные интересы однихъ идутъ прямо въ разрѣзъ съ интересами другихъ. А между тѣмъ, здѣсь нѣтъ умѣряющаго элемента, который стоялъ бы между ними или надъ ними, воздерживая противоборствующія стремленія. Враждебные интересы стоятъ другъ противъ друга безъ всякаго посредствующаго звена. Смѣшанная республика есть ничто иное, какъ узаконеніе общественной борьбы. Въ такомъ положеніи напрасно ожидать воздержанія и умѣренности отъ обѣихъ сторонъ. Умѣренность и благоразуміе гораздо менѣе свойственны массамъ, нежели отдѣльнымъ лицамъ, стоящимъ во главѣ правленія. Сдѣлки легче могутъ состояться между властями, нежели между общественными стихіями, обращенными другъ противъ друга въ напряженномъ состояніи. И одною сдѣлкой не разрѣшается вопросъ. Столкновенія возобновляются на каждомъ шагу, а потому происходитъ безпрерывная борьба.

Можно сказать, что изъ всѣхъ образовъ правленія смѣшанная республика заключаетъ въ себѣ наименѣе условій прочнаго существованія. Однако, не смотря на все это, исторія показываетъ намъ примѣры смѣшанныхъ республикъ, которыя не только существовали очень долго, но и достигали высшей степени величія и славы. Въ этомъ отношеніи Римъ является неподражаемымъ образцомъ полити-

ческой мудрости для всѣхъ временъ и народовъ. Ясное сознаніе цѣлей и средствъ, обдуманность рѣшеній, неуклонное постоянство въ исполненіи задуманныхъ предпріятій, непоколебимая твердость въ величайшихъ опасностяхъ, полное единеніе противъ внѣшнихъ враговъ, не смотря на внутренніе раздоры, пламенная любовь къ отечеству, которому все приносилось въ жертву, привели къ тому, что маленькая община сдѣлалась властителемъ міра. Не даромъ Макіавелли видѣлъ въ Римлянахъ идеалъ политическаго поведенія. Изученіе ихъ исторіи показываетъ, при какихъ условіяхъ и какими средствами смѣшанныя республики держатся и ростутъ.

Важнымъ условіемъ является величина государства. Смѣшанныя республики скорѣе способны держаться на небольшой территоріи, нежели въ обширной странѣ. Противоположности легче сводятся къ единству, когда онѣ сосредоточены на одномъ мѣстѣ, нежели когда онѣ разсѣяны всюду. Тутъ элементы менѣе разнообразны, возможнѣе сдѣлки и соглашенія; близкое знакомство людей другъ съ другомъ и постоянное общеніе интересовъ сдерживаютъ сословную вражду. Наконецъ, при внутренней борьбѣ малому государству грозить меньшая опасность распаденія, нежели большому. Тамъ, гдѣ люди живутъ вмѣстѣ, волею или неволею приходится уживаться другъ съ другомъ. Отторженіе части немыслимо. Если демократіи трудно упрочиться въ большомъ государствѣ, то тѣмъ труднѣе удержаться въ немъ смѣшанной республикѣ. Однако, при благопріятныхъ условіяхъ и благоразуміи гражданъ, и эта задача не представляется невозможною. Развитіе среднихъ классовъ, смягчая крайности, открываетъ просторъ для разнообразныхъ сочетаній, въ которыхъ посредствующія звенья играютъ преобладающую роль. Самое разнообразіе элементовъ и ихъ разобщенность могутъ уменьшать рѣзкость ихъ противоположенія. Весьма возможно, что въ недалекомъ будущемъ современныя демократическія общества придутъ къ подобнымъ сочетаніямъ.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда борьба происходитъ въ тѣсныхъ предѣлахъ, надобно, чтобъ она сдерживалась условіями, благопріятствующими единству. Сюда принадлежитъ прежде всего крѣпость народнаго духа, связывающаго высшіе и низшіе слои общностью нравовъ, понятій и любовью къ отечеству. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ смѣшанная республика, какъ прочное учрежденіе, немыслима. Поэтому такъ неустойчивы были всѣ подобныя комбинаціи въ итальянскихъ средневѣковыхъ городахъ. Напротивъ, эта внутренняя крѣпость духа, составляющая источникъ всѣхъ гражданскихъ доблестей, въ высшей степени существовала въ древнихъ республикахъ, особенно въ цвѣтущее ихъ время. Она основывалась на племенномъ единствѣ,

на твердости нравовъ, на уваженіи къ вѣковымъ законамъ. Еще болѣе она упрочивалась національною религіей, которая сдерживала эгоистическія стремленія и подчиняла всѣхъ высшему порядку. Съ упадкомъ религіи и нравовъ смѣшанныя республики неудержимо клонятся къ паденію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ весь древній міръ. Въ новомъ эти начала съ трудомъ могутъ быть замѣнены сознаніемъ общихъ интересовъ.

Наконецъ, внутренняя связь поддерживается положеніемъ народа среди враждебныхъ ему племенъ. Необходимость общей обороны соединяетъ противоположные элементы общества и заставляетъ ихъ дружно идти на защиту родины. Въ Римѣ патриціи и плебеи не разъ примирялись въ виду внѣшней опасности. Самое товарищество по оружію рождаетъ постоянную духовную связь между людьми, разобщенными по общественному положенію. Наконецъ, вооруженіе народа даетъ ему силу въ руки, а заслуги воиновъ передъ отечествомъ заставляютъ, во имя справедливости, даровать имъ политическія права. Вслѣдствіе этого, тамъ, гдѣ приходится вести постоянныя войны и оборонять отечество, низшіе классы естественно пріобщаются къ государственной жизни и принимаютъ большее и большее участіе въ правленіи. Если войны пагубны для аристократіи и демократіи, то онѣ напротивъ, могутъ служить къ поддержанію и развитію смѣшанныхъ республикъ. Римъ представляетъ тому живой примѣръ.

Изъ двухъ элементовъ, которые входятъ въ составъ смѣшанной республики, аристократическій всего болѣе содѣйствуетъ ея прочности, обо онъ самъ заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе прочныхъ силъ, нежели демократія. Мы видѣли, что аристократія вся основана на преданіяхъ и на твердости законнаго порядка. Поэтому, смѣшанная республика съ перевѣсомъ аристократическаго элемента несравненно долговѣчнѣе и способнѣе выносить, какъ внѣшнія войны, такъ и внутреннюю борьбу. Римъ своимъ величіемъ обязанъ главнымъ образомъ Сенату, который былъ руководителемъ всей политической жизни народа въ цвѣтущее его время. Это было самое замѣчательное и достойное удивленія политическое собраніе, которое когда-либо существовало. Современные историки, которые римскій патриціатъ сравниваютъ съ прусскимъ юнкерствомъ, показываютъ странный недостатокъ политическаго пониманія. Пока Сенатъ держалъ въ своихъ рукахъ бразды правленія и еще полонъ былъ стараго духа, внѣшняя и внутренняя политика Рима стояла на твердыхъ основахъ. Паденіе началось, когда вслѣдствіе безмѣрныхъ завоеваній и въ особенности соприкосновенія съ Востокомъ, открылся широкій просторъ вторженію чуждыхъ элементовъ, новыхъ нравовъ, понятій и

интересовъ. Подъ ихъ вліяніемъ исказился древній духъ верховнаго собранія; личныя цѣли и денежные расчеты выступили на первый планъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ получила перевѣсъ демократія; центръ тяжести перешелъ къ народнымъ собраніямъ, откуда исходили революціонныя мѣры, которыя повели наконецъ къ ниспроверженію республики геніальнымъ полководцемъ.

Процессъ разложенія аристократическаго элемента лежитъ отчасти въ самомъ существѣ смѣшанныхъ республикъ. Его не избѣгло ни одно древнее государство. Аристократія всегда составляетъ меньшинство, а потому физически народъ сильнѣе ея. Если онъ не принимаетъ участія въ правленіи и довольствуется частною жизнью, онъ можетъ долго оставаться подъ господствомъ высшаго сословія, употребляющаго свою власть съ благоразумною умѣренностью. Но какъ скоро онъ самъ становится участникомъ верховной власти и при этомъ возгарается борьба, онъ окончательно долженъ побѣдить, ибо перевѣсъ силъ на его сторонѣ. Преобладаніе аристократическаго элемента ведетъ лишь къ тому, что движеніе происходитъ мѣрно и спокойно, сообразно съ измѣняющимися потребностями жизни, безъ нарушенія государственныхъ интересовъ. При такомъ ходѣ дѣлъ, даже когда демократія окончательно получаетъ перевѣсъ въ учрежденіяхъ, аристократія можетъ фактически остаться преобладающею. Такъ именно было въ Римѣ. Напротивъ, когда въ смѣшанной республикѣ рано начинаетъ возобладать демократическій элементъ, учрежденія быстро склоняются къ чистой демократіи. Народъ, будучи сильнѣйшимъ, шагъ за шагомъ уничтожаетъ передъ собою всѣ преграды, а высшее сословіе, будучи слишкомъ слабо, чтобъ этому противиться, скоро поглощается народною массой, которая одна остается владычествующею. Такова была исторія Аѳинской республики.

Большее или меньшее значеніе аристократическаго начала не зависитъ однако отъ однихъ учрежденій. Послѣднія являются лишь выраженіемъ фактическаго отношенія, которое существуетъ между обоими общественными элементами. Притязанія аристократіи и демократіи всегда соразмѣряются съ ихъ дѣйствительною силой, матеріальной и нравственной. Искусственное усиленіе одного элемента на счетъ другаго ведетъ лишь къ неудовольствіямъ и къ разладу; прочныхъ созданій изъ этого не выходитъ. Таково было, напримѣръ, законодательство Суллы. Истинное политическое искусство состоитъ въ томъ, чтобъ устроить и согласить оба элемента сообразно съ настоящимъ ихъ вѣсомъ и значеніемъ, устраняя взаимное напряженіе и давая каждому подобающее ему мѣсто въ общемъ организмѣ. Это можетъ совершиться двоякимъ путемъ: или посредствомъ систематиче-

скаго законодательства, каковы были, напримѣръ, учрежденія Солона, или рядомъ мѣръ, которыя постепенно разрѣшаютъ отдѣльные, возникающіе въ жизни вопросы. Первый есть путь раціональный, второй историческій.

Послѣдній несравненно выгоднѣе перваго. Когда права и интересы обѣихъ сторонъ сводятся къ общему итогу, когда разомъ должны рѣшиться всѣ раздѣляющіе ихъ вопросы, каждая сторона непремѣнно остается недовольна. Ей кажется, что часть ея слишкомъ мала, а потому она стремится измѣнить установленный порядокъ. Напротивъ, когда возбуждается отдѣльный вопросъ, то одна сторона можетъ сдѣлать уступку, не теряя своего положенія, а другая, довольная результатомъ, на который устремлено было все ея вниманіе, на время умѣряетъ дальнѣйшія притязанія. Примѣръ систематическаго замиренія представляютъ Аѳины. Не могло быть законодателя болѣе способнаго исполнить эту задачу, какъ Солонъ. Своимъ высокимъ нравственнымъ достоинствомъ, своимъ безпристрастіемъ, своимъ глубокимъ знаніемъ людей и отношеній, онъ внушалъ къ себѣ довѣріе обѣихъ партій. А между тѣмъ, чтобы дать его законамъ хотя нѣкоторую прочность, потребовалось владычество Писистратидовъ. Только испытавши многолѣтній гнетъ тирановъ, враждующія стороны поняли всю мудрость учрежденій, дававшихъ каждому элементу должное мѣсто въ общей системѣ. Съ другой стороны, историческій путь возможенъ только тамъ, гдѣ аристократія довольно умна, чтобъ остаться руководительницею движенія, гдѣ она не стоитъ упорно за свои преимущества въ ущербъ общественному миру и государственной пользѣ, а умѣетъ сохранить свое положеніе своевременными уступками. Если она необладаетъ этими политическими качествами и не умѣетъ сама производить примиреніе, тогда между борющимися сторонами необходимъ посредникъ, облеченный общимъ довѣріемъ, или же нуженъ властитель, сдерживающій обоюдныя страсти и подчиняющій ихъ требованіямъ государственнаго единства,

Соглашеніе обоихъ элементовъ совершается предоставленіемъ каждому изъ нихъ извѣстной доли участія въ законодательствѣ и управленіи. Такъ какъ въ смѣшанной республикѣ они остаются раздѣльными, то они должны имѣть отдѣльныя собранія. Обыкновенно представителемъ аристократіи является сенатъ, а представителемъ демократіи народное собраніе. Но при такой рѣзкой противоположности органовъ соглашеніе весьма затруднительно и постоянно возобновляющаяся вражда неизбѣжна. Поэтому, весьма важно имѣть собраніе, въ которомъ бы оба элемента сливались. Обыкновеннымъ способомъ соединенія, какъ было объяснено въ *Общемъ Государственномъ Правѣ*,

служитъ денежный цензъ, который, устраняя вопросъ о рожденіи, открываетъ всѣмъ гражданамъ доступъ къ политическому праву. Различныя его комбинаціи могутъ дать перевѣсъ тому или другому элементу. Въ Римѣ, устройство центуріатныхъ комицій давало преобладаніе патриціямъ; но такъ какъ всѣ остальные граждане участвовали въ рѣшеніи, то оно получало характеръ всенародный. Съ другой стороны, путемъ занятія государственныхъ должностей въ Сенатъ имѣли доступъ и плебеи, что опять содѣйствовало смягченію вражды. Но подъ конецъ республики, когда, вслѣдствіе усиленія народнаго элемента, комиціи по центуріямъ для важнѣйшихъ дѣлъ замѣнились комиціями по трибамъ, основаннымъ на чисто демократическихъ началахъ, а съ другой стороны Сенатъ, вслѣдствіе преобладанія денежной знати, сдѣлался олигархическимъ учрежденіемъ, борьба вспыхнула съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, нежели когда-либо, и тогда оставалось только подчиниться военной диктатурѣ. Въ Аѳинахъ народное собраніе, облеченное верховною властью, имѣло чисто демократическій характеръ, что́ и повело къ окончательному устраненію всѣхъ аристократическихъ элементовъ. Черезъ это смѣшанная республика превратилась въ демократію.

Если въ законодательствѣ допустимо преобладаніе демократическаго элемента, то исполнительная власть, во всякомъ случаѣ, должна находиться главнымъ образомъ въ рукахъ аристократіи, ибо послѣдняя способнѣе къ управленію, нежели народъ. Тамъ, гдѣ власть переходитъ въ руки народныхъ вождей, водвореніе чистой демократіи становится неизбѣжнымъ. Но обыкновенно народъ требуетъ участія въ исполнительной власти, что вполнѣ справедливо, ибо исполненіе даетъ силу закону и огражденіе правамъ. Надобно только, чтобы народная власть не сдѣлалась преобладающею. Это можетъ быть достигнуто разными путями. Солонъ, даровавши всѣмъ гражданамъ одинакое право голоса въ народномъ собраніи, установилъ цензъ для занятія должностей; высшія онъ предоставилъ исключительно первому разряду. Въ Римѣ, когда патриціи уступили плебеямъ одно изъ консульскихъ мѣстъ, эта должность была раздѣлена и такимъ образомъ ослаблена. Когда же затѣмъ, вслѣдствіе продолжающейся борьбы, аристократическое сословіе шагъ за шагомъ дѣлало уступки и относительно замѣщенія остальныхъ должностей, оно всегда ввѣрило ихъ двумъ лицамъ, удерживая за собою одно изъ двухъ мѣстъ, такъ что патрицій могъ всегда воздерживать плебея.

Однако, при такомъ раздѣленіи сословій, когда демократическая масса сохраняетъ свою особую организацію, она естественно стремится имѣть и своихъ собственныхъ вождей, съ предоставленіемъ

имъ извѣстной доли государственной власти. Въ этомъ заключается главная опасность для смѣшанной республики. У Римлянъ такую роль играли народные трибуны, которые положительной власти не имѣли, но могли полагать запретъ (veto) на дѣйствія всѣхъ другихъ властей. Черезъ это они получали возможность вынуждать измѣненія существующаго устройства. И точно, они были главными орудіями развитія демократіи. Это учрежденіе подвергалось многообразной критикѣ; однако, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась Римская республика, нельзя не признать его глубокаго политическаго значенія. Плебеямъ, составлявшимъ, по своему происхожденію и устройству, совершенно отдѣльный классъ, нельзя было отказать въ правѣ выбирать своихъ предводителей, которые естественно были призваны защищать интересы своего сословія. Именно это право защиты выражалось въ отрицательномъ запретѣ; это было наименьшее, что можно было уступить. Но для того, чтобы сдѣлать его менѣе опаснымъ, и тутъ власть была раздѣлена. Трибуновъ было нѣсколько, и каждый изъ нихъ могъ останавливать дѣйствія всѣхъ другихъ. Этимъ устранялось владычество демагоговъ, ибо всего опаснѣе для смѣшанной республики вліяніе одного вождя, стоящаго во главѣ народа. Въ средневѣковыхъ итальянскихъ городахъ, вмѣсто нѣсколькихъ трибуновъ, былъ одинъ предводитель народа (capitano del popolo); это былъ прямой путь къ тиранніи. Въ Римѣ, когда Гракхи выступили демагогами, они насильственно устраняли сопротивленіе другихъ трибуновъ. Это было знакомъ паденія республики.

Весьма важно сохраненіе за аристократіей права замѣщать судебныя должности. Народный судъ даетъ большее огражденіе подсудимымъ, но аристократическій судъ обезпечиваетъ строгое исполненіе закона, а безъ этого смѣшанная республика немыслима. Гдѣ рядомъ стоятъ два противоположные элемента, безъ высшей, умѣряющей ихъ власти, надобно, чтобы законъ считался ненарушимою нормою, владычествующею надъ обоими и пользующеюся безпрекословнымъ уваженіемъ. Всего лучше сочетаніе обоихъ элементовъ въ общемъ судилищѣ, въ видѣ судей и присяжныхъ.

Но еще важнѣе аристократическое замѣщеніе религіозныхъ должностей. Религія въ смѣшанной республикѣ играетъ еще болѣе важную роль, нежели въ аристократіи и въ демократіи. Чѣмъ нужнѣе сдержки, чѣмъ болѣе на нихъ опирается весь государственный строй, тѣмъ болѣе требуется содѣйствіе религіозно-нравственнаго элемента для охраненія закона и порядка. Пока религіозная власть находится въ рукахъ аристократіи и пользуется уваженіемъ народа, до тѣхъ поръ связывающее ихъ устройство стоитъ непоколебимо. Въ Римѣ

религія служила не только нравственною сдержкой, но и политическимъ орудіемъ. Религіозные обряды останавливали рѣшенія народныхъ собраній, которыя могли быть опасны для патриціевъ.

Однако всего этого недостаточно, если обѣ стороны не имѣютъ тѣхъ качествъ, которыя требуются для совмѣстнаго существованія и мирнаго развитія. Надобно, прежде всего, чтобъ аристократія обладала не только матеріальною силой, но и глубокимъ политическимъ смысломъ. Если она дорожитъ болѣе всего своими привилегіями, если она презираетъ и утѣсняетъ народъ, если въ самомъ разгарѣ борьбы она болѣе увлекается страстью, нежели политическими соображеніями то объ уравновѣшенномъ порядкѣ и устойчивомъ движеніи не можетъ быть рѣчи. Въ аристократіи, какъ руководящей силѣ, должны сочетаться противоположныя качества: твердость и гибкость, настойчивость и умѣніе своевременно дѣлать уступки, привязанность къ преданіямъ и вниманіе къ народнымъ нуждамъ. А такъ какъ эти противоположныя свойства рѣдко соединяются въ однихъ лицахъ, то въ самомъ правящемъ сословіи эти два направленія должны находить своихъ представителей. Въ Римѣ были патриціанскіе роды, которые постоянно отличались любовью къ народу и пользовались его привязанностью. Когда приходилось успокоивать разыгравшіяся страсти или дѣлать уступки народнымъ требованіямъ, они выступали на сцену и облекались властью. Таковы были Валеріи и Горація. Слишкомъ ярые противники плебеевъ, какъ Коріоланъ, напротивъ, подвергались изгнанію. Тоже явленіе замѣчается и въ новое время въ той аристократіи, которая ближе всего подходитъ къ римской, въ аристократіи англійской. Партіи торіевъ и виговъ, попеременно смѣняющіяся въ правленіи, въ ней самой всегда находили представителей и вождей. Поэтому она могла сохранить свое положеніе среди все возрастающей силы демократіи. Но либеральная часть правящаго сословія не должна отъ него отдѣляться, не только юридически, но и нравственно; только при такомъ положеніи, пользуясь довѣріемъ обѣихъ сторонъ, она можетъ играть роль примирителя между аристократіей и народомъ. Напротивъ, для смѣшанной республики нѣтъ ничего опаснѣе, какъ демагоги, возникающіе изъ среды аристократіи. Римляне безпощадно казнили ихъ смертью, какъ скоро открывались потаенные замыслы или интриги. Такова была судьба Спурія Кассія и Манлія Капитолина.

Съ своей стороны, народная масса должна имѣть тѣ качества, которыя требуются для здоровой и умѣренной политической дѣятельности: практическій смыслъ, любовь къ порядку и уваженіе къ закону, въ соединеніи съ стойкостью въ отстаиваніи своихъ правъ. Для этого

она должна пользоваться нѣкоторымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. Бѣдность влечетъ за собою страданія, а страданія разжигаютъ борьбу и рождаютъ стремленіе къ разрушенію существующаго строя. Бѣдность ведетъ и къ развращенію нравовъ; она дѣлаетъ народъ доступнымъ всякимъ вліяніямъ и подкупамъ, передаетъ его въ руки богатыхъ или дѣлаетъ его жертвою демагоговъ. Какъ скоро въ республикѣ образуется нищенская чернь, такъ паденіе ея неизбѣжно. Лучше всего, когда здоровое зерно народа состоитъ изъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ нихъ болѣе всего удерживаются тѣ охранительныя свойства, которыя требуются для мирнаго и правильнаго развитія. Таковы были римскіе плебеи. Когда, вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ и завоеваній, мелкое землевладѣніе исчезло и образовались, съ одной стороны, латифундіи въ рукахъ богачей, а съ другой нищенствующая масса, судьба республики была рѣшена.

Но и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ борьба нерѣдко достигаетъ такого ожесточенія, что является необходимость власти, дѣйствующей деспотически. Римляне имѣли для этого диктатуру, которая установлялась, какъ при внутреннихъ смутахъ, такъ и въ случаяхъ внѣшней опасности. Диктаторъ облекался неограниченною властью; онъ назначался Сенатомъ, но на короткій срокъ, такъ что онъ не могъ быть опасенъ ни аристократіи, ни народу. Однажды Римляне установили неограниченную власть на болѣе продолжительное время: то были децемвиры, и они превратились въ тирановъ. Греки установляли иногда пожизненныхъ эсимнетовъ: то были люди, пользовавшіеся высокимъ довѣріемъ своихъ согражданъ. Лишь при такомъ исключительномъ условіи подобная власть могла принести существенную пользу. Обыкновенно же въ греческихъ городахъ борьба партій вела къ тиранніи. Временная тираннія можетъ упрочить господство смѣшаннаго порядка. Страдая подъ общимъ гнетомъ, аристократія и демократія скорѣе приходятъ къ соглашенію. Общая ненависть къ деспотической власти уменьшаетъ взаимную вражду. Онѣ должны соединиться, чтобы свергнуть тирана, и горькій опытъ заставляетъ ихъ, по крайней мѣрѣ временно, жить въ мирѣ между собой. Однако, по своему характеру, тираннія даетъ перевѣсъ демократическому элементу и приготовляетъ его господство. Аристократія составляетъ высшій и самый могущественный классъ народа, а потому тираннія обращается главнымъ образомъ противъ нея. Обыкновенно тиранъ унижаетъ аристократію, опираясь на низшіе классы. Онъ водворяетъ равенство подъ общимъ гнетомъ, и это равенство, вошедши въ нравы, сохраняется и при возстановленіи свободы. Владычество аристократіи тогда только прочно, когда она держится непрерывною историческою

преемственностью. Какъ же скоро она подпала подъ иго тирана и политически уравнялась съ другими, такъ она теряетъ возможность подняться и занять свое прежнее мѣсто. Наслѣдіе тиранніи обыкновенно достается демократіи.

Вообще, въ древнихъ государствахъ, смѣшанная республика составляла переходную форму отъ аристократіи къ демократіи. Этотъ переходъ можетъ совершаться мирно и законно, если аристократія обладаетъ достаточнымъ политическимъ смысломъ, чтобы дѣлать своевременныя уступки и остаться руководительницею движенія; напротивъ, ожесточенная внутренняя борьба ускоряетъ паденіе этого политическаго строя. Примѣръ Рима показываетъ, что при уравновѣшенномъ движеніи этотъ процессъ можетъ совершаться въ теченіи вѣковъ, и при этомъ государство можетъ достигнуть высокой степени могущества и славы. Но для этого требуются необыкновенныя условія: крѣпкая организація и въ особенности высокія доблести обѣихъ сторонъ. Родовой порядокъ представлялъ для этого всѣ нужныя данныя: вѣковое устройство, коренящееся въ естественныхъ отношеніяхъ, и крѣпкій народный духъ, передающійся отъ поколѣнія поколѣнію. При такихъ условіяхъ, противоположныя силы могли уравновѣшиваться путемъ взаимныхъ соглашеній, не нуждаясь въ высшемъ посредникѣ. Но съ разложеніемъ родоваго порядка эти условія исчезли, а съ тѣмъ вмѣстѣ возгорѣлась внутренняя борьба, которая повела къ паденію смѣшанной республики и къ водворенію на ея мѣсто сперва демократія, а затѣмъ единовластія. Монархическое начало въ классическихъ государствахъ явилось завершеніемъ историческаго процесса, представлявшаго постепенное ихъ разложеніе. Оно возникло на развалинахъ республиканскихъ учрежденій, когда противоположныя общественныя силы, извращенныя и ослабленныя вторженіемъ новыхъ элементовъ, потеряли способность поддерживать ихъ существованіе.

Въ новое время, напротивъ, монархическое начало сдѣлалось источникомъ высшаго развитія. Оно было силою, создавшею новыя государства изъ средневѣковаго анархическаго порядка. Вслѣдствіе этого, оно играетъ у новыхъ народовъ несравненно болѣе значительную роль, нежели у древнихъ. Сочетаніе аристократическаго элемента и демократическаго въ общемъ политическомъ строѣ совершается у нихъ въ формѣ ограниченной монархіи, а не республики. Въ новомъ мірѣ смѣшанныя республики составляютъ рѣдкое и мимолетное явленіе. Республики, вышедшія изъ средневѣковаго порядка, имѣли, по преимуществу, характеръ аристократическій, республики новѣйшаго времени принимаютъ форму демократическую. Послѣдняя является результатомъ всего историческаго развитія новаго времени, которое съ

накопленіемъ богатства и образованія ведетъ къ большему и большему распространенію политическаго права на народныя массы.

Мы видѣли, однако, что демократія не можетъ считаться идеаломъ человѣческаго общежитія, а потому, рано или поздно, силою историческаго процесса, противъ нея неизбѣжно должна наступить реакція. При такомъ оборотѣ, какъ уже замѣчено выше, смѣшанныя формы несомнѣнно должны играть значительную роль въ недалекомъ будущемъ. Можно спросить: который изъ обоихъ видовъ, смѣшанная республика или ограниченная монархія, имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ?

Нельзя не замѣтить, что условія новаго времени совершенно иныя, нежели въ древности. Если родовой порядокъ представлялъ крѣпкія основы для смѣшанной республики, то установившійся нынѣ общегражданскій строй лишенъ этихъ выгодъ. Въ немъ господствуютъ средніе классы, а потому изъ различныхъ способовъ сочетанія противоположныхъ элементовъ важнѣйшую роль должны играть тѣ или другіе виды ценза. Но согласовать эти виды и распредѣлить права сообразно съ дѣйствительною силой и потребностями общественныхъ элементовъ, уравновѣсивъ послѣдніе въ общемъ устройствѣ, средніе классы сами по себѣ едва ли въ состояніи. Аристократія, связанная крѣпкимъ корпоративнымъ духомъ, можетъ имѣть достаточно единства цѣлей и направленія, чтобы быть руководительницею политическаго движенія; средніе же класы слишкомъ для этого безсвязны и расплывчаты. Они нуждаются въ опорѣ, и эту опору они могутъ найти только въ монархической власти, которая, возвышаясь надъ противоположными элементами, является между ними посредникомъ и одна способна умѣрить борьбу и уравновѣсить влекущіяся врозь стихіи въ совокупномъ устройствѣ. При такомъ складѣ жизни, ограниченная монархія представляется тою политическою формой, въ которой аристократическіе и демократическіе элементы общества могутъ быть приведены къ наилучшему соглашенію.

Къ этому присоединяется и другое соображеніе. Демократія, получившая власть въ руки, очевидно не уступитъ ея добровольно. Только чрезвычайныя обстоятельства, обличающія ея несостоятельность, могутъ ее къ этому принудить. Переходъ къ смѣшаннымъ формамъ можетъ быть результатомъ либо внутреннихъ переворотовъ, либо внѣшнихъ войнъ. Въ обоихъ случахъ требуется дѣйствіе сверху, а оно можетъ быть только дѣломъ единовластителя, имѣющаго силу въ рукахъ или пользующагося общимъ довѣріемъ, будь онъ потомокъ законныхъ монарховъ, или геніальный полководецъ, или, наконецъ, выдающійся государственный человѣкъ. Такая власть, по существу сво-

ему, есть власть монархическая, и если она нужна для установленія новаго порядка, то она также нужна и для его поддержанія, ибо поводы къ взаимной борьбѣ всегда существуютъ. Гдѣ есть противоположные интересы, около которыхъ группируются организованныя общественныя силы, тамъ необходимъ между ними посредникъ и умѣритель. Такимъ является монархъ.

ГЛАВА VI.

Ограниченная монархія.

Изъ трехъ видовъ ограниченной монархіи, указанныхъ въ *Общемъ Государственномъ Правѣ*, патріархальная монархія принадлежитъ къ первобытнымъ временамъ государственной жизни. Она тѣмъ болѣе можетъ быть оставлена въ сторонѣ въ нашемъ изслѣдованіи, что о ней сохранились слишкомъ скудныя и недостовѣрныя извѣстія. Изъ двухъ остальныхъ видовъ, монархія съ сословнымъ представительствомъ выработалась изъ средневѣковаго порядка; монархія же съ народнымъ представительствомъ составляетъ принадлежность новаго времени. Первая почти вездѣ исчезла или превратилась во вторую. Поэтому и она имѣетъ значеніе чисто историческое. Тѣмъ не менѣе, она заслуживаетъ вниманія, какъ форма, въ которую облекается политическое право при сословномъ порядкѣ.

Монархія съ сословнымъ представительствомъ естественно возникла изъ феодальнаго строя, гдѣ сословія образовали самостоятельныя корпораціи съ полудержавными правами. Наложить на нихъ подать и подчинить ихъ общему закону нельзя было иначе, какъ съ ихъ собственнаго согласія. Съ возникновеніемъ новаго государственнаго быта, когда потребовались общія средства и общая дѣятельность, пришлось представителей отдѣльныхъ сословій созывать въ совокупное собраніе, при чемъ однако переговоры велись съ ними порознь, что представляло значительныя затрудненія. Но пока крѣпокъ былъ сословный порядокъ, такой способъ дѣйствія былъ неизбѣженъ. Представительство является выраженіемъ существующаго общественнаго строя. Измѣнить его формы можно только тогда, когда это измѣненіе подготовлено жизнью.

И при такихъ условіяхъ, сословныя собранія представляютъ нѣкоторыя несомнѣнныя выгоды:

Во-первыхъ, они составляютъ самое твердое огражденіе права. Цѣль сословнаго представительства состоитъ не въ пріобрѣтеніи власти или вліянія на государственныя дѣла, а въ охраненіи правъ сословія. Этимъ устраняется произволъ, сохраняется уваженіе къ историческимъ

правамъ, укореняется привычка взаимныхъ соглашеній и уступокъ, наконецъ, государственное развитіе и законодательство получаютъ характеръ историческій, а не революціонный.

Во-вторыхъ, здѣсь всѣ интересы народа находятъ представительство и защиту. Каждая общественная группа сама предъявляетъ свои нужды и отстаиваетъ свои выгоды; съ каждою нужно считаться. Эта цѣль далеко не такъ успѣшно достигается народнымъ представительствомъ, гдѣ интересы той или другой части народа нерѣдко вовсе не находятъ защитниковъ, и, вообще, отдѣльные интересы приносятся въ жертву общимъ политическимъ вопросамъ. При народномъ представительствѣ вся политическая жизнь вращается около борьбы партій. Но эта борьба происходитъ главнымъ образомъ на поверхности общества; массѣ народа она болѣе или менѣе чужда. Массѣ гораздо ближе и доступнѣе собственные интересы, нежели общіе политическіе вопросы. Именно эти интересы находятъ свое выраженіе въ сословномъ собраніи. Представитель каждаго сословія знаетъ очень хорошо, что нужно его избирателямъ. Онъ доводитъ эти нужды до свѣдѣнія верховной власти и самъ призывается къ рѣшенію возникающихъ при этомъ вопросовъ. Черезъ это, законодательство всегда находится въ тѣсной связи съ народною жизнью. Эти выгоды такъ велики, что многіе публицисты стоятъ за представительство интересовъ даже при общенародныхъ выборахъ. Сословныя собранія достигаютъ этой цѣли въ связи съ самымъ строеніемъ общества.

Въ-третьихъ, сословное представительство не производитъ такого раздѣленія власти, какъ народное. Тутъ нѣтъ двухъ равноправныхъ властей, стоящихъ другъ противъ друга, а потому легко вступающихъ въ борьбу, результатомъ которой можетъ быть полное безсиліе той или другой стороны. Средоточіемъ верховной власти остается монархъ; сословные же представители ограничиваютъ его лишь въ томъ, что касается правъ и интересовъ отдѣльныхъ сословій. Такимъ образомъ, правительство сохраняетъ единство и свободу дѣйствій, что часто немыслимо при народномъ представительствѣ.

А между тѣмъ, въ-четвертыхъ, такого рода совокупнымъ представительствомъ сословій установляется живая связь между правительствомъ и обществомъ. Въ гражданахъ возбуждается участіе къ общественнымъ дѣламъ, а правительство находитъ опору въ общественномъ мнѣніи. Въ этомъ отношеніи можно привести слова одного изъ величайшихъ государственныхъ людей Пруссіи, того, кому она обязана своимъ возрожденіемъ послѣ Наполеоновскаго погрома. „Мой собственный служебный опытъ“, писалъ Штейнъ, „глубоко и живо убѣждаетъ меня въ превосходствѣ цѣлесообразно устроенныхъ чиновъ, и я смотрю

на нихъ, какъ на могучее средство усилить правительство знаніями и авторитетомъ всѣхъ образованныхъ классовъ, привязать послѣднихъ къ государству убѣжденіемъ, участіемъ и содѣйствіемъ во всѣхъ дѣлахъ націи, открыть силамъ народа свободное поприще и направить ихъ на то, что общеполезно, отвратить ихъ отъ праздныхъ чувственныхъ наслажденій, или отъ пустыхъ созданій метафизики, или же отъ преслѣдованія чисто своекорыстныхъ цѣлей, и такимъ образомъ создать хорошо устроенный органъ общественнаго мнѣнія, которое теперь тщетно стараются узнать изъ изреченій отдѣльныхъ лицъ или частныхъ обществъ [1]).

Такова весьма существенная, положительная польза сословныхъ собраній. Но рядомъ съ этимъ стоятъ и весьма крупныя невыгоды.

Во-первыхъ, каждое сословіе здѣсь само становится судьею своихъ правъ. Безъ его согласія они не могутъ быть измѣнены. Между тѣмъ, такое отношеніе совершенно противорѣчитъ основному государственному началу, по которому права отдѣльныхъ частей всегда должны состоять въ зависимости отъ воли цѣлаго. При такомъ порядкѣ сохраненіе законности можетъ превратиться въ полную неподвижность; улучшенія, нарушающія права сословій, становятся невозможными или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени затруднительными. Это относится въ особенности къ привилегіямъ высшихъ классовъ, которые, при сословномъ строѣ, не только изъемлются отъ многихъ государственныхъ тягостей, но держатъ въ кабалѣ цѣлое подвластное населеніе. При сословныхъ собраніяхъ освобожденіе крѣпостныхъ встрѣчаетъ часто неодолимыя препятствія.

Во-вторыхъ, если выборные каждаго сословія представляютъ исключительно его права и интересы, то они тѣмъ самымъ становятся на крайне узкую точку зрѣнія. Они дѣлаются неспособными обсуждать интересы другихъ сословій и еще менѣе общіе интересы государства. А между тѣмъ, въ государствѣ общіе вопросы и частные находятся въ самой тѣсной связи. Если народное представительство нерѣдко жертвуетъ интересами частей общей политикѣ, то сословное представительство, напротивъ, жертвуетъ общими государственными интересами частнымъ, а это гораздо хуже.

Въ-третьихъ, если каждое сословіе имѣетъ свои отдѣльныя права и отдѣльное участіе въ общихъ дѣлахъ, если оно обсуждаетъ ихъ съ своей исключительной точки зрѣнія, то раздѣленіе сословій черезъ это не смягчается, а становится рѣзче. Тутъ легко возникаютъ столкновенія и возбуждается взаимная вражда. При такихъ

[1]) Pertz: „Das Leben des F. v. Stein". I, стр. 427.

отношеніяхъ общее рѣшеніе дѣлъ становится невозможнымъ. Вмѣсто того, чтобы способствовать объединенію государственной жизни и народныхъ интересовъ, представительство дѣлается самымъ сильнымъ средствомъ разобщенія.

Въ-четвертыхъ, если при такомъ порядкѣ, когда чины ограничиваются охраненіемъ своихъ частныхъ правъ и интересовъ, монархъ менѣе стѣсненъ въ своей дѣятельности, нежели въ конституціонномъ правленіи, зато соглашенія по общимъ дѣламъ гораздо затруднительнѣе. Вести переговоры и вступать въ сдѣлки съ разобщенными сословіями, имѣющими каждое свои взгляды и цѣли, несравненно труднѣе, нежели имѣть дѣло съ политическими партіями, у которыхъ есть общія программы. Иногда, вслѣдствіе оппозиціи того или другаго сословія, самыя нужныя дѣла должны остановиться. Такъ напримѣръ, гораздо легче провести бюджетъ черезъ собраніе народныхъ представителей, нежели получить нужное количество денегъ отъ сословій, которыя смотрятъ на дѣло каждое съ точки зрѣнія своего собственнаго кармана.

Въ-пятыхъ, сословныя собранія часто не ограничиваются охраненіемъ своихъ правъ и интересовъ, а стремятся захватить всю государственную власть въ свои руки. Это бываетъ въ особенности тамъ, гдѣ аристократія пользуется значительнымъ преобладаніемъ. Если ея стремленія вѣнчаются успѣхомъ, то водворяется аристократическое правленіе, соперничествующее съ монархомъ, то-есть худшее, какое можетъ быть. Чистая аристократія, покойная за свое положеніе и одушевленная воспитаннымъ долговременною властью политическимъ духомъ, можетъ править государствомъ въ видахъ общаго блага; въ правленіи же полумонархическомъ и полуаристократическомъ неизбѣжны внутренніе раздоры и борьба личныхъ интересовъ. Нерѣдко вельможи, соперничествующіе съ монархомъ и между собой, ищутъ опоры въ иностранныхъ державахъ. Водворяется система подкуповъ и интригъ, которая ведетъ государство къ гибели. Швеція и Данія, во времена владычества чиновъ, представляли тому поучительные примѣры. Въ такомъ положеніи монархъ естественно ищетъ опоры въ низшихъ сословіяхъ, а это ведетъ къ государственнымъ переворотамъ, что и случалось въ означенныхъ странахъ.

Еще хуже, когда, при существованіи монархической власти, политическими правами пользуется одно дворянство, къ которому пріобщаются только высшіе чины духовенства, какъ было въ Польшѣ. Монархія, ограниченная аристократіей, по существу своему, есть одинъ изъ худшихъ образовъ правленія. Здѣсь стоятъ другъ противъ друга двѣ власти, изъ которыхъ каждая имѣетъ притязаніе на верховное

значеніе въ государствѣ. Между ними нѣтъ третьяго уравновѣшивающаго элемента, а потому неизбѣжна постоянная борьба. Для того чтобы, при такихъ условіяхъ, монархическая власть могла сохранить надлежащую силу, она должна или опираться на низшія сословія, предоставляя имъ извѣстную долю въ государственномъ управленіи, или же обладать собственными средствами, независимыми отъ сословій. Но въ первомъ случаѣ мѣняется самый образъ правленія. Второй же имѣетъ мѣсто тогда, когда верховная власть ввѣряется иностранному могучему государю, и притомъ съ наслѣдственными правами, ибо избраніе все отдаетъ въ руки правящей аристократіи. Какъ ни оскорбительно для народнаго чувства имѣть монархомъ иностранца и составлять придатокъ другаго государства, это все-таки лучшій исходъ изъ труднаго положенія. Примѣръ соединенія Венгріи съ Австріей показываетъ, что такое отношеніе можетъ быть выгодно для обѣихъ сторонъ. При этомъ сохраняется историческое сознаніе права, которое составляетъ драгоцѣнное достояніе народа и служитъ источникомъ новаго развитія, когда дальнѣйшее движеніе жизни приводитъ къ пріобщенію низшихъ сословій къ политическимъ правамъ. Непрерывная связь монарха и народа рождаетъ и наслѣдственную привязанность къ династіи, охраняющей завѣщанныя исторіею права. Напротивъ, если монархія не имѣетъ ни собственной силы, ни опоры въ народѣ, она становится чистымъ игралищемъ въ рукахъ аристократическихъ факцій. Она неизбѣжно дѣлается избирательною, и при каждомъ избраніи ей предписываются условія, которыя ее болѣе и болѣе ограничиваютъ и наконецъ обращаютъ ее въ совершенный призракъ. Именно это устройство привело Польшу къ паденію. Могучіе сосѣди заключали между собою даже формальные договоры съ обязательствомъ поддерживать учрежденія, которыя обрекали несчастную страну на полное безсиліе и наконецъ сдѣлали ее жертвою мнимыхъ друзей.

При такихъ существенныхъ недостаткахъ сословныхъ собраній, слѣдуетъ спросить: въ какой мѣрѣ можно признать участіе ихъ въ политической жизни полезнымъ для государства, и какое устройство этихъ собраній можно считать наиболѣе приспособленнымъ къ государственнымъ цѣлямъ? Безусловно отвергать пользу такого рода учрежденій нѣтъ возможности. Мы видѣли на этотъ счетъ мнѣніе Штейна. Гарантіи правъ имѣютъ такое существенное значеніе для общества, историческое право въ особенности составляетъ такое драгоцѣнное достояніе народа, что отказаться отъ этихъ выгодъ нельзя безъ существеннаго ущерба для народной жизни. Собраніями выборныхъ людей установляется и живая связь между верховною властью и народомъ; въ нихъ правительство находитъ опору

и содѣйствіе. А между тѣмъ, тамъ, гдѣ общество устроено на сословныхъ началахъ, инаго представительства, кромѣ сословнаго, быть не можетъ. Мы видѣли, что сословный порядокъ представляетъ цѣлую фазу въ исторіи человѣчества. Онъ простирается отъ Римской Имперіи до нашего времени. Измѣненіе его есть дѣло долговременнаго жизненнаго процесса; оно подготовляется медленнымъ накопленіемъ матеріальнаго и умственнаго капитала, которое приводитъ наконецъ къ установленію общегражданскаго строя. Самъ сословный порядокъ проходитъ при этомъ черезъ различныя ступени развитія, приспособляясь къ измѣняющимся потребностямъ государственной жизни. Къ числу политическихъ формъ, въ которыя онъ облекается, принадлежитъ и соединеніе сословій вокругъ монарха, каждое съ своими отдѣльными, неприкосновенными правами и съ своими обязанностями, направленными къ служенію цѣлому. При какихъ же условіяхъ такая организація можетъ дѣйствовать успѣшно въ видахъ общаго блага?

Прежде всего, собранія не должны пользоваться значительными правами. Сословія представляютъ общественную рознь, а въ монархѣ воплощается высшее единство. Но въ государствѣ единство должно преобладать надъ рознью. Поэтому, монархическая власть должна быть верховнымъ центромъ, откуда исходитъ политическое движеніе. Все высшее управленіе страны должно находиться въ ея рукахъ; сословія же призываются къ участію единственно по тѣмъ вопросамъ, которые касаются ихъ правъ. Такова именно была теорія, которая господствовала въ Германіи въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и которая была внесена даже въ союзное законодательство. Она вполнѣ соотвѣтствовала сословному порядку. Въ этихъ условіяхъ она имѣла значеніе не только для поддержанія силы государства, но и для огражденія низшихъ сословій отъ угнетенія. Только въ сильной монархической власти привилегіи высшихъ сословій находятъ надлежащую сдержку и не развиваются въ систему притѣснительную для низшихъ.

Въ особенности преобладаніе монархическаго начала важно для большихъ державъ. Чѣмъ болѣе государство призвано играть историческую роль, чѣмъ сложнѣе международныя отношенія, чѣмъ важнѣе вопросы, которые оно должно рѣшать, тѣмъ менѣе допустимо въ немъ вліяніе разрозненныхъ сословныхъ силъ на общее управленіе. Въ маломъ государствѣ, напротивъ, гдѣ вопросы мельче и ближе къ обществу, гдѣ существенная задача состоитъ не столько въ напряженіи силъ, сколько въ охраненіи законнаго порядка, требующемъ умѣреннаго и мягкаго управленія, участіе въ немъ сословныхъ пред-

ставителей можетъ быть весьма благотворно, ибо имъ воздерживаются деспотическія поползновенія мелкихъ князей, стремящихся пользоваться своею властью для личнаго удовлетворенія. Отсюда общее явленіе въ европейскомъ мірѣ, что сословныя собранія исчезли въ большихъ государствахъ и сохранились въ малыхъ.

Ограниченіе правъ сословныхъ собраній не должно, однако, доходить до низведенія ихъ на степень чисто совѣщательныхъ учрежденій. Послѣднія имѣютъ ту выгоду, что, не раздѣляя власти и не ослабляя силы правительства, они знакомятъ его съ нуждами и желаніями народа и своимъ нравственнымъ авторитетомъ вліяютъ на общій ходъ дѣлъ. У насъ нѣкоторые возводятъ это устройство даже на степень идеала политической жизни. По ихъ мнѣнію, народъ долженъ только выражать свою мысль, а рѣшеніе предоставлять правительству; этимъ способомъ, вмѣсто взаимнаго недовѣрія и вражды, водворяются любовь и согласіе. Но такой взглядъ обнаруживаетъ совершенно дѣтское пониманіе политическихъ отношеній. Мысль и воля въ душѣ человѣка не размѣщены въ раздѣльныхъ перегородкахъ, а находятся въ живомъ единеніи. Тоже имѣетъ мѣсто и въ обществѣ. Общественная мысль неизбѣжно стремится перейти въ дѣятельную волю; если же этотъ исходъ ей загораждается, то она получаетъ тѣмъ большее напряженіе, пока наконецъ она не прорветъ поставленныхъ ей преградъ. Совѣщательныя собранія могутъ созываться правительствомъ въ минуты опасности или затрудненія; опираясь на общественный голосъ, оно дѣйствуетъ смѣлѣе и рѣшительнѣе. Особенно если оно не имѣетъ инаго пути узнать народныя нужды и собственныя средства, когда въ странѣ нѣтъ ни дорогъ, ни печати, ни правильно организованнаго управленія, они представляютъ такое орудіе, безъ котораго иногда трудно обойтись. Исторически, совѣщательныя собранія принадлежатъ къ давно прошедшимъ временамъ; но и тогда они были болѣе или менѣе случайнымъ явленіемъ. Постояннымъ учрежденіемъ они никогда сдѣлаться не могли, ибо тутъ средства не соотвѣтствуютъ цѣли.

Прежде всего, они не исполняютъ главнаго назначенія представительныхъ собраній: они не служатъ обезпеченіемъ правъ и интересовъ. Правительство созываетъ или не созываетъ ихъ по своему усмотрѣнію, спрашиваетъ, о чемъ хочетъ, и окончательно рѣшаетъ вопросъ по-своему. А между тѣмъ, созванное со всей земли собраніе представляетъ громадную общественную силу, но силу лишенную всякаго права. Она можетъ дѣйствовать только нравственными средствами, что совершенно недостаточно въ государственной жизни, которая всетечетъ въ юридической сферѣ. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ,

собраніе будетъ стараться преувеличивать свое значеніе, выдавать себя за непреложный органъ общественной мысли, возбуждать агитацію, производить внѣшнее давленіе на правительство. Это оно можетъ дѣлать тѣмъ безопаснѣе, что отвѣтственности на немъ не лежитъ никакой. Оно будетъ играть на народныхъ чувствахъ, предоставляя правительству принимать хотя необходимыя, но не популярныя мѣры. Особа монарха, конечно, останется въ сторонѣ, но совѣтники будутъ предметомъ ожесточенныхъ нападеній. Они будутъ представляться виновниками отчужденія монарха и народа. Въ результатѣ, чтобъ упрочить свое положеніе, совѣщательное собраніе, если оно не погружается въ полную апатію вслѣдствіе безполезности своихъ дѣйствій, непремѣнно будетъ стремиться къ пріобрѣтенію правъ, и это будетъ вполнѣ разумно, ибо производить всенародные выборы, организовать такую великую общественную силу, для того чтобы правительство окончательно могло дѣйствовать какъ ему угодно, есть способъ дѣйствія, противорѣчащій здравому пониманію общественныхъ отношеній. „Совѣщательное собраніе чиновъ, „писалъ баронъ Штейнъ", есть или косная масса или буйная толпа, которая болтаетъ по-пустому, безъ достоинства, безъ уваженія" [1]).

Въ единичныхъ случаяхъ оно, безспорно, можетъ принести свою пользу, какъ выраженіе общественнаго сознанія и народныхъ потребностей. Нельзя также безусловно отвергать его значенія, какъ переходной мѣры къ настоящему представительству. Если оно сзывается не подъ гнетомъ обстоятельствъ, а по иниціативѣ правительства, желающаго установить живую связь между собою и обществомъ, то представители послѣдняго не будутъ имѣть повода къ оппозиціи, а напротивъ, будутъ имѣть побужденіе дѣйствовать въ согласіи съ довѣряющею имъ властью. Но постояннымъ органомъ государственной жизни оно все-таки быть не можетъ. Лучше дать выборнымъ людямъ болѣе тѣсный кругъ дѣйствій, но съ опредѣленными правами и отвѣтственностью, нежели создавать крупное учрежденіе, служащее органомъ народной мысли и воли, но лишенное всякихъ правъ. Таково требованіе здравой политики.

Если сословныя собранія должны быть облечены правами, то дальнѣйшій вопросъ состоитъ въ томъ: слѣдуетъ ли созывать ихъ ежегодно или только изрѣдка, по мѣрѣ потребностей? Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣднемъ случаѣ монархическая власть сохраняетъ болѣе силы. Собраніе имѣетъ менѣе поводовъ считать себя постояннымъ выраженіемъ народной воли. Однако, такой неопредѣленный созывъ

---

[1]) Pertz: Steins Leben, V, стр. 326, 327.

не соотвѣтствуетъ правильному теченію государственной жизни. Онъ могъ имѣть мѣсто во времена государственнаго неустройства, когда не требовалось постоянныхъ средствъ и законодательство было мало развито. Но съ усложненіемъ жизни и съ умноженіемъ потребностей постоянное участіе чиновъ становится настоятельною небходимостью. Безъ этого, въ ходѣ законодательства и управленія ощущается постоянный разладъ.

Наконецъ, весьма важный вопросъ заключается въ томъ: слѣдуетъ ли установить общее совѣщаніе сословій или они должны совѣщаться порознь? Этотъ вопросъ возникъ, какъ извѣстно, при созывѣ Генеральныхъ Чиновъ во Франціи въ 1789 году. Окончательно онъ былъ разрѣшенъ въ пользу соединенія представителей всѣхъ сословій въ одно собраніе. Такъ какъ третье сословіе имѣло здѣсь численный перевѣсъ, то высшія сословія потеряли черезъ это всякое самостоятельное значеніе, и собраніе провозгласило себя верховнымъ представителемъ народной воли.

Дѣйствительно, при совокупныхъ совѣщаніяхъ, представители сословій, находящихся въ меньшинствѣ, будутъ ли то высшія или низшія, неизбѣжно поглощаются большинствомъ. Однако, эта невыгода можетъ быть устранена, если совѣщанія происходятъ общія, а голоса подаются порознь. Между тѣмъ, совокупныя совѣщанія имѣютъ громадныя преимущества передъ разобщенными. Тутъ установляется живой обмѣнъ мыслей, вопросы обсуждаются со всѣхъ сторонъ, является возможность сдѣлокъ и соглашеній. Для государства въ высшей степени важно единство общественнаго духа и направленія, а оно достигается только совокупными совѣщаніями. Правительство, которое старается сохранить сословную рознь, съ тѣмъ чтобы править самовластно, дѣйствуетъ вопреки истиннымъ интересамъ народа. Разрозненныя совѣщанія тогда только умѣстны, когда сословная вражда имѣетъ острый характеръ или укоренившіеся сословные предразсудки не допускаютъ совокупнаго совѣщанія на равныхъ правахъ. Но именно совокупныя совѣщанія болѣе всего содѣйствуютъ сближенію и уравненію сословій. Съ этой точки зрѣнія, они служатъ лучшимъ приготовленіемъ общегражданскаго порядка, а вмѣстѣ и переходомъ къ народному представительству. Ничто такъ не содѣйствовало сліянію сословій и утвержденію конституціоннаго порядка въ Англіи, какъ соединеніе представителей графствъ и городовъ въ одной Палатѣ Общинъ. Отдѣльную палату составили только вельможи, имѣющіе голосъ по личному праву.

Этотъ переходъ сословнаго представительства въ народное можетъ совершиться раньше или позднѣе, смотря по условіямъ и состоянію

общества; но онъ всегда неизбѣженъ, ибо самый сословный порядокъ неудержимымъ ходомъ исторіи переходитъ въ общегражданскій. Этотъ переходъ происходитъ обыкновенно не подъ вліяніемъ сословныхъ собраній. Напротивъ, дорожа своими привилегіями, они представляютъ ему самую сильную преграду. Въ этомъ заключается главный ихъ недостатокъ. Если, при существованіи сословнаго строя, они способствуютъ сохраненію и утвержденію въ народѣ сознанія права, то они задерживаютъ дальнѣйшее развитіе этого права и распространеніе его на всѣхъ гражданъ безъ различія происхожденія. Даже въ чисто гражданской области поднятіе низшихъ классовъ встрѣчаетъ сильнѣйшее противодѣйствіе въ привилегіяхъ высшихъ сословій. Освобожденіе подвластнаго населенія совершается не дѣятельностью сословнаго представительства, а настойчивостью монархической власти, которая, имѣя въ виду общее благо народа и государства, освобождается отъ путъ, налагаемыхъ на нее сословными правами и интересами. Естественное движеніе жизни и потребность сохранить государству подобающее ему мѣсто въ ряду другихъ рано или поздно приводятъ къ этому результату. Съ тѣмъ вмѣстѣ сословный порядокъ замѣняется общегражданскимъ, и сословное представительство уступаетъ мѣсто народному.

Ограниченная монархія, свойственная новому времени, есть такъ называемая конституціонная монархія, въ которой монархическая власть ограничивается не привилегіями сословій, а представительствомъ народа, какъ цѣлаго, при чемъ аристократіи и демократіи удѣляется та степень вліянія, которая принадлежитъ имъ фактически, по ихъ общественному положенію. Эта форма представляетъ согласное съ государственными началами сочетаніе всѣхъ основныхъ элементовъ государственной жизни, власти, закона и свободы, связанныхъ совокупною цѣлью, которая есть общее благо. Такъ какъ здѣсь развитіе каждаго элемента достигаетъ свойственной ему полноты, и всѣ они связываются въ одно гармоническое цѣлое, сдерживая другъ друга и занимая подобающее имъ мѣсто въ совокупномъ организмѣ, то, по идеѣ, эта форма представляетъ самое совершенное государственное устройство, какого могутъ достигнуть человѣческія общества. Еслибы выборъ образовъ правленія зависѣлъ отъ идеальныхъ совершенствъ, а не отъ жизненныхъ условій и состоянія общества, то нѣтъ сомнѣнія, что конституціонная монархія заслуживала бы предпочтеніе передъ всѣми другими. Она имѣетъ всѣ выгоды политической свободы, но устраняетъ многіе изъ ея недостатковъ. Изъ смѣшанныхъ образовъ правленія это, безспорно, наилучшій.

Во-первыхъ, передъ демократіей она имѣетъ то громадное пре-

имущество, что здѣсь не владычествуетъ масса. Какъ общее правило, къ участію въ правленіи призываются только способные. Самое же опредѣленіе способности зависитъ отъ состоянія общества. Конституціонная монархія можетъ существовать при весьма низкомъ цензѣ, какъ исключеніе даже при всеобщей подачѣ голосовъ; но это вовсе не основное ея начало, какъ въ демократіи. Выборное право расширяется по мѣрѣ того, какъ народъ, вслѣдствіе развитія просвѣщенія и успѣховъ политической жизни, становится болѣе способнымъ участвовать въ правленіи. Въ самую всеобщую подачу голосовъ могутъ вводиться разныя видоизмѣненія, ограничивающія преобладаніе массы, какъ-то: двойное и тройное право голоса и т. п. По существу этого образа правленія, свобода, составляющая источникъ права, должна сочетаться здѣсь съ другими элементами государственной жизни.

Этимъ, во-вторыхъ, устраняется деспотизмъ большинства. Воля народа встрѣчаетъ преграды и сдержки, а это составляетъ важнѣйшее условіе уравновѣшеннаго правленія и лучшую гарантію для образованныхъ классовъ.

По той же причинѣ, въ-третьихъ, здѣсь менѣе мѣста для легкомысленныхъ увлеченій. Шаткая воля массы имѣетъ передъ собою преграды, отъ нея независимыя, съ которыми справиться не легко. Поэтому и воспитаніе народа несравненно лучше совершается здѣсь, нежели при какой-либо другой формѣ. Люди привыкаютъ къ мысли, что не все зависитъ отъ ихъ воли, что есть порядокъ, который они должны уважать. Они научаются воздерживать и ограничивать свои стремленія. Успѣхъ является не плодомъ минутной вспышки, а результатомъ постоянной, упорной и разумно направленной дѣятельности.

Съ другой стороны, въ четвертыхъ, существованіе демократическаго элемента сдерживаетъ поползновенія аристократіи къ несправедливому владычеству надъ народною массой, то есть, устраняется величайшее зло аристократическаго правленія. За количествомъ не признается верховенство, но оно получаетъ подобающее ему мѣсто въ государственномъ строѣ.

Въ пятыхъ, вслѣдствіе необходимости взаимнаго соглашенія независимыхъ элементовъ, требуется высшая способность въ управляющихъ лицахъ. Въ чистой монархіи, занятіе высшихъ должностей опредѣляется довѣріемъ государя, а оно, какъ показываетъ исторія, часто пріобрѣтается умѣніемъ ему угодить и далеко не всегда оправдывается дѣломъ. Точно также въ демократіи нужно только пріобрѣсти довѣріе толпы, которая еще менѣе способна цѣнить людей. Аристократія въ этомъ отношеніи имѣетъ нѣкоторое преимущество: обыкно-

венно она облекаетъ своимъ довѣріемъ людей, способныхъ поддержать ея высокое положеніе. Рядомъ съ нею стоитъ масса, хотя и необлеченная политическими правами, но съ которою надобно считаться, ибо она можетъ быть опасна для владычествующаго сословія. Однако и здѣсь знатность и богатство нерѣдко перевѣшиваютъ другія соображенія. Чѣмъ прочнѣе чувствуетъ себя аристократія, тѣмъ менѣе она дорожитъ способными людьми, и тѣмъ болѣе она цѣнитъ тѣхъ, которые не мѣшаютъ вліятельнымъ лицамъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ существуютъ независимые другъ отъ друга элементы, которые должны быть приведены къ соглашенію, мелкія способности оказываются весьма недостаточными. Тутъ задачи управленія становятся гораздо затруднительнѣе, но именно вслѣдствіе этого требуются высшія дарованія. Черезъ это, уровень государственныхъ людей значительно повышается.

Въ шестыхъ, хотя и тутъ политическая свобода неизбѣжно ведетъ къ борьбѣ и владычеству партій, однако здѣсь эта борьба не достигаетъ такой степени ожесточенія и не имѣетъ такихъ гибельныхъ послѣдствій, какъ въ демократіи и въ смѣшанной республикѣ, ибо надъ ними стоитъ высшая, умѣряющая власть, которая сдерживаетъ ихъ стремленія. Для того, чтобы эта власть могла исполнить свое назначеніе, она должна быть поставлена въ положеніе независимое отъ борьбы партій, то есть, отъ выбора народныхъ массъ или представительныхъ собраній. Эта цѣль достигается тѣмъ, что во главѣ государства становится наслѣдственный монархъ, который есть вѣнецъ и ключъ всего конституціоннаго зданія. Это имѣетъ и ту выгоду, что высшее положеніе въ государствѣ ставится выше всякихъ личныхъ честолюбій; послѣднія принуждены ограничиваться низшею областью. А съ другой стороны, монархъ, являясь посредникомъ и умѣрителемъ, не подвергается тѣмъ нападкамъ и осужденіямъ, которыя неизбѣжно сопряжены съ вмѣшательствомъ въ борьбу партій и съ непосредственнымъ управленіемъ дѣлами. Онъ остается чистымъ представителемъ государства и присущихъ его началъ общаго блага.

Наконецъ, въ седьмыхъ, конституціонная монархія имѣетъ то великое преимущество передъ всѣми другими образами правленія, что она, безъ всякихъ коренныхъ измѣненій, можетъ приспособляться къ измѣняющимся потребностямъ народной жизни. Здѣсь всѣ общественные элементы призываются къ участію въ общемъ дѣлѣ, и каждый изъ нихъ можетъ фактически получить преобладаніе, смотря по тому, что нужно въ данное время. Когда въ обществѣ значительную силу имѣетъ аристократія, пользующаяся уваженіемъ народа, она естественно преобладаетъ и въ государственномъ управленіи. Напротивъ, съ развитіемъ

демократіи, послѣдняя получаетъ перевѣсъ. Когда же требуется сосредоточеніе власти, на сцену выступаетъ монархъ. Именно это свойство сдѣлало то, что англійская конституція могла сохраниться незыблемо отъ самыхъ первыхъ временъ и до нашихъ дней.

Таковы весьма существенныя выгоды конституціонной монархіи. Установляя нѣсколько властей, другъ друга воздерживающихъ, она даетъ всевозможныя гарантіи свободѣ, она водворяетъ господство законности и необходимость взаимныхъ сдѣлокъ и уступокъ, а между тѣмъ, она не противопоставляетъ другъ другу двухъ общественныхъ стихій безъ всякаго посредствующаго элемента, предоставляя ихъ собственному благоразумію и вселяя между ними неизбѣжную борьбу. Здѣсь надъ общественными силами стоитъ высшій умѣритель, который представляетъ государственное единство и держитъ вѣсы между обѣими сторонами. А съ другой стороны, тутъ есть аристократическій элементъ, который можетъ служить посредникомъ между монархомъ и народомъ въ случаѣ столкновенія между ними. Гдѣ есть три власти, соглашеніе гораздо легче, нежели тамъ, гдѣ ихъ только двѣ.

При всемъ томъ, конституціонная монархія страдаетъ тѣмъ же неизбѣжнымъ недостаткомъ, какъ и смѣшанная республика, именно, раздѣленіемъ властей. А гдѣ власть раздѣлена, тамъ всегда есть поводы къ столкновеніямъ и возможность борьбы. Опасность угрожаетъ со стороны каждаго изъ трехъ элементовъ, входящихъ въ составъ правленія. Стремясь къ расширенію своихъ правъ на счетъ другихъ, онъ либо захватываетъ неподобающую ему долю власти, доводя до ничтожества остальные элементы, либо возбуждаетъ въ нихъ противодѣйствіе и тѣмъ поселяетъ раздоръ въ народѣ и государствѣ.

Наиболѣе поводовъ къ опасеніямъ представляетъ монархъ, который, стоя во главѣ правительственной власти, имѣетъ въ своихъ рукахъ всѣ силы государства и можетъ сдѣлать ихъ орудіями своихъ личныхъ цѣлей. Если онъ, не довольствуясь своею ролью посредника и умѣрителя, хочетъ самъ давать направленіе дѣламъ, вопреки желаніямъ и потребностямъ народа, выражаемымъ его представителями, онъ неизбѣжно приходитъ въ столкновеніе съ собраніемъ, и тогда въ государствѣ водворяются нескончаемые раздоры. Многія европейскія страны представляютъ тому примѣры. Хорошо, когда столкновеніе разрѣшается болѣе и менѣе устойчивымъ компромиссомъ; но иногда оно кончается революціей, что мы и видимъ въ исторіи Англіи и Франціи. Съ своей стороны, представительное собраніе можетъ стремиться къ захватамъ, отрицать прерогативы короны, ставить въ ничто права верхней палаты и для проведенія своихъ видовъ волновать народъ и отказывать въ податяхъ. Англійскій Долгій Парламентъ, французскія

революціонныя собранія, прусская палата 1848-го года представляютъ тому примѣры. Наконецъ, и аристократія можетъ, вліяя на выборы и держа въ рукахъ королевскую власть, направлять законодательство исключительно въ свою пользу. Англія, при первыхъ короляхъ Ганноверскаго дома, управлялась стачкою немногихъ аристократическихъ домовъ, которые, посредствомъ гнилыхъ мѣстечекъ и подкупа представителей, были, въ сущности, полновластными хозяевами въ государствѣ.

Однако, конституціонное устройство содержитъ въ себѣ и лѣкарства противъ этихъ золъ. Если, въ силу существующихъ условій и обстоятельствъ, тотъ или другой элементъ получаетъ перевѣсъ, то все же другіе не подавляются совершенно. Они сохраняютъ свои права и, при измѣнившихся условіяхъ, могутъ восторжествовать въ свою очередь. Мы видѣли, что одно изъ важныхъ преимуществъ конституціонной монархіи заключается въ томъ, что она, не измѣняя своего существа, можетъ приспособляться къ историческому теченію народной жизни. Въ Англіи, при средневѣковомъ порядкѣ, парламентъ служилъ средоточіемъ могучихъ феодальныхъ бароновъ, которые черезъ него держали въ рукахъ королевскую власть. Съ возникновеніемъ новаго государственнаго строя, послѣдняя, напротивъ, временно стала преобладающею; парламентъ, въ сущности, только исполнялъ приказанія монарха. Однако народныя права не были уничтожены, и когда короли захотѣли совершенно обойтись безъ парламента, они встрѣтили сопротивленіе, которое сокрушило ихъ силу. Двойною революціей, но безъ перемѣны государственнаго устройства, королевская власть была введена въ законныя границы. Со вступленіемъ на престолъ Ганноверской династіи она даже умалилась чрезмѣрно. Вмѣсто нея, преобладаніе опять получила аристократія, которая была владычествующимъ элементомъ особенно въ первой половинѣ XVIII-го вѣка. Но затѣмъ, медленнымъ ходомъ жизни, большій и большій перевѣсъ получало демократическое начало, которое, послѣ ряда реформъ, стало наконецъ преобладающимъ. Теперь опасность англійской конституціи грозитъ съ этой стороны. Оппозиція аристократической палаты является только временною задержкой, прерогативы короны обращаются въ ничто. Между тѣмъ, то и другое существенно важно для правильнаго дѣйствія конституціоннаго правленія. Могутъ встрѣтиться обстоятельства, когда именно въ этихъ высшихъ элементахъ власти англійская государственная жизнь найдетъ твердую точку опоры. Недавняя судьба Ирландскаго билля служитъ тому доказательствомъ.

Англійская политическая практика выработала и правильный спо-

собъ соглашенія различныхъ элементовъ верховной власти. Онъ состоитъ въ томъ, что король ввѣряетъ управленіе вождямъ той партіи, которая имѣетъ большинство въ народной палатѣ. Обыкновенно составленіе министерства поручается одному лицу, которое предлагаетъ монарху списокъ товарищей. Это то, что называется парламентскимъ правленіемъ. Такой способъ рѣшенія задачи имѣетъ громадныя выгоды.

Во-первыхъ, этимъ установляется живое единство между правительствомъ и народомъ. Главное зло смѣшаннаго правленія, враждебное отношеніе и раздоры властей, черезъ это устраняется. Монархъ остается высшимъ умѣрителемъ партій, но самъ не вовлекается въ ихъ столкновенія.

Во-вторыхъ, этимъ водворяется единство направленія въ самомъ правительствѣ. Внутреннія разногласія, неизбѣжныя тамъ, гдѣ министерство составляется изъ людей различныхъ партій и направленій, исчезаютъ вслѣдствіе необходимости выступить съ общею программою, которую всѣ члены кабинета обязываются защищать противъ оппозиціи.

Черезъ это, въ-третьихъ, власть пріобрѣтаетъ значительную силу. Правительство, внутри себя разъединенное, всегда слабо, и еще слабѣе то, которое не находятъ поддержки ни въ обществѣ, ни въ парламентѣ, а принуждено бороться съ оппозиціей, господствующей въ странѣ. Напротивъ, правительство, единое въ себѣ и опирающееся на общественное мнѣніе, можетъ смѣло проводить всѣ свои мѣры.

Въ-четвертыхъ, чередованіе двухъ партій въ государственномъ управленіи въ высшей степени выгодно для обѣихъ. Съ одной стороны, правящимъ лицамъ весьма полезно побывать въ оппозиціи. Кромѣ освѣженія силъ, тутъ рождаются и новые взгляды. Долговременное обладаніе властью, при напряженной дѣятельности въ извѣстномъ направленіи, слишкомъ часто ведетъ къ ослѣпленію. Правители перестаютъ видѣть настоящія потребности общества. Послѣднія яснѣе раскрываются имъ въ оппозиціи, когда они ближе стоятъ къ народу и умъ ихъ не отуманивается обаяніемъ власти. Они лучше понимаютъ и всѣ выгоды, проистекающія для государства отъ оппозиціи, имѣющей право возвышать свой голосъ по всѣмъ государственнымъ вопросамъ и подвергать безпощадной критикѣ всѣ дѣйствія правительства. Это заставляетъ послѣднее быть всегда на сторожѣ, раскрываетъ ему вредныя стороны предлагаемыхъ мѣръ и не позволяетъ сму слишкомъ перегибать дугу въ одну сторону. Съ своей стороны, оппозиціи въ высшей степени полезно побывать въ правленіи. Это раскрываетъ ей глаза на условія и потребности власти. Она не ограничивается уже чисто

отрицательною критикой, а старается выработать программу, которую она берется провести, когда правленіе перейдетъ въ ея руки. Въ самомъ обществѣ, вмѣсто теоретическихъ построеній, вырабатываются практическіе взгляды, а это именно то, что требуется для политической жизни. Люди привыкаютъ къ совокупной дѣятельности и необходимымъ въ ней сдѣлкамъ и уступкамъ. Рѣзкія мнѣнія сглаживаются и установляется среднее, способное удовлетворить большинство.

Въ-пятыхъ, такое чередованіе партій полезно и для государственнаго управленія. Измѣняющіяся условія жизни и развитія нерѣдко требуютъ измѣненія политическаго направленія. Иногда нужно движеніе впередъ, а иногда, напротивъ, необходимо сдержать излишнее движеніе, въ видахъ упроченія существующаго. Но всякое дѣло лучше дѣлается тѣмъ, кто убѣжденъ въ его пользѣ, нежели тѣмъ, кто дѣлаетъ его нехотя, уступая необходимости. Человѣкъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, размышлявшій объ общественныхъ дѣлахъ и искусившійся въ государственной жизни, можетъ измѣнить свой взглядъ по тому или другому частному вопросу, но онъ не мѣняетъ своего направленія. Поэтому, когда является новая потребность и она становится столь настоятельною, что ее нужно непремѣнно удовлетворить, то лучше призвать свѣжихъ людей, нежели вливать новое вино въ старые мѣхи. Именно этому отвѣчаетъ чередованіе партій.

Въ-шестыхъ, этимъ способомъ на пользу государства обращаются всѣ политическія способности страны. Даровитые люди, принадлежащіе по своимъ убѣжденіямъ къ оппозиціонному лагерю, не принуждены тратить свои силы въ безплодной борьбѣ; они могутъ употребить свои способности на благо отечества. Тамъ, гдѣ не установилось парламентское правленіе, иногда личное нерасположеніе монарха устраняетъ именно даровитѣйшихъ людей. Георга II-го съ трудомъ могли уговорить ввѣрить министерскій портфель старшему Питту. Еслибы въ то время уже партія, господствующая въ парламентѣ, не имѣла возможности проводить свои взгляды и дать торжество своему направленію, Англія лишилась бы одного изъ величайшихъ своихъ государственныхъ людей.

Въ-седьмыхъ, обладаніе властью служитъ пробнымъ камнемъ для политическихъ партій. Тутъ только обнаруживается, насколько ихъ программы примѣнимыи полезны для государства. Оппозиціонныя партіи обыкновенно выѣзжаютъ на самыхъ популярныхъ началахъ; возбуждая народныя страсти и несбыточныя надежды, онѣ могутъ пріобрѣсти преобладающую силу въ странѣ. Но если, когда власть переходитъ въ ихъ руки, онѣ принуждены отступить отъ своихъ требованій, если предлагаемыя ими мѣры оказываются неисполнимыми на

практикѣ или ведутъ къ вреднымъ послѣдствіямъ, если люди, пробавляющіеся громкими фразами, на дѣлѣ обнаруживаютъ свою административную неспособность, то они быстро теряютъ свое обаяніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и господство въ общественномъ мнѣніи. Демагоги сильны пока приходится только ораторствовать; прикосновеніе съ властью обнаруживаетъ ихъ ничтожество.

При всѣхъ этихъ значительныхъ выгодахъ, парламентское правленіе неизбѣжно страдаетъ недостатками, присущими господству партій въ государственной жизни и указанными уже выше. Власть достается путемъ упорной борьбы, и для достиженія ея употребляются всѣ средства, дозволенныя и недозволенныя. Нравственныя требованія и государственная польза нерѣдко затмѣваются партійными цѣлями. Общественное мнѣніе сбивается съ толку всегда одностороннимъ, а часто и превратнымъ представленіемъ дѣла. Владычествующая партія награждаетъ своихъ приверженцевъ, а способнѣйшіе люди остаются въ сторонѣ. Парламентъ становится центромъ интригъ, а администрація орудіемъ партійнаго давленія. При смѣнѣ партій, лица, занимающія подчиненныя должности, не знаютъ, кому угодить. Все государственное управленіе страдаетъ отъ шаткости политики, переходящей отъ одной противоположности въ другую. При частыхъ колебаніяхъ правительство теряетъ, наконецъ, всякій авторитетъ. Особенно вредно это отзывается на иностранной политикѣ, которая требуетъ постоянства направленія; здѣсь частыя перемѣны могутъ подорвать международное положеніе государства.

Въ демократіи, какъ уже было объяснено, всѣ эти недостатки достигаютъ крайнихъ размѣровъ, ибо тутъ нѣтъ сдержекъ, полагающихъ предѣлъ господству партій. Въ конституціонной монархіи, напротивъ, такія сдержки существуютъ, и этимъ значительно умаляется зло. Первая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что и при парламентскомъ правленіи министры назначаются лицемъ, не причастнымъ духу партій, а стоящимъ надъ ними.

Современные англійскіе публицисты, склоняющіеся къ демократическому направленію, видятъ въ министерствѣ просто правительственную коммиссію Нижней Палаты. Это значитъ совершенно упускать изъ вида то существенное значеніе, которое имѣетъ назначеніе министровъ королемъ. Еслибы это право было предоставлено представительной палатѣ, то всѣ власти сосредоточились бы въ ея рукахъ, и ея деспотизму не было бы предѣловъ. Иногда же, наоборотъ, при раздробленности партій, не было бы возможности составить кабинетъ, или же образовалось бы министерство нейтральное, то-есть, безцвѣтное и лишенное силы. Вслѣдствіе этого, всѣ конституціи въ мірѣ признаютъ

это право за монархомъ, оставляя за палатами только косвенное вліяніе на его рѣшенія. Даже въ демократическихъ республикахъ назначеніе министровъ президентомъ представляетъ весьма существенную сдержку владычеству партій. При слабой организаціи послѣднихъ и еще болѣе при случайныхъ коалиціяхъ, отъ главы государства зависитъ выборъ лица, которому поручается составленіе кабинета. Переговоры ведутся не только между членами партіи, ищущими власти, но главнымъ образомъ съ постороннимъ лицемъ, котораго положеніе даетъ его мнѣнію особенную силу. Король еще выше стоитъ надъ партіями, еще менѣе стѣсненъ партійными соображеніями, нежели президентъ республики. Въ странѣ, привязанной къ монархическому началу, авторитетъ его еще больше, а потому, если не всегда дѣлается то, что онъ хочетъ, то во всякомъ случаѣ его совѣты имѣютъ весьма значительный вѣсъ.

Но всего важнѣе то, что при этомъ способѣ назначенія министерство ставится въ положеніе независимое отъ палаты. Оно власть свою получаетъ не отъ палаты, а отъ короля, а потому, еслибы палата не дала ему надлежащей поддержки, оно, отъ имени короля, имѣетъ право ее распустить, что совершенно немыслимо со стороны простой парламентской коммиссіи. Мало того; король можетъ даже назначить министерство помимо большинства и затѣмъ распустить палату, если она оказываетъ ему упорную оппозицію. Англійская исторія представляетъ тому поучительный примѣръ. Въ 1783 году коалиціонное министерство Фокса и лорда Норта представило Палатѣ Общинъ проектъ закона о преобразованіи управленія Индіи, который Георгъ III считалъ противнымъ правомъ короны. Министерство располагало въ палатѣ значительнымъ большинствомъ, и предложеніе прошло въ ней безъ труда. Оно было бы принято и Палатою Лордовъ, но король заявилъ, черезъ довѣренное лице, что онъ будетъ считать своимъ врагомъ всякаго, кто подастъ за него голосъ. Вслѣдствіе этого личнаго вмѣшательства монарха, билль былъ отвергнутъ Верхнею Палатой. Тогда король немедленно отставилъ министерство и назначилъ первымъ министромъ двадцатичетырехлѣтняго Питта, который не былъ даже главою какой-либо партіи. Палата Общинъ постановляла резолюцію за резолюціей, выражающія недовѣріе къ новому министерству; она отвергла предложенный Питтомъ билль о переустройствѣ индійскаго управленія; дважды она подавала адресы королю, настаивая на томъ, что министерство не пользуется ея поддержкой, а потому должно быть удалено. Но Питтъ стоялъ на томъ, что король имѣетъ право назначать своихъ министровъ и распускать палату, когда ему заблагоразсудится. Распущеніе послѣдовало, когда

оппозиція, отвергавшая прерогативу короны, достаточно скомпрометтировалась. Новые выборы дали огромное большинство министерству. Такимъ образомъ, величайшій изъ англійскихъ министровъ, который въ теченіи семнадцати лѣтъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ короля и народа, былъ назначенъ актомъ королевской власти, помимо большинства Нижней Палаты; то конституціонное ученіе, которое онъ поддерживалъ, утверждено было громаднымъ большинствомъ народа. Этихъ прецедентовъ не хотятъ знать тѣ публицисты, которые видятъ въ министерствѣ простую коммиссію Нижней Палаты.

Значеніе этихъ прецедентовъ не ослабляется тѣмъ, что это происходило сто лѣтъ тому назадъ. Англійская конституція вся держится прецедентами еще болѣе древними. Если въ XIX-мъ вѣкѣ не потребовалось такое вмѣшательство королевской власти, то это произошло оттого, что при крѣпкой организаціи и политическомъ духѣ англійскихъ партій, смѣна ихъ въ управленіи не представляетъ никакой опасности для государства. Но съ развитіемъ демократіи могутъ снова наступить обстоятельства, гдѣ опять нужно будетъ прибѣгнуть къ авторитету короны, и тогда конституція представитъ для этого всѣ нужныя средства.

Такое возведеніе обычнаго хода дѣлъ въ юридическое правило тѣмъ менѣе умѣстно, что самое парламентское правленіе есть учрежденіе не юридическое, а фактическое. Оно установляется не въ силу закона, а по внушенію благоразумія, потому что это требуется общественною пользой. Ни одна конституція не признаетъ за палатами права назначать министровъ: признается только отвѣтственность министровъ передъ палатами; но и это начало не юридическое, а политическое, то-есть, управляемое началомъ цѣлесообразности. Юридически министры отвѣтствуютъ за нарушеніе законовъ; за это они могутъ быть обвиняемы и судимы. Политическая же отвѣтственность касается направленія политики; это—начало весьма неопредѣленное и лишенное всякой санкціи. Палата не имѣетъ права смѣнить министра, которому она отказываетъ въ довѣріи; это предоставляется монарху. Но министерство, которое не пользуется довѣріемъ палаты, не имѣетъ возможности проводить своихъ мѣръ; оно лишено силы въ общественномъ мнѣніи. При такихъ условіяхъ, управленіе становится крайне затруднительнымъ; вмѣсто требуемаго единенія, между правительствомъ и обществомъ поселяется раздоръ. Въ такихъ случаяхъ благоразуміе требуетъ уступки. Если, послѣ распущенія палаты, упорно возвращается прежнее большинство, правительство должно отказаться отъ политики несогласной съ мнѣніемъ и потребностями народа. Лучше временно передать правленіе тѣмъ, которые проводятъ иные виды, нежели во-

дворять постоянный раздоръ, возбуждающій страсти и обостряющій всѣ отношенія. Король въ ограниченной монархіи не можетъ имѣть притязанія проводить во что бы ни стало свои взгляды: онъ долженъ сообразоваться съ мнѣніемъ общества. Но окончательное рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ ему, и никому другому. Отъ него зависитъ назначеніе лица, которому поручается составленіе министерства. И это рѣшеніе далеко не всегда просто. Тамъ, гдѣ есть крѣпко организованныя партіи, имѣющія своихъ признанныхъ всѣми вождей, и одна изъ этихъ партій опирается на прочное большинство, выборъ опредѣляется самыми обстоятельствами. Но иное дѣло тамъ, гдѣ партіи раздроблены и составляется коалиція крайнихъ. Тутъ образованіе министерства бываетъ плодомъ болѣе или менѣе долгихъ переговоровъ, въ которыхъ вліяніе короны играетъ весьма значительную роль. Чѣмъ слабѣе и разрозненнѣе большинство, тѣмъ, очевидно, это вліяніе больше. Важная выгода конституціоннаго порядка заключается, какъ уже замѣчено выше, въ его эластичности, въ возможности приспособленія къ разнообразнымъ условіямъ жизни. Тамъ, гдѣ общество слабо, корона естественно имѣетъ перевѣсъ. По мѣрѣ того какъ общество крѣпнетъ и воспитывается къ политической жизни, значеніе монархическаго начала умаляется, но не исчезаетъ. Тогда наступаетъ парламентское правленіе не какъ юридическая организація, а какъ выраженіе фактическаго отношенія силъ. Монархъ перестаетъ быть руководителемъ политики; онъ остается умѣрителемъ движенія.

Отсюда ясно, что парламентское правленіе можно разсматривать какъ высшій цвѣтъ конституціоннаго порядка, но отнюдь не какъ всеобщую панацею, приложимую всегда и вездѣ. Оно требуетъ условій, которыя далеко не вездѣ существуютъ. При шаткости общественнаго мнѣнія, при слабо организованныхъ партіяхъ, водвореніе его можетъ вести лишь къ безпрерывнымъ колебаніямъ и къ разстройству всего управленія. Только крайнія партіи, не отступающія ни передъ чѣмъ, могутъ извлечь изъ этого выгоды. Въ видахъ общественной пользы, при такихъ условіяхъ, несравненно лучше правленіе, исходящее отъ воли монарха, сообразующееся съ настроеніемъ общества, но не поддающееся минутнымъ его увлеченіямъ, а твердо держащее кормило государства. Такой порядокъ, даже и безъ парламентскаго правленія, при должномъ благоразуміи обѣихъ сторонъ, можетъ принести существенную пользу. При взаимномъ довѣріи тутъ установляется не оффиціальное только, а живое единеніе правительства и общества. Лучшія общественныя силы призываются къ участію въ дѣлахъ государства; правительство подкрѣпляется ихъ знаніями и

находитъ въ нихъ опору для своихъ мѣропріятій; общество же воспитывается практикою къ политической жизни и къ пониманію государственныхъ вопросовъ. Полагается предѣлъ произволу и водворяется царство законности. Однимъ словомъ, тутъ прилагается вполнѣ приведенное выше мнѣніе Штейна о пользѣ чиновъ.

Изъ всего этого можно видѣть, что сила и прочность конституціоннаго порядка зависятъ не столько отъ учрежденій, сколько отъ способовъ дѣйствія установленныхъ властей. Учрежденія даютъ только форму, полагающую предѣлъ исключительному господству того или другаго элемента; наполненіе же этой формы содержаніемъ опредѣляется свойствами и отношеніями этихъ элементовъ. Общественная польза требуетъ согласнаго ихъ дѣйствія, а какъ установляется это согласіе, это зависитъ отъ нихъ самихъ. Если, вообще, умѣренность составляетъ правило здравой политики, то здѣсь, при взаимномъ ограниченіи властей, она требуется вдвойнѣ. Безъ этого основнаго качества конституціонный порядокъ немыслимъ. Поэтому, для него нѣтъ ничего вреднѣе, какъ распространеніе крайнихъ мнѣній въ какую бы то ни было сторону, радикальную или реакціонную. Среднія мнѣнія составляютъ истинную силу и опору конституціонной монархіи. Ими должны руководствоваться всѣ, принимающіе участіе въ дѣлахъ государства.

Прежде всего, умѣренность должна быть преобладающимъ качествомъ самого монарха. При парламентскомъ правленіи онъ не управляетъ непосредственно. По приведенному уже французскому изреченію, король царствуетъ, но не правитъ (le roi règne et ne gouverne pas). Каковы его права въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда требуется его рѣшеніе, мы видѣли выше. Но и въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ, онъ не можетъ совершенно устраняться отъ политики. Непосредственное управленіе предоставляется министрамъ; но король помогаетъ имъ содѣйствіемъ, совѣтомъ и согласіемъ. Всѣ дѣла должны быть ему извѣстны. Въ странѣ, гдѣ наиболѣе прочно утвердилось парламентское правленіе, въ Англіи, лордъ Пальмерстонъ, будучи министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ прямо отставленъ за то, что послалъ отвѣтъ на иностранную депешу, не представивъ ея предварительно королевѣ на одобреніе. При такихъ отношеніяхъ возникаетъ вопросъ: до какой степени король можетъ въ конституціонномъ порядкѣ проводить свою личную политику? Это вопросъ не столько юридическій, сколько политическій; но отъ него зависитъ правильное дѣйствіе конституціонной системы.

Въ отношеніи къ королевской власти, парламентское правленіе имѣетъ ту несомнѣнную выгоду, что оно дѣлаетъ безвредными не-

способность, слабость и самовластныя дѣйствія короля. Иногда отрицательныя свойства монарха упрочиваютъ даже конституціонный порядокъ, какъ показываетъ примѣръ Англіи при воцареніи Ганноверской династіи. Но умный и энергическій монархъ рѣдко довольствуется страдательною ролью; онъ хочетъ имѣть свою политику и всѣми мѣрами старается ее проводить. Какъ же согласить эти стремленія съ требованіями парламентскаго правленія?

Многіе думаютъ, что конституціонный король не долженъ имѣть своей политики. Но въ такомъ случаѣ онъ не можетъ исполнять неотъемлемо принадлежащей ему роли умѣрителя партій. Воздерживать партіи можетъ только тотъ, кто имѣетъ свое мнѣніе о ходѣ политическихъ дѣлъ; только этимъ пріобрѣтается авторитетъ. Отъ короля нельзя требовать и того, чтобы онъ совершенно устранялся отъ дѣлъ, вступаясь только въ рѣшительныя минуты. Напротивъ, онъ долженъ постоянно слѣдить за дѣлами; иначе онъ не можетъ дать ни совѣта, ни рѣшенія. Но каковы бы ни были личныя его воззрѣнія, отъ него требуются двѣ вещи, безъ которыхъ правильное дѣйствіе конституціоннаго порядка немыслимо: 1) чтобы онъ не проводилъ своей личной политики вопреки желаніямъ народа, выраженнымъ его представителями; 2) чтобы онъ не становился во враждебное отношеніе къ какой бы то ни было партіи.

Какъ скоро король проводитъ свои личные взгляды наперекоръ парламенту, такъ враждебное отношеніе между нимъ и народомъ неизбѣжно. Но такая вражда есть самая опасная вещь для государства. Пока министерство воюетъ съ оппозиціей, это не имѣетъ дурныхъ послѣдствій. Министерство можетъ быть побито, сойти съ поприща и замѣниться другимъ: отъ этого нерѣдко государство выигрываетъ. Но какъ скоро король вступаетъ съ столкновеніе съ парламентомъ, такъ онъ перестаетъ быть неизмѣнною и непоколебимою вершиною зданія, центромъ, къ которому всѣ обращаются съ одинакимъ чувствомъ довѣрія и уваженія. Этимъ расшатываются самыя основы государственнаго организма и значеніе монарха неизбѣжно умаляется. Если онъ принужденъ наконецъ уступить, то авторитетъ его исчезаетъ; онъ унижается въ глазахъ народа. Поэтому, разъ вступивши на это поприще, онъ по необходимости долженъ упорствовать въ своихъ видахъ, даже еслибы онъ увидѣлъ свою ошибку. Министерство подаетъ въ отставку; король никогда. Остается заставить парламентъ согласиться. Если этого можно достигнуть конституціонными средствами, распущеніемъ палаты, воззваніемъ къ избирателямъ, даже неоднократнымъ, то этимъ самымъ устраняется столкновеніе. Все это не выходитъ изъ предѣловъ парламентскаго правленія. Жгучій вопросъ рождается

лишь тогда, когда всѣ законныя средства исчерпаны, а монархъ все-таки стоитъ на своемъ. Тогда остается прибѣгать къ средствамъ незаконнымъ. Такимъ образомъ, враждебное отношеніе между королемъ и парламентомъ кончается или униженіемъ короля или нарушеніемъ конституціи, то-есть, двумя изъ величайшихъ золъ, которыя могутъ постигнуть государство. Всего лучше, когда дѣло слаживается компромиссомъ; но и компромиссъ, послѣ долговременной распри, оставляетъ по себѣ печальныя послѣдствія.

Во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія Европа видѣла двѣ продолжительныя конституціонныя распри, которыя обѣ кончились торжествомъ короны. Первая и самая замѣчательная, которая имѣла громадное вліяніе на судьбы всего современнаго человѣчества, была та, которая происходила въ Пруссіи въ шестидесятыхъ годахъ. Ближайшимъ поводомъ служила реорганизація войска, которую король настойчиво проводилъ, и на которую палата соглашалась лишь съ уменьшеніемъ срока службы. Но за этимъ таился гораздо болѣе важный вопросъ, а именно: совершится ли объединеніе Германіи кровью и желѣзомъ или болѣе мирными, хотя болѣе отдаленными путями? Побѣды германскаго оружія разрѣшили вопросъ въ первомъ смыслѣ, и палата уступила относительно срока службы, а правительство отказалось впредь управлять безъ бюджета. Но, какъ уже замѣчено выше, позволительно сомнѣваться, насколько этотъ исходъ послужилъ на пользу человѣчества и прежде всего самой Германіи. Искупаетъ ли пріобрѣтенная сила и слава то страшное бремя милитаризма, которое тяготѣетъ надъ всею Европой? Относительно военной реорганизаціи оказывается, что въ настоящее время германское правительство соглашается на двухлѣтній срокъ службы, который оно въ то время считало невозможнымъ; стало-быть, изъ-за этого не стоило поднимать такой споръ. Въ области же внутреннихъ отношеній вражда правительства къ среднимъ классамъ, составлявшимъ большинство палаты, повела къ введенію всеобщаго права голоса, которое страшно усилило соціалъ-демократію. Еслибы въ то время прусское правительство пошло на уступки, судьбы міра получили бы иной оборотъ, вѣроятно болѣе благопріятный счастью народовъ. Торжество военной силы не всегда есть признакъ здравой политики.

Другая, еще болѣе упорная распря въ теченіи многихъ лѣтъ тянулась въ Даніи. Тутъ вопросъ шелъ собственно о парламентскомъ правленіи. Демократическая партія, господствовавшая въ нижней палатѣ, отказывала въ довѣріи консервативному министерству и отвергала не только представляемые имъ законы, но и самый бюджетъ.

Приходилось пробавляться временными бюджетами, издаваемыми королевскою властью съ одобреніемъ верхней палаты. Оставляя въ сторонѣ юридическій вопросъ, который здѣсь сводится къ болѣе или менѣе правильному толкованію статей конституціи, то-есть, на юридическую казуистику, менѣе всего приложимую къ политическимъ вопросамъ и ведущую лишь къ безконечнымъ препирательствамъ, нельзя не сказать, что бюджетъ, издаваемый помимо представительной палаты, можетъ найти извиненіе въ случаяхъ крайней необходимости; но когда такой порядокъ тянется въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, онъ не можетъ не считаться извращеніемъ всего конституціоннаго строя. Тутъ нельзя сваливать вину на одну нижнюю палату. Народное представительство имѣетъ право требовать, чтобы голосъ его былъ принятъ во вниманіе. Уступчивость нужна не только со стороны нижней палаты, но прежде всего со стороны короны. Желаніе, чтобы министерство было взято изъ среды большинства, не есть какое-либо неумѣренное притязаніе; напротивъ, это — первое условіе согласнаго дѣйствія. Парламентское правленіе, какъ сказано, не можетъ считаться безусловнымъ правиломъ для всѣхъ конституціонныхъ государствъ; случайное или ничтожное большинство не имѣетъ права требовать, чтобы правительство непремѣнно сообразовалось съ его взглядами. Но когда это большинство имѣетъ прочные корни въ общественномъ мнѣніи, когда, не смотря на неоднократныя распущенія палаты, оно удерживается и ростетъ, здравая политика требуетъ уступки. Для государства полезно, чтобы партія, господствующая въ обществѣ, имѣла возможность получить управленіе въ свои руки, показать свои силы, узнать условія власти. Это служитъ для нея и пробою и воспитательнымъ средствомъ. Если опасаются, что она будетъ проводить вредныя мѣры, то для этого есть задержки и въ верхней палатѣ и въ самомъ королѣ. При данныхъ условіяхъ, это—единственный способъ установить живую связь между правительствомъ и народомъ, связь, которая составляетъ главную цѣль конституціоннаго правленія. Привязанность народа къ монарху и къ основному закону несравненно важнѣе всякихъ другихъ соображеній, а именно эта привязанность разрушается, когда королевская власть, опираясь на узкое толкованіе конституціи, становится въ рѣзкую и упорную оппозицію съ господствующимъ направленіемъ.

Такая политика противорѣчитъ самому призванію конституціоннаго монарха. По своему положенію, онъ долженъ быть примирителемъ, а не вожатаямъ партіи. Какъ глава государства, онъ стоитъ выше всѣхъ партій, ибо онъ является представителемъ всѣхъ интересовъ. Какъ скоро онъ становится во главѣ какой бы то ни было партіи,

онъ нисходитъ съ своей высоты и ставитъ себя во враждебное отношеніе къ извѣстной части народа. Борьба партій есть дѣло министерства; король же призванъ ее умѣрять. Черезъ это онъ сохраняетъ свое вліяніе на всѣ партіи, кромѣ тѣхъ, которыя не признаютъ самой королевской власти и стремятся къ разрушенію существующаго порядка. Послѣднія, очевидно, могутъ получить власть только путемъ революціи. Но пока въ обществѣ господствуютъ умѣренныя партіи, которыя держатся въ предѣлахъ конституціи, король можетъ и долженъ жить въ мирѣ со всѣми. При такой политикѣ онъ не унижаетъ себя, назначая непріятное ему министерство въ угоду парламенту, а исполняетъ только основное правило парламентскаго правленія.

Это не исключаетъ однако бо́льшаго сочувствія къ одному направленію, нежели къ другому. Полная нейтральность невозможна для человѣка, имѣющаго свое мнѣніе. Но между сочувствіемъ и дѣятельностью въ духѣ партіи—огромная разница. Конституціонный король не долженъ участвовать своимъ вліяніемъ ни въ одной мѣрѣ, внушаемой духомъ партіи, иначе какъ для ея умѣренія. Борьба ведется министрами съ оппозиціей; король же даетъ только совѣты благоразумія, предоставляя имъ препираться между собой. Но есть множество мѣръ, которыя, не касаясь вопросовъ, раздѣляющихъ партіи, имѣютъ въ виду благо всего народа, и именно эти часто упускаются изъ вида партіями, преслѣдующими исключительно свои интересы. Есть и такія мѣры, которыя хотя и связаны съ видами партій, но касаются существенныхъ интересовъ всего народа. Здѣсь король не можетъ и не долженъ оставаться нейтральнымъ. Напротивъ, все его личное вліяніе должно быть направлено къ тому, чтобы провести то, что онъ считаетъ полезнымъ для государства. И наоборотъ, онъ имѣетъ право и обязанность наложить свой запретъ на все, что можетъ подорвать общее благосостояніе, возбудить внутренніе раздоры и расшатать основы государственнаго порядка.

Такимъ образомъ, конституціонный король является верховнымъ рѣшителемъ всѣхъ вопросовъ, касающихся высшихъ интересовъ народа, какъ-то: войны и мира, важныхъ внутреннихъ преобразованій, мѣръ для улучшенія быта низшихъ классовъ; въ остальномъ же онъ играетъ роль умирителя, не вступающагося въ дѣло, но призваннаго давать совѣты благоразумія. При такомъ положеніи, даже простое мнѣніе короля, стоящаго во главѣ государства, всегда будетъ имѣть огромный вѣсъ. Умѣренность взглядовъ, любовь народа, уваженіе къ сану, личное вліяніе, все это ведетъ къ тому, что голосъ его всегда будетъ имѣть болѣе значенія, нежели чей бы то ни было. Занимать

такое высокое положеніе, быть представителемъ высшаго, неизмѣннаго порядка, верховнымъ хранителемъ и гарантіей законности, блюстителемъ интересовъ народа, предметомъ всеобщей любви и уваженія, дѣйствовать совокупно съ способнѣйшими людьми государства, не навязывая имъ своего мнѣнія, но стоя надъ ними и воздерживая одностороннее ихъ направленіе, такое призваніе представляетъ достаточное поприще для всякаго честолюбія. Не только нельзя сказать, что подобное положеніе не даетъ достаточнаго простора способностямъ, но, напротивъ, оно требуетъ такого сочетанія умственныхъ и нравственныхъ качествъ, какое встрѣчается весьма рѣдко. Держаться односторонняго направленія несравненно легче, нежели понимать противоположные взгляды и стараться ихъ согласить. Но всего труднѣе для человѣка самоограниченіе, а именно это требуется отъ конституціоннаго короля, ибо онъ властвуетъ не надъ подданными, обязанными безпрекословнымъ повиновеніемъ, а надъ свободными людьми, съ которыми надобно дѣйствовать въ согласіи.

Еще болѣе высокія качества требуются тамъ, гдѣ политическое развитіе народа стоитъ на низкой ступени, гдѣ нѣтъ ни крѣпкаго общественнаго мнѣнія, ни организованныхъ партій, способныхъ стать во главѣ правленія. При такихъ условіяхъ, общество можетъ быть призвано къ участію въ рѣшеніи вопросовъ, но не къ управленію дѣлами. Тутъ парламентское правленіе неумѣстно; оно можетъ породить только безконечную шаткость. Верховное руководство по необходимости исходитъ отъ монарха. Однако и тутъ есть выборное собраніе, которое представляетъ, съ одной стороны, опору, съ другой задержку правительственной власти, и съ которымъ, поэтому, надобно считаться. Здѣсь правителю необходимо глубокое знаніе общественныхъ силъ и руководящихъ людей, умѣніе отличить серіозное мнѣніе отъ легкомысленныхъ увлеченій, настойчивость и уступчивость, и то и другое на своемъ мѣстѣ. Монархъ и тутъ не долженъ являться главою или опорою партіи, а долженъ быть представителемъ всѣхъ общественныхъ интересовъ, которые въ его глазахъ имѣютъ одинакое право на вниманіе и справедливое удовлетвореніе. Въ особенности же слѣдуетъ избѣгать взаимнаго недовѣрія между монархомъ и представительствомъ. А оно неизбѣжно возбуждается, когда монархъ окружаетъ себя людьми, которые не пользуются довѣріемъ и уваженіемъ общества, и еще болѣе, когда онъ старается по возможности ограничить права выборнаго собранія. Представители народа призываются не за тѣмъ, чтобы давать частные отвѣты по частнымъ вопросамъ, а для того, чтобы выяснить всѣ народныя нужды и дать свое мнѣніе по всѣмъ важнымъ дѣламъ, касающимся благосо-

стоянія гражданъ. Чѣмъ болѣе ихъ стараются втѣснить въ узкія рамки, тѣмъ болѣе они стремятся изъ нихъ выйдти. Недовѣріе сверху неизбѣжно рождаетъ недовѣріе снизу. Но всего хуже, когда самовластное правительство прикрывается призракомъ представительнаго устройства и создаетъ всегда покорное собраніе, направляя выборы по своему усмотрѣнію. Такое представительство не исполняетъ самыхъ существенныхъ задачъ представительнаго порядка: оно даетъ только мнимую опору, а задержки не представляетъ никакой. Все тутъ основано на обманѣ, а это имѣетъ глубоко развращающее вліяніе на общество. Франція, при Наполеонѣ III-мъ, испытала на себѣ послѣдствія такого порядка вещей. Неслыханный въ исторіи погромъ былъ окончательнымъ осужденіемъ единовластія, опирающагося на призрачное представительство.

Каково бы однако ни было отношеніе короны къ представительному собранію, существованіе двухъ независимыхъ властей всегда открываетъ возможность борьбы. Еслибы монархъ стоялъ одинъ противъ общественныхъ увлеченій, онъ рѣдко могъ бы отстоять свое положеніе и, во всякомъ случаѣ, потерялъ бы свое обаяніе. Ему необходима опора въ средѣ самого общества. Такую опору даетъ ему верхняя палата, которая занимаетъ посредствующее положеніе между монархомъ и народомъ.

Мы видѣли существенную пользу двухъ палатъ даже въ чистой демократіи; въ конституціонной монархіи онѣ вдвойнѣ необходимы. Тамъ, гдѣ двѣ власти стоятъ другъ противъ друга, столкновенія неизбѣжны; поэтому, между ними должна стоять третья, посредствующая власть. Еслибы королю приходилось отказывать въ утвержденіи всѣхъ вредныхъ для государства законовъ, которые проходятъ черезъ палату представителей, то онъ подвергался бы безпрерывнымъ нареканіямъ. Если же они отвергаются верхнею палатой, то король остается въ сторонѣ. Наоборотъ, когда законъ, принятый нижнею палатой, одобряется и верхнею, составленною изъ другихъ элементовъ, то это такой авторитетъ, противъ котораго монарху приходится выступать только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Право за нимъ безспорно остается, но имъ никогда почти не приходится пользоваться. Съ другой стороны, дружное дѣйствіе обѣихъ палатъ способно воздержать королевскую власть, когда она выступаетъ изъ своихъ предѣловъ. И тутъ совокупный ихъ авторитетъ несравненно больше, нежели у одной палаты представителей.

Такимъ устройствомъ осуществляется, вмѣстѣ съ тѣмъ, истинное назначеніе конституціонной монархіи, которая, по идеѣ, является сочетаніемъ всѣхъ общественныхъ элементовъ. Мы видѣли, что во

всякомъ обществѣ существуютъ аристократическіе элементы. Если они не получаютъ отдѣльнаго представительства, они поглощаются массой. При широкомъ развитіи свободы, не имъ принадлежитъ инициатива движенія, а представителямъ демократіи; ихъ роль—умѣрять народныя увлеченія и давать движенію устойчивость, чѣмъ самымъ они служатъ опорою монарху, который есть высшій умѣритель. Эта роль тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе въ нижней палатѣ преобладаетъ демократія. Прочно устроенная аристократическая палата одна можетъ поставить преграду неудержимому ея напору и служитъ убѣжищемъ лучшимъ силамъ общества. Съ другой стороны, сама исходя изъ общества и стоя во главѣ его, аристократія призвана защищать народную свободу противъ королевской власти, когда послѣдняя выступаетъ изъ своихъ границъ. Такимъ образомъ, занимая независимое положеніе, верхняя палата служитъ сдержкою для обѣихъ другихъ властей и посредствующимъ звеномъ между ними. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при такомъ различіи элементовъ, призванныхъ къ законодательной дѣятельности, всѣ политическіе вопросы получаютъ всестороннее освѣщеніе, а потому въ рѣшеніяхъ бываетъ болѣе осмотрительности и менѣе увлеченій. По своему составу и характеру, верхняя палата менѣе подчиняется вліянію измѣнчивыхъ и случайныхъ общественныхъ теченій. Нужно только, чтобы, составляя задержку, она не могла совершенно останавливать движеніе, упорно противясь всему, что клонится къ уменьшенію аристократическихъ вліяній или преимуществъ.

Для того, чтобы верхняя палата могла исполнить свое назначеніе, она должна имѣть не только правильную юридическую организацію, но и нравственный вѣсъ въ странѣ. Это въ значительной степени зависитъ отъ ея состава. Мы видѣли, каковы, вообще, аристократическіе элементы общества: аристократія раздѣляется на землевладѣльческую, или родовую, денежную и умственную; къ этому присоединяется аристократія служебная, состоящая изъ высшихъ сановниковъ государства. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* были изложены разнообразные способы составленія изъ нихъ верхней палаты. Здѣсь мы должны разсмотрѣть выгоды и невыгоды различныхъ сочетаній.

Наиболѣе вѣса безспорно имѣетъ аристократія родовая, тамъ, гдѣ она вытекла изъ исторіи и своимъ политическимъ смысломъ успѣла сохранить свое высокое положеніе. Она составляетъ могущественную общественную силу, которой, по этому самому, принадлежитъ первенствующее мѣсто въ государственномъ устройствѣ. Но для этого необходимо, чтобъ она была дѣйствительно силою, пользующеюся уваженіемъ народа, а не искусственнымъ созданіемъ теоріи и не жалкимъ

обломкомъ сословныхъ притязаній. Всѣ попытки искусственно создать наслѣдственную аристократію или воскресить отжившую всегда оставались тщетными. Притязанія, не опирающіяся на историческія заслуги и не подкрѣпляемыя внутреннимъ содержаніемъ, возбуждаютъ только ненависть и презрѣніе. Они составляютъ для правительства не силу, а слабость. Всѣ подобныя созданія уносятся при первомъ толчкѣ. Но тамъ, гдѣ наслѣдственная аристократія создалась и упрочилась исторіей, она имѣетъ неоспоримыя выгоды. Прежде всего, она пользуется положеніемъ совершенно независимымъ, какъ отъ монарха, такъ и отъ народа, а потому она скорѣе всего можетъ исполнять принадлежащую ей роль посредника и задержки. Она, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщаетъ конституціонной монархіи всѣ тѣ выгоды аристократическаго правленія, которыя мы видѣли выше: высшую политическую способность, твердость и постоянство въ рѣшеніяхъ, уваженіе къ законности, историческій ходъ развитія. Она избѣгаетъ и многихъ недостатковъ чистой аристократіи. Она не остается замкнутымъ сословіемъ, а пополняется другими элементами. Она имѣетъ надъ собою королевскую власть, а потому здѣсь не разыгрываются личныя честолюбія. А съ другой стороны, она сдерживается народнымъ представительствомъ, а потому здѣсь невозможны притѣсненія.

Тѣмъ не менѣе, и при этихъ условіяхъ наслѣдственная аристократія не освобождается отъ того, что всегда и вездѣ составляетъ свойственный ей недостатокъ: она сохраняетъ узкій и эгоистическій характеръ. Частный интересъ сословія уступаетъ общему только въ крайнихъ случаяхъ, когда безъ этого нельзя обойтись. Наслѣдственная аристократія для своего существованія нуждается въ фактической силѣ, а потому она естественно старается сохранить въ своихъ рукахъ значительную часть матеріальнаго и нравственнаго достоянія народа и привязать къ себѣ возможно большее число интересовъ. Отсюда аристократическій характеръ учрежденій, собственности, даже частной жизни. Низшіе классы, и въ особенности подвластныя народности, обдѣляются и притѣсняются. Гдѣ перевѣсъ аристократіи весьма значителенъ, какъ было, напримѣръ, въ Англіи до реформы 1832 года, это ведетъ къ вопіющимъ явленіямъ. Не только въ общественной средѣ, но и на вершинѣ происходитъ извращеніе правильныхъ отношеній. Заслуги и способности менѣе цѣнятся, нежели положеніе и богатство. Общество привыкаетъ видѣть личную неспособность, пользующуюся огромнымъ почетомъ, а это искажаетъ нравственный его смыслъ. Самый народъ получаетъ тотъ же узкій и эгоистическій характеръ, или, лучше сказать, то и другое тѣсно связано: аристократія можетъ быть представительницей лишь подобнаго народа.

Всѣ эти невыгоды устраняются только развитіемъ демократическихъ элементовъ; но послѣднее ведетъ къ ослабленію, если не къ упраздненію аристократіи. Мы видѣли, что таково неизбѣжное послѣдствіе демократическаго развитія новаго времени. Однако и въ этомъ движеніи наслѣдственная аристократія, если она обладаетъ политическимъ смысломъ, можетъ играть весьма значительную роль. Она умѣряетъ движеніе, сохраняетъ историческую преемственность и воспитываетъ политическій смыслъ народа. Чѣмъ шире разливается демократическій потокъ, тѣмъ нужнѣе подобный оплотъ.

Но для того, чтобы при такихъ условіяхъ верхняя палата, состоящая изъ наслѣдственныхъ членовъ, могла сохранить свое положеніе, надобно усилить ее другими элементами. Въ демократическомъ обществѣ наслѣдственная аристократія теряетъ значительную долю своего нравственнаго авторитета. Каковы бы ни были личныя качества выдающихся ея членовъ, масса всегда состоитъ изъ людей посредственныхъ, частью даже ничтожныхъ, которыхъ положеніе вовсе не соотвѣтствуетъ ихъ способностямъ. Авторитетъ такого большинства не можетъ быть высокъ, особенно среди людей съ поверхностными взглядами и образованіемъ, останавливающихъ свое вниманіе больше на случайныхъ явленіяхъ, поражающихъ взоры, нежели на преемственности общаго духа и на высшихъ потребностяхъ государственной жизни, а такова именно толпа. Въ настоящее время въ Англіи многіе публицисты и государственные люди желаютъ преобразованія верхней палаты не въ видахъ ея ослабленія, а для того чтобы придать ей болѣе вѣса. Предлагается, во-первыхъ, замѣнить личное право англійскихъ лордовъ засѣдать въ парламентѣ выборомъ перовъ, какъ это установлено для шотландскихъ и ирландскихъ членовъ. Во-вторыхъ, предлагаютъ къ наслѣдственнымъ членамъ присоединить пожизненныхъ. Подобная попытка была уже сдѣлана въ 1856 году; въ то время Верхняя Палата не признала законности этого назначенія, и пожизненный лордъ былъ превращенъ въ наслѣдственнаго. Въ настоящее время сами вожди консервативной партіи склонны къ такому нововведенію. Это усилило бы палату пріобщеніемъ къ ней людей, пользующихся уваженіемъ общества.

Тамъ, гдѣ исторически не сложилась наслѣдственная аристократія, обладающая политическими правами и пользующаяся довѣріемъ общества, остается пожизненное назначеніе королемъ или выборъ лицъ, обладающихъ болѣе или менѣе высокимъ цензомъ. Первый способъ даетъ перевѣсъ монархическому началу, второй демократическому. Настоящей независимой аристократіи нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ; но есть аристократическіе элементы, которые

тѣмъ или другимъ путемъ выдѣляются изъ общества и образуютъ самостоятельное тѣло, способное умѣрять его движенія и играть роль посредника между королемъ и народомъ.

Изъ этихъ двухъ способовъ первый, вообще, заслуживаетъ предпочтенія. Выборная верхняя палата, даже при высокомъ цензѣ, не пріобрѣтаетъ самостоятельнаго характера, ибо она всегда зависитъ отъ избирателей, также какъ нижняя. Этимъ способомъ достигается бо́льшая осмотрительность въ рѣшеніяхъ и установляется нѣкоторая задержка увлеченіямъ массы, но въ государственной жизни не прибавляется самостоятельнаго элемента, а это именно то, что требуется въ конституціонной монархіи. Не обладая независимымъ положеніемъ, такая верхняя палата служитъ плохою опорою власти; въ ней не можетъ развиться и корпоративный духъ, хранящій политическія преданія. Однимъ словомъ, тутъ исчезаютъ главныя выгоды аристократическаго элемента. Только тамъ, гдѣ этотъ элементъ потерялъ всякое значеніе въ народной жизни, а съ другой стороны, самая королевская власть не имѣетъ историческихъ корней, умѣстно установленіе выборной верхней палаты, однако съ возвышеннымъ цензомъ, что̀ даетъ перевѣсъ зажиточнымъ классамъ, тогда какъ нижняя палата становится представительницей чисто демократическихъ началъ. Таково, напримѣръ, положеніе вещей въ Бельгіи. Развитіе демократіи естественно ведетъ къ подобнымъ комбинаціямъ. Но и тутъ полезно подкрѣпленіе верхней палаты пожизненными членами, также какъ и наоборотъ, можетъ быть полезно подкрѣпленіе палаты, составленной изъ пожизненныхъ членовъ, выборными элементами, имѣющими вѣсъ и значеніе въ странѣ.

Во всякомъ случаѣ, пожизненное назначеніе должно совершаться съ крайнею осмотрительностью. Верхняя палата, составленная просто изъ лицъ преданныхъ королю, изъ придворныхъ и чиновниковъ, получившихъ почетное званіе вслѣдствіе угожденія и происковъ, теряетъ всякій авторитетъ. Рѣшенія ея не представляются выраженіемъ независимыхъ мнѣній, а потому недостойны корпораціи, составляющей часть верховной власти. Плохой составъ унижаетъ верхнюю палату въ глазахъ народа; она можетъ сдѣлаться даже предметомъ презрѣнія, и тогда королевская власть не только не получаетъ отъ нея нравственной поддержки, а, напротивъ, компрометтируется подобнымъ орудіемъ. Даже небольшая часть недостойныхъ лицъ, призванныхъ не по заслугамъ и не по положенію, а вслѣдствіе искательства, бросаетъ тѣнь на остальныхъ. Верхняя палата тогда только можетъ получить надлежащій вѣсъ и значеніе, когда она составляется изъ людей, пріобрѣтшихъ общее довѣріе и уваженіе,

извѣстныхъ своими заслугами или пользующихся значительнымъ вліяніемъ въ обществѣ. Политическіе борцы естественно принадлежатъ нижней палатѣ; въ верхней должны засѣдать люди болѣе безпристрастные, менѣе причастные духу партій, люди съ спеціальными знаніями, съ независимымъ положеніемъ, съ высокимъ нравственнымъ характеромъ, такъ чтобы пренія верхней палаты могли служить лучшимъ политическимъ поученіемъ для общества. Нерѣдко въ законѣ исчисляются категоріи лицъ, изъ которыхъ должны назначаться члены. Сюда принадлежатъ прежде всего крупные землевладѣльцы, которыхъ положеніе наиболѣе независимо и наиболѣе вліятельно, затѣмъ выдающіеся дѣятели промышленнаго міра, замѣчательнѣйшіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія, знаменитые ученые, наконецъ государственные люди, съ зрѣлостью мысли соединяющіе опытность въ дѣлахъ; однимъ словомъ, тутъ долженъ засѣдать высшій цвѣтъ общества. Но для того, чтобы обезпечить хорошія назначенія, недостаточно полагаться на представленія министровъ. Владычествующая партія всегда будетъ стараться наградить людей, оказавшихъ ей услуги, и наполнить верхнюю палату своими клевретами. Назначеніе членовъ верхней палаты есть прежде всего дѣло монарха, стоящаго выше партій. Только королевская прерогатива можетъ, путемъ правильныхъ назначеній, поставить верхнюю палату въ положеніе независимое отъ колебанія партій и дать ей надлежащій вѣсъ и значеніе въ странѣ. Въ этомъ состоитъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ конституціоннаго короля, а для этого онъ долженъ хорошо знать людей и умѣть сдѣлать правильный выборъ. При той свободѣ, которая существуетъ въ конституціонномъ государствѣ, гдѣ всѣ способности могутъ проявиться на общественномъ поприщѣ, эта задача значительно облегчается. Не личныя угожденія и рекомендаціи, не закулисная дѣятельность, а явные для всѣхъ труды, заслуги и вліяніе служатъ основаніемъ для выбора. Довѣріе монарха должно падать на лица, пользующіяся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и довѣріемъ общества. Только это можетъ дать имъ вѣсъ въ странѣ и сдѣлать изъ нихъ надежную опору престола. При такомъ только условіи верхняя палата можетъ поддержать свое высокое положеніе и исполнить свое призваніе въ конституціонномъ государствѣ. Чѣмъ болѣе развиваются демократическія начала, тѣмъ болѣе необходима въ немъ такая политическая и нравственная твердыня.

Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* были изложены права верхней палаты. Ей присвоивается равное съ нижнею палатой участіе въ законодательствѣ; относительно же финансовыхъ вопросовъ она обыкновенно занимаетъ лишь второе мѣсто. И точно, палата, состав-

ленная изъ наслѣдственныхъ или пожизненныхъ членовъ, не можетъ считаться такимъ же представителемъ плательщиковъ податей, какъ нижняя палата, исходящая изъ общихъ выборовъ. Но въ нѣкоторыхъ конституціяхъ верхней палатѣ предоставляется право давать свое согласіе на временные бюджеты, въ случаѣ если не послѣдуетъ соглашенія правительства съ нижнею палатой. Этимъ коронѣ дается право управлять государствомъ помимо народнаго представительства, право, которое, какъ мы видѣли, ведетъ къ нескончаемымъ раздорамъ и, по существу своему, несогласно съ началами конституціонной монархіи.

Но, кромѣ правъ, есть еще способы дѣйствія, которые въ конституціонной монархіи важнѣе, нежели въ какомъ-либо другомъ образѣ правленія, ибо тутъ все зависитъ отъ благоразумнаго соглашенія различныхъ властей. Въ Англіи установилась практика, что когда верхняя палата отвергла законъ, принятый нижнею и имѣющій существенное значеніе для страны, то дѣлается воззваніе къ народу. Нижняя палата распускается, и если, при новыхъ выборахъ, возвращается прежнее большинство, которое настойчиво стоитъ на своихъ требованіяхъ, то верхняя палата уступаетъ. Нѣкоторые современные англійскіе публицисты признаютъ даже, что послѣдняя не имѣетъ *права* отвергать законъ, въ пользу котораго высказалось допрошенное такимъ образомъ общественное мнѣніе. Но и тутъ смѣшиваются юридическія начала и политическія, требованія права и благоразумія. Желаніе достигнуть соглашенія можетъ побуждать на уступки, и это составляетъ обычный порядокъ. Но еслибы верхняя палата считала извѣстный законъ безусловно вреднымъ для государства, она не только имѣла бы право, но она была бы обязана противопоставить ему абсолютный запретъ. Конституціонная монархія не есть чистая демократія, въ которой народная воля составляетъ верховный законъ. Тутъ установлены независимыя власти, которыхъ главное призваніе состоитъ въ томъ, чтобы противопоставить твердую преграду увлеченіямъ или заблужденіямъ массы. Въ этомъ отношеніи весьма важно отношеніе верхней палаты къ коронѣ. Если король согласенъ съ верхнею палатой въ необходимости отвергнуть законъ, принятый нижнею, то нормальный порядокъ конституціоннаго правленія состоитъ въ томъ, что послѣдняя должна отказаться отъ своихъ требованій. Если же король склоняется на сторону нижней палаты, то благоразуміе побуждаетъ верхнюю къ уступкамъ. Еслибы она, въ противность настойчивымъ желаніямъ народа и мнѣнію короны, упорно стояла на своемъ отказѣ, то противъ ея оппозиціи всегда есть вѣрное средство— назначеніе новыхъ членовъ въ количествѣ достаточномъ для того, чтобы

измѣнить большинство. Къ такому средству слѣдуетъ однако прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ; иначе палата потеряетъ самостоятельность. Такое пополненіе допустимо еще въ палатѣ новой, которой первоначальный составъ былъ болѣе или менѣе случайный. Такъ, во Франціи назначеніе цѣлаго ряда новыхъ перовъ при Людовикѣ XVIII-мъ придало умѣренный характеръ палатѣ, первоначально составленной изъ крайнихъ элементовъ. Но въ Англіи, гдѣ верхняя палата имѣетъ глубокіе историческіе корни, измѣнить ея составъ путемъ новыхъ назначеній было бы опаснымъ экспериментомъ. Въ 1832 году, когда лорды упорно противились Биллю о Реформѣ, которымъ подрывалось ихъ вліяніе на выборы, министерство лорда Грея имѣло уже въ рукахъ подписанный королемъ списокъ новыхъ перовъ, долженствовавшій измѣнить большинство; однако сами министры признавались впослѣдствіи, что едва ли бы они употребили это оружіе, которое служило имъ только угрозой. Прибѣгли къ другому средству: король собственноручно написалъ записки многимъ изъ упорствующихъ членовъ, прося ихъ не присутствовать въ засѣданіи, и эта просьба была уважена. Такимъ образомъ, билль прошелъ, хотя и ничтожнымъ большинствомъ. Это показываетъ, какъ вліяніе монарха можетъ дѣйствовать благотворно въ важныхъ минутахъ народной жизни. Этотъ случай можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ тѣхъ, которые отвергаютъ всякое вмѣшательство короля въ дѣла государства.

Случается однако, что именно постановленія верхней палаты, даже противныя мнѣнію короны и требованіямъ представительства, всего болѣе соотвѣтствуютъ государственной пользѣ. Во Франціи умѣренная палата перовъ временъ Реставраціи отвергла цѣлый рядъ законовъ, принятыхъ ультра-роялистскою палатой депутатовъ, по предложенію министерства, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ короля, и эти рѣшенія были съ восторгомъ привѣтствованы общественнымъ мнѣніемъ. Когда корона и нижняя палата выходятъ изъ предѣловъ умѣренности, верхняя остается единственнымъ представителемъ этого начала, которымъ держится весь конституціонный порядокъ. Это показываетъ неумѣстность всякихъ юридическихъ правилъ для опредѣленія взаимныхъ отношеній независимыхъ другъ отъ друга властей. Законъ есть только форма, въ которой онѣ должны двигаться; политическое же требованіе состоитъ въ томъ, чтобъ онѣ двигались согласно. Тутъ по необходимости являются сдержки и уступки. Въ какой мѣрѣ требуется то и другое, этого нельзя опредѣлить общимъ правиломъ. Все тутъ зависитъ отъ мѣста, времени и обстоятельствъ. Это — задача не права, а благоразумія, безъ котораго конституціонный порядокъ немыслимъ.

Каковы бы однако ни были составъ и направленіе верхней палаты, главная движущая пружина конституціоннаго правленія лежитъ не въ ней, а въ нижней палатѣ. Послѣдняя является истиннымъ представителемъ общественнаго мнѣнія, со всѣми его колебаніями и поворотами; въ ней сосредоточивается борьба партій, около которой вращается весь механизмъ конституціоннаго порядка. Верхняя палата, если она не выборная, образуетъ корпорацію, которая измѣняется лишь весьма медленно. Партія, имѣющая въ ней перевѣсъ, долго остается господствующею, и эта партія обыкновенно съ трудомъ поддается нововведеніямъ. Она скорѣе можетъ служить тормазомъ, нежели двигателемъ. Если направленіе ея измѣняется назначеніемъ новыхъ членовъ, то черезъ это она становится въ зависимость отъ воли монарха. Если же верхняя палата выборная, что̀ означаетъ господство демократическихъ началъ, то она является выраженіемъ, въ ослабленномъ видѣ, тѣхъ самыхъ теченій, которыя господствуютъ въ нижней. И тутъ она играетъ роль сдержки, а не двигателя. Между тѣмъ, съ развитіемъ политической свободы, общественное мнѣніе болѣе и болѣе становится главною рѣшающею силой въ государствѣ. Съ нимъ нижняя палата находится въ живомъ и постоянномъ общеніи, а потому въ ней главнымъ образомъ сосредоточивается политическая жизнь страны. Происходящая повсемѣстно борьба партій имѣетъ окончательною цѣлью получить перевѣсъ въ нижней палатѣ.

Отсюда вытекаютъ основныя требованія, которыми опредѣляются значеніе и дѣятельность нижней палаты. Эти требованія двоякаго рода: 1) она должна быть вѣрнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, то есть, мыслящей части общества; 2) она должна быть способна къ правленію.

Первое въ значительной степени зависитъ отъ срока, на который избирается палата, и отъ системы выборовъ.

Палата, которая выбирается на весьма продолжительный срокъ, можетъ вовсе потерять связь съ народомъ. Вмѣсто того чтобы служить вѣрнымъ отраженіемъ общества, она становится болѣе или менѣе замкнутою средой, въ которой образуется нѣкотораго рода корпоративный духъ и развиваются частные интересы. Съ своей стороны народъ, не будучи постоянно призываемъ къ контролю и выбору, отвыкаетъ отъ общественныхъ дѣлъ и перестаетъ принимать въ нихъ живое участіе. Съ тѣмъ вмѣстѣ, общество не является уже высшимъ судьею партій. Та партія, которая владычествуетъ въ палатѣ, получаетъ возможность упрочить свое господство. Если она служитъ покорнымъ орудіемъ правительства, то послѣднее можетъ въ теченіи

цѣлаго періода лѣтъ владычествовать безъ всякаго контроля. Въ исторіи долгіе парламенты играли то революціонную роль, какъ при Карлѣ I-мъ, то раболѣпную, какъ при Карлѣ II-мъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, ничто такъ не содѣйствовало упроченію аристократическаго правленія въ Англіи, со всѣми его выгодами, но и со всѣми его злоупотребленіями, какъ введеніе семилѣтнихъ парламентовъ.

Наоборотъ, палата, избираемыя на слишкомъ короткіе сроки, не имѣетъ достаточно вѣса. Въ ней не можетъ установиться привычка къ дѣламъ и правильное отношеніе партій. Она не можетъ приняться за мѣры, требующія долгой разработки и тщательнаго обсужденія. Постоянство политики ей чуждо. Въ первый годъ своего существованія она не успѣла еще сложиться, а въ послѣдній годъ она занята приготовленіями къ новымъ выборамъ. Состоя въ постоянной зависимости отъ избирателей, она прислушивается къ ихъ голосу, а сама не въ состояніи ими руководить. А такъ какъ общественное мнѣніе, лишенное руководства, постоянно колеблется въ ту и другую сторону, то кратковременныя палаты являются не болѣе какъ произведеніемъ минутнаго настроенія, которое не можетъ служить опорою сколько нибудь прочнаго правительства, а потому къ управленію неспособно.

Слѣдовательно, надобно искать середины между крайностями. Но этой середины нельзя точно опредѣлить: она зависитъ отъ многообразныхъ условій общественной жизни, отъ политической зрѣлости и привычекъ общества, отъ количества и устройства другихъ, мѣстныхъ выборовъ, главнымъ же образомъ отъ преобладанія аристократическихъ или демократическихъ элементовъ въ народѣ. Первые, вообще, благопріятствуютъ долгимъ срокамъ, вторые короткимъ. Однако, при неустойчивости демократіи, полезно установить ей нѣкоторое противовѣсіе долговременностью сроковъ, содѣйствующихъ прочной организаціи партій и правильному теченію государственныхъ дѣлъ, которое зависитъ не столько отъ колеблющихся элементовъ, разсѣянныхъ въ обществѣ, сколько отъ возможности сосредоточить ихъ въ прочные центры.

Еще важнѣе избирательная система. Здѣсь первый и главный вопросъ состоитъ въ большемъ или меньшемъ расширеніи избирательнаго права. Представительная палата, какъ сказано, должна быть вѣрнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Но этимъ именемъ можно обозначить только мнѣніе разумной части общества, той, которая въ состояніи мыслить о государственныхъ дѣлахъ и имѣетъ опредѣленное политическое направленіе. Эта способность, вообще, отсутствуетъ въ массѣ. Послѣдняя имѣетъ свои потребности и интересы, но она не

въ состояніи понять ихъ связь съ высшими государственными вопросами. Даже близкіе ей интересы вѣры и отечества она понимаетъ болѣе безотчетнымъ чувствомъ, нежели силою разумнаго сознанія, а именно послѣднее требуется для политической дѣятельности. Масса, не обезпеченная въ своемъ положеніи, не имѣетъ и той матеріальной независимости, которая служитъ важнымъ условіемъ свободныхъ политическихъ выборовъ. Она легко поддается давленію правительства и вліянію демагоговъ, играющихъ на ея страстяхъ. Тѣмъ не менѣе, когда въ ней пробуждается политическое сознаніе, она не можетъ и не должна быть исключена изъ представительства. Въ конституціонной монархіи нѣтъ, какъ въ демократіи, необходимости дать право голоса всѣмъ правоспособнымъ гражданамъ, ибо народъ не является здѣсь источникомъ всякой власти. Какъ общее правило, тутъ призываются къ участію въ правленіи лишь тѣ классы, въ которыхъ можно предполагать дѣйствительную способность, а это зависитъ отъ состоянія общества. Однако здравая политика требуетъ, чтобы всѣ части общества, въ которыхъ живъ политическій интересъ, были представлены въ палатѣ; иначе послѣдняя не будетъ истиннымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Внѣ круга избирателей образуется политическое мнѣніе враждебное не только палатѣ, но и самой конституціонной монархіи, въ которой оно не находитъ мѣста. Если оно значительно распространено, то оно грозитъ опасностью существующему строю. Это именно и было во Франціи во времена Іюльской монархіи. Общественное мнѣніе тогда только входитъ въ законное русло, когда оно имѣетъ возможность выразиться въ выборахъ и пріобрѣсти вліяніе на дѣла. Но въ такомъ случаѣ ни одна часть его не подлежитъ исключенію. Сама палата чувствуетъ въ себѣ тѣмъ болѣе силы, чѣмъ болѣе она опирается на широкую основу; иначе она теряетъ настоящую почву. Оппозиція можетъ съ нѣкоторымъ видомъ основанія упрекать ее въ томъ, что она не является истиннымъ представителемъ народа. Она должна прислушиваться къ мнѣнію, стоящему внѣ ея и котораго нѣтъ возможности измѣрить. Или же она можетъ считать это мнѣніе слишкомъ ничтожнымъ и успокоиться въ сознаніи своей юридической силы, упуская изъ вида, что фактическое состояніе общества несравненно важнѣе формальныхъ постановленій закона. Только пріобщеніе къ представительству всѣхъ наличныхъ политическихъ элементовъ можетъ сдѣлать палату настоящимъ выраженіемъ общества и дать ей надлежащій вѣсъ и значеніе.

Отсюда не слѣдуетъ однако, что вся масса народа безъ различія должна быть пріобщена къ политическому праву. Это значило бы дать перевѣсъ самой необразованной части общества. Всеобщее право

голоса, неизбѣжное въ демократіи, неумѣстно въ конституціонной монархіи. Съ одной стороны, оно представляетъ слишкомъ большую фактическую силу, которая съ трудомъ можетъ быть уравновѣшена другими элементами. Передъ нею и монархическая власть и аристократическіе элементы умаляются въ своемъ значеніи. Бороться съ нею мудрено; приходится дѣлать постоянныя уступки, которыя ведутъ наконецъ къ чистой демократіи. Съ другой стороны, при числительномъ перевѣсѣ, масса наименѣе способна къ управленію. Для этого требуется высшее образованіе, а именно этого она лишена. Конституціонная монархія имѣетъ то громадное преимущество передъ демократическою республикой, что она можетъ дать перевѣсъ образованнымъ классамъ; въ ней качество не поглощается количествомъ. Отсюда двоякое правило для избирательной системы: 1) право голоса должно распространяться на низшіе классы, по мѣрѣ того какъ въ нихъ пробуждается политическій интересъ и они принимаютъ живое участіе въ политической жизни; 2) избирательная система должна быть устроена такъ, чтобы перевѣсъ имѣла мыслящая и образованная часть общества. Это достигается различными комбинаціями: установленіемъ ценза, выборомъ по разрядамъ, умноженнымъ правомъ голоса, представительствомъ меньшинства и т. п. Политическое искусство законодателя состоитъ въ томъ, чтобъ установить систему, отвѣчающую настоящему состоянію общества и примиряющую всѣ наличные интересы.

Но кромѣ избирательной системы, важно фактическое направленіе выборовъ. Всякое правительство естественно старается получить большинство, на которое бы оно могло опираться. Если оно остается безучастнымъ, а оппозиціи предоставляется полная свобода дѣйствій, оно всегда будетъ побито. Но здѣсь возникаетъ вопросъ: до какой степени оно въ правѣ употреблять государственныя средства для борьбы съ оппозиціей, то-есть, для партійныхъ цѣлей?

Способы дѣйствія правительства при направленіи выборовъ могутъ быть двоякаго рода: 1) произвольное распредѣленіе округовъ; 2) давленіе на выборы посредствомъ администраціи.

Первое должно быть безусловно осуждено. Искусственная перекройка округовъ внушаетъ недовѣріе къ закону, бросаетъ тѣнь на правительство и подрываетъ авторитетъ представительнаго собранія. Округи должны опредѣляться закономъ, на основаніи естественной группировки мѣстностей и союзовъ, а не произвольными распоряженіями власти.

Но и второе допустимо, лишь пока оно не переходитъ предѣловъ юридически и нравственно дозволеннаго. Не только насиліе и обманъ

но и всякое обѣщаніе выгодъ, что составляетъ косвенную форму подкупа, должны быть строго осуждены. Ничто такъ не возвышаетъ нравственнаго авторитета собранія, а вмѣстѣ и опирающагося на него правительства, какъ чистота выборовъ. Только этимъ укореняется въ народѣ довѣріе къ закону и власти. Наоборотъ, тамъ, гдѣ правительство можетъ, дѣйствуя на выборы, всегда получить покорное большинство, представительство перестаетъ быть выраженіемъ страны; оно становится зеркаломъ администраціи. При такихъ условіяхъ, конституціонное правленіе обращается въ призракъ. Этимъ уничтожается довѣріе не только къ собранію, но и къ администраціи, которая, вмѣсто безпристрастнаго веденія общественныхъ дѣлъ, становится чистымъ орудіемъ партіи. Такъ доселѣ происходятъ выборы въ Испаніи. Тамъ правительство заранѣе опредѣляетъ, сколько мѣстъ оно желаетъ предоставить той или другой фракціи оппозиціи, и палата всегда выходитъ такая, какая ему нужна. При такомъ порядкѣ, все зависитъ отъ умѣренности и благоразумія монарха. Если онъ внимательно прислушивается къ голосу общества и ввѣряетъ управленіе той или другой партіи по основательномъ соображеніи всѣхъ наличныхъ условій и обстоятельствъ, конституціонныя формы могутъ поддерживаться болѣе или менѣе долгое время и приносить свою долю пользы. Но довѣрія къ создаваемому правительствомъ собранію все-таки нельзя имѣть; нравственнымъ авторитетомъ оно не можетъ пользоваться. Если же монархъ, вмѣсто того чтобъ играть роль безпристрастнаго судьи, самъ становится на сторону одной партіи, что составляетъ весьма обыкновенное явленіе, то оппозиція совершенно уже преграждается всякій доступъ къ правленію, и тогда нападки ея обращаются не на однихъ министровъ, но и на поддерживающаго ихъ монарха. Черезъ это самъ конституціонный порядокъ теряетъ настоящую почву; онъ становится поприщемъ безисходной борьбы. И меньшинство въ палатѣ и оппозиціонная журналистика направлены единственно къ возбужденію народныхъ страстей. Долго такія отношенія существовать не могутъ. Либо призракъ свободы исчезаетъ, либо покоящаяся на немъ власть претерпѣваетъ крушеніе.

Въ этомъ отношеніи парламентское правленіе имѣетъ значительныя преимущества передъ одностороннимъ дѣйствіемъ королевской власти. Опираясь на крѣпко организованную партію, оно можетъ предоставить ей избирательную борьбу. Администрація остается въ сторонѣ, сохраняя нейтральное положеніе. Тогда выборы происходятъ совершенно свободно, и результатъ ихъ не оспаривается никѣмъ. Онъ является непререкаемымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія. Такъ именно происходятъ выборы въ Англіи.

Но для того, чтобы оппозиція могла бороться съ правительствомъ при сколько-нибудь равныхъ шансахъ, нужны извѣстныя условія: 1) свобода печати и собраній; 2) мѣстное управленіе, болѣе или мѣнѣе независимое отъ центральной власти. Послѣднее условіе тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе избирательное право распространяется на низшіе классы, которые всегда болѣе подчиняются давленію власти, нежели люди обезпеченные въ своемъ матеріальномъ положеніи. Во Франціи, во времена Реставраціи, все мѣстное управленіе находилось въ рукахъ правительства; а между тѣмъ, при высокомъ цензѣ, послѣднія представительныя палаты при Карлѣ X-мъ, не смотря на распущенія и на всѣ усилія правительства, носили рѣзко оппозиціонный характеръ. Напротивъ, во времена второй Имперіи, при всеобщемъ правѣ голоса, хотя существовали выборные мѣстные совѣты, правительство всегда получало покорныя ему палаты. Это доказываетъ ту важную истину, что люди съ независимымъ и обезпеченнымъ положеніемъ служатъ самою твердою опорой всякаго либеральнаго порядка. Они не являются всегда послушными орудіями власти; но не для того установляется конституціонная монархія. Цѣль ея заключается въ томъ, чтобы правительство находило въ независимыхъ слояхъ общества и опору и сдержку. Массы могутъ служить ему несравненно болѣе покорнымъ орудіемъ; но онѣ же служатъ и орудіемъ демагоговъ.

Только при свободныхъ выборахъ можетъ развиваться и способность общества къ правленію. Тутъ могутъ быть разныя степени. Способность можетъ ограничиваться полезнымъ содѣйствіемъ или же возвышаться до руководства дѣлами, что именно и выражается въ парламентскомъ правленіи. Первое опредѣляется степенью политической зрѣлости народа, второе также свойствами и отношеніями партій.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ [1]) были указаны признаки, по которымъ можно судить о политической зрѣлости общества и о способности его пользоваться политическими правами. Состояніе политической литературы, веденіе мѣстныхъ дѣлъ, сравненіе правительственныхъ органовъ съ общественными могутъ служить мѣриломъ подготовки общества къ политической дѣятельности. Но важнѣйшимъ соображеніемъ служитъ здѣсь самое строеніе общества. Какъ было замѣчено выше, каждый гражданскій порядокъ имѣетъ соотвѣтствующій ему порядокъ политическій. При сословномъ строѣ рознь общественныхъ элементовъ служитъ главнымъ препятствіемъ къ совокупному дѣйствію. Указанная Штейномъ польза сословныхъ собраній часто перевѣшивается ихъ невыгодами. Въ особенности освобожденіе низшихъ

*) См. гл. I: Происхожденіе образовъ правленія.

классовъ отъ тяготѣющихъ надъ ними стѣсненій встрѣчаетъ неодолимыя затрудненія, когда для этого требуется согласіе привилегированныхъ лицъ. Преобразованіе сословнаго порядка въ общегражданскій совершается обыкновенно дѣйствіемъ сверху. Но когда этотъ шагъ сдѣланъ, когда привилегіи отмѣнены, когда исчезло крѣпостное право, изъятіе отъ податей и повинностей, преимущества по службѣ, и всѣ граждане одинаково подчинены общимъ законамъ, тогда главныя невыгодныя стороны представительныхъ собраній отпадаютъ и остается приносимая ими польза: живое участіе общества въ дѣлахъ государства, знакомство правительства съ мѣстными нуждами, всестороннее обсужденіе вопросовъ, выдѣлка людей, наконецъ политическое воспитаніе, какъ правительства, такъ и народа. Можно сказать, что водвореніе общегражданскаго порядка есть вмѣстѣ признаніе зрѣлости общества. Водворяя общую свободу, правительство тѣмъ самымъ объявляетъ, что народъ вышелъ изъ пеленокъ и не нуждается въ опекѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, частныя привилегіи замѣняются общими правами. Безъ такой замѣны преобразованіе сословнаго строя въ общегражданскій было бы шагомъ не впередъ, а назадъ на пути гражданскаго развитія.

Нельзя однако ожидать, что общество, внезапно призванное къ участію въ дѣлахъ государства, съ разу окажется способнымъ къ исполненію своего назначенія. Способность развивается упражненіемъ; политическая зрѣлость пріобрѣтается опытомъ. Ея никогда не достигнетъ народъ, исключенный изъ политической жизни. Журнальные толки, безъ всякаго вліянія на рѣшенія и безъ всякой отвѣтственности, не въ состояніи замѣнить практическаго занятія общественными дѣлами. Отрѣшенные отъ настоящей политической жизни, они скорѣе способны дать общественной мысли отвлеченно теоретическое направленіе или поддерживать безплодное раздраженіе. Постоянное же занятіе ограниченнымъ кругомъ мелочныхъ мѣстныхъ дѣлъ, безъ всякой связи съ общими вопросами, порождаетъ рутину. Живой интересъ исчезаетъ, и общество погружается въ равнодушіе. Вывести его изъ этого состоянія можетъ только настоящее пріобщеніе къ политической жизни. Этимъ расширяется кругозоръ, поднимается общественный духъ, вызываются высшія способности человѣка; однимъ словомъ, только тутъ есть настоящая почва для политическаго воспитанія.

Еще болѣе времени нужно для образованія прочно организованныхъ партій, способныхъ управлять государствомъ. Партіи создаются исторіей. При всякомъ переломѣ народной жизни, даже при всякомъ движеніи впередъ, общество раздѣляется внутри себя: въ немъ борются защитники стараго и приверженцы новаго порядка. Къ этому присоеди-

няется различіе интересовъ, мѣстностей и народностей. Но для того, чтобы это разногласіе направленій могло сплотиться въ прочныя политическія группы, нуженъ долговременный опытъ политической жизни, необходима привычка дѣйствовать сообща, въ виду практическихъ цѣлей. Изъ шаткихъ и раздробленныхъ элементовъ общественнаго мнѣнія правительства организовать невозможно. Это будетъ лишь мимолетное построеніе.

Въ одной изъ слѣдующихъ книгъ мы подробно разсмотримъ различные виды партій, ихъ организацію и ихъ способы дѣйствія. Въ приложеніи къ конституціонной монархіи достаточно указать на то, что если соглашеніе различныхъ элементовъ и умѣренность въ способахъ дѣйствія составляютъ въ ней основныя требованія, то владычество умѣренныхъ партій, консервативной и либеральной, можно признать въ ней нормальнымъ явленіемъ. Самый радикализмъ, пріобщаясь къ власти, становится умѣреннѣе, ибо онъ начинаетъ понимать ея требованія. Парламентское правленіе служитъ воспитательнымъ средствомъ для народа; этимъ поднимается его политическая способность. Нерѣдко радикализмъ господствуетъ въ обществѣ именно потому, что онъ исключается изъ правленія. Чтобы ввести его въ предѣлы умѣренности, нужно дать ему власть въ руки.

Во всякомъ случаѣ, высшая политическая способность принадлежитъ верхнимъ, образованнымъ классамъ общества, тѣмъ, которые въ состояніи мыслить о государственныхъ дѣлахъ и достаточно обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, чтобы посвящать себя политической жизни не въ видѣ доходнаго ремесла, а изъ живаго участія къ судьбамъ отечества. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ политической аристократіи, тамъ, гдѣ она умѣла сохранить свое государственное положеніе, а не превратилась въ придворную знать. Поэтому, тѣ партіи имѣютъ наиболѣе вѣса и прочности, которыя организовались подъ руководствомъ аристократіи. Таковы партіи въ Англіи. И виги и тори были сначала аристократическими партіями, которыя однако всегда опирались на тѣ или другіе элементы въ странѣ. Но и зажиточные и образованные средніе классы, пріобщаясь къ политической жизни, могутъ пріобрѣсти высокую мѣру политической способности и выставлять изъ среди себя замѣчательныхъ государственныхъ людей. Конституціонная исторія Англіи и Франціи доказываетъ это вполнѣ. Всего ниже политическая способность демократіи. Наименѣе образованные классы, очевидно, менѣе всего способны судить о государственныхъ дѣлахъ, а тѣмъ паче ими руководить. Вслѣдствіе этого, расширеніе выборнаго права неизбѣжно ведетъ къ пониженію политической способности партій. По-

явленіе демократіи на политическомъ поприщѣ искажаетъ конституціонный порядокъ. Этимъ въ значительной степени объясняется весьма распространенное нынѣ разочарованіе въ конституціонныхъ учрежденіяхъ. Однако и демократія, пріобщаясь къ политической жизни, мало-по-малу пріобрѣтаетъ политическій опытъ. И для нея это служитъ воспитательнымъ средствомъ. Высокой политической способности она никогда не достигнетъ, но она научается уже тому, что для правильнаго веденія государственныхъ дѣлъ нужно подчиниться руководству высшихъ классовъ; иначе конституціонному порядку грозитъ паденіе.

Какова бы однако ни была борьба партій, главныя опоры государственной силы, войско и бюрократія, должны оставаться отъ нея въ сторонѣ. Войску обыкновенно даже воспрещается подача голосовъ при выборахъ. Партійная борьба разрушаетъ необходимую въ немъ дисциплину. Войско не разсуждаетъ, а повинуется. Однако, для конституціоннаго порядка тутъ можетъ быть опасность. Военная сила, безусловно подчиняющаяся королю, можетъ быть употреблена, какъ орудіе, для ниспроверженія законнаго порядка. Маколей приписывалъ развитіе свободныхъ учрежденій въ Англіи именно тому, что у королей не было постояннаго войска. Но это было возможно лишь при изолированномъ положеніи Англіи. Тамъ, гдѣ постоянное войско необходимо для внѣшней защиты, приходится прибѣгать къ другимъ гарантіямъ. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* (стр. 428) обсуждался уже вопросъ о допустимости военной присяги не только королю, но и основному закону. Юридическая точка зрѣнія не разрѣшаетъ однако вопроса. Все зависитъ отъ духа, господствующаго въ войскѣ. Если оно предано королю и презираетъ парламентъ, оно все-таки останется послушнымъ орудіемъ въ рукахъ перваго. Въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе имѣетъ военное устройство. Чѣмъ войско стоитъ ближе къ народу и тѣснѣе съ нимъ связано, чѣмъ большее число гражданъ несутъ воинскую повинность и чѣмъ короче сроки службы, тѣмъ болѣе духъ войска отражаетъ въ себѣ духъ самого народа. Если народъ дорожитъ конституціей и противится ея нарушенію, войско будетъ съ нимъ заодно. Власть не рѣшится употребить его для подавленія возстанія въ пользу законнаго порядка. Послѣднее не есть уже дѣло партіи, а обязанность каждаго гражданина.

Точно также и бюрократія должна оставаться въ сторонѣ отъ борьбы партій; иначе она не можетъ сохранить своего безпристрастнаго положенія и должна будетъ мѣняться при каждой смѣнѣ правительства. Однако чиновникамъ невозможно воспретить подачу голоса по личному убѣжденію. Тутъ не требуется такая дисциплина,

какъ въ арміи. Посвящая себя государственной службѣ, чиновникъ не перестаетъ быть гражданиномъ, а голосъ нельзя подавать противъ совѣсти. Но служащимъ можетъ быть запрещено участіе въ политической агитаціи. Это—ограниченіе, которое налагается на нихъ служебными обязанностями. Служащій не можетъ оставаться агентомъ правительства и дѣйствовать ему наперекоръ. Если же воспрещается дѣйствіе въ одну сторону, то оно должно быть воспрещено и въ другую. Лично за себя служащій можетъ подавать голосъ какъ ему угодно, но оффиціально онъ сохраняетъ нейтральное положеніе. При парламентскомъ правленіи, гдѣ часто смѣняются партіи, оно вдвойнѣ необходимо. Но именно поэтому, давленіе правительства на выборы посредствомъ чиновничества не можетъ быть оправдано. Бюрократія, управляющая совокупными интересами народа, должна стоять въ сторонѣ отъ общественной борьбы; только этимъ обезпечивается правильное теченіе дѣлъ. Поэтому здѣсь, болѣе нежели гдѣ-либо, важны законы, строго опредѣляющіе порядокъ службы и ограждающіе служащихъ отъ произвольныхъ смѣщеній, какъ это установлено въ Германіи. О судебной власти и говорить нечего. Полная ея независимость составляетъ первое требованіе конституціоннаго порядка.

Такимъ образомъ, вся политика конституціонной монархіи должна быть направлена къ тому, чтобъ установить согласное дѣйствіе независимыхъ другъ отъ друга властей. Если эта цѣль не достигается, учрежденіямъ грозитъ опасность. При невозможности соглашенія является для каждой власти поползновеніе преступить предѣлъ своего права, а какъ скоро этотъ шагъ сдѣланъ, такъ законный порядокъ подорванъ и настаетъ господство силы, котораго послѣдствій невозможно предвидѣть.

Главная опасность угрожаетъ со стороны монарха, ибо правительственная сила, военная и административная, находится у него въ рукахъ. Среди народа, который привыкъ къ повиновенію и не дорожитъ свободою, правительственные перевороты совершаются легко. Такъ уничтожена была испанская конституція при воцареніи Фердинанда VII-го и Ганноверская при воцареніи герцога Кумберландскаго, въ 1837 году. Напротивъ, тамъ, гдѣ народъ дорожитъ политическими правами, нарушеніе основнаго закона королевскою властью вызываютъ революціи. Такъ произошли обѣ англійскія революціи, низвергшія Карла I-го и Якова II-го, а также французская революція 1830-го года. Въ малыхъ и даже среднихъ государствахъ монархическая власть производитъ иногда государственные перевороты съ помощью чужестраннаго войска. Такъ, при господствѣ Священнаго Союза, были уничтожены либеральныя конституціи въ Не-

анолѣ, въ Піэмонтѣ, въ Испаніи. Но при нынѣшнемъ состояніи Европы, когда всѣ великія державы, исключая Россіи, приняли начала политической свободы, такой поддержки ожидать не откуда.

Личная политика короля можетъ извратить конституціонный порядокъ и не прибѣгая къ насилію. Правительство можетъ путемъ давленія на выборы и расточеніемъ всякихъ льготъ получить всегда послушное большинство; если при этомъ оно бережетъ выгоды правящаго класса, конституціонный порядокъ можетъ оффиціально держаться, потерявши всякіе корни въ народномъ сознаніи. Такъ было во Франціи при Людовикѣ-Филиппѣ. Этотъ хитрый монархъ употреблялъ весь свой замѣчательный умъ на мелкія интриги, воображая, что все политическое искусство заключается въ томъ, чтобъ осѣдлать министровъ и закулисною стряпней пріобрѣсти достаточное большинство голосовъ въ палатѣ. Всякіе широкіе взгляды были ему чужды; недовѣріе къ народу было полное. Малѣйшее расширеніе избирательнаго права казалось ему опаснымъ; къ общественному голосу онъ питалъ глубочайшее презрѣніе. Его ослѣпленіе въ отношеніи къ настоящему состоянію общества доходило до невѣроятныхъ размѣровъ. Наканунѣ Февральской революціи онъ, указывая своему адъютанту на Бурбонскій дворецъ, гдѣ засѣдала Палата Депутатовъ, говорилъ: „вы видите это зданіе: тамъ много шуму; но это буря въ стаканѣ воды“. А на слѣдующій день возбужденная этимъ шумомъ народная волна унесла и его самого и конституцію, на которую онъ опирался.

Но и безъ всякой вины со стороны короля, конституціонная монархія можетъ быть ниспровергнута народнымъ или военнымъ возстаніемъ. Это мы видѣли въ недавнее время въ Бразиліи. Казалось, тутъ соединялось все, что могло обезпечить народу мирное и правильное развитіе. Просвѣщенный и добродѣтельный монархъ могъ быть только умѣрителемъ страстей, а никакъ не помѣхою какимъ бы то ни было народнымъ стремленіямъ. Среди буйной анархіи и междоусобій южноамериканскихъ республикъ Бразилія представляла отрадное явленіе. Но именно это сосѣдство было заразительно. Конституціонная монархія требуетъ самоограниченія не только властей, но и гражданъ. Она не даетъ простора необузданнымъ честолюбіямъ. Поэтому она не приходится народу, который предпочитаетъ анархическое своеволіе разумному порядку. Если она при такихъ условіяхъ падаетъ, то это происходитъ оттого, что народъ, не умѣющій поддержать умѣренное правленіе, его не стоитъ.

Столь же мало приходится она, съ другой стороны, народамъ, погруженнымъ въ апатическую покорность своей судьбѣ, каковы теокра-

тическія племена Востока. Конституціонная монархія требуетъ личной и общественной самодѣятельности, которая въ нихъ отсутствуетъ. Вслѣдствіе этого, попытка водворить конституціонныя учрежденія въ Турціи могла быть только мимолетнымъ явленіемъ. Она слишкомъ противорѣчила духу религіи, укоренившимся преданіямъ восточнаго деспотизма и привычкамъ народа, для котораго раболѣпное повиновеніе составляетъ законъ бытія. Изъ восточныхъ народовъ только Японія, какъ уже было указано выше, представляетъ замѣчательное исключеніе. Оно объясняется тѣмъ, что теократическая власть микадо была доведена почти до ничтожества, а господствующій феодализмъ давалъ независимое положеніе и князьямъ и вассаламъ. Но до какой степени этотъ новый порядокъ можетъ считаться прочнымъ, пока еще невозможно сказать. Исторія покажетъ, насколько учрежденія, выработанныя самыми просвѣщенными народами Европы, могутъ приходиться азіатской странѣ.

ГЛАВА VII.

Сложныя государства.

Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* были изложены различные виды сложныхъ государствъ: соединенія, личныя и реальныя, союзныя государства и союзъ государствъ. Изъ всѣхъ этихъ формъ личныя соединенія составляютъ чисто случайныя явленія, возникающія не изъ государственныхъ потребностей, а изъ династическихъ отношеній или временныхъ комбинацій. Они имѣютъ значеніе настолько, насколько они приближаются или могутъ вести къ реальной связи. Реальныя же соединенія имѣютъ важное политическое значеніе, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее. Тутъ возникаетъ вопросъ, что выгоднѣе: сохраненіе ли отдѣльныхъ государствъ, связанныхъ лишь общимъ главою, или объединеніе ихъ подъ совокупною верховною властью?

Этотъ вопросъ неоднократно возбуждался въ разныхъ странахъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Выгоды, проистекающія отъ объединеннаго управленія, столь велики, что въ правительствахъ является естественное поползновеніе слить раздробленныя части въ одно нераздѣльное цѣлое. Однако, эти попытки почти всегда разбивались о стремленія частей къ самостоятельной жизни и объ историческія условія ихъ существованія.

Очевидно, что этотъ вопросъ не подлежитъ общему рѣшенію. Все тутъ зависитъ отъ историческихъ и фактическихъ условій, содѣйствующихъ или препятствующихъ объединенію. Самая важность во-

проса совершенно различна въ тѣхъ случаяхъ, когда соединяемыя страны болѣе или менѣе равносильны или когда одна изъ нихъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, возможность отстаивать свою самостоятельность противъ притязаній другой, и въ тѣхъ, когда одно государство имѣетъ громадный перевѣсъ, а другое составляетъ только придатокъ.

Въ первомъ случаѣ раздѣльность государствъ представляетъ болѣе опасностей, но зато и объединеніе встрѣчаетъ болѣе препятствій. Таково, напримѣръ, отношеніе Австріи къ Венгріи. Хотя здѣсь, собственно говоря, соединеніе не реальное, а личное, ибо оно обусловливается продолженіемъ династіи Габсбурговъ, однако, болѣе нежели четырехсотлѣтнее его существованіе дало ему такую прочность, что фактически оно равняется реальному. Причина такой прочной связи заключается въ томъ, что соединеніе было выгодно для обѣихъ сторонъ. Австрія вырвала Венгрію изъ власти Турокъ; Венгрія, въ свою очередь, поддерживала Австрію въ ея европейскихъ войнахъ, а въ войну за Австрійское наслѣдство спасла ее отъ разложенія. А между тѣмъ, сохраненіе связи представляло тѣмъ болѣе трудностей, что Австрія была государствомъ самодержавнымъ, Венгрія же пользовалась политическими правами, которыя имѣли глубокіе корни въ ея исторіи и отъ которыхъ она никогда не хотѣла отказаться. Не разъ австрійское правительство пыталось и въ Венгріи властвовать неограниченно, но всякій разъ оно встрѣчало неодолимый отпоръ. Даже либеральныя реформы Іосифа II-го, проведенныя самовластно, возбудили такое сопротивленіе, что умирающій монархъ принужденъ былъ взять ихъ назадъ, исключая отмѣны крѣпостнаго права и закона о вѣротерпимости. Позднѣе, въ царствованіе Франца II-го, при господствѣ системы Меттерниха, австрійское правительство въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ пыталось налагать подати и издавать законы безъ согласія сейма; однако и тутъ оно должно было наконецъ уступить. Не болѣе удачны были попытки объединенія посредствомъ общаго представительства. Въ 1848 году, подъ вліяніемъ Февральской революціи, старая венгерская конституція была преобразована: либеральныя постановленія сейма были утверждены монархомъ и получили силу закона. Но Славяне, которые въ венгерской свободѣ видѣли только новый источникъ притѣсненій, возстали подъ предводительствомъ Іеллачича, и австрійское правительство, среди котораго въ это время восторжествовала реакція, не только ихъ поддержало, но и двинуло свои войска противъ Венгріи. Провозглашена была общая конституція для всей Имперіи. Венгерскій сеймъ, подъ вліяніемъ Кошута, отвѣчалъ низложеніемъ династіи, и первое время, казалось,

счастіе оружія склонялось въ его пользу. Но вмѣшательство Россіи положило конецъ возстанію. Венгрія была покорена, но не уничтожена. Отъ своихъ историческихъ правъ она не думала отрекаться; отъ участія въ общемъ имперскомъ сеймѣ, который былъ послушнымъ орудіемъ правительства, она упорно отказывалась. Наконецъ, правительство увидѣло, что далѣе этимъ путемъ идти невозможно. Послѣ несчастной итальянской кампаніи 1859 года, реакціонная конституція Баха замѣнена была либерально-бюрократической конституціей Шмерлинга, однако все еще предназначенной для всей Имперіи. Шмерлингъ провозгласилъ, что Венгрія возстаніемъ 48-го года потеряла свои права. Но и тутъ Венгерцы не думали уступать. Въ это время вождемъ ихъ явился знаменитый Францъ Деакъ, который, стоя на почвѣ историческаго права и преемственности законнаго порядка, умѣренно, но настойчиво, велъ своихъ согражданъ къ окончательной политической побѣдѣ. Еще до Австро-прусской войны, въ 1865 году, права Венгріи на самостоятельное существованіе были торжественно признаны императоромъ, а послѣ погрома при Садовой водворилась система дуализма, которая не только утвердила всѣ права Венгріи, но дала послѣдней преобладающее значеніе въ австрійской политикѣ. Это твердое стояніе за свое право, никогда не уклонявшееся отъ законныхъ путей и увѣнчавшееся наконецъ полнымъ успѣхомъ, составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ конституціонной исторіи европейскихъ государствъ. Оно свидѣтельствуетъ о высокихъ политическихъ способностяхъ Венгерскаго народа.

Гораздо болѣе печальный исходъ имѣли попытки къ объединенію Даніи. Здѣсь вопросъ осложнялся международными отношеніями. Гольштейнъ принадлежалъ къ Германскому Союзу, а Шлезвигъ былъ издавна связанъ съ Гольштейномъ. Къ этому присоединялось то обстоятельство, что законъ о престолонаслѣдіи въ Даніи былъ иной, нежели въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ. Государство, составленное изъ такихъ разнородныхъ и разноплеменныхъ частей, могло держаться при монархіи, ограниченной лишь мѣстными чинами, которыхъ права были доведены почти до полнаго ничтожества. Но съ пробужденіемъ либеральныхъ стремленій вопросъ получилъ совершенно иную постановку. Еще до революціоннаго движенія 1848 года предстоявшее прекращеніе династіи и намѣреніе короля установить общій законъ о престолонаслѣдіи вызвалъ протесты. Когда же въ 1848 году неограниченная монархія въ Даніи замѣнилась конституціоннымъ порядкомъ, и владычествующая въ Даніи народная партія отказала въ требованіи самостоятельныхъ учрежденій для Шлезвигъ-Гольштейна, въ послѣднемъ вспыхнуло возстаніе, которое было поддержано Германскимъ

Союзомъ, въ то время увлеченнымъ національнымъ движеніемъ. По полномочію Союза, прусскія войска вступили въ герцогства. Однако, наступившая въ Германіи реакція повела къ миру, которымъ все оставлено было въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи. Данія воспользовалась этимъ для проведенія своей объединительной политики, на которой сходились и монархическая власть, стремившаяся къ укрѣпленію государственной цѣлости, и народная партія, желавшая утвержденія и расширенія владычества датскаго элемента. Но ни демократическая конституція 1849 года, ни консервативная конституція 1855 года, ни снова либеральная конституція 1863 года, ни уступка, сдѣланная Германскому Союзу признаніемъ самостоятельности Гольштейна, не въ состояніи были побѣдить сопротивленіе нѣмецкаго элемента. И Шлезвигъ и Гольштейнъ, во имя своихъ историческихъ правъ, протестовали противъ включенія Шлезвига въ составъ датской монархіи и стояли за неразрывную связь обѣихъ областей. Здравая политика требовала отъ слабаго государства уваженія къ историческимъ правамъ своихъ составныхъ частей; но Данія была введена въ заблужденіе великими европейскими державами, которыя Лондонскимъ протоколомъ 1852 года объявили нераздѣльность Датской монархіи необходимымъ условіемъ европейскаго равновѣсія. Въ надеждѣ на европейскую поддержку, датское правительство стояло на своей объединительной политикѣ и этимъ подала поводъ Пруссіи воспользоваться замѣшательствами для своихъ видовъ. Подъ личиной уваженія къ правамъ датскаго короля, обезпеченнымъ Лондонскимъ протоколомъ, она отказалась дѣйствовать въ качествѣ уполномоченнаго Германскаго Союза, стоявшаго за принца Аугустенбургскаго, какъ законнаго наслѣдника, а пошла защищать права Шлезвига по собственному почину, на правахъ великой державы, хотя для этого не было никакого повода, ибо защита правъ Шлезвига обусловливалась соединеніемъ его съ Гольштейномъ, какъ членомъ Германскаго Союза, и всѣ предшествующія событія опредѣлялись этими отношеніями. Къ удивленію, ослѣпленная Австрія послѣдовала за нею по этому пути. Соединенныя войска двухъ великихъ державъ скоро справились съ маленькимъ государствомъ, а европейскій концертъ, стоявшій за цѣлость Датской монархіи, предоставилъ ее собственной участи. Заключенъ былъ миръ, которымъ Шлезвигъ-Гольштейнъ былъ совершенно отторгнутъ отъ Даніи и переданъ Австріи и Пруссіи вмѣстѣ. Тогда Пруссія раскрыла свои карты и заявила намѣреніе конфисковать защищаемыя права въ свою пользу. Противъ одураченной союзницы, съ помощью Франціи, былъ заключенъ союзъ съ Италіей. Побѣды прусскихъ войскъ порѣшили дѣло. Шлезвигъ-Гольштейнъ включенъ былъ въ составъ

Прусскаго государства. О его самостоятельности и правахъ не было болѣе рѣчи. Объединеніе совершилось, но вовсе не то, которое имѣлось первоначально въ виду.

Совершенно иное значеніе имѣетъ вопросъ о единеніи тамъ, гдѣ подчиненное государство составляетъ только придатокъ къ могучей державѣ. При слабости этого придатка, объединительная политика встрѣчаетъ менѣе препятствій; но зато она представляетъ и менѣе выгодъ. Таково именно положеніе Польши и Финляндіи относительно Россіи. Обѣ эти страны были присоединены къ Русской Имперіи Александромъ Первымъ, какъ самостоятельныя государства, неразрывно съ нею связанныя. Обѣимъ были дарованы и конституціонныя учрежденія, которыхъ Россія была лишена. Но результаты этой политики въ обоихъ случаяхъ были совершенно неодинаки.

Причины различія коренились въ самомъ прошломъ обѣихъ странъ. Польша составляла нѣкогда самостоятельную державу, которая, вслѣдствіе слабости своего внутренняго быта, была подѣлена между могучими сосѣдями безъ всякой даже тѣни права. Этого Поляки никогда не могли забыть. Не смотря на анархическія учрежденія и привычки, народность была крѣпкая; она стремилась къ самостоятельной жизни. Этой потребности хотѣлъ удовлетворить императоръ Александръ, который поставилъ себѣ цѣлью загладить вину бабки, а вмѣстѣ привязать Поляковъ къ Россіи, даровавъ имъ не только самостоятельное государственное существованіе, но и свободныя учрежденія, какими не пользовались ни сосѣднія страны, ни самая Россія. Въ преслѣдованіи этой цѣли онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе, прежде всего, со стороны союзныхъ державъ, участвовавшихъ въ дѣлежѣ. Онѣ опасались могущества Россіи, для которой Царство Польское могло служить передовымъ военнымъ постомъ, угрожавшимъ самымъ ихъ столицамъ. Онѣ опасались и вліянія конституціонныхъ учрежденій на собственныхъ ихъ польскихъ подданныхъ, которые этимъ поддерживались въ ихъ національныхъ и либеральныхъ стремленіяхъ. Даже ближайшіе совѣтники императора, не только Нессельроде, но Штейнъ и Поццо ди Борго высказывались противъ такой комбинаціи. Ему представляли необходимость мирнаго соглашенія съ союзниками и невыгоды соединенія самодержавнаго государства съ конституціоннымъ. Одинъ противъ всѣхъ, императоръ Александръ стоялъ на своемъ, и положеніе его въ Европѣ послѣ низверженія Наполеона было таково, что онъ могъ осуществить свои намѣренія, не смотря на общую оппозицію.

Эту настойчивость ставятъ ему въ вину. Его упрекаютъ въ увле-

ченіи либеральными и космополитическими идеями, которымъ онъ приносилъ въ жертву здравыя политическія требованія и самые интересы Россіи. Однако, желаніе умиротворить Польшу послѣ всѣхъ испытанныхъ ею бѣдствій, никакъ нельзя считать плодомъ либеральной фантазіи. Вотъ что писалъ въ 1807 году великій государственный человѣкъ и пламенный нѣмецкій патріотъ Штейнъ относительно польскихъ областей, присоединенныхъ въ то время къ Пруссіи:

„Польскій народъ сдѣлалъ уже успѣхи въ пониманіи искусства управленія; онъ въ конституціи 3-го мая 1891 года уничтожилъ liberum veto, то-есть право отдѣльнаго лица полагать запретъ на рѣшенія большинства; королевская власть была усилена, введена наслѣдственная монархія.... Раздѣлъ Польши показалъ печальную картину покореннаго чужеземною властью народа, которому преграждается самостоятельное развитіе своей индивидуальности, у котораго отнимаютъ благодѣяніе самому себѣ данныхъ свободныхъ учрежденій и на мѣсто ихъ навязываютъ чужеземную бюрократію. Владычествующая нація начала съ расточенія общественнаго имущества жаднымъ царедворцамъ; она передала внутреннее управленіе страстному къ письмоводству и богатому формами чиновничеству; она увеличила налоги и устранила туземцевъ отъ всякаго дѣятельнаго участія въ управленіи дѣлами отечества.... На Польскій народъ, конечно, падаетъ упрекъ, что онъ легкомысленъ, сластолюбивъ и склоненъ къ кознямъ; онъ былъ развращенъ двухвѣковымъ постояннымъ вмѣшательствомъ иноземцевъ въ дѣла государства посредствомъ насилій и подкуповъ. Это и было главною причиной его упадка, ибо въ прежней своей исторіи, въ теченіи XIV-го, XV-го, XVI-го и XVII-го столѣтій, онъ является образованнымъ, сильнымъ и богатымъ замѣчательными людьми, каковъ былъ, напримѣръ, канцлеръ Іоаннъ Замойскій, палатинъ Николай Радзивилъ, Собѣсскій. Даже при слабыхъ правленіяхъ послѣднихъ трехъ королей, которые подготовили, ускорили и завершили паденіе государства, мы находимъ людей, которые своимъ высокимъ нравственнымъ смысломъ, непоколебимымъ мужествомъ и пламенною любовью къ отечеству равняются благороднѣйшимъ характерамъ, упоминаемымъ въ исторіи народовъ. При всѣхъ недостаткахъ польскаго племени, оно обладаетъ благородною гордостью, дѣятельностью, мужествомъ, великодушіемъ и готовностью жертвовать собою для отечества и свободы, къ чему присоединяются многія способности и понятливость. Ихъ упрекаютъ въ недостаткѣ постоянства въ проявленіи своихъ духовныхъ силъ; но исправленіе этого недостатка должно быть предметомъ заботъ воспитателя и правителя; направлять, а не по-

давлять эти силы и помыслы должно быть цѣлью правительства при тѣхъ учрежденіяхъ, которыя оно вводитъ, и томъ устройствѣ, которое оно имѣетъ въ виду. Пусть народъ будетъ воспитанъ и облагороженъ въ своей индивидуальности, а не подавленъ и не втѣсненъ въ ненавистныя ему формы двусмысленной доброты. Если народъ долженъ быть облагороженъ, надобно угнетенной его части дать свободу, самостоятельность и собственность и распространить на нее защиту закона.... Польскій народъ гордится своею національностью; онъ скорбитъ, видя ея исчезновеніе, подавленіе ея языка, ея имени, и становится во враждебное отношеніе къ государству, которое причиняетъ ей это зло. Онъ былъ бы доволенъ, онъ привязался бы къ государству, еслибы ему дали устройство, успокоивающее національную гордость и обезпечивающее ему обладаніе своею индивидуальностью. Не уничтоженіе, а развитіе послѣдней будетъ считать благомъ каждый человѣкъ, который цѣлью гражданскаго союза полагаетъ не механическій порядокъ, а свободное развитіе и облагороженіе своеобразной природы каждаго племени“ *).

Тяжелый гнетъ Наполеоновскаго деспотизма, который Штейнъ чувствовалъ всею силою своей возвышенной и пылкой души, побудилъ его такими яркими красками изобразить всю горечь иноземнаго владычества. Если онъ, не смотря на то, возражалъ противъ намѣреній императора Александра, то это происходило главнымъ образомъ изъ опасенія, что это можетъ повести къ войнѣ между союзниками. Поэтому онъ считалъ возможнымъ довольствоваться введеніемъ провинціальныхъ чиновъ. Но такое устройство еще менѣе могло удовлетворить Поляковъ, которые недовольны были даже и тѣмъ, что имъ было дано. Они хотѣли возрожденія Польши въ прежнемъ ея составѣ, чего, конечно, невозможно было достигнуть. Державы, которыя противились возстановленію Царства Польскаго, еще менѣе были расположены отказаться отъ присоединенныхъ ими областей. Императоръ Александръ долженъ былъ соблюдать и интересы Россіи. Стараясь загладить послѣдствія учиненнаго надъ Польшей насилія и возвратить Полякамъ отечество, онъ доходилъ до крайнихъ предѣловъ возможности, и въ этомъ онъ былъ нравственно и политически правъ. Если великодушная его попытка не удалась, то вина, по крайней мѣрѣ, лежитъ не на Россіи, а на Полякахъ, которые безумно отвергли дарованныя имъ блага. Безспорно, и на русскомъ правительствѣ лежитъ нѣкоторая доля отвѣтственности. Назначеніе великаго князя Константина Павловича на-

*) Pertz: Stein's Leben. I, стр. 483—7.

мѣстникомъ Царства Польскаго было крупною ошибкой. Его постоянныя нарушенія конституціи и грубое обращеніе съ арміей естественно возбуждали негодованіе. Но женившись на княгинѣ Ловичъ, онъ смягчился и склонился даже на сторону Поляковъ. Во всякомъ случаѣ, возстаніе 1831 года не можетъ быть ничѣмъ оправдано, а еще менѣе находитъ извиненіе террористическое возстаніе 1863 года. Какъ уже было замѣчено выше, Поляки своимъ поведеніемъ показали свою полную политическую неспособность.

Тѣмъ не менѣе, уничтоженіе самостоятельнаго существованія Царства Польскаго и включеніе его въ составъ Русской Имперіи нельзя не признать политическою ошибкой. Воображать, что можно когда-нибудь польскую народность слить съ русскою, есть несбыточная мечта. Любовь къ отечеству составляетъ одно изъ самыхъ глубокихъ, неискоренимыхъ и возвышенныхъ чувствъ человѣка. Его слѣдуетъ не подавлять, а развивать, ибо на немъ зиждутся всѣ нравственныя основы государственнаго быта. Оно такъ присуще душѣ человѣка, что цѣлые вѣка чужеземнаго гнета не въ состояніи его истребить. Греки четыреста лѣтъ состояли подъ властью Турокъ, а все-таки священный огонь любви къ отечеству въ нихъ не угасъ, а воспылалъ еще съ большею силой;это и повело къ войнѣ за освобожденіе. Стремленіе подавить подвластную народность возбуждаетъ не любовь, а ненависть. Подобною политикой можно пріобрѣсти только непримиримыхъ враговъ. Враговъ же гораздо выгоднѣе держать особо, нежели дѣлать ихъ составною частью собственнаго организма. Если народныя чувства и стремленія невозможно уничтожить, то надобно дать имъ правильный исходъ, а это именно достигается отдѣльнымъ государственнымъ существованіемъ, которое всѣмъ законнымъ и неискоренимымъ потребностямъ народа даетъ надлежащее поприще. Каково должно быть устройство такого государства, это зависитъ отъ условій, въ которыхъ оно находится, и отъ состоянія общества. Мѣра свободы, которая можетъ быть предоставлена народу, опредѣляется степенью политической его зрѣлости. Всякое возстаніе отдаляетъ установленіе правильнаго порядка. Но за подавленіемъ возстанія необходимо должна слѣдовать политика умиротворенія, безъ которой владычество одного народа надъ другимъ представляетъ только чистое и голое насиліе, вредное для самого притѣснителя. Внѣшній деспотизмъ неизбѣжно ведетъ и къ внутреннему.

Примѣръ благотворнаго дѣйствія реальнаго соединенія представляетъ Финляндія. И она обязана своимъ существованіемъ императору Александру, который, послѣ покоренія ея Россіею въ 1809 году, не только далъ ей самостоятельное государственное устройство, но и со-

хранилъ существовавшія въ ней представительныя учрежденія. На этотъ разъ великодушіе принесло свои плоды. Финляндія, довольная своей судьбою, процвѣтаетъ подъ скипетромъ русскихъ монарховъ. Россія же находятъ въ этомъ ту выгоду, что она обладаетъ военною позиціей, необходимою для ея обороны. Такому благопріятному результату въ значительной степени содѣйствовало то, что Финляндія никогда не составляла независимаго государства. Ея историческія преданія не побуждаютъ ея играть политическую роль въ Европѣ. Къ тому же, народность въ ней смѣшанная. Шведскій элементъ составляетъ лишь верхній слой, недостаточно сильный, чтобы стремиться къ самостоятельному существованію или къ соединенію съ одноплеменной державой. Для массы же Финновъ совершенно все равно, будетъ ли владычествовать Россія или Швеція, лишь бы охранялись существенные ихъ интересы. Въ этомъ отношеніи связь съ Россіей представляетъ имъ даже болѣе выгодъ, ибо послѣдняя не связана національностью съ верхнимъ слоемъ, а стоитъ, какъ безпристрастный судья, надъ обоими элементами, а потому можетъ удовлетворить оба, уважая ихъ особенности и сохраняя имъ тѣ свободныя учрежденія, которыми они дорожатъ. При такихъ условіяхъ, всѣ нападки, которыя раздаются со стороны извѣстной части русской печати, не только лишены всякаго основанія, но обнаруживаютъ весьма низменный образъ мыслей.

Такого же рода вопросъ о характерѣ государственной связи нерѣдко возникаетъ и относительно колоній. Мы уже коснулись его выше (кн. II, гл. 2). Мы видѣли, что протекторатъ, гдѣ онъ только возможенъ, всегда выгоднѣе непосредственнаго соединенія. Управленіе легче, когда сохраняются существующія связи, привычки и власти. Правительство метрополіи имѣетъ дѣло лишь съ главою подчиненнаго государства, а не принуждено вмѣшиваться во всѣ подробности совершенно несвойственнаго ему управленія и чуждаго ему быта. Самый подвластный народъ болѣе доволенъ, когда онъ остается подъ владычествомъ привычной и соплеменной ему власти, нежели когда онъ подпадаетъ подъ управленіе неповоротливой европейской бюрократіи со всѣмъ ея формализмомъ. Наконецъ, протекторатъ требуетъ отъ метрополіи гораздо менѣе издержекъ, нежели непосредственное управленіе. Мы видѣли также великія преимущества англійской колоніальной системы, которая дѣлаетъ изъ колоній, достигшихъ извѣстной степени развитія, самостоятельныя государства, управляющіяся сами собой и связанныя съ метрополіей лишь назначеніемъ главы правительственной власти. Этимъ вопросъ разрѣшается удовлетворительно для обѣихъ сторонъ. Испанія не послѣдовала этому примѣру; она продолжала смотрѣть на колоніи, исключительно какъ на предметъ выгодъ для ме-

трополіи. Нынѣшнее возстаніе въ Кубѣ, требующее громадныхъ тратъ и деньгами и людьми, показываетъ, къ чему ведетъ подобная политика. Слишкомъ поздно испанскіе государственные люди сознаютъ, что необходимо дать колоніи значительную долю автономіи. Національная гордость не дозволяетъ имъ дѣлать уступки вооруженному возстанію; они могутъ поплатиться за это потерею богатѣйшей страны, въ которой, если она даже будетъ покорена испанскимъ оружіемъ, останутся неизгладимыя сѣмена ненависти и раздоровъ, между тѣмъ какъ своевременное удовлетвореніе справедливыхъ ея требованій сохранило бы навсегда этотъ перлъ испанской короны. Тутъ, какъ и вездѣ, истинная цѣль политики заключается не въ насиліи и притѣсненіи, а въ разумномъ и справедливомъ удовлетвореніи подвластныхъ.

Отношеніе центральной власти къ мѣстнымъ составляетъ важнѣйшій вопросъ и въ государствахъ, гдѣ господствуетъ союзное устройство. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* мы видѣли двѣ главныя формы такого рода единеній: союзное государство и союзъ государствъ. Въ первомъ преобладаетъ единство, во второмъ самостоятельность частей. Мы видѣли и главные юридическіе признаки, которыми одно отличается отъ другаго. Здѣсь мы должны изложить выгоды и недостатки обѣихъ формъ, а также средства и способы дѣйствія, которыми онѣ располагаютъ.

Союзныя государства имѣютъ цѣлью соединить выгоды большихъ государствъ и малыхъ, сохранить мѣстную свободу и самоуправленіе, образовавши однако достаточную политическую силу, чтобы противостоять внѣшнимъ врагамъ и обезпечить совокупные интересы народа. Это устройство имѣетъ значительныя преимущества передъ раздробленными, мелкими государствами, которыя не въ состояніи ни отстоять свою независимость, ни создать сколько-нибудь широкіе интересы, способные поднять общественный духъ и привлечь лучшія силы къ общему дѣлу. Въ этомъ отношеніи оно представляетъ несомнѣнныя выгоды и въ сравненіи съ союзомъ государствъ, который всегда страдаетъ слабостью центральной власти, а вслѣдствіе того, медленностью и трудностью всякаго совокупнаго дѣйствія. Съ другой стороны, оно имѣетъ нѣкоторыя существенныя преимущества и передъ единичнымъ государствомъ. Во-первыхъ, раздробленіе правительственной власти и распредѣленіе ея по различнымъ центрамъ даетъ большія гарантіи свободѣ. Центральная власть не имѣетъ совокупной государственной силы въ своихъ рукахъ, а потому не можетъ употреблять ее по своему произволу; она вездѣ встрѣчаетъ сдержки и преграды. Точно также и владычествующая партія не господствуетъ безпрепятственно всюду; въ мѣстныхъ центрахъ она встрѣчаетъ отпоръ. Вслѣдствіе этого, во вторыхъ, здѣсь является

бо̀льшая возможность устроить мѣстное управленіе согласно съ мѣстными интересами, не подчиняя его далекому центру. При такихъ условіяхъ, въ третьихъ, все разнообразіе жизни можетъ получить полное развитіе. Интересы одной мѣстности не приносятся въ жертву другимъ. Даже различныя народности могутъ совмѣщаться въ общемъ устройствѣ, чему примѣръ представляетъ Швейцарія. Вслѣдствіе этого, въ четвертыхъ, политическая и общественная жизнь болѣе или менѣе равномѣрно разливается всюду. Все не стягивается къ столицѣ, въ ущербъ оконечностямъ. Въ странѣ образуются многочисленные центры просвѣщенія, каждый съ своими особенностями; вмѣсто однообразнаго направленія установляется согласіе въ разнообразіи, что и составляетъ высшую цѣль общественнаго развитія.

Однако, это раздробленіе власти по различнымъ центрамъ имѣетъ и свою оборотную сторону.

Во первыхъ, установляя всюду задержки, союзная форма умножаетъ возможность столкновеній. Въ единичномъ конституціонномъ государствѣ верховная власть также раздѣлена, но соглашеніе нѣсколькихъ сосредоточенныхъ силъ, которыя всѣ направлены къ общей пользѣ, несравненно легче, нежели соглашеніе центральной власти со множествомъ мѣстныхъ, имѣющихъ въ виду прежде всего свои особенные интересы. Въ конституціонномъ правленіи требуется соглашеніе властей въ виду совокупнаго дѣла, и какъ скоро оно установилось, правительство можетъ дѣйствовать безпрепятственно. Здѣсь же каждая власть сдерживается въ извѣстныхъ границахъ, имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствія, который она не должна преступать. А точно опредѣлить эти границы почти невозможно, потому что мѣстныя дѣла и общія тѣсно связаны и дѣятельность однихъ властей входитъ въ область другихъ, а такъ какъ тѣ и другія власти державныя, то приходится разбирать споръ судебнымъ порядкомъ. Но въ политическихъ дѣлахъ судъ, даже при наилучшемъ устройствѣ, далеко не всегда дѣйствуетъ удовлетворительно. Казуистика, составляющая неизбѣжное зло въ частныхъ тяжбахъ, еще вреднѣе въ политическихъ вопросахъ, гдѣ преобладающее значеніе имѣетъ не буква закона, а требованіе общественной пользы. Тутъ нужно рѣшеніе не столько юридическое, сколько политическое: нужно уравновѣсить двѣ противоположныя силы, изъ которыхъ каждая тянетъ на свою сторону. Это—дѣло политики, которая дѣйствуетъ не на основаніи строгихъ правилъ, а по усмотрѣнію. Суду же, при отсутствіи общихъ руководящихъ началъ, приходится давать чисто практическія рѣшенія, а это ведетъ къ безпрерывному возобновленію столкновеній. Во всякомъ случаѣ, формальный и медленный судебный порядокъ про-

изводитъ остановку въ дѣлахъ, которая въ государственной жизни можетъ представить серіозную опасность. Ко всему этому присоединяется, наконецъ, то, что и самая центральная власть раздѣлена; слѣдовательно, раздѣленіе тутъ двоякое. Отсюда необыкновенная сложность государственнаго механизма, а вездѣ, гдѣ есть сложность, является медленность въ рѣшеніяхъ и въ дѣйствіи, возникаютъ безчисленныя затрудненія и столкновенія, для разрѣшенія которыхъ нуженъ весьма развитой юридическій тактъ и практическій смыслъ.

Во вторыхъ, изъ этого неизбѣжно проистекаетъ слабость центральной власти. Она стѣснена со всѣхъ сторонъ. Слишкомъ значительной силы ей нельзя придать, ибо она можетъ употребить ее во зло и уничтожить державныя права отдѣльныхъ государствъ. Здѣсь требуется уравновѣшеніе, какъ силы, такъ и права. Но вслѣдствіе этого, центральная власть во многихъ отношеніяхъ ставится въ зависимость отъ мѣстныхъ властей, которыя сторожатъ ее ревниво, опасаясь уменьшенія своихъ правъ. Въ послѣднихъ является естественное стремленіе забрать какъ можно болѣе силы въ свои руки. Особенно тѣ, которыя держатся инаго политическаго направленія, нежели центральная власть, стараются оказать послѣдней всевозможныя препятствія, на что онѣ имѣютъ достаточно средствъ. Чтобы приводить свои рѣшенія въ исполненіе, центральное правительство должно опять же прибѣгать къ суду или дѣйствовать силою, что можетъ вести къ междоусобной войнѣ.

Слабость центральной власти ведетъ, въ третьихъ, къ преобладанію мѣсныхъ интересовъ надъ общими. Въ единичномъ государствѣ у всѣхъ передъ глазами интересы всего народа и всего государства. Граждане привыкли считать себя членами одного цѣлаго; у всѣхъ одно отечество, которому всѣ готовы приносить нужныя жертвы. Это нерѣдко ведетъ къ пренебреженію мѣстными интересами; но эта невыгода далеко не такъ ощутительна, какъ подчиненіе общихъ интересовъ мѣстнымъ. Въ союзномъ государствѣ у каждаго гражданина два отечества. Въ мѣстной сферѣ протекаетъ вся его жизнь; въ ней сосредоточены всѣ его интересы; въ ней онъ играетъ несравненно бо̀льшую роль, нежели въ общемъ союзѣ. Поэтому онъ ревниво смотритъ на всякое расширеніе дѣятельности центральной власти; онъ видитъ въ этомъ посягательство на свои права. Чѣмъ обширнѣе государство, чѣмъ отдаленнѣе центръ, тѣмъ эти стремленія проявляются съ большею силой. Нужно живое сознаніе внутренней неурядицы или внѣшней опасности, чтобы противодѣйствовать этому теченію. Въ Соединенныхъ Штатахъ, господствовавшая первое время анархія повела къ замѣнѣ союза государствъ союзнымъ государствомъ; но какъ

скоро установилось нормальное теченіе дѣлъ, центробѣжныя стремленія взяли верхъ. Государственный банкъ былъ уничтоженъ; отдѣльные штаты хотѣли присвоить исключительно себѣ завѣдываніе путями сообщенія, проведеніе каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Демократическая партія, стоявшая за державныя права отдѣльныхъ штатовъ, владычествовала до самой междоусобной войны.

Такое преобладаніе мѣстныхъ интересовъ влечетъ за собою, въ четвертыхъ, всѣ невыгоды мелкихъ государствъ: деспотизмъ большинства, плохіе мѣстные законы, измельчаніе цѣлей и взглядовъ. Частныя притязанія получаютъ неподобающее имъ значеніе. Потребность же оградить себя отъ захватовъ рождаетъ узкій оппозиціонный духъ и упорство въ мелочныхъ вопросахъ права. Общіе взгляды изчезаютъ; въ народѣ развивается чисто практическое направленіе или же онъ пріучается къ искусственнымъ комбинаціямъ и къ формализму, въ ущербъ живому содержанію дѣла. Первое мы замѣчаемъ у Сѣверо-американцевъ, второе было господствующею чертою Нѣмцевъ до послѣднихъ событій, выведшихъ ихъ на болѣе широкій путь.

Къ этому присоединяется, въ пятыхъ, неизбѣжное столкновеніе интересовъ при разнообразіи мѣстныхъ особенностей. Если возникаетъ вопросъ крупный и возбуждающій страсти, то неминуемы внутренніе раздоры, для которыхъ союзное устройство представляетъ самую благодарную почву. Отдѣльный штатъ не обязанъ безусловно подчиняться волѣ цѣлаго; въ его полудержавныхъ правахъ интересы меньшинства находятъ самую крѣпкую опору, и если большинство не идетъ на уступки, союзу грозитъ распаденіе. Въ 1832 году, Южная Каролина объявила недѣйствительными постановленія Конгресса по тарифному вопросу и грозила выйдти изъ союза; другіе южные штаты одобрили ея дѣйствія, и только уступки со стороны Конгресса повели къ возстановленію правильныхъ отношеній. Въ Швейцаріи, въ 1847 году, религіозный вопросъ возбудилъ междоусобную войну и едва не повелъ къ распаденію союза. Только силой онъ былъ преобразованъ. Точно также и въ Сѣверной Америкѣ вопросъ о невольничествѣ повелъ къ отпаденію Южныхъ Штатовъ, а затѣмъ къ страшной междоусобной войнѣ, которая кончилась побѣдою Сѣвера и подчиненіемъ Юга союзной власти. Въ сущности, при союзномъ устройствѣ, основанномъ на добровольномъ подчиненіи членовъ, трудно допустить такое насильственное покореніе. Особенно когда почти половина штатовъ заявляетъ о своемъ желаніи образовать отдѣльный союзъ, право ихъ на самостоятельное существованіе едвали можетъ быть оспорено. Если, не смотря на то, побѣда Сѣверныхъ Штатовъ была встрѣчена сочувствіемъ значительнаго большинства общественнаго мнѣнія Европы,

то это происходило единственно оттого, что они выступали во имя общечеловѣческаго и нравственнаго начала свободы, тогда какъ Южные Штаты являлись защитниками рабства въ худшей его формѣ.

Но при такихъ условіяхъ самая побѣда центральной власти не ведетъ къ благопріятнымъ послѣдствіямъ. Междоусобныя войны не проходятъ даромъ. Сѣмена взаимной ненависти глубоко западаютъ въ души. Побѣжденные считаютъ себя несправедливо обиженными, а потому не могутъ питать привязанности къ Союзу и быть, не только на словахъ, но и на дѣлѣ, истинными его гражданами. Еще хуже, когда побѣда привела къ разстройству всего ихъ внутренняго быта, какъ это и случилось въ Соединенныхъ Штатахъ. Если война противъ отпавшихъ штатовъ могла найти оправданіе въ ея высокой нравственной цѣли, то уравненіе въ политическихъ правахъ Негровъ и бѣлыхъ не извиняется ничѣмъ. Этимъ управленіе Южныхъ Штатовъ отдавалось въ руки безобразной толпы, лишенной всякаго политическаго смысла. Только путемъ насилій, подлоговъ и подкуповъ бѣлые могли возстановить свое превосходство и утвердить сколько нибудь сносный порядокъ вещей. Но и среди самихъ побѣдителей междоусобная война оставила свой развращающій слѣдъ. Умѣренная политика, составляющая самую душу союзнаго устройства, была откинута въ сторону. Всѣ общественныя страсти были разнузданы; честолюбіе и алчность не видѣли передъ собою уже никакихъ преградъ. Все устремилось на расхищеніе общественнаго достоянія. Союзъ, который прежде не зналъ куда дѣвать деньги, стоитъ на краю банкротства. Самыя невѣроятныя теоріи, прикрывающія частную корысть, становятся лозунгомъ въ борьбѣ партій. О нравственномъ значеніи Союза никто уже не думаетъ; прежде столь высоко стоявшіе Соединенные Штаты представляютъ нынѣ картину самой ожесточенной внутренней борьбы изъ-за личной наживы.

При такихъ значительныхъ невыгодахъ союзнаго устройства нужны особенныя условія для того, чтобы оно могло держаться.

Прежде всего необходимо нѣкоторое единство въ интересахъ, нравахъ, понятіяхъ и учрежденіяхъ. Враждебные интересы ведутъ къ столкновеніямъ, а при удобномъ случаѣ и къ распаденію союза. Точно также и противоположность воззрѣній можетъ вести къ разрыву, если меньшинство довольно сильно, чтобы себя отстоять. Въ Швейцаріи вспыхнула междоусобная война вслѣдствіе того, что католическіе кантоны образовали особый союзъ, въ противоположность протестантскимъ. Однако, самый этотъ примѣръ показываетъ, что различіе вѣроисповѣданій, при господствѣ вѣротерпимости, не служитъ препятствіемъ союзному устройству. Тоже подтверждается и Германіей: Важнымъ

факторомъ является единство національности. Оно служитъ главною связью Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ англо-саксонское племя господствуетъ нераздѣльно. Оно же было главною причиной возрожденія Германской Имперіи. Однако, въ Швейцаріи три разныя національности уживаются мирно въ одномъ союзѣ. Кантональное устройство даетъ имъ огражденіе, а между тѣмъ, единство матеріальныхъ интересовъ, при обособленномъ положеніи небольшой страны, лежащей среди горъ, а также и общность демократическихъ учрежденій служатъ имъ связью. Отдѣльные кантоны, и даже совокупность нѣсколькихъ, слишкомъ слабы для самостоятельной жизни; въ единеніи съ другими они находятъ и опору и интересы болѣе широкаго свойства. Главнымъ же объединяющимъ началомъ всякаго союзнаго устройства является единство историческихъ судебъ. Союзныя государства образуются изъ державныхъ или полудержавныхъ государствъ, сохранявшихъ между собою постоянную историческую связь. Гдѣ исторія не установила этой связи, скорѣе образуется единичное государство, съ болѣе или менѣе развитою провинціальною жизнью.

Во-вторыхъ, важнымъ условіемъ союзнаго устройства является величина соединяющихся государствъ. Союзъ всего нужнѣе для мелкихъ государствъ, которыя въ немъ находятъ опору своей независимости и легче подчиняются центральной власти, нежели болѣе или менѣе значительныя державы, имѣющія въ себѣ самихъ прочныя условія самостоятельнаго существованія. Если же соединяются большія государства съ малыми, то необходимо, чтобы одно изъ нихъ имѣло значительный перевѣсъ надъ остальными, такъ чтобы послѣднія примыкали къ нему, какъ центру. Существованіе двухъ большихъ державъ въ Германскомъ Союзѣ было главнымъ препятствіемъ къ обращенію его въ союзное государство, съ болѣе или менѣе сильною центральною властью. Ни одно изъ нихъ не хотѣло признать главенства другаго. Только послѣ Австро-прусской войны, когда побѣжденная Австрія была совершенно выброшена изъ Германіи, а Пруссія получила значительное приращеніе своихъ владѣній, могла образоваться Германская Имперія подъ ея главенствомъ.

Въ-третьихъ, существенную важность имѣетъ и международное положеніе союза. Нейтральное положеніе, какъ въ Швейцаріи, или обособленное, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, дозволяетъ довольствоваться болѣе или менѣе слабою центральною властью. Здѣсь союзное устройство, со всѣми его осложненіями, не представляетъ опасности. Наоборотъ, близость могущественныхъ сосѣдей побуждаетъ раздробленныя государства образовать болѣе крѣпкое единеніе, нежели простой союзъ. Въ Германіи, послѣ Наполеоновскаго владыче-

ства въ началѣ нынѣшняго столѣтія, всѣ горячіе патріоты желали возстановленія Имперіи, съ болѣе крѣпкою властью, нежели та, которая была установлена въ Германскомъ Союзѣ. Возникшее отсюда національное движеніе пріобрѣтало все болѣе и болѣе силы, пока наконецъ въ наши дни эти стремленія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Тѣже опасенія поддерживаютъ существующее нынѣ устройство. Послѣ Франко-прусской войны и завоеванія Эльзаса и Лотарингіи Германская Имперія должна напрягать всѣ свои силы, чтобъ удержать свое положеніе. При постоянно грозящей внѣшней опасности всѣ партикуляристическія стремленія должны умолкнуть. Ихъ устраняетъ и національное самолюбіе, которое гордится успѣхами и любуется своею мощью. Но сохранится ли тотъ же духъ, если когда-нибудь Германію постигнетъ разгромъ, невозможно сказать. Могущественная имперія, возникшая при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ слѣдствіе неслыханныхъ побѣдъ, не прошла еще чрезъ постигающія всякій народъ испытанія. Какъ она ихъ выдержитъ, покажетъ будущее.

Вообще, союзное государство легче установляется въ демократической формѣ, нежели въ монархической. Въ демократіи одинъ и тотъ же народъ, которому принадлежитъ верховная власть въ отдѣльныхъ штатахъ, остается обладателемъ ея и въ союзѣ. Вся власть идетъ снизу, исходя отъ лица и смыкаясь, на разныхъ ступеняхъ, въ болѣе и болѣе обширные союзы. Каждый гражданинъ сознаетъ себя полноправнымъ членомъ и большаго и меньшаго цѣлаго. Напротивъ, монархъ, царствующій въ отдѣльномъ государствѣ, долженъ отказаться отъ своихъ державныхъ правъ и подчиниться высшей, стоящей надъ нимъ власти. Пойти на это можно только въ силу неотразимой необходимости. Въ Германіи національныя стремленія долго встрѣчали неодолимое препятствіе въ монархическихъ правительствахъ, и только побѣды прусскаго оружія заставили ихъ подчиниться общему главѣ. Поставленные между императоромъ, обладающимъ громадною военною силой, и демократическими стремленіями народа, который менѣе всего дорожитъ своими мелкими князьями, они только въ общемъ союзѣ находятъ поддержку своего положенія. Поэтому, въ настоящее время, у нѣмецкихъ князей встрѣчается менѣе партикуляристическихъ стремленій, нежели у значительной части ихъ подданныхъ. Шаткость ихъ собственнаго положенія дѣлаетъ ихъ усердными членами союза.

Различіе монархическаго и демократическаго устройства союзнаго государства рождаетъ и различное отношеніе ихъ къ государственнымъ силамъ. Это выказывается въ особенности относительно войска.

Въ обоего рода союзахъ войско является народною силой; но въ демократіи оно доводится до наименьшей, въ монархіи до наибольшей степени. Въ Швейцаріи вовсе нѣтъ постояннаго войска, а есть только кантональная милиція, состоящая подъ надзоромъ Союза. Въ Соединенныхъ Штатахъ милиція состоитъ въ полномъ вѣдѣніи штатовъ; союзное же правительство въ обыкновенное время располагаетъ весьма небольшимъ количествомъ вербованнаго войска. Во время междоусобной войны была введена конскрипція; но тотчасъ послѣ возстановленія мира она была отмѣнена и армія распущена. Въ Германской Имперіи, напротивъ, установлена самая широкая и крѣпко организованная система всенароднаго войска, находящагося подъ начальствомъ императора. Угрожающія Имперіи опасности заставляютъ держать наготовѣ громадное количество военныхъ силъ и ставить ихъ въ полное распоряженіе центральной власти.

Несравненно меньшее значеніе имѣетъ бюрократія. Принципіально, союзная власть не вмѣшивается во внутреннее управленіе отдѣльныхъ штатовъ, а потому и не нуждается въ большомъ количествѣ чиновниковъ. Однако, учрежденія, составляющія совокупный интересъ страны, находятся въ ея рукахъ и требуютъ общаго управленія. Чѣмъ сильнѣе стремленіе расширить вѣдомство центральной власти, тѣмъ болѣе умножается количество подвѣдомственныхъ ей чиновниковъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ оно было естественнымъ послѣдствіемъ междоусобной войны. Побѣды Сѣвера влекли за собой усиленіе центральной власти, чему содѣйствовало стремленіе владычествующей партіи къ наживѣ посредствомъ раздачи возможно большаго количества союзныхъ должностей своимъ приверженцамъ. Въ Германской Имперіи точно также стремленіе къ усиленію центральной власти ведетъ къ сосредоточенію въ ея рукахъ нѣкоторыхъ важныхъ отраслей управленія, какъ-то, желѣзныхъ дорогъ. При всемъ томъ, административное вѣдомство союза всегда далеко уступаетъ мѣстному. Связующимъ элементомъ государственной жизни, какимъ оно является въ единичномъ государствѣ, чиновничество быть не можетъ.

Тѣмъ важнѣе въ союзѣ значеніе суда. Нигдѣ онъ не играетъ такой политической роли, какъ въ союзномъ государствѣ, гдѣ онъ призванъ разрѣшать всякія пререканія, возникающія между центральною властью и мѣстною, и точно опредѣлять права обѣихъ. Своимъ развитіемъ конституція Соединенныхъ Штатовъ обязана главнымъ образомъ дѣятельности верховнаго суда. Особенно славится въ этомъ отношеніи имя верховнаго судьи Маршалля. Понятна поэтому высокая важность замѣщенія судебныхъ должностей людьми безпристрастными, стоящими надъ стремленіями и интересами партій. Къ сожалѣнію, въ новѣйшее время

и эта непоколебимая дотолѣ опора американской конституціи пошатнулась. Духъ партій овладѣлъ и судомъ. Въ 1871 году, вслѣдствіе рѣшенія Верховнаго Суда, противнаго притязаніямъ центральной власти, прямо былъ прибавленъ новый членъ, а другая открывшаяся въ тоже время ваканція была замѣщена въ видахъ измѣненія большинства и уничтоженія прежняго рѣшенія, что и послѣдовало. Въ 1876 году, для изслѣдованія правильности президентскихъ выборовъ, когда соперниками были республиканецъ Гейзъ (Hayes) и демократъ Тильденъ, была составлена коммиссія изъ членовъ палаты поровну отъ каждой партіи, и къ нимъ присоединены три члена верховнаго суда, два республиканца и одинъ демократъ. Въ результатѣ, всѣ члены коммиссіи, не исключая и судей, подали голосъ каждый за кандидата своей партіи, и такимъ образомъ выборъ Гейза былъ утвержденъ, не смотря на то, что подлоги и беззаконія были совершенно явны. Въ накладѣ оказался тотъ кандидатъ, который строже держался закона и выказывалъ болѣе уступчивости.

Изъ этого ясно, что всякія гарантіи справедливости и безпристрастія совершенно тщетны, когда эти качества не требуются общественнымъ сознаніемъ. Если духъ и направленіе общества слагаются подъ вліяніемъ учрежденій, то, въ свою очередь, они воздѣйствуютъ на учрежденія, влагая въ нихъ то или другое содержаніе. Самое это содержаніе измѣняется, смотря по потребностямъ времени. Во всякомъ союзномъ государствѣ естественно существуетъ двоякое теченіе: съ одной стороны къ усиленію центральной власти, съ другой стороны къ поддержанію независимости штатовъ. Ибо и въ центрѣ и на мѣстахъ есть свои привязанности и свои политическіе интересы. Въ обыкновенномъ ходѣ жизни преобладаетъ стремленіе къ независимости, а потому и къ ослабленію центральной власти. Общіе интересы слишкомъ далеки отъ каждаго; мѣстные интересы, напротивъ, наполняютъ ежедневную жизнь. Чѣмъ обширнѣе государство, тѣмъ эти стремленія обнаруживаются въ большей степени. Противодѣйствовать имъ можетъ только сильное общее чувство, какъ-то: сознаніе безпомощности мелкихъ мѣстныхъ организацій, какъ было въ Сѣверной Америкѣ въ 1787 году, или же чувство національности, которое требуетъ сильной центральной власти для поддержанія народнаго величія. Оно составляло и составляетъ главную опору Германской Имперіи. Но эти сильныя теченія проявляются только по временамъ, въ минуты опасности и воодушевленія или когда внутренній порядокъ становится невыносимъ. Они естественно слабѣютъ, какъ скоро внѣшнія и внутреннія опасности исчезли и мѣстные жители довольны своимъ положеніемъ. Вслѣдствіе этого, въ союзныхъ госу-

дарствахъ являются смѣны федеративныхъ и автономическихъ стремленій. Въ Сѣверной Америкѣ, въ первые годы послѣ освобожденія, безусловно преобладало демократическое направленіе, стоявшее за автономію штатовъ. Но невыгоды этого порядка вещей повели къ установленію конституціи 1787 года, которая скрѣпила союзъ и на время дала преобладаніе федералистамъ. Когда же новый порядокъ упрочился, перевѣсъ снова получили демократы. Послѣ междоусобной войны опять возобладали приверженцы союзнаго начала.

Эта противоположность теченій проявляется и по другому поводу, именно, вслѣдствіе противоположности воззрѣній и интересовъ, господствующихъ въ различныхъ частяхъ Союза. Меньшинство, желающее сохранить неприкосновеннымъ свое положеніе, стоитъ за автономію; напротивъ, большинство, которое стремится проводить свои виды, требуетъ усиленія центральной власти, чтобы посредствомъ нея одолѣть всякое сопротивленіе. Такъ какъ эти отношенія опредѣляются не какими-либо общими началами, а различіемъ интересовъ, то одна и таже партія можетъ поддерживать или то или другое направленіе, смотря по тому, чего она добивается. Въ Сѣверной Америкѣ, до междоусобной войны, демократы стояли за автономію въ видахъ сохраненія рабства; въ Швейцаріи, напротивъ, демократы требовали усиленія центральной власти съ цѣлью подавленія аристократическихъ и клерикальныхъ стремленій отдѣльныхъ кантоновъ. Демократическая партія потому также нерѣдко стоитъ за усиленіе центральной власти, что она менѣе другихъ дорожитъ историческими правами и мѣстными особенностями, а стремится все подвести къ общему уровню. Отсюда весьма обычная связь демократическихъ и національныхъ стремленій. Это обнаружилось и въ Италіи и въ Германіи. Но консервативная партія и существующія власти впадаютъ въ большую ошибку, когда они дѣло національнаго единенія предоставляютъ исключительно демократіи; черезъ это они придаютъ послѣдней такую силу, которой ничто противостоять не можетъ.

Эти общія теченія народнаго сознанія составляютъ самую крѣпкую опору союзнаго государства. Сама по себѣ, верховная власть, раздѣленная между многими центрами, не имѣетъ достаточно силъ и средствъ для прочнаго существованія. Она держится только постояннымъ согласіемъ членовъ и общимъ духомъ, живущимъ въ народѣ. Поэтому вся политика союзнаго государства должна быть направлена къ поддержанію этого нравственнаго единства, а это можно сдѣлать только соблюденіемъ всѣхъ интересовъ. Если во всякомъ сложномъ государственномъ устройствѣ требуется прежде всего духъ умѣренности, то въ союзномъ государствѣ онъ вдвойнѣ необходимъ,

ибо оно установляется именно за тѣмъ, чтобы, не ослабляя силы союза, дать возможный просторъ всѣмъ мѣстнымъ особенностямъ. Здѣсь менѣе, нежели гдѣ-либо, позволительно жертвовать интересами одной части союза интересамъ другой. Можно сказать, что степенью вниманія къ мѣстнымъ интересамъ и стремленіемъ къ соглашенію опредѣляется истинная оцѣнка господствующаго въ союзномъ государствѣ направленія. Пока сѣверо-американская демократія держалась преданій, завѣщанныхъ ея основателями, этотъ духъ умѣренности царилъ въ ней въ высокой степени. Такъ, напримѣръ, въ 1832 году, когда земледѣльческіе штаты Юга протестовали противъ покровительственныхъ тарифовъ, которыми ихъ промышленные выгоды приносились въ жертву фабричнымъ интересамъ Сѣвера, Союзъ пошелъ на справедливую уступку: высокіе тарифы постепенно были отмѣнены. Если теперь они снова возвышены до чрезмѣрной высоты, то это доказываетъ только, что всякое уваженіе къ чужимъ интересамъ исчезло и большинство проводитъ свои выгоды во что бы ни стало.

Иной характеръ имѣлъ вопросъ о невольничествѣ. Тутъ являлось безусловное требованіе нравственности и человѣколюбія, которое взяло наконецъ верхъ надъ всякими политическими соображеніями. Союзъ имѣлъ полное право не поддерживать въ своихъ предѣлахъ такого возмущающаго совѣсть явленія. Выдавать бѣглыхъ Негровъ ихъ хозяевамъ было оскорбленіемъ лучшихъ чувствъ человѣка. Образованные европейскіе народы воспрещаютъ торговлю Неграми даже въ чужихъ предѣлахъ; тѣмъ менѣе можно было терпѣть это у себя. Между тѣмъ, Южные Штаты не шли ни на какіе компромиссы. Рано или поздно, неизбѣжно было распаденіе союза или междоусобная война. Сѣверъ рѣшился поддержать союзъ силой, и въ этомъ его нельзя упрекать въ виду высокой цѣли, которую онъ преслѣдовалъ. Но его торжество имѣло для всего внутренняго быта весьма печальныя послѣдствія. Вмѣсто духа умѣренности водворился духъ насилія. О вниманіи къ чужимъ интересамъ нѣтъ уже рѣчи; выгоды партій, не знающія никакихъ сдержекъ, стоятъ на первомъ планѣ и властвуютъ всюду. Нѣтъ сомнѣнія, что вслѣдствіе торжества военной силы сѣвероамериканская демократія извратилась и нравственно и политически.

Изъ этого не слѣдуетъ однако, что самый союзъ склоняется къ упадку и можетъ перейти въ какую-либо другую форму. Въ большомъ государствѣ, съ разнообразными условіями, среди народа, привыкшаго къ самой широкой свободѣ, союзное устройство, не смотря на всѣ свои несовершенства, имѣетъ такія громадныя выгоды, что ее ничто не можетъ замѣнить. Настоящее теченіе идетъ не къ ослабленію, а къ усиленію центральной власти. Рано или поздно однако и

въ этомъ отношеніи несомнѣнно произойдетъ реакція. Какъ было замѣчено выше, очередныя смѣны централизма и федерализма составляютъ естественное явленіе въ союзныхъ государствахъ. Односторонее развитіе одного направленія въ себѣ самомъ носитъ свой противовѣсъ: дойдя до крайности, оно обнаруживаетъ всѣ свои невыгодныя послѣдствія и тѣмъ самымъ вызываетъ реакцію. Практическій народъ болѣе всякаго другаго способенъ понять истинныя требованія жизни.

Союзное государство имѣетъ громадныя преимущества и передъ союзомъ государствъ. Въ послѣднемъ центральная власть еще слабѣе, дѣятельность еще медленнѣе и затруднительнѣе. Для всякаго рѣшенія нужно соглашеніе многихъ независимыхъ правительствъ; исполненіе же предоставляется доброй волѣ тѣхъ, на кого оно возлагается; собственныхъ органовъ союзъ не имѣетъ. Практическія невыгоды такого порядка и несоотвѣтствіе его національнымъ требованіямъ именно и повели къ тому, что какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, союзы государствъ превратились въ союзныя государства. Первый примѣръ подали Соединенные Штаты. Союзная конституція 1787 года составляетъ одинъ изъ великихъ памятниковъ человѣческаго законодательства, и способъ, какимъ она была установлена, не можетъ не возбуждать глубокаго уваженія къ тѣмъ людямъ, которые въ то время стояли во главѣ великой трансатлантической республики. Тутъ не было ни малѣйшаго насилія или принужденія. Люди добровольно собрались для обсужденія существующаго положенія; штаты послали лучшихъ своихъ представителей. Вопросы обсуждались всесторонне и безпристрастно; рѣшенія принимались съ величайшею осмотрительностью и дальновидностью. И пренія Конвенціи и журналъ *Федералистъ*, который издавался вожатаями этого движенія, могутъ служить образцами политической мудрости. И когда изъ этихъ преній выработалась наконецъ союзная конституція, она никому не была навязана насильно; штаты приглашены были добровольно ее принять. Одни сдѣлали это раньше, другіе позднѣе, но всѣ не иначе, какъ въ силу разумнаго сознанія ея пользы. Вслѣдствіе этого она получила такую крѣпость, которая сдѣлала ее способною противостоять даже самой страшной междоусобной войнѣ.

Не то произошло въ другихъ странахъ, совершившихъ тотъ же поворотъ. Въ Швейцаріи поводомъ къ превращенію союза государствъ въ союзное государство послужили религіозныя распри, въ которыхъ выказывалась величайшая нетерпимость. Для низверженія католическихъ правительствъ организовались въ сосѣднихъ кантонахъ вооруженныя шайки, противъ которыхъ центральная власть не да-

вала надлежащей защиты. Это и повело къ образованію отдѣльнаго союза католическихъ кантоновъ. Но господствовавшая въ центрѣ радикальная партія не хотѣла его терпѣть. Онъ былъ подавленъ силою и радикалы воспользовались своею побѣдой для преобразованія союзныхъ учрежденій. Здѣсь усиленіе центральной власти было не результатомъ общаго сознанія въ необходимости этой мѣры, а средствомъ упрочить повсюду торжество радикализма. Точно также и объединеніе Германіи было не плодомъ всенароднаго сознанія, а послѣдствіемъ побѣдъ прусскаго войска, сперва надъ союзною Австріей, а затѣмъ надъ Франціей. Поэтому и результатомъ его было не мирное соглашеніе разнообразныхъ интересовъ, а многочисленные захваты, сдѣланные съ цѣлью усиленія Пруссіи, во имя голаго права силы. Это и повело окончательно къ господству всеподавляющаго милитаризма.

Не смотря на явныя его политическія невыгоды, союзу государствъ нельзя однако отказать въ существенномъ историческомъ и даже теоретическомъ значеніи. Тамъ, гдѣ нѣтъ достаточныхъ условій для образованія союзнаго государства, гдѣ различныя народности, связанныя общимъ положеніемъ и совокупными интересами, стремятся къ сохраненію своей самостоятельности, или гдѣ исторически возникшія правительства, пользующіяся привязанностью народа, дорожатъ своею независимостью и имѣютъ достаточно средствъ для ея поддержанія, наконецъ, гдѣ есть соперничествующія державы, изъ которыхъ ни одна не хочетъ подчиняться другой, тамъ союзъ государствъ, обезпечивающій внѣшнюю безопасность и сохраняющій единство народнаго сознанія и общихъ интересовъ, составляетъ самый лучшій исходъ. Государства соединяютъ свои силы для внѣшней защиты, а внутренняя жизнь течетъ законнымъ порядкомъ, разбиваясь на отдѣльные центры и тѣмъ самымъ способствуя полному проявленію всего своего внутренняго разнообразія. Однако, рано или поздно, общеніе интересовъ рождаетъ потребность болѣе тѣснаго единенія. Въ особенности новѣйшіе успѣхи промышленности и вытекающія отсюда постоянныя живыя сношенія ведутъ къ этому съ неотразимою силой. Кромѣ внѣшней защиты, требуется таможенное объединеніе, устройство связной сѣти желѣзныхъ дорогъ, почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній, а для всего этого нужно общее управленіе; раздробленность представляетъ слишкомъ большія невыгоды. Потребность же общаго управленія влечетъ за собою установленіе центральной власти, облеченной большими или меньшими правами, но во всякомъ случаѣ выходящей изъ предѣловъ простаго союза, установленнаго для внѣшней обороны. Такимъ образомъ, союзъ государствъ переходитъ въ союз-

ное государство, съ устройствомъ приноровленнымъ къ существующимъ потребностямъ и условіямъ страны.

Съ другой стороны, какъ союзное государство, такъ и союзъ государствъ только въ исключительныхъ случаяхъ выходятъ изъ предѣловъ народности. Когда обломки трехъ разныхъ народностей стѣснены, какъ въ Швейцаріи, въ небольшое пространство и принуждены жить рядомъ, между ними естественно образуется связь, которая и ведетъ къ большему или меньшему политическому единенію. Вообще же, союзное устройство, въ томъ или другомъ видѣ, опирается на единство народнаго духа, который и служитъ ему самою сильною поддержкой. Поэтому, отъ свойствъ народной жизни и отъ разнообразія присущихъ ей элементовъ зависитъ установленіе той или другой государственной формы. Общаго правила тутъ нѣтъ. Единый, крѣпкій въ себѣ народъ, не имѣющій внутри себя глубокихъ мѣстныхъ различій, всегда будетъ стремиться къ образованію единичнаго государства. Наоборотъ, тамъ гдѣ мѣстныя и историческія различія глубоки и сильны, гдѣ живы привязанности къ своимъ роднымъ особенностямъ, тамъ естественно образуется или союзное государство или, при невозможности установить болѣе или менѣе крѣпкое единство, союзъ государствъ. За предѣлами же народности начинаются международныя отношенія, которыя, въ свою очередь, могутъ быть болѣе или менѣе тѣсны. Народы, принадлежащіе къ одному племени, напримѣръ славянскіе, могутъ быть воодушевлены весьма сильнымъ сочувствіемъ другъ къ другу и стремиться къ взаимному сближенію: отношенія ихъ все-таки остаются и должны оставаться международными. Федерація славянскихъ племенъ, подъ гегемоніей Россіи, принадлежитъ къ области мечтаній. Такая форма политически несостоятельна. Державныя государства могутъ заключать между собою союзы во имя общихъ интересовъ; одно можетъ имѣть большее или меньшее вліяніе на другія; но постоянная федеративная связь предполагаетъ принудительную силу, которая несовмѣстна съ державнымъ положеніемъ государствъ. Федеральная власть, при расширеніи союза, неизбѣжно будетъ слаба, а слабая власть хуже простаго соглашенія. Послѣднее легче установляется добровольно, нежели принудительно. Гдѣ есть общіе интересы, тамъ легко сговориться, а гдѣ интересы влекутъ врозь, тамъ принудительная власть ничего не достигнетъ, а будетъ только служить постояннымъ источникомъ взаимнаго раздраженія и столкновеній. Поэтому, въ исторіи, федераціи племенъ обыкновенно служатъ только поприщемъ внутреннихъ раздоровъ. Только когда одно государство значительно преобладаетъ надъ другими и одно ведетъ дѣла союза, послѣдній можетъ сохранить большую или меньшую

прочность. Но это уже собственно право силы, а не нормальное союзное устройство. Въ подчиненныхъ членахъ всегда остается стремленіе къ самостоятельности, которая и проявляется при малѣйшей неудачѣ. Исторія греческихъ гегемоній представляетъ тому наглядные примѣры.

Въ результатѣ, мы должны повторить представлявшееся уже много разъ заключеніе, что государственное устройство зависитъ отъ характера и условій народной жизни. Все разнообразіе человѣческаго развитія выражается въ различіи политическихъ формъ. Однѣ изъ нихъ могутъ быть выше, другія ниже, но ни одна не имѣетъ безусловнаго значенія, а всѣ онѣ настолько заключаютъ въ себѣ силы и прочности, насколько онѣ соотвѣтствуютъ состоянію и потребностямъ общества. Въ политикѣ мы имѣемъ дѣло не съ абсолютными, а съ относительными началами.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Политика законодательства.

ГЛАВА I.

Преданія и прогрессъ.

Въ *Ученіи объ Обществѣ* мы опредѣлили понятіе о развитіи. Мы видѣли, что человѣческое развитіе существенно состоитъ въ томъ, что умственное, нравственное и матеріальное достояніе одного поколѣнія передается слѣдующему, которое, въ свою очередь, перерабатываетъ его, умножаетъ и передаетъ своимъ преемникамъ. Черезъ это образуется непрерывный процессъ, въ которомъ постепенно излагается содержаніе духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется владычество человѣка надъ окружающею его физическою природою. Въ этомъ общемъ движеніи, обнимающемъ все человѣчество, каждый народъ участвуетъ сообразно съ своимъ характеромъ, при живомъ взаимнодѣйствіи съ другими. Каждый вноситъ въ него свой вкладъ и воспринимаетъ то, что сдѣлано другими.

Нигдѣ эта преемственная духовная связь не выражается такъ ярко, какъ въ государственной жизни. Здѣсь слѣдующія другъ за другомъ поколѣнія образуютъ единое юридическое лице, которое сохраняется непрерывно въ теченіи вѣковъ, не смотря на смѣну людей и учрежденій. Это лице облечено верховною властью, которая можетъ мѣнять свои формы, но по существу своему остается тождественною съ собою, управляя смѣняющимися поколѣніями, исполняя обязательства предковъ и передавая свои обязательства потомкамъ. Такое лице составляетъ какъ будто юридическую фикцію; но эта фикція вытекаетъ изъ самой глубины человѣческаго духа. Она выражаетъ то ***постоянное***, что заключается въ процессѣ развигія. Это постоянное духовное начало связываетъ прошедшее съ будущимъ; оно составляетъ для человѣка высшую цѣль его дѣятельности; ему онъ жертвуетъ луч-

шими своими силами и самою своею жизнью. Оно представляетъ ему идею *отечества*.

Юридическою связью государства служитъ, какъ мы знаемъ, *законъ* (lex est vinculum societatis). Онъ дѣлаетъ изъ государства юридическое лице; въ силу закона власть переходитъ отъ однихъ лицъ на другія, сохраняясь неизмѣнною въ своемъ существѣ; въ силу закона подданные ей повинуются. Съ самаго появленія своего на землѣ человѣкъ уже связанъ этою связью и обязанъ подчиняться этому господствующему надъ нимъ порядку; онъ родится членомъ высшаго цѣлаго. Отсюда первый и основной элементъ всякаго законодательства,—элементъ *постоянства*. Въ немъ выражается самое постоянство государственной жизни, связывающей отдаленныя поколѣнія въ одно живое, непрерывное цѣлое. Въ этомъ состоитъ начало *преданія*.

Но какъ въ государственной жизни, такъ и въ выражающемъ ее законодательствѣ, есть и элементъ измѣненія. Человѣческія общества не остаются неподвижными, на вѣки связанными одними и тѣми же законами и формами; они развиваются. Излагая постепенно духовное свое содержаніе и вступая въ живое взаимнодѣйствіе съ другими, общество проходитъ черезъ различныя послѣдовательныя ступени, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой характеръ и свои особенности, нерѣдко вовсе не похожія на предыдущія, хотя связанныя съ ними непрерывною нитью. Главною пружиной этого поступательнаго процесса является стремленіе человѣка къ улучшенію своего состоянія. Онъ не довольствуется тѣмъ, что ему дано; онъ ставитъ себѣ высшія цѣли. Онъ сравниваетъ настоящее свое положеніе съ тѣми идеалами, которые указываетъ ему его разумъ и которые онъ носитъ въ своей душѣ. Какъ разумное существо, онъ хочетъ осуществить эти идеалы въ своей жизни; въ этихъ видахъ онъ работаетъ для будущаго. Какъ нравственное существо, онъ ищетъ не только личнаго своего удовлетворенія, но и пользы другихъ; цѣлью его дѣятельности становится улучшеніе общественнаго быта. Эти идеальныя стремленія естественно отражаются и на законодательствѣ, которое измѣняется сообразно съ измѣненіями общественнаго настроенія и съ тѣми цѣлями, которыя ставитъ себѣ общество. Въ этомъ состоитъ начало *прогресса*.

Эти два начала, преданія и прогрессъ, составляютъ существенные элементы всякаго законодательства. На первомъ основана связь его съ прошедшимъ, на второмъ отношеніе къ будущему. Идеальная цѣль состоитъ, очевидно, въ разумномъ сочетаніи обоихъ, но въ дѣйствительности или то или другое является преобладающимъ, и это даетъ самому законодательству особенный отпечатокъ. Изъ перваго рождается законодательство историческое, изъ втораго раціо-

нальное. Оба имѣютъ свои весьма существенныя выгоды и недостатки.

Историческое законодательство имѣетъ то неотъемлемое и громадное преимущество, что оно не отрѣшается отъ жизни, но слѣдуетъ за нею, примыкая къ существующимъ условіямъ и измѣняя ихъ по мѣрѣ измѣненія самыхъ потребностей. Такимъ образомъ, оно не нарушаетъ установившихся привычекъ, правъ и интересовъ, а незамѣтно, шагъ за шагомъ, переводитъ одинъ порядокъ вещей въ другой. Оно представляетъ естественный, органическій ростъ законодательства.

Вслѣдствіе этого, оно по преимуществу носитъ національный характеръ. Слѣдуя за развитіемъ народной жизни, оно отражаетъ въ себѣ всѣ духовныя особенности народа, какъ онѣ выражаются въ его общественномъ бытѣ и въ постепенно измѣняющихся отношеніяхъ. Отсюда крѣпость его въ народномъ сознаніи. Законъ не является здѣсь, какъ нѣчто наложенное сверху, чему граждане подчиняются по неволѣ, стараясь уклоняться отъ исполненія по мѣрѣ возможности. Онъ переплетается со всѣми ихъ отношеніями, укореняется въ нравахъ, становится привычкою жизни. Историческое законодательство пускаетъ такіе глубокіе корни, что ничто не въ состояніи его поколебать. Оно служитъ самою крѣпкою связью общественнаго быта.

Поэтому оно всегда находитъ готовый матеріалъ и орудія. Законодатель знаетъ, съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Ему не нужно гадать, какъ новыя формы и порядки придутся къ неподготовленной къ нимъ средѣ, къ привычкамъ, взглядамъ и отношеніямъ, идущимъ имъ прямо въ разрѣзъ. Все для него просто и ясно. Улучшенія указываются самою жизнью и водворяются легко. Есть и готовые люди, хорошо знакомые съ существующимъ порядкомъ. Небольшія, указанныя практикою улучшенія не составляютъ для нихъ затрудненія. Тутъ не нужно все создавать вновь, готовить людей къ неизвѣстной имъ дѣятельности, а требуется только практическій смыслъ и вниманіе, которые можно найти у самаго обыкновеннаго человѣка.

Наконецъ, такого рода законодательствомъ въ самомъ народѣ воспитывается практическій смыслъ. Вмѣсто отвлеченныхъ теорій, часто вовсе неприложимыхъ къ дѣйствительности и даже ведущихъ къ ея разрушенію, въ обществѣ развивается вниманіе къ существующимъ условіямъ и умѣніе съ ними совладать, а это составляетъ первый и главный задатокъ плодотворной политической дѣятельности, а вмѣстѣ и политической свободы. Въ этомъ отношеніи образцомъ могутъ служить Англичане. Не только ихъ конституція идетъ отъ древнѣйшихъ временъ англійской исторіи, измѣняясь и развиваясь постепенно, сообразно съ движеніемъ жизни, но и самый гражданскій и адми-

нистративный строй носитъ чисто историческій характеръ. Только медленно и постепенно, по мѣрѣ развитія потребностей, одинъ порядокъ вещей уступаетъ мѣсто другому. Старое исчезаетъ лишь тогда, когда оно давно подорвано со всѣхъ сторонъ и потеряло уже всякое существенное значеніе. Отсюда необыкновенный практическій смыслъ Англичанъ и прочность всего ихъ государственнаго и общественнаго быта. Даже въ области теоріи у нихъ распространяются и пріобрѣтаютъ вліяніе главнымъ образомъ тѣ, которыя носятъ по преимуществу практическій характеръ. Таковъ утилитаризмъ.

Однако это чисто историческое развитіе законодательства имѣетъ и свою оборотную сторону. Слѣдя за ходомъ жизни, уступая ей только шагъ за шагомъ, оно съ большимъ трудомъ приводится въ движеніе. Законъ измѣняется лишь тогда, когда потребность становится настоятельною, то-есть, когда зло сдѣлалось совершенно невыносимымъ. Пока жизнь терпитъ, пока нѣтъ опасныхъ явленій, все остается по старому, хотя бы это старое потеряло всякій смыслъ. Между тѣмъ, самъ законодатель, стоя на вершинѣ, съ трудомъ можетъ судить о настоятельности нужды; надобно, чтобъ она была заявлена обществомъ. Законодатель приходитъ въ движеніе, когда въ обществѣ поднимается вопль. Слѣдовательно, первое условіе историческаго законодательства состоитъ въ томъ, чтобы въ обществѣ было достаточно энергіи для заявленія о своихъ потребностяхъ, и достаточно образованія, чтобы собственнымъ сознаніемъ возводить свои жизненныя отношенія къ общимъ началамъ. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ общество не обладаетъ ни иниціативою, ни юридическимъ образованіемъ, гдѣ законодательство идетъ болѣе сверху, а не вырабатывается жизненными отношеніями, тамъ историческое его развитіе лишено настоящей почвы; уваженіе къ существующему обращается въ застой.

Но даже при наилучшихъ условіяхъ, гдѣ голосу общества предоставленъ полный просторъ и оно имѣетъ возможность громко заявлять о своихъ нуждахъ, оно дѣлаетъ это только тогда, когда эти нужды становятся общими, настоятельными и притомъ касаются интересовъ владычествующихъ классовъ. Вслѣдствіе этого, законодатель упускаетъ изъ вида все то частное зло, которое не довольно рѣзко выступаетъ наружу, чтобъ обратить на себя общественное вниманіе. Если онъ коснется его, то лишь поверхностно, съ цѣлью устранить слишкомъ яркіе недостатки. Поэтому, здѣсь нерѣдко въ теченіи вѣковъ сохраняются устарѣвшія учрежденія, которыя имѣли значеніе въ свое время, но потеряли уже всякій общественный смыслъ. Съ ними связаны частные интересы, которыхъ законодатель не хочетъ нарушить; часто нѣтъ даже ходатая, имѣющаго вѣсъ. Пока зло не стано-

вится вопіющимъ, оно продолжаетъ существовать, угнетая въ особенности безпомощныхъ, не имѣющихъ голоса. Въ пользу низшихъ классовъ историческое законодательство дѣйствуетъ только тогда, когда въ нихъ являются движенія опасныя для общества, или когда они сами облекаются политическими правами и становятся существеннымъ факторомъ государственной власти. Историческое законодательство есть по преимуществу законодательство для высшихъ классовъ; какъ скоро на сцену появляется демократія, оно болѣе и болѣе покидаетъ историческую почву, что̀ мы видимъ въ новѣйшее время въ Англіи.

Но даже когда зло совершенно явно и вопіюще, исправленіе его всегда встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе. Обыкновенно общественные недуги, требующіе измѣненія законодательства, состоятъ въ томъ, что одни классы обдѣляются и притѣсняются въ пользу другихъ. Поэтому, требованіе со стороны первыхъ свободы и правъ неизбѣжно нарушаетъ интересы послѣднихъ, которые, въ свою очередь, поднимаютъ голосъ и стараются себя защитить. А такъ какъ на ихъ сторонѣ историческое право и политическій вѣсъ, то ихъ съ трудомъ можно выбить изъ настоящаго положенія. Среди этихъ противоборствующихъ стремленій законодатель часто не знаетъ, какъ ему разобраться. Громкія заявленія далеко не всегда означаютъ настоятельную нужду; иногда громадныя манифестаціи проходятъ, не оставивъ по себѣ и слѣда. Съ своей стороны, упроченные интересы требуютъ къ себѣ уваженія. Когда законодательство движется историческимъ путемъ, споръ обыкновенно кончается компромиссомъ. Но компромиссъ, въ сущности, не удовлетворяетъ никого. Это—частное рѣшеніе по частному вопросу, а затѣмъ остается цѣлый радъ вопросовъ, которые возникаютъ съ новою силой. Историческое законодательство является поприщемъ непрерывной борьбы, которая можетъ длиться въ теченіи вѣковъ, требуя постояннаго, громаднаго напряженія силъ для достиженія каждый разъ небольшихъ результатовъ.

Во всякомъ случаѣ, подобное законодательство всегда дѣйствуетъ частными мѣрами, разрѣшая каждый разъ отдѣльные вопросы, которые выдвигаются въ данную минуту. Но черезъ это упускается изъ вида общая связь законовъ. Вслѣдствіе этого, здѣсь нерѣдко оказываются постановленія, противорѣчащія другъ другу; старый законъ стоитъ рядомъ съ новымъ, исходящимъ изъ совершенно иныхъ началъ. Отдѣльные законы, не будучи связаны съ цѣлымъ, являются во многихъ отношеніяхъ неприложимыми или искажаются практикой. Часто остается неизвѣстнымъ, что существуетъ и что отмѣнено. Историческое законодательство представляетъ хаосъ разнорѣчащихъ по-

становленій, для разбора которыхъ нужна подробная и казуистическая юриспруденція, еще болѣе осложняющая и безъ того сложный порядокъ. При такомъ положеніи знаніе законовъ становится совершенно недоступнымъ обществу; оно дѣлается достояніемъ немногихъ спеціалистовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточиваются всѣ нити общественныхъ отношеній. Самая способность къ хорошему законодательству исчезаетъ. Послѣднее требуетъ обобщенія, а историческое законодательство развиваетъ чисто практическіе пріемы и взгляды. Поэтому, обыкновенно законы нигдѣ не составляются такъ дурно, какъ въ странахъ, гдѣ господствуетъ это направленіе.

Съ другой стороны, законодатель этимъ способомъ дѣйствія нерѣдко увлекается на весьма опасный путь. Не руководясь никакими общими началами, онъ частное зло врачуетъ частными лѣкарствами, которыя представляются ему практически удобными, хотя бы они представляли нѣкоторое отступленіе отъ теоретическихъ принциповъ. Но маленькое отступленіе служитъ прецедентомъ для бо́льшаго, а послѣднее для еще бо́льшаго. Такимъ образомъ, незамѣтными шагами, дѣйствуя чисто эмпирическимъ путемъ, законодатель доходитъ до положеній, подрывающихъ самыя основы государственнаго и общественнаго быта. Такова именно наклонность новѣйшаго англійскаго законодательства въ направленіи государственнаго соціализма.

Вообще, при такомъ ходѣ дѣлъ, законодатель перестаетъ быть руководителемъ общества. Онъ не содѣйствуетъ развитію жизни, не указываетъ ей высшихъ цѣлей, а ожидаетъ, пока жизнь не учинитъ надъ нимъ насилія. До тѣхъ поръ онъ остается въ сторонѣ, предоставляя общественнымъ элементамъ вести между собою борьбу и записывая только результаты этой борьбы, когда она привела къ компромиссу.

Въ совершенно иное положеніе становится законодатель, который дѣйствуетъ раціональнымъ путемъ. Онъ является не только руководителемъ, но и воспитателемъ общества. Жизненныя отношенія возводятся къ общимъ началамъ и получаютъ разумное направленіе. Законодатель не ожидаетъ, чтобы зло стало вопіющимъ; онъ не довольствуется поверхностнымъ лѣченіемъ кидающихся въ глаза признаковъ. Отжившее отмѣняется, дурное исправляется, прежде нежели оно возбуждаетъ противъ себя общій вопль; интересы всѣхъ ограждаются во имя высшихъ требованій справедливости и общественной пользы. Съ тѣмъ вмѣстѣ обществу указываются высшія цѣли; оно не остается погруженнымъ въ чисто практическіе интересы; въ немъ развивается сознаніе вѣчныхъ идеаловъ, которые служатъ путеводителями человѣческихъ обществъ. Раціональное законодательство не довольствуется

тѣмъ, что оно слѣдуетъ за теченіемъ жизни и записываетъ то, что ею вырабатывается; оно вноситъ въ нее новыя, высшія начала и тѣмъ самымъ служитъ для общества воспитательнымъ средствомъ. Таково высшее призваніе закона. Давно извѣстная истина, что народъ воспитывается тѣми учрежденіями, подъ которыми онъ живетъ. Законъ, въ истинномъ своемъ значеніи, не ограничивается установленіемъ внѣшняго порядка и опредѣленіемъ нормъ для существующихъ отношеній: поставляя передъ глазами общества вѣчныя идеи справедливости, свободы, общественнаго блага, требуя, чтобы съ ними сообразовались всѣ общественныя отношенія, онъ не только утверждаетъ ихъ въ общественномъ сознаніи, но и дѣлаетъ ихъ постоянною привычкою жизни. Путемъ раціональнаго законодательства народъ возводится на высшую ступень развитія и становится передовымъ дѣятелемъ человѣчества.

И въ чисто практическомъ отношеніи раціональное законодательство имѣетъ весьма существенныя выгоды. Законодательство перестаетъ быть хаотическимъ сборомъ разнорѣчащихъ постановленій, въ которыхъ даже спеціалисты съ трудомъ могутъ разобраться. Тутъ все связано, обдумано и возведено къ общимъ началамъ. Законодательство представляетъ стройную и ясную систему, доступную обыкновенному пониманію. Въ немъ найдется всякій образованный человѣкъ, прилагающій нѣкоторый трудъ къ его изученію, а потому, для приложенія его къ жизни не требуется многолѣтней, трудной и съуживающей взгляды спеціальной подготовки; въ этомъ отношеніи, орудія добываются легко. Оно находитъ и нужную поддержку въ ограждаемыхъ имъ интересахъ; ибо, разрушая исторически сложившіяся учрежденія во имя высшихъ началъ справедливости, свободы и общественнаго блага, оно дѣйствуетъ въ пользу массъ, въ которыхъ оно пріобрѣтаетъ главную свою опору.

Всѣ эти выгоды раціональнаго законодательства оказываются однако лишь тогда, когда сама жизнь къ нему подготовлена, когда оно не падаетъ на совершенно необработанную почву, неспособную произрастать благія сѣмена. Въ этомъ состоитъ главный камень преткновенія законодателя, стремящагося утвердить государственный и общественный строй на раціональныхъ началахъ. Чисто раціональное законодательство, отрѣшенное отъ дѣйствительности, есть не болѣе какъ теорія, красивая въ своемъ идеальномъ построеніи, но часто вовсе не приложимая къ данному состоянію общества. Народная жизнь не есть отвлеченное произведеніе ума, а плодъ многовѣковаго историческаго процесса и фактически сложившихся отношеній. Ее нельзя произвольно втѣснить въ ту или другую логическую форму. Законодатель,

который пытается внести въ нее начала, ей не свойственныя или къ воспринятію которыхъ она не подготовлена, встрѣчаетъ отпоръ, о который иногда разбиваются самыя лучшія стремленія. Если нѣтъ даже явнаго сопротивленія, то водворяется глухая борьба, которая производитъ въ народной жизни полный внутренній разладъ. Сложившіяся вѣками отношенія, господствующіе интересы, привычки, даже предразсудки въ дѣйствительности сильнѣе всякихъ отвлеченныхъ началъ. Законодатель, который ихъ не щадитъ и не обращаетъ на нихъ вниманія, обреченъ на безплодіе. Чѣмъ отвлеченнѣе раціональное законодательство, чѣмъ менѣе оно приноровлено къ жизни, тѣмъ менѣе оно достигаетъ своей цѣли. Оно не находитъ ни надлежащаго матеріала, ни орудій для исполненія. Не соображенные съ практикою постановленія сбиваютъ съ толку и исполнителей и подвластныхъ. Противъ нихъ ополчаются всѣ выбитыя изъ колеи привычки, всѣ нарушенные интересы. Въ народѣ развивается недовѣріе и неуваженіе къ закону, совершенно ему чуждому. Естественная связь между законодательствомъ и обществомъ прерывается. Законъ перестаетъ быть хранителемъ права и порядка; на него смотрятъ, какъ на произведеніе случайности и прихоти. Всякій старается его обойти; и въ администраціи и въ обществѣ водворяются произволъ и злоупотребленія.

Такой результатъ неизбѣжно ведетъ къ шаткости законодательства. Встрѣчая отпоръ, законодатель беретъ назадъ свои мѣры, старается ихъ исправить, войти въ сдѣлки съ нарушенными привычками и интересами. Обыкновенно въ самыхъ законодательныхъ сферахъ возбуждается реакція противъ слишкомъ поспѣшнаго движенія впередъ. Между тѣмъ, шаткость законодательства есть одно изъ худшихъ общественныхъ золъ. При такомъ порядкѣ не обезпечены ни права, ни интересы гражданъ. Никто не довѣряетъ закону и не рѣшается предпринять что-либо, основываясь на немъ, потому что никто не знаетъ, что будетъ завтра, не послѣдуетъ ли перемѣны. А такъ какъ увѣренность въ постоянствѣ порядка составляетъ первое благо общественной жизни, то подобное положеніе однозначительно съ анархіей. Общество, которое подвергается противоположнымъ теченіямъ и дергается туда и сюда, не знаетъ, чего держаться и теряетъ всякую устойчивость. При этомъ падаетъ и самое значеніе правительства. Колебанія законодательства доказываютъ, что у него нѣтъ ни устойчивости во взглядахъ, ни энергіи въ проведеніи своихъ рѣшеній. Къ нему подрывается всякое довѣріе и уваженіе. Общество видитъ, что на него нельзя положиться; оно отворачивается отъ власти и ищетъ иныхъ руководителей.

Но и эти руководители, въ свою очередь, лишенные практической почвы, склонны предаваться чисто теоретическимъ построеніямъ, не приложимымъ къ дѣйствительности. Общество, преданное теоріямъ, составляетъ одно изъ самыхъ вредныхъ явленій государственной жизни, а такимъ оно неизбѣжно становится, когда законодательство идетъ сверху, не соображаясь съ жизнью и не давая послѣдней надлежащаго вліянія на составленіе законовъ. Поэтому, когда, въ силу обстоятельствъ, общество внезапно призывается къ законодательной дѣятельности, оно предъявляетъ несбыточныя требованія и тѣмъ, въ свою очередь, подрываетъ свое положеніе. Отсюда тѣ скороспѣлыя конституціи, которыя вводятся въ революціонныя времена и падаютъ такъ же быстро, какъ онѣ возникли. Отсюда недовѣріе къ общественнымъ силамъ, вызываемое несоотвѣтствіемъ теоріи съ практикой.

Изъ всего этого ясно, что законодательство, вообще, имѣетъ двоякій источникъ: потребности развивающейся жизни и тѣ общія начала, которыя государство призвано осуществлять въ своей дѣятельности. Поэтому и путь его двоякій: снизу и сверху. Оно движется или частными мѣрами, удовлетворяющими возникающимъ практическимъ нуждамъ, или радикальными преобразованіями, имѣющими въ виду систематическое устройство той или другой жизненной области. Оба пути въ своей односторонности недостаточны; идеалъ состоитъ въ сочетаніи обоихъ. Всего лучше, когда законодатель, имѣя передъ собою ясную цѣль, умѣетъ соединить ее съ постепенностью хода, прилагая общія начала лишь въ той мѣрѣ, въ какой осуществленіе ихъ подготовлено жизнью. Этимъ способомъ одинъ порядокъ вещей незамѣтно переводится въ другой. Въ обыкновенномъ теченіи жизни производятся частныя перемѣны, вызываемыя практическими потребностями и не нарушающія ни установившихся привычекъ, ни закономъ признанныхъ интересовъ. Такимъ способомъ общество мало-по малу приспособляется къ новымъ порядкамъ. Когда же наконецъ самая жизнь постепенно измѣнилась дѣйствіемъ времени и учрежденій, тогда наступаетъ пора все это свести къ общему итогу и выразить новый порядокъ въ систематическомъ законодательствѣ. Примѣръ такого процесса, въ которомъ гармонически сочетаются сознаніе теоретическихъ началъ съ постепенностью хода и съ полнымъ вниманіемъ къ практическимъ потребностямъ жизни, представляетъ римское гражданское законодательство. Медленно, шагъ за шагомъ, чисто римское строгое право переводилось въ общенародное (jus gentium), и только когда старый порядокъ уже совершенно исчезъ, новый былъ возведенъ въ систематическій сводъ, представляющій самый изумительный памятникъ человѣческаго разума въ области правовѣдѣнія.

Такое идеальное сочетаніе теоретическихъ началъ и практическаго примѣненія, уваженія къ преданіямъ и стремленія къ прогрессу, въ законодательной дѣятельности, простирающейся на цѣлые вѣка, составляетъ однако весьма рѣдкое исключеніе. Обыкновенно въ законодательствѣ преобладаетъ или тотъ или другой путь. И тутъ однако, первое требованіе состоитъ въ томъ, чтобъ избѣгать односторонности: историческое законодательство не должно быть неразумнымъ и несправедливымъ; раціональное законодательство не должно быть отвлеченнымъ и неприложимымъ. Но и въ этихъ предѣлахъ держаться не легко. Чаще всего господствуетъ неразумный застой, за которымъ слѣдуютъ внезапные скачки.

Въ значительной степени это происходитъ отъ самыхъ свойствъ человѣческаго развитія. Мы видѣли, что оно идетъ не путемъ органическаго роста, какъ растеніе или животное, постепенно развивающее изначала заложенные въ него органы, а путемъ борьбы старыхъ началъ съ новыми. Сперва новыя начала незамѣтно внѣдряются въ жизнь и проникаютъ въ умы; нерѣдко первыя ихъ проявленія подавляются насильственно и только мало-по-малу, въ силу обстоятельствъ, подъ вліяніемъ неотразимыхъ требованій жизни, они овладѣваютъ умами. Наконецъ, наступаетъ эпоха перелома, когда новыя начала, окрѣпши въ общественномъ сознаніи, объявляютъ войну старымъ. Большею частью только послѣ долгихъ колебаній въ ту и другую сторону они, наконецъ, побѣждаютъ и водворяютъ новый порядокъ вещей на развалинахъ прежняго. Таковъ обычный ходъ человѣческой исторіи.

Законодатель, по своему положенію и призванію, долженъ стоять выше этой борьбы общественныхъ силъ. Его задача—усмотрѣть новое, оцѣнить законныя его требованія и дать ему подобающее мѣсто въ политическомъ тѣлѣ. Но такая прозорливость и такое безпристрастіе рѣдко встрѣчаются въ человѣческихъ дѣлахъ. Обыкновенно законодатель самъ стоитъ на сторонѣ господствующихъ интересовъ, до тѣхъ поръ пока суровые уроки жизни не обнаружатъ полной ихъ несостоятельности. Еще чаще собственные его интересы связаны съ существующимъ порядкомъ, и новыя начала представляются ему какъ нѣчто враждебное, что слѣдуетъ искоренить. Такова обычная судьба либеральныхъ требованій въ неограниченныхъ монархіяхъ. При первомъ своемъ появленіи они представляются возмущеніемъ противъ установленнаго порядка и преслѣдуются всѣми мѣрами. Но истребить ихъ нѣтъ возможности, ибо свобода составляетъ неискоренимую и неотъемлемую принадлежность человѣческой природы; она, вмѣстѣ съ тѣмъ, является необходимымъ условіемъ высшаго

развитія. Только съ помощью вызываемой свободою самодѣятельности народъ поднимается на высшую ступень и становится способнымъ исполнить свое историческое призваніе. Мало-по-малу жизнь беретъ свое; чѣмъ шире распространяется образованіе, тѣмъ настоятельнѣе становятся его требованія. Наконецъ, горькій опытъ обличаетъ всю недостаточность чисто бюрократическаго управленія. Благо народу, если правительство во-время усмотритъ накопившееся зло и совершитъ нужныя перемѣны; тогда за періодомъ застоя слѣдуетъ періодъ преобразованій. Но нерѣдко оно упорно держится стараго порядка, закрывая глаза на дѣйствительность. Тогда перемѣна совершается насиліемъ снизу; происходитъ революція.

Реформы и революціи играютъ такую важную роль въ политической жизни народовъ, что онѣ требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія.

ГЛАВА II.

Реформы и революціи.

Систематическія преобразованія составляютъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ государственной жизни. Надобно разомъ передѣлать то, что создалось многими годами медленнаго развитія, нарушить упроченные права и интересы, на которые люди привыкли полагаться, пріучить гражданъ къ невѣдомымъ дотолѣ порядкамъ, измѣнить не только учрежденія, но и нравы. Обыкновенно при этомъ возбуждаются общественныя страсти, возгорается борьба между приверженцами стараго и новаго порядка вещей. Правительство, предпринимающее преобразованіе, должно вмѣстѣ съ тѣмъ умѣрять неизбѣжныя волненія, иногда укрощать тѣхъ самыхъ, въ пользу которыхъ оно дѣйствуетъ, а съ другой стороны щадить тѣ интересы, которые оно нарушаетъ, и стараться сдѣлать для нихъ перемѣну возможно менѣе чувствительною. Для этого требуется рѣдкое сочетаніе качествъ: нужно ясное сознаніе цѣли и средствъ, основательное знаніе существующихъ отношеній, способность прилаживаться къ разнообразію жизненныхъ условій, не роняя достоинства власти, умѣніе выбирать людей и направлять ихъ къ предположенной цѣли. Только сильное правительство способно съ успѣхомъ исполнить такую задачу, и при этомъ все-таки, какъ скоро разгараются страсти, оно рискуетъ не удовлетворить ни той, ни другой стороны.

Преобразованія могутъ, впрочемъ, болѣе или менѣе глубоко затрогивать существующія отношенія, смотря по цѣли, которую они себѣ ставятъ. Они могутъ быть политическія или соціальныя, имѣть въ виду переустройство государства или измѣненіе гражданскаго поряд-

ка. Послѣднія имѣютъ наиболѣе глубокое и важное значеніе; они ближе всего касаются существующихъ интересовъ. Переведеніе одного общественнаго строя въ другой составляетъ критическую эпоху въ народной жизни, которая получаетъ черезъ это совершенно новое направленіе. Наименѣе глубоко захватываютъ, повидимому, преобразованія, имѣющія въ виду умноженіе государственныхъ силъ; но такъ какъ послѣднія вполнѣ зависятъ отъ того, что можетъ дать общество, и быстрое ихъ умноженіе возможно только поднятіемъ и напряженіемъ общественной дѣятельности, то и эти реформы могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, дать народной жизни совершенно новый толчокъ.

Таково именно было значеніе реформъ Петра Великаго. Цѣль его была сдѣлать изъ Московской Россіи крѣпкое государство, способное стоять въ рядахъ европейскихъ народовъ и играть всемірно-историческую роль. Для этого надобно было вывести его изъ уединеннаго континентальнаго положенія и выдвинуть его къ морю. Въ этихъ видахъ былъ завоеванъ Азовъ, составлена коалиція противъ Швеціи. Но первое несчастное сраженіе при Нарвѣ показало, что силы Россіи далеко не были въ уровень съ этою задачей. Надобно было создать войско и флотъ, а для этого требовались деньги и люди. Россія, два вѣка находившаяся подъ игомъ Татаръ и едва вышедшая изъ внутреннихъ смутъ, грозившихъ ей уничтоженіемъ, была бѣдна, какъ матеріальными средствами, такъ и умственнымъ развитіемъ. Надобно было поднять ее на новую высоту, двинуть промышленность и торговлю, насадить просвѣщеніе. И все это приходилось дѣлать не мало-по-малу, а сразу, напрягая всѣ силы, чтобъ одолѣть могучаго сосѣда. Для такой задачи требовался исполинъ умомъ и характеромъ, и таковъ былъ Петръ Великій. Объ историческихъ началахъ тутъ не могло быть рѣчи. Прошлое Россіи состояло въ порабощеніи сперва татарскому игу, а затѣмъ власти московскихъ государей, которыхъ вся политика заключалась въ закрѣпленіи всѣхъ сословій къ государственной службѣ. И дворяне, и купцы, и крестьяне, всѣ обратились въ холоповъ; каждый на своемъ мѣстѣ долженъ былъ нести наложенную на него тяжелую службу. Надобно было этотъ покорный матеріалъ обратить на пользу отечества, побѣдить присущую ему косность, просвѣтить его свѣтомъ науки и тѣмъ самымъ сдѣлать его способнымъ воспринять со временемъ сѣмена свободы. Это и сдѣлалъ Петръ Великій. Самъ онъ, требуя отъ всѣхъ усиленной службы, подавалъ первый примѣръ, самъ работалъ, какъ плотникъ, учился всякому мастерству и училъ другихъ, просвѣщался европейскою наукой и просвѣщалъ своихъ подданныхъ. Съ своимъ

всеобъемлющимъ знаніемъ и изумительною энергіей, онъ охватывалъ всѣ области, вникалъ во всѣ подробности. Подъ его могучимъ дуновеніемъ все разомъ должно было измѣниться—и понятія, и нравы. Старые, полуазіатскіе обычаи были отвергнуты, русскіе люди принуждены были сбрить свои бороды, надѣть европейское платье, пріобщиться къ европейскому образованію. Тупое сопротивленіе приверженцевъ старины было тѣмъ упорнѣе, что преобразованія касались не только общественнаго, но и частнаго быта; но геніальный властитель все одолѣлъ. Создались и войско, и флотъ, и финансовыя средства, и новыя государственныя учрежденія; водворились новые нравы; нашлись и люди для исполненія великихъ замысловъ. Вызванное Петромъ стремленіе къ просвѣщенію никогда уже болѣе не изсякало. Россія съ неудержимою силой двинулась по новому пути, вслѣдствіе толчка, даннаго ей великимъ преобразователемъ.

Такіе примѣры рѣдки въ исторіи; для совершенія такого переворота нуженъ геній первой величины. Это еще разъ доказываетъ великое значеніе историческихъ личностей. Въ нихъ сосредоточивается сила, которая, безъ этого двигателя, разсѣялась бы напрасно или приняла бы несравненно болѣе медленный ходъ. Поэтому всѣ возраженія противъ преобразованій Петра Великаго обнаруживаютъ только весьма поверхностное пониманіе и его задачъ, и тѣхъ условій, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ. Никто не рѣшается отвергать величіе и успѣхъ совершеннаго имъ дѣла. То, что онъ задумалъ, исполнилось въ теченіи всей послѣдующей исторіи. Россія сдѣлалась одною изъ могущественнѣйшихъ державъ міра; она приняла почетное участіе въ судьбахъ Европы и усвоила себѣ плоды европейскаго просвѣщенія. Но признавая все это, утверждаютъ, что это могло бы совершиться мало-по-малу, безъ такого крутаго перелома, сохраняя уваженіе къ преданіямъ и обычаямъ старины. Могло ли бы дѣло Петра совершиться инымъ путемъ, объ этомъ, при отсутствіи всякихъ фактовъ, мудрено разгадывать. Во всякомъ случаѣ, безъ такого крутаго перелома не было бы ни Полтавской битвы, ни послѣдующихъ побѣдъ надъ Турціей, ни войнъ съ Наполеономъ, не было бы ни новой русской литературы, ни университетовъ, ни того образованнаго строя мыслей и жизни, который привелъ наконецъ къ великимъ реформамъ Александра Втораго. Уединенное и слабое Московское государство, сверху до низу опутанное холопскими отношеніями, вѣроятно со временемъ выбилось бы на болѣе широкую дорогу и вступило бы въ болѣе или менѣе близкія отношенія къ Европѣ. Но на это потребовались бы цѣлые вѣка, и печать полуазіатскаго быта, которая и нынѣ не совсѣмъ изгладилась, осталась бы на немъ навсегда. При

такихъ условіяхъ, посредникомъ между Россіей и Европой, въ силу географическаго положенія, была бы Польша, отъ которой мы состояли бы въ полной зависимости. Изъ этого униженнаго положенія, изъ погруженія въ византійскій формализмъ и азіатскую косность насъ вывелъ Петръ Великій.

Екатерина Вторая довершила дѣло Петра. Россія раскинула свои владѣнія до Чернаго моря; могущество Оттоманской Имперіи было сломлено; возвращены были русскія области, отторгнутыя завоеваніями литовскихъ князей и впослѣдствіи присоединенныя къ Польшѣ. Россія стала одною изъ самыхъ могущественныхъ европейскихъ державъ, которой голосъ имѣлъ значительный вѣсъ въ европейскихъ дѣлахъ. Но Екатеринѣ предстояла и другая задача: послѣ умноженія государственныхъ силъ надобно было позаботиться о внутреннемъ благоустройствѣ. Поклонница либеральныхъ и гуманныхъ ученій XVIII-го вѣка, состоя въ личныхъ сношеніяхъ съ выдающимися умами того времени, одержимая преобразовательными стремленіями, которыя, подъ вліяніемъ новыхъ идей, распространялись и въ правительствахъ и въ обществѣ, она хотѣла прославить свое царствованіе не только военными подвигами, но и законодательною дѣятельностью. Ея Наказъ свидѣтельствуетъ о ширинѣ и возвышенности ея замысловъ. Однако, она не думала прямо прилагать теоріи французскихъ философовъ къ вовсе не подготовленной къ нимъ Россіи. О Дидро, который побуждалъ ее къ преобразованіямъ, она отзывалась, что ему легко говорить: онъ имѣетъ дѣло только съ перомъ и бумагой, а ей приходится оперировать надъ человѣческимъ тѣломъ. Мы видѣли, съ какою обдуманностью и осторожностью она проводила свои мѣры, внимательно прислушиваясь къ разнообразнымъ мнѣніямъ и рѣшаясь только тогда, когда она была увѣрена въ успѣхѣ. Этому способствовало и собственное ея положеніе: иностранка, вступившая на престолъ чуждаго ей государства безъ малѣйшаго на то права, она должна была сперва изучить страну и познакомиться съ ея потребностями. Съ этою цѣлью и была созвана знаменитая Коммиссія объ Уложеніи, состоявшая изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій. Изъ трудовъ ея не вышло никакого законодательнаго памятника, но они послужили драгоцѣннымъ матеріаломъ для послѣдующаго законодательства. Познакомившись съ людьми, съ ихъ понятіями и нуждами, Екатерина могла приступить къ своей задачѣ уже съ полнымъ знаніемъ дѣла. Объ измѣненіи сословнаго строя нечего было и думать. Мы видѣли, что оно подготовляется развитіемъ среднихъ классовъ, а именно этотъ элементъ въ Россіи былъ крайне скуденъ и матеріальными средствами и умственными силами. Самое ученіе Монтескьё, которымъ Екатерина

главнымъ образомъ руководствовалась въ своемъ Наказѣ, признавало необходимость сословнаго строя, и въ особенности независимаго положенія дворянства, для монархическаго правленія. Въ Россіи дворянство было единственнымъ сословіемъ, которое восприняло европейское просвѣщеніе и носило въ себѣ сознаніе государственныхъ потребностей; на него только и можно было опереться. Со временъ Петра Великаго въ судьбѣ его произошла коренная перемѣна: Петромъ Третьимъ оно было избавлено отъ обязательной службы. Екатерина упрочила это положеніе, даровавъ ему полное право собственности на земли и мѣстную корпоративную организацію. *Жалованная Грамота Дворянству* была плодомъ этихъ стремленій. Русское дворянство сдѣлалось сословіемъ независимыхъ землевладѣльцевъ, частью посвящающихъ себя государственной службѣ, частью живущихъ на мѣстахъ и имѣющихъ въ своихъ рукахъ значительную долю мѣстнаго управленія. Сила его была тѣмъ значительнѣе, что оно не составляло замкнутаго въ себѣ сословія, а оставалось открытымъ для всѣхъ путемъ государственной службы. Но законодательство Екатерины не ограничилось устройствомъ дворянскаго сословія. Такая же жалованная грамота была дана и городамъ, которые еще со временъ Петра Великаго пользовались широкою автономіей. Теперь съ нихъ сняты были казенныя обязательныя службы; точно опредѣлены были права и устройство каждаго изъ разряда городскихъ обывателей. Екатерина имѣла въ виду таковое же корпоративное и общинное устройство государственныхъ крестьянъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Высочайшіе Экономическіе Пункты [1]); но эта мѣра не получила всеобщаго приложенія. Всего менѣе Екатерина могла коснуться крѣпостнаго права. Раздѣляя идеи XVIII-го вѣка, она видѣла всю его несообразность съ истинно человѣческими началами; но въ Россіи оно утвердилось исторически, въ силу неотразимыхъ государственныхъ потребностей; оно составляло главную матеріальную опору дворянства, на которомъ покоился весь государственный строй. Не только отмѣна, но и самое смягченіе его представляло неодолимыя трудности: взаимное опредѣленіе правъ и обязанностей, при отсутствіи всякаго суда и всякихъ надежныхъ посредствующихъ органовъ, могло вести только къ безконечнымъ столкновеніямъ и смутамъ. Съ своимъ глубокимъ практическимъ смысломъ, Екатерина не только не пыталась расшатать эту матеріальную опору дворянства, но она распространила крѣпостное право и на Малороссію, съ цѣлью тѣснѣе слить ее съ Россіей. Малороссійскіе помѣщики охотно отдали свои мѣстныя привилегіи въ замѣнъ полученнаго ими крѣпостнаго права.

[1]) См. Полное Собраніе Законовъ, № 16603.

Въ связи съ устройствомъ сословнаго быта стояло и полное преобразованіе мѣстныхъ учрежденій. Уже Петръ Великій пытался замѣнить старое воеводское управленіе, которое сосредоточивало въ рукахъ одного лица всю гражданскую и военную власть на мѣстахъ, системой раздѣльныхъ властей, частью съ выборнымъ устройствомъ. Но попытка, для которой заимствовались иностранные образцы, не имѣла успѣха. При обязательной службѣ дворянства, которое всю жизнь свою должно было проводить въ рядахъ войска или при дѣлахъ гражданскаго управленія, для выборныхъ мѣстныхъ учрежденій не было матеріала. Послѣ Петра воеводское управленіе, со всѣмъ присущимъ ему произволомъ, было возстановлено въ полной силѣ. Только при Екатеринѣ, съ созданіемъ независимаго мѣстнаго помѣщичьяго элемента, губернское управленіе могло получить надлежащее устройство. Это и было сдѣлано *Учрежденіемъ о Губерніяхъ*. Создана была стройная система мѣстнаго управленія, въ которой и судъ и полиція отданы были въ руки выборныхъ отъ сословій, а рядомъ съ ними устроено было казенное финансовое управленіе, и надъ всѣми поставленъ намѣстникъ, или губернаторъ, какъ представитель центральной власти. Этими учрежденіями Россія управлялась въ теченіи почти цѣлаго столѣтія, до самыхъ преобразованій Александра Втораго. Если взглянуть на нихъ съ точки зрѣнія современныхъ потребностей, то нельзя не сказать, что они далеко не были тѣмъ, что отъ нихъ можно было ожидать. Но если мы сообразимъ условія того времени, то увидимъ, что иначе и не могло быть. Вина лежала не въ законодательствѣ, а въ исполненіи, которое зависѣло отъ весьма невысокаго умственнаго и матеріальнаго состоянія общества. Невозможно было требовать правильнаго и безпристрастнаго суда въ странѣ, гдѣ не только отсутствовало всякое юридическое образованіе, но и законодательство представляло полный хаосъ, въ которомъ даже спеціалистъ съ трудомъ могъ разобраться. Только съ изданія Свода Законовъ въ него могъ проникнуть хотя слабый лучъ свѣта. При недостаткѣ образованныхъ судей, естественно, что рѣшеніе попадало въ руки канцелярскихъ крючкотворовъ и взяточниковъ. Въ этомъ отношеніи высшія судебныя мѣста ничѣмъ не отличались отъ низшихъ. Точно также и полиція, при неограниченномъ деспотизмѣ сверху и крѣпостномъ правѣ внизу, могла быть только поприщемъ самаго широкаго произвола. Только предводительская должность, независимая и безвозмездная, исполняла свое назначеніе. При всемъ томъ, учрежденія Екатерины вполнѣ соотвѣтствовали потребностямъ своего времени. Они создали мѣстные центры провинціальной жизни, въ которыхъ жить было легко и привольно и которые служили разсадниками

лучшаго будущаго. Люди, жившіе въ провинціи въ дореформенное время и не увлекающіеся односторонними взглядами, могутъ о томъ засвидѣтельствовать. Внутренній миръ, довольство своимъ бытомъ и уваженіе къ просвѣщенію были отличительными чертами людей того поколѣнія. Вслѣдствіе этого, преобразованія Александра Втораго нашли въ русской провинціи хорошо подготовленную почву.

Совершенно иначе, нежели Екатерина, дѣйствовалъ знаменитый ея современникъ, Іосифъ II. И онъ былъ истинный сынъ XVIII-го вѣка, исполненный преобразовательныхъ стремленій и любви къ человѣчеству. Но онъ былъ теоретикъ; понятіе объ исторически сложившихся отношеніяхъ было ему такъ же чуждо, какъ вообще мыслителямъ XVIII-го столѣтія. Все окрѣпшее вѣками наслѣдіе средневѣковаго порядка, которое въ Австріи имѣло глубокіе корни, феодальныя отношенія, сословныя привилегіи, католическая нетерпимость, громадныя имущества монастырей, владычество церкви въ свѣтской области, казались ему плодомъ невѣжества и предразсудковъ, которые надобно искоренить. Къ этому присоединялось желаніе придать больше единства разнообразному составу Австрійскаго государства, подчинивъ различныя, входящія въ него народности общимъ раціональнымъ учрежденіямъ. И онъ принялся разомъ за всѣ реформы, въ сознаніи правоты своего дѣла, не взирая ни на что, не щадя никакихъ интересовъ. Скоро однако горкій опытъ убѣдилъ его, что однихъ благихъ намѣреній, даже при энергическомъ дѣйствіи, мало для преобразованія государственнаго строя. Его нововведенія всюду встрѣчали сопротивленіе. Неподвижная австрійская бюрократія, которая должна была служить исполнителемъ его начинаній, вмѣсто того представляла имъ тупой и молчаливый отпоръ. Въ народѣ, который онъ думалъ облагодѣтельствовать, распространялось недовольство; духовенство было возбуждено противъ мѣръ, посягавшихъ на его привилегіи. Наконецъ, вспыхнули возстанія, вызванныя нарушеніемъ мѣстныхъ историческихъ правъ. Іосифъ долженъ былъ пойти на уступки. Большая часть затѣянныхъ имъ преобразованій были отмѣнены. Онъ умеръ, разбитый сердцемъ, съ грустнымъ сознаніемъ, что его благія намѣренія потерпѣли крушеніе.

Совершенно иной характеръ, нежели въ XVIII-мъ столѣтіи, носятъ великія преобразованія XIX-го вѣка. Предшествующіе реформаторы дѣйствовали сверху; они устроивали государство чисто бюрократическимъ путемъ, рѣдко принимая въ соображеніе общественныя силы. Въ XIX-мъ вѣкѣ задача была поставлена гораздо глубже и шире. Общества значительно созрѣли; явились новыя потребности и запросы. Надобно было установившійся вѣками, но утративший свое значеніе со-

словный строй замѣнить общегражданскимъ и призвать общественныя силы къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Таково было значеніе политическаго движенія, которому главный толчокъ былъ данъ Французскою Революціей, съ провозглашенными ею идеями свободы и равенства. Эти идеи распространялись повсюду и вездѣ находили воспріимчивую почву. Побѣды Наполеона и самая реакція противъ его владычества только усилили эти стремленія. Самые противники Революціи принуждены были отчасти усвоить себѣ ея начала, чтобы бороться съ ея вліяніемъ. Однако они дѣлали это нехотя, и какъ скоро представлялся удобный случай, являлось стремленіе взять назадъ то, что было дано или обѣщано. Отсюда смѣны преобразовательныхъ эпохъ и реакцій, въ высшей степени поучительныя, какъ для теоріи, такъ и для практики государственной жизни.

Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Пруссія. Ея паденіе и подъемъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія давно привлекали къ себѣ вниманіе историковъ и политиковъ. Но и послѣдовавшая затѣмъ эпоха реакціи такъ назидательна, что мы должны на ней нѣсколько остановиться. Основатель могущества Прусскаго государства, Фридрихъ Великій, не былъ, въ сущности, реформаторъ. Ослѣпляя современниковъ блескомъ своихъ побѣдъ и успѣхомъ своей неразборчивой на средства дипломатіи, онъ внутри государства охранялъ тотъ суровый порядокъ, который былъ заведенъ его грубымъ отцомъ. Поверхностное поклоненіе французскимъ мыслителямъ выражалось только въ полномъ равнодушіи къ религіи, что и повело къ водворенію терпимости относительно всѣхъ вѣроисповѣданій. „Въ Прусскомъ государствѣ,—говорилъ онъ,—каждый можетъ на свой манеръ искать вѣчнаго блаженства“. Въ остальномъ онъ былъ чистый деспотъ. Войско, составленное изъ всякаго сброда, держалось самою неумолимою и безчеловѣчною дисциплиной, оставившей слѣдъ даже и понынѣ. Тѣже начала онъ проводилъ и въ управленіи. Чиновничество ходило по стрункѣ; фискальная система тяжелымъ бременемъ ложилась на народъ. Самые суды лишены были всякой самостоятельности. Какъ скоро они осмѣливались рѣшать даже частныя дѣла несогласно съ видами короля, судей сажали въ тюрьму и съ ихъ имѣній взыскивались убытки, хотя, по существу дѣла, приговоръ былъ совершенно правильный. При такой системѣ, объ общественной самодѣятельности, конечно, не могло быть рѣчи. Сословныя дѣленія сохранялись во всей строгости; городское управленіе лишено было всякой самостоятельности; для крестьянъ не было сдѣлано ничего. Прусское государственное устройство представляло бездушную машину, которая двигалась по волѣ энергическаго правителя и дѣйствовала

только имъ. Какъ скоро онъ исчезъ, все это зданіе развалилось при первомъ толчкѣ. Прославленная армія была уничтожена однимъ ударомъ; самыя сильныя крѣпости сдались безъ сопротивленія; чиновничество изъявило полную покорность побѣдителю, а народъ остался неподвиженъ. А между тѣмъ, въ немъ таились здоровыя силы, которыя были только придавлены бюрократическимъ гнетомъ. Образованіе было распространено до самыхъ низшихъ слоевъ; воспитанное протестантизмомъ чувство долга глубоко коренилось въ сердцахъ. Нужно было только все это вызвать къ жизни, снявъ съ народа ярмо неуклюжей бюрократической машины и сдѣлавъ воззваніе къ самодѣятельности общества. И на это дѣло нашелся человѣкъ, исполненный пламенной любви къ отечеству и широко понимающій общественныя задачи, который былъ только что выгнанъ изъ службы самимъ королемъ за неподатливый характеръ, но къ которому снова пришлось обратиться въ минуту бѣдствія. И онъ разомъ перевернулъ все это, повидимому, безвыходное положеніе, вдохнувъ новую жизнь въ одряхлѣвшее государственное тѣло. Въ одинъ годъ управленія имъ были двинуты самыя коренныя реформы: освобожденіе крестьянъ съ землею, новое, основанное на выборныхъ началахъ, устройство городовъ, отмѣна несовмѣстныхъ съ пользою государства привилегій дворянства, промышленная свобода, уничтоженіе фискальныхъ путъ, переустройство центральнаго управленія. Онъ умѣлъ собрать вокругъ себя лучшихъ людей, вдохновить ихъ своею энергіей, указать имъ высокую патріотическую цѣль. Дѣйствуя съ нимъ рука объ руку, Шарнгорстъ пересоздалъ всю армію, устроивъ ее на началахъ всеобщаго ополченія; и тутъ привилегіи дворянства были отмѣнены; уничтожены позорныя и жестокія наказанія. Данный толчокъ былъ такъ силенъ, что когда Штейнъ подвергся опалѣ Наполеона и долженъ былъ покинуть отечество, дѣло его продолжалось безостановочно. Результатъ былъ тотъ, что когда побѣдоносная русская армія въ началѣ 1813-го года явилась на границахъ Германіи, Пруссія встала, какъ одинъ человѣкъ; даже слабый и боязливый король былъ увлеченъ общимъ движеніемъ. Торжество союзныхъ армій и послѣдующее вступленіе въ Парижъ были справедливою наградой за этотъ внутренній подвигъ обновленія, составляющій лучшую страницу въ исторіи Пруссіи.

Но какъ скоро опасность миновала, такъ правительство возвратилось въ старую колею. Преобразованія далеко еще не были завершены. Внося во всѣ области государственной жизни сѣмена свободы, взывая къ общественной самодѣятельности, Штейнъ хорошо понималъ, что нельзя оставаться при старыхъ бюрократическихъ порядкахъ. Онъ имѣлъ въ виду введеніе не только мѣстныхъ земскихъ учрежденій,

но и государственныхъ чиновъ. „Провинціальные чины,—писалъ онъ Нибуру,—очень полезны, ибо черезъ нихъ вся масса состоятельныхъ собственниковъ всѣхъ классовъ общества связывается съ государствомъ и побуждается къ общественной дѣятельности; употребленіемъ ихъ силъ возвышается ихъ самосознаніе; въ управленіе внѣдряется болѣе свободная дѣятельность, которую можно освободить отъ формъ, необходимыхъ для бюрократіи; многое совершается безвозмездно, что теперь оплачивается дорого. Но провинціальные чины не могутъ замѣнить государственныхъ чиновъ, ибо они слишкомъ безсильны, чтобы положить предѣлъ злоупотребленію верховной власти; ихъ легко парализовать, застращать, даже употреблять ихъ во зло; ихъ кругозоръ слишкомъ ограниченъ, слишкомъ одностороненъ, чтобы обсуждать интересы цѣлаго общества; ихъ кругъ дѣятельности слишкомъ тѣсенъ и мелоченъ, чтобы пробудить въ народѣ великія и благородныя чувства любви къ отечеству и самоотверженія, чтобы развить силы духа въ ихъ полномъ объемѣ [1])". Само прусское правительство раздѣляло эти взгляды; во времена опасности оно неоднократно давало формальное обѣщаніе даровать народу не только провинціальные, но и государственные чины. Но какъ скоро трудныя времена миновали и водворился миръ, всѣ эти обѣщанія были забыты, и правительство возвратилось къ старому, чисто бюрократическому управленію. Штейнъ, который самъ много лѣтъ былъ выдающимся администраторомъ, яркими чертами изображалъ недостатки этой системы: „безчисленная армія чиновниковъ есть истинный бичъ Божій для Германіи,—писалъ онъ Нибуру:—та ея часть, въ которой нѣтъ конституцій, управляется массою не имѣющихъ ни собственности, ни интересовъ, частью книжныхъ, частью эмпирическихъ, наемныхъ чиновниковъ, которымъ внутренняя жизнь государства и его обитателей совершенно неизвѣстна, которые осмѣливаются судить о ней изъ поверхностныхъ наблюденій и бездушныхъ актовъ и такъ завалены самыми разнообразными дѣлами, что они едва имѣютъ время ихъ просмотрѣть. Такъ какъ бюрократически централизующія правительства обладаемы страстью всѣмъ управлять, и всѣ корпораціи сословій, провинцій и общинъ уничтожены и превращены въ маріонетки, то оказывается необходимость умноженія чиновниковъ; она ростетъ съ увеличеніемъ числа законовъ, а такъ какъ послѣдніе издаются незаинтересованными и незнакомыми съ внутреннею жизнью государства наемниками, то исполненіе останавливается, надобно отступать назадъ, изъяснять, и такъ образуется вѣчная круговая пляска [2])". Еще яснѣе онъ разви-

[1]) Pertz, Stein's Leben, V, стр. 668.
[2]) Тамъ же, стр. 630.

ваетъ свои взгляды въ письмѣ къ кёльнскому архіепископу Шпигелю: „Вопросъ о *бюрократическомъ* и *представительномъ* правленіи можно выразить слѣдующимъ образомъ: слѣдуетъ ли предпочитать управленіе *хорошо оплаченныхъ*, *книжныхъ* или *эмпирическихъ*, *не заинтересованныхъ* и *не имѣющихъ собственности* чиновниковъ управленію, которое при изданіи законовъ совѣщается съ *людьми всѣхъ состояній*, связанными *собственнымъ интересомъ* съ *интересами своего сословія* и съ ними *хорошо знакомыми*, и имъ же передаетъ часть управленія безвозмездно или за малое вознагражденіе? Означенныя четыре слова заключаютъ въ себѣ духъ нашей и всѣхъ подобныхъ правительственныхъ машинъ: *хорошо оплаченныхъ*, всѣ стремятся къ полученію или увеличенію жалованья; *книжныхъ*, слѣдовательно живущихъ въ мірѣ буквъ или въ эмпиріи актовъ; *незаинтересованныхъ*, ибо они не связаны ни съ какимъ входящимъ въ составъ государства гражданскимъ классомъ, а образуютъ самостоятельную касту, касту писцовъ; *не имѣющихъ собственности*, вслѣдствіе чего всѣ движенія собственности ихъ не касаются, пусть идетъ дождь или свѣтитъ солнце, подати возвышаются или понижаются, разрушаются стародавнія права или сохраняются неприкосновенными, пускай всѣ ремесленники во имя теоріи превращаются въ неумѣлыхъ плутовъ, а всѣ крестьяне въ нищенствующихъ пролетаріевъ, пускай не будетъ ничего великаго и уважаемаго, кромѣ развѣ еврейскихъ выскочекъ,—все это до нихъ не касается, они получаютъ свое жалованье изъ государственнаго казначейства и пишутъ, пишутъ, пишутъ въ тишинѣ, въ канцеляріяхъ снабженныхъ хорошо запертыми дверями, безъизвѣстные, незамѣченные, безславные, воспитываютъ своихъ дѣтей въ такія же писальныя машины и умираютъ никѣмъ не оплаканные.—Такъ какъ мы всю власть и почетъ перенесли на касту чиновниковъ, то мы получаемъ революціонные, разрушающіе собственность, основанные на воздушныхъ теоремахъ законы, которые съ цѣлой арміей видоизмѣненій, изъясненій, пріостановленій и т. д. слѣдуютъ другъ за другомъ и часто, по своей безсодержательности, падаютъ сами собою, и централизующее, весьма дорогое, во все вмѣшивающееся управленіе, которое подавляется тяжестью бумажныхъ дѣлъ и утопаетъ въ бочкахъ чернилъ. Все это дошло до такой крайности, достигло такой высоты, что мы стоимъ уже на поворотной точкѣ; всѣ видятъ, что такъ дѣло не можетъ идти и жаждутъ иного порядка вещей [1])“.—„Я видѣлъ,—писалъ онъ Гагерну,—какъ 14 Октября 1806 года пала одна машина, военная; можетъ-быть и пишущая машина будетъ имѣть свое 14 Октября [2])“.

[1]) Pertz, V, стр. 648—9.
[2]) Тамъ же, V, стр. 576.

Послѣ необычайнаго подъема народнаго духа, сопровождавшаго великія войны освобожденія, такой порядокъ вещей дѣйствительно не могъ не возбудить глубокаго неудовольствія. Университетская молодежь волновалась; революціонныя идеи распространялись болѣе и болѣе; наконецъ, убійство Коцебу переполнило мѣру. Истинными виновниками броженія Штейнъ считалъ нѣмецкихъ князей и правительства: „они настоящіе якобинцы,—писалъ онъ:—они даютъ продолжаться тому невозможному положенію, въ которомъ мы находимся съ 1806 года; они возбуждаютъ и поддерживаютъ неудовольствіе и озлобленіе; они задерживаютъ развитіе и прогрессъ человѣческаго духа и характера и готовятъ анархистамъ путь ко всеобщему разрушенію“ [1]) Но, въ свою очередь, волненія и убійства вызывали только болѣе строгія реакціонныя мѣры. Многіе приходили отъ этого въ отчаяніе. Штейнъ старался ободрить своихъ друзей. Въ 1822 году онъ писалъ графу Меервельдту: „вы думаете, что я относительно государственнаго устройства питаю надежды, которыя у васъ исчезли, и представляете съ большою истиною и живостью произволъ чиновной іерархіи, весь вредъ ея стремленій къ новизнѣ, ея мѣръ, клонящихся къ обѣднѣнію какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ, и ведущихъ къ демократіи; со всѣмъ этимъ я согласенъ и прибавлю къ этому: колебанія въ мѣропріятіяхъ, расточеніе государственныхъ доходовъ, возрастаніе податей при истощеніи средствъ пріобрѣтенія, скандалёзная безнравственность высшаго государственнаго сановника (Гарденберга), недостатокъ повиновенія служащихъ, пагубный и легкомысленный выборъ многихъ изъ нихъ, намѣренное удаленіе дѣльныхъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ людей—и все-таки я остаюсь при своемъ мнѣніи. Ибо не результатъ долженъ опредѣлять наши дѣйствія; Провидѣніе скрыло его отъ взоровъ человѣка; масса другъ друга захватывающихъ обстоятельствъ, отъ которыхъ онъ зависитъ, необозримы и неисчислимы. Поэтому оно въ грудь человѣка вложило чувство права и обязанности, которое должно руководить насъ во тьмѣ, закрывающей отъ насъ будущее; это чувство иногда предписываетъ намъ идти на-встрѣчу даже неизбѣжной гибели за великое и благородное дѣло, слѣдовательно, дѣйствовать даже при полной увѣренности въ неуспѣхѣ. Если положеніе вещей таково, какимъ вы его представляете, и оно именно таково, то долгъ заставляетъ насъ возвышать голосъ на счетъ гибельныхъ его слѣдствій, серіозно, съ скромностью и достоинствомъ, требовать возвращенія правъ, принадлежавшихъ нашимъ предкамъ, установленія границъ произволу, которыхъ необходимость признана новыми,

[1]) Pertz, V, стр. 850.

торжественными обѣщаніями, устраненія злоупотребленій, которыя тяжело на насъ ложатся, и продолжать борьбу со зломъ, до тѣхъ поръ, пока это можетъ дѣлаться совмѣстно съ законнымъ порядкомъ“ [1]). Эти высокіе уроки гражданскаго долга слѣдуетъ запомнить всякому, кто дѣйствуетъ на общественномъ поприщѣ.

Наконецъ, въ 1823 году, прусское правительство рѣшилось ввести провинціальные чины. Но права ихъ ограничивались совѣщательнымъ голосомъ по предлагаемымъ имъ правительствомъ проектамъ и представленіями о своихъ нуждахъ; никакого рѣшающаго голоса и никакого участія въ управленіи имъ не было дано. Тѣмъ не менѣе, мѣстные жители съ усердіемъ принялись за дѣло. Штейнъ, который былъ назначенъ ландмаршаломъ Вестфальскаго земскаго собранія, руководилъ имъ съ обычною своею твердостью и практическимъ смысломъ, никогда не выходя изъ предѣловъ умѣренности и направляя пренія къ практическимъ цѣлямъ. Скоро однако послѣдовало разочарованіе. Представленія земскихъ чиновъ оставлялись безъ вниманія; бюрократія, даже въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, каковъ былъ Вестфальскій оберъ-президентъ фонъ-Финке, давала имъ постоянный отпоръ; личныя усилія Штейна, который съ этою цѣлью ѣздилъ въ Берлинъ, были безуспѣшны. При такихъ условіяхъ самые дѣльные мѣстные люди съ прискорбіемъ спрашивали: къ чему же всѣ ихъ труды? не составляютъ ли земскіе чины совершенно безполезное и дорогое учрежденіе? Штейнъ по этому поводу писалъ: „даровитый, возвышающійся надъ обыденностью государственный человѣкъ долженъ въ земскихъ учрежденіяхъ видѣть начало болѣе свободнаго и облагораживающагося устройства, изъ котораго постепенно вырабатывается нѣчто лучшее и совершеннѣйшее; способствовать этому развитію составляетъ задачу государственнаго человѣка въ благороднѣйшемъ смыслѣ. Г. фонъ-Финке поступилъ этому совершенно напереко̀ръ: онъ велъ себя какъ самый обыкновенный, ограниченный рутинистъ“ [2]). И фельдмаршалу Гнейзенау: „Мое пребываніе въ Берлинѣ въ 1827 году дало ли какой-нибудь результатъ? Никакого; на важнѣйшія представленія чиновъ, которыя мнѣ поручено было лично поддержать, не обратили ни малѣйшаго вниманія. Господину фонъ-Мотцъ (министръ финансовъ) недостаетъ дѣловаго взгляда, расширеннаго наукой; отсюда его упорство въ своемъ мнѣніи (Французы называютъ это: il ne doute de rien), которое по природѣ его занятій склоняетъ его къ односторонней фискальности“ [3]).

---

[1]) Pertz, V, стр. 665.
[2]) Тамъ же, VI, стр. 448.
[3]) Тамъ же, VI, стр. 793.

При такихъ условіяхъ все сильнѣе чувствовалась потребность государственныхъ чиновъ. Вестфальское собраніе въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, въ адресѣ своему ландмаршалу, осмѣлилось напомнить данное торжественно обѣщаніе. Указавъ на глубокое и скорбное чувство, возбужденное безполезностью всѣхъ ихъ представленій, они говорили: „Недостаточность существующаго неотступно влечетъ къ тому, что должно его восполнить. Отъ представительнаго устройства въ особенности ожидаютъ, что оно величественно раскроетъ великодушную преданность народа королю и отечеству; что оно различныя провинціи государства свяжетъ новою, духовною связью черезъ личное знакомство между собою выборныхъ людей и взаимный обмѣнъ мыслей; что оно облагородитъ цѣль и дѣятельность провинціальныхъ земскихъ чиновъ, указывая имъ на благо цѣлаго, какъ на высшую цѣль отдѣльныхъ стремленій; что оно дастъ наконецъ средства и пробу для распознанія личной способности къ государственнымъ дѣламъ и ручательство въ томъ, что въ будущемъ она одна будетъ приниматься въ расчетъ при занятіи высшихъ государственныхъ должностей“ [1]). Этотъ почтительный адресъ былъ однако сочтенъ возмутительнымъ дѣйствіемъ. Вестфальскому земскому собранію было объявлено, что оно вышло изъ предѣловъ своего вѣдомства. Штейнъ отвѣчалъ, что вестфальскіе чины, конечно, не могутъ ходатайствовать о нуждахъ Силезіи, но когда мѣстныя нужды тѣсно связаны съ общимъ вопросомъ, то ограничивать ихъ такимъ образомъ нѣтъ ни законнаго основанія, ни практической возможности [2]). Онъ писалъ фельдмаршалу Гнейзенау: „Еслибы рѣшились только сдѣлать приготовленія къ устройству государственныхъ чиновъ, это подѣйствовало бы весьма благотворно на общественный духъ, который очень возбужденъ. Теперь еще имѣютъ дѣло съ поколѣніемъ *привыкшимъ* къ монархическо-бюрократической формѣ, но надвигается новое поколѣніе, которое втѣстняется во всѣ каналы гражданской жизни и воспитывается подъ вліяніемъ новѣйшей исторіи, журналовъ, политическихъ сочиненій; оно чувствуетъ въ себѣ юношескую силу, стремленіе къ дѣйствію; его одушевляютъ честолюбіе, корысть, взаимная зависть между различными сословіями государства; религіозныя основы подкапываются раціонализмомъ. Что искра политическаго пожара вездѣ сверкаетъ, это обнаруживается во всей Европѣ; полезно направить пламя, прежде нежели оно сдѣлается разрушительнымъ.—Я считаю участіе народа въ законодательствѣ и въ обложеніи податями могучимъ средствомъ

---

[1]) Pertz, VI, стр. 1075—6.
[2]) Тамъ же, стр. 1013.

усовершенствовать обѣ эти отрасли; я вижу въ немъ воспитательное и образовательное учрежденіе, могущее имѣть самое благотворное вліяніе на практическую и теоретическую жизнь народа“ [1]). „Время бюрократической монархіи прошло, — писалъ онъ почти наканунѣ смерти, — желаніе конституціоннаго правленія всеобщее; оно высказывается громко или выражается въ скромныхъ желаніяхъ, которыхъ проявленія деспотизмъ, тайная полиція и строгая цензура боязливо наблюдаютъ, но не могутъ подавить“ [2]). Подъ конецъ, однако, и Штейномъ овладѣвало уныніе при видѣ противоположныхъ и крайнихъ теченій, господствовавшихъ въ государственной жизни: съ одной стороны скованнаго бюрократическими формами правительства, которое дѣйствовало только полицейскими мѣрами и не хотѣло сдѣлать необходимаго шага впередъ, упорно закрывая глаза на дѣйствительность, съ другой стороны волнующагося общества, въ которомъ демократическія идеи, особенно подъ вліяніемъ французской революціи 1830 года, получали бо́льшую и бо́льшую силу. Еще въ 1827 году онъ говорилъ посѣтившему его молодому дипломату: „многое упущено; истинныя, а не лживыя и вымышленныя потребности времени, что̀ строго слѣдуетъ различать, недостаточно изслѣдуются, распознаются и уважаются; это очень дурно; вредныя послѣдствія не замедлятъ оказаться. Столь необходимое довѣріе потеряно; злобные и хитрые прожектеры пріобрѣтаютъ слишкомъ много вліянія на легковѣрную массу; вредная путаница понятій, духовное и нравственное одичаніе берутъ верхъ; естественный, разумный ходъ покидается; люди хотятъ быть умнѣе Творца. Я старъ и надѣюсь, если Богъ будетъ милостивъ, не увидѣть этого новаго вавилонскаго смѣшенія языковъ. Вы гораздо моложе меня и вѣроятно увидите еще могучія бури, которыя налетятъ на насъ и на другіе народы. Тогда нужно, болѣе нежели когда-либо, вооружиться крѣпкою надеждой на Бога, чтобы не потерять внутренней опоры и прямаго направленія. Богъ не дастъ міру погибнуть; но заслуженнаго наказанія Онъ въ своей премудрой справедливости навсегда ему не отпуститъ“ [3]).

Предсказанія его сбылись. Революціонное движеніе 1848 года заставило всѣ германскія правительства, не только прусское, но и австрійское, двинуться по новому пути. Вездѣ водворился конституціонный порядокъ, основанный не на сословныхъ привилегіяхъ, а на общемъ правѣ. Но пренебреженіе своевременными преобразованіями

---

[1]) Pertz, VI, стр. 1107—8.
[2]) Тамъ же, стр. 1169.
[3]) Тамъ же, VI, стр. 428—9.

тяжело отозвалось на внутренней жизни народовъ: вмѣсто правильнаго развитія водворились насиліе и борьба.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ одна Россія оставалась при старыхъ порядкахъ. Сословный строй сохранялся во всей своей рѣзкости; крѣпостное право царило безгранично. Суровая военная дисциплина была господствующимъ началомъ не только въ арміи, но и въ гражданскомъ управленіи и въ самомъ обществѣ. Все сверху до низу трепетало передъ властью; малѣйшее поползновеніе не только на оппозицію, но и на независимость сужденій каралось безпощадно. Екатерининскія учрежденія, которыя должны были вызвать самодѣятельность общества, подъ давленіемъ сверху превратились въ мертвую машину, отъ которой отлетѣлъ общественный духъ. Суды, погрязшіе въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ, были притономъ крючкотворства и взяточничества. Лихоимство наверху и внизу было глубоко укоренившеюся язвою русскаго чиновничества. О свободѣ слова не было и рѣчи. Цензура достигала самыхъ невѣроятныхъ размѣровъ произвола и безсмыслія. Несчастныхъ цензоровъ сажали на гауптвахту за пропускъ совершенно невинныхъ вещей, въ которыхъ усматривали намекъ на ту или другую отрасль управленія [1]). Въ послѣдніе годы царствованія Николая I-го, когда зло достигло крайнихъ предѣловъ, самые университеты, ни въ чемъ неповинные, подверглись неслыханнымъ стѣсненіямъ: число студентовъ было ограничено; въ нихъ введено военное обученіе. Россія того времени вполнѣ оправдывала обращенные къ ней стихи поэта-патріота:

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

А между тѣмъ, внѣшнее величіе, пріобрѣтенное славными войнами, стояло непоколебимо. Всѣ враги были раздавлены; Австрія спасена отъ погибели. Громадный сѣверный колоссъ, съ восьмидесятимилліоннымъ населеніемъ, съ непобѣдимымъ войскомъ, слѣпо повинующійся всякому мановенію всемогущаго властителя, казалось, грозилъ свободѣ всѣхъ европейскихъ народовъ. Немудрено, что противъ него составилась коалиція.

Крымская кампанія показала всю несостоятельность этой системы. Величественное зданіе покоилось на подгнившемъ фундаментѣ. Чѣмъ

---

[1]) Правдивыя и весьма умѣренныя записки Никитенка представляютъ любопытную характеристику этихъ порядковъ.

безграничнѣе проявлялась сила власти, чѣмъ болѣе передъ нею исчезала всякая независимость, тѣмъ болѣе государство превращалось въ бездушную машину, въ которой внѣшній блескъ замѣнялъ внутреннее благоустройство. Не смотря на крѣпость народнаго духа, Россія, при такихъ порядкахъ, неспособна была состязаться съ образованными европейскими державами. И здѣсь, также какъ въ Пруссіи послѣ Іенскаго погрома, потребовались коренныя преобразованія. Однако Россія далеко не была въ положеніи Пруссіи. Оборона Севастополя, хотя кончилась взятіемъ крѣпости, покрыла славою наше войско. Дальнѣйшихъ движеній враги не рѣшались предпринимать. Миръ былъ заключенъ на условіяхъ, хотя стѣснительныхъ относительно черноморскаго флота, но оставлявшихъ неприкосновенными цѣлость и могущество государства. Тѣмъ не менѣе, и новое русское правительство и русское общество сознали потребность глубокаго обновленія всего общественнаго и государственнаго строя. Царствованіе Александра II-го ознаменовалось цѣлымъ рядомъ реформъ, безпримѣрнымъ во всемірной исторіи и дѣлающимъ величайшую честь Русскому народу. Разомъ были преобразованы всѣ оказавшіяся негодными стороны быта, и это было сдѣлано вполнѣ обдуманно и здраво, на основаніи тщательнаго изученія внутреннихъ условій и разумнаго пользованія опытомъ другихъ народовъ. Крѣпостное право было отмѣнено и крестьяне обезпечены землею. Города получили новое общественное устройство, основанное на самоуправленіи. Земскія учрежденія призвали всѣ мѣстныя силы къ участію въ общественныхъ дѣлахъ; имъ ввѣрено было все хозяйственное управленіе губерній и уѣздовъ. Созданъ былъ судъ, отвѣчающій самымъ утонченнымъ потребностямъ правосудія и просвѣщенія. Войско было преобразовано на основаніи всеобщей воинской повинности, краткихъ сроковъ службы и мягкаго отношенія къ подчиненнымъ. Цензура была отмѣнена; русская мысль впервые могла высказываться свободно. Обществу на всѣхъ поприщахъ открытъ былъ широкій просторъ; всѣ таящіяся въ немъ силы были призваны къ самодѣятельности. Отнынѣ Россія могла стать на свои собственныя ноги; ея совершеннолѣтіе было признано руководившею ею властью.

Многимъ могло казаться, что все это совершилось слишкомъ быстро. То, что у другихъ народовъ дѣлалось съ осторожною постепенностью, безъ крутаго нарушенія господствующихъ интересовъ, то здѣсь произошло въ теченіи немногихъ лѣтъ. Всѣ упроченныя временемъ отношенія, понятія, нравы, глубоко захватывавшіе самую частную жизнь, внезапно были выброшены изъ обычной колеи. Русскимъ людямъ пришлось не только приняться за новое для нихъ обществен-

ное дѣло, но и переустроить весь свой частный бытъ, безъ надлежащей подготовки. Такой переворотъ не могъ не произвести на первыхъ порахъ полнѣйшаго хаоса и въ понятіяхъ и въ жизненномъ складѣ, тѣмъ болѣе, что освобожденное общество оставлено было безъ надлежащаго руководства; исполненіе преобразованій было ввѣрено старой погрязшей въ рутинѣ бюрократіи, неспособной руководить такимъ великимъ дѣломъ и внушить къ себѣ довѣріе общества.

Послѣдній упрекъ въ значительной степени справедливъ. Выборъ исполнителей не всегда былъ удачный. Именно тѣ люди, которые всего болѣе содѣйствовали реформамъ, устранялись отъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, успѣхъ преобразованій свидѣтельствуетъ о томъ, что они были своевременны и приноровлены къ состоянію общества. Такой глубокій переворотъ, какъ освобожденіе крестьянъ, совершился безъ потрясеній; на мѣстахъ вездѣ нашлись честные и дѣльные исполнители. Судъ какъ бы разомъ создался изъ ничего; войско не утратило ни одного изъ своихъ доблестныхъ качествъ. Это показываетъ, что русское общество было вполнѣ готово къ перевороту. Пока правительство стояло на мѣстѣ, требуя только строгой дисциплины и безмолвнаго повиновенія, въ немъ происходила незамѣтная работа, подготовлявшая лучшее будущее. Всѣ совершенныя преобразованія вполнѣ уже созрѣли въ общественномъ сознаніи, прежде нежели правительство за нихъ принялось. Тутъ не нужно было геніальнаго человѣка, какъ Петръ Великій, чтобы двинуть народъ по новому пути. Достаточно было честнаго сознанія своихъ обязанностей и призванія къ дѣлу лучшихъ общественныхъ силъ. Это и сдѣлалъ Царь-Освободитель, имя котораго связано съ одною изъ величайшихъ эпохъ въ русской исторіи. Созданіе его прочно, ибо оно соотвѣтствовало назрѣвшимъ нуждамъ и насущнымъ потребностямъ Русскаго народа; оно врачевало наболѣвшія язвы и открывало правильный путь общественному развитію. Частныя реакціонныя мѣры не могутъ его поколебать. Это—фундаментъ, на которомъ виждется вся будущность Россіи.

Тѣмъ не менѣе, тяжелый гнетъ предыдущей эпохи не могъ не оставить по себѣ печальныхъ слѣдовъ. Общество, долго сдавленное и внезапно выпущенное на просторъ, естественно теряетъ внутреннее равновѣсіе. Приливъ новыхъ мыслей и взглядовъ производитъ въ немъ путаницу понятій, въ которомъ оно не скоро можетъ разобраться; непривычное къ дѣятельности, оно не знаетъ ей мѣры и границъ. Эти недостатки усиливаются, когда разомъ распатываются всѣ общественныя отношенія. Тутъ неизбѣжно происходитъ броженіе, въ которомъ всплываютъ на верхъ худшіе элементы. Въ особенности эти явленія ярко выступали въ умственныхъ центрахъ. Русская про-

винція сознательно и спокойно приняла новыя преобразованія; она провела ихъ въ жизнь и доказала, что она умѣетъ ихъ цѣнить. Но не то было въ столицахъ, особенно въ Петербургѣ. Разрывъ между правительствомъ и мыслящею частью общества въ предшествующее царствованіе былъ такъ великъ, недовѣріе къ владычествующей бюрократіи укоренилось такъ глубоко, что лучшія начинанія правительства не встрѣчали поддержки. Оппозиціонный духъ, раздражительная критика, неумѣстныя требованія проявлялись на каждомъ шагу. Нетерпѣливые либералы сходились въ этомъ отношеніи съ защитниками крѣпостнаго состоянія, мечтавшими о возмездіи за отнятыя у нихъ права. Сказать слово въ пользу власти, совершавшей величайшія преобразованія, возстать противъ безсмысленнаго задора и неумѣренныхъ притязаній считалось преступленіемъ, которое окончательно губило человѣка въ общественномъ мнѣніи. Но хуже всего было то, что среди общаго броженія выступили наружу самыя крайнія мнѣнія, которыя таились въ тиши подъ предшествующимъ гнетомъ, а теперь появились на свѣтъ Божій. Подъ вліяніемъ въ особенности петербургской журналистики, они распространялись среди волнующейся молодежи. Въ то время, какъ вся Россія обновлялась по мановенію Царя, революціонныя прокламаціи взывали къ истребленію и правительства и всѣхъ высшихъ слоевъ общества. Встрѣтивъ отпоръ на верху, революціонная пропаганда пошла въ народъ; когда и здѣсь ея разрушительная дѣятельность была остановлена, она разразилась цѣлымъ рядомъ самыхъ ужасныхъ преступленій. Тайныя и явныя убійства, даже на улицахъ столицы, среди бѣлаго дня, подкопы подъ желѣзныя дороги, взрывъ дворца, наконецъ гибель монарха, благодѣтеля своего народа, были дѣломъ изступленной шайки, не знавшей ни умственныхъ, ни нравственныхъ сдержекъ и жаждавшей только разрушенія. Россія была поражена ужасомъ. Реакція была неизбѣжна, не только въ правительственныхъ сферахъ, но и въ общественномъ сознаніи. Осадное положеніе, съ сопровождающимъ его произволомъ, замѣнило законный порядокъ, установленный великими преобразованіями; многія изъ послѣднихъ подверглись искаженію. Реакціонная публицистика торжествовала побѣду и пріобрѣтала все болѣе и болѣе приверженцевъ. Благодаря воспитанному предшествующимъ гнетомъ нигилизму, Россія была сбита съ правильнаго пути; вмѣсто закономѣрнаго развитія послѣдовала реакціонная ломка.

Но реакція, въ свою очередь, влечетъ за собою разочарованіе и упадокъ силъ. Послѣ чрезмѣрнаго напряженія обыкновенно слѣдуетъ періодъ временнаго разслабленія. Мы видѣли состояніе Германіи послѣ Наполеоновскихъ войнъ, реакціонныя стремленія правительствъ, жалобы

лучшихъ людей. Въ Россіи тѣже явленія выказались съ еще большею силой, ибо вызывавшія ихъ причины были глубже и опаснѣе, а образованныхъ элементовъ, способныхъ дать имъ отпоръ, было несравненно меньше. Въ Россіи старое общество, которое держалось на крѣпостномъ правѣ, ушло, а новое еще не сложилось. Въ особенности средніе классы представляютъ еще печальную умственную скудость. Немудрено, что многіе разочаровались въ совершенныхъ преобразованіяхъ и общество погрузилось въ какую-то тупую апатію.

Нѣтъ сомнѣнія однако, что и здѣсь это состояніе временное. Преобразованія Александра Втораго содержатъ въ себѣ сѣмена разумной свободы и правильнаго развитія, которыя рано или поздно принесутъ свои плоды. Господство осаднаго положенія не можетъ быть вѣчно. Въ обществѣ, усѣвшемся на своихъ новыхъ основахъ, несомнѣнно пробудятся новыя силы, которыми Русское общество никогда не оскудѣвало. Какъ прежде, подъ тяжелымъ деспотизмомъ дореформеннаго времени, въ немъ въ тиши созрѣвали сѣмена лучшаго будущаго, такъ и въ нынѣшнюю реакціонную эпоху, незамѣтно для взора, слагаются зачатки новыхъ потребностей и взглядовъ, которые должны вести къ завершенію недавно воздвигнутаго общественнаго зданія, обновленнаго снизу, но оставшагося при прежнихъ порядкахъ на верху. Какую форму эти стремленія окончательно примутъ, покажетъ исторія. Одно можно сказать съ полною увѣренностью, это—то, что новый шагъ на пути гражданскаго и государственнаго развитія можетъ совершиться только дружнымъ дѣйствіемъ правительства и общества. Не безпрекословное подчиненіе, отжившее свой вѣкъ и показавшее свою несостоятельность, а свободный союзъ правительственныхъ и общественныхъ силъ, на почвѣ взаимнаго довѣрія, долженъ быть знаменемъ всякаго образованнаго русскаго человѣка, любящаго свое отечество; въ этомъ заключается вся будущность Россіи. И этотъ шагъ можетъ и долженъ быть сдѣланъ не путемъ насилія и переворотовъ, а по собственной иниціативѣ правительства, законнымъ шествіемъ по проложенному пути и развитіемъ началъ, заключающихся въ произведенныхъ реформахъ. Для революціонныхъ движеній, не ограничивающихся поверхностью, а проникающихъ въ глубь, Россія не содержитъ въ себѣ никакихъ элементовъ. Россія уже совершила свою революцію; не возстаніемъ снизу, а преобразованіями сверху одинъ гражданскій порядокъ былъ переведенъ въ другой.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, надобно изслѣдовать, откуда происходятъ революціи и чѣмъ онѣ бываютъ обязаны своимъ успѣхомъ. Предметомъ изученія мы можемъ взять двѣ типическія въ этомъ отношеніи страны: Англію и Францію.

Революціи, также какъ реформы, могутъ быть политическія и соціальныя. Однѣ имѣютъ въ виду измѣненіе государственныхъ учрежденій, другія направлены противъ самаго общественнаго строя. Послѣднія несравненно глубже захватываютъ жизнь и производятъ въ ней болѣе радикальные перевороты. Но именно поэтому онѣ всего опаснѣе. Для того, чтобы глубокое измѣненіе общественнаго строя могло совершиться безъ страшныхъ потрясеній, отъ которыхъ не скоро оправляется общественный организмъ, надобно, чтобы политическій строй оставался непоколебимъ. Когда же оба вмѣстѣ подвергаются ломкѣ, тогда въ обществѣ не остается уже твердой точки опоры, и общее разрушеніе неминуемо. Таковъ именно былъ исходъ первой Французской революціи.

Совсѣмъ не то было въ Англіи. Борьба Долгаго Парламента съ Карломъ I-мъ велась не изъ-за соціальныхъ, а изъ-за политическихъ вопросовъ, къ которымъ присоединялись и религіозные, волновавшіе совѣсть, но не затрогивавшіе гражданскихъ отношеній. Столкновеніе произошло между народными правами, унаслѣдованными отъ средневѣковаго порядка, и новыми притязаніями королевской власти. Во времена борьбы феодальныхъ королей съ великими вассалами и городами утвердились два начала, которыя легли въ основаніе всего англійскаго государственнаго строя: свобода отъ произвольныхъ арестовъ и право согласія на подати черезъ выборныхъ представителей. Первое было постановлено еще Великою Хартіей; второе было предметомъ вѣковой борьбы, въ которой бароны соединялись съ городами противъ королевской власти. Этотъ союзъ имѣлъ громадныя послѣдствія для всего политическаго и гражданскаго быта Англіи. Онъ не только обезпечилъ побѣду народныхъ силъ, но онъ повелъ къ измѣненію самаго общественнаго строя: сословныя дѣленія сгладились; высшее дворянство выдѣлилось въ политическую аристократію, а низшее слилось съ горожанами въ одной палатѣ, уравнявшись съ ними въ гражданскихъ и политическихъ правахъ. Однако, на первыхъ порахъ, при господствѣ средневѣковаго частнаго права, побѣда общественныхъ силъ повела къ полной анархіи. Вслѣдствіе этого, въ свою очередь, явилась потребность высшей государственной власти, сдерживающей анархическія стихіи и способной водворить прочный порядокъ. Этой потребности удовлетворила монархія Тюдоровъ. Такое усиленіе королевской власти, вслѣдствіе превращенія феодальной монархіи въ политическую, не могло, разумѣется, обойтись безъ стѣсненія средневѣковыхъ правъ. Парламентъ не былъ совершенно устраненъ, какъ въ государствахъ европейскаго материка, гдѣ короли сдѣлались абсолютными государями; но онъ сталъ покорнымъ орудіемъ королевской власти. Представители

выбирались по назначенію правительства; самостоятельнаго голоса они имѣть не дерзали. Кто осмѣливался вести оппозицію, того безъ всякихъ разговоровъ хватали и сажали въ тюрьму. Учреждена была чрезвычайная юрисдикція Звѣздной Палаты, передъ которою трепетали всѣ подданные. Даже обыкновенные суды, составленные изъ клевретовъ короны, постоянно толковали законъ въ ея пользу. Оппозиціонный духъ тѣмъ менѣе находилъ почвы, что свѣтская власть была соединена съ церковною. Въ религіозномъ отношеніи, Тюдоры стали во главѣ національнаго движенія; Генрихъ VIII отдѣлился отъ католической церкви, отказалъ въ повиновеніи папской власти, отобралъ имѣнія монастырей и основалъ новую, чисто національную церковь, во главѣ которой стоялъ самъ монархъ. Эта перемѣна встрѣтила величайшее сочувствіе Англійскаго народа. Правительство, которое преслѣдовало католиковъ и во внѣшней политикѣ поддерживало дѣло протестантизма, могло расчитывать на полную преданность и покорность, какъ бы произвольно оно ни дѣйствовало. Таковъ именно былъ характеръ царствованія королевы Елисаветы.

Все это однако существенно измѣнилось при воцареніи новой династіи Стюартовъ. Она вступила на престолъ по наслѣдственному праву, но корней въ народной жизни она не имѣла. Это была исконная шотландская династія, которая вынесла изъ своего отечества своеобразныя, какъ политическія, такъ и религіозныя убѣжденія. Въ Шотландіи протестантизмъ принялъ несравненно болѣе радикальную форму, нежели въ Англіи. Тамъ утвердилось пресвитеріанское устройство, основанное на личномъ началѣ и проведенное со всею строгостью пуританскаго фанатизма, въ противность королевской власти, которая, вслѣдствіе этого, сдѣлалась игралищемъ партій и пришла въ полную отъ нихъ зависимость. Но именно это возбудило въ Стюартахъ ненависть къ протестантскимъ сектамъ. Въ этомъ отношеніи епископальное устройство Англіи приходилось имъ какъ нельзя больше по сердцу. Они видѣли въ немъ оплотъ королевской власти. Яковъ I постоянно твердилъ: „нѣтъ епископа, нѣтъ и короля“. Между тѣмъ, и въ Англіи протестантскія секты получили широкое распространеніе, особенно среди городскаго населенія. Правительство королевы Елисаветы ихъ щадило; воюя противъ католиковъ, она видѣла въ нихъ союзниковъ. Стюарты, напротивъ, смотрѣли на нихъ враждебно и склонялись къ послабленію католикамъ, чѣмъ самымъ возбуждали противъ себя недовѣріе народа. И во внѣшней политикѣ, вмѣсто поддержки протестантскаго дѣла, они, въ противность національному чувству, склонялись къ союзу съ самою строго католическою державою, съ Испаніей.

Все это подрывало нравственный ихъ авторитетъ, а между тѣмъ, ихъ понятія о величіи королевской власти превосходили все, что дотолѣ признавалось въ Англіи. Они видѣли въ ней божественное право, независимое отъ какихъ бы то ни было человѣческихъ установленій и требующее безпрекословнаго повиновенія. Яковъ I открыто это высказывалъ, но, съ своимъ нерѣшительнымъ характеромъ, онъ не проводилъ строго своихъ политическихъ взглядовъ. Постоянныя его колебанія вели единственно къ тому, что поддержанный протестантскими сектами духъ оппозиціи болѣе или болѣе укоренялся въ народѣ. Цѣлая школа юристовъ, съ знаменитымъ Эдуардомъ Кокомъ во главѣ, стояла за исконныя права Англичанъ, признавая всѣ захваты Тюдоровъ произвольными и беззаконными расширеніями королевской прерогативы. Свобода отъ произвольныхъ арестовъ и право согласія на подати сдѣлались лозунгомъ оппозиціонной партіи. Съ этими правами связывались и другія требованія, согласныя съ народными стремленіями, но идущія наперекоръ политикѣ короля.

При Карлѣ I-мъ эти противоположныя стремленія привели наконецъ къ разрыву. Болѣе послѣдовательный, нежели его отецъ, онъ хотѣлъ свою государственную и церковную политику проводить во всѣхъ трехъ королевствахъ и кончилъ тѣмъ, что всюду возбудилъ возстанія. Въ Англіи, видя постоянное противодѣйствіе парламента, онъ вовсе пересталъ его созывать и управлялъ самовластно. Онъ королевскимъ указомъ установлялъ новыя подати (такъ-называемыя корабельныя деньги) и хотя взиманіе ихъ встрѣчало сопротивленіе, однако коронные судьи признали этотъ налогъ законнымъ. Въ Ирландіи умный и энергическій намѣстникъ, графъ Страффордъ, умѣлъ все подчинить своей волѣ и устроить всегда послушный парламентъ. Наконецъ и въ Шотландіи король, въ силу своей прерогативы, вздумалъ ввести англиканскую литургію. Но тутъ онъ встрѣтилъ неодолимое сопротивленіе. Шотландцы увидѣли въ этомъ посягательство на свою религіозную свободу. И вельможи и народъ встали, какъ одинъ человѣкъ. Они заключили между собою *соглашеніе* (covenant), которымъ обязывались стоять другъ за друга и отстаивать свои права. Въ этихъ видахъ было набрано и организовано войско. Король рѣшилъ идти на нихъ войною; но Шотландцы его предупредили и вторглись въ Англію. Король пошелъ имъ на-встрѣчу; но тутъ оказалось, что для веденія войны у него не было ни войска, ни денегъ. Стюарты были исполнены сознаніемъ своего божественнаго права; но когда пришлось прилагать его къ дѣлу, они увидѣли, что монархія—не божественное установленіе, а политическая сила, требующая земныхъ орудій и способовъ дѣйствія. Между притязаніями и средствами оказалась полная

несоразмѣрность. Что король, отуманенный понятіями о своемъ величіи, могъ не сознавать самыхъ элементарныхъ требованій политики, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но какимъ образомъ могъ такъ грубо ошибаться его главный совѣтникъ, графъ Страффордъ, это объясняется лишь тѣмъ, что, привыкши къ самовластію въ Ирландіи, онъ вообразилъ, что съ умомъ и энергіей можно вездѣ проводить свою волю. За это заблужденіе онъ сложилъ голову на плахѣ. Лишенный всякихъ средствъ, встрѣчая всюду сопротивленіе, король принужденъ былъ идти на всѣ уступки. Онъ заключилъ перемиріе съ Шотланцами на всей ихъ волѣ, созвалъ парламентъ, согласился на всѣ его требованія и выдалъ своего главнаго совѣтника.

Но парламентъ на этомъ не остановился. Какъ всегда водится, борьба разжигаетъ страсти и вызываетъ крайности. Послѣ самовластнаго правленія короля и очевиднаго его намѣренія обходиться безъ народнаго представительства, довѣріе къ нему было подорвано. Вожди оппозиціи видѣли, что дать ему войско и деньги значитъ вооружить его всѣми нужными средствами для подавленія народной свободы. Парламентъ потребовалъ, чтобы распоряженіе войскомъ было отдано ему въ руки на довольно продолжительный періодъ времени. На это король не могъ согласиться, не отказавшись отъ своей прерогативы. Борьба была неизбѣжна; но какъ бы для того, чтобы съ полною очевидностью выказать свои стремленія къ самовластію, идущія наперекоръ самымъ законнымъ правамъ и требованіямъ народа, онъ вздумалъ учинить актъ насилія. Во время самыхъ горячихъ преній парламента, онъ приказалъ арестовать пять главныхъ вождей оппозиціи и для этого самъ лично отправился въ засѣданіе. Попытка не удалась; но страсти были еще болѣе возбуждены и безсиліе власти обнаружилось въ полной мѣрѣ. Прятязанія, лишенныя средствъ, и тутъ могли вести только къ погибели.

Однако уступки, сдѣланныя королемъ, собрали около него значительную партію. Многіе изъ тѣхъ, которые стояли за народныя права, считали, что парламентъ переходитъ должную мѣру, и столпились около королевскаго знамени. Значительная часть аристократіи и среднихъ землевдадѣльцевъ оставалась вѣрна исторической власти, обѣщавшей уважать народную свободу. Но и на сторонѣ парламента были нѣкоторые изъ первыхъ вельможъ государства: великіе пресвитеріанскіе лорды, Нортумберландъ, Эссексъ, Манчестеръ, Варвикъ, стояли во главѣ народнаго движенія; Эссексъ командовалъ войскомъ. Изъ среднихъ землевладѣльцевъ вышли главные вожди парламента и арміи: Пимъ, Гампденъ, Ферфаксъ, Кромвель. Но главная сила парламента все-таки лежала въ городахъ, гдѣ пресвитеріанскія ученія были сильно рас-

пространены. Богатый и многолюдный Лондонъ давалъ парламенту и деньги и опору фанатически возбужденнаго общественнаго мнѣнія. Здѣсь обнаружилась основная черта всей англійской исторіи: союзъ аристократіи съ городами противъ королевской власти; обнаружилась и двойственность политическаго направленія англійской аристократіи, которой одна часть склонялась преимущественно къ народнымъ правамъ и опиралась на средніе классы, а другая крѣпко стояла за королевскую прерогативу. Здѣсь лежитъ начало и тѣхъ двухъ партій, которыхъ борьба и смѣна въ правленіи наполняютъ всю исторію Англіи въ послѣдніе три вѣка.

Силы воюющихъ сторонъ были почти равны, и счастіе поперемѣнно склонялось то въ пользу однихъ, то въ пользу другихъ. Рѣшительный перевѣсъ парламентскому дѣлу дали фанатическія протестантскія секты, индепенденты, которые, вступивъ въ ряды арміи подъ начальствомъ Кромвеля, разбили королевскія войска и подавили монархическія возстанія какъ въ Шотландіи, такъ и въ Ирландіи. По ихъ требованію, плѣнный монархъ былъ казненъ; провозглашена была республика.

Для исхода Англійской революціи было въ высшей степени важно, что низверженіе королевской власти было дѣломъ не возстанія народной толпы, а организованной военной силы, имѣвшей во главѣ своей вождя, который самъ былъ государственный человѣкъ первой величины. Вслѣдствіе своихъ побѣдъ армія естественно стала во главѣ правленія. Парламентъ, сперва очищенный отъ умѣренныхъ элементовъ, былъ окончательно разогнанъ; Кромвель былъ провозглашенъ протекторомъ. За глубокимъ переворотомъ, раздѣлившимъ общество на два противоположные лагеря, по неизбѣжному ходу вещей, послѣдовала военная диктатура.

Но она могла держаться только геніемъ вождя. Какъ скоро онъ умеръ, водворилось анархическое состояніе, въ которомъ побѣдоносная армія и обломки созваннаго вновь парламента, враждуя между собой, старались захватить власть въ свои руки. Во всѣхъ слояхъ общества почувствовалось неудержимое стремленіе къ возстановленію законнаго порядка. Это могло быть сдѣлано только возстановленіемъ самой королевской власти въ прежней силѣ, въ томъ видѣ, какъ она выработалась изъ всей предыдущей исторіи. Подъ неудержимымъ напоромъ общественнаго мнѣнія, единодушнымъ постановленіемъ созваннаго вновь парламента, и по иниціативѣ стоящаго во главѣ арміи вождя, сынъ Карла I-го былъ призванъ въ свое королевство на тѣхъ условіяхъ, которыя были установлены первоначальнымъ соглашеніемъ парламента съ его отцомъ. За военною диктатурой послѣдовала Реставрація.

Возстановленіе королевской власти естественно сопровождалось

сильною реакціей въ ея пользу. Парламентъ, созванный Карломъ II-мъ, былъ одушевленъ самымъ ревностнымъ монархическимъ духомъ. Англиканская церковь, павшая подъ напоромъ протестантскихъ сектъ, была возстановлена во всѣхъ своихъ правахъ. Тѣмъ не менѣе, положеніе было уже совершенно иное, нежели при Карлѣ I-мъ. Превыспреннія понятія о королевской власти оказались неумѣстными; надобно было управлять въ законныхъ предѣлахъ. О правѣ произвольныхъ арестовъ и самовластнаго наложенія податей не было болѣе рѣчи. Юридическія завоеванія революціи были упрочены. При Карлѣ II-мъ актъ Habeas Corpus получилъ самую точную и окончательную редакцію. Политика, стремившаяся къ послабленію католикамъ, въ самомъ монархическомъ парламентѣ встрѣчала неодолимое сопротивленіе и приводила къ прямо противоположнымъ результатамъ. Католики были исключены, какъ изъ королевскихъ совѣтовъ, такъ и изъ парламента. Недовѣріе отзывалось и на внѣшней политикѣ. Парламентъ крѣпко держалъ завязки кошелька. Самые совѣтники короля подвергались преслѣдованію и изгнанію.

Еще болѣе отношенія обострились при его преемникѣ, который, будучи католикомъ, шелъ въ разрѣзъ съ самыми глубокими національными стремленіями и былъ предметомъ общаго недовѣрія. Яковъ II легко могъ воспользоваться тѣмъ поворотомъ общественнаго мнѣнія въ его пользу, которое произошло въ послѣдніе годы царствованія его предшественника и было вызвано стремленіемъ народной партіи исключить его изъ престолонаслѣдія. Въ томъ трудномъ положеніи, въ которомъ онъ находился, здравая политика требовала крайней осторожности. Но Яковъ былъ ограниченъ и упоренъ; фанатическій католикъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ,—былъ исполненъ самыхъ высокихъ понятій о своемъ королевскомъ достоинствѣ. Ему казалось несогласнымъ съ требованіями совѣсти и несовмѣстнымъ съ его саномъ терпѣть униженіе людей, исповѣдывавшихъ одну съ нимъ вѣру; а такъ какъ парламентъ не соглашался на уравненіе правъ католиковъ съ англиканами, видя въ этомъ шагъ къ водворенію католицизма, то онъ рѣшился провести эту мѣру силою королевской прерогативы. Онъ утверждалъ, что въ послѣдней заключается право освобождать отъ исполненія законовъ (dispensing power), не только въ частныхъ случаяхъ, но и общими мѣрами. Парламентъ рѣшительно отвергалъ подобное право, и самые судьи не признавали его согласнымъ съ законами Англіи. Тогда Яковъ рѣшился собственною властью преобразовать и суды и парламентъ. Независимые судьи были удалены отъ должности и назначены другіе, болѣе покорные, признававшіе право короля освобождать отъ дѣйствія законовъ. Вооруженный ихъ приговоромъ, король издалъ манифестъ

о расширеніи правъ католиковъ и диссидентовъ. Не довольствуясь простымъ объявленіемъ, онъ велѣлъ свой манифестъ прочесть всенародно во всѣхъ церквахъ. Однако семь епископовъ отказались исполнить это требованіе, считая его незаконнымъ. Правительство не усомнилось предать ихъ суду; но они были оправданы присяжными, къ великому ликованію всего народонаселенія. Потерпѣвъ такое чувствительное пораженіе, король тѣмъ съ большимъ упорствомъ принялся за преобразованіе парламента. Онъ былъ увѣренъ, что гибель его отца и уступки брата произошли единственно отъ недостатка энергіи. Съ цѣлью получить покорный парламентъ, всѣ мѣстныя власти были смѣнены и на мѣсто ихъ поставлены люди, преданные правительству; привилегіи городовъ были отобраны и выборныя власти замѣнились коронными. Въ такомъ крайнемъ положеніи, всѣ взоры обратились на роднаго племянника и зятя короля, Вильгельма Оранскаго. Семь лицъ, въ томъ числѣ знатнѣйшіе вельможи и высшіе сановники государства и церкви, тори и виги, защитники народныхъ правъ и приверженцы королевской прерогативы, послали ему приглашеніе освободить Англію отъ невыносимаго деспотизма. Вильгельмъ явился съ небольшимъ войскомъ, и вся Англія къ нему примкнула; покинутый всѣми, Яковъ бѣжалъ къ своему союзнику, французскому королю. Переворотъ совершился безъ всякаго насилія, безъ пролитія капли крови. Оказалось опять, что высокія притязанія лишены были всякой фактической опоры. Яковъ разссорился даже съ тою силой, которая служила главною поддержкой королевской власти и проповѣдывала ученіе о безусловномъ повиновеніи, съ англиканскою церковью. Возстановивъ всѣхъ противъ себя, онъ палъ не въ упорномъ бою, какъ его отецъ, а вслѣдствіе полнаго своего безсилія.

Это былъ послѣдній актъ Англійской революціи. Съ тѣхъ поръ права народа и парламента были установлены на незыблемыхъ основахъ и не подвергались болѣе колебаніямъ. Утвержденный ею порядокъ вещей получилъ еще бо́льшую прочность со вступленіемъ на престолъ Ганноверской династіи. Преобладающее значеніе королевской власти уступило мѣсто вліянію аристократіи, которая стояла во главѣ движенія и естественно заняла первенствующее положеніе. Впослѣдствіи, съ возрастаніемъ демократическихъ элементовъ, и она отошла на второй планъ. Рѣшительное преобладаніе получила Нижняя Палата, составленная на демократическихъ основаніяхъ. Но всѣ эти перемѣны совершались уже не насильственными переворотами, а мирнымъ и законнымъ путемъ, расширеніемъ выборнаго права, признаніемъ отношеній, вытекающихъ изъ практическихъ потребностей. Англійская конституція представляетъ прочное зданіе, допускающее

преобладаніе того или другаго элемента, сообразно съ развитіемъ жизни, но непоколебимое въ своихъ основахъ.

Если мы, съ чисто политической точки зрѣнія, постараемся выяснить причины успѣха Англійской революціи, то мы найдемъ ихъ, во-первыхъ, въ томъ, что она опиралась не на теоретическія ученія, а на историческія начала, пустившія глубокіе корни въ народной жизни, и при всѣхъ переворотахъ никогда не затмѣвавшіяся въ народномъ сознаніи. Права народа и парламента считались прирожденнымъ достояніемъ Англичанъ, а потому всегда, во всѣхъ слояхъ общества, находили многочисленныхъ защитниковъ, готовыхъ дать отпоръ притязаніямъ королевской власти. Люди возставали не противъ закона, а во имя закона, который для Англичанъ всегда былъ высшимъ политическимъ началомъ. Во - вторыхъ, эти права были не привилегіями сословій, которыя могли вести только къ внутреннимъ раздорамъ, а права общія всѣмъ гражданамъ, для защиты которыхъ могли соединиться и высшіе и низшіе. Первенствующіе вельможи, пользовавшіеся громаднымъ вліяніемъ въ обществѣ, стояли во главѣ движенія и придавали ему такой вѣсъ, котораго оно безъ нихъ никогда бы не имѣло. Въ-третьихъ, перевороты совершались не возстаніемъ массъ, а дѣйствіемъ организованныхъ силъ, парламента и войска, которые, въ самый разгаръ междоусобной войны, способны были охранять внутренній порядокъ. Самые крайніе элементы, сосредоточившіеся въ войскѣ, сдерживались могучимъ его предводителемъ, обладавшимъ высокимъ государственнымъ смысломъ, а когда онъ умеръ, явился другой, который понялъ, что только въ возстановленіи законной монархіи кроется вся будущность англійскихъ государственныхъ учрежденій. Они потому прочны, что имѣютъ глубокіе корни въ прошедшей исторіи и по своему разнородному составу способны примѣняться къ разностороннему развитію народной жизни и ко всѣмъ разнообразнымъ ея измѣненіямъ. Ни одинъ изъ элементовъ, вошедшихъ въ англійскую конституцію съ самаго начала, не потерялъ своего мѣста, и всѣ принуждены дѣйствовать согласно на общую пользу. Революція имѣла цѣлью только возстановленіе нарушеннаго равновѣсія.

Совершенно иной характеръ носитъ революціонное движеніе во Франціи. Если мы взглянемъ на внѣшнюю сторону событій, то увидимъ поразительное сходство съ тѣмъ, что происходило въ Англіи. И здѣсь и тамъ монархія, возникшая на развалинахъ средневѣковаго порядка, пала передъ требованіями свободы. И здѣсь и тамъ революціонное движеніе привело къ военной диктатурѣ, которая, въ свою очередь, смѣнилась возстановленіемъ законной монархіи. Во Франціи, также какъ въ Англіи, періодъ Реставраціи заключаетъ въ себѣ

два царствованія: одно благоразумное и умѣренное, другое—напрягающее королевскую перерогативу до крайнихъ предѣловъ, въ противность народнымъ требованіямъ, что̀ и ведетъ къ новому перевороту, которымъ установляется истинно конституціонный порядокъ вещей. Въ этой аналогіи нельзя не видѣть общаго закона, управляющаго революціонными движеніями и вытекающаго изъ самой природы дѣйствующихъ силъ. Непримиримая борьба партій ведетъ къ развитію крайнихъ элементовъ; одинъ изъ нихъ побѣждаетъ, но торжество его неизбѣжно вызываетъ реакцію, которая является сперва въ видѣ военной диктатуры, а въ дальнѣйшемъ движеніи ведетъ къ возстановленію побѣжденнаго элемента. Но и послѣдній, восторжествовавши, въ свою очередь доводитъ свое начало до крайности и тѣмъ самымъ вызываетъ реакцію въ противоположномъ смыслѣ, которая кончается новымъ переворотомъ. Мы видимъ здѣсь какъ бы механическія колебанія маятника въ противоположныя направленія, пока онъ не приходитъ наконецъ къ среднему, устойчивому равновѣсію.

Но за этимъ внѣшнимъ сходствомъ кроются глубокія различія. Первое заключается въ томъ, что Французская революція исходила не отъ историческихъ началъ, а отъ теоретическихъ требованій, выработанныхъ философіею XVIII-го вѣка и получившихъ всеобщее распространеніе. Эти требованія заключали въ себѣ начала свободы и равенства, вытекающія изъ самой природы человѣка и коренящіяся въ самыхъ глубокихъ основахъ духовнаго его бытія. Но у мыслителей XVIII-го вѣка эти начала получили совершенно одностороннее развитіе; всѣ другіе элементы политической жизни были имъ подчинены. Черезъ это новыя требованія становились въ рѣзкую противоположность со всѣмъ существующимъ государственнымъ строемъ. Послѣдній представлялся произведеніемъ насилія и невѣжества; передъ свѣтомъ разума все существующее должно было исчезнуть и замѣниться совершенно инымъ порядкомъ. Отсюда борьба не на жизнь, а на смерть, между исключающими другъ друга началами, между защитниками историческаго строя и приверженцами новыхъ идей.

Однако, чисто теоретическія ученія сами по себѣ никогда не могутъ имѣть достаточно силы, чтобы произвести общественный переворотъ. Для того, чтобы дѣйствовать въ обществѣ, они должны найти въ немъ воспріимчивую почву, отвѣтить насущнымъ его потребностямъ, опираться на развивающіеся въ немъ элементы. Эту опору они нашли въ третьемъ сословіи, развитіе котораго составляетъ главное содержаніе всей общественной исторіи Франціи. Тогда какъ въ Англіи во главѣ политическаго движенія искони стояла аристократія, вступившая въ союзъ съ городами, во Франціи центромъ всего государствен-

наго развитія была королевская власть, опирающаяся на средніе классы, которые составляли главную силу третьяго сословія. Послѣдніе росли и умственно и матеріально, тогда какъ аристократія, утративъ свое политическое положеніе и отдѣлившись отъ народа, покоилась на своихъ привилегіяхъ и расточала свое состояніе. Въ теченіи вѣковъ реальное отношеніе общественныхъ силъ совершенно измѣнилось; высшія сословія, духовенство и дворянство, продолжали пользоваться привилегированнымъ положеніемъ, между тѣмъ какъ весь накопившійся вѣками матеріальный и умственный капиталъ находился въ рукахъ среднихъ классовъ. Не въ силу теоретическихъ воззрѣній, а во имя жизненныхъ требованій, Сіэсъ могъ поставить вопросъ: „что такое третье сословіе?“ и отвѣчать: „Ничего.—Чѣмъ оно должно быть? — Всѣмъ“. Измѣнившееся отношеніе общественныхъ силъ очевидно требовало глубокихъ преобразованій. Сословный порядокъ отжилъ свой вѣкъ; надо было перевести его въ порядокъ общегражданскій. Но для этого нужна была сильная рука преобразователя, а таковаго не представляла французская монархія. Создавши единство и силу государства, подчинивъ всѣ сословія абсолютной своей власти, она не поняла своего дальнѣйшаго призванія и успокоилась на пріобрѣтенныхъ результатахъ. За развратнымъ королемъ слѣдовалъ монархъ ограниченный и слабый. Исполненный наилучшихъ намѣреній, онъ въ началѣ своего правленія призвалъ министра-реформатора; но скоро послѣдній палъ передъ враждебнымъ настроеніемъ наполнявшихъ дворъ привилегированныхъ лицъ, которыя заботились лишь о томъ, чтобы сохранять свои преимущества. Самому Людовику XVI-му проекты Тюрго показались слишкомъ радикальными. Все опять вошло въ старую, покойную колею. Настоятельно требовавшіяся преобразованія были отложены; вмѣсто того произошла революція.

Она имѣла въ виду не утвержденіе исконныхъ народныхъ правъ, какъ въ Англіи, а созданіе новаго общественнаго строя, замѣну сословнаго порядка общегражданскимъ, для котораго ученія XVIII-го вѣка представляли теоретическую основу. Это была не борьба за политическое право, а борьба классовъ, глубоко захватившая всѣ общественныя отношенія; къ политическому вопросу присоединился соціальный. Въ этомъ состоитъ второе глубокое различіе между Французскою революціей и Англійскою. Тутъ приходилось разомъ измѣнять всѣ отношенія, и государственныя и общественныя. Чѣмъ болѣе задерживались преобразованія, тѣмъ болѣе самыя требованія получали теоретическій характеръ. Когда наконецъ наступилъ кризисъ, они прорвались съ неудержимою силой и ниспровергли все передъ собой. Результатомъ былъ такой общественный переворотъ, какого Англія не знала.

Ко всему этому присоединилось то, что эти новыя общественныя силы, появившіяся на политическомъ поприщѣ, были вовсе не организованы, а это вызвало вмѣшательство народной толпы. Въ этомъ заключается третье глубокое различіе между Французскою революціей и Англійскою. Правительство Людовика XVI-го, безсильное для реформъ, оказалось безсильнымъ и для веденія своихъ обычныхъ дѣлъ. Старая французская монархія отжила свой вѣкъ и потеряла всякую способность къ дальнѣйшему движенію. Министры сорили деньгами, старались удовлетворить всѣмъ прихотямъ двора и людей, имѣющихъ силу, а взять деньги было не откуда. Долги росли въ ужасающихъ размѣрахъ. Пришлось наконецъ прибѣгнуть къ давно забытому учрежденію Генеральныхъ Штатовъ, которые не собирались болѣе полутора вѣка. Созваны были представители всѣхъ сословій, чтобы рѣшить, что дѣлать съ одряхлѣвшимъ государствомъ, у котораго изсякли самыя средства существованія. А между тѣмъ, правительство, вызвавшее на сцену общественныя силы, не позаботилось ни объ ихъ организаціи, ни о программѣ дѣйствій; руководить ими оно было совершенно неспособно. Оно созвало ихъ просто вслѣдствіе своего безсилія. И эти внезапно призванные къ дѣйствію общественные элементы, въ свою очередь, не имѣли ни исторически выработанной организаціи, какъ англійскій парламентъ, ни сложившихся партій съ опредѣленною программой, ни практическаго опыта въ дѣлахъ. Третьему сословію дано было двойное представительство, и оно сразу, почувствовавъ свою силу, отвергло старыя сословныя дѣленія и потребовало, чтобы совѣщанія происходили въ его средѣ. Къ нему примкнула либеральная часть дворянства и все низшее духовенство. Составилось единое собраніе, представлявшее полное смѣшеніе языковъ, безъ всякой политической подготовки, но исполненное вѣры въ силу разума и въ свое собственное великое призваніе. Правительство, вызвавшее эти силы, само испугалось своего дѣла и пыталось распустить собраніе; но этимъ оно только окончательно обнаружило свое полное безсиліе. Сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ, для поддержанія котораго не было никакихъ средствъ. Собраніе объявило себя представителемъ воли народной и отказало правительству въ повиновеніи. Послѣднее принуждено было уступить. Этимъ самымъ верховная власть переходила отъ короля къ народному представительству; революція совершилась.

Но это былъ только первый шагъ. Собраніе, объявившее себя представителемъ народной воли, въ свою очередь лишено было всякихъ средствъ дѣйствія И войско и администрація находились въ рукахъ короля. На помощь собранію пришла народная масса. Париж-

ское населеніе возстало и взяло Бастилію. Затѣмъ толпа отправилась въ Версаль и привезла съ собой плѣннаго монарха. Король не имѣлъ духу ни поддержать свою власть, ни защищаться, ни даже удалиться въ безопасное мѣсто. Съ тѣхъ поръ онъ номинально считался правителемъ Франціи, но этотъ призракъ служилъ лишь къ тому, что всякая власть исчезла. Собраніе, раздираемое партіями, не въ состояніи было взять ее въ свои руки. Въ немъ были люди высокихъ дарованій, представлявшіе цвѣтъ французскаго общества; былъ и государственный человѣкъ и ораторъ первой величины, но окруженный всеобщимъ недовѣріемъ и лишенный всякой поддержки, онъ не въ силахъ былъ остановить неудержимый ходъ событій. Переписка Мирабо съ Ламаркомъ представляетъ одну изъ самыхъ поучительныхъ политическихъ книгъ, какія существуютъ въ литературѣ. Мирабо видѣлъ, что ничего нельзя сдѣлать безъ королевской власти, что она одна можетъ служить опорою прочнаго порядка; но всякое явное сближеніе съ представителями отжившаго строя возбуждало всеобщее недовѣріе. Тайныя же его внушенія, въ свою очередь, вызывали неисцѣлимое подозрѣніе въ правящихъ сферахъ, а рѣшимости все-таки дать не могли. Видя тупое сопротивленіе самымъ необходимымъ требованіямъ, онъ въ отчаяніи восклицалъ: „чернь изобьетъ ихъ трупы“. Такъ онъ и умеръ среди общаго хаоса, напрасно пытаясь укротить и направить возбужденныя страсти.

Самыя законодательныя работы собранія отзывались этимъ положеніемъ. Оно провозгласило начала свободы и равенства, какъ неотъемлемыя права человѣка, и приготовило драгоцѣнные матеріалы для утвержденія на этихъ основаніяхъ общегражданскаго строя; но въ государственной области всѣ его начинанія были направлены къ ослабленію власти, возбуждавшей общее недовѣріе. Въ выработанной имъ конституціи единое собраніе было противопоставлено совершенно безсильной монархіи, которой однако, въ силу начала раздѣленія властей, было предоставлено все исполненіе. Но средствъ для исполненія ей не было дано никакихъ: мѣстное управленіе, снизу до верху, было устроено на выборномъ началѣ; центральное управленіе было лишено всякихъ органовъ и орудій. Казалось, все было направлено къ тому, чтобъ уничтожить всякую власть, а между тѣмъ, для водворенія порядка среди всеобщаго хаоса, всего нужнѣе была сильная власть.

Она была необходима не только для поддержанія внутренняго порядка, но и для отпора внѣшнимъ врагамъ. Въ отличіе отъ Англійской революціи, которая ограничилась внутренними междоусобіями, Французская революція осложнилась внѣшними отношеніями. Первая

опора престола, дворянство, покинуло отечество и прибѣгло къ помощи иностранныхъ державъ. Туда же естественно обратились взоры плѣннаго монарха. Противъ Франціи составилась грозная коалиція; германскія войска двинулись для освобожденія короля и для возстановленія разрушеннаго порядка въ государствѣ. Но единственнымъ результатомъ этого похода былъ союзъ революціонныхъ силъ съ патріотическими стремленіями. Новымъ возстаніемъ народной массы монархія была низвергнута. Для обузданія внутреннихъ враговъ водворился кровавый терроръ. Король сложилъ голову на плахѣ, а иностранныя войска принуждены были отступить съ позоромъ.

Новѣйшіе историки Французской революціи стараются отдѣлить великіе ея результаты отъ тѣхъ средствъ, которыя были употреблены для ихъ утвержденія. Терроръ представляется уродливымъ извращеніемъ провозглашенныхъ Революціею началъ. Раздѣляютъ также то неудержимое патріотическое стремленіе, которое дало отпоръ внѣшнимъ врагамъ, и ту кровавую расправу, которая производилась съ врагами внутренними. Между тѣмъ, всѣ эти явленія тѣсно связаны между собой. Недостаточно провозгласить обшія начала; надобно привести ихъ въ исполненіе. Когда это дѣлается не постепеннымъ и закономѣрнымъ путемъ, дѣйствіемъ власти, стоящей незыблемо на своихъ основахъ, а внезапнымъ переворотомъ, разомъ измѣняющимъ всѣ отношенія, не оставляющимъ камня на камнѣ изъ стараго зданія, тогда неизбѣжна ожесточенная борьба и возбужденіе страстей, результатомъ которыхъ является неумолимая расправа съ побѣжденными Если же къ внутренней борьбѣ присоединяется внѣшняя, то рождается усиленная потребность подавить всякія внутреннія волненія, чтобы дать отпоръ внѣшнимъ врагамъ. Во Франціи, патріотическое чувство, особенно въ высшихъ классахъ, не было довольно сильно, чтобы всѣхъ соединить подъ знаменемъ отечества. Эмиграція сама просила помощи иностранныхъ державъ и шла вслѣдъ за ихъ войсками; тѣмъ опаснѣе были внутренніе ихъ сообщники. „Надобно застращать роялистовъ!“ воскликнулъ Дантонъ, когда иностранныя войска вступили на французскую почву и приходили извѣстія о взятіи крѣпостей. Рѣшиться на такое дѣло могли, конечно, только люди самыхъ крайнихъ мнѣній, которые не останавливались ни передъ чѣмъ; приходилось взывать къ самымъ непримиримымъ революціоннымъ страстямъ. Всякій человѣкъ, у котораго не изсякло нравственное чувство, не можетъ не возмущаться до глубины души передъ картиною тѣхъ ужасовъ, которые производили террористы. Но политикъ не можетъ на этомъ остановиться: онъ долженъ изслѣдовать причины этихъ явленій. Онѣ лежатъ главнымъ образомъ въ отсутствіи всякой организованной власти. Старая

монархія пала вслѣдствіе собственнаго безсилія, а новое зданіе еще не сложилось, и то, что было на-лице, держалось на весьма шаткихъ основаніяхъ. Правительство отсутствовало, а общество находилось въ состояніи хаотическаго броженія. При крушеніи всего, что составляетъ оплотъ общественнаго порядка, единственною наличною силой оставалась организованная демагогія въ видѣ развѣтвленнаго по всей Франціи союза Якобинцевъ. Они крѣпко держались другъ за друга и умѣли вести за собою народную толпу, возбуждая ея страсти и внушая къ себѣ неограниченное довѣріе. Во главѣ его стояли люди съ непреклонною волей, которые взяли въ руки валяющуюся въ грязи власть, раздавили внутреннихъ враговъ и дали отпоръ врагамъ внѣшнимъ. Этимъ они порѣшили дѣло Революціи, и въ этомъ заключается несомнѣнно важное ихъ историческое значеніе. Французы, которые съ безпримѣрнымъ одушевленіемъ становились въ ряды войска для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, безпрекословно подчинялись велѣніямъ террористовъ, потому что въ эту минуту они одни держали знамя отечества. Одна и таже несокрушимая сила подавляла внутреннихъ враговъ и давала отпоръ внѣшнимъ. Раздѣлить эти два дѣйствія нѣтъ возможности.

Но какъ скоро опасность миновала, терроръ самъ собою палъ подъ вліяніемъ возбужденнаго имъ ужаса и негодованія. Террористы, казнившіе всѣхъ своихъ противниковъ, въ свою очередь сложили головы на плаху. За чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ послѣдовало внутреннее разслабленіе. Непобѣдимымъ оставалось войско, которое, повинуясь данному толчку, неудержимымъ потокомъ разливалось по Европѣ, всюду провозглашая новыя начала. Вслѣдствіе этого, оно естественно стало во главѣ революціоннаго движенія. Самый выдающійся его предводитель, побѣдивъ внѣшнихъ враговъ, положилъ конецъ и внутреннимъ смутамъ. Онъ возстановилъ упавшую власть, водворилъ порядокъ и возложилъ на себя императорскій вѣнецъ. И тутъ революція привела къ военной диктатурѣ.

Результаты переворота были громадны. Старый сословный строй былъ переведенъ въ общегражданскій, основанный на свободѣ и равенствѣ. Но для того, чтобъ утвердить послѣдній на прочныхъ основаніяхъ, нужна была рука геніальнаго законодателя. Революція дала только матеріалы, изъ которыхъ надобно было воздвигнуть новое зданіе. Наполеону Франція обязана своими кодексами, представляющими образецъ раціональнаго законодательства, основаннаго на зрѣлой теоріи и вполнѣ примѣнимаго къ практикѣ. Почва для него была расчищена предшествующимъ переворотомъ; законодателю не приходилось наталкиваться на окрѣпшія формы, щадить вѣками сложившіеся интересы: онъ могъ послѣдовательно проводить раціональныя

начала, соотвѣтствующія новымъ потребностямъ. Наполеонъ создалъ и новую администрацію, основанную на сосредоточеніи власти, но способную воспринять въ себя и начала свободы. Она сохранилась непоколебимо среди всѣхъ дальнѣйшихъ переворотовъ; ей Франція обязана тѣмъ, что постигавшія ее политическія бури не расшатывали общественнаго зданія. При всемъ томъ, военная диктатура не могла быть долговѣчна. Съ водвореніемъ общегражданскаго порядка связана была и потребность свободы политической, которая, рано или поздно, должна была проявиться. Диктатура Наполеона тѣмъ менѣе могла держаться, что она вызвала противъ себя общую европейскую коалицію. Французская революція не ограничивалась, какъ англійская, чисто мѣстными интересами; она провозгласила начала, которыя должны были водворить новый порядокъ во всемъ европейскомъ мірѣ. Вторженіе во Францію иностранныхъ войскъ имѣло послѣдствіемъ обратное вторженіе французскихъ войскъ въ Германію и Италію. Наполеонъ явился представителемъ революціонныхъ силъ въ борьбѣ ихъ съ старою Европой. Рядомъ блистательныхъ побѣдъ онъ возвелъ Францію на неслыханную степень могущества. Всѣ примыкающія къ ней государства европейскаго материка должны были подчиниться ея вліянію. Но съ этимъ связано было подавленіе самостоятельности народовъ, а это не могло не вызвать реакціи. Самый сильный отпоръ Наполеонъ встрѣтилъ именно тамъ, гдѣ старый порядокъ сохранилъ наиболѣе глубокіе корни, въ Испаніи и Россіи. Другія государства, какъ Пруссія, обновились подъ его гнетомъ. Противъ него составилось общее ополченіе, которое наконецъ его низвергло.

Диктатура смѣнилась Реставраціей; но это не было простое возстановленіе стараго порядка. Въ новомъ общественномъ строѣ требовалась политическая свобода, и Бурбоны первые дали ее Франціи. Къ участію въ правленіи призваны были, какъ старая французская аристократія, такъ и высшіе представители третьяго сословія, подъ одинакимъ условіемъ высокаго ценза. Но эти два элемента, юридически уравновѣшенные, фактически продолжали вести между собой непримиримую борьбу. Эмигранты возвратились во Францію, ничего не забывши и ничему не научившись. Людовикъ XVIII старался умѣрить ихъ притязанія и держать вѣсы между обѣими сторонами; Карлъ X, напротивъ, явился главою реакціи. Встрѣчая отпоръ, онъ, также какъ Яковъ II, думалъ рѣшить вопросъ дѣйствіемъ королевской прерогативы, которую онъ ставилъ выше закона. Но и тутъ оказалось, что притязанія королевской власти лишены были всякой фактической опоры. Карлъ X палъ передъ народнымъ возстаніемъ, которому онъ не пытался даже противопоставить серіозный отпоръ. Новая династія призвана была

утвердить законный порядокъ, сочетающій монархическую власть съ требованіями политической свободы.

Во Франціи, однако, и этотъ новый порядокъ, представлявшій результатъ всего предшествующаго движенія, не могъ удержаться. Причины заключались въ самомъ свойствѣ тѣхъ силъ, изъ которыхъ онъ вышелъ, и того положенія, которое правительство, стоявшее въ его главѣ, заняло въ новомъ государственномъ строѣ. Въ Англіи, какъ мы видѣли, революція была ведена союзомъ аристократіи и городовъ; это были тѣ историческія силы, которыя издавна соединились противъ королевской власти и, послѣ временнаго затмѣнія, снова выступили на историческое поприще. Съ ними соединилась и національная церковь Послѣ побѣды онѣ естественно заняли первенствующее мѣсто въ государствѣ, что и послужило къ утвержденію новаго порядка. Во Франціи, напротивъ, возрастающею историческою силой было третье сословіе, во главѣ котораго стояли городскіе классы, но которое заключало въ себѣ и все низшее населеніе. Эти два элемента исторически не отдѣлялись другъ отъ друга; начала, провозглашенныя Революціей, были общи тѣмъ и другимъ; самый переворотъ совершился съ помощью возстанія народной массы, и это повторилось въ Іюльскіе дни. Между тѣмъ, въ новомъ порядкѣ политическимъ правомъ были облечены только верхніе слои. Партія, ставшая во главѣ новаго правленія, произвела самое ничтожное расширеніе избирательнаго права. На Іюльскую революцію она смотрѣла, какъ на простое возстановленіе нарушеннаго королемъ права, забывъ, что это возстановленіе было произведено не дѣйствіемъ палаты, а возстаніемъ народной массы, которой отказывали во всякомъ удовлетвореніи. Такимъ образомъ, союзъ историческихъ силъ былъ порванъ. Побѣдивъ старую аристократію, которая оставалась ему упорно враждебною, высшее мѣщанство оттолкнуло отъ себя и народныя массы, которыя доселѣ шли съ нимъ рука объ руку и составляли главную его опору. Это не могло не произвести глубокаго неудовольствія, которое проявлялось въ постоянно возобновлявшихся революціонныхъ движеніяхъ. Правительству, возникшему изъ революціи, пришлось ихъ подавлять. Но здравая политика требовала болѣе широкаго пониманія общественныхъ задачъ, а это именно въ немъ отсутствовало. И тутъ, своевременно произведенная избирательная реформа могла предупредить революцію. Но король пугался всякаго шага впередъ и упорно держался той тѣсной среды, въ которой онъ утвердилъ свой престолъ. Къ голосу общественнаго мнѣнія онъ былъ совершенно глухъ; все свое вниманіе онъ устремлялъ исключительно на полученіе большинства въ палатахъ, не заботясь о томъ, представляетъ ли это большинство истинныя стремленія народа. Ре-

зультатомъ этой политики было то, что новое народное возстаніе унесло не только мѣщанское правительство, но и самый престолъ.

На сцену снова явилась демократія, облеченная верховнымъ правомъ, опять въ силу внезапнаго переворота и опять совершенно не приготовленная къ политическому дѣйствію. Вмѣстѣ съ нею выступила съ своими притязаніями соціалистическая партія, грозившая разрушеніемъ уже не политическому порядку, а всему общественному строю. Реакція и тутъ была неминуема. За революціей опять послѣдовала диктатура, опирающаяся на преданія Наполеоновскаго владычества. Но на этотъ разъ она еще менѣе могла расчитывать на прочное существованіе. Удовлетворяя минутной потребности порядка, она не имѣла за себя ни великихъ внутреннихъ преобразованій, ни блистательныхъ внѣшнихъ побѣдъ. Внутренняя политика, устремленная на обезпеченіе матеріальныхъ интересовъ, была направлена противъ самыхъ благородныхъ стремленій французскаго общества. Она держалась уловками весьма низменнаго свойства. Внѣшняя же политика представляла смѣсь мечтательности и безсилія. Людовикъ-Наполеонъ хотѣлъ пересоздать всю Европу, не соображая ни цѣли, ни средствъ. Итальянская его политика была рядомъ дерганій, которыя возстановили противъ Франціи освобожденный ею народъ. Въ Германіи вызваны были національныя силы, которыя обратились противъ самого императора Французовъ и окончательно его низвергли. Имперія пала вслѣдствіе неслыханнаго и позорнаго пораженія. Республика водворилась не столько вслѣдствіе революціоннаго движенія, сколько потому, что власть перестала существовать. Ее подняли вожди демократіи. Это былъ послѣдній и окончательный результатъ Французской революціи. Мѣщанская республика представляетъ торжество третьяго сословія, составлявшаго главную движущую силу всей французской исторіи. Это—союзъ народныхъ массъ съ средними классами, подъ естественнымъ главенствомъ той части общества, которая имѣетъ въ своихъ рукахъ накопленный вѣками матеріальный и умственный капиталъ.

Дальше этого въ развитіи народнаго права некуда идти, ибо начала свободы и равенства достигаютъ здѣсь своего крайняго предѣла. Демократія можетъ заключать въ себѣ болѣе или менѣе условій прочнаго существованія; во всякомъ случаѣ, всякій новый шагъ можетъ быть только реакціей противъ односторонняго направленія, а никакъ не дальнѣйшимъ шествіемъ по тому же пути. Соціалистическіе писатели, какъ Луи Бланъ и Лассаль, представляютъ все историческое развитіе государственной жизни въ видѣ перехода верховной власти отъ одного класса къ другому: сперва господствуетъ аристократія, затѣмъ на ея мѣсто становится мѣщанство, обладающее капиталомъ; наконецъ, съ

расширеніемъ выборнаго права, власть переходитъ въ руки пролетаріевъ, составляющихъ народную массу и призванныхъ осуществить соціалистическій идеалъ. Съ этой точки зрѣнія, мѣщанская республика является лишь переходомъ къ владычеству пролетаріата. Такое представленіе есть не болѣе какъ фантастическое искаженіе исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что расширеніе выборнаго права является плодомъ всего историческаго развитія новаго времени. Оно составляетъ естественный результатъ развитія человѣчества, распространенія въ немъ достатка и образованія, постепенно доходящихъ до самыхъ низшихъ слоевъ. Но этотъ процессъ представляетъ большее и большее обобщеніе права, а никакъ не смѣну одного класса другимъ. Исторія показываетъ, что только союзомъ общественныхъ классовъ достигаются прочные результаты; всякій же разъ, какъ одинъ классъ отдѣлялъ свои интересы отъ интересовъ другихъ и хотѣлъ пользоваться государственною властью для своихъ частныхъ цѣлей, онъ тѣмъ самымъ подрывалъ основанія своего владычества и падалъ жертвою своихъ корыстныхъ стремленій. Всего менѣе допустимо владычество пролетаріата. Поставить нищихъ во главѣ государства есть такое чудовищное представленіе, которое можетъ родиться только въ головѣ или полныхъ невѣждъ, не имѣющихъ понятія ни объ исторіи, ни о государствѣ, или же шарлатановъ, стремящихся разжигать народныя страсти. Существованіе демократіи основано единственно на господствѣ общаго права, а никакъ не на владычествѣ низшихъ классовъ надъ высшими. Какъ скоро пролетаріатъ захочетъ воспользоваться своею численностью, чтобъ обратить государственную власть въ свою пользу, такъ реакція неизбѣжна. Именно невозможность водворить соціалистическій порядокъ законнымъ путемъ ведетъ къ тому, что соціалистическая партія, пользуясь политическимъ правомъ въ видахъ пропаганды и организаціи, въ сущности не питаетъ къ нему никакого довѣрія. Ея тайная или явная цѣль есть революція. Но такой переворотъ, ниспровергающій весь гражданскій порядокъ, на которомъ держатся человѣческія общества, нарушающій всѣ существующія отношенія, можетъ произвести лишь общій хаосъ. Въ результатѣ можетъ получиться только диктатура, а затѣмъ возстановленіе стараго порядка, при значительномъ ограниченіи демократическихъ началъ. При нынѣшнемъ развитіи соціалистическихъ стремленій, при томъ хаосѣ понятій, который господствуетъ въ современныхъ европейскихъ обществахъ, нѣтъ сомнѣнія, что попытки подобнаго рода могутъ возникнуть въ той или другой европейской странѣ; но исходъ ихъ можетъ быть только одинъ: соціальная революція есть начало паденія демократіи.

Изучая исторію революціонныхъ движеній новаго времени, мы видимъ, что они вызывались напоромъ историческихъ силъ, сдавленныхъ въ своемъ движеніи и стремящихся на просторъ; успѣхъ же зависѣлъ отъ союза этихъ силъ между собою. Соединеніе аристократіи съ городами утвердило въ Англіи владычество парламента, изъ-за котораго происходила борьба; соединеніе средняго сословія съ низшими классами разрушило во Франціи старый порядокъ и повело къ основанію новаго. Послѣднее въ особенности заслуживаетъ вниманія историка и политика, ибо оно раскрываетъ отношеніе преобразованій къ революціямъ. Историческій ростъ третьяго сословія, накопленіе въ немъ богатства и образованія, неудержимо вели къ разрушенію старыхъ сословныхъ преградъ. Силою историческаго процесса сословный строй неминуемо долженъ былъ перейти въ общегражданскій. Совершеніе этого дѣла было главною задачей, которая предстояла французской монархіи въ послѣдній вѣкъ ея существованія. Но именно этой задачи она не исполнила, а напротивъ, связала свою судьбу съ существованіемъ отжившаго свой вѣкъ сословнаго порядка. Своевременно произведенныя реформы могли предупредить переворотъ; переходъ одного порядка въ другой совершился бы мирно и правильно, съ сохраненіемъ историческихъ началъ и съ соблюденіемъ всѣхъ интересовъ. Вмѣсто того, потерявшій свое значеніе историческій строй продолжалъ давить всею своею тяжестью на новыя силы, которыя наконецъ прорвались наружу неудержимымъ потокомъ, все унесшимъ передъ собой. Безсильное правительство само вызвало ихъ на поприще дѣйствія. Вмѣсто реформъ, перемѣна совершилась кровавою революціей. Это имѣло для Франціи весьма печальныя послѣдствія. Не только на первыхъ порахъ это произвело общій хаосъ, въ которомъ погибли тысячи людей, но это отозвалось и на на всемъ послѣдующемъ ходѣ событій. Отсюда продолжающаяся донынѣ шаткость всѣхъ государственныхъ отношеній, повторяющіеся скачки отъ одной формы къ другой. Отсюда презрѣніе къ историческимъ началамъ, составляющимъ самый крѣпкій оплотъ законнаго порядка и условіе правильнаго развитія Отсюда, наконецъ, широкое распространеніе революціонныхъ идей. Тѣ великія и благотворныя перемѣны, которыя были произведены Революціей, нерѣдко смѣшиваютъ съ тою формой, въ которой это было произведено. Забываютъ тѣ историческія основы, изъ которыхъ вытекла Революція и которыя обезпечили ея успѣхъ, и придаютъ преувеличенное значеніе внѣшней борьбѣ притязаній и страстей. Борьба была неизбѣжна, единственно потому, что исторически возросшимъ общественнымъ силамъ не было дано правильнаго исхода. Вина въ этомъ лежитъ не на революціонныхъ дѣятеляхъ, а на правительствѣ, забыв-

шемъ свое призваніе. Съ исторической точки зрѣнія оно заслужило свою гибель. Правительство, чуткое къ движеніямъ общественной жизни, своевременно совершающее нужныя реформы, не можетъ опасаться подобнаго исхода.

ГЛАВА III.

Общее законодательство и мѣстное.

Въ числѣ преобразованій, имѣющихъ въ виду устроеніе государства, видное мѣсто занимаетъ объединеніе всѣхъ его частей подведеніемъ ихъ подъ общее законодательство. Средневѣковой порядокъ, основанный на частномъ правѣ, велъ къ дробленію силъ и къ самостоятельному развитію каждой мѣстной группы, сообразно съ ея условіями и особенностями. Новое государство, наоборотъ, соединяя раздробленное, создаетъ общій организмъ, который всѣ частныя силы подчиняетъ себѣ, какъ высшему цѣлому, имѣющему въ виду совокупныя цѣли, и установляетъ для нихъ общіе законы и управленіе.

Особенное значеніе получаетъ этотъ процессъ, когда государство создается изъ разныхъ народностей. Тутъ возникаетъ вопросъ объ отношеніи владычествующей народности къ подчиненнымъ, о возможности ихъ сліянія и о средствахъ для достиженія этой цѣли.

Объединеніе государства путемъ общаго законодательства имѣетъ, безспорно, громадныя выгоды. Этимъ, во-первыхъ, значительно облегчается управленіе. Знаніе законовъ не осложняется изученіемъ мѣстныхъ особенностей, иногда чрезвычайно запутанныхъ. Одни и тѣже люди, привыкшіе къ общему порядку, могутъ дѣйствовать всюду, безъ спеціальной подготовки. Устраняются и столкновенія общихъ законовъ и мѣстныхъ. Одни и тѣже суды, на одинакихъ основаніяхъ, рѣшаютъ дѣла, возникающія въ различныхъ частяхъ государства; одни начала правосудія установляются для всѣхъ, чѣмъ самымъ утверждается общее уваженіе къ властвующему надъ всѣми закону. Во-вторыхъ, что̀ еще важнѣе, этимъ самымъ объединяются нравы и понятія. Подчиняясь общему закону и общему управленію, люди привыкаютъ смотрѣть на себя, какъ на членовъ единаго цѣлаго. Они перестаютъ видѣть въ своей маленькой сферѣ нѣчто отдѣльное, самобытное, только внѣшнимъ образомъ подчиняющееся общему строю, можетъ-быть даже враждебно относящееся къ владычествующему элементу. Они связываются съ другими частями не однимъ только общимъ правительствомъ, но всѣмъ строемъ жизни. Общія учрежденія ведутъ къ развитію общаго духа, составляющаго главную нравственную опору государства. Только этимъ путемъ возможно сліяніе различныхъ племенныхъ особенностей

въ одно живое цѣлое, созданіе единой народности, находящей въ государствѣ высшее свое выраженіе.

Но если объединяющая дѣятельность государства имѣетъ неоспоримыя выгоды, то, съ другой стороны, нѣтъ болѣе опаснаго заблужденія, какъ воображать, что можно произвести объединеніе насильственнымъ или искусственнымъ путемъ. Если мы должны видѣть въ государствѣ не мертвую машину, устрояемую по волѣ законодателя и повинующуюся внѣшнему руководству, а живой организмъ, образующійся медленнымъ историческимъ путемъ изъ разнородныхъ, нерѣдко даже враждебныхъ другъ другу элементовъ, которые не исчезаютъ въ общемъ строѣ, а тѣмъ болѣе стремятся къ сохраненію своихъ особенностей, чѣмъ болѣе они имѣютъ въ себѣ внутренней силы и крѣпости, то мы должны признать вниманіе къ мѣстнымъ особенностямъ одною изъ существенныхъ задачъ государственной политики. Государство не есть созданіе отвлеченной теоріи, а продуктъ реальныхъ силъ, и, какъ таковой, должно считаться съ тѣми условіями, въ которыя поставила его исторія. Какъ живое тѣло, оно представляетъ согласіе въ разнообразіи; а каково это разнообразіе, это зависитъ отъ свойства входящихъ въ составъ его элементовъ. Самая задача государства, та цѣль, во имя которой оно существуетъ, состоитъ не въ подчиненіи всѣхъ гражданъ внѣшней для нихъ власти, а въ созданіи общихъ условій, въ которыхъ люди могутъ развиваться разумно и свободно; послѣднее же предполагаетъ уваженіе къ праву и вниманіе къ потребностямъ общества. Власть устанавливается для блага подданныхъ, а въ числѣ этихъ благъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ привязанность ко всему родному. Она составляетъ одно изъ благороднѣйшихъ свойствъ человѣческой души, самую завѣтную ея святыню. Она выводитъ человѣка изъ погруженія въ матеріальные интересы и воспитываетъ въ немъ высшія нравственныя начала. На ней зиждется любовь къ отечеству, составляющая самую надежную опору государственнаго порядка. Поэтому, посягательство на родное со стороны государства всегда чувствуется, какъ оскорбленіе святыни. Правительство, которое мечтаетъ насиліемъ привязать людей къ государству, не только поступаетъ наперекоръ истинному своему призванію, но само подрываетъ свое дѣйствіе. Вмѣсто привязанности, оно возбуждаетъ только злобу и ненависть и тѣмъ самымъ готовитъ себѣ безчисленныя затрудненія. При внѣшнемъ подчиненіи остается неисцѣлимая внутренняя рознь.

Еще хуже, когда сама владычествующая народность, въ непомѣрномъ самопревознесеніи, хочетъ раздавить и уничтожить народности ей подвластныя. Именно то, что составляетъ ея гордость, она преслѣдуетъ въ другихъ, подобно тому какъ католики требуютъ свободы

для себя и отказываютъ въ ней противникамъ. Таковъ именно былъ характеръ того ложнаго патріотизма, который недавно еще былъ господствующимъ явленіемъ въ русской печати, и который, къ сожалѣнію, понынѣ значительно распространенъ въ русскомъ обществѣ. Всякое желаніе сохранить свои родныя особенности считалось государственнымъ преступленіемъ. Интересъ русской народности, понятый въ самомъ исключительномъ и эгоистическомъ смыслѣ, долженъ былъ поглощать въ себѣ все. Забывали, что интересы притѣснителей не имѣютъ ни малѣйшаго нравственнаго права на существованіе. Когда же съ притѣсненіемъ другихъ сочетается непомѣрное самохвальство, когда, въ добавокъ, высшею добродѣтелью у нетающей народности выставляется христіанское смиреніе, то подобный патріотизмъ составляетъ одно изъ самыхъ противныхъ и уродливыхъ явленій, какія можно встрѣтить въ общественной жизни. Русское общество нельзя отъ этого достаточно предостерегать.

Владычество надъ чужими народами есть не только право, но и высокая нравственная обязанность. Кто вѣритъ въ Провидѣніе, тотъ долженъ думать, что не за тѣмъ одно племя отдано подъ руку другаго, чтобы его угнетали и притѣсняли, а за тѣмъ, чтобы ему дали защиту и удовлетвореніе человѣческихъ его потребностей. Если политика не есть только выраженіе голаго права силы, если государство, по выраженію Бл. Августина, не есть только великій разбой, то оно не можетъ отказаться отъ этой высокой обязанности. Привязывать къ себѣ покоренный народъ можно не оскорбленіемъ самыхъ святыхъ его чувствъ, а призваніемъ его къ осуществленію высшихъ началъ правды и добра. Народности сливаются совокупнымъ возведеніемъ ихъ на высшую ступень человѣческаго развитія.

Всего легче это совершается, когда владычествующая народность стоитъ выше подчиненной, и по образованію, и по нравственнымъ свойствамъ. Племена, находящіяся въ болѣе или менѣе первобытномъ состояніи, еще не окрѣпшія въ извѣстныхъ жизненныхъ формахъ, обыкновенно легко ассимилируются народами, стоящими на высшей ступени развитія, особенно если разстояніе между ними не слишкомъ велико, и послѣдніе обладаютъ достаточною гибкостью для взаимнаго сопроникновенія. Такъ совершилось обрусѣніе многихъ финскихъ и татарскихъ племенъ. Гдѣ этихъ условій нѣтъ, особенно тамъ, гдѣ покоренное племя, по своему образованію, стоитъ выше владычествующаго, тамъ внутренняя связь можетъ установиться только при сохраненіи должнаго уваженія къ окрѣпшимъ формамъ жизни и къ народнымъ особенностямъ. Оно составляетъ непремѣнное требованіе здравой политики.

Есть главнымъ образомъ двѣ вещи, которыхъ слѣдуетъ касаться съ величайшею осторожностью: религія и языкъ. Нѣтъ ничего, что бы до такой степени возмущало душу и оскорбляло самыя святыя человѣческія чувства, какъ религіозное притѣсненіе. Низкія души могутъ оставаться къ этому равнодушны; но именно тѣ, которые твердо убѣждены, что Богу надобно повиноваться болѣе, нежели человѣку, и которые готовы пожертвовать всѣмъ для того, что̀ они считаютъ верховною истиной, оказываютъ сильнѣйшее сопротивленіе: ихъ не могутъ поколебать ни угрозы, ни наказанія. И они-то всего сильнѣе дѣйствуютъ на народную массу, для которой религія составляетъ главную духовную пищу. Въ этихъ людяхъ она видитъ мучениковъ за свою вѣру; всякое слово ихъ слушается съ благоговѣніемъ, и ненависть къ притѣснителямъ ростетъ съ каждымъ новымъ явленіемъ нетерпимости. Черезъ это религія связывается съ народностью, которой она даетъ новую крѣпость. И, что всего хуже для властвующаго государства, эта связь сохраняется даже когда притѣсненія прекратились: скрѣпленная совокупнымъ притѣсненіемъ, она становится неотъемленымъ достояніемъ народной души. Разительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Ирландія. Англія, вообще, въ покоренныхъ странахъ не отличалась нетерпимостью. Владычество ея въ Индіи представляетъ замѣчательный примѣръ уваженія къ народной религіи. Самые безчеловѣчные обряды, какъ сожженіе вдовъ, отмѣнялись съ величайшею осторожностью. Но у себя дома долгая борьба съ католицизмомъ повела къ ряду самыхъ притѣснительныхъ мѣръ. Религіи близкія всегда представляются гораздо болѣе опасными, нежели отдаленныя. Ирландскіе католики, составлявшіе массу населенія, лишены были не только политическихъ, но и гражданскихъ правъ. Преподаваніе было имъ воспрещено; нищета и невѣжество, при отсутствіи всякихъ гарантій противъ произвола, сдѣлались удѣломъ Ирландскаго народа. Результатъ былъ тотъ, что масса фанатически привязалась къ религіи, которая составляла единственное ея духовное достояніе, а духовенство стало во главѣ національнаго движенія, потворствуя революціонной агитаціи, даже въ самыхъ крайнихъ ея проявленіяхъ, для достиженія своихъ цѣлей. И эта связь сохранилась доселѣ, хотя всѣ притѣснительныя мѣры относительно католиковъ давно отмѣнены; она составляетъ самую опасную сторону ирландскаго движенія. Такая же связь установилась у насъ между католицизмомъ и польскою народностью. И тутъ всякія мѣры, направленныя противъ католицизма, могутъ только усилить зло, возбуждая негодованіе и ненависть къ притѣснителямъ. Когда уніатамъ, волею и неволею обращеннымъ въ православіе, воспрещается, равно какъ ихъ дѣтямъ, прибѣгать для совершенія таинствъ къ католическимъ священ-

никамъ, когда они за это по цѣлымъ годамъ томятся въ темницахъ, а ксендзы, совершившіе требы согласно съ прямою своею христіанскою обязанностью, подвергаются наказаніямъ и удаленію; когда закрываются церкви, въ которыя стекается народъ для поклоненія святынѣ; когда католики стѣсняются въ пріобрѣтеніи земель и даже въ поступленіи въ учебныя заведенія; когда, въ добавокъ, суровыя мѣры закона еще усиливаются и распространяются администраціею, поставившею себѣ цѣлью притѣсненіе значительной части населенія, то на подобную политику нельзя смотрѣть иначе, какъ съ крайнимъ опасеніемъ. Успѣху русскаго дѣла она не можетъ содѣйствовать. Такая же система религіознаго притѣсненія водворилась и въ Остзейскихъ губерніяхъ. И тамъ возвращеніе новообращенныхъ Латышей въ лютеранство, совершеніе пасторами требъ, крещеніе дѣтей по протестантскому обряду при бракахъ съ православными, преслѣдуются и караются закономъ. Православная церковь считается господствующею въ краѣ, гдѣ почти все населеніе протестантское, и ея привилегіи, стѣснительныя для другихъ исповѣданій, проводятся съ неумолимою строгостью. Всѣ эти проявленія религіозной нетерпимости, послѣ великихъ либеральныхъ преобразованій, совершенныхъ Александромъ Вторымъ, составляютъ одинъ изъ печальныхъ признаковъ нашего времени. Требованіями здравой политики ихъ во всякомъ случаѣ нельзя признать. Вмѣсто скрѣпленія связи, этимъ посѣваются сѣмена глубокаго неудовольствія; въ подвластномъ населеніи возбуждаются злоба и вражда, которыя тѣмъ крѣпче вкореняются въ сердца, чѣмъ возвышеннѣе и благороднѣе оскорбляемыя чувства.

Послѣ вѣры самое дорогое для человѣка—родной языкъ. Въ немъ выражается самая душа народа; имъ опредѣляются весь складъ его ума, всѣ оттѣнки его понятій. Съ нимъ связаны лучшія семейныя чувства, впечатлѣнія роднаго края; на немъ выливается пѣснь, увлекающая молодость и услаждающая старость; имъ говоритъ литература, возвышающая умъ и сердце, воспитывающая молодое поколѣніе. Для массы народа въ особенности родной языкъ есть духовное достояніе, охватывающее все существо человѣка; инаго способа выраженія своихъ понятій, чувствъ и желаній оно не имѣетъ. Высшіе слои, знакомые съ иностранными языками, менѣе связаны родною рѣчью. Иногда послѣдняя даже отходитъ на задній планъ; но это всегда мимолетное явленіе, которое имѣетъ свои историческія причины и частью свою хорошую сторону. Когда собственное нарѣчіе еще мало выработано, пристрастіе къ чужому расширяетъ понятія, научаетъ изяществу формъ и окончательно способствуетъ высшему развитію своего языка. Въ XVI вѣкѣ итальянскій языкъ былъ господствующимъ

въ аристократическихъ слояхъ даже англійскаго общества, столь ревниво оберегающаго свои національныя особенности. Въ XVIII вѣкѣ громадное вліяніе французской литературы ввело французскій языкъ въ общее употребленіе не только въ Россіи, но и въ Германіи. У насъ усвоеніе европейскаго образованія естественно повлекло за собою и усвоеніе чужихъ языковъ; но именно подъ этимъ вліяніемъ выработался разговорный и литературный русскій языкъ, который достигъ высшаго своего развитія въ Пушкинѣ, въ ту самую пору, когда иностранное вліяніе было наиболѣе преобладающимъ. Во всякомъ случаѣ, какъ увлеченіе иностранною рѣчью, такъ и необходимо наступающая реакція противъ этого увлеченія, есть дѣло нравовъ, а не правительственныхъ распоряженій. Какъ же скоро насильственно навязывается чужой языкъ, такъ неизбѣжно происходитъ реакція въ пользу своего.

Для государства употребленіе народнаго языка въ оффиціальныхъ актахъ имѣетъ значеніе чисто формальное. Оно установляетъ извѣстное однообразіе, облегчаетъ сношенія и дѣлаетъ правительственныя распоряженія и судебныя дѣйствія понятными массѣ населенія, говорящей на этомъ языкѣ. Но именно послѣднее удобство исчезаетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе говоритъ инымъ языкомъ. Тутъ для массы оффиціальный языкъ является китайскою грамотой, и вмѣсто облегченія въ управленіи, на каждомъ шагу оказываются затрудненія. Еще хуже, когда владычествующая народность навязываетъ свой языкъ, какъ знакъ своего преобладанія. Нѣтъ ничего, что бы такъ безполезно оскорбляло побѣжденныхъ, какъ выставленіе на показъ своего превосходства, особенно если оно сопровождается стѣсненіемъ свободы и униженіемъ того, что дорого человѣку. Стремленіе непремѣнно всюду ввести употребленіе оффиціальнаго языка есть чистый плодъ бюрократическаго формализма, который все подводитъ къ однообразному уровню, безъ всякаго вниманія къ мѣстнымъ особенностямъ и съ полнымъ презрѣніемъ къ потребностямъ жизни. Благоразумныя правительства тщательно этого остерегаются. У насъ, даже суровое правленіе Императора Николая I-го не рѣшалось проводить употребленіе русскаго языка въ Остзейскомъ краѣ. Оно видѣло, что неудовольствіе возбудится большое, а пользы отъ этого не будетъ никакой. За это его осуждали ярые защитники народности. Для нихъ показать Нѣмцамъ, что мы хозяева въ завоеванномъ краѣ, составляло услажденіе самолюбія, которому они готовы были жертвовать истинными интересами отечества. Между тѣмъ, исторія показываетъ, какъ опасны бываютъ подобныя предпріятія. Изъ реформъ Іосифа II-го не было ни одной, которая возбудила бы такое неудовольствіе и такое противодѣйствіе, какъ стремленіе ввести всюду употребленіе оффиціальнаго нѣмецкаго

языка. Всѣ подчиненныя Австріи народности тѣмъ съ большею любовью ухватились за свои природные языки и стали разрабатывать ихъ сокровища; отсюда произошло начало новаго литературнаго развитія. Пробужденіе народнаго духа было плодомъ стремленія къ насильственному его подавленію.

Еще глубже захватываетъ народную жизнь стремленіе сдѣлать оффиціальный языкъ языкомъ преподаванія. Истинное, серіозное, плодотворное преподаваніе можетъ совершаться только на родномъ языкѣ. Это понимаютъ всѣ правительства, которыя видятъ въ образованіи жизненное дѣло, а не оффиціальную только программу. Прусское правительство, которое къ онѣмеченію Познанской провинціи прилагало всевозможныя старанія и дѣйствовало не безъ значительнаго успѣха, не рѣшалось однако насиловать въ этомъ отношеніи преподаваніе. Оно искони признавало, что „въ школахъ, посѣщаемыхъ преимущественно польскими дѣтьми, главнымъ языкомъ преподаванія долженъ быть польскій“, а въ школахъ смѣшанныхъ преподаваніе должно быть устроено такъ „чтобы каждый ребенокъ получалъ преподаваніе на своемъ родномъ языкѣ“ [1]). Оффиціальный языкъ можетъ быть лишь отдѣльнымъ предметомъ преподаванія тамъ, гдѣ это нужно для мѣстнаго населенія. Такое внимательное отношеніе къ потребностямъ подвластныхъ народностей заслуживаетъ полнаго уваженія. Тѣ, которые дѣйствуютъ въ иномъ направленіи, могутъ весьма ошибиться въ своихъ расчетахъ. Требовать, чтобы преподаваніе на всѣхъ ступеняхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, совершалось на оффиціальномъ языкѣ, значитъ нанести тяжелый ударъ всему просвѣщенію края и вмѣстѣ оскорбить подвластную народность въ самыхъ законныхъ ея стремленіяхъ, въ самыхъ завѣтныхъ ея привязанностяхъ. А между тѣмъ, цѣль этимъ вовсе не достигается. Еслибы даже удалось совершенно вытѣснить туземный языкъ и замѣнить его оффиціальнымъ, то отъ этого сѣмена вражды нисколько бы не уменьшились. Ирландское населеніе восприняло языкъ Англіи, и тѣмъ не менѣе, ненависть его къ Англичанамъ пылаетъ съ прежнею силой, причиняя владычествующей народности неисчислимыя затрудненія. Если же племя уже достигло извѣстной степени просвѣщенія и имѣетъ свою болѣе или менѣе богатую литературу, то оно никогда не откажется отъ роднаго языка. Преподаваніе на языкѣ иноземномъ будетъ только ежечасно и на каждомъ шагу напоминать ему его униженіе. Неизсякаемая злоба будетъ наполнять сердца подвластныхъ, а владычествующее государство, вмѣсто того чтобы исполнить свое высокое призваніе—удовлетворять чело-

1) Rönne: das Unterrichtswesen des preussischen Staats, стр. 117, 118. 1854 г.

вѣческимъ потребностямъ, будетъ представлять собою одно голое право силы, попирающее всѣ истинно человѣческія чувства. Такое положеніе не только не въ состояніи пріобрѣсти ему сторонняго сочувствія, но не можетъ не оскорблять и собственныхъ его гражданъ. Этимъ могутъ удовлетворяться низменные инстинкты толпы, пошлая похвальба своею мощью, но никакъ не возвышенныя человѣческія стремленія, составляющія достояніе лучшей части народа. Гражданинъ, всѣмъ сердцемъ любящій свое отечество, не можетъ не чувствовать себя униженнымъ, когда онъ видитъ, что оно играетъ такую роль.

Кромѣ вѣры и языка, весьма важное значеніе имѣютъ историческія учрежденія, съ которыми народъ свыкся и къ которымъ онъ привязанъ. Они становятся вдвойнѣ дороги тѣмъ, для которыхъ они составляютъ охрану ихъ самостоятельности. Они предпочитаютъ худшее старое даже лучшему новому, потому что первое связано съ ихъ самобытностью, а второе навязывается имъ извнѣ. Въ этомъ заключалась главная причина того сопротивленія, которое встрѣтили преобразованія Іосифа II-го. Намъ, Русскимъ, эта крѣпкая привязанность къ устарѣвшимъ формамъ и порядкамъ мало понятна. У насъ исторія не выработала самородныхъ общественныхъ формъ, которыя могли бы служить опорой и охраной мѣстныхъ правъ и интересовъ. Древнія вольныя общины были раздавлены Московскимъ государствомъ, въ которомъ всепоглощающимъ началомъ явилась неограниченная власть монарха. Все у насъ двигалось дѣйствіемъ сверху; преобразованія вводились и отмѣнялись, не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія. Иначе и не могло быть при томъ полномъ отсутствіи сознанія права, которое характеризуетъ нашу исторію. Но именно вслѣдствіе этого, въ русскомъ обществѣ не могло развиться уваженіе къ чужимъ особенностямъ. Отсюда та злобная полемика, которая была направлена русскими патріотами въ особенности противъ учрежденій Остзейскаго края. Указать на недостатки корпоративныхъ формъ, въ значительной степени носящихъ средневѣковой характеръ, было не мудрено; но забывали, что именно эти формы служили самою надежною охраной мѣстныхъ правъ и мѣстныхъ интересовъ. Онѣ ограждали мѣстное населеніе отъ привыкшаго къ произволу русскаго чиновничества и отъ привыкшихъ къ безусловной покорности русскихъ общественныхъ элементовъ. Корпоративная связь требуетъ внутренняго единенія; стоять за свои права могутъ только люди, которыя крѣпко держатся другъ за друга. Остзейцамъ ставили въ преступленіе то, что они, для избѣжанія извнѣ навязанныхъ законовъ, прибѣгали къ тайнымъ проискамъ и уловкамъ, а русское правительство обвиняли въ томъ, что оно, забывая русскіе интересы, потакаетъ этимъ стремле-

ніямъ. Но инаго способа дѣйствія, при отсутствіи политическихъ правъ, Остзейцы не имѣли, а русское правительство поступало въ высшей степени благоразумно, щадя особенности и интересы страны, которая всегда оказывала полное повиновеніе, которой сыны проливали свою кровь за Россію на полѣ брани и усердно подвизались на гражданскомъ поприщѣ. Безъ сомнѣнія, положеніе низшаго населенія требовало бо́льшаго огражденія. Послѣ преобразованій, совершенныхъ въ Россіи, въ особенности послѣ освобожденія крестьянъ, нельзя было оставить Остзейскія губерніи при прежнихъ порядкахъ. Но именно здѣсь требовалась большая обдуманность и осторожность. Преобразовывать исторически сложившіяся учрежденія надобно не путемъ ломки, а постепенными измѣненіями, приноровленными къ потребностямъ страны. Къ сожалѣнію, ложно понятый патріотизмъ получилъ преобладающее вліяніе.

Существенное значеніе имѣетъ при этомъ отношеніе правительства къ различнымъ слоямъ населенія. Когда вопросъ идетъ о сліяніи мѣстнаго населенія съ господствующею народностью, то правительственныя мѣры могутъ имѣть въ виду или привязать къ государству высшій слой или поднять низшій. Первое совершается гораздо легче и успѣшнѣе. Такъ произошло ополяченіе русскаго дворянства въ западныхъ губерніяхъ и сліяніе малороссійскаго дворянства съ русскимъ. Но для этого надобно, чтобы даруемыя права были значительнѣе тѣхъ, которыя приносятся въ жертву. Польская аристократія пользовалась такими громадными привилегіями, которыя могли вполнѣ удовлетворить примыкающее къ нему чужестранное сословіе. Малороссійское дворянство пріобрѣло крѣпостное право и вмѣстѣ ту широкую мѣстную автономію, которая дана была русскому дворянству Екатериной. Поэтому оно безъ сожалѣнія отказалось отъ своихъ казацкихъ вольностей. Напротивъ, поднятіе низшаго населенія неизбѣжно ведетъ къ умаленію правъ высшаго; если это не вознаграждается дарованіемъ правъ инаго рода, то неудовольствіе неизбѣжно, а неудовольствіе высшаго класса, обладающаго богатствомъ и образованіемъ, всегда составляетъ большое зло; въ трудныя минуты оно можетъ быть опаснымъ для государства. Отсюда стремленіе всѣхъ правительствъ, не увлекающихся односторонними демократическими тенденціями, привязать къ себѣ высшіе слои. Если это оказывается невозможнымъ, если верхній слой, не смотря на расточаемыя ему благодѣянія, остается упорно враждебнымъ, то волею или неволею приходится опираться на низшіе классы и ими держать въ повиновеніи высшіе. Но слѣдуя такой политикѣ, надобно болѣе всего избѣгать оскорбленія тѣхъ народныхъ святынь, которыя дороги и для массы, именно, вѣры и языка. Если же высшіе классы стѣ-

сняются въ своихъ правахъ, а низшіе оскорбляются въ своихъ чувствахъ, то отъ подобной политики невозможно ожидать благопріятнаго результата. Всего хуже, когда она обращается въ постоянную систему. Въ смутное время, послѣ революціи или возстанія, по неволѣ приходится принимать чрезвычайныя мѣры, вводить стѣсненія, недопустимыя въ нормальномъ порядкѣ вещей. Но продолженіе этой системы на цѣлые десятки лѣтъ служитъ явнымъ осужденіемъ подобной политики. Неудовольствіе черезъ это не успокоивается, а еще болѣе усиливается; вмѣсто сліянія, происходитъ все большее и большее отчужденіе. Когда мы видимъ, напримѣръ, что сохраненіе въ теченіи четверти столѣтія чрезвычайнаго положенія въ Эльзасъ-Лотарингіи нисколько не подвинуло германскаго дѣла, то мы не можемъ не признать всей неестественности такого рода отношеній.

При сліяніи народностей важную роль играетъ общеніе матеріальныхъ интересовъ. Пути сообщенія, соединяющіе подчиненную мѣстность съ владычествующей страной, промышленная зависимость первой отъ послѣдней, живыя торговыя сношенія, общность таможенныхъ установленій,—все это связываетъ людей и внушаетъ имъ чувство принадлежности къ одному цѣлому. Взаимность интересовъ служитъ лучшимъ средствомъ для устраненія всякихъ преградъ. Въ началѣ XVIII-го вѣка Шотландія отдала свою самостоятельность за торговыя выгоды; только явная польза, проистекавшая отъ экономическаго общенія, могла побѣдить широко распространенное неудовольствіе и произвести крѣпкое единеніе двухъ народовъ, разобщенныхъ всею своею предшествующею исторіей и дотолѣ чуждавшихся другъ друга. И въ наши дни ничто такъ не способствовало объединенію Германіи, какъ Таможенный Союзъ и покрывшая ее сѣть желѣзныхъ дорогъ. Политика довершила дѣло, начатое наукой и торговлей.

Во всемъ этомъ дѣйствительны не однѣ правительственныя мѣры. Обществу въ этихъ отношеніяхъ принадлежитъ не менѣе важная роль. Законодательныя постановленія остаются безсильны тамъ, гдѣ они не встрѣчаютъ поддержки въ ассимилирующихъ свойствахъ владычествующей народности и въ энергіи промышленной дѣятельности. Первыя необходимы для того, чтобы привязать къ себѣ подчиненныя народности, вторая для того, чтобы пріобрѣсти прочное положеніе въ присоединенныхъ краяхъ. Народъ, стоящій въ этихъ отношеніяхъ выше подвластныхъ племенъ, легко сохранитъ свое политическое превосходство. Напротивъ, тамъ, гдѣ подвластныя народности стоятъ на одинакой ступени или даже выше, сліяніе совершается несравненно труднѣе. Тутъ не только правительство, но и самое общество должно этимъ высшимъ свойствамъ оказать уваженіе и ста-

раться воспользоваться ими въ видахъ общаго блага, а не отталкивать ихъ враждебными дѣйствіями или чувствами. Поэтому, для государства не можетъ быть ничего вреднѣе, какъ, напримѣръ, распространенная въ значительной части русскаго общества непріязнь къ Нѣмцамъ и Полякамъ, а еще болѣе къ Евреямъ, вражда къ которымъ обыкновенно возбуждается самыми низменными стремленіями человѣческой души. Такое же, если не худшее дѣйствіе имѣютъ злобные нападки печати. Подобное настроеніе разжигаетъ страсти, вселяетъ вражду и возбуждаетъ озлобленіе, между тѣмъ какъ не только христіанская нравственность, но и здравая политика требуютъ прежде всего дружелюбнаго и обходительнаго отношенія къ подвластнымъ племенамъ, ибо это—единственное средство умѣрить внутреннюю вражду и привязать ихъ къ государству. Нельзя не настаивать на томъ, что голое право силы покоится на весьма шаткихъ основаніяхъ и не въ состояніи утвердить тотъ внутренній порядокъ и то матеріальное и духовное благосостояніе, которые составляютъ высшую цѣль государства. И чѣмъ болѣе развивается человѣчество, тѣмъ болѣе эти нравственныя цѣли политической жизни выдвигаются на первый планъ. Онѣ однѣ носятъ въ себѣ залогъ прочнаго будущаго.

Можно положить общимъ правиломъ, что если народъ хочетъ привязать къ себѣ подвластныя народности, онъ не только долженъ оказать имъ полную справедливость, но онъ долженъ стать выше ихъ, изливъ на нихъ новыя, невѣдомыя дотолѣ блага. Тогда онѣ охотно откажутся отъ своихъ особенностей и сольются въ высшемъ духовномъ единствѣ. Поучительнымъ примѣромъ такого сліянія чуждаго племени съ господствующею народностью можетъ служить Эльзасъ. Условія тутъ были самыя неблагопріятныя. Покоренная область, и по степени культуры и по характеру населенія, стояла никакъ не ниже побѣдителей. Это былъ не отторгнутый и заброшенный гдѣ-то клочокъ чужой народности; Эльзасъ стоялъ бокъ-о-бокъ со сродною ему Германіей, съ которою связывало его все его прошлое. А между тѣмъ, Франціи удалось такъ привязать Эльзасцевъ къ себѣ, что возвращеніе ихъ Германіи встрѣтило самое упорное сопротивленіе; глубокія раны точатся доселѣ, какъ и въ первый день, не смотря на общность происхожденія, языка и историческихъ воспоминаній. Это превращеніе совершилась подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ силъ, выдвинутыхъ Французскимъ народомъ. Высшіе слои въ покоренной области были увлечены блескомъ французскаго просвѣщенія XVII-го и XVIII-го вѣка, а низшіе слои привязались къ новому отечеству тѣми благами, которыя даровала имъ Французская Революція. Вмѣстѣ съ Франціей, Эльзасцы пережили всю революціонную эпопею: и вооду-

шевленіе началами свободы и равенства, и отраженіе иностранныхъ войскъ, пришедшихъ возстановить старый порядокъ, и безпримѣрныя побѣды Наполеона. Эта общность историческихъ судебъ во имя началъ, волнующихъ сердца народа, тѣснѣе всего связываетъ гражданъ въ одно живое, духовное цѣлое. Поэтому, отторженіе Эльзаса было почувствовано Франціей, какъ отрѣзка собственнаго живаго члена.

Въ этомъ случаѣ новыя историческія судьбы уничтожили старыя историческія формы. Провозгласивъ новыя начала, Революція все подвела къ одному уровню; но этотъ уровень былъ общечеловѣческій. Иначе ставится вопросъ тамъ, гдѣ законодательство развивается историческимъ путемъ; тутъ внутреннее единеніе можетъ совершиться только при уваженіи къ мѣстнымъ особенностямъ. Примѣръ представляетъ отношеніе Англіи къ Шотландіи. Какъ сказано, явныя промышленныя и политическія выгоды повели къ единенію двухъ странъ, имѣвшихъ каждая свою особенную, многовѣковую исторію, свою церковь, свои учрежденія, свои нравы и характеръ. Но это единеніе осталось чисто государственнымъ; церковное устройство и мѣстныя учрежденія сохранились неприкосновенными. Доселѣ они остаются совершенно различными. Только при уваженіи къ тому, что дорого народу, могла упрочиться связь, которая выгодна для обѣихъ сторонъ и которую никто не желаетъ нарушить.

Еще болѣе назидательный примѣръ представляетъ Канада. Тутъ было не добровольное соединеніе, а настоящее завоеваніе. Французская колонія была покорена Англичанами въ половинѣ прошлаго столѣтія. Что же тамъ произошло? Всего лучше это было выражено въ рѣчи перваго министра Канады, родомъ Француза, сэръ Уильфрида Лорье, сказанной на обѣдѣ, данномъ въ честь его въ Парижѣ, при недавнемъ его посѣщеніи. „Связь, которая привязываетъ насъ къ Великобританіи, „говорилъ онъ“, не есть связь, навязанная силою; это связь, которая поддерживается любовью и благодарностью, благодарностью къ великому народу, который оказываетъ покровительство не только нашей свободѣ, но и нашимъ интересамъ. Я люблю Францію, которой мы обязаны жизнью; я люблю Англію, которой мы обязаны свободою; но прежде всего и болѣе всего я люблю Канаду, мое отечество, мою родную землю“. Напомнивъ героическія битвы при завоеваніи колоніи, Лорье продолжалъ: „оставалось 60.000 колоновъ; что же должно было съ ними статься?... Теперь насъ около двухъ милліоновъ; мы сохранили свой языкъ, свою вѣру, свои учрежденія. Живя бокъ-о-бокъ съ британскимъ населеніемъ, мы составляемъ съ нимъ одинъ народъ. Всѣ права, которыми они пользуются, мы ихъ имѣемъ;

что они, то и мы. Мы вмѣстѣ образуемъ Канадскій народъ... Сила нашего племени состояла въ томъ, что мы не преслѣдовали племенной политики. Въ сердцахъ всѣхъ людей находятся начала вѣчной истины и непоколебимой правды, и на этихъ началахъ мы всегда основывали свои права и свои обязанности. Если мы сохранили свой языкъ, если мы удержали свои учрежденія, то это произошло оттого, что мы умѣли взывать ко всѣмъ инстинктамъ справедливости, ко всѣмъ благороднымъ и великодушнымъ чувствамъ въ сердцахъ тѣхъ, кого Провидѣніе дало намъ, какъ согражданъ и братьевъ, а также и оттого, что мы честно, искренно, безъ задней мысли приняли на себя всѣ обязанности, которыя налагаетъ на насъ наше положеніе британскихъ подданныхъ".

Эти слова выдающагося государственнаго человѣка, принадлежащаго къ покоренной народности и оставшагося вѣрнымъ своимъ старымъ привязанностямъ, могутъ служить предметомъ размышленія для всѣхъ тѣхъ, которые считаютъ политику и нравственность несовмѣстимыми началами, а еще болѣе для тѣхъ, которые интересъ владычествующей народности полагаютъ въ подавленіи и притѣсненіи другихъ. Не гоненіями, а покровительствомъ и удовлетвореніемъ всѣхъ человѣческихъ требованій люди привязываются къ государству и скрѣпляются связи между различными, входящими въ составъ его народностями.

Совершенно иная была политика Англіи относительно Ирландіи, и результаты были самые плачевные. Тутъ и духовныя привязанности и матеріальные интересы, все было оскорблено и нарушено. Католицизмъ, который исповѣдывало огромное большинство населенія, подвергся самому безпощадному гоненію: католики лишены были и гражданскихъ и политическихъ правъ. Земли были насильственно отняты у туземнаго населенія и розданы пришлымъ Англичанамъ. Всѣ туземныя отрасли промышленности были раздавлены въ видахъ покровительства англійскимъ мануфактурамъ. Результатомъ была страшная нищета, а вмѣстѣ такая ненависть къ Англичанамъ, которой не могли изгладить никакія послѣдующія реформы. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ Англія сдѣлала все, что могла, чтобъ исправить свои грѣхи. Всякія религіозныя гоненія прекратились; католики были уравнены въ правахъ съ остальными гражданами. Англиканская церковь лишилась въ Ирландіи своего привилегированнаго положенія; ея имущества были обращены на благотворительныя учрежденія. Ирландія пользуется всѣми благами и гарантіями самой широкой политической свободы; ея представители засѣдаютъ въ парламентѣ даже въ большей пропорціи, нежели слѣдуетъ по количеству населенія. Уничтожены и всякія промышленныя

стѣсненія; свобода торговли установлена полная. Фермеры получили такія права, какими они не пользуются нигдѣ, и которыя чрезмѣрно ограничиваютъ права собственности землевладѣльцевъ. А между тѣмъ, ненависть остается прежняя; подъ вліяніемъ политической борьбы страсти разжигаются до неслыханныхъ размѣровъ; ирландскія партіи готовы на всякія злодѣянія и само католическое духовенство стоитъ во главѣ фанатической массы, для которой конечная цѣль всѣхъ ея стремленій состоитъ въ вытѣсненіи Англичанъ изъ ирландской почвы.

Всѣ мѣры, которыя предлагаются для врачеванія этого зла, обнаруживаютъ только полную безвыходность положенія. Замѣчательный государственный человѣкъ, который поставилъ себѣ задачею удовлетвореніе требованій Ирландцевъ, показалъ только, что самыя крупныя политическія способности, когда онѣ обращаются въ служеніе партійнымъ цѣлямъ, могутъ вести къ нарушенію всякихъ нравственныхъ требованій и самыхъ очевидныхъ интересовъ отечества. Вопросъ ставился бы довольно просто, еслибы Ирландія была населена одними Ирландцами. Но на пять милліоновъ населенія въ ней полтора милліона Англичанъ, которые тамъ поселились и пріобрѣли земли подъ охраною законовъ своего отечества. Въ особенности самая богатая сѣверная провинція, Ольстеръ (Ulster) болѣе чѣмъ на половину заселена Англичанами. Дать Ирландіи самоуправленіе значитъ отдать все англійское населеніе, связанное по рукамъ и по ногамъ, на жертву злѣйшимъ его врагамъ, которые нисколько не скрываютъ своего намѣренія ихъ обобрать и выжить ихъ изъ Ирландіи. Самъ Гладстонъ, наканунѣ своего обращенія, обзывалъ ирландскую партію грабителями и разбойниками, что̀ было недалеко отъ истины, и вдругъ, неожиданно для самыхъ близкихъ его приверженцевъ, онъ рѣшился вступить съ нею въ союзъ и пріобрѣсти ея голоса полнымъ удовлетвореніемъ ея требованій. На первый разъ однако онъ не рѣшился безусловно пожертвовать англійскимъ населеніемъ; представляя свой первый проектъ, онъ объявилъ дѣломъ чести полный выкупъ земель всѣхъ англійскихъ ландлордовъ. Но когда онъ увидѣлъ, что англійское общественное мнѣніе вовсе не готово идти на такія громадныя жертвы, онъ отъ своего предложенія отказался: честь была выброшена за бортъ. Англійское населеніе Ирландіи не могло не встревожиться. Когда передъ новыми выборами Гладстонъ выступилъ съ своею программой, къ нему приступали съ вопросомъ: что онъ намѣренъ дѣлать съ Ольстеромъ? На это онъ отвѣчалъ, что онъ слишкомъ старая лиса, чтобъ идти въ западню. Вся цѣль состояла въ томъ, чтобы, выѣзжая на общихъ фразахъ, пріобрѣсти на выборахъ большинство, а за-

тѣмъ, съ помощью искусной парламентской тактики, провести свою мѣру. Самый проектъ ирландскаго самоуправленія былъ такъ легкомысленно составленъ, что нѣсколько разъ, въ теченіи преній, онъ подвергался радикальнымъ измѣненіямъ, тѣмъ самымъ обличая свою несостоятельность: то ирландскіе депутаты допускались къ участію въ англійскомъ парламентѣ лишь по дѣламъ, касающимся обоихъ государствъ, то, въ виду невозможности отдѣлить общія дѣла отъ мѣстныхъ, они вовсе исключались изъ англійской палаты, то, наоборотъ, они получали право голоса по всѣмъ дѣламъ. И при такихъ условіяхъ, эта важнѣйшая изъ мѣръ, когда либо обсуждавшихся въ Палатѣ Общинъ, не подверглась даже полному и всестороннему обсужденію: съ помощью новыхъ правилъ о сокращеніи преній, вызванныхъ сочиненною Ирландцами системою обструкціи, половина статей не была даже разсмотрѣна, и проектъ все-таки былъ принятъ послушнымъ большинствомъ. Къ счастью для Англіи, въ ней существуетъ Палата Лордовъ. Она отвергла Ирландскій билль, и послѣдующіе выборы подтвердили это рѣшеніе. Уніонистская партія, состоящая изъ консерваторовъ и либераловъ, отпавшихъ отъ Гладстона, получила подавляющее большинство. Недостойная политика государственнаго человѣка, который въ теченіи своей долгой жизни оказалъ отечеству великія услуги, но подъ конецъ увлекся партійными цѣлями и личнымъ честолюбіемъ, потерпѣла заслуженное наказаніе. Однако вопросъ этимъ не рѣшенъ; онъ остается во всей своей грозной настойчивости. Только постепенный переходъ значительной части земель, посредствомъ выкупа, въ руки фермеровъ и упроченіе мелкой поземельной собственности можетъ смягчить его острыя формы. Но удовлетворятся ли этимъ національныя стремленія Ирландцевъ, остается сомнительнымъ. Насильственная и безжалостная политика предковъ отзывается на потомкахъ. Историческая неправда приводитъ наконецъ къ безвыходному положенію.

Подобныя затрудненія встрѣчаются и въ другихъ странахъ, если и не въ такой рѣзкой формѣ. Области съ смѣшаннымъ населеніемъ составляютъ одинъ изъ камней преткновенія политики. Каждая изъ народностей стремится къ сохраненію своей самобытности и становится въ болѣе или менѣе враждебное отношеніе къ другимъ. Держать между ними вѣсы, не возбуждая неудовольствія, дѣло не легкое. Исполненіе его зависитъ отъ весьма разнообразныхъ условій: отъ количественной и качественной силы обѣихъ сторонъ, отъ историческаго ихъ положенія, отъ взаимныхъ ихъ отношеній. Объ эти затрудненія бьется современная австрійская политика. Въ конституціонномъ правленіи, при свободной дѣятельности партій и ихъ участіи

въ государственныхъ дѣлахъ, трудности еще значительнѣе, нежели подъ самодержавною властью, которая можетъ рѣшать вопросы, какъ ей угодно, требуя безпрекословнаго повиновенія. Но безмолвное повиновеніе далеко не всегда служитъ признакомъ успѣшнаго веденія дѣла. Неудовольствіе распространяется тайно и западаетъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе оно подавляется. Въ нужныя минуты, вмѣсто содѣйствія, оказывается глухая или явная оппозиція, и вмѣсто покорныхъ орудій, правительство встрѣчаетъ враждебныя силы. Если одна изъ смѣшанныхъ народностей принадлежитъ къ владычествующему племени, то обыкновенно ей оказывается поддержка; но возбуждать неудовольствіе чужеродцевъ тѣмъ менѣе безопасно, чѣмъ болѣе они обладаютъ энергіей и образованіемъ, и чѣмъ болѣе они могутъ расчитывать на помощь своихъ соплеменниковъ. Данія испытала это въ Шлезвигѣ. Точно также и Польша испытала на себѣ печальныя послѣдствія угнетенія чужеродныхъ элементовъ въ Малороссіи и Литвѣ. Если же обѣ враждующія между собою народности чужды владычествующему племени, то нерѣдко правительство послѣдняго пользуется ихъ рознью для утвержденія своего владычества. Старая поговорка гласитъ: раздѣляй и властвуй (divide et impera). Но высшее требованіе политики можно выразить въ иной формѣ: соединяй и властвуй. Первая имѣетъ въ виду выгоды властителей, вторая—пользу подвластныхъ, а въ этомъ и состоитъ истинная цѣль государства. Въ немъ власть установляется для общаго блага. Отъ этого требованія не избавляется и властвующая народность И она должна помнить, что власть ей дана не для притѣсненія, а для удовлетворенія справедливыхъ требованій подвластныхъ. Забвеніе этой обязанности рано или поздно влечетъ за собою свое наказаніе. Исторія имѣетъ свою Немезиду.

ГЛАВА IV.

Виды и способы обсужденія законовъ.

Мы видѣли, что законы, по содержанію, раздѣляются на государственные, гражданскіе, уголовные и церковные (I, стр. 302). Политика имѣетъ дѣло не съ одними первыми. Всѣ области общественной жизни находятся въ связи съ государствомъ и опредѣляются имъ. Съ одной стороны, оно само устрояется и дѣйствуетъ въ зависимости отъ общественныхъ условій, съ другой стороны, оно воздѣйствуетъ на эти условія, измѣняя ихъ сообразно съ своими цѣлями.

Предыдущее изложеніе показало, какое громадное значеніе для государства имѣетъ господство того или другаго гражданскаго строя. Каждая изъ трехъ слѣдующихъ другъ за другомъ ступеней граж-

данскаго развитія, порядокъ родовой, сословный и общегражданскій, имѣетъ, съ тѣми или другими видоизмѣненіями, соотвѣтствующій ему строй политическій. Объ этомъ говорено было выше. Господство частныхъ привилегій или общаго права, существованіе или отмѣна рабства и крѣпостнаго состоянія, все это отзывается на государственныхъ отношеніяхъ. Понятна, поэтому, та осторожность, съ которою государство должно приступать къ измѣненію гражданскихъ законовъ. Установленіе того или другаго порядка есть дѣло многовѣковаго общественнаго развитія; оно связано со всѣми понятіями, нравами, привычками и частными отношеніями гражданъ. Все это измѣняется только медленнымъ процессомъ жизни. Крутые переломы, какъ сказано, указываютъ на задержанное развитіе. Когда жизнь ушла впередъ, а законодательство отстало, приходится разомъ, по всѣмъ частямъ, совершать коренныя перемѣны. Но именно такія преобразованія, касающіяся самыхъ основъ гражданскаго строя, всего глубже затрогиваютъ общественные и частные интересы. Они выбиваютъ общество изъ обычной колеи, и оно долго не можетъ придти въ состояніе равновѣсія.

Такого рода переломы доказываютъ, что государство въ предшествующее время не исполнило своей прямой политической обязанности, что оно не сознало своего призванія идти въ уровень съ общественнымъ развитіемъ. Если оно должно осторожно касаться гражданскихъ отношеній, не забѣгая впередъ тамъ, гдѣ жизнь не подготовила достаточныхъ матеріаловъ, то, съ другой стороны, оно никогда не должно забывать тѣхъ высшихъ цѣлей, которыя лежатъ въ самомъ его существѣ. Свобода составляетъ неотъемлемую принадлежность природы человѣка; ею должно опредѣляться и общественное его состояніе. Государство призвано осуществить это начало въ общественныхъ отношеніяхъ, ввести его въ гражданскую жизнь. Руководствуясь требованіями справедливости, оно должно положить конецъ насилію и неправдѣ и установить гражданскія права, одинакія для всѣхъ, независимыя отъ рожденія, общественнаго положенія и вѣроисповѣданія. Человѣческая правда для всѣхъ одна. Поэтому, общегражданскій порядокъ, основанный на началахъ свободы и равенства передъ закономъ, долженъ быть признанъ идеаломъ человѣческаго общежитія. Но именно какъ идеалъ, онъ можетъ быть только вѣнцомъ, а не началомъ развитія. Поэтому нельзя обращаться съ подобными требованіями ко всѣмъ временамъ. Каждый вѣкъ имѣетъ свои понятія, нравы и свой общественный бытъ. Родовой порядокъ, основанный на рабствѣ, былъ принадлежностью древняго міра; сословный порядокъ, который держится крѣпостнымъ правомъ, былъ господствующимъ въ среднихъ

вѣкахъ; общегражданскій порядокъ, основанный на свободѣ и равенствѣ, составляетъ завоеваніе новаго времени. Но какъ скоро эти начала вошли въ общее сознаніе, они должны быть осуществлены. Таково требованіе не только идеальнаго права, но и здравой политики. Народъ, который его не исполняетъ, не можетъ идти въ уровень съ другими; онъ отстаетъ отъ своихъ соперниковъ и не способенъ играть подобающей ему роли на историческомъ поприщѣ. Силы его парализованы.

Установленіемъ справедливаго для всѣхъ гражданскаго порядка не ограничиваются однако задачи законодательства; нужна еще твердость и обезпеченность правъ. Лишь при этомъ условіи возможно полное развитіе личныхъ, а потому и народныхъ силъ; оно одно даетъ каждому увѣренность въ своемъ положеніи и въ плодахъ своей дѣятельности; оно одно вселяетъ уваженіе къ закону, а вмѣстѣ и къ издающему и охраняющему его государству. Особенно послѣ глубокихъ соціальныхъ переворотовъ или преобразованій это требованіе становится вдвойнѣ настоятельнымъ. Недостаточно освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; надобно опредѣлить и обезпечить права всѣхъ и каждаго. Въ этомъ состоитъ существенная задача современнаго русскаго законодательства. Великое дѣло освобожденія было совершено вполнѣ разумно и правильно; но затѣмъ предстояла дальнѣйшая работа, а въ ней-то и оказался недостатокъ. Гражданскія права крестьянскаго населенія представляютъ совершенный хаосъ; никто не знаетъ, чѣмъ онъ можетъ располагать. И семейныя и имущественныя права зависятъ главнымъ образомъ отъ рѣшеній міра, которыя представляютъ полнѣйшій произволъ, а нерѣдко и подкупъ путемъ угощеній. Въ законѣ предполагается существованіе твердыхъ обычаевъ, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ. Шаткости гражданскихъ отношеній способствуютъ и тѣ остатки крѣпостнаго состоянія, которые упорно сохраняются доселѣ, какъ-то, круговая порука и въ особенности общинное владѣніе. Послѣднее было естественнымъ явленіемъ при безправномъ населеніи, которое поголовно надѣлялось землею для того, чтобъ оно могло нести возложенныя на него повинности; но оно совершенно несовмѣстно съ личною свободой, которая влечетъ за собою личную собственность и право распоряжаться своимъ имуществомъ. При общинномъ владѣніи крестьянинъ не знаетъ, что ему принадлежитъ, чѣмъ онъ можетъ распорядиться, что онъ можетъ оставить своимъ дѣтямъ, какъ обезпечить свою вдову. И въ семейныхъ и въ общественныхъ отношеніяхъ водворяется господство чистѣйшаго произвола. Въ особенности вредно дѣйствуютъ передѣлы по количеству наличныхъ душъ. Семья, которая въ теченіи двадцати

лѣтъ выкупала свой надѣлъ, вдругъ лишается части земли въ пользу вновь народившихся посторонних членовъ. Черезъ это перепутываются всѣ понятія о собственности, начинавшія водворяться въ русскомъ крестьянствѣ. Выкупъ надѣловъ въ пользу общины взносами отдѣльныхъ лицъ есть нѣчто, противорѣчащее самымъ элементарнымъ требованіямъ гражданскаго порядка. И вмѣсто того, чтобы содѣйствовать утвержденію личнаго права развитіемъ статьи Положенія 19-го Февраля, предоставляющей крестьянамъ право личнаго выкупа, новѣйшее законодательство ограничило эту статью требованіемъ согласія міра, что дѣлаетъ это право мнимымъ. Такой порядокъ вещей представляетъ самое удобное поприще для распространенія соціалистическихъ понятій, вслѣдствіе чего за него крѣпко держатся весьма распространенные въ обществѣ и въ особенности въ литературѣ приверженцы соціализма. Но государственный человѣкъ, понимающій истинное значеніе права и государства, не можетъ не противодѣйствовать всѣми силами подобному направленію.

Изъ этого уже можно усмотрѣть всю важность для государства законовъ о наслѣдствѣ. Въ *Ученіи объ Обществѣ* (стр. 88 и слѣд.) мы указали на громадное значеніе наслѣдственнаго права для всего общественнаго и государственнаго быта. На немъ зиждется не только, вообще, юридическая и матеріальная связь поколѣній, на которой держится само государство, но, въ особенности, и та форма общественнаго быта, которою опредѣляется его строеніе. Установляя въ этой области тѣ или другія законодательныя нормы, государство водворяетъ тотъ или другой гражданскій порядокъ, съ которымъ связанъ и порядокъ политическій. Такъ, маіоратами утверждается аристократическій строй; напротивъ, равный раздѣлъ наслѣдственнаго имущества ведетъ къ демократизаціи общества. Измѣненіе законовъ о наслѣдствѣ знаменуетъ переводъ одного порядка вещей въ другой. Общественный бытъ, созданный Французскою Революціей, былъ упроченъ установленіемъ равнаго раздѣла наслѣдства между дѣтьми; изъ этого вышелъ современный демократическій строй. Точно также въ Италіи уничтоженіе маіоратовъ ведетъ къ паденію старыхъ аристократическихъ фамилій. Но именно подобныя мѣры, глубоко захватывающія частныя отношенія, всего менѣе зависятъ отъ произвола законодателя. Отмѣна аристократической формы владѣнія является послѣдствіемъ преобладанія среднихъ классовъ, которые свои собственныя начала налагаютъ на весь общественный строй. Поэтому, всякое измѣненіе законовъ о наслѣдствѣ должно быть подготовлено развитіемъ общественной жизни. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ воля законодателя встрѣчаетъ сопротивленіе, о которое она разбивается.

Разительный примѣръ такой неудачи представляетъ законъ Петра Великаго о единонаслѣдіи. Петръ имѣлъ въ виду весьма вѣскія государственныя соображенія. Равный раздѣлъ имущества между сыновями велъ къ паденію знатныхъ родовъ, составлявшихъ ближайшую опору престола, и, вообще, къ обѣднѣнію дворянскихъ семействъ, чѣмъ самымъ затруднялось взысканіе повинностей и увеличивались тягости, падавшія на крестьянъ. А съ другой стороны, даже мелкая доля, доставававшаяся каждому сыну, ограждая его отъ нищеты, потворствовала праздности и отвлекала людей отъ полезныхъ занятій. Эти соображенія, безспорно, могли имѣть свое значеніе; но подобная мѣра до такой степени шла наперекоръ всѣмъ понятіямъ и привычкамъ русскаго дворянства, что она возбудила всеобщій ропотъ и черезъ семнадцать лѣтъ была отмѣнена. Аристократическій строй имѣетъ прочные корни только тамъ, гдѣ аристократія пользуется независимымъ политическимъ положеніемъ. Въ Россіи, при безусловномъ подчиненіи, въ которомъ состояли всѣ сословія, о независимости не могло быть рѣчи; значеніе высшаго дворянства было чисто служебное. До Петра оно держалось лишь противогосударственнымъ началомъ мѣстничества; какъ скоро послѣднее было отмѣнено, аристократія должна была пасть, ибо на службѣ значеніе имѣетъ не знатность рода, а способности и заслуги. Впослѣдствіи нѣкоторымъ знатнымъ фамиліямъ даровалось право учреждать маіораты, а въ 1845 году изданъ былъ на этотъ счетъ общій законъ. Преимущество противъ прежняго заключалось въ томъ, что это дѣлалось добровольно, а не принудительно, слѣдовательно не нарушались жизненныя привычки и понятія. Но именно потому эта мѣра осталась почти безъ примѣненія. Въ половинѣ XIX-го вѣка русская аристократія не получила большей политической независимости, нежели при Петрѣ; она осталась чисто придворнымъ классомъ. При такихъ условіяхъ, учрежденіе маіоратовъ составляетъ болѣе выраженіе претензій, нежели серіозной потребности и политическаго смысла: хотятъ уподобиться англійскимъ лордамъ, не имѣя ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу англійской аристократіи.

Въ настоящее время стремленіе къ учрежденію маіоратовъ и субституцій получило болѣе или менѣе широкое распространеніе и среди средняго дворянства. Оно думаетъ этимъ поддержать свое экономическое положеніе, значительно пошатнувшееся вслѣдствіе современнаго земледѣльческаго кризиса. Дворянскія собранія ходатайствуютъ объ облегченіи условій для учрежденія заповѣдныхъ имѣній; разработка этого вопроса была поручена правительственной коммиссіи. Въ этихъ стремленіяхъ заключается, безспорно, доля истины. Мы видѣли важ-

ность сохраненія прочныхъ семейныхъ центровъ, въ видахъ утвержденія непрерывности преданій, нравственной связи поколѣній и поддержанія образованныхъ элементовъ страны (II, стр. 92). Для государства, также какъ и для общества, въ высшей степени важно существованіе независимыхъ силъ, опирающихся на прочное наслѣдственное достояніе; онѣ служатъ лучшею опорой государственнаго порядка, а вмѣстѣ являются руководителями общества. Поэтому, нельзя не желать расширенія въ этомъ смыслѣ права завѣщанія. Общегражданскому порядку не противорѣчитъ право отца семейства распорядиться своимъ имуществомъ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько поколѣній. Юридическое равенство передъ закономъ не влечетъ за собою фактическаго равенства состояній, а скорѣе наоборотъ. Но и тутъ все зависитъ отъ того, какъ подобная мѣра, предоставленная добровольному исполненію, будетъ прилагаться къ жизни. Общественныя силы не создаются законодательствомъ; онѣ выдвигаются собственною дѣятельностью и предъявляютъ свои требованія, а законъ даетъ имъ только освященіе. Менѣе всего такого рода искусственныя мѣры способны поддержать разоряющееся сословіе. Маіораты и субституціи нужны для людей болѣе или менѣе богатыхъ, а не для бѣдныхъ. Когда сословіе разлагается силою вещей, можно этимъ путемъ спасти его обломки; но нельзя закрывать глаза на то, что остальная и бо́льшая часть, состоящая изъ младшихъ членовъ семьи, этимъ самымъ становится въ худшее положеніе, нежели прежде, и предоставляется на волю судьбы. Если она имѣетъ достаточно энергіи, чтобы пробить себѣ новые пути, то и государство и общество могутъ отъ этого только выиграть; но сословный строй, во всякомъ случаѣ, черезъ это подвигается къ окончательному разложенію. Самая крѣпкая часть дворянства, та, которая въ состояніи стоять на своихъ ногахъ, останется въ видѣ независимыхъ землевладѣльцевъ; остальная распустится въ массѣ.

Столь же, если не болѣе, важное значеніе имѣютъ законы о наслѣдованіи крестьянъ. Мы уже говорили о несовмѣстности общиннаго владѣнія съ общегражданскимъ порядкомъ. Личная свобода требуетъ и личной собственности. Столь же несостоятельна и политика, стремящаяся обезпечить землею все крестьянское населеніе. И эта система является остаткомъ крѣпостныхъ воззрѣній, когда безправное населеніе надѣлялось землей въ видахъ исправленія повинностей. Въ свободномъ обществѣ каждый самъ заботится о своей судьбѣ и обезпечиваетъ свое состояніе и состояніе своихъ дѣтей. Это не всегда ведетъ къ добру; но свобода имѣетъ свои условія, безъ которыхъ она не существуетъ. Свобода состоитъ именно въ томъ,

что каждый взрослый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, а не водится на помочахъ. Однако государство, особенно въ переходное время, можетъ принимать тѣ или другія мѣры для огражденія освобожденнаго населенія отъ послѣдствій собственной непредусмотрительности. Оно имѣетъ въ рукахъ и способы дать то или другое направленіе экономическому развитію крестьянскаго населенія. Таковы именно законы о наслѣдствѣ. Тутъ могутъ быть двѣ разныя системы: можно установить нераздѣльные и неотчуждаемые крестьянскіе участки, переходящіе изъ рода въ родъ къ старшему или младшему сыну; или же можно ввести равный раздѣлъ имущества между дѣтьми. Первая система существуетъ во многихъ мѣстностяхъ Германіи. Она имѣетъ ту значительную выгоду, что сохраняется зажиточное крестьянское населеніе, составляющее самую крѣпкую опору государственнаго порядка; оно образуетъ какъ бы крестьянскую аристократію. Но зато остальное населеніе обращается въ пролетаріевъ. Вторая система имѣетъ ту значительную невыгоду, что участки, вслѣдствіе постоянныхъ раздѣловъ, дробятся чрезмѣрно; населеніе черезъ это бѣднѣетъ, и часть земель переходитъ въ руки скупщиковъ, которые, обладая капиталомъ, держатъ остальныхъ болѣе или менѣе въ своей зависимости. Однако примѣръ Франціи доказываетъ, что такой исходъ вовсе не составляетъ необходимаго слѣдствія системы равныхъ раздѣловъ. Тамъ, гдѣ есть трудолюбивое, трезвое и бережливое населеніе, которое держитъ землю и старается объ улучшеніи своего состоянія и объ округленіи своихъ владѣній, тамъ оно и при равныхъ раздѣлахъ не только не приходитъ въ упадокъ, а крѣпко держится на своихъ ногахъ, представляя самый сильный оплотъ противъ всякихъ соціалистическихъ стремленій. Слишкомъ дробные участки, невыгодные для обработки, продаются сосѣдямъ, но въ замѣнъ того пріобрѣтаются другіе клочки, округляющіе владѣніе, и въ суммѣ установляется средній размѣръ, подходящій къ требованіямъ крестьянства. А между тѣмъ, при этой системѣ, сохраняется справедливость относительно всѣхъ дѣтей; часть населенія не обращается искусственно въ пролетаріевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что теоретически эта система заслуживаетъ предпочтенія; однако и тутъ все зависитъ отъ характера, нравовъ и понятій населенія. Въ гражданскихъ законахъ, опредѣляющихъ частную жизнь, болѣе, нежели въ чемъ-либо другомъ, все зависитъ отъ приложенія, которое находится не во власти государства, а въ рукахъ частныхъ лицъ. Мѣры, идущія наперекоръ существующимъ понятіямъ и привычкамъ, встрѣчаютъ неодолимое сопротивленіе и остаются втунѣ. Поэтому правительство должно дѣйствовать здѣсь съ величайшею осторожностью, открывая возможность

для различныхъ исходовъ и избѣгая главнымъ образомъ общеобязательныхъ мѣръ. Всего менѣе оно должно задаваться неосуществимыми задачами обезпеченія всѣхъ и каждаго, что иначе не можетъ приводиться въ дѣйствіе, какъ жертвуя одними въ пользу другихъ, выдающимися лицами коснѣющей массѣ. Государство не призвано быть всеобщимъ опекуномъ; но оно обязано охранять права всѣхъ, такъ чтобы каждому былъ предоставленъ полный просторъ дѣйствія и собственность его была ограждена отъ всякаго посягательства, какъ со стороны сосѣдей, такъ и со стороны общества. Только при этомъ условіи возможенъ прочный и разумный гражданскій порядокъ.

Несравненно болѣе, нежели въ области гражданскихъ законовъ, государство можетъ проводить свои виды въ уголовномъ законодательствѣ. Здѣсь все отъ него зависитъ, и установленіе нормъ и самое исполненіе. Но и тутъ оно должно расчитывать, какое дѣйствіе уголовные законы могутъ произвести на общество. Слишкомъ суровыя наказанія содѣйствуютъ грубости нравовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаютъ жалость къ ихъ жертвамъ; несправедливыя кары возмущаютъ совѣсть и подрываютъ уваженіе къ закону и къ государству. Когда къ участію въ судѣ призываются, въ томъ или другомъ видѣ, представители общества, что всегда желательно въ видахъ сохраненія живой связи государственныхъ требованій съ общественнымъ сознаніемъ, между тѣми и другимъ можетъ оказаться радикальное противорѣчіе, которое разрѣшается только приспособленіемъ уголовнаго законодательства къ понятіямъ общества. Но и законодатель, съ своей стороны, можетъ дѣйствовать на общество, высоко держа знамя правосудія, смягчая строгость закона умѣстнымъ снисхожденіемъ, въ особенности же не подвергая наказанію то, что вытекаетъ изъ требованій совѣсти. Послѣднее относится главнымъ образомъ къ области религіозной.

Это приводитъ насъ къ законамъ церковнымъ, которые, также какъ и гражданскіе, имѣютъ первостепенную важность для всего государственнаго и общественнаго быта. Ниже, въ политикѣ государственнаго управленія, мы подробнѣе остановимся на отношеніяхъ государства къ церкви; здѣсь же мы должны указать на тѣ крайне невыгодныя послѣдствія, которыя проистекаютъ отъ смѣшенія обѣихъ областей въ законодательной дѣятельности.

Всего хуже, когда свѣтское законодательство вступается въ область религіозныхъ догматовъ и установляетъ наказанія или стѣсненія правъ за отступленіе отъ правовѣрія. Эта система господствовала въ самыя темныя времена религіознаго фанатизма, когда еретиковъ сжигали на кострахъ или лишали всякихъ гражданскихъ правъ. Она окончатель-

но осуждена исторіей. Изъ пріобрѣтеній новаго времени нѣтъ ни одного, которое имѣло бы такое высокое нравственное значеніе, какъ вошедшее въ сознаніе всѣхъ образованныхъ народовъ правило, что государство не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла совѣсти. Каковы бы ни были требованія политики, здѣсь они находятъ свой предѣлъ. Отношенія человѣческой души къ Богу опредѣляются внутреннимъ убѣжденіемъ и не подлежатъ дѣйствію принудительной власти.

Государство, сознающее свое нравственное призваніе и свои обязанности, не можетъ уклоняться отъ этихъ началъ. И самое проведеніе ихъ въ жизнь не встрѣчаетъ ни малѣйшаго затрудненія. Нужно только отмѣнить всякія наказанія за исповѣданіе или перемѣну вѣры и за дѣйствія, истекающія изъ религіозныхъ требованій. Тамъ, гдѣ народъ одушевленъ религіознымъ фанатизмомъ, не терпящимъ чужихъ убѣжденій, могутъ быть ограничены только публичныя проявленія другихъ исповѣданій. Государство въ правѣ также не терпѣть сектъ, которыя къ религіознымъ догматамъ примѣшиваютъ начала, идущія въ разрѣзъ съ требованіями государственнаго порядка или оскорбляющія общественную нравственность. Здѣсь оно имѣетъ дѣло уже не съ догматами вѣры, не подлежащими его опредѣленію, а съ гражданскими отношеніями, въ которыхъ оно полновластно.

Нерѣдко однако религія простирается и на область гражданскихъ отношеній, и тутъ начинаются затрудненія. Могутъ возникнуть столкновенія между стремленіями церкви и требованіями государства. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* (стр. 280 и слѣд.) мы разсматривали этотъ вопросъ со стороны юридической. Съ политической точки зрѣнія слѣдуетъ сказать, что изъятіе гражданской области отъ обязательныхъ церковныхъ опредѣленій возможно и желательно по мѣрѣ того, какъ государство развиваетъ собственный свой организмъ и сознаетъ свое призваніе быть покровителемъ всѣхъ подданныхъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Принципіально, гражданскій порядокъ образуетъ самостоятельную область, которая управляется государствомъ, а не церковью. Нѣкоторыя дѣйствія могутъ подлежать религіозному освященію, но не оно даетъ имъ юридическую силу, а единственно государственный законъ. Если государство нѣкоторыя дѣла, напримѣръ брачныя и разводныя, предоставляетъ вѣдѣнію церкви, то это означаетъ только слабое развитіе собственно гражданскаго законодательства. Въ новое время, самостоятельность свѣтскихъ элементовъ утверждается все болѣе и болѣе. Она опирается на то непоколебимое начало, что религія есть дѣло совѣсти, слѣдовательно принудительной силы не имѣетъ; а потому ея догматамъ и обрядамъ нельзя придавать никакихъ юридическихъ по-

слѣдствій. Однако, при отрѣшеніи гражданскаго законодательства отъ церковнаго, государство должно поступать съ крайнею осторожностью, ибо дѣйствіе на совѣсть не менѣе важно и нерѣдко имѣетъ болѣе силы, нежели всякія законодательныя постановленія. Столкновеніе обязанностей гражданскихъ и религіозныхъ можетъ поставить гражданъ въ весьма тяжелое положеніе. Поэтому, при введеніи свѣтскаго законодательства, государство должно внимательно соображать его съ правилами церковными, изъ опасенія нарушить права совѣсти. Весьма важное значеніе имѣетъ и самое настроеніе общества: надобно знать, насколько оно готово поддерживать свѣтское законодательство, котораго все практическое значеніе заключается въ томъ, что оно отвѣчаетъ извѣстнымъ общественнымъ потребностямъ. Главныя затрудненія возникаютъ при столкновеніяхъ съ католическою церковью, которая болѣе всѣхъ другихъ имѣетъ притязанія на владычество въ гражданской области. Относительно брачныхъ условій, разводовъ, крещенія дѣтей при бракахъ съ иновѣрцами, она имѣетъ свои строгія правила, которыя нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ свободою совѣсти и съ требованіями государства. Иногда она всѣми силами возстаетъ противъ введенія гражданскаго брака, между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ эти браки ею признаны, чѣмъ самымъ доказывается, что они вовсе не противорѣчатъ религіознымъ догматамъ. Государство въ этихъ случаяхъ не можетъ отступиться отъ своего права; но требуя гражданскихъ дѣйствій для юридической силы брачнаго союза, оно предоставляетъ вѣрующимъ исполнять церковные обряды по своему усмотрѣнію и подчиняться церковнымъ постановленіямъ, насколько это требуется ихъ совѣстью.

Еще осторожнѣе слѣдуетъ поступать въ вопросахъ о церковномъ управленіи. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* было объяснено, что церковь есть не только нравственно-религіозный союзъ, но и гражданская, а иногда и политическая корпорація. Юридическое ея положеніе въ государствѣ естественно опредѣляется государственными законами; но такъ какъ государство имѣетъ дѣло съ союзомъ, отъ него независимымъ, имѣющимъ свои начала, выходящія далеко за предѣлы государства, а вмѣстѣ связывающія совѣсть вѣрующихъ, то и въ этой области есть многое, чего оно не можетъ рѣшить одностороннимъ актомъ своей воли. Всего проще рѣшается вопросъ, когда государство предоставляетъ церкви управляться по собственному изволенію, вовсе не вмѣшиваясь въ это дѣло. Такова система, установленная въ Соединенныхъ Штатахъ. Ниже мы разберемъ выгоды и невыгоды, какъ этой, такъ и другихъ системъ. Здѣсь дѣло идетъ только объ отношеніи свѣтскихъ законовъ къ

церковнымъ. Тутъ затрудненія оказываются, когда церковь получаетъ значеніе государственной корпораціи, господствующей или просто признанной, но съ пособіями отъ государства и съ участіемъ послѣдняго въ церковномъ управленіи. При такихъ условіяхъ возникаетъ вопросъ: что именно подлежитъ церковному законодательству, что свѣтскому и что соглашенію обоихъ? Извѣстно, что *Гражданское учрежденіе духовенства* (constitution civile du clergé), изданное Французскимъ Учредительнымъ Собраніемъ 1789 года, которое все церковное устройство хотѣло преобразовать путемъ государственнаго закона, возбудило религіозныя смуты и окончательно повело къ паденію религіи. Наполеонъ, съ своимъ яснымъ политическимъ взглядомъ, возстановилъ церковное устройство, вступивъ въ соглашеніе съ папою и заключивъ Конкордатъ. Однако онъ твердою рукой установилъ границы соглашенія и собственной законодательной дѣятельности государственной власти: къ Конкордату присоединены были *Органическіе Законы*, опредѣлявшіе юридическія границы церковной власти и права свѣтской. Хотя католическая церковь противъ нихъ протестовала, однако доселѣ они сохраняютъ свою силу и составляютъ основаніе для дѣятельности гражданскихъ властей. Въ отношеніяхъ къ католической церкви, болѣе нежели къ какой-либо другой, государству приходится ревниво оберегать свою самостоятельность. Если вражда съ церковью составляетъ одно изъ великихъ политическихъ золъ, ибо она возмущаетъ совѣсть значительной части населенія и создаетъ правительству фанатически убѣжденныхъ враговъ въ числѣ собственныхъ подданныхъ, то и податливость церковнымъ притязаніямъ, умаляя значеніе государства, возстановляетъ противъ него свѣтскіе элементы, стремящіеся къ самостоятельности. Этимъ, въ свою очередь, возбуждается вражда и къ церкви и къ подчиняющемуся ей правительству, которое, вмѣсто желанной поддержки, всюду встрѣчаетъ отпоръ и сѣетъ неудовольствіе. Въ этомъ отношеніи исторія австрійскаго Конкордата 1855 года служитъ поучительнымъ примѣромъ. Реакціонное правительство, возникшее послѣ революціоннаго движенія 1848 года, думало предоставленіемъ церкви значительнаго вліянія на гражданскую область утвердить свое положеніе; но результатъ вышелъ обратный, и въ 1874 году соглашеніе было отмѣнено. Вся новая исторія, во всѣхъ безъ исключенія европейскихъ странахъ, ведетъ къ большему и большему упроченію самостоятельности свѣтскихъ элементовъ. Идти противъ этого теченія и становиться на узко церковную точку зрѣнія, мечтая найти въ ней опору противъ внутреннихъ смутъ, составляетъ одно изъ самыхъ пагубныхъ политическихъ заблужденій. Этимъ нарушается естественный ходъ вещей; неудовольствіе

не только не успокоивается, а напротивъ, возбуждается съ несравненно большею силой. Люди самаго консервативнаго направленія возмущаются и противъ церкви и противъ опирающагося на нее государства. Подобныя теченія могутъ временно возобладать, но они составляютъ не болѣе какъ мимолетныя явленія, которыя однако оставляютъ по себѣ печальные слѣды. Все нынѣшнее французское антиклерикальное направленіе, составляющее источникъ нескончаемыхъ внутреннихъ раздоровъ, вызвано было постоянно повторявшимися въ исторіи попытками католической церкви наложить свою руку на гражданскую область и политикой реакціонныхъ правительствъ, которыя поддерживали эти притязанія. Тѣ, которые хотятъ и другимъ церквамъ привить властолюбіе католическаго духовенства, не могутъ ожидать отъ своей дѣятельности иныхъ результатовъ, кромѣ возбужденія общей вражды.

Въ собственной своей области, чисто политической, законодательная дѣятельность государства соображается исключительно съ требованіями общественнаго блага. Изъ принадлежащихъ сюда законовъ важнѣйшее значеніе имѣютъ законы основные, которыми опредѣляются устройство верховной власти и отношенія ея къ гражданамъ. Согласно съ указаннымъ выше двоякимъ характеромъ законодательства, они могутъ либо вырабатываться исторически, путемъ обычаевъ и частныхъ узаконеній, либо содержаться въ писанной хартіи, опредѣляющей права и обязанности различныхъ органовъ власти, а равно и основныя права гражданъ.

Типическимъ примѣромъ законодательства перваго рода служитъ страна, представляющая образецъ конституціоннаго порядка—Англія. Здѣсь значительная часть самыхъ коренныхъ постановленій, напримѣръ существованіе двухъ палатъ, не находится ни въ какомъ писанномъ памятникѣ, а издавна утвердилась самою жизнью. Права и отношенія палатъ большею частью опредѣляются прецедентами, получающими силу рѣшеннаго дѣла. Только тамъ, гдѣ возникали спорные вопросы, изъ-за которыхъ возгаралась борьба, результатъ записывался въ законодательный актъ. Таковы были Великая Хартія, Прошеніе о Правахъ, Билль о Правахъ. Этотъ историческій ходъ сдѣлалъ то, что англійская конституція, можно сказать, вытекла изъ самой народной жизни и срослась съ нею неразрывными узами. Противники конституціоннаго порядка новаго времени постоянно указывали на этотъ примѣръ, утверждая, что только подобныя конституціи имѣютъ силу и значеніе; писанныя же конституціи представляютъ не болѣе какъ листъ бумаги, который уносится первымъ вѣтромъ.

Такого рода сужденія страдаютъ, однако, крайнею односторонностью. Англійская конституція стоитъ непоколебимо не потому, что

она не писана на листѣ бумаги, а потому, что она упрочена временемъ. Политическая свобода въ Англіи древнѣе, нежели свобода другихъ европейскихъ странъ. Вслѣдствіе указанныхъ выше особенностей англійскаго строя, она сохранялась непрерывно съ среднихъ вѣковъ, въ то время, какъ на материкѣ королевская власть становилась неограниченною. Въ Англіи революціи совершились ранѣе, нежели въ остальной Европѣ. Не говоря о Великой Хартіи, перевороты половины и конца XVII-го вѣка сломили силу королевской власти и утвердили издревле идущія права народа. Историческое прилаженіе политическаго порядка къ измѣняющимся потребностямъ народной жизни, безспорно, имѣетъ весьма значительныя преимущества. Вопросы не ставятся всѣ заразъ, а возникаютъ одинъ за другимъ; борьба вращается около извѣстной точки и получаетъ соотвѣтствующее рѣшеніе. Народъ, привыкшій къ извѣстному порядку, пріобрѣтаетъ опытность въ государственныхъ дѣлахъ; у него вырабатывается политическій смыслъ, не дозволяющій ему видѣть лѣкарство отъ всѣхъ золъ въ политическихъ переворотахъ. Но все это зависитъ отъ долговременной практики, а отнюдь не отъ формы, въ которую облекается законъ. Послѣдняя же страдаетъ весьма существенными недостатками, которыя въ Англіи остаются безвредными единственно вслѣдствіе практическаго смысла народа.

Первый состоитъ въ неопредѣленности права. Тамъ, гдѣ все рѣшается обычаемъ и прецедентами, возникаетъ вопросъ: насколько право, которое долго оставалось безъ употребленія, сохраняетъ свою силу? Не утратилось ли оно отъ того, что долго не прилагалось? И какой на это нуженъ срокъ? Подобный вопросъ возникъ въ 1856 году, при назначеніи лорда Венслиделя пожизненнымъ перомъ. Въ старину короли пользовались этимъ правомъ, но въ теченіи четырехъ сотъ лѣтъ оно не прилагалось; назначались только перы наслѣдственные. Палата Лордовъ объявила, что для возстановленія права, столь долго остававшагося безъ употребленія, при совершенно измѣнившихся условіяхъ жизни, требуется формальный законъ, и правительство уступило. Въ настоящемъ случаѣ вопросъ былъ такой, на которомъ легко было прдти къ соглашенію. Но такого же рода вопросы возникаютъ и относительно самыхъ коренныхъ основъ государства. Такъ, выдающіеся англійскіе юристы утверждаютъ, что Палата Лордовъ не имѣетъ права вторично отвергнуть принятый Нижнею Палатой законъ, послѣ того какъ новая палата, вышедшая изъ народныхъ выборовъ, подтвердила прежнее рѣшеніе. Точно также утверждаютъ, что король не имѣетъ права отказать въ своемъ согласіи закону, прошедшему черезъ обѣ палаты. И то и другое идетъ совершенно наперекоръ ос-

новнымъ началамъ англійской конституціи. Но въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени благоразуміе побуждало къ уступкамъ, и эти уступки возводятся на степень установленнаго права. Конечно, такого рода утвержденія не могутъ проходить безъ возраженій; но ясно также, какую шаткость подобные споры вносятъ въ самыя коренныя понятія о существующемъ конституціонномъ порядкѣ. Граждане совершенно иначе относятся къ власти, смотря по тому, какими она облечена правами.

Другой весьма существенный недостатокъ историческихъ конституцій состоитъ въ томъ, что здѣсь основные законы вовсе не отличаются отъ обыкновенныхъ и обсуждаются общимъ законодательнымъ порядкомъ. Между тѣмъ, весьма желательно, чтобъ основные законы, которыми опредѣляются важнѣйшія права, обставлялись высшими гарантіями. Мы видѣли въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* (стр. 309), что для измѣненія ихъ обыкновенно установляются особенныя условія, какъ относительно предложенія, такъ и относительно способовъ рѣшенія. Нерѣдко для этого требуется созывъ особыхъ собраній и рѣшеніе усиленнымъ числомъ голосовъ, иногда также утвержденіе народнымъ голосованіемъ. Все это имѣетъ въ виду предупрежденіе легкомысленныхъ перемѣнъ, которыя иногда вызываются временными теченіями общественнаго мнѣнія или извѣстнымъ сочетаніемъ партій въ обыкновенныхъ собраніяхъ. Въ Англіи, вслѣдствіе прочности историческаго порядка, трудно ожидать такихъ увлеченій; но тамъ, гдѣ конституція не успѣла упрочиться, превращеніе основныхъ законовъ въ обыкновенные можетъ вести къ весьма нежелательнымъ преніямъ и перемѣнамъ. Такъ напримѣръ, въ современной французской республиканской конституціи способъ выбора сенаторовъ, имѣющій самую существенную важность для состава и духа верхней палаты, былъ изъятъ изъ числа основныхъ законовъ. Результатъ былъ тотъ, что вопросъ поднимается радикалами безъ малѣйшаго къ тому повода, и рѣшеніе можетъ зависѣть отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ, можетъ быть просто отъ желанія временно упрочить шаткое министерство.

Писанныя конституціи имѣютъ ту важную выгоду, что онѣ опираются не на смутные прецеденты, которые могли имѣть мѣсто при совершенно иныхъ условіяхъ, а на ясный, извѣстный всѣмъ текстъ закона. При переломахъ въ народной жизни, при перемѣнахъ образовъ правленія, что въ историческомъ процессѣ составляетъ почти неизбѣжное явленіе у всѣхъ прогрессирующихъ народовъ, онѣ служатъ единственнымъ средствомъ установить прочный законный порядокъ вещей. Однако, противники писанныхъ хартій правы, когда они возстаютъ противъ чисто теоретическихъ построеній, не опираю-

щихся на реальныя общественныя силы. Недостаточно перевести чужой уставъ и объявить его закономъ государства; надобно знать, какіе элементы будутъ призваны къ дѣйствію. Эти элементы должны быть подготовлены исторіей. Въ странѣ, гдѣ издавна упрочились демократическія учрежденія, хотя и подъ сѣнью монархической власти, новая конституція можетъ быть утверждена на чисто демократическихъ началахъ. Таковы именно были условія въ Соединенныхъ Штатахъ по отторженіи ихъ отъ Англіи. Союзная конституція 1787 года составляетъ одинъ изъ величайшихъ памятниковъ политической мудрости. Всѣ стороны вопроса, всѣ подробности установленій были обсуждены съ изумительною прозорливостью и здравомысліемъ. Менѣе всего восторжествовали тутъ крайнія мнѣнія. Вслѣдствіе этого, вышедшій изъ этихъ преній основной законъ сдѣлался краеугольнымъ камнемъ американской свободы. Онъ выдержалъ даже такое страшное потрясеніе, какъ междоусобная война за невольничество. Если Соединенные Штаты, не смотря на всѣ присущіе демократіи разлагающіе элементы, остались крѣпкимъ и могучимъ государствомъ, то нынѣшнее значительно извратившееся поколѣніе обязано этимъ мудрости своихъ предковъ.

При иныхъ условіяхъ, къ политической жизни должны пріобщаться прежде всего зажиточные и образованные классы, которые одни способны заняться новымъ для нихъ общественнымъ дѣломъ. Только когда политическій порядокъ упрочился и вошелъ въ нравы, умѣстно постепенное пріобщеніе къ политическому праву нижнихъ слоевъ, по мѣрѣ развитія въ нихъ политическихъ интересовъ и способностей. Преждевременныя демократическія конституціи столь же вредны, какъ и упорное сопротивленіе расширенію политическаго права. Задача политическаго законодателя состоитъ въ томъ, чтобы внимательно слѣдить за движеніемъ общественной жизни, не забѣгая впередъ, но и не задерживая настоятельныхъ требованій, задача трудная, но въ которой именно и выражается прозорливость государственнаго человѣка.

На первыхъ порахъ въ особенности, весьма важно сохраненіе силы монархической власти. Не слѣдуетъ воображать, что съ водвореніемъ конституціоннаго порядка тотчасъ должно установиться парламентское правленіе, въ томъ видѣ, какъ оно выработалось въ Англіи изъ многовѣковаго историческаго процесса. Въ странахъ, вновь призываемыхъ къ конституціонной жизни, монархическая власть остается единственнымъ историческимъ учрежденіемъ, а потому она должна остаться твердымъ центромъ, около котораго группируются новые элементы. Монархіи принадлежитъ руководящая роль въ новой политической

жизни. Счастлива страна, въ которой она умѣетъ исполнить эту роль благоразумно и твердо, имѣя въ виду не выгоды собственной власти, а благо отечества. Во Франціи, ни Карлъ X, ни Людовикъ-Филиппъ, ни еще менѣе Людовикъ-Наполеонъ не стояли на высотѣ своей задачи. Вслѣдствіе этого и утвердилась республика.

Кромѣ отличія основныхъ законовъ и обыкновенныхъ, весьма существенное значеніе имѣетъ отличіе законовъ и постановленій (I, стр. 305). Послѣднія, какъ было объяснено, издаются правительственною властью и касаются единственно административной области, а не гражданскихъ и политическихъ правъ. Но такъ какъ нарушеніе полицейскихъ распорядковъ сопровождается наказаніями, слѣдовательно касается личности и собственности гражданъ, то необходимо знать, гдѣ именно лежатъ границы правительственной власти. Этотъ вопросъ имѣетъ высокую важность главнымъ образомъ въ смѣшанныхъ правленіяхъ, гдѣ законодательная власть и правительственная раздѣлены. Здѣсь смѣшеніе этихъ двухъ формъ законодательства можетъ вести къ противоположнымъ, но въ обоихъ случаяхъ вреднымъ послѣдствіямъ. Тамъ, гдѣ преобладаетъ законодательная власть, какъ въ Англіи, парламентъ заваленъ второстепенными дѣлами, съ которыми онъ съ трудомъ можетъ справиться и которыя обыкновенно рѣшаются слишкомъ легко. Напротивъ, преобладаніе правительственной власти ведетъ къ тому, что право издавать постановленія можетъ сдѣлаться въ ея рукахъ могучимъ орудіемъ притѣсненій. Въ неограниченной монархіи смѣшеніе этихъ двухъ видовъ законодательства тѣмъ обычнѣе, что законы и постановленія одинаково обсуждаются въ бюрократическомъ собраніи. Вслѣдствіе этого, нашъ Сводъ Законовъ заключаетъ въ себѣ множество частей, которыя собственно къ законодательству не относятся и для измѣненія которыхъ сложныя процедуры Государственнаго Совѣта представляютъ значительныя неудобства. Но тѣмъ важнѣе, при такихъ условіяхъ, опредѣлить, что̀ именно требуетъ законодательнаго обсужденія и что̀ можетъ быть предоставлено рѣшенію правительственныхъ властей. Иначе министерскою властью могутъ быть установлены такія ограниченія правъ, которыя, по существу своему, требуютъ закона, какъ это и случается нерѣдко въ самодержавныхъ государствахъ. Опасность увеличивается тѣмъ, что для утвержденія подобныхъ постановленій можетъ быть испрошено Высочайшее повелѣніе. Этимъ самымъ вопросы законодательнаго свойства отклоняются отъ своего правильнаго пути и сводятся къ порядку административныхъ распоряженій. Право неограниченнаго монарха замѣнять законодательный путь сообщаемыми министру распоряженіями, конечно, не подлежитъ сомнѣнію; но чѣмъ шире право, тѣмъ

осторожнѣе надобно имъ пользоваться. Таково требованіе здравой политики, имѣющей въ виду, какъ общественное благо, такъ и выгоды самой власти.

Это приводитъ насъ къ вопросу о способахъ обсужденія законовъ. Мы видѣли, что оно можетъ быть двоякаго рода: предварительное и окончательное (I, стр. 310).

Основательное подготовленіе законовъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ требованій политики законодательства. Прежде всего надобно знать, дѣйствительно ли нуженъ новый законъ. Нерѣдко дѣло идетъ дурно вовсе не потому, что законъ нехорошъ, а потому, что онъ исполняется не такъ, какъ слѣдуетъ, и люди, которымъ ввѣрено исполненіе, на это неспособны или дѣйствуютъ превратно. Но именно главные исполнители всегда считаютъ себя правыми и сваливаютъ вину на связывающій ихъ законъ. Избавиться отъ стѣсненій составляетъ одно изъ самыхъ сильныхъ вожделѣній бюрократическаго управленія. Между тѣмъ, нѣтъ ничего вреднѣе, какъ частыя перемѣны законовъ. Какъ замѣчено выше, это производитъ шаткость всѣхъ общественныхъ отношеній. Поэтому, прежде нежели касаться закона, надобно удостовѣриться, не пойдетъ ли дѣло лучше при иномъ исполненіи. Только лица, умѣло и добросовѣстно управляющія своею отраслью, въ состояніи судить, насколько она нуждается въ реорганизаціи.

Но если даже выяснилась потребность перемѣны, нельзя приступать къ ней иначе, какъ съ большою осторожностью. Нѣтъ ничего хуже легкомысленнаго законодательства, которое хватается за все наобумъ, не изучивши ничего основательно. Легкомысленный законодатель одержимъ презрѣніемъ къ старому и жаждою произвести что-нибудь новое, блистательное. Онъ не останавливается ни передъ чѣмъ; ему все кажется легко и исполнимо. Между тѣмъ, всякій законъ, который дѣйствовалъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, связанъ съ сложившимися подъ его охраной общественными отношеніями. Около него группируются извѣстные интересы, вызванные довѣріемъ къ законодателю, и которыхъ нельзя поэтому произвольно нарушать. Онъ связанъ и съ другими частями законодательства. Касаясь одной части зданія, можно расшатать остальныя.

Съ другой стороны, слѣдуетъ избѣгать и противоположной крайности. Могучіе интересы нерѣдко держатся законами, притѣснительными въ особенности для низшихъ классовъ. Чтобы побороть ихъ, законодателю нужна рѣшимость, которая обыкновенно является только тогда, когда обстоятельства къ тому вынуждаютъ. Въ мирное время

законодательство склонно погружаться въ рутину, а это ведетъ къ тому, что впослѣдствіи его задача становится труднѣе. Нельзя, напримѣръ, безъ нѣкотораго изумленія читать протоколы засѣданій различныхъ тайныхъ комитетовъ, которые собирались въ царствованіе Николая Павловича для обсужденія вопросовъ, касавшихся крѣпостнаго права. Самыя ничтожныя ограниченія помѣщичьей власти вызывали преувеличенныя опасенія и встрѣчали упорныя возраженія защитниковъ стараго порядка. Даже такой самовластный монархъ, какъ Николай I, отступалъ передъ этою оппозиціей. Результатъ былъ тотъ, что шесть лѣтъ послѣ его смерти пришлось крѣпостное право отмѣнить однимъ законодательнымъ актомъ.

Осторожное отношеніе къ законодательству тѣмъ важнѣе, чѣмъ глубже оно проникаетъ въ частную жизнь и захватываетъ интересы, сложившіеся въ теченіи многихъ лѣтъ. Въ области чисто административной перемѣны совершаются относительно легко, ибо здѣсь все находится въ рукахъ государства. Однако и тутъ есть отрасли, имѣющія громадное вліяніе, какъ на матеріальные, такъ и на духовные интересы народа. Къ первымъ принадлежитъ, напримѣръ, таможенная система, ко вторымъ народное образованіе. Послѣднее, въ особенности, требуетъ весьма осмотрительной и послѣдовательной политики; здѣсь легкомысленныя нововведенія и, еще болѣе, реакціонныя мѣры или дерганіе взадъ и впередъ могутъ произвести только хаосъ въ молодыхъ умахъ и подорвать всякое уваженіе къ закону и къ авторитету власти. Но еще глубже затрогиваютъ многообразные интересы законы гражданскіе. Поэтому, всякая перемѣна ихъ требуетъ крайней осторожности. Нѣтъ ничего легкомысленнѣе, какъ умозрительное составленіе гражданскихъ уложеній, въ родѣ того, какъ пытался дѣлать Сперанскій. Поэтому и освобожденіе крестьянъ составляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ государственной жизни; правильное ея разрѣшеніе дѣлаетъ величайшую честь русскому законодательству.

Нельзя не обратить вниманія и на то, что, приступая къ измѣненію законовъ, законодатель долженъ расчитывать свои силы. Онѣ необходимы, какъ для подготовленія мѣръ, такъ и для исполненія. Чѣмъ важнѣе задача, тѣмъ болѣе нужно щадить правительственныя силы, не раздробляя ихъ, а сосредоточивая на одной цѣли. Поэтому, всего выгоднѣе, когда законодательство идетъ постепенно отъ одной задачи къ другой. Это и есть обычный ходъ дѣлъ. Тутъ можно опасаться лишь того, что, погружаясь въ рутину, законодательство остановится въ своей дѣятельности. Тогда приходится въ короткое время наверстать все упущенное и разомъ производить перемѣны по всѣмъ ча-

стямъ. Это и составляетъ задачу періодовъ преобразованій. Но подобные законодательные перевороты обыкновенно сопровождаются или послѣдующею реакціей или, по крайней мѣрѣ, болѣе или меиѣе продолжительнымъ періодомъ законодательнаго покоя, въ теченіи котораго новый порядокъ постепенно входитъ въ нормальную колею.

Каковъ бы однако ни былъ ходъ законодательства, новый законъ, во всякомъ случаѣ, требуетъ тѣмъ бо̀льшаго подготовленія, чѣмъ шире и важнѣе интересы, которые онъ затрогиваетъ. Дла этого прежде всего нужно собираніе матеріаловъ. Они состоятъ въ тщательно собранныхъ статистическихъ свѣдѣніяхъ и въ распросѣ свѣдущихъ людей. Надобно знать, насколько крѣпко старое и въ какой степени подготовлено новое, встрѣтитъ ли законъ сопротивленіе въ укоренившихся порядкахъ и обычаяхъ и найдетъ ли онъ нужные матеріалы для сооруженія новаго зданія. Въ этомъ отношеніи всего опаснѣе полагаться на чисто оффиціальныя свѣдѣнія, добываемыя бюрократическимъ путемъ. Тутъ слишкомъ часто господствуетъ формальное отношеніе къ дѣлу, а нерѣдко и вниманіе къ частнымъ видамъ и удобствамъ правящихъ лицъ. Изъ этого проистекаетъ оффиціальная ложь, прикрывающая совершенно иное положеніе дѣлъ, нежели то, которое выставляется на показъ. Намъ, Русскимъ, хорошо извѣстны мнимыя статистическія свѣдѣнія, собираемыя черезъ волостныя правленія или сочиняемыя въ канцеляріяхъ губернаторовъ, и оффиціальные отчеты, въ которыхъ все обстоитъ благополучно, тогда какъ дѣйствительность представляетъ картину совершенно противоположнаго свойства. Образцомъ обстоятельнаго собиранія свѣдѣній, необходимыхъ для законодательныхъ работъ, могутъ служить англійскія парламентскія коммиссіи, которыя распрашиваютъ массу людей, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, и такимъ образомъ подготовляютъ драгоцѣнный матеріалъ, выясняющій вопросы не только для парламента и правительства, но и для общественнаго мнѣнія.

Иногда значительнымъ пособіемъ при изданіи новыхъ законовъ служитъ сравненіе съ иностранными законодательствами. Это полезно въ особенности тамъ, гдѣ требуется ввести новыя учрежденія, для которыхъ туземная жизнь не выработала надлежащихъ матеріаловъ и которыя однако въ чужихъ странахъ достигли значительнаго совершенства. Именно эти условія имѣли мѣсто у насъ при введеніи новаго судебнаго устройства. Русская жизнь не выработала правильнаго, справедливаго и пользующагося уваженіемъ суда. Это составляетъ самое сильное осужденіе нашего стараго государственнаго быта. А между тѣмъ, необходимыя формы и гарантіи правосудія были выяснены вполнѣ, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ другихъ европейскихъ

народовъ. Для приложенія ихъ къ русской жизни не требовалось ничего, кромѣ достаточнаго количества образованныхъ людей, занимающихся правомъ. Въ Русской землѣ они нашлись, и дѣло получило совершенно правильную постановку, удовлетворяющую общественнымъ потребностямъ. Точно также можно было руководиться чужими примѣрами въ постановленіяхъ о печати. Но тамъ, гдѣ преобразованіе глубже касалось народной жизни, законодатель не думалъ прямо переносить на русскую почву чужія учрежденія. Положеніе 19 Февраля все вытекло изъ внимательнаго изученія потребностей русской жизни. Правительство не довольствовалось бюрократическими свѣдѣніями и орудіями; къ участію въ работахъ были призваны лучшія общественныя силы. Все было тщательно изслѣдовано, обдумано и взвѣшено. Поэтому оно составляетъ, можно сказать, лучшій памятникъ русскаго законодательства. Точно также и земскія учрежденія получили у насъ своеобразный характеръ. При общихъ основаніяхъ и условіяхъ общегражданскаго порядка, существующихъ во всѣхъ современныхъ европейскихъ государствахъ, можно руководиться лежащими въ основаніи ихъ началами; но приложеніе этихъ началъ къ мѣстной жизни возможно только при соображеніи ея особенностей. Иначе это будетъ зданіе, висящее на воздухѣ.

Когда матеріалы собраны, надобно редактировать законъ. Это составляетъ одну изъ важныхъ частей законодательства. Первоначальная редакція всегда лежитъ въ основаніи всего дальнѣйшаго хода сужденій. Она возбуждаетъ мысль и даетъ ей извѣстное направленіе. Всѣ поправки исходятъ отъ существующаго текста и приноравливаются къ нему. Мелочи нерѣдко ускользаютъ при дальнѣйшемъ обсужденіи; точность языка и выраженій никогда не достигнется, если ея нѣтъ въ первоначальной редакціи. Не достигнется и систематическая послѣдовательность, которая нерѣдко даже нарушается вслѣдствіе позднѣйшихъ уступокъ и поправокъ. Поэтому весьма важно, чтобы редакція была поручена опытнымъ юристамъ, знающимъ силу и значеніе каждаго слова и тѣ разнообразныя толкованія, которымъ оно можетъ подвергаться на практикѣ.

Когда законъ немногосложенъ, всегда лучше поручить редакцію одному лицу, ибо только при этомъ условіи достигается полная обдуманность и послѣдовательность. Для болѣе обширныхъ проектовъ необходимо нѣсколько лицъ, а для законовъ, обнимающихъ цѣлую отрасль, учреждаются многолюдныя коммиссіи, распредѣляющія различные отдѣлы между своими членами. Такія коммиссіи должны однако составляться съ большою осмотрительностью. Многолюдство, вообще, имѣетъ свои неудобства. При неизбѣжномъ разнорѣчіи,

трудно составить проектъ, имѣющій внутреннее единство. Всего хуже, когда въ коммиссію набираются всякаго рода лица, которыя своими мнѣніями только затрудняютъ и осложняютъ дѣло; а такъ какъ окончательно рѣшаетъ большинство, то при такомъ составѣ хорошо обдуманный проектъ можетъ совершенно исказиться въ редакціи. При многочисленной коммиссіи, всего выгоднѣе, когда въ ней рѣшительный перевѣсъ получаютъ немногія лица, которыя ведутъ дѣло. Наконецъ, существуютъ и цѣлыя учрежденія съ спеціальною цѣлью подготовленія законодательныхъ работъ. Таково было у насъ Второе Отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи. Подобныя учрежденія страдаютъ однако существенными недостатками. Отрѣшенныя отъ практическаго дѣла, они легко впадаютъ въ рутину и формализмъ. Исходящее отсюда законодательство носитъ печать отвлеченности и часто оказывается неприложимымъ. Поэтому, гораздо лучше ввѣрять первоначально составленіе законовъ учрежденіямъ, имѣющимъ вмѣстѣ и административный характеръ и вслѣдствіе того соприкасающимся съ настоящимъ жизненнымъ дѣломъ. Таковъ, напримѣръ, во Франціи Государственный Совѣтъ. Подобное учрежденіе, составленное изъ опытныхъ спеціалистовъ, рѣшающее дѣла по всѣмъ отраслямъ управленія и хранящее общія начала и преданія законодательства, которыя оно не только вноситъ въ законъ, но и поддерживаетъ на практикѣ, составляетъ лучшую среду для подготовленія законодательныхъ работъ. Французскіе кодексы служатъ тому наглядымъ примѣромъ.

Редактированный проектъ проходитъ, какъ сказано, черезъ двоякую стадію обсужденія, предварительную и окончательную. Предварительное обсужденіе можетъ быть техническое, политическое и общественное. Первое имѣетъ въ виду подвергнуть проектъ критикѣ спеціалистовъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ и способныхъ указать его недостатки. Когда самая разработка закона производилась въ многолюдной коммиссіи, то здѣсь же происходило и предварительное обсужденіе. Если же проектъ составленъ однимъ или нѣсколькими лицами, необходимо подвергнуть его обсужденію законовѣдовъ и спеціалистовъ, которые должны разсмотрѣть его, какъ со стороны редакціи, такъ и со стороны приложенія. Въ политическомъ же отношеніи законъ разсматривается въ собраніи высшихъ государственныхъ сановниковъ, которымъ ввѣрено управленіе. Не всякій законъ требуетъ такого обсужденія; но оно необходимо для мѣръ, имѣющихъ общее политическое значеніе.

Оба эти способа обсужденія не замѣняютъ однако обсужденія общественнаго. Законъ имѣетъ дѣло съ интересами частныхъ лицъ, а потому надобно знать, какъ онъ на нихъ отзовется. Прежде всего

онъ долженъ удовлетворять потребностямъ общества, а бюрократы, отрѣшенные отъ жизни, часто не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. Черезъ это законодательство получаетъ отвлеченный и рутинный характеръ; между законодательствомъ и народомъ нарушается естественная связь; самое довѣріе къ закону подрывается, когда голосъ общества не былъ услышанъ при его обсужденіи и новое постановленіе падаетъ на него, какъ снѣгъ на голову, безъ всякаго подготовленія.

Пріобщеніе общества къ предварительному обсужденію проектовъ можетъ принимать различныя формы: вызовъ экспертовъ, обсужденіе въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, наконецъ обсужденіе въ печати.

Первое можетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе, когда правительство умѣетъ сдѣлать путный выборъ и даетъ мнѣнію экспертовъ надлежащій вѣсъ и значеніе. Положеніе 19 Февраля 1861 года главнымъ образомъ обязано своимъ успѣхомъ удачному выбору лицъ, вызванныхъ изъ общества. Но нерѣдко выборъ экспертовъ оказывается чисто случайнымъ и произвольнымъ. Иногда имъ даже не даютъ опредѣленной программы, а предоставляютъ разнорѣчащей комисіи вырабатывать неизвѣстныя мѣры. Случается и то, что люди, вызванные для важнаго дѣла, полагаютъ на него свое время и трудъ, а потомъ оказывается, что все это потрачено даромъ и на ихъ работы не обращено никакого вниманія. Подобный результатъ распространяетъ только общее неудовольствіе и подрываетъ всякое довѣріе къ правительству.

Еще важнѣе обсужденіе проектовъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Это уже не случайный наборъ лицъ, а собраніе людей, облеченныхъ довѣріемъ общества и близко знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ на мѣстахъ, а потому способныхъ указать на мѣстныя нужды и дать въ этомъ отношеніи самые полезные совѣты. При освобожденіи крестьянъ, у насъ были учреждены выборные комитеты для самой разработки первоначальнаго проекта. При такой крупной мѣрѣ это имѣло свое значеніе, съ одной стороны, какъ приготовленіе общества къ преобразованію, измѣнявшему весь его бытъ, съ другой стороны для выясненія задачи самому правительству, которое въ этомъ отношеніи блуждало еще во тьмѣ. Но, вообще, подобный способъ разработки законовъ имѣетъ весьма существенныя невыгоды, которыя и не замедлили оказаться. Проекты составляются во множествѣ разныхъ центровъ, а потому вовсе не соглашены между собою. Значительное количество времени и работы пропадаетъ даромъ, и въ концѣ концовъ члены комитетовъ остаются недовольны тѣмъ, что на ихъ мнѣніе не обращено должнаго вниманія При обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, гораздо лучше разсылать

готовые уже проекты на обсужденіе постоянныхъ мѣстныхъ собраній, которыя могутъ высказать свои мнѣнія и представить возраженія.

Менѣе полезно обсужденіе проектовъ въ печати, особенно тамъ, гдѣ послѣдняя не связана съ представительными учрежденіями. Въ странахъ, гдѣ нѣтъ настоящей политической жизни, печать обыкновенно имѣетъ отвлеченный и односторонній характеръ. Она мало знакома съ мѣстными нуждами и увлекается крайними мнѣніями, что, въ свою очередь, дѣйствуетъ на представителей мѣстностей, которые, вмѣсто здраваго сужденія, основаннаго на собственномъ опытѣ, поддаются общему потоку такъ-называемаго общественнаго мнѣнія, представляющаго, въ сущности, только мнѣнія журналистовъ. Однако, и при такихъ невыгодныхъ условіяхъ, печать служитъ единственною объединяющею средой для мнѣнія представителей различныхъ областей, которые только черезъ нее могутъ обмѣниваться мыслями. Иногда можетъ раздаться и голосъ независимаго человѣка, хорошо знакомаго съ дѣломъ, но не попавшаго въ мѣстныя собранія. Во всякомъ случаѣ, важно то, что голосъ печати, высказываясь громко, ни къ чему не обязываетъ; правительство можетъ брать изъ него то, что ему нужно.

Еще важнѣе предварительное обсужденіе вопросовъ въ печати при представительномъ правленіи. Здѣсь печать имѣетъ несравненно большее значеніе, ибо она связана со всею политическою жизнью страны; она служитъ постояннымъ органомъ партій, а потому можетъ высказывать вѣское сужденіе. Въ особенности, предварительнымъ обсужденіемъ вопросовъ въ печати общественное мнѣніе приготовляется къ выборамъ, которые для законодательныхъ вопросовъ имѣютъ рѣшающее значеніе. Въ высшей степени важно, чтобы общество предварительно знало, что ему готовятъ, и выбирало людей, не закрывши глаза, а съ яснымъ сознаніемъ дѣла.

Это приводитъ насъ къ окончательному обсужденію законовъ, которое точно также можетъ быть правительственное или общественное, бюрократическое или парламентское. Первое имѣетъ ту значительную выгоду, что собраніе составляется изъ людей опытныхъ и свѣдущихъ въ государственныхъ дѣлахъ, что оно не увлекается духомъ партій, а можетъ зрѣло обсудить вопросъ единственно съ точки зрѣнія общественнаго блага. Но неисцѣлимый недостатокъ подобнаго обсужденія состоитъ все-таки въ томъ, что чисто бюрократическое собраніе отрѣшено отъ жизни, не пользуется никакою независимостью и не представляетъ надлежащихъ гарантій дѣльнаго обсужденія вопросовъ. Нерѣдко оно составляется изъ людей, отживши свой вѣкъ и получающихъ покойное мѣсто, гдѣ они могутъ ничего не дѣлать. Чисто бюрократическое законодательство не въ

состояніи пріобрѣсти довѣріе общества, а можетъ ложиться на него удручающимъ гнетомъ. Предварительное обсужденіе проектовъ въ мѣстныхъ собраніяхъ и въ печати не въ состояніи помочь этому злу. Тутъ возбуждается неизбѣжный антагонизмъ между владычествующею бюрократіей и мѣстными органами. Послѣдніе жалуются, что на ихъ мнѣнія не обращаютъ должнаго вниманія; они чувствуютъ потребность взаимнаго обмѣна мыслей въ общемъ собраніи. Въ результатѣ, вмѣсто согласнаго дѣйствія центра и областей, распространяется общее неудовольствіе. Примѣръ прусскихъ провинціальныхъ чиновъ, установленныхъ въ 1823 году, служитъ тому наглядным доказательствомъ.

Настоящее участіе общества въ законодательныхъ вопросахъ возможно только въ общемъ представительномъ собраніи. Здѣсь только общественныя потребности находятъ полное свое выраженіе; здѣсь, путемъ обмѣна мыслей, выясняются вопросы и пріобрѣтается опытъ, необходимый для обсужденія государственныхъ дѣлъ. Но представительныя собранія, облеченныя законодательною властью, имѣютъ свои весьма крупныя невыгоды, на которыя не слѣдуетъ закрывать глаза.

Прежде всего, они составляются изъ самыхъ разнородныхъ лицъ, большинство которыхъ имѣетъ весьма недостаточное понятіе о тѣхъ дѣлахъ, которыя они призваны обсуждать. А такъ какъ рѣшающій голосъ принадлежитъ большинству, то понятно, что законъ, вышедшій изъ такого обсужденія, никогда не можетъ имѣть той точности, цѣльности и послѣдовательности, какія требуются для законодательныхъ работъ. Принятыя большинствомъ поправки нерѣдко искажаютъ самый смыслъ закона; во многихъ случаяхъ приходится идти на компромиссы; случайныя впечатлѣнія замѣняютъ основательное изученіе дѣла. При этомъ каждый депутатъ хочетъ выказаться передъ публикой и избирателями. Предлагаются ненужныя поправки и произносятся безконечныя рѣчи, тормозящія дѣло и развивающія въ обществѣ привычку къ расплывчатой болтовнѣ.

Привести къ соглашенію всю эту пеструю толпу возможно только однимъ способомъ: надобно организовать партіи, повинующіяся своимъ вождямъ. Но тутъ оказывается зло инаго рода: вмѣсто общаго блага, духъ партіи становится главною движущею пружиной законодательной дѣятельности. Ниже мы подробно разсмотримъ способы дѣйствія партій и ту роль, которую онѣ играютъ въ представительномъ порядкѣ. Во всякомъ случаѣ, партійное законодательство никакъ не можетъ считаться образцовымъ.

Отсюда то замѣчательное явленіе, что въ странѣ, гдѣ ранѣе всего утвердилось парламентское устройство, законодательство представляетъ полный хаосъ не связанныхъ между собой и разнорѣчащихъ постанов-

леній, въ которомъ разобраться можетъ только спеціалистъ. Въ новѣйшее время многое сдѣлано для его улучшенія; но каждый шагъ впередъ требуетъ неимовѣрныхъ усилій. Англійскіе государственные люди жалуются на то, что нужна громадная масса самой напряженной работы, чтобы достигнуть весьма ничтожныхъ результатовъ. Въ послѣднее время зло даже усилилось, съ одной стороны вслѣдствіе того, что парламентъ заваленъ массой работы, которой онъ не въ состояніи одолѣть, съ другой стороны вслѣдствіе того, что оппозиціонныя партіи стали прибѣгать къ обструкціи, то-есть, къ безконечному затягиванію преній, съ цѣлью задержать или провалить непріятный имъ законъ. Далѣе этого духъ партіи не можетъ идти. Во Франціи таже цѣль достигается безпрерывными запросами, на которые тратится драгоцѣнное время, между тѣмъ какъ нужныя дѣла стоятъ.

При всемъ томъ, нельзя не обратить вниманія и на другую сторону дѣла. Если нигдѣ нѣтъ такого сложнаго и запутаннаго законодательства, какъ въ Англіи, зато нигдѣ законъ не стоитъ такъ твердо и не пользуется такимъ уваженіемъ. Онъ обязанъ этимъ тѣмъ гарантіямъ, которыя даютъ народу парламентскія учрежденія, въ связи съ независимымъ судомъ. Законъ не является здѣсь чѣмъ-то внѣшнимъ и чуждымъ обществу; онъ вырабатывается изъ самыхъ его нѣдръ, сообразно съ тѣмъ духомъ и направленіемъ, которые господствуютъ въ народѣ. Партіи поперемѣнно стоятъ во главѣ управленія и понимаютъ потребности власти и порядка. Онѣ не пользуются своимъ преобладаніемъ для проведенія притѣснительныхъ мѣръ, зная, что имъ самимъ придется отъ нихъ страдать, когда онѣ возвратятся въ оппозицію. Здѣсь законъ большею частью носитъ характеръ компромисса; въ этомъ состоитъ его недостатокъ, но въ этомъ же и его сила. Онъ менѣе послѣдователенъ, зато болѣе удовлетворяетъ обоюднымъ требованіямъ и болѣе содѣйствуетъ замиренію.

Самая парламентская процедура, затрудняющая ходъ законодательства, имѣетъ свою выгодную сторону. Англійскіе публицисты видятъ въ медленности законодательной дѣятельности добро, а не зло. Въ настоящее время въ особенности, когда, вслѣдствіе развитія демократіи, возродилась старая манія все регламентировать сверху и всюду стѣснять свободное движеніе силъ, такая задержка можетъ быть весьма полезна. Не въ избыткѣ законодательной дѣятельности, а въ установленіи твердыхъ началъ, дающихъ широкій просторъ свободной дѣятельности гражданъ, состоитъ истинная польза государства. Самые благодѣтельные законы были тѣ, которые разрѣшали узы, а не тѣ, которые ихъ скрѣпляли. Намъ, Русскимъ, это извѣстно болѣе, чѣмъ кому-нибудь.

КНИГА ПЯТАЯ.

Политика управленія.

ГЛАВА I.

Силы государства.

Первый признакъ государства состоитъ въ томъ, что оно представляетъ организованную силу, способную къ самостоятельному существованію. Отъ силъ, которыми оно можетъ располагать, зависитъ, какъ внутренній порядокъ, такъ и внѣшняя безопасность. Чѣмъ онѣ значительнѣе, тѣмъ шире поприще для дѣятельности государства, тѣмъ высшую роль оно можетъ играть въ исторіи. Поэтому, развитіе и умноженіе государственныхъ силъ составляетъ первую задачу политики. Остальныя выдвигаются, только когда эта удовлетворена.

Съ особенною настойчивостью выступаетъ эта задача при созданіи новыхъ государствъ или при возрастаніи малыхъ. Тутъ умноженію государственныхъ силъ жертвуется всѣмъ остальнымъ, или, лучше сказать, все направляется къ удовлетворенію этой потребности. Отсюда великое историческое значеніе тѣхъ государей, которые устремляли все свое вниманіе на эту сторону государственной жизни. Они были представителями высшаго назначенія своего народа; они пролагали ему путь къ исторической дѣятельности. Таковъ былъ Петръ Великій; таковъ же былъ рядъ Гогенцоллерновъ, отъ Великаго Курфюрста до Фридриха II-го. Напротивъ, тамъ, гдѣ правители пренебрегали этою обязанностью, государство нисходило на низшую ступень или даже совсѣмъ разрушалось. Саксонскіе короли, которые тратили государственныя средства на роскошь, прихоти и предметы искусства, не въ состояніи были противиться прусскимъ войскамъ. Польша пала вслѣдствіе того, что правящая аристократія, опасаясь властолюбія королей, старалась по возможности умалять находившіяся въ ихъ рукахъ военныя силы Только государства совершенно уединен-

ныя и отрѣзанныя отъ другихъ, каковы Соединенные Штаты, могутъ развиваться и процвѣтать, не обременяя себя этою заботой.

И не только въ періодъ возрастанія государствъ, но и въ самыя цвѣтущія времена, когда на первый планъ выступаютъ другія задачи, поддержаніе силъ государства продолжаетъ составлять одну изъ самыхъ насущныхъ его потребностей. Безъ этого народъ можетъ пасть съ своей высоты и подвергнуться неисчислимымъ бѣдствіямъ. Мы видѣли это на своихъ глазахъ. Благодаря тому, что Франція не умѣла поддержать свои военныя силы въ уровень съ Германіей, она претерпѣла неслыханный разгромъ, потеряла двѣ цвѣтущія области, должна была заплатить пять милліардовъ контрибуціи и нынѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ, принуждена напрягать всѣ свои средства, чтобы сохранить даже значительно умаленное положеніе. Этотъ урокъ не пропалъ даромъ. Въ настоящее время всѣ европейскія государства, наперерывъ другъ передъ другомъ, тратятъ громадныя суммы на поддержаніе своихъ боевыхъ силъ въ уровень съ сосѣдями. Можно скорбѣть о такомъ положеніи дѣлъ; но нельзя не видѣть въ этомъ строгой необходимости. Государство, которое пренебрегаетъ этою обязанностью, при первомъ столкновеніи низойдетъ съ своей высоты и будетъ отдано на жертву болѣе могучимъ соперникамъ. Самый миръ можетъ сохраняться только поддержаніемъ равновѣсія силъ.

Изъ этого ясно, до какой степени поверхностно воззрѣніе тѣхъ, которые въ стремленіи къ умноженію государственныхъ силъ видятъ только предразсудокъ стараго времени. Существуетъ весьма распространенное мнѣніе, которое даже въ прошломъ хотѣло бы изъ исторіи вовсе изгнать политику и войны и все движеніе человѣческихъ обществъ свести къ незамѣтному бытовому развитію массъ и къ измѣненію экономическихъ условій. Въ дѣйствительности, бытовое состояніе массъ и экономическія условія составляютъ только матеріалъ для государственной дѣятельности; вопросъ заключается въ томъ, какое изъ этого матеріала сдѣлать употребленіе, какъ его организовать и куда его направить. Въ этомъ состоитъ задача политики, и отъ этого зависитъ самая судьба народа. Въ экономическомъ отношеніи Польша стояла и стоитъ выше Россіи; но политика въ обѣихъ государствахъ была разная, а потому и результатъ вышелъ иной. Государство, стоящее на низшей ступени экономическаго развитія, разрослось въ державу, обнимающую полміра, а то, которое занимаетъ высшую ступень, лишилось политической самостоятельности и было раздѣлено на части болѣе могучими сосѣдями. Только забывая самые очевидные факты, можно становиться на точку зрѣнія экономическаго матеріализма

Изъ всѣхъ государственныхъ силъ первое мѣсто занимаетъ войско. Мы уже видѣли, что оно составляетъ главное орудіе власти, а потому требуетъ самой внимательной заботы правителей. Отъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ находится государство, зависитъ то количество войска, которое нужно для его защиты, отъ внутреннихъ условій то количество, которое оно въ состояніи содержать. Войско должно быть соразмѣрно съ матеріальными средствами. Слишкомъ малое количество умаляетъ внѣшнее значеніе государства и можетъ привести его къ гибели; слишкомъ большое количество подрываетъ его экономическія силы и вовлекаетъ его въ безвыходныя финансовыя затрудненія. Послѣднее мы видимъ въ настоящее время въ Италіи и Греціи. Оба эти государства разоряются, потому что содержатъ слишкомъ большое для ихъ средствъ количество войска. Грецію имѣетъ за себя еще то извиненіе, что при шаткомъ положеніи Турецкой Имперіи она должна быть всегда наготовѣ, чтобъ отвоевать себѣ, при возможномъ ея разложеніи, по крайней мѣрѣ часть ея наслѣдія. Но кто хочетъ играть историческую роль, тотъ долженъ обладать и денежными средствами, соразмѣрными съ военными силами. Безъ этого, положеніе становится слишкомъ непрочнымъ. Государство, которое находится въ состояніи банкротства, не можетъ разсчитывать на успѣхъ. Италія же не имѣетъ и этого извиненія. Никто ей не угрожаетъ, и она не въ правѣ предъявлять притязанія на дальнѣйшее расширеніе. Только стремленіе играть роль великой державы въ хвостѣ Тройственнаго союза побуждаетъ ее держать количество войска несоразмѣрное съ ея денежными средствами. Но безразсудная мегаломанія въ себѣ самой носитъ свое наказаніе. Государство разоряется, не получая отъ того никакихъ выгодъ.

Примѣръ заботливаго созданія крупной военной силы, соразмѣрной съ денежными средствами, представляетъ Пруссія при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I-мъ. Этотъ государь былъ деспотъ въ самой грубой формѣ; его страсть къ военному дѣлу доходила до безобразнаго капральства. Но съ этимъ онъ соединялъ самую тщательную экономію и большую хозяйственность. Результатъ былъ тотъ, что при трехмилліонномъ населеніи онъ оставилъ сыну 80.000 хорошо обученнаго войска и полную кассу. Этимъ и воспользовался Фридрихъ Великій, чтобы завоевать сосѣднія земли и сдѣлать Пруссію одной изъ великихъ европейскихъ державъ.

Въ связи съ количествомъ находится и организація войска. Государство можетъ располагать бо́льшимъ количествомъ военныхъ силъ при всенародной повинности съ системою запасовъ, нежели при постоянномъ войскѣ, выдѣленномъ изъ народа. Послѣднее можетъ обла-

дать большею стойкостью, но потери не возмѣщаются такъ легко, и нѣтъ запасныхъ силъ, которыми можно пользоваться въ случаѣ нужды. Всенародная повинность имѣетъ и ту громадную выгоду, что здѣсь сроки службы короче, вслѣдствіе чего солдаты не отрываются совершенно отъ своихъ занятій и возвращаются въ свою среду, внося въ нее духъ порядка и дисциплины. Пруссіи принадлежитъ честь изобрѣтенія этой системы, которая нынѣ распространилась на всѣ государства европейскаго материка. Войско Фридриха II-го, служившее нѣкогда образцомъ, было уничтожено подъ Іеной однимъ ударомъ; раздавленная Наполеономъ Пруссія должна была напрягать всѣ свои силы, чтобъ избавиться отъ ненавистнаго ига и приготовить себѣ лучшее будущее. И это она сдѣлала съ помощью такой военной организаціи, которая нынѣ возвела ее на степень самой могущественной изъ европейскихъ державъ. У насъ, замѣна прежней постоянной арміи, которая обрекала солдата на пожизненную службу, даже съ дѣтьми, всенародною повинностью съ короткими сроками, было однимъ изъ величайшихъ преобразованій царствованія Александра Втораго. Водворенію, на мѣсто крѣпостнаго права, общегражданской свободы соотвѣтствовало превращеніе крѣпостнаго солдата въ свободнаго человѣка. Этого нельзя цѣнить достаточно высоко.

Такая замѣна можетъ однако оказаться пагубной, если при этомъ не сохраняется тотъ духъ, который составляетъ нравственную силу арміи. Количество мало приноситъ пользы, когда нѣтъ надлежащаго качества. Исторія показываетъ не одинъ примѣръ громадныхъ полчищъ, которыя разбивались небольшими, но хорошо организованными и крѣпкими своимъ духомъ войсками.

Прежде всего, этотъ духъ поддерживается дисциплиной, которая составляетъ первую потребность войска. Въ военное время малѣйшая шаткость можетъ быть гибельна, а потому и въ мирное время требуется безусловное повиновеніе вождямъ. Оно должно сдѣлаться жизненною привычкой солдата. Однако и тутъ можетъ быть излишекъ. Съ одной стороны, безмѣрная строгость дисциплины, особенно когда она обращается преимущественно на внѣшнія формы, уничтожаетъ всякую иниціативу и превращаетъ солдата въ чистую машину, между тѣмъ какъ на войнѣ нерѣдко и рядовому приходится дѣйствовать самому. Съ другой стороны, охраненіе дисциплины нерѣдко сопровождается такими грубыми пріемами и такими жестокими наказаніями, которыя уничтожаютъ въ солдатѣ всякое чувство чести и достоинства, производятъ общее огрубѣніе нравовъ и дѣлаютъ самое военное ремесло ненавистнымъ тѣмъ, которые принуждены себя ему посвящать. Послѣднее было самою темною стороною въ арміи, созданной

Фридрихомъ-Вильгельмомъ I-мъ и сдѣлавшейся орудіемъ побѣдъ въ рукахъ Фридриха II-го. Отсюда эти пріемы распространились и на другія европейскія войска; удивленіе къ подвигамъ великаго монарха заставляло подражать даже самымъ неприглядным чертамъ его военной системы. Въ Пруссіи доселѣ, не смотря на полное преобразованіе войска, эта суровая система отзывается въ невѣроятно грубомъ обращеніи съ солдатами, о которомъ повѣствуютъ даже оффиціальные документы. У насъ, прусская дисциплина, со всѣми ея грубыми пріемами и безчеловѣчными истязаніями, долго была господствующею. Но и она наконецъ уступила духу, повѣявшему въ новыхъ преобразованіяхъ. Солдатъ пересталъ быть чистою машиной; съ нимъ стали обращаться, какъ съ человѣкомъ. Старые служаки, привыкшіе къ прежнему фронту, роптали на упадокъ дисциплины и предсказывали, что при первомъ столкновеніи окажется, что русская армія потеряла всѣ свои боевыя качества. Среднеазіатскіе походы и Турецкая война блистательно опровергли эти пессимистическіе взгляды. Оказалось, что русскій солдатъ, относительно стойкости и дисциплины, все тотъ же, какимъ онъ былъ прежде, хотя обращеніе съ нимъ совершенно иное. Этимъ возведеніемъ его на степень человѣка онъ обязанъ тому чувству гуманности, которое одушевляло Царя-Освободителя, а равно и замѣчательнаго министра, вынесшаго на плечахъ своихъ все военное преобразованіе. Имя графа Дмитрія Алексѣевича Милютина не забудется въ русской исторіи.

Сила и крѣпость арміи зависятъ и отъ народнаго духа. Есть народы, которые умѣютъ драться, и другіе, которымъ это качество болѣе или менѣе чуждо. Сколько ни толкуй моралисты о томъ, что не хорошо убивать людей, нѣтъ сомнѣнія, что на войнѣ проявляются высшія способности человѣческой природы, въ особенности твердость характера, энергія, стойкость, неустрашимость, наконецъ высокое патріотическое чувство, заставляющее человѣка жертвовать собою для отечества. Иногда патріотическое одушевленіе замѣняетъ и организацію и дисциплину. Это показали войска первой Французской Революціи. Они не только дали отпоръ врагамъ, но они выставили изъ среди себя цѣлый рядъ замѣчательныхъ полководцевъ и непобѣдимымъ натискомъ покорили окружающія страны. Однако, на такое патріотическое одушевленіе далеко не всегда можно полагаться. Вообще, подобныя минуты бываютъ рѣдки въ исторіи народовъ. Послѣдняя Франко-прусская война доказала, что наскоро набранныя полчища не въ состояніи противостоять организованнымъ силамъ, направляемымъ искусною рукою.

Въ военномъ дѣлѣ руководство, можетъ-быть, еще важнѣе, не-

жели составъ арміи. Самая стойкая армія, безъ надлежащаго руководства, обречена на погибель. Политика, конечно, не создаетъ военныхъ талантовъ, но она создаетъ тѣ условія, при которыхъ они проявляются. Первымъ учителемъ въ этомъ отношеніи служитъ сама практика, то-есть война; но въ мирное время заботы правительства должны быть направлены къ тому, чтобы приготовить людей, способныхъ быть предводителями войска, не только на высшихъ, но и на низшихъ ступеняхъ военной іерархіи. Армія должна имѣть корпусъ образованныхъ офицеровъ. Чѣмъ многочисленнѣе войско, чѣмъ сложнѣе и затруднительнѣе его передвиженія, чѣмъ совершеннѣе употребляемыя орудія, тѣмъ потребность военнаго образованія дѣлается настоятельнѣе. Въ этомъ дѣлѣ правительство всего болѣе можетъ показать, насколько оно стоитъ въ уровень съ своею задачей. Внѣшняя выправка солдатъ можетъ быть превосходная, дисциплина можетъ быть самая строгая, но если нѣтъ образованныхъ и умѣлыхъ руководителей, все это не служитъ ни къ чему. Восточная война въ послѣдніе годы царствованія императора Николая I-го доказала это съ полною очевидностью. И въ этомъ отношеніи преобразованіе русской арміи при Александрѣ II-мъ было значительнымъ шагомъ впередъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія у насъ былъ корпусъ образованныхъ офицеровъ. Они стояли во главѣ русской арміи во времена великихъ войнъ, приведшихъ ко взятію Парижа. Печальное событіе 14-го Декабря повело къ значительному пониженію ихъ умственнаго уровня. Отъ офицеровъ стали требовать уже не образованія, а покорности. Чѣмъ менѣе они думали и знали, тѣмъ они казались надежнѣе. Результаты показали всю несостоятельность этой системы. Съ переустройствомъ арміи на новыхъ началахъ выдвинулись впередъ и потребности образованія. Просвѣщенный министръ, стоявшій во главѣ реформы, менѣе всего могъ ими пренебрегать. Возстановленіе впослѣдствіи старыхъ кадетскихъ корпусовъ заставляетъ опасаться возвращенія къ старымъ взглядамъ.

Вообще, войско составляетъ такую существенную потребность государства, оно представляетъ такое могучее орудіе власти, что рѣдкія правительства не обращаютъ на него должной заботы. Часто эта забота становится даже преувеличенною, отвлекая вниманіе отъ всего остальнаго и заставляя смотрѣть на самый гражданскій порядокъ съ точки зрѣнія военнаго строя. Въ эту крайность впадаютъ въ особенности правительства самодержавныя. Но далеко не всегда попеченіе о войскѣ сохраняетъ разумное направленіе. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, внѣшній порядокъ нерѣдко замѣняетъ настоящее содержаніе. Особенно въ періоды долгаго мира, когда практика не

обнаруживаетъ слабыхъ сторонъ военной организаціи, армія становится игрушкою, которою потѣшаются монархи. Хорошо, когда во главѣ ея стоитъ геніальный полководецъ, какъ Фридрихъ Великій, который самъ многократно велъ армію къ побѣдамъ и зналъ, что для нея требуется. Но подражатели великихъ людей, не обладающіе ихъ военнымъ геніемъ, обыкновенно схватываютъ внѣшнюю сторону ихъ дѣятельности, которую легко себѣ усвоить. Они до мелочей знаютъ всѣ подробности военнаго ремесла, но не обладаютъ тѣмъ духомъ, который его оживляетъ. Красивыя эволюціи, исполняемыя безошибочно по мгновенной командѣ, замѣняютъ умѣніе вести войска къ побѣдѣ, соображаясь съ дѣйствительными условіями дѣла; внѣшній блескъ и изящная обмундировка становятся предметами главнаго вниманія; дисциплина, проведенная съ неумолимою строгостью, убиваетъ всякое живое начало и искореняетъ духъ личной инціативы. Не даромъ въ 1814 году человѣкъ замѣчательнаго ума, тогдашній наслѣдный принцъ Виртембергскій, говорилъ императору Александру Павловичу, что Фридрихъ Великій всѣхъ европейскихъ государей обратилъ въ капраловъ. Всего хуже то, что это направленіе неизбѣжно отражается и на гражданскомъ строѣ, въ который вносятся тѣже начала чисто внѣшняго порядка и военной дисциплины, между тѣмъ камъ именно здѣсь они менѣе всего умѣстны. Въ молодости привычка къ извѣстной дисциплинѣ всегда полезна; въ этомъ состоитъ благая сторона всеобщей воинской повинности: но когда эта привычка доходитъ до полнаго уничтоженія личности, она становится убійственною для народнаго характера и нравовъ.

Въ этомъ отношеніи морское дѣло имѣетъ значительныя преимущества передъ военнымъ. Въ мирное время войску не приходится преодолѣвать опасностей; соблюденіе внѣшняго порядка остается единственнымъ предметомъ заботы. Въ морскомъ дѣлѣ, напротивъ, постоянная борьба съ стихіями требуетъ напряженія всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Тутъ не достаточно повиноваться, надобно умѣть и соображать. На начальникахъ въ особенности лежитъ тяжелая отвѣтственность за самую жизнь экипажа, котораго вся судьба зависитъ иногда отъ малѣйшаго недосмотра. А съ отвѣтственностью связана и личная инціатива; нужны рѣшимость и твердость. Морское дѣло, по существу своему, способствуетъ выработкѣ характеровъ. Этимъ именно отличаются приморскіе народы, и это составляетъ для нихъ громадную выгоду во всѣхъ отношеніяхъ. Флотъ не можетъ сдѣлаться игрушкою, подобно войску. Подверженное постояннымъ опасностямъ, мореплаваніе требуетъ дѣйствительнаго умѣнія. Управлять кораблемъ не то, что командовать на маневрахъ. Поэтому

и страсть къ морю развивается только у людей, дѣйствительно къ тому способныхъ. Къ тому же флотъ менѣе вторгается въ гражданскую жизнь; онъ не можетъ служить орудіемъ ни для охраненія внутренняго порядка, ни для подавленія свободы. А съ другой стороны, онъ нуждается въ матеріалѣ, который только въ слабой степени создается правительствомъ, а главнымъ образомъ вырабатывается самимъ обществомъ. Тамъ, гдѣ въ народѣ нѣтъ ранней привычки къ морю, гдѣ нѣтъ болѣе или менѣе значительнаго развитія торговаго судоходства, тамъ военный флотъ всегда покоится на шаткомъ основаніи. Однако и тутъ умное и настойчивое правительство можетъ сдѣлать очень много. Чѣмъ неблагопріятнѣе условія, тѣмъ выше подвигъ. Ни въ чемъ, можетъ быть, могучій геній Петра не проявился въ такой силѣ, какъ въ созданіи флота, который способенъ былъ разбить Шведовъ. Флоты Екатерины одерживали побѣды въ Архипелагѣ. И въ наши дни, мы видѣли образцовый флотъ, созданный геніемъ великаго моряка, вдали отъ всякихъ правительственныхъ вліяній, на тѣсномъ пространствѣ Чернаго моря. Подъ руководствомъ умнаго и энергичнаго вождя воспиталась цѣлая фаланга безсмертныхъ дѣятелей, которые и послѣ погибели флота ознаменовали себя великими военными подвигами и пали, защищая отечество. Но и это созданіе генія лишено было настоящей почвы. Черноморскій флотъ исчезъ передъ превосходною силой, а обновить его не изъ чего, ибо купеческое судоходство отсутствуетъ. Правительство принуждено тратить громадныя суммы на жалкія предпріятія, которыя служатъ лишь къ тому, чтобы убить всякую конкурренцію и не дать возникнуть самостоятельнымъ силамъ. А въ послѣднихъ то и заключается все дѣло.

Существованіе торговаго мореходства не только составляетъ условіе для прочнаго созданія флота, но оно главнымъ образомъ вызываетъ въ немъ потребность. Военный флотъ нуженъ прежде всего для обезпеченія торговли и для огражденія торговыхъ интересовъ въ самыхъ отдаленныхъ моряхъ. Въ этомъ заключается вся сила Англіи. Она стремится всегда имѣть флотъ, превосходящій даже соединенные флоты другихъ державъ, потому что торговые ея интересы распространяются по всему земному шару и вездѣ требуютъ огражденія. Задержка торговли при столкновеніяхъ съ сосѣдями составляетъ для нея вопросъ жизни и смерти. Безъ этого нѣтъ нужды тратить громадныя суммы на морскія сооруженія. Чисто военныя задачи флота весьма ограничены. Не имъ рѣшаются судьбы государствъ. Только въ исключительныхъ условіяхъ, когда вся историческая жизнь вращается около береговъ и острововъ, какъ было, напримѣръ, въ

древней Греціи, онъ становится могущественнымъ факторомъ государственной силы. Значеніе его тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе страна имѣетъ континентальный характеръ. Даже страны, окруженныя моремъ, какъ Англія, защищаются своимъ положеніемъ еще болѣе, нежели флотомъ. Посланная для завоеванія ея испанская армада погибла безъ боя. Для нападенія на континентальныя страны Англія безсильна, если она въ нихъ самихъ не находитъ опоры. Во времена Наполеоновскихъ войнъ она была владычицею морей, но на континентальныя войны ея флотъ не имѣлъ никакого вліянія. Въ Крымскую кампанію соединенные флоты самыхъ могущественныхъ морскихъ державъ могли только съ величайшими усиліями способствовать взятію одной приморской крѣпости; на всѣхъ остальныхъ пунктахъ оказалось полное безсиліе. Точно также во Франко-прусскую войну французскій флотъ имѣлъ превосходство на моряхъ, но это не послужило ровно ни къ чему. Поэтому, для государства, не обладающаго обширною торговлей и не имѣющаго заморскихъ колоній, нѣтъ никакой нужды тратить значительныя средства на сооруженіе военнаго флота. Когда бѣдныя страны, какъ Италія и Греція истощаютъ послѣднія средства на созданіе флотовъ, тѣмъ самымъ подрывая платежныя силы народа, то въ этомъ обнаруживается только превратность политическихъ взглядовъ. Не видать также, какимъ существеннымъ интересамъ Россіи можетъ служить содержаніе болѣе или менѣе значительнаго флота на дальнемъ Востокѣ, гдѣ у насъ нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ пустынь.

Въ политикѣ нельзя достаточно настаивать на томъ, что объемъ государственныхъ силъ долженъ сообразоваться съ денежными средствами. Отсюда высокая важность здравой финансовой политики. И въ мирное время и, еще болѣе, въ случаѣ войны, когда требуются внезапныя и громадныя издержки, возможность располагать деньгами составляетъ первую и самую насущную потребность государства. Фридрихъ Великій говорилъ, что на войнѣ побѣдителемъ остается тотъ, кто имѣетъ послѣдній талеръ въ карманѣ. При Наполеонѣ Англія мало участвовала въ континентальныхъ войнахъ, но она поддерживала ихъ своими субсидіями. Въ концѣ концовъ, государство, обезпеченное въ денежныхъ средствахъ, всегда имѣетъ перевѣсъ надъ тѣмъ, кому ихъ недостаетъ.

Въ основаніи своемъ начала финансовой политики суть тѣже самыя, которыми руководится и частное хозяйство, именно, соображеніе расходовъ съ платежными средствами. Воображать, что государство обладаетъ неистощимымъ запасомъ денегъ, которыя оно можетъ тратить по произволу, пренебрегая самыми элементарными требованіями

всякой хозяйственной дѣятельности, есть вредное и опасное заблужденіе. Расточительность и неразуміе всегда носятъ въ себѣ свое наказаніе. Также какъ частный хозяинъ, государство обязано быть расчетливымъ и бережливымъ. Это требованіе тѣмъ настоятельнѣе, что средства, которыми располагаетъ правительство, суть не его собственныя, а общественныя. Поэтому, первое правило здравой финансовой политики состоитъ въ томъ, что обыкновенные расходы должны покрываться обыкновенными доходами. Гдѣ этого нѣтъ, надобно или сокращать расходы или увеличивать обложеніе. И то и другое представляетъ обыкновенно значительныя затрудненія. И въ частномъ хозяйствѣ не легко измѣнить установленное теченіе жизни; въ государственномъ управленіи, несравненно болѣе сложномъ, гдѣ утвердился извѣстный прочный порядокъ и подобраны люди для исполненія общественныхъ цѣлей, сокращеніе расходовъ бываетъ сопряжено съ величайшими трудностями. Для преодолѣнія ихъ требуется самое подробное изученіе предмета, а вмѣстѣ практическій смыслъ и настойчивость въ проведеніи мѣръ. Приходится измѣнять сложившіяся привычки не только управляющихъ, но и управляемыхъ. Надобно удалить и дать иное назначеніе привычнымъ къ дѣлу людямъ и приставить другихъ, которымъ новый порядокъ является заново. И при этомъ рискуешь дать меньшее или худшее удовлетвореніе установившейся общественной потребности. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что люди, стоящіе во главѣ дѣла, а потому ближе всѣхъ съ нимъ знакомые, всегда находятъ, что средствъ у нихъ мало; они готовы всѣми силами отстаивать свое управленіе и приводятъ тысячу причинъ, почему оно не можетъ быть измѣнено. Министру финансовъ, стремящемуся къ сокращенію расходовъ, тѣмъ труднѣе съ этимъ бороться, что онъ самъ не можетъ быть спеціалистомъ по всякой отрасли. Понятно поэтому, что стремленіе къ сокращенію расходовъ рѣдко приводитъ къ сколько-нибудь значительнымъ результатамъ. Обыкновенно оно ограничивается мелочами, не имѣющими существеннаго вліянія на государственное хозяйство. Вообще, съ развитіемъ жизни государственныя потребности ростутъ, а съ ними вмѣстѣ ростутъ и расходы.

Вслѣдствіе этого, когда обнаруживается болѣе или менѣе постоянный дефицитъ, обыкновенно прибѣгаютъ къ другому средству, именно, къ поднятію доходовъ. Но тутъ встрѣчаются затрудненія своего рода. Поднять доходы не мудрено въ странѣ богатой, имѣющей избытокъ производительныхъ силъ; но въ такихъ странахъ всего рѣже оказываются дефициты. Обыкновенно они являются въ странахъ бѣдныхъ или разоренныхъ, для которыхъ нести новыя тягости непо-

сильно. Когда старые налоги тяжело лежатъ на народонаселеніи, возложеніе на него новаго бремени можетъ совершенно подорвать его экономическія силы. Если оно имѣетъ голосъ въ установленіи податей, оно поднимаетъ вопль и съ нимъ надобно считаться. Конституціонныя правительства принуждены быть весьма осторожны въ возвышеніи налоговъ, ибо они должны щадить своихъ избирателей. Неограниченыя правительства изъяты отъ этихъ соображеній, но зато они скорѣе рискуютъ парализовать производительныя силы страны и тѣмъ уничтожить главный источникъ государственныхъ средствъ. Къ экономической области всего болѣе приложено сравненіе Монтескьё: „Когда дикіе народы Луизіаны хотятъ сорвать плоды, они рубятъ дерево и срываютъ плоды; таково изображеніе деспотизма“. Во всякомъ случаѣ, возвышеніе податнаго бремени всегда возбуждаетъ неудовольствіе плательщиковъ, а всякое правительство старается этого избѣгнуть.

Если оно не рѣшается на такую мѣру, остается прибѣгать къ кредиту. Но и съ кредитомъ надобно обращаться весьма осторожно; иначе, для минутнаго облегченія въ настоящемъ, чрезмѣрно увеличивается бремя будущаго. Существенная задача состоитъ въ томъ, чтобы кредитъ былъ употребленъ раціонально. Это можетъ дѣлаться въ двухъ случаяхъ: 1) въ обыкновенномъ порядкѣ, когда заемъ обращается въ стоячій капиталъ, приносящій болѣе дохода, нежели тѣ проценты, которые приходится выплачивать на занятыя деньги; 2) въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, когда расходъ составляетъ настоятельную нужду государства, а обыкновенными доходами онъ не покрывается.

Въ первомъ случаѣ государству предоставляется обширный просторъ для всякаго рода соображеній: 1) дѣйствительно ли нужно такое предпріятіе? 2) будетъ ли оно окупаться? 3) не лучше ли предоставить его частной предпріимчивости, даровавъ послѣдней нѣкоторыя льготы? Эти соображенія осложняются еще тѣмъ, что тутъ могутъ быть общественныя выгоды, ускользающія отъ всякаго расчета. Частный предприниматель имѣетъ въ виду исключительно тѣ денежные доходы, которые падутъ въ его карманъ; рискъ его состоитъ въ томъ, что эти доходы, относясь къ будущему, всегда гадательны. Поэтому, если нужно положить значительныя суммы на предпріятіе, полезное для общества, онъ требуетъ отъ государства гарантіи извѣстнаго, наименьшаго дохода. Государство же, кромѣ денежнаго дохода, должно имѣть въ виду и общее поднятіе промышленности и торговли, которое можетъ быть результатомъ новаго предпріятія, а это ускользаетъ отъ всякаго расчета; тутъ все является совершенно не-

опредѣленнымъ и гадательнымъ. Если же, какъ нерѣдко бываетъ, къ гадательнымъ матеріальнымъ выгодамъ присоединяются таковыя же умственныя и нравственныя, то тутъ уже вопросъ теряется въ полномъ туманѣ. При такихъ условіяхъ, государство рискуетъ сдѣлать значительныя затраты на такое дѣло, которое впослѣдствіи даетъ вовсе не то, что отъ него ожидали. Примѣромъ могутъ служить тѣ громадныя суммы, которыя Франція тратила на свои колоніи, а также и та сѣть второстепенныхъ желѣзныхъ дорогъ, которая была предпринята по предложенію Фрейсинэ: знатоки дѣла утверждаютъ, что это въ значительной степени даромъ брошеныя деньги. У насъ примѣромъ такихъ сомнительныхъ предпріятій можетъ служить Сибирская желѣзная дорога. Разработка новыхъ пустынныхъ мѣстъ не составляетъ у насъ насущной потребности; при нынѣшнемъ состояніи земледѣльческой промышленности требуется не расширеніе, а сокращеніе площади, находящейся подъ обработкой. При рѣдкости населенія Россіи не требуется и усиленная колонизація, которая и безъ всякихъ желѣзныхъ дорогъ находитъ себѣ достаточно простора. Съ другой стороны, на дальнемъ Востокѣ нѣтъ у насъ никакихъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ. Спрашивается: какую же пользу можетъ принести путь, проложенный черезъ необъятныя пустыя пространства и требующій неимовѣрныхъ затратъ? Онѣ падутъ всею своею тяжестью на наличное русское населеніе, которое, оплачивая новый путь, не получитъ отъ него никакой выгоды, а напротивъ будетъ поставлено въ худшее положеніе вслѣдствіе конкурренціи новыхъ земель.

Всѣ подобныя соображенія должны однако умолкнуть тамъ, гдѣ требованія государства настоятельны и очевидны. Когда дѣло идетъ о защитѣ или вооруженіи, общество, одушевленное патріотическимъ чувствомъ, не можетъ торговаться. Однако и этою стрункой можно злоупотреблять. Извѣстно, какъ, играя на ней, князь Бисмаркъ все увеличивалъ военныя силы Германіи, а такъ какъ и другія государства принуждены были дѣлать тоже самое, то бремя милитаризма ложилось все большимъ и большимъ гнетомъ на всѣ европейскіе народы. Тутъ финансовая политика стоитъ въ прямой зависимости отъ политики общей. Нельзя по этому случаю не припомнить словъ, которыя повторялъ знаменитый министръ финансовъ временъ Реставраціи и Іюльской монархіи, баронъ Луи, своимъ товарищамъ по министерству: „давайте мнѣ хорошую политику, и я вамъ устрою хорошіе финансы“.

Войны и вооруженія составляютъ главныя причины громадной задолженности современныхъ европейскихъ государствъ. Было время, когда количество долговъ считалось даже признакомъ богатства.

Нынѣ это странное воззрѣніе отошло въ область забытыхъ парадоксовъ. Если въ военное время государства принуждены дѣлать долги, то въ мирное время они стремятся ихъ уплачивать. Поэтому, когда въ мирное время задолженность непомѣрно возрастаетъ, нельзя не видѣть въ этомъ признака неправильнаго хода финансовой системы. Таково именно положеніе у насъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Если возникаютъ новыя предпріятія, то къ нимъ надобно приступать осторожно, не впадая въ слишкомъ крупные долги. Если же нужны усиленныя вооруженія, то они должны покрываться изъ обыкновенныхъ доходовъ, а не путемъ займовъ. Франція, послѣ разгрома 1870 года, принуждена была возобновить всю свою систему крѣпостей и вооруженія. Это, конечно, стоило громадныхъ суммъ и сначала производилось съ помощью кредита. Но когда оказалось, что эти расходы возобновляются годъ за годомъ, они были введены наконецъ въ обыкновенную смѣту. Нельзя при этомъ не замѣтить, что одинъ изъ обычныхъ пріемовъ финансоваго управленія, желающаго свести концы съ концами, состоитъ въ томъ, что обыкновенные расходы показываются въ видѣ чрезвычайныхъ, а потому покрываются чрезвычайными средствами. Такой пріемъ сообщаетъ смѣтѣ совершенно неправильный характеръ, а потому долженъ быть безусловно осужденъ.

Заемъ можно сдѣлать и безъ процентовъ, посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ, въ случаѣ нужды даже съ принудительнымъ курсомъ. Такой способъ полученія денегъ тѣмъ заманчивѣе, что условія его чрезвычайно легки; тутъ не требуется ничего, кромѣ бумажнаго станка. Въ экстренныхъ случаяхъ, когда деньги необходимы, а заемъ можно заключить только при крайне невыгодныхъ условіяхъ, правительства волею или неволею къ нему прибѣгаютъ. Какъ временная мѣра, онъ составляетъ еще наименьшее зло. Но постоянное бумажное хозяйство тяжело отзывается на всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ оборотахъ. Колебанія мѣрила цѣнностей производятъ пертурбацію во всѣхъ сдѣлкахъ; одни выигрываютъ, другіе теряютъ совершенно случайно; невозможно произвести сколько-нибудь правильнаго расчета. Фикція въ торговомъ оборотѣ заступаетъ мѣсто дѣйствительности. Само государство становится въ положеніе должника, который не въ состояніи исполнить свои обязательства; векселя его ходятъ за полцѣны, въ надеждѣ на будущія блага. Поэтому, возвращеніе къ металлическому обращенію должно составлять неуклонную цѣль всякой правильной финансовой политики. Пока этого нѣтъ, финансовое положеніе государства не можетъ считаться нормальнымъ. Вопросъ состоитъ только въ томъ: при какихъ условіяхъ это можетъ совершаться? Когда немного времени протекло съ начала паденія бумаж-

наго курса, государство можетъ постепенно возстановлять его и уплатить свой долгъ полностью. Но если въ теченіи многихъ лѣтъ стоялъ низкій курсъ и всѣ сдѣлки совершались примѣнительно къ этому уровню, уплата полностью послужила бы къ выгодѣ вовсе не тѣхъ, которые потеряли на курсѣ, а совершенно другихъ лицъ, у которыхъ случайно находятся ходящіе по рукамъ и купленные по низкой цѣнѣ государственные векселя. При такихъ условіяхъ, здравая финансовая политика требуетъ утвержденія курса и затѣмъ размѣна по установившейся пониженной цѣнѣ. Это, безспорно, составляетъ частное банкротство, но оно произошло не въ этотъ моментъ возвращенія къ нормальному порядку, а въ то время, когда государство отказалось уплачивать свой долгъ, и векселя его стали ходить по пониженному курсу. Возвращеніе къ первоначальному обязательству является здѣсь чистымъ подаркомъ новымъ кредиторамъ, ставшимъ на мѣсто прежнихъ. Установляя размѣнъ по пониженной цѣнѣ, государство должно имѣть въ виду единственно возможность сохранить нормальную систему металлическаго обращенія. Ошибка въ этомъ отношеніи будетъ чистой потерей. Если государство, возстановивъ размѣнъ, черезъ нѣкоторое время опять принуждено прибѣгнуть къ принудительному курсу, то положеніе его становится хуже прежняго: оно лишилось своего денежнаго запаса и поколебало довѣріе къ своимъ средствамъ. Но тутъ финансовый вопросъ осложняется вопросами чисто политическими. Внѣшнія замѣшательства могутъ поколебать самую твердую финансовую систему.

При всемъ своемъ вредномъ дѣйствіи на народное хозяйство, неисполненіе обязательствъ при выпускѣ бумажныхъ денегъ не колеблетъ однако государственнаго кредита въ такой степени, какъ неисполненіе обязательствъ при настоящихъ займахъ. Причина понятна: выпускъ бумажныхъ денегъ зависитъ исключительно отъ правительства, и если оно не въ состояніи удержать курсъ на нормальной высотѣ, то, узаконяя уплату бумажными деньгами при всякихъ сдѣлкахъ, оно все-таки поддерживаетъ ихъ курсъ; для заключенія же займовъ требуется согласіе обѣихъ сторонъ, а если кредиторъ не увѣренъ въ совершенно точной уплатѣ процентовъ, то условія, которыя онъ предъявитъ, будутъ весьма обременительны. Именно въ то время, когда деньги нужны, государство можетъ быть поставлено въ самое затруднительное положеніе. Вслѣдствіе этого, даже тѣ правительства, которыя, не колеблясь, прибѣгаютъ къ принудительному курсу бумажныхъ денегъ и потомъ расплачиваются по пониженной цѣнѣ, считаютъ непремѣннымъ своимъ долгомъ точную уплату процентовъ по займамъ, особенно внѣшнимъ. Черезъ это они пріобрѣтаютъ возмож-

ность всегда заключать займы на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ. Это можетъ считаться первымъ признакомъ государства, стоящаго на твердыхъ основаніяхъ, а потому способнаго играть самостоятельную роль въ международныхъ отношеніяхъ. Всякое, даже частное, банкротство доказываетъ, напротивъ, не только экономическую несостоятельность страны, но и неумѣніе правительства справиться съ своими дѣлами. Государство, не уважающее своихъ обязательствъ, не можетъ ожидать къ себѣ уваженія другихъ.

Къ частному неисполненію обязательствъ слѣдуетъ отнести и налоги на государственную ренту. Это— чисто произвольное уменьшеніе процентовъ, которое, поэтому, вредно отзывается на кредитѣ. Оно не можетъ быть приравнено къ обыкновеннымъ налогамъ, ибо государственныя обязательства въ значительной степени находятся въ рукахъ иностранцевъ, которые, какъ таковые, не подлежатъ обложенію. Если условія денежнаго рынка таковы, что государство можетъ понизить платимые имъ проценты, то на это существуетъ всѣмъ извѣстное средство, именно, конверсія. Кредиторамъ предлагается или согласиться на пониженіе процентовъ или получить обратно свой капиталъ. Этимъ способомъ, безъ нарушенія обязательствъ, достигается таже цѣль, что и налогомъ на ренту. Но конверсія, въ свою очередь, можетъ превратиться въ замаскированный заемъ, когда, вмѣсто простаго пониженія процентовъ, удлиняются сроки займа и даже повышается капиталъ. Черезъ это, небольшое облегченіе въ настоящемъ оплачивается иногда весьма тяжелымъ бременемъ въ будущемъ. Такой характеръ имѣли въ значительной степени иностранныя конверсіи, совершенныя русскимъ правительствомъ въ восьмидесятыхъ годахъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что весьма значительная часть государственныхъ силъ и средствъ идетъ на ограждение и расширеніе внѣшняго положенія государства. Обращеніе ихъ на внутреннее благоустройство составляетъ уже дальнѣйшую задачу, которая выдвигается на первый планъ, когда первая вполнѣ обезпечена. И это понятно; ибо только тогда, когда государство пріобрѣло самостоятельность и заняло подобающее ему мѣсто въ ряду другихъ, оно можетъ думать о внутреннихъ улучшеніяхъ. Безъ этого, послѣднія всегда подвержены величайшему риску и могутъ разомъ сокрушиться.

Внутреннее благоустройство требуетъ однако инаго свойства силъ, нежели внѣшняя защита. Тутъ преобладающее значеніе имѣетъ не столько внѣшняя, сколько внутренняя сила власти, состоящая изъ духовныхъ элементовъ. Охраненіе общественнаго порядка, безъ сомнѣнія, нуждается, какъ въ полицейскихъ, такъ и въ военныхъ средствахъ. Правительство, которое не въ состояніи подавить всякое воз-

мущеніе, не исполняетъ первой своей задачи. Но необходимыя для этого орудія ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которые требуются для внѣшнихъ войнъ. И въ финансовомъ отношеніи, правительство, въ видахъ благоустройства, не вынуждается дѣлать внезапныя, громадныя и часто непроизводительныя затраты, которыя въ теченіи многихъ лѣтъ ложатся тяжелымъ бременемъ на страну. Оно тратитъ то, что ему по силамъ, и дѣлаетъ займы только тогда, когда оно расчитываетъ, что они ему впослѣдстіи окупятся. Нерасчетливость тутъ можетъ быть только добровольная, а не вынужденная. Главная опора внутренняго порядка заключается не въ матеріальныхъ средствахъ, а въ тѣсной связи власти и подчиненныхъ. Власть сильна, когда она въ гражданахъ встрѣчаетъ всегда готовое повиновеніе, а послѣднее весьма ненадежно, если оно основано только на страхѣ внѣшней силы: прочнымъ залогомъ порядка оно можетъ быть лишь тогда, когда оно покоится на нравственныхъ побужденіяхъ.

Первый элементъ сильной власти состоитъ въ постоянствѣ и твердости направляющей воли. Шаткость и колебанія подрываютъ значеніе власти. Люди всегда повинуются скорѣе, когда есть увѣренность, что рѣшеніе останется неизмѣннымъ и будетъ проводиться съ неуклонною твердостью. Колеблющаяся власть лишается уваженія. Вслѣдствіе этого, какъ уже неоднократно было замѣчено выше, сосредоточенная власть, по существу своему, сильнѣе власти раздѣленной, требующей соглашенія различныхъ воль, а потому сдѣлокъ и уступокъ, съ неразлучными при нихъ колебаніями.

Однако, одного этого условія далеко недостаточно для созданія сильной власти. Тутъ все зависитъ отъ свойствъ того лица, въ рукахъ котораго она сосредоточивается. Монархъ съ слабою или колеблющеюся волей не можетъ быть источникомъ сильной власти. И этому недостатку невозможно помочь, ибо природы человѣка нельзя измѣнить. При такихъ условіяхъ, потребность сильной власти нерѣдко ведетъ къ тому, что на мѣсто монарха становится временщикъ, облеченный безграничнымъ его довѣріемъ. Но тутъ исчезаютъ тѣ нравственныя связи, которыя соединяютъ монарха съ народомъ и обезпечиваютъ повиновеніе. Хорошо, когда довѣріемъ облекается лице способное занимать такое положеніе; но оно можетъ пасть и на недостойнаго. Исторія представляетъ тому многочисленные примѣры.

Самая твердость и постоянство воли правителя не обезпечиваютъ еще надлежащаго исполненія. Лице, облеченное властью, не можетъ все дѣлать само; оно нуждается въ органахъ, отъ свойства которыхъ зависитъ исполненіе. Сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ не мѣшаетъ раздорамъ министровъ. Въ неограниченныхъ монархіяхъ это—

явленіе весьма обыкновенное. Монархи, наиболѣе дорожащіе своею властью, считаютъ даже полезнымъ окружать себя людьми различныхъ направленій, которые предетавляютъ имъ вопросы съ разныхъ сторонъ. Когда, при такомъ устройствѣ, говорятъ о правительствѣ, то часто неизвѣстно, кто именно обозначается этимъ именемъ: единый ли властитель или враждующіе между собою министры? Если же монархъ ищетъ безусловнаго повиновенія и подбираетъ людей, соотвѣтствующихъ этому требованію, то министры, чуждые всякихъ убѣжденій и лишенные всякой иниціативы, становятся слѣпыми орудіями, неспособными быть руководителями общества и пользоваться его уваженіемъ. Черезъ это все государственное управленіе превращается въ мертвую машину, которая носитъ только внѣшніе признаки силы, а въ дѣйствительности страдаетъ полною внутреннею несостоятельностью. Сила власти требуетъ прежде всего подбора людей; отъ этого не избавляетъ никакое государственное устройство.

Она требуетъ и разумнаго направленія. Недостаточно, чтобы воля была тверда и постоянна; надобно, чтобъ она была направлена именно на тѣ цѣли, которыя указываются общественнымъ благомъ, и умѣла выбирать нужныя для того средства. Твердая воля, не руководимая просвѣщеннымъ пониманіемъ истинныхъ потребностей народа, а идущая имъ наперекоръ, способна возбудить только всеобщее неудовольствіе; неудовольствіе же рождаетъ если не явное, то тайное сопротивленіе и разрушаетъ ту духовную связь между правительствомъ и гражданами, которая составляетъ самую надежную опору власти; накопляясь, оно можетъ наконецъ проявиться въ опасныхъ взрывахъ. Въ такую ложную колею нерѣдко впадаютъ именно тѣ правители, которые всего болѣе дорожатъ началомъ власти. Преувеличивая его значеніе, отвергая все остальное, они тѣмъ самымъ подрываютъ ея основы. Какъ уже было неоднократно замѣчено, избытокъ всякаго односторонняго начала ведетъ къ его отрицанію и тѣмъ самымъ къ его паденію.

При такомъ направленіи исчезаетъ то, что составляетъ главную внутреннюю силу власти—нравственный ея авторитетъ. Государственная власть, какъ сказано, держится не одними внѣшними средствами, а прежде всего тѣмъ нравственнымъ началомъ, которое въ глазахъ народа дѣлаетъ ее представителемъ высшей идеи отечества. Макіавелли говорилъ, что князь долженъ расчитывать болѣе на страхъ, нежели на любовь подданныхъ, и это могло быть вѣрно для итальянскихъ князей эпохи Возрожденія, которые воздвигали новую власть на развалинахъ феодальнаго и общиннаго своеволія. Въ прочномъ государственномъ порядкѣ установляются совершенно иныя связи.

Власть, не имѣющая корней въ народной жизни, не пользующаяся любовью и уваженіемъ подданныхъ, всегда покоится на шаткомъ основаніи. А любовь и уваженіе не только пріобрѣтаются, но и поддерживаются нравственными средствами. Довѣрію снизу должно соотвѣтствовать довѣріе сверху. На этомъ зиждется весь нравственный авторитетъ правительства, составляющій главную его внутреннюю силу.

Отсюда ясно, что сильною можетъ считаться только та власть, которая находитъ опору въ обществѣ. Это вѣрно для неограниченныхъ, также какъ и для смѣшанныхъ и республиканскихъ правленій. Для послѣднихъ это само собою очевидно. Тамъ, гдѣ общество имѣетъ голосъ въ государственныхъ дѣлахъ и можетъ оказывать на нихъ большее или меньшее вліяніе, правительство, не опирающееся на общественныя силы, не въ состояніи держаться. Если оно имѣетъ за себя только часть общества, а остальная, значительная часть оказываетъ ему противодѣйствіе, оно можетъ временно получить преобладаніе, но въ концѣ концовъ государство черезъ это разслабляется, и самая власть, оторванная отъ общества, лишается своей нравственной силы. Все искусство государственныхъ людей въ конституціонномъ правленіи состоитъ въ томъ, чтобъ установить сильную власть при сохраненіи свободы. Объ этомъ мы подробно говорили при обсужденіи различныхъ формъ государственнаго устройства. Въ неограниченномъ правленіи задача упрощается тѣмъ, что устраняется всякая явная оппозиція. Но черезъ это отношенія власти къ подданнымъ теряютъ характеръ искренности и правды. Оффиціальныя заявленія преданности замѣняютъ неподдѣльныя выраженія чувствъ. Независимые люди молчатъ, а глашатаями общества являются тѣ, которые ищутъ милостей у власти, расточающей блага. Ложь заступаетъ мѣсто истины, раболѣпство и лицемѣріе становятся господствующими началами общественной жизни. Образуется оффиціальный міръ, съ своими особенными нравами, съ своимъ особеннымъ языкомъ, міръ, весь расчитанный на показъ и не имѣющій ничего общаго съ дѣйствительностью. Поэтому и сила власти, покоящаяся на этомъ миражѣ, является призрачною. Когда нужно на что-нибудь опереться, оказывается, что опоры нѣтъ. Поддержку власти могутъ дать только живыя общественныя силы, а для этого онѣ должны стоять на своихъ ногахъ и пользоваться подобающею имъ самостоятельностью. Не та власть сильна, передъ которою всѣ молчатъ, не смѣя поднять голосъ, а та, которая пользуется искреннимъ содѣйствіемъ общества. Поэтому, призваніе общественныхъ силъ къ участію въ государственной дѣятельности можетъ служить къ утвержденію власти. Это и выражается приведеннымъ выше изреченіемъ царя Ѳеопомпа, что власть не ума-

ляется, когда она сама себя ограничиваетъ, ибо она становится болѣе прочною.

Изъ этого ясно, что нѣтъ болѣе опаснаго заблужденія, какъ смѣшеніе силы власти съ господствомъ произвола. Между тѣмъ, именно въ неограниченныхъ правленіяхъ нерѣдко это начало послѣдовательно проводится даже въ подчиненыхъ сферахъ, гдѣ власть, по существу своему, ограничена. Мѣстные правители превращаются въ полновластныхъ пашей, произволу которыхъ отдается на жертву все населеніе. Даже послѣдній полицейскій служитель изъемлется изъ вѣдѣнія суда и становится подъ защиту начальства, которое во имя власти всегда готово его поддержать, какъ бы онъ ни былъ виновенъ.

Къ произволу присоединяется и сознаніе своей непогрѣшимости. Превозносящаяся въ своемъ высокомѣріи власть считаетъ унизительнымъ сознаться въ ошибкѣ, даже совершенно очевидной. Когда Фридрихъ Великій, перевершивъ собственною властью правильное рѣшеніе Штеттинскаго суда, посадилъ судей въ тюрьму и наложилъ штрафъ на ихъ имущество въ пользу обвиненнаго, и потомъ извинялся тѣмъ, что онъ не могъ измѣнить своего рѣшенія, то такая чудовищная неправда служитъ признакомъ самаго безобразнаго деспотизма. Власть, признающая свою ошибку, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ нравственный авторитетъ, который сторицею вознаграждаетъ за неизбѣжныя въ человѣческихъ дѣлахъ заблужденія. Всего хуже, когда эта непогрѣшимость произвола распространяется и на низшихъ представителей власти. Правительство не только считаетъ нужнымъ поддерживать ихъ во имя своего достоинства, но нерѣдко оно цѣнитъ именно то нахальное отношеніе власти къ подчиненнымъ, которое поверхностнымъ и грубымъ умамъ представляется обаяніемъ силы. Когда же подчиненные осмѣливаются поднять голосъ, ихъ считаютъ за революціонеровъ. Иногда держатъ правителя, возбуждающаго всеобщее неудовольствіе, единственно изъ опасенія, что удаленіе его будетъ представляться какъ бы уступкою обществу. Это—лучшее средство сдѣлать власть ненавистною.

Правительство, которое слѣдуетъ такой политикѣ, подрываетъ собственныя свои основы. Оно теряетъ всякій нравственный авторитетъ и лишается той ничѣмъ не замѣнимой поддержки, которую даетъ добровольное содѣйствіе общества. Живой союзъ между правительствомъ и обществомъ не ослабляетъ, а возвышаетъ силу власти. Поэтому, первое требованіе здравой политики въ неограниченныхъ, также какъ и въ ограниченныхъ правленіяхъ, состоитъ въ установленіи этого внутренняго согласія. Стремясь къ этой цѣли, правительство не должно опасаться, что оно, дѣлая уступки, колеблетъ свою силу и

подаетъ поводъ къ новымъ, все возрастающимъ требованіямъ. Это опять одно изъ тѣхъ заблужденій, въ которыя обыкновенно впадаютъ ограниченные консерваторы. Уступки только тогда опасны, когда онѣ исторгаются силою у слабой власти; но въ такомъ случаѣ онѣ неизбѣжны. Уступки же, во время сдѣланныя разумною и твердою властью, возстановляютъ нарушенное единеніе и даютъ ей новыя, болѣе прочныя основы. Безъ сомнѣнія, всего лучше, когда правительство, усматривая возрастающія потребности, по собственному почину приступаетъ къ необходимымъ преобразованіямъ. Но если это было упущено, лучше поправить дѣло, когда еще есть время, нежели упорно держаться существующаго порядка, возбуждая неудовольствіе и рискуя окончательнымъ крушеніемъ. Не одно правительство падало, потому что слишкомъ поздно соглашалось на уступки, которыя, сдѣланныя во время, могли спасти положеніе. Упорство нерѣдко считается признакомъ твердости; но еще чаще оно бываетъ признакомъ ограниченности.

Во всякомъ случаѣ, какъ скоро общественныя силы пробудились и предъявляютъ свои требованія, первое и необходимое условіе для водворенія внутренняго согласія заключается въ установленіи твердаго законнаго порядка. Надобно, чтобы въ управленіи господствовалъ не произволъ, а законъ. Первый подрываетъ власть, второй ее поддерживаетъ. Произволъ правителей вызываетъ своеволіе подданныхъ; законъ. напротивъ, возвышаетъ нравственную силу власти и даетъ ей опору въ томъ постоянномъ порядкѣ, которому всѣ должны подчиняться. Власть, опирающаяся на законъ, не подвергается нареканіямъ въ своекорыстіи и лицепріятіи. Она является выраженіемъ не случайнаго и измѣнчиваго настроенія воли, а разумныхъ требованій жизни, покоящейся на прочныхъ основахъ.

Конечно, самый законъ долженъ, въ свою очередь, соображаться съ требованіями власти. Полагая ей разумныя границы, онъ долженъ, съ другой стороны, предоставить ей необходимый для ея дѣятельности просторъ. Это приводитъ насъ къ вопросу объ утвержденіи законнаго порядка въ управленіи. Власть составляетъ первый и главный элементъ государственнаго управленія; законъ есть второй, не менѣе существенный элементъ, тотъ, который даетъ самой власти высшую силу и значеніе.

ГЛАВА II.

Утвержденіе законнаго порядка.

Кромѣ силы власти, въ государствѣ необходимъ прочный законный порядокъ. Безъ твердыхъ правилъ, служащихъ ей руководствомъ, власть способна установить только порядокъ внѣшній: она можетъ

положить преграды насиліямъ и заставить подданныхъ повиноваться ея приказаніямъ; но она не въ состояніи водворить ту обезпеченность общественнаго и частнаго быта, то постоянство отношеній, не только между лицами, но и между учрежденіями, которыя составляютъ первый признакъ гражданственности. При чисто внѣшнемъ порядкѣ можетъ существовать союзъ господина и рабовъ, но нѣтъ благоустроеннаго гражданскаго общества.

Утвержденіе въ государствѣ прочнаго законнаго порядка значительно облегчаетъ самую дѣятельность власти. Если она не всегда можетъ дѣйствовать по усмотрѣнію, то она, въ замѣнъ того, получаетъ твердыя руководящія начала, на которыя она можетъ опереться, а это для всякой разумной дѣятельности имѣетъ первостепенную важность. Люди, не признающіе ничего, кромѣ своей личной воли, привыкшіе слѣдовать всякому минутному влеченію, могутъ этимъ стѣсняться; разумный человѣкъ видитъ въ этомъ первое условіе правильной дѣятельности и гарантію противъ возможныхъ ошибокъ. При многосложности и измѣнчивости жизненныхъ отношеній, нѣтъ никакой возможности рѣшать всякій случай отдѣльно, не подводя его подъ общее правило. Изъ этого могутъ проистекать только безконечная трата времени и рядъ самыхъ грубыхъ ошибокъ, а въ результатѣ полнѣйшій хаосъ. Даже въ частномъ быту, гдѣ человѣкъ зависитъ единственно отъ себя, привычка составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ жизни; она одна даетъ возможность правильно распредѣлить время, не поглощаться мелочами и дѣйствовать быстро и увѣренно. Въ несравненно болѣе сложной общественной жизни законъ замѣняетъ мѣсто привычки. Тамъ, гдѣ многимъ приходится дѣйствовать вмѣстѣ, надобно, чтобы каждый зналъ, что и какъ ему дѣлать, а это невозможно безъ твердыхъ и постоянныхъ правилъ. Недостатокъ ихъ можетъ породить безчисленныя столкновенія и затрудненія. Въ общественной жизни законъ и порядокъ суть слова однозначущія, а гдѣ нѣтъ порядка, тамъ человѣческая воля парализована со всѣхъ сторонъ и отдана на жертву всякой случайности.

Законъ возвышаетъ и нравственное значеніе власти. Мы видѣли, что законъ есть нравственный элементъ государства. Подчиняя всѣхъ общему правилу, одинакому для всѣхъ, онъ тѣмъ самымъ водворяетъ начало *справедливости*, которая есть высшій идеалъ государства. На немъ основано и начало *обязанности*, которое дѣлаетъ повиновеніе не слѣдствіемъ страха передъ внѣшнею силою, а нравственною связью между начальствующими и подчиненными. Отъ него самая власть получаетъ свое право, въ силу котораго она можетъ требовать повиновенія. Приказаніямъ незаконной власти никто не обязанъ подчи-

няться. Поэтому и самая власть, какъ бы высоко она ни стояла, всегда должна оказывать уваженіе къ закону. Въ этомъ выражается уваженіе къ нравственному существу собственной воли, ибо въ государствѣ, болѣе, нежели гдѣ либо, та только воля имѣетъ нравственное значеніе, которая не увлекается минутною прихотью или случайными соображеніями, а руководится постоянными правилами, направленными ко благу союза. Самоограниченіе воли есть первый признакъ нравственнаго ея характера. Въ еще большей степени это требуется отъ властей подчиненныхъ; онѣ должны строго держаться въ предѣлахъ предоставленныхъ имъ правъ. Безъ этого, въ государствѣ водворяется господство чистаго произвола, которому подданные отдаются на жертву. Вмѣсто гражданственности, установляется рабство.

Твердость законнаго порядка облегчаетъ и повиновеніе. Человѣкъ легче и охотнѣе повинуется, когда онъ напередъ знаетъ, что отъ него требуется, нежели когда дѣйствія его зависятъ отъ случайной воли повелѣвающаго. Самыя тяжелыя повинности облегчаются привычкой; тѣмъ охотнѣе исполняются обязанности, одинаково распространяющіяся на всѣхъ и имѣющія въ виду общее благо. Человѣкъ возмущается противъ произвола, въ которомъ онъ видитъ только прихоть повелителя, но онъ легко подчиняется закону, который представляетъ для него выраженіе высшаго порядка, ограждающаго его самого. Отсюда рождается уваженіе къ закону, которое, когда оно утверждается долгою практикой и входитъ въ нравы, составляетъ самую надежную опору государственнаго строя. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ происходятъ только постоянныя колебанія между произволомъ и своеволіемъ, которые поочередно смѣняютъ и вызываютъ другъ друга. Задача мудрой политики состоитъ въ томъ, чтобы избѣжать обѣихъ крайностей; только этимъ можно утвердить государство на прочныхъ основахъ.

Безъ сомнѣнія, твердость законнаго порядка возможна только тамъ, гдѣ благоустройство достигло уже извѣстной степени и государство не представляетъ хаотической массы, которая сдерживается одною внѣшнею силой. Макіавелли могъ совѣтовать своему князю опираться преимущественно на войско, ибо въ его время это было единственное, что могло положить конецъ анархическому броженію средневѣковыхъ стихій. Но то классическое государство, которое составляло предметъ его удивленія, отличалось именно самымъ строгимъ уваженіемъ къ закону. Внутреннія междоусобія, положившія конецъ Римской республикѣ, начались только тогда, когда развитіе законнаго порядка было нарушено революціонными дѣйствіями Гракховъ.

Въ новое время, образецъ строго законнаго развитія представляетъ

Англія. Въ ней самыя революціи совершались во имя закона, нарушеннаго монархами. Вслѣдствіе этого она избѣгла тѣхъ потрясеній, которыя постигли въ новѣйшее время государства европейскаго материка. Во Франціи демократія, не воспитанная уваженіемъ къ закону, явилась бурнымъ потокомъ, который уносилъ передъ собою всѣ преграды и затоплялъ страну; приходилось создавать противъ нея искусственныя плотины, которыя опять подвергались той же участи. Если она достигла наконецъ нѣкотораго равновѣсія, то это произошло лишь благодаря постоянно угрожающей ей внѣшней силѣ, которая заставляетъ ее держаться въ должныхъ границахъ. Въ Англіи, напротивъ, демократія достигла преобладанія мирнымъ и правильнымъ путемъ, сохраняя уваженіе къ старымъ элементамъ и оставляя имъ подобающее мѣсто въ государственномъ строѣ. Развитіе совершается здѣсь не разрушеніемъ существующаго, а постепеннымъ его измѣненіемъ и приспособленіемъ его къ новымъ потребностямъ. Уваженіе къ закону охраняетъ Англію отъ революцій.

Совершенно иную картину представляетъ Россія. Здѣсь не законъ, а власть искони составляла центральное звено и оплотъ государственнаго строя. Это произошло отъ того, что Россія, при своихъ огромныхъ пространствахъ, при скудости и малой развитости населенія, представляла хаотическую, бродячую массу, которую можно было сдерживать только внѣшнею силой. Недостатокъ внутренней связи замѣнялся строгимъ подчиненіемъ. Отсюда безмѣрное развитіе крѣпостнаго права, которое простиралось на всѣ сословія и не оставляло мѣста человѣческой свободѣ. Вслѣдствіе этого, всякое понятіе о правѣ у насъ исчезло. Запрещеніе перехода крестьянъ, безъ всякой общей мѣры, само собою, силою вещей, превратило ихъ въ полныхъ рабовъ И съ своей стороны, члены высшаго сословія, даже знатнѣйшіе бояре, считались холопами Московскихъ царей. Вмѣсто уваженія къ закону, связующимъ элементомъ государства было безпрекословное повиновеніе власти. Но именно вслѣдствіе этого внѣшній порядокъ заступилъ мѣсто внутренняго. Всемогущее правительство было безсильно противъ лихоимства, произвола и притѣсненій собственныхъ чиновниковъ. Законъ безнаказанно обходился и правящими и подчиненными. Одна власть старалась идти наперекоръ другой, а правосудія нельзя было найти нигдѣ. Безпорядокъ русскаго управленія сдѣлался общимъ мѣстомъ; онъ прославлялся и въ прозѣ, и въ стихахъ:

Все тотъ же Руси жребій странный,
Все край богатый и пространный,
И Нѣмцевъ эка благодать!
А все порядка не видать.

Такое положеніе вещей не могло не отразиться на обществѣ. И въ немъ, вмѣсто уваженія къ закону, искони господствовали крайности раболѣпства и своеволія. Бунты крѣпостныхъ крестьянъ появлялись въ видѣ Пугачевщины и вызывали только безпощадное подавленіе. Въ образованныхъ слояхъ, въ противоположность господствующему подобострастію, которое всякаго независимаго человѣка доселѣ клеймитъ названіемъ *краснаго*, широко распространялись революціонныя идеи, глубоко таившіяся подъ давленіемъ оффиціальнаго гнета. Разумный и умѣренный либерализмъ всегда составлялъ у насъ достояніе ничтожнаго меньшинства, безсильнаго среди крайнихъ теченій. И когда наконецъ русское правительство вступило на тотъ путь, который одинъ могъ обѣщать прочные успѣхи, когда оно совершало величайшія преобразованія, составлявшія первое условіе законнаго порядка, вскормленное прежнимъ произволомъ своеволіе прорвалось наружу въ безобразныхъ явленіяхъ нигилизма и грозило разрушить весь съ такимъ трудомъ воздвигнутый государственный строй. И снова, какъ русское правительство, такъ и русское общество увидѣли спасеніе единственно въ произволѣ. Законный порядокъ замѣнился осаднымъ положеніемъ; въ дисциплинѣ стараго времени стали видѣть идеалъ общественнаго устройства. Но на почвѣ новыхъ учрежденій такое реакціонное направленіе всего менѣе можетъ расчитывать на прочный успѣхъ. Можно предвидѣть, что оно, въ свою очередь, вызоветъ реакцію, и опять, какъ водится, въ крайнемъ направленіи. Колебанія между произволомъ и своеволіемъ будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока и правительство и общество не убѣдятся, что только на почвѣ законнаго порядка возможно разумное и прочное устройство государственнаго быта.

Первое и необходимое для этого условіе есть уваженіе къ праву. Нельзя съ достаточною силой выразить то высокое значеніе, которое имѣетъ для государственной жизни развитіе права, и тѣ неисчислимыя выгоды, которыя оно приноситъ. Право служитъ первою и главною охраной человѣческой личности и всего того, что ей принадлежитъ. Ограждая человѣка отъ насилія, оно даетъ ему увѣренность въ прочности его быта, обезпеченность будущаго, а вмѣстѣ и силы для дѣятельности. Никто не станетъ работать, если онъ не увѣренъ, что плоды его труда не будутъ у него отняты. На этомъ основаны всѣ семейныя и домашнія добродѣтели: забота о дѣтяхъ, трудолюбіе, бережливость, строгій порядокъ жизни. Кто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, тотъ спѣшитъ вкусить минутныя наслажденія и расточаетъ свое достояніе. На этой увѣренности основанъ и весь подъемъ экономической дѣятельности. Только подъ охраною права, при обезпечен-

ности собственности и сдѣлокъ, промышленныя силы народа могутъ достигать сколько-нибудь высокаго развитія. Съ безправіемъ неразлучна бѣдность.

Съ другой стороны, внушая человѣку сознаніе своей силы, чувство права возвышаетъ нравственное его достоинство. Уважая другихъ, онъ требуетъ уваженія и къ себѣ. Только при такихъ условіяхъ могутъ развиваться характеры, которые въ безправномъ состояніи представляютъ безобразное сочетаніе приниженія и самодурства. Даже безкорыстная дѣятельность на пользу общественную развивается лишь тамъ, гдѣ она опирается на твердую почву права. Человѣкъ готовъ выступить представителемъ общества лишь тогда, когда это общество имѣетъ права, на которыя онъ можетъ опираться и которыя онъ призванъ отстаивать. Только обезпеченность этихъ правъ даетъ его дѣятельности настоящій просторъ и достоинство. Гдѣ эти права принижаются, лучшіе люди устраняются отъ общественной жизни; остаются въ ней только тѣ, которые ищутъ въ ней своихъ личныхъ выгодъ.

Наконецъ, самый законъ только черезъ охраненіе права получаетъ истинное свое значеніе. Законъ, предписывающій повиновеніе, но не ограждающій подвластныхъ отъ притѣсненій, является въ ихъ глазахъ произведеніемъ внѣшней силы, а не выраженіемъ высшаго порядка. Въ немъ исчезаетъ именно то, что даетъ ему нравственное значеніе: съ уваженіемъ къ личности исчезаетъ понятіе о справедливости. Законъ уважается только тогда, когда онъ самъ оказываетъ уваженіе тѣмъ, на кого онъ простирается. Отсюда рождается и привязанность къ законному порядку; люди дорожатъ имъ, когда они видятъ въ немъ огражденіе своихъ правъ и своихъ жизненныхъ интересовъ. Безъ этого онъ остается чисто внѣшнею формой, насильственно наложенной на общество. Внутренній порядокъ зиждется на охраненіи права.

Отсюда ясно то превратное пониманіе общественныхъ отношеній, которое вытекаетъ изъ противоположенія права нравственности, когда послѣдняя выставляется какъ высшее начало, которое должно замѣнить первое въ общественной жизни. Въ этомъ весьма распространенномъ у насъ смѣшеніи понятій повинны болѣе всего славянофилы, которые, не замѣчая въ русской исторіи развитія началъ права, думали этотъ недостатокъ возвести въ достоинство, утверждая, что въ замѣнъ низшихъ требованій права, въ русскомъ народѣ развивалось по преимуществу сознаніе нравственныхъ началъ. Но сами они, когда приходилось имѣть дѣло съ неотразимою дѣйствительностью, яркими чертами изображали тѣ общественныя язвы, которыя составляютъ

естественное послѣдствіе безправнаго состоянія. Это сдѣлалъ Хомяковъ въ приведенномъ выше стихотвореніи, изображавшемъ Россію передъ Крымскою кампаніей. Вмѣсто умилительной картины нравственной чистоты, русское общество представляло среду, въ которой гнѣздились всевозможные пороки: неправда въ судахъ, рабство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, лесть, ложь, лѣнь и всякая мерзость. И это не было послѣдствіемъ государственной политики, вступившей на ложный путь подъ чужестраннымъ вліяніемъ. Это было прямое наслѣдіе древней Россіи, въ которой крѣпостное право распространялось на всѣхъ, отъ высшихъ до низшихъ, гдѣ лихоимство было до такой степени общимъ явленіемъ, что съ нимъ не пытались даже бороться. Новая Россія только медленно и съ большимъ трудомъ освобождалась отъ этихъ золъ. Прежде всего она освободила дворянство и облекла его правами; поэтому въ немъ прежде всего зародились сознаніе права и чувство человѣческаго достоинства. Но при безправномъ населеніи это чувство могло явиться только въ смутныхъ зародышахъ, скорѣе какъ исключеніе, нежели какъ правило. Только съ освобожденіемъ крестьянъ и съ водвореніемъ общей гражданской свободы начала права получили возможность развиваться въ Русской землѣ.

Этимъ открывается просторъ и высшему нравственному развитію общества. Гдѣ нѣтъ уваженія къ человѣческой личности, тамъ не можетъ быть рѣчи о нравственныхъ требованіяхъ, ибо первое нравственное требованіе состоитъ въ томъ, чтобъ уважать человѣка, видѣть въ немъ брата, то-есть, себѣ равнаго, а не безправное существо, къ которому, какъ къ безсловесному животному, обращаются только съ приказаніемъ и понужденіемъ. Можно услаждаться какими угодно идиллическими мечтами о нравственномъ единеніи мірскихъ сходокъ или о любовной связи властвующихъ и подчиненныхъ, въ дѣйствительности, гдѣ есть безправіе, тамъ всегда есть притѣсненіе сверху и лицемѣріе снизу. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда власть попадаетъ въ руки людей одаренныхъ высокимъ нравственнымъ сознаніемъ, эти отношенія смягчаются чувствомъ справедливости и человѣколюбіемъ. Такого рода явленія дѣлаютъ честь тому классу, среди котораго они болѣе или менѣе распространены. Но въ общемъ, картина безправнаго общества есть именно та, которая изображается въ приведенномъ выше стихотвореніи Хомякова. Силою вещей, безобразныя явленія перевѣшиваютъ въ немъ нравственныя отношенія.

Основное начало права есть, какъ мы знаемъ, правда, или справедливость, то-есть, воздаяніе каждому того, что ему принадлежитъ. Но это воздаяніе тогда только соотвѣтствуетъ справедливости, когда оно совершается по общему, нелицепріятному закону. Поэтому, основ-

ное требованіе правды есть равенство всѣхъ передъ закономъ. Это относится въ особенности къ тѣмъ правамъ, которыя вытекаютъ не изъ того или другаго общественнаго положенія, а изъ самой природы человѣка, какъ разумнаго существа, призваннаго дѣйствовать во внѣшнемъ мірѣ. Таковы права гражданскія, которыя состоятъ въ свободномъ распоряженіи своимъ лицемъ и имуществомъ. Произвольное стѣсненіе этихъ правъ есть притѣсненіе, то-есть, неуваженіе къ человѣческой личности и отрицаніе кореннаго начала права. А такъ какъ государство призвано не только охранять, но и осуществлять правду на землѣ, то въ отношеніи къ нему первое требованіе состоитъ въ томъ, чтобы оно не было притѣснительнымъ, а соблюдало справедливость относительно всѣхъ. Будучи верховнымъ юридическимъ союзомъ, оно само не подлежитъ принужденію, а потому это требованіе остается нравственнымъ; но оно всегда къ нему предъявляется, и оно никогда не можетъ отъ него отрекаться. Нравственное значеніе государства измѣряется исполненіемъ этого требованія.

Отсюда понятно, что родовой порядокъ, основанный на рабствѣ, и сословный порядокъ, основанный на крѣпостномъ правѣ, представляютъ низшія ступени государственнаго развитія. Только общегражданскій порядокъ, въ которомъ установляются равныя для всѣхъ начала и условія гражданской свободы, выражаетъ вполнѣ идею справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ. Мы видѣли однако, что осуществленіе этихъ началъ является плодомъ всемірно-историческаго процесса и требуетъ условій, которыя далеко не вездѣ и не всегда существуютъ. Кромѣ отвлеченнаго начала справедливости, опредѣленія права вызываются практическими потребностями общества и тѣмъ состояніемъ, въ которомъ оно находится. Задача политики заключается въ томъ, чтобы принять въ соображеніе то и другое, удовлетворяя, съ одной стороны, потребностямъ общества, и водворяя въ немъ, съ другой стороны, начала справедливости, на сколько оно въ состояніи ихъ воспринять. Невозможно установить общій для всѣхъ законъ тамъ, гдѣ элементы совершенно разные; надобно, чтобы жизнь подготовила ихъ сліяніе.

Мы видѣли, что именно такимъ историческимъ процессомъ одинъ гражданскій порядокъ переводится въ другой, родовой въ сословный и сословный въ общегражданскій. Дѣйствіемъ экономическихъ силъ, расширеніемъ образованія и развитіемъ политическихъ требованій разбиваются юридическія грани между различными общественными классами, пока, наконецъ, въ общегражданскомъ порядкѣ установляется законъ общій для всѣхъ. Въ политической области можетъ

и даже должно сохраняться неравенство, ибо участіе въ государственныхъ дѣлахъ требуетъ способности, а способность неравна въ различныхъ общественныхъ классахъ; но право человѣка располагать своимъ лицемъ и имуществомъ, селиться гдѣ ему угодно, заниматься чѣмъ ему угодно, пріобрѣтать и отчуждать наравнѣ со всѣми, должно сдѣлаться достояніемъ всѣхъ и каждаго. Когда государство поднялось на эту высоту и установило у себя такой порядокъ, притѣсненія одинаково противорѣчатъ и требованіямъ справедливости и здравой политикѣ. Съ одной стороны, они естественно возбуждаютъ неудовольствіе тѣхъ, которыхъ права подвергаютъ стѣсненію; чѣмъ вопіющѣе учиненная имъ несправедливость, тѣмъ болѣе возбуждается въ нихъ непріязнь къ угнетающему ихъ государству. Съ другой стороны, этимъ возмущаются всѣ тѣ люди, которые высоко ставятъ нравственныя требованія. Правительство умаляется въ ихъ глазахъ, оно теряетъ свое нравственное значеніе. Вмѣсто того, чтобы быть руководителемъ и воспитателемъ общества, оно поддерживаетъ въ немъ самыя низменныя понятія и страсти; оно первое подаетъ примѣръ презрѣнія къ человѣческимъ правамъ и къ требованіямъ справедливости. Такимъ образомъ, оно возбуждаетъ противъ себя не только притѣсняемыхъ, но и лучшую часть того общества, которое оно думаетъ охранять. А между тѣмъ, результаты такой политики обыкновенно бываютъ самые плачевные: умаленіе и экономическихъ и духовныхъ силъ страны; вмѣсто согласнаго дѣйствія, поселяется глубокая рознь, какъ между правительствомъ и обществомъ, такъ и между различными частями населенія. Таковы естественные плоды всякихъ исключительныхъ мѣръ, особенно въ отношеніи къ чуждымъ народностямъ и вѣроисповѣданіямъ. О первыхъ мы уже говорили; къ послѣднимъ мы еще вернемся.

Охраненіе права есть дѣло не администраціи, а суда. Поэтому, установленіе нелицепріятнаго суда составляетъ первую обязанность государства и основное требованіе внутренней политики. Ни въ чемъ, можетъ быть, низкій уровень прежней русской государственной жизни не обнаруживается такъ ярко, какъ въ отсутствіи у насъ всякаго суда, достойнаго этого имени. Людямъ, жившимъ въ дореформенное время, хорошо извѣстно, что лихоимство и крючкотворство составляли явленія общія; о правосудіи не было и рѣчи. Отсюда необъятное значеніе судебной реформы Александра II-го. Она занимаетъ мѣсто на ряду съ освобожденіемъ крестьянъ и съ преобразованіемъ войска. Впервые въ Русской землѣ водворился праведный судъ. И это было сдѣлано на такихъ основаніяхъ, которыя, обезпечивая требованія государственнаго порядка, даютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ

нужныя гарантіи подсудимымъ и тяжущимся. Эти основанія были изложены въ первой части нашего курса. Въ политическомъ отношеніи слѣдуетъ разсмотрѣть три вопроса: 1) насколько при тѣхъ или другихъ условіяхъ допустима полная независимость суда и въ особенности начало несмѣняемости судей? 2) насколько полезно привлечь къ суду участіе общественныхъ элементовъ? 3) каково должно быть отношеніе суда къ администраціи?

Мы уже касались перваго вопроса, говоря о неограниченной монархіи. Мы старались доказать, что мнѣніе, утверждающее будто несмѣняемость судей, ограничивая волю монарха, противорѣчитъ самому существу самодержавія, лишено всякаго разумнаго основанія. Существо неограниченной монархіи состоитъ вовсе не въ томъ, что государь самъ вмѣшивается во всѣ дѣла и во всѣ назначенія. Судебныя рѣшенія онъ предоставляетъ суду и лично въ это не вступается. Если онъ, подобно Фридриху Великому, перевершаетъ судебныя рѣшенія и наказываетъ судей за то, что они по совѣсти исполнили свой долгъ, онъ поступаетъ не какъ монархъ, понимающій высокое свое призваніе, а какъ чистый деспотъ, который свою личную волю ставитъ выше всего. Не произволъ, а самоограниченіе власти даетъ ей, какъ сказано, высшее нравственное значеніе. Несмѣняемость судей составляетъ первую и важнѣйшую гарантію независимаго и безпристрастнаго суда, а потому первое требованіе общественнаго блага; это—столпъ, на которомъ держится все зданіе судебныхъ установленій. Нѣтъ такого политическаго соображенія, которое заставляло бы отступать отъ этого начала. Судьи не играютъ политической роли, а еслибы они ее играли, то они тѣмъ болѣе должны быть независимы; только этимъ внушается уваженіе къ ихъ рѣшеніямъ. Судья, который является недостойнымъ своего званія, можетъ быть преданъ суду, уголовному или дисциплинарному. Устранять же судей по усмотрѣнію значитъ подчинять ихъ произволу не монарха, а министра, ибо монархъ самъ не можетъ вникать во всѣ дѣла. При обсужденіи общихъ мѣръ онъ можетъ обставить себя совѣтомъ сторонникъ лицъ; по личнымъ вопросамъ, онъ, по самому существу дѣла, ограничивается докладами министра, который имѣетъ полную возможность представить дѣло, какъ ему угодно. Признаніе смѣняемости судей есть поставленіе административнаго произвола на мѣсто закона. Такое начало подрываетъ всякое довѣріе къ суду; оно унижаетъ судей и въ глазахъ всего общества. Поэтому оно безусловно не можетъ быть одобрено. Даже тѣ смѣщенія, которыя производятся иногда послѣ революцій, съ цѣлью удалить приверженцевъ стараго порядка, заслуживаютъ строгаго осужденія. Магистратура должна стоять выше

всякихъ политическихъ перемѣнъ; только этимъ она пріобрѣтаетъ себѣ уваженіе.

Иной вопросъ: можно ли допустить чтобы судьи были выборные? Этотъ вопросъ связанъ съ другимъ, о привлеченіи общественныхъ элементовъ къ участію въ судѣ. Какъ общее начало, живая связь между обществомъ и судомъ является весьма желательною. Съ одной стороны, близкій къ обществу судъ внушаетъ къ себѣ большее довѣріе; съ другой стороны, этимъ путемъ въ самомъ обществѣ распространяются сознаніе права, пониманіе юридическихъ отношеній, любовь къ законности, его ограждающей, наконецъ умѣніе найтись въ окружающихъ обстоятельствахъ и при встрѣчающихся столкновеніяхъ. Участіе общества въ судѣ служитъ для него воспитательнымъ средствомъ; оно болѣе всего содѣйствуетъ развитію гражданственности. Но тутъ есть и свои оборотныя стороны. Судебныя дѣйствія, основанныя на строгихъ началахъ права, требуютъ не только знанія законовъ, но и спеціальнаго приготовленія, которое въ обществѣ вообще не встрѣчается. Съ другой стороны, поставленіе суда въ зависимость отъ подлежащихъ ему лицъ уменьшаетъ гарантіи безпристрастія. И то и другое прилагается къ выборнымъ судьямъ. Необходимость спеціальнаго юридическаго приготовленія дѣлаетъ то, что высшія судебныя должности, тѣ, которымъ принадлежитъ исключительное толкованіе закона и высшее руководство, всегда замѣщаются назначаемыми правительствомъ юристами; только низшая, такъ сказать домашняя юрисдикція, вращающаяся въ области мелкихъ споровъ и проступковъ, можетъ быть съ пользою ввѣрена мѣстнымъ выборнымъ людямъ, близко знакомымъ съ народнымъ бытомъ и пользующимся довѣріемъ общества. Таковы наши волостные и бывшіе мировые суды. Однако и это допустимо лишь тамъ, гдѣ общество не раздирается непримиримыми партіями, въ каковомъ случаѣ выборъ большинства менѣе всего можетъ представить гарантіи безпристрастія. Тоже самое имѣетъ мѣсто при сословномъ порядкѣ, когда предоставленіе выборовъ высшему сословію служитъ послѣднему средствомъ держать низшее въ подчиненіи. Но тамъ, гдѣ нѣтъ внутреннихъ, обострившихся отношеній или гдѣ высшее сословіе фактически пользуется своими правами справедливо и безпристрастно, выборные домашніе судьи вообще внушаютъ къ себѣ несравненно большее довѣріе, нежели совершенно постороннія лица, не имѣющія никакой связи съ мѣстностью, которыя отправляютъ правосудіе на основаніи отвлеченныхъ постановленій закона, прилагаемаго безъ всякаго вниманія къ условіямъ жизни и отъ которыхъ, притомъ, нѣтъ возможности избавиться.

Недостатковъ, присущихъ выборнымъ судьямъ, не имѣютъ при

сяжные, отъ которыхъ не требуется юридическихъ знаній, и которые, по своему составу, изъяты отъ вліянія партій. Такой судъ вполнѣ можетъ служить цѣлямъ и правосудія и общественнаго воспитанія. Въ послѣднемъ заключается самое главное его общественное значеніе. Именно въ этихъ видахъ Токвиль стоялъ за распространеніе суда присяжныхъ на гражданскія тяжбы, какъ дѣлается въ Англіи и въ Америкѣ. Но въ этой области юридическая сторона переплетается съ фактическою несравненно болѣе, нежели въ дѣлахъ уголовныхъ. Раздѣлить ихъ нѣтъ возможности, а потому недостатокъ юридическихъ свѣдѣній не можетъ не отражаться вредно на самыхъ рѣшеніяхъ. Воспитательное значеніе суда присяжныхъ не замѣняетъ недостаточнаго отправленія правосудія. Даже тамъ, гдѣ уголовное дѣло связано съ разборомъ гражданскихъ отношеній, напримѣръ въ банковыхъ дѣлахъ, судъ присяжныхъ оказывается несостоятельнымъ. Вслѣдствіе этого, примѣръ Англіи не нашелъ подражателей. Даже и въ уголовныхъ дѣлахъ судъ присяжныхъ нерѣдко подвергается нареканіямъ. Поводомъ къ тому служатъ вопіющія иногда оправданія явныхъ преступленій, возмущающія общественную совѣсть и перепутывающія всѣ понятія о добрѣ и злѣ. Иногда въ этомъ виновенъ самый законъ, установляющій несоразмѣрныя съ преступленіемъ кары или подвергающій подсудимыхъ слишкомъ жестокимъ испытаніямъ; но еще чаще причина кроется въ неправильныхъ теченіяхъ общественнаго мнѣнія, снисходительно относящагося къ извѣстнаго рода преступленіямъ. Исправленіе перваго лежитъ въ рукахъ государственной власти; исправленіе же втораго зависитъ отъ общества, и въ этомъ отношеніи возмущенія общественной совѣсти служатъ спасительною реакціей. Во всякомъ случаѣ, рѣдкіе вообще примѣры неправильныхъ оправданій не могутъ служить достаточнымъ поводомъ для устраненія неоспоримыхъ выгодъ суда присяжныхъ и тѣхъ гарантій, которыя онъ даетъ подсудимому. Только тамъ, гдѣ господствуетъ общественное настроеніе, явно враждебное существующему порядку, судъ присяжныхъ можетъ парализовать всякое отправленіе правосудія. Таково, напримѣръ, отношеніе ирландскаго населенія къ англійскимъ землевладѣльцамъ. Но такое положеніе дѣлъ требуетъ исключительныхъ мѣръ. Оно не можетъ считаться нормальнымъ.

Вообще, судъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы онъ не мѣшалъ дѣйствію власти, а напротивъ, способствовалъ достиженію ея цѣлей. Такова политическая точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на отношеніе суда къ администраціи. Это не значитъ, однако, что административной власти долженъ быть предоставленъ полный просторъ, а судъ долженъ быть лишь покорнымъ ея орудіемъ. Выс-

шая цѣль государства состоитъ, какъ сказано, не въ водвореніи произвола, а въ утвержденіи законнаго порядка, а это достигается системою независимыхъ другъ отъ друга властей, равно исходящихъ отъ верховной власти, но взаимно ограничивающихъ и воздерживающихъ другъ друга. Въ подчиненной области государственнаго управленія, гдѣ отдѣльныя власти, по существу своему, поставлены въ извѣстные предѣлы, эта система въ особенности необходима. Всякая власть имѣетъ естественное стремленіе безмѣрно расширять кругъ своего дѣйствія; чѣмъ болѣе она чувствуетъ себя стѣсненной, тѣмъ болѣе она старается освободиться отъ связывающихъ ее путъ. Только независимая отъ нея власть можетъ ввести ее въ должныя границы. Въ этомъ отношеніи, только независимый судъ обезпечиваетъ законность дѣйствій администраціи и ограждаетъ подвластныхъ отъ произвола. Нерѣдко стѣсненная въ своихъ дѣйствіяхъ административная власть противъ этого протестуетъ; привыкши къ произволу, она видитъ въ судѣ своего врага и утверждаетъ, что при такомъ порядкѣ она лишена возможности дѣйствовать. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствовать въ установленныхъ предѣлахъ, соображаясь съ независимыми силами и встрѣчая въ нихъ преграду, гораздо труднѣе, нежели безпрепятственно проявлять свою волю; но именно эта трудность составляетъ первое условіе государственнаго благоустройства. Задача политики состоитъ въ томъ, чтобъ установить такую систему властей, которыя, воздерживая другъ друга въ законныхъ предѣлахъ, согласнымъ своимъ дѣйствіемъ обезпечивали бы достиженіе государственныхъ цѣлей. Административной власти долженъ быть предоставленъ достаточный просторъ для охраненія общественнаго порядка и для исполненія тѣхъ мѣръ, которыя требуются совокупными интересами государства и общества; но когда она въ своей дѣятельности сталкивается съ правами гражданъ, она должна прибѣгать къ содѣйствію суда. И съ своей стороны, граждане должны имѣть право прибѣгать къ защитѣ суда въ случаѣ притѣсненій; иначе они отдаются на жертву административному произволу. Въ соглашеніи этихъ противоположныхъ интересовъ, общественнаго и частнаго, въ установленіи дружнаго дѣйствія администраціи и суда въ виду достиженія государственной цѣли, состоитъ высшая задача политики управленія. Только тамъ, гдѣ эта задача сознается и достигается, можно говорить о законномъ порядкѣ и о государственномъ благоустройствѣ. Исполненіе этой задачи требуетъ времени; надобно, чтобы отношенія сгладились и вошли въ должную колею; надобно, чтобы порядокъ упрочился и согласіе установилось силою привычки. Этого можетъ достигать только правительство, ясно понимающее свою задачу и не-

уклонно стремящееся къ ея осуществленію, не обращая вниманія на жалобы администраторовъ, стѣсняемыхъ въ своемъ произволѣ, и требуя отъ нихъ строгаго исполненія закона. Прежде всего, для этого необходима прочность установленнаго порядка. Всякая ломка, всякія колебанія, всякія исключительныя мѣры производятъ смуту и отдаляютъ достиженіе цѣли. Только постепенное, органическое развитіе учрежденій обезпечиваетъ утвержденіе законнаго порядка.

Въ Общемъ Государственномъ Правѣ мы видѣли различные вопросы, которые возникаютъ изъ отношеній суда къ администраціи, и тѣ способы, которыми они разрѣшаются. Намъ нѣтъ нужды къ этому возвращаться. Здѣсь укажемъ только на общія условія и побужденія, которыя ведутъ къ утвержденію той или другой системы. Установленіе судебныхъ гарантій связано съ признаніемъ свободы и права, то-есть, съ развитіемъ индивидуализма; напротивъ, широкая дѣятельность администраціи вытекаетъ изъ преобладанія совокупныхъ, то-есть, государственныхъ интересовъ. Чѣмъ больше государство вмѣшивается во всѣ сферы жизни, тѣмъ болѣе простора приходится предоставлять администраціи. Постоянное прибѣжище къ суду парализуетъ ея дѣйствія. А такъ какъ утвержденіе прочныхъ отношеній есть дѣло времени, то водвореніе того или другаго порядка зависитъ отъ того, какое начало является преобладающимъ въ историческомъ развитіи государства.

Это находится въ связи съ самымъ образомъ правленія. Въ чисто монархическихъ государствахъ естественно преобладаетъ бюрократія, которая служитъ главнымъ орудіемъ власти во внутреннихъ дѣлахъ. Отсюда широкое развитіе административной дѣятельности, которая, при отсутствіи всякихъ преградъ, можетъ дойти до полнѣйшаго произвола, съ устраненіемъ всякихъ судебныхъ гарантій. Таково именно было положеніе у насъ. Напротивъ, преобладаніе аристократическаго элемента въ государственномъ развитіи, особенно если онъ не является исключительнымъ, а сдерживается другими силами, ведетъ къ утвержденію прочнаго законнаго порядка, основаннаго на незыблемыхъ гарантіяхъ права, что мы и видимъ въ Англіи. Самая администрація получаетъ здѣсь въ значительной степени судебный характеръ. Обыкновенно она соединяется съ судомъ въ рукахъ владычествующаго сословія или класса, и смотря по тому, какъ послѣдній пользуется своимъ правомъ, онъ или утверждаетъ свое преобладаніе, или же, водворяя произволъ въ отношеніи къ низшимъ и допуская своеволіе высшихъ, онъ подрываетъ собственный авторитетъ и неизбѣжно идетъ къ паденію, что мы видимъ, напримѣръ, въ Польшѣ. Наконецъ, и демократія можетъ принять то или другое направленіе, смотря по духу,

который въ ней господствуетъ. Индивидуалистическая демократія, основанная на широкой самодѣятельности, вводитъ администрацію въ самые тѣсные предѣлы и даетъ первенствующее значеніе суду, охраняющему личное право; напротивъ, централизованная демократія, взывающая къ постоянному вмѣшательству государства въ область частныхъ отношеній, открываетъ административной дѣятельности такой широкій просторъ, передъ которымъ судебная власть отступаетъ на послѣдній планъ.

Изъ этого можно видѣть, что утвержденію законнаго порядка всего болѣе содѣйствуютъ смѣшанныя правленія, въ которыхъ одна власть воздерживаетъ другую и для сохраненія согласнаго дѣйствія требуется строгое исполненіе закона. Однако, и въ чистыхъ образахъ правленія возможно установить въ подчиненной сферѣ взаимное воздержаніе властей, составляющее непремѣнное требованіе общественнаго благоустройства. Къ этому ведетъ самое развитіе жизни. Всякое одностороннее направленіе влечетъ за собою неблагопріятныя послѣдствія, какъ для государства, такъ и для народа. Тутъ неизбѣжно оказывается недостатокъ, который требуется восполнить. Тамъ, гдѣ историческое развитіе вело преимущественно къ утвержденію права, и гдѣ, вслѣдствіе того, судебная власть является преобладающею, тамъ, рано или поздно, ощущается недостатокъ административной дѣятельности, отъ котораго страдаютъ общіе интересы. Законодательство стремится восполнить его созданіемъ новыхъ административныхъ органовъ и расширеніемъ ихъ полномочій. Именно это теченіе господствуетъ въ Англіи во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія. Наоборотъ, тамъ, гдѣ администрація является всемогущею, оказывается потребность установить гарантіи права, безъ чего нѣтъ ни гражданской свободы, ни высшаго развитія общественной жизни. Это и повело у насъ къ великимъ преобразованіямъ Александра Втораго.

Первое, однако, легче дается, нежели послѣднее. Когда гарантіи права стоятъ на твердомъ основаніи и вошли въ самые нравы и понятія общества, расширеніе административной дѣятельности можетъ совершиться на законной почвѣ, въ предѣлахъ строгой необходимости, не лишая гражданъ привычной свободы и оставляя широкій просторъ общественной самодѣятельности. Напротивъ, тамъ, гдѣ администрація привыкла дѣйствовать произвольно, ввести ее въ должные предѣлы представляется всегда затруднительнымъ. Для этого надобно измѣнить привычки и взгляды главныхъ органовъ управленія. Чтобы дѣйствовать въ сложномъ порядкѣ требуется высшее умѣніе, которое не всегда на-лице. Если же новыя требованія свободы и права водворяются революціоннымъ путемъ, то затрудненія становятся нео-

долимыми. Когда въ обществѣ водворяется анархическое броженіе, когда оно раздирается на партіи, только сильное дѣйствіе власти можетъ возстановить въ немъ порядокъ. Поэтому, естественнымъ послѣдствіемъ Французской Революціи было установленіе всемогущей администраціи рукою Наполеона. Пали даже тѣ преграды, которыя представляла судебная власть при старомъ порядкѣ. И эта система такъ упрочилась, что и въ позднѣйшее время, когда въ политической области водворилась широкая свобода, въ области административной бюрократія осталась изъятою отъ всякаго контроля со стороны судебной власти и сохранила свое преобладающее значеніе въ государствѣ. Постоянныя колебанія политической жизни главнымъ образомъ этому содѣйствовали.

Вообще, утвержденію законнаго порядка болѣе всего препятствуютъ революціонныя стремленія, распространяющіяся въ обществѣ. Они не только не въ состояніи положить предѣлъ произволу, но они именно его вызываютъ. Чѣмъ съ большею силой они проявляются, тѣмъ необходимѣе становятся исключительныя мѣры, предоставляющія административной власти широкія полномочія. Однако, эти исключительныя мѣры, въ свою очередь, должны держаться въ предѣлахъ строгой необходимости. Отступленія отъ законнаго порядка допустимы временно, когда требуется подавить смуты, грозящія опасностью государству, но онѣ не должны дѣлаться постояннымъ правиломъ государственнаго управленія. Иначе водворяется то поочередное колебаніе между произволомъ и своеволіемъ, которое составляетъ величайшую язву общественной жизни. Система административныхъ ссылокъ, какъ постоянная практика, не можетъ быть оправдана здравой политикой. Еще менѣе можетъ найти оправданіе распространеніе чрезвычайныхъ полномочій на полицейскія мѣры, вовсе не касающіяся политической области, напримѣръ на мостовыя и извозчиковъ, съ предоставленіемъ полиціи права штрафовать гражданъ по своему усмотрѣнію. При такомъ порядкѣ перепутываются всѣ понятія о правѣ и законѣ, всякія гарантіи для гражданъ исчезаютъ. Никто не знаетъ, чего держаться что можно и чего нельзя дѣлать. Правительство собственными руками разрушаетъ свое дѣло; оно сѣетъ сѣмена неудовольствія, которыя способны принести самые печальные плоды.

Не можетъ быть оправдано постоянное примѣненіе исключительныхъ мѣръ даже въ завоеванныхъ странахъ, гдѣ есть чуждые элементы, всегда готовые возмутиться. Тутъ, вслѣдствіе исключительныхъ условій, могутъ требоваться особые законы и учрежденія; но нельзя держать населеніе подъ гнетомъ постояннаго административнаго произвола. Владычество одного народа надъ другимъ оправдывается лишь

тогда, когда господствующее племя является носителемъ высшихъ государственныхъ началъ, когда оно въ покоренной странѣ водворяетъ порядокъ и справедливость, а справедливость требуетъ охраненія правъ всѣхъ и каждаго и подчиненія всѣхъ общему закону. Съ административнымъ произволомъ она несовмѣстна. Государство, которое не имѣетъ инаго орудія, кромѣ произвола, тѣмъ самымъ само себя осуждаетъ.

ГЛАВА III.

Попеченіе о благосостояніи.

Законный порядокъ опредѣляетъ формальную сторону государственной дѣятельности. Содержаніе ея составляютъ общественныя цѣли, которыя преслѣдуются государствомъ и въ виду которыхъ оно установляется. Кромѣ внѣшней и внутренней безопасности, охраняемой государственными силами, эти цѣли состоятъ въ попеченіи о матеріальныхъ и духовныхъ интересахъ народа. Въ какой мѣрѣ государство можетъ имъ содѣйствовать и какихъ результатовъ можетъ оно достигнуть? Это вопросъ первостепенной важности въ политикѣ управленія. Отъ рѣшенія его зависятъ, какъ размѣры, такъ и пріемы государственной дѣятельности.

Въ области матеріальныхъ интересовъ въ особенности этотъ вопросъ является весьма спорнымъ. Не только въ общественномъ настроеніи, но и въ наукѣ замѣчаются въ этомъ отношеніи постоянно смѣняющія другъ друга теченія: то размѣръ государственной дѣятельности доводится до наименьшихъ предѣловъ, то, напротивъ, она расширяется чрезмѣрно. Никогда однако, при господствѣ одного направленія, не исчезаетъ другое: оно остается не только въ видѣ протеста, но и какъ существенный элементъ общественной жизни, готовое снова появиться въ полной силѣ, когда, казалось, оно обречено на окончательное паденіе. Такъ всегда бываетъ, когда въ самомъ существѣ общественныхъ отношеній заключаются два противоположные элемента, изъ которыхъ то одинъ, то другой получаетъ перевѣсъ, смотря по мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобъ изъ этихъ колебаній вывести тѣ основныя начала, которыя должны оставаться непоколебимы, отдѣлить въ явленіяхъ существенное отъ случайнаго и выяснить тѣ условія, при которыхъ то или другое направленіе получаетъ преобладаніе.

Можно признать непреложной и непоколебимой истиной, что свобода есть коренное начало экономической дѣятельности человѣка. Выясненіе этой истины составляетъ неоспоримую и безсмертную заслугу такъ-называемой классической политической экономіи.

Во второй части этого курса мы старались освѣтить этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ и доказать, что только при широкой свободѣ возможно сколько-нибудь высокое экономическое развитіе общества. Тѣ, которые видятъ въ трудѣ единственный источникъ экономическаго производства, болѣе всего должны на этомъ настаивать, ибо трудъ есть чисто личная дѣятельность; трудится не общество, которое есть фиктивная единица, а лице, и трудъ его тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ болѣе онъ истекаетъ изъ внутренняго, свободнаго побужденія, а не совершается подъ угрозой внѣшняго насилія. Когда соціалисты, съ одной стороны, отвергаютъ всякій другой факторъ, кромѣ труда, а съ другой стороны требуютъ полнаго поглощенія лица государствомъ, то это одно изъ тѣхъ уродливыхъ противорѣчій, которыми изобилуетъ это ученіе.

Но для того, чтобы свобода могла быть источникомъ плодотворной дѣятельности, надобно, чтобы человѣкъ достигъ извѣстнаго развитія. Дикій не работаетъ упорно, а довольствуется удовлетвореніемъ самыхъ скудныхъ потребностей наименьшими усиліями. Чѣмъ болѣе дастъ ему природа, тѣмъ менѣе онъ прилагаетъ къ ней труда. Когда въ извѣстной части общества зарождаются высшія потребности, онѣ могутъ удовлетворяться только путемъ принужденія. На этомъ основываются и самыя государства. Отсюда проистекаютъ рабство и болѣе умѣренная его форма—крѣпостное состояніе. Они составляютъ первоначальныя условія высшей организаціи. По выраженію Руссо, свобода однихъ покупается порабощеніемъ другихъ.

Однако, эта принудительная организація экономическаго быта не идетъ далѣе извѣстной ступени. Крѣпостной трудъ не въ состояніи дать то, что даетъ трудъ свободный. Вслѣдствіе этого, съ высшимъ развитіемъ, когда человѣческія силы изощрились и получили должное направленіе, въ особенности когда накопился капиталъ, составляющій необходимое орудіе производства при свободномъ трудѣ, является противоположное направленіе—стремленіе къ раскрѣпленію. Принудительная организація отмѣняется; всѣ стѣсненія падаютъ; свобода на всѣхъ поприщахъ пробиваетъ себѣ широкіе пути и проявляетъ всѣ тѣ могучія силы, которыя заключаются въ человѣческой дѣятельности, не сдавленной искусственными преградами. Тѣ чудеса промышленности, которыя поражаютъ насъ въ современномъ мірѣ, суть плоды экономической свободы. Классическая, или либеральная политическая экономія, то, что нынѣ принято обзывать презрительнымъ терминомъ манчестерства, можетъ съ гордостью указать на эти результаты провозглашенныхъ ею началъ. Она имѣетъ за себя не только теорію, но и блистательную практику. Этими началами живетъ современное человѣчество.

Нѣтъ сомнѣнія однако, что свобода имѣетъ свои невыгодныя стороны. Предоставленный себѣ, человѣкъ легко дѣлается жертвою случайности; при необузданной конкурренціи сильные побѣждаютъ слабыхъ, которые обращаются къ государству съ просьбою о защитѣ. Чѣмъ болѣе, вслѣдствіе развитія свободы и равенства, и вслѣдствіе распространенія благосостоянія въ обществѣ, поднимается значеніе массъ, тѣмъ болѣе ихъ интересы становятся предметомъ общаго вниманія и привлекаютъ къ себѣ попеченіе правительствъ. Этому всего болѣе способствуетъ дарованіе имъ политическихъ правъ. Онѣ пользуются ими для того, чтобы предъявлять свои требованія и взывать къ государственной помощи. Отсюда проявляющаяся въ настоящее время реакція противъ либерализма въ экономическомъ строѣ. Она выражается, какъ въ соціалистическихъ тенденціяхъ массъ, такъ и въ теоріяхъ соціалистовъ каѳедры. Но, какъ водится, эта реакція, въ свою очередь, впадаетъ въ односторонность, преувеличивая значеніе государства и доводя свои требованія до крайности. Изъ того, что огонь можетъ произвести пожаръ, вовсе не слѣдуетъ, что всякое употребленіе огня слѣдуетъ поставить подъ надзоръ полиціи. Именно въ экономической области свобода, по самому существу дѣла, составляетъ основное начало, ибо экономическая область есть поприще дѣятельности частныхъ силъ, тогда какъ въ политической области свобода необходимо подвергается стѣсненіямъ, ибо гражданинъ является здѣсь членомъ высшаго, организованнаго цѣлаго, которому онъ подчиняется. Но именно тѣ, которые стоятъ за самую широкую политическую свободу, требуютъ наибольшаго стѣсненія свободы экономической. Въ этомъ выражается та непроходимая путаница понятій, которая господствуетъ въ умахъ соціалъ-демократовъ.

Чтобы придти въ этомъ отношеніи къ выводамъ, имѣющимъ сколько-нибудь научное значеніе, надобно исторически и теоретически изслѣдовать, какъ существо государства, такъ и значеніе различныхъ входящихъ въ составъ его началъ, отношенія его къ обществу, размѣръ и предѣлы его дѣятельности въ различныхъ областяхъ общественной жизни. Кто не прошелъ черезъ это изученіе, тотъ всегда будетъ о государственныхъ вопросахъ судить вкривь и вкось, а таково большинство не только соціалъ-демократовъ, но и соціалистовъ каѳедры, которые къ изученной ими экономической наукѣ примѣшиваютъ плохо извѣстныя имъ начала права, нравственности, политики и даже философіи, изъ чего выходитъ невѣроятный хаосъ понятій, составляющій величайшую язву современной германской науки.

Политика государства въ области экономическихъ отношеній, также какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ, зависитъ отъ состоянія обще-

ства, а состояніе общества опредѣляется уровнемъ его экономическаго развитія. Поэтому, къ разнымъ ступенямъ развитія неприложимы однѣ и тѣже мѣры. Историческая школа экономистовъ выяснила это съ полною очевидностью; въ этомъ состоитъ громадная ея заслуга. Этимъ она восполнила недостатки классической школы, которая, изслѣдуя чисто теоретическія начала, не принимала во вниманіе различныя фазы экономическаго развитія и вытекающія отсюда потребности. Но восполненіе не есть отрицаніе. Свобода все-таки остается нормою и идеаломъ экономической дѣятельности; но это—начало не безусловное, а развивающееся, и потому подлежащее ограниченіямъ въ примѣненіи къ разнообразнымъ условіямъ жизни.

Можно положить общимъ правиломъ, что чѣмъ ниже стоитъ экономическій уровень общества, тѣмъ больше требуется вмѣшательство государства. Оно замѣняетъ здѣсь недостатокъ направляющаго фактора экономической жизни — капитала. Капиталъ даетъ человѣку орудія дѣятельности и способы покорить себѣ природу; отъ него самый трудъ получаетъ организацію и высшую производительную силу. Въ *Ученіи объ Обществѣ* мы видѣли, что все общественное развитіе состоитъ въ постепенномъ накопленіи матеріальнаго и умственнаго капитала и въ передачѣ его отъ поколѣнія поколѣнію. Пока этотъ важнѣйшій изъ экономическихъ факторовъ скуденъ, требуются искусственныя мѣры, чтобы дать труду организацію и направленіе, способныя удовлетворить общественнымъ потребностямъ. Недостатокъ общественныхъ силъ восполняется государственною дѣятельностью.

На этой ступени государство становится опекуномъ общества. Трудъ подчиняется принудительной организаціи, рабство и крѣпостное право суть господствующія явленія. Государствомъ опредѣляется и все направленіе экономической дѣятельности. Оно указываетъ цѣли, даетъ пособія и регламентируетъ исполненіе. Система привилегій и монополій достигаетъ самаго широкаго развитія. Нерѣдко правительство беретъ цѣлыя отрасли хозяйства въ свои руки. Къ такой политикѣ государство побуждается собственными своими потребностями. Оно нуждается въ средствахъ, а эти средства оно можетъ получить только отъ общества; они даются развитіемъ экономическихъ силъ страны. Чѣмъ выше это развитіе, тѣмъ богаче государство. Въ виду умноженія собственныхъ средствъ, оно старается возбудить экономическія силы всякаго рода искусственными мѣрами, понужденіемъ, поощреніями, регламентаціей. Это—періодъ господства меркантильной теоріи.

Однако система опеки можетъ достигнуть лишь весьма незначительныхъ результатовъ. Полезная для младенческаго состоянія, она съ дальнѣйшимъ ростомъ становится помѣхою развитію. Въ экономи-

ческой области, также какъ и во всѣхъ другихъ, главною пружиной развитія, главнымъ условіемъ успѣха является самодѣятельность. Народъ, не привыкшій къ самодѣятельности, всегда остается на низшей ступени. По мѣрѣ развитія въ немъ внутреннихъ, общественныхъ силъ, экономическія стѣсненія становятся болѣе и болѣе вредными. Они падаютъ одно за другимъ передъ требованіями практики. Капиталъ, направляемый расчетливостью и умѣніемъ, становится господствующимъ факторомъ экономической жизни; онъ замѣняетъ собою правительственное руководство. Съ тѣмъ вмѣстѣ и политика государства получаетъ новое направленіе: опека снимается, и общество предоставляется свободному движенію экономическихъ силъ.

Этотъ періодъ наступаетъ съ водвореніемъ общегражданскаго порядка. Съ отмѣною крѣпостнаго права и всѣхъ сопровождающихъ его стѣсненій, съ установленіемъ общей свободы и равенства передъ закономъ, общественной самодѣятельности открывается полный просторъ. При такой системѣ, каждый долженъ полагаться только на себя, стоять на своихъ ногахъ и дѣлать то, что представляется ему выгоднымъ и полезнымъ въ виду собственныхъ интересовъ, не ожидая руководства и указаній сверху. Къ правительству можно обращаться только съ требованіями объ отмѣнѣ стѣсненій, а не съ просьбами о помощи. Мысль, что оно должно быть всеобщимъ опекуномъ и заботиться о благосостояніи всѣхъ и каждаго является лишь остаткомъ стараго времени, который не вдругъ исчезаетъ съ установленіемъ новыхъ порядковъ, а продолжаетъ вызывать въ немъ ненормальныя явленія, идущія наперекоръ господствующему строю. Конечно, одинъ порядокъ не переходитъ въ другой внезапнымъ скачкомъ. Именно частныя отношенія всего менѣе поддаются крутымъ переломамъ и требуютъ бережнаго къ себѣ вниманія. Здравая политика состоитъ въ томъ, чтобы выяснить себѣ значеніе этихъ переходовъ, щадя упроченные интересы, оказывая пособія, гдѣ нужно, до поры до времени сохраняя даже нѣкоторыя стѣсненія тамъ, гдѣ они вызываются жизненными потребностями или привычками, но имѣя все-таки въ виду, что окончательная цѣль состоитъ въ водвореніи экономической свободы, какъ единственнаго начала, способнаго дать высшее развитіе промышленнымъ силамъ страны.

И при этой системѣ, однако, государственная дѣятельность не упраздняется; напротивъ, она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ получаетъ даже большее развитіе. Чѣмъ живѣе и сложнѣе экономическая работа, тѣмъ болѣе она требуетъ установленія общихъ условій и учрежденій, находящихся въ совокупномъ пользованіи, а это составляетъ прямую задачу государства. Оно не является здѣсь опекуномъ

экономическихъ силъ; но оно призвано удовлетворить совокупнымъ потребностямъ, возникающимъ изъ свободнаго ихъ движенія. Въ обществѣ господствуетъ широкая свобода, но общія условія этой свободы находятся въ рукахъ государства, и это составляетъ въ высшей степени важную сторону его дѣятельности. Черезъ это оно получаетъ возможность давать то или другое направленіе самому движенію силъ.

Изъ числа этихъ общихъ и необходимыхъ условій экономической жизни первое состоитъ въ установленіи твердыхъ юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности каждаго. Это составляетъ требованіе права; но въ этомъ заключается и требованіе экономической политики. Нѣтъ возможности сдѣлать правильный расчетъ и вести хорошо обдуманное предпріятіе, когда ни собственность, ни взаимныя обязательства не пользуются должнымъ обезпеченіемъ. Всякая судебная проволочка, всякое полицейское стѣсненіе могутъ породить неисчислимыя потери. Самое установленіе нормъ требуетъ вниманія къ наличнымъ экономическимъ отношеніямъ; онѣ должны быстро и безпрепятственно примѣняться къ жизненному строю. А такъ какъ въ борьбѣ экономическихъ силъ проявляются противоположные интересы, то задача состоитъ въ томъ, чтобы держать между ними вѣсы и соблюдать справедливость относительно обѣихъ сторонъ. Это всего легче можетъ сдѣлать правительство, стоящее выше партій; напротивъ, тамъ гдѣ законодательство находится подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ общественныхъ элементовъ, противоположные интересы стараются перетянуть его каждый на свою сторону. Вслѣдствіе этого, экономическое законодательство подчиняется вліянію общей политики. Если въ представительствѣ господствуютъ зажиточные классы, капиталъ получаетъ перевѣсъ и рабочіе не пользуются должнымъ огражденіемъ; напротивъ, тамъ, гдѣ владычествуетъ масса, предприниматель несправедливо стѣсняется въ своихъ правахъ. Къ такого рода стѣсненіямъ принадлежитъ, напримѣръ, воспрещеніе фабрикантамъ расчитывать или не принимать рабочихъ, принадлежащихъ къ соціалистическимъ синдикатамъ, какъ это установлено нынѣ во Франціи. Очевидно, что такой элементъ на фабрикѣ составляетъ постоянный источникъ внутреннихъ смутъ, грозящихъ остановкою работъ по самымъ пустымъ поводамъ. Если рабочимъ нельзя отказать въ правѣ соединяться я в союзы и оставлять фабрику, когда имъ заблагоразсудится, то и хозяевамъ нельзя отказать въ правѣ принимать или не принимать кого имъ угодно, въ особенности же устранять безпокойныхъ людей, которые, производя смуту въ умахъ, могутъ нанести существенный вредъ производству. При такихъ противоположныхъ стремленіяхъ и требованіяхъ, участіе общественныхъ элементовъ въ законодательствѣ имѣетъ

однако ту выгоду, что даже тѣ, которые находятся въ меньшинствѣ, могутъ поднимать голосъ и отстаивать свои права, тогда какъ при другихъ условіяхъ они принуждены молчать. Въ этомъ отношеніи представительство зажиточныхъ классовъ имѣетъ неоспоримое преимущество передъ чисто демократическимъ строемъ. Первые видятъ передъ собою массу, которой они должны опасаться. Не только чувство справедливости, но и собственный интересъ заставляетъ ихъ удовлетворять разумнымъ ея требованіямъ. Напротивъ, владычествующей массѣ опасаться нечего. Для нея зажиточные классы представляются врагами, которыхъ можно притѣснять сколько угодно. Здѣсь меньшинство менѣе всего можетъ расчитывать на справедливое огражденіе.

Отъ политическаго устройства зависитъ и большая или меньшая свобода экономическихъ союзовъ, составляющихъ весьма важный элементъ экономической жизни. Въ союзахъ рабочіе получаютъ ту силу, которой они лишены въ одиночку. Но очевидно, что соединенія массъ грозятъ опасностью, какъ правамъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общественному порядку. Не только противъ хозяевъ, но и противъ рабочихъ, не желающихъ присоединиться къ стачкѣ, употребляются угрозы и насиліе; а когда полиція, исполняя свои обязанности, хочетъ этому помѣшать, то она подвергается нареканіямъ, а нерѣдко даже нападеніямъ. Только долговременная практика свободы, укорененіе ея въ нравахъ и привычка уважать чужія права дѣлаютъ такого рода соединенія безвредными для общественнаго спокойствія. Тамъ, гдѣ этихъ условій нѣтъ, допущеніе союзовъ и стачекъ порождаетъ постоянныя затрудненія для правительства. Положеніе его тѣмъ труднѣе, что соціалъ-демократическая партія всегда стоитъ за рабочихъ, стараясь всѣми средствами ихъ поддерживать и поднимая крикъ при самомъ законномъ вмѣшательствѣ полицейской власти или военныхъ силъ. Чѣмъ болѣе эта партія имѣетъ вліянія въ парламентѣ, тѣмъ болѣе приходится съ нею считаться. Отъ этого нерѣдко зависитъ самое существованіе министерствъ. Современная Франція представляетъ тому назидательные примѣры. Гдѣ политическая свобода не существуетъ, очевидно и такого рода экономическіе союзы не могутъ быть допущены. Но не дозволяя рабочимъ соединяться для отстаиванія своихъ интересовъ, правительство тѣмъ болѣе обязано взять эти интересы въ свои руки и воздать имъ должную справедливость.

Къ числу наиболѣе спорныхъ вопросовъ экономической политики принадлежитъ, вообще, обязанность государства защищать слабыхъ отъ притѣсненій. Мы уже касались этого вопроса съ юридической точки зрѣнія. Мы видѣли, что если это начало приложимо къ тѣмъ лицамъ, которыя не въ состояніи сами себя защищать и требуютъ

опеки, именно къ дѣтямъ и, въ нѣкоторомъ отношеніи, къ женщинамъ, то оно отнюдь не прилагается къ взрослымъ мужчинамъ, которые, какъ свободныя и полноправныя лица, стоятъ на своихъ ногахъ и употребляютъ свои силы и средства по собственному усмотрѣнію, а не по указаніямъ власти. Воззваніе къ вмѣшательству государства въ область частныхъ отношеній есть возвращеніе къ патріархальному взгляду, который видѣлъ въ государствѣ всеобщаго опекуна, призваннаго имѣть отеческое попеченіе о дѣтяхъ. Оно совмѣстно только съ крѣпостнымъ правомъ, но кореннымъ образомъ противорѣчитъ понятію о гражданинѣ, какъ свободномъ членѣ общества, который самъ о себѣ заботится и самъ за себя отвѣчаетъ. Либералы, которые держатся подобныхъ взглядовъ, впадаютъ въ противорѣчіе съ собственными началами. Съ экономической же точки зрѣнія, вмѣшательство государства во всѣ частныя сдѣлки ведетъ къ безконечной регламентаціи и къ невыносимому стѣсненію промышленныхъ силъ. Этимъ парализуется вся экономическая дѣятельность, для которой свобода составляетъ коренную движущую пружину и первое условіе высшаго развитія.

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать столь спорный нынѣ вопросъ объ опредѣленіи максимальнаго рабочаго дня. Почему со стороны рабочихъ возникаетъ подобное требованіе? Потому что если они откажутся работать долѣе извѣстнаго срока, то найдутся другіе, которые охотно примутъ на себя эту обязанность. Слѣдовательно, они хотятъ, съ помощью государственной регламентаціи, сохранить привилегированное положеніе и наложить свою волю на тѣхъ, которые вовсе не желаютъ подчиняться подобному требованію. При этомъ имѣется въ виду уменьшить количество рабочихъ часовъ безъ уменьшенія платы, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть возможно, а во многихъ другихъ немыслимо. Во всякомъ случаѣ, государство не можетъ вмѣшиваться въ опредѣленіе заработной платы, ибо она зависитъ отъ движенія свободныхъ экономическихъ силъ, отъ отношенія предложенія къ требованію и отъ цѣны произведеній. Столь же мало можетъ оно воспретить замѣну поденной работы поштучною, въ каковомъ случаѣ рабочему выгодно продлить срокъ работы для полученія большей платы. Если онъ этимъ способомъ хочетъ увеличить благосостояніе своего семейства, то законъ, установляющій предѣльный срокъ, лишаетъ его выгоднаго и часто нисколько для него не стѣснительнаго заработка. Нерѣдко также въ извѣстную пору требуется усиленная работа, а въ другое время она слабѣетъ. Максимальный законъ не дозволяетъ работнику наверстать потерянное время и тѣмъ поддержать уровень своего благосостоянія. Наконецъ, если возможно регулировать работу на фабрикахъ и въ большихъ заведеніяхъ, то до-

машняя работа ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія; а между тѣмъ, именно здѣсь обнаруживаются самыя печальныя явленія. Нѣтъ несчастнѣе положенія дѣвушекъ, которыя, работая на дому по заказу, принуждены трудиться днемъ и ночью, чтобы получить самое скудное пропитаніе. Что можетъ сдѣлать тутъ государство? Вообще, законъ, какъ общая норма, не въ состояніи услѣдить за безконечнымъ разнообразіемъ жизненныхъ отношеній. Широкая норма безполезна, узкая стѣснительна. Въ экономической области, болѣе, нежели во всякой другой, свободное отношеніе частныхъ силъ составляетъ общее правило, которое одно въ состояніи удовлетворить безконечно разнообразнымъ и измѣняющимся потребностямъ жизни. Всякое отступленіе отъ этого начала можетъ быть вызвано только ясно сознанною и доказанною необходимостью. Таково должно быть основное правило экономической политики.

Совершенно иное значеніе имѣютъ тѣ общія мѣры, которыми установляются условія безопасности и здоровья. Чѣмъ скученнѣе населеніе, тѣмъ потребность въ нихъ становится настоятельнѣе. Здѣсь государство стоитъ на законной почвѣ своей дѣятельности, и чѣмъ выше развитіе, чѣмъ сложнѣе отношенія, тѣмъ эта дѣятельность получаетъ болѣе широкіе размѣры. Общія правила требуются и въ городахъ, куда стекаются массы народа, и на фабрикахъ, и въ копяхъ и на пароходахъ, перевозящихъ пассажировъ. Вездѣ человѣческая жизнь и здоровье должны быть ограждены отъ вредныхъ вліяній, отъ которыхъ человѣкъ самъ не въ состояніи оберегаться. Объемъ дѣятельности государства зависитъ здѣсь исключительно отъ практическаго усмотрѣнія. Настоятельность нужды, жизненныя условія, большая или меньшая самодѣятельность населенія, возможность надзора, все это должно входить въ соображеніе при установленіи общихъ мѣръ, которыя, при недостаточномъ вниманіи къ практикѣ, являются или стѣснительными или безполезными.

Точно также расширяется дѣятельность государства въ отношеніи къ учрежденіямъ, состоящимъ въ общемъ пользованіи. Такого рода учрежденія составляютъ общественную потребность. Если она не можетъ удовлетворяться путемъ конкурренціи, если учрежденіе, по существу своему, составляетъ монополію, то оно естественно должно принадлежать государству. Таковы пути сообщенія, гавани. На желѣзныхъ дорогахъ монопольный характеръ распространяется и на подвижной составъ, который составляетъ принадлежность пути, тогда какъ на обыкновенныхъ дорогахъ всѣ свободно могутъ ѣздить въ своихъ экипажахъ. Чѣмъ выше стоитъ промышленное развитіе страны, чѣмъ живѣе и быстрѣе сношенія, чѣмъ многосложнѣе и совершеннѣе

самыя средства сообщенія, тѣмъ болѣе требуется регламентація этой области со стороны государства. Послѣднее можетъ или взять это дѣло въ свои руки, на что оно имѣетъ полное право, или предоставить его привилегированнымъ компаніямъ подъ своимъ надзоромъ. Выборъ того или другаго способа зависитъ отъ усмотрѣнія. Соображенія могутъ быть, какъ экономическія, такъ и политическія. Въ первомъ отношеніи надобно опредѣлить, какая эксплуатація выгоднѣе для государства и общества: государственная или частная? Выгода можетъ быть, какъ со стороны доходности, такъ и со стороны порядка. Какъ общее правило, частная предпріимчивость, преслѣдующая экономическій интересъ, всегда выгоднѣе казеннаго управленія съ его бюрократическими пріемами, съ его неизбѣжной централизаціей, лишеннаго притомъ главной пружины экономической дѣятельности — личнаго интереса. Отсюда общее стремленіе государствъ предоставить, какъ сооруженіе, такъ и эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ частнымъ компаніямъ. Только принципіальные противники капитала могутъ видѣть въ этомъ зло. Но, конечно, монополія можетъ быть поставлена въ такія условія, что она болѣе выгодна для тѣхъ, кто ею пользуется, нежели для тѣхъ, кому она служитъ. Установить въ этомъ отношеніи правильное веденіе дѣла вполнѣ зависитъ отъ государства, ибо оно имѣетъ въ своихъ рукахъ и условія и надзоръ. Отъ него зависитъ и наблюденіе за порядкомъ, то-есть, за правильнымъ удовлетвореніемъ общественныхъ потребностей, въ чьихъ бы рукахъ ни находилась экспуатація, въ рукахъ собственныхъ его агентовъ или въ рукахъ частной компаніи. Послѣднее даже выгоднѣе въ томъ отношеніи, что тутъ есть двоякій надзоръ: со стороны общества и со стороны правительства, которое всегда можетъ настоять на своихъ требованіяхъ. Правительственная же эксплуатація находится въ рукахъ бюрократіи, всегда готовой прикрывать своихъ агентовъ и весьма слабо подчиняющейся общественному контролю. Нужны вопіющія злоупотребленія, чтобы побѣдить господствующую рутину и подвинуть неповоротливый организмъ на какія-либо улучшенія. При такой системѣ, на правительство падаетъ вся отвѣтственность и на него обращается все неудовольствіе. Чѣмъ болѣе у него дѣлъ на рукахъ, тѣмъ болѣе оно имѣетъ интересъ въ томъ, чтобы сложить съ себя часть бремени на частныя силы, сохраняя за собою только надзоръ, который гораздо легче и дѣйствительнѣе, нежели собственное управленіе.

Эти экономическія соображенія видоизмѣняются однако соображеніями политическими. Желѣзныя дороги имѣютъ значеніе не только промышленное, но и стратегическое. Для военныхъ цѣлей можетъ требоваться путь, который не приноситъ дохода. Въ такомъ

случаѣ главный интересъ частной компаніи отпадаетъ. Ей можетъ быть выгодно не улучшеніе, а ухудшеніе пути, ибо этимъ вызываются все новыя и новыя субсидіи. При такихъ условіяхъ казенная эксплуатація можетъ быть выгоднѣе частной, если только правительство имѣетъ достаточно надежный персоналъ и способно оградить общество отъ злоупотребленій, что̀, какъ извѣстно, далеко не всегда имѣетъ мѣсто.

Къ этому могутъ присоединяться и болѣе общіе мотивы. Когда государство имѣетъ громадное бремя управленія на рукахъ, ему, какъ сказано, выгодно сложить долю его на частныя силы. Но вопросъ ставится совершенно иначе, когда требуется, напротивъ, расширить дѣятельность государства и скрѣпить разрозненныя его части. Въ такомъ случаѣ сосредоточеніе громаднаго желѣзнодорожнаго управленія въ его рукахъ служитъ ему могущественнымъ орудіемъ дѣйствія. Это и было главною причиной выкупа сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Германской Имперіи. Этимъ значительно увеличивалась сила центральной власти и ослаблялся партикуляризмъ. При такомъ условіи, когда казенное управленіе связывается съ цѣлями національнаго единства, общество охотно готово поддерживать подобныя стремленія. Но тамъ, гдѣ національное единство упрочено и дѣятельность государства достигла широкихъ, можетъ быть даже преувеличенныхъ размѣровъ, полезно развитіе самостоятельныхъ общественныхъ силъ, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ самодѣятельность общества, какъ въ экономической, такъ и въ политической области.

Нельзя однако не замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ эти силы далеко не вполнѣ независимы. Правительству всегда принадлежитъ и выдача концессій, и предоставленіе тѣхъ или другихъ выгодъ, и постоянный надзоръ за исполненіемъ условій. Вслѣдствіе этого, частныя компаніи, принимающія на себя общественныя предпріятія, стремятся заискивать расположеніе вліятельныхъ лицъ, а это часто имѣетъ весьма невыгодныя послѣдствія для политическихъ нравовъ. Въ самодержавныхъ правленіяхъ развивается взяточничество въ высшихъ сферахъ, а въ конституціонныхъ, если не прямо̀, то косвенно продаются голоса народныхъ представителей. Чѣмъ ниже уровень нравовъ, тѣмъ бо̀льшіе размѣры принимаетъ это зло. Оно особенно распространяется тамъ, гдѣ правительства, въ видахъ отвлеченія общества отъ политическихъ вопросовъ, стараются направить его на пріобрѣтеніе матеріальныхъ благъ. Такъ было, напримѣръ, въ Австріи во времена Меттерниха и во Франціи при второй Имперіи. Панамскіе скандалы составляютъ естественный плодъ прежней развращающей политики. Въ Англіи, напротивъ, при долговременномъ господствѣ

политической свободы съ преобладаніемъ зажиточныхъ классовъ, нравы поднялись на весьма высокій уровень. Практиковавшаяся въ прошедшемъ вѣкѣ система подкуповъ исчезла совершенно. Безкорыстіе представителей народа стоитъ выше всякаго подозрѣнія. Зато и частныя компаніи имѣютъ тамъ вполнѣ самостоятельное положеніе, можетъ быть даже въ ущербъ государственнымъ интересамъ. Тамъ, гдѣ, въ видахъ общественной пользы, такая независимость не допускается, требуется все-таки твердость права и прочность условій, ограждающихъ положеніе компаній. Это одно можетъ предупредить или, по крайней мѣрѣ ослабить развращающее дѣйствіе частныхъ искательствъ.

Такого же рода экономическія, политическія и нравственныя соображенія опредѣляютъ направленіе экономической политики въ области кредита. По существу своему, кредитъ, какъ было объяснено въ другомъ мѣстѣ, есть дѣло не правительственное, а частное. Только за недостаткомъ частной предпріимчивости и капиталовъ, правительство, въ виду государственныхъ и общественныхъ выгодъ, можетъ взять это дѣло въ свои руки. Развитіе правительственнаго кредита всегда служитъ признакомъ низкаго экономическаго уровня общества. Но, по этому самому, это — орудіе обоюдоострое. Кредитъ полезенъ только тѣмъ, кто умѣетъ имъ пользоваться, а при низкомъ экономическомъ развитіи общества это умѣніе весьма незначительно. Ростъ умственнаго капитала всегда идетъ въ уровень съ умноженіемъ матеріальнаго. При такихъ условіяхъ, самый дешевый правительственный кредитъ можетъ быть разореніемъ для заемщиковъ; чѣмъ онъ доступнѣе, тѣмъ больше искушеніе и тѣмъ больше опасность. Громадная задолженность русскихъ помѣщиковъ и въ дореформенныя времена и въ настоящую пору, притомъ безъ всякой пользы для хозяйства или съ непроизводительными затратами, доказываетъ это наглядно. Поэтому, расширеніе правительственнаго кредита, особенно при параллельномъ развитіи частнаго, никакъ не можетъ считаться задачею раціональной политики. Въ этомъ дѣлѣ, напротивъ, необходимо дѣйствовать съ величайшею осторожностью, чтобы не увеличить зла, вмѣсто того чтобы доставить облегченіе заемщикамъ.

Но и при самомъ высокомъ экономическомъ развитіи народа правительство нуждается въ кредитѣ для себя. Съ своей стороны, общество нуждается въ учрежденіи, которое было бы высшимъ регуляторомъ общественнаго кредита, приходя на помощь въ трудныя времена, предупреждая или, по крайней мѣрѣ, смягчая неизбѣжные кризисы. То и другое ведетъ къ установленію центральныхъ банковъ, либо государственныхъ, либо въ видѣ привилегированныхъ частныхъ предпріятій. И тутъ, при низкомъ экономическомъ уровнѣ, первый способъ является

единственно возможнымъ; второй же всегда служитъ признакомъ высокаго экономическаго развитія. Громадная выгода послѣдняго заключается въ томъ, что общественный кредитъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вся экономическая жизнь страны, становится въ положеніе независимое отъ случайныхъ политическихъ колебаній и ошибокъ, отъ личныхъ вліяній и происковъ, какъ государственныхъ людей, такъ и партій. И правительства и представительныя собранія всегда склонны подчинять экономическіе интересы политическимъ; напротивъ, банкъ, стоящій на прочныхъ основахъ, обладающій и знаніемъ дѣла и твердыми преданіями, имѣющій въ виду не мелочныя выгоды, а широкіе экономическіе интересы страны, представляетъ самую надежную преграду всѣмъ такого рода стремленіямъ. Опытъ показываетъ, что подобныя учрежденія составляютъ ничѣмъ не замѣнимый оплотъ общественнаго благосостоянія. Они являются высшимъ выраженіемъ независимости общественныхъ силъ въ экономической области. И для самого правительства они потому именно представляютъ самую надежную опору, что они, вмѣстѣ съ тѣмъ, служатъ ему и преградой. Здѣсь повторяется общая истина, что опираться можно только на то, что способно сопротивляться, то есть, на независимыя силы. Но, конечно, для того, чтобы подобныя силы могли служить опорой, надобно, чтобъ онѣ существовали въ обществѣ. Привилегированные банки возможны только тамъ, гдѣ есть значительные и прочные капиталы, а вмѣстѣ и умѣніе ими управлять. Гдѣ этихъ условій нѣтъ, правительство, волею или неволею, принуждено взять это дѣло въ свои руки. Этимъ еще разъ подтверждается и значеніе капиталовъ, какъ независимой общественной силы, и общее правило, что задачи политики состоятъ въ зависимости отъ состоянія общества.

Государственная дѣятельность въ области кредита имѣетъ и другую задачу—предупреждать, по возможности, злоупотребленія биржевой игры. Тутъ къ экономическимъ цѣлямъ присоединяются юридическія и нравственныя. Надобно предохранить публику отъ обмана, оградить торговлю отъ искусственныхъ колебаній, предупредить, по возможности, разореніе массы невинныхъ людей, наконецъ положить предѣлъ развитію страсти къ игрѣ, составляющей язву общественныхъ нравовъ. Но если эти цѣли законны, то осуществленіе ихъ въ высшей степени затруднительно. Оборотъ цѣнностей всего менѣе поддается регламентаціи. Вся промышленность и торговля основаны на расчетѣ будущаго, всегда болѣе или менѣе гадательномъ и зависящемъ исключительно отъ личнаго усмотрѣнія. Главная движущая пружина экономическаго развитія, предпріимчивость, заключаетъ въ себѣ значительную долю риска, и нѣтъ возможности положить въ этомъ дѣлѣ

какія-либо границы. Чѣмъ выше промышленное развитіе страны, тѣмъ больше въ ней накопляются капиталы, ищущіе выгоднаго помѣщенія, тѣмъ живѣе оборотъ промышленныхъ цѣнностей. Средоточіемъ этого оборота является биржа, которая служитъ посредникомъ между капиталистами и предпринимателями. То, что банки дѣлаютъ пріемомъ и выдачей ссудъ, съ помощью собственнаго капитала, то здѣсь совершается путемъ непосредственныхъ сношеній и сдѣлокъ. А такъ какъ капиталы и предпріимчивость не ограничиваются данной страной, но ищутъ приложенія всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ свѣта, то биржа въ богатыхъ странахъ становится центромъ мірового оборота. Она является показателемъ и регуляторомъ всѣхъ промышленныхъ цѣнностей, поприщемъ міровой предпріимчивости, а вмѣстѣ и сопряженнаго съ нею риска. Понятно, что самый этотъ рискъ становится предметомъ спекуляціи; но отдѣлить законную спекуляцію отъ азартной игры нѣтъ возможности, ибо на это нѣтъ никакихъ признаковъ. Законъ въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе безсиленъ, что частныя сдѣлки большею частью ускользаютъ отъ правительственнаго надзора. Стѣсняемыя въ оффиціальномъ помѣщеніи, онѣ ищутъ убѣжища въ частномъ, что произошло въ Германіи послѣ изданія новаго биржеваго устава. Регламентируя биржевыя сдѣлки, правительство рискуетъ не только подавить внутреннюю предпріимчивость, но и произвести перемѣщеніе капиталовъ и оборота въ другія страны, теряя тѣ громадныя экономическія и политическія выгоды, которыя доставляетъ государству существованіе крупной и солидной биржи. Дѣлаясь центромъ мірового оборота и помѣщенія капиталовъ и займовъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, государство пріобрѣтаетъ первенствующее экономическое значеніе, а съ этимъ связаны и политическая сила и вліятельные интересы. Поэтому, регламентировать эту область нельзя иначе какъ съ крайнею осторожностью. Законъ, безъ сомнѣнія, обязанъ оградить публику отъ обманныхъ предпріятій, привлекая къ отвѣтственности, какъ иниціаторовъ, такъ и посредниковъ; онъ можетъ, при организаціи биржи, требовать извѣстныхъ гарантій и дать вѣсъ солиднымъ элементамъ. Но регламентація самыхъ сдѣлокъ едва ли представляется желательною; она способна принести болѣе вреда, нежели пользы. Биржа, по существу своему, есть учрежденіе не государственное, а общественное, а потому она должна быть независима.

Съ неменьшею осторожностью должно государство приступать къ регулированію отношеній, которыя находятся вполнѣ въ его рукахъ, именно, внѣшней торговли. Извѣстно, что таможенная политика составляетъ одинъ изъ наиболѣе спорныхъ современныхъ вопросовъ. Въ

противоположность господствовавшей въ теоріи и въ практикѣ меркантильной системѣ, классическая политическая экономія провозгласила свободу торговли единственнымъ правильнымъ экономическимъ началомъ, и это воззрѣніе нашло широкое примѣненіе, особенно въ Англіи, которая уничтожила у себя всѣ покровительственныя пошлины и тѣмъ довела свою промышленность до высшей степени процвѣтанія. Одно время и другія страны послѣдовали этому направленію, причемъ и ихъ промышленный бытъ не только не понизился, а, напротивъ, значительно повысился. Однако, въ новѣйшее время наступила реакція въ пользу протекціонизма. Въ особенности конкурренція хлѣбныхъ странъ, обладающихъ непочатыми богатствами природы, заставила поднять таможенныя пошлины для огражденія туземнаго земледѣлія, а какъ скоро одной отрасли оказывается покровительство, такъ эта система распространяется и на другія. Въ Америкѣ это было вызвано главнымъ образомъ интересами фабричнаго Сѣвера, который, послѣ междоусобной войны, воспользовался своею побѣдой для извлеченія изъ нея промышленныхъ выгодъ. Только Англія осталась вѣрна своей прежней политикѣ.

Здѣсь не мѣсто разбирать доводы обѣихъ сторонъ. Это потребовало бы слишкомъ длинныхъ разсужденій. Скажемъ только, что всякая протекціонная пошлина оплачивается потребителемъ, котораго заставляютъ платить дороже нерѣдко за предметы худшаго свойства. Это—дань, налагаемая на потребителя въ пользу производителя. Тѣ, которые въ протекціонной системѣ видятъ только возможность дать выгодное помѣщеніе туземнымъ капиталамъ и заработокъ туземнымъ рабочимъ, забываютъ, что эти выгоды пріобрѣтаются тѣмъ, что лицамъ, пользующимся покровительствомъ, дается право обирать другихъ. Стало-быть, во всякомъ случаѣ это—положеніе не нормальное; оно должно составлять не правило, а исключеніе. Высшею цѣлью экономической политики должна быть свобода, а не протекціонизмъ. Высокое развитіе промышленности въ странахъ, установившихъ у себя свободу торговли, доказываетъ, что эта система даетъ изумительный толчекъ производительнымъ силамъ. Тѣмъ не менѣе, и тутъ надобно принять во вниманіе состояніе общества. При низкомъ промышленномъ уровнѣ, покровительственная система, задерживающая иностранную конкурренцію и предоставляющая туземнымъ предпринимателямъ значительныя выгоды, служитъ сильнымъ поощреніемъ къ производству. Какъ временная мѣра, она можетъ дѣйствовать благодѣтельно. Но никогда не должно забывать, что съ возвышеніемъ производительныхъ силъ она должна идти къ упраздненію. Промышленность, которая дѣйствительно выгодна, должна стоять на своихъ ногахъ, а не

поддерживаться постоянною податью, взимаемой съ потребителей. Между тѣмъ, именно противъ этого всего чаще грѣшатъ правительства. Высокими покровительственными пошлинами они создаютъ привилегированныя положенія, которыя служатъ къ чрезмѣрному обогащенію однихъ на счетъ другихъ. Тѣ десятки милліоновъ, которыя пріобрѣтены, напримѣръ, нѣкоторыми русскими сахарозаводчиками, нажиты не собственнымъ трудомъ и усиліями, а возможностью обирать потребителей. Возникающія такимъ образомъ громадныя состоянія служатъ явнымъ доказательствомъ, что протекціонная система достигла чудовищныхъ размѣровъ. А между тѣмъ, этимъ способомъ капиталы и предпріимчивость искусственнымъ путемъ отвлекаются отъ естественно выгодныхъ отраслей; всѣ кидаются на ту, которая обѣщаетъ несмѣтные барыши. Черезъ это происходитъ переполненіе рынка, и правительство, наконецъ, само не знаетъ, что дѣлать съ искусственно вызваннымъ имъ производствомъ. Приходится его регулировать, то-есть, вмѣшиваться въ отношенія предложенія и спроса, къ чему государство менѣе всего способно и что совершенно выходитъ изъ предѣловъ его вѣдомства. Установляются вывозныя пошлины, которыя даютъ производителямъ возможность спускать свои произведенія въ убытокъ за границу, вознаграждая себя вящимъ обираніемъ туземныхъ потребителей, принужденныхъ расплачиваться за ложную политику правительства. Всего хуже, когда эти потребители сами не пользуются покровительствомъ, вслѣдствіе того что ихъ произведенія составляютъ предметъ не ввоза, а вывоза. Въ такомъ положеніи находится, напримѣръ, русское земледѣліе. Эта важнѣйшая отрасль русской промышленности, та, которая составляетъ главную силу страны, принуждена расплачиваться за всю протекціонную систему, именно въ то время какъ она сама находится въ угнетенномъ состояніи вслѣдствіе паденія цѣнъ на всемірномъ рынкѣ. При такихъ условіяхъ высокій тарифъ есть ничто иное какъ право, данное процвѣтающимъ отраслямъ обирать разоряющихся. Такое направленіе экономической политики нельзя признать согласнымъ съ народными интересами. Оно можетъ вести лишь къ общему обѣднѣнію. Привилегированныя лица теряютъ всякое побужденіе къ улучшеніямъ, а потребители болѣе и болѣе разоряются.

Основное правило здравой экономической политики должно состоять не въ томъ, чтобы пошлины были возможно высоки, а въ томъ, чтобъ онѣ были возможно низки. Лучше придти на помощь зарождающейся промышленности другими льготами и пособіями, нежели въ пользу ея налагать дань на всѣхъ потребителей; если же послѣднее непремѣнно требуется, то надобно, чтобъ эта дань не выходила

изъ предѣловъ строгой необходимости. Надобно поддерживать производство, а не давать производителямъ возможность получать громадные барыши, обирая другихъ. Въ этихъ видахъ весьма желательно.. чтобы правительство было проникнуто началами свободной торговли. При такомъ условіи оно будетъ дѣлать наименьшія уступки напору вліятельныхъ производителей, которые всегда требуютъ какъ можно бо́льшихъ привилегій. Изъ борьбы противоположныхъ стремленій можетъ выработаться умѣренная норма. Напротивъ, когда правительство раздѣляетъ стремленія крупныхъ производителей, возвышенію пошлинъ нѣтъ предѣла; за все долженъ расплачиваться безгласный потребитель, который нигдѣ не находитъ защиты. Когда же къ этому присоединяется ложно понятое патріотическое чувство, вызывающее желаніе все дѣлать самимъ и обойтись безъ другихъ, то проистекающій отсюда экономическій вредъ можетъ достигнуть весьма крупныхъ размѣровъ. Конечно, въ странѣ обширной и богатой, при весьма дѣятельномъ населеніи и широкой внутренней свободѣ, какова, напримѣръ, Сѣверная Америка, этотъ вредъ можетъ не быть очень чувствительнымъ; но въ странѣ бѣдной капиталами и съ мало развитымъ населеніемъ онъ можетъ отразиться общимъ упадкомъ благосостоянія.

Къ расширенію свободы торговли клонятся и торговые договоры, которые состоятъ въ тѣсной связи съ таможенною политикой, и, также какъ послѣдняя, имѣютъ значительное вліяніе на экономическія отношенія. Чужая таможенная система служитъ препятствіемъ сбыту; уменьшить эту преграду можно только дѣйствіемъ правительства, путемъ экономическихъ соглашеній. Они имѣютъ въ виду не только взаимныя уступки, но въ особенности упроченіе экономическихъ сношеній огражденіемъ торговли отъ внезапныхъ повышеній таможенныхъ пошлинъ, спутывающихъ всякіе расчеты. Торговые договоры тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ болѣе вступающія въ соглашеніе правительства одушевлены желаніемъ взаимныхъ уступокъ; напротивъ, когда они видятъ свою выгоду въ томъ, чтобы держать пошлины возможно высоко, они не могутъ расчитывать на уступки со стороны другихъ. При такихъ отношеніяхъ, отрасли, ищущія иностранныхъ рынковъ, должны расплачиваться вдвое: съ одной стороны, стѣсняется сбытъ собственныхъ ихъ произведеній, съ другой стороны, они чужія должны покупать дороже. При этомъ нельзя не замѣтить, что высшая цѣль экономической политики, съ расширеніемъ міроваго рынка, состоитъ въ установленіи живаго обмѣна между всѣми народами, а не въ огражденіи себя китайскими стѣнами отъ иностраннаго соперничества. Не обособленіе, а общеніе составляетъ идеалъ человѣческаго развитія. При передвиженіи силъ могутъ, конечно, требоваться временныя

мѣры для охраненія упроченныхъ интересовъ, но истинная задача заключается въ томъ, чтобы воспитанныя цивилизаціей экономическія силы имѣли въ себѣ довольно энергіи и эластичности для приспособленія къ вновь возникающимъ условіямъ. Тѣ народы, которые не одарены этими способностями, неизбѣжно опускаются на низшую ступень. Огражденіе себя отъ внѣшняго соперничества, обрекая ихъ на рутину, только ускоряетъ ихъ паденіе.

Потребность расширенія рынка выражается и въ колоніальной политикѣ. Здѣсь государство имѣетъ ту выгоду, что оно не зависитъ отъ воли иностранныхъ державъ, съ которыми приходится вступать въ соглашенія. Дѣятельность его можетъ вполнѣ соображаться съ внутренними потребностями. Колоніи не только доставляютъ сбытъ произведеніямъ, но онѣ открываютъ обширное поприще для помѣщенія капиталовъ и для предпріимчивости. Подъ плодотворнымъ вліяніемъ этихъ факторовъ, непочатыя богатства новыхъ странъ обращаются на пользу колонизующаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дается исходъ избытку народонаселенія, которое не отрывается отъ отечества путемъ эмиграціи, а остается связаннымъ съ нимъ всѣми своими интересами. Но, какъ уже было замѣчено выше, пользованіе всѣми этими выгодами зависитъ прежде всего отъ самодѣятельности общества. Здѣсь съ полною ясностью выражается отношеніе государства къ обществу на экономической почвѣ. Государство можетъ дѣлать громадныя затраты на пріобрѣтеніе и устройство колоній; если въ обществѣ нѣтъ достаточно энергіи и предпріимчивости, чтобы пользоваться этими выгодами, все это пропадаетъ даромъ. При такихъ условіяхъ колоніи могутъ служить источникомъ слабости для метрополіи. Примѣръ представляютъ обширныя испанскія колоніи въ Новомъ Свѣтѣ. Правительству онѣ доставляли груды золота, но страну онѣ не обогащали, а давали только исходъ безпокойнымъ силамъ, которыя однако не обращались на экономическую дѣятельность, а предавались разгулу въ пустынныхъ пространствахъ. Результатъ былъ тотъ, что въ колоніяхъ царила анархія, а метрополія болѣе и болѣе падала подъ бременемъ невыносимаго деспотизма, который сдавливалъ всѣ живыя силы страны. Расторженіе этой связи послужило къ выгодѣ обѣихъ сторонъ.

Отсюда слѣдуетъ, что и въ колоніальной политикѣ требуется не столько государственная дѣятельность, сколько открытіе выгодныхъ поприщъ общественнымъ силамъ. Отъ государства зависитъ завладѣніе этимъ поприщемъ. Въ этомъ отношеніи оно должно имѣть въ виду не только настоящее, но и будущее. Правительство великаго народа въ правѣ расчитывать на развитіе его силъ; а когда новыя попри-

ща болѣе и болѣе захватываются другими, оно въ правѣ обезпечить свои будущіе интересы, особенно если къ тому представляются непосредственные поводы. Но оно можетъ впасть въ крупную ошибку, задаваясь фантастическими задачами и дѣлая значительныя затраты въ виду весьма проблематическихъ выгодъ. Основнымъ правиломъ слѣдуетъ признать, что траты государства должны соразмѣряться съ потребностями тѣхъ общественныхъ силъ, которыя призываются къ разработкѣ богатствъ колоніи. Гдѣ этихъ силъ нѣтъ, или гдѣ ихъ надо искусственно создавать, тамъ государство, полагающее свои капиталы на колоніальныя предпріятія, всегда окажется въ накладѣ. Это—даромъ брошенныя деньги, что особенно тяжело отзывается на странахъ бѣдныхъ, которыя именно потому страдаютъ недостаткомъ предпріимчивости, что въ нихъ умственные и вещественные капиталы слишкомъ скудны. Этого недостатка государство не въ состояніи восполнить собственною дѣятельностью.

Способствуя, по мѣрѣ возможности, развитію производства, государство можетъ распространить свою заботу и на распредѣленіе богатства. Въ какой мѣрѣ допустимо здѣсь вмѣшательство власти и чего она можетъ достигнуть?

Древнее государство, которое не отличалось еще отъ гражданскаго общества, стремилось дѣйствіемъ сверху установлять согласіе различныхъ общественныхъ элементовъ. Съ этою цѣлью политическіе мыслители совѣтовали избѣгать крайностей богатства и нищеты. Бѣднымъ давалась помощь отъ государства, а богатые облагались значительными тягостями. Однако эта система не привела ни къ чему; она не удержала древнихъ государствъ отъ паденія. Естественнымъ движеніемъ жизни противоположныя крайности, не смотря на умѣряющіе законы, расходились болѣе и болѣе; наконецъ, пришлось сдерживать ихъ независимою отъ нихъ властью. Вслѣдствіе этого, республиканская форма уступила мѣсто монархіи. Въ предыдущей части курса мы прослѣдили этотъ процессъ, которымъ обозначается постепенное разложеніе древняго государственнаго быта. Но тамъ же мы видѣли, что новое государство строится на иныхъ началахъ. Оно выдѣляется изъ гражданскаго общества и становится надъ нимъ. Здѣсь соглашеніе общественныхъ элементовъ совершается не дѣйствіемъ сверху, а внутреннимъ развитіемъ, естественнымъ ростомъ среднихъ классовъ, путемъ самодѣятельности и постепеннаго накопленія матеріальнаго и умственнаго капитала. Этимъ установляется нормальное отношеніе государства и общества. Послѣднему, по самой природѣ вещей, принадлежитъ область экономической дѣятельности. Какъ производство цѣнностей, такъ и распредѣленіе ихъ между различными обще-

ственными классами совершаются не искусственными мѣрами, не принудительнымъ дѣйствіемъ сверху, а свободнымъ движеніемъ общественныхъ силъ. Собственная же задача государства состоитъ въ охраненіи *справедливости*, то-есть, въ обезпеченіи каждому плодовъ своего труда и въ равномѣрномъ привлеченіи всѣхъ къ несенію общественныхъ тягостей.

Не всегда однако свободное движеніе общественныхъ силъ обходится безъ страданій, и государство не можетъ оставаться къ нимъ безучастнымъ. Кромѣ справедливости, есть и человѣколюбіе, которое менѣе всего можетъ быть чуждо христіанскимъ народамъ. Частныя страданія вызываютъ частную помощь; но когда они принимаютъ широкіе размѣры и распространяются въ массахъ, въ особенности когда они вызываются общими причинами, они не могутъ не обратить на себя вниманія и заботы государства. Въ настоящее время, въ особенности, эти стремленія проявляются иногда даже съ чрезмѣрною силой. Чѣмъ болѣе демократическія начала проникаютъ въ государственную и общественную жизнь, тѣмъ болѣе предметомъ попеченія становится благосостояніе массъ, и тѣмъ болѣе самыя эти массы, вооруженныя политическимъ правомъ, требуютъ помощи государства. Отсюда развитіе особенной отрасли политики, которая получила названіе *соціальной политики*, направленной къ улучшенію благосостоянія низшихъ слоевъ населенія. Она привлекаетъ къ себѣ усиленное вниманіе, какъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, такъ и цѣлыхъ ученыхъ обществъ. И это вполнѣ понятно, ибо обострившіяся отношенія классовъ составляютъ главную язву современнаго человѣчества. Пролетаріатъ образуетъ все возрастающую силу, которая грозитъ разрушеніемъ всему существующему порядку. Желаніе уврачевать глубоко вкоренившееся зло и привести къ соглашенію стремящіеся врозь элементы составляетъ поэтому естественную заботу, какъ тѣхъ, на комъ лежитъ попеченіе объ общемъ благѣ, такъ и тѣхъ, которые, изучая явленія общественной жизни, не остаются безучастны къ судьбамъ человѣчества.

Но признавая вполнѣ законность этихъ стремленій, безпристрастная наука не можетъ не сказать, что они нерѣдко заходятъ слишкомъ далеко. Неразумное человѣколюбіе, не руководимое пониманіемъ истинныхъ началъ общественной жизни, часто производитъ болѣе зла, нежели пользы. Это въ особенности имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ человѣколюбіе, вопреки нравственной его природѣ, становится принудительнымъ. Никогда не слѣдуетъ забывать, что нравственность, по существу своему, есть начало не принудительное, а свободное; исходящее изъ внутреннихъ побужденій человѣческой совѣсти. Принужденіе къ нравственности есть насиліе совѣсти, а потому безнрав-

ственно. Благотворительность есть, поэтому, по существу своему, дѣло частное. Государство, какъ уже было объяснено въ другомъ мѣстѣ, вступается лишь тогда, когда зло принимаетъ такіе обширные размѣры, что оно грозитъ нарушить общественный порядокъ и подорвать общее благосостояніе. Но именно въ такихъ случаяхъ оно перестаетъ быть просто дѣломъ человѣколюбія; оно становится настоящимъ предметомъ политики.

Въ стремленіяхъ къ улучшенію быта народныхъ массъ не надобно забывать и другаго, не менѣе важнаго начала, именно, что въ свободномъ обществѣ каждый долженъ стоять на своихъ ногахъ и заботиться самъ о своей судьбѣ. Обращеніе къ помощи государства, къ регламентаціи сверху, водворяетъ систему опеки, которая прилична при крѣпостномъ правѣ, а никакъ не въ общегражданскомъ порядкѣ. Въ обществѣ, недавно вышедшемъ изъ крѣпостнаго состоянія, такое воззрѣніе является остаткомъ стараго времени. При демократическомъ строѣ оно служитъ проводникомъ якобинскихъ началъ, то-есть, стремленія терроризировать меньшинство и обирать имущихъ въ пользу неимущихъ. У теоретическихъ соціалъ-политиковъ оно является просто плодомъ смѣшенія понятій или ложныхъ политическихъ взглядовъ. Чѣмъ выше развитіе общества, тѣмъ болѣе самодѣятельность и самоотвѣтственность становятся коренными основами общественной жизни. Все, что ведетъ къ ослабленію этихъ началъ, что заставляетъ человѣка полагаться не на себя, а на государство, должно разсматриваться какъ зло и можетъ причинить только вредъ. Свобода составляетъ истинную природу человѣка, какъ разумно - нравственнаго существа. Не стѣсненіе, а закономѣрное ея развитіе составляетъ цѣль общественной жизни. Младенца берутъ въ опеку; взрослый человѣкъ стоитъ на своихъ ногахъ и отвѣчаетъ за себя самъ. Когда низшіе классы взываютъ къ регламентаціи государства, они сами себя провозглашаютъ состоящими въ младенческомъ состояніи, и такъ именно на нихъ смотрятъ слишкомъ усердные ихъ защитники.

Прежде всего, надобно себѣ сказать, что государство, точно говоря, не въ силахъ поднять благосостояніе массъ. Оно можетъ только устранять препятствія, облегчать условія и упрочивать результаты. Благосостояніе людей поднимается не иначе, какъ собственною ихъ дѣятельностью и бережливостью. Оно зависитъ главнымъ образомъ отъ постепеннаго разлитія въ массахъ капитала, который даетъ и орудія для дѣятельности и обезпеченіе на трудныя времена. Этотъ капиталъ является въ видѣ сбереженій, которыхъ величина служитъ признакомъ большаго или меньшаго поднятія общаго уровня благосостоянія. Но развитіе капитала зависитъ не отъ правительственныхъ мѣръ, а отъ

успѣховъ промышленности. Накопляясь первоначально въ верхнихъ слояхъ, онъ мало-по-малу распространяется на массы. Въ этомъ процессѣ государство можетъ дѣйствовать только отрицательными мѣрами, устраняя тѣ стѣсненія, которыя опутываютъ дѣятельность и собственность гражданъ, и обезпечивая каждому пользованіе плодами своего труда. Въ этомъ отношеніи ему принадлежитъ великое историческое призваніе. Не только на первоначальныхъ ступеняхъ, но и въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи личность и собственность подвергаются многочисленнымъ стѣсненіямъ. Государство, сдѣлавъ изъ человѣка раба, постепенно снимаетъ съ него цѣпи и признаетъ за нимъ гражданскія права. Въ этомъ состоитъ та благотворная реформаторская дѣятельность, о которой говорено выше. Черезъ это массамъ открывается возможность работать на себя и поднимать свое благосостояніе. Но замѣнить собственную работу и сбереженія государство не въ силахъ. Если освобожденныя массы работаютъ лѣниво и плохо и не сберегаютъ пріобрѣтеннаго, а тратятъ полученныя деньги на прихоти и пороки, онѣ неизбѣжно бѣднѣютъ и государство не въ состояніи этому помочь. Такое именно явленіе оказывается иногда при быстромъ переходѣ отъ полнаго крѣпостнаго состоянія къ полной свободѣ. Человѣкъ, постоянно ходившій на помочахъ, на первыхъ порахъ не умѣетъ пользоваться свободой. Не привыкши работать на себя и предусматривать будущее, онъ долго сохраняетъ еще пріобрѣтенныя вѣками привычки лѣни и безпечности. Этимъ въ значительной степени объясняется нынѣшнее обѣднѣніе русскаго крестьянства. Тѣ, которые не хотятъ видѣть никакихъ недостатковъ въ крестьянинѣ и привыкли во всемъ слагать вину на правительство, ищутъ всякихъ постороннихъ причинъ этому явленію, составляющему весьма естественный, хотя, безъ сомнѣнія, временный результатъ происшедшаго переворота. Истинныя причины совершенно ясны для всякаго, кто близко видитъ положеніе дѣлъ и не закрываетъ глаза на дѣйствительность. Не въ мнимомъ недостаткѣ надѣловъ, не въ происшедшихъ при освобожденіи урѣзкахъ, не въ тяжести податей, ни, еще менѣе, въ скученности населенія лежитъ коренной источникъ зла. Пока русскій крестьянинъ не привыкъ самъ заботиться о себѣ и предусматривать будущее, благосостояніе его не поднимется, а съ умноженіемъ народонаселенія и съ истощеніемъ естественныхъ богатствъ почвы оно должно понижаться. Противъ этого государство совершенно безсильно; замѣнить дѣятельность человѣка оно не можетъ. Единственная его задача заключается въ томъ, чтобъ открывать просторъ этой дѣятельности и обезпечить ея плоды утвержденіемъ и охраненіемъ права.

Въ этомъ отношеніи всего важнѣе свобода и прочность собственности. Также какъ личная свобода, собственность въ историческомъ процессѣ является опутанною стѣсненіями всякаго рода. Но и тутъ общій историческій ходъ состоитъ въ постепенномъ ея освобожденіи. Съ свободою лица неразрывно связана свобода собственности, которая составляетъ проявленіе личности въ экономической области. Только съ огражденіемъ и обезпеченіемъ личной собственности въ человѣкѣ могутъ развиваться самодѣятельность и предусмотрительность. Этимъ скрѣпляются и самыя семейныя связи. Дѣти знаютъ, что ихъ благосостояніе зависитъ отъ отцовскаго наслѣдія; они въ отцѣ видятъ человѣка, который заботится о ихъ будущемъ, и черезъ это самое привыкаютъ его любить и уважать. Никакое общественное попеченіе не въ состояніи замѣнить этой семейной заботы, составляющей истинную основу всякаго экономическаго развитія. Если законодательство считаетъ нужнымъ стѣснить свободу собственности, то это можетъ быть оправдано лишь тамъ, гдѣ это дѣлается въ виду скрѣпленія семейныхъ связей, а никакъ не во имя безличнаго общественнаго начала. Нѣтъ, поэтому, ничего болѣе вреднаго для экономическаго развитія и для благосостоянія страны, какъ учрежденія подобныя общинному владѣнію, которыя личную собственность отдаютъ на жертву коллективному началу. У насъ, какъ извѣстно, общинное владѣніе явилось плодомъ крѣпостнаго состоянія и проистекшей изъ него полной безправности населенія. Пока крестьяне были свободны, объ общинномъ владѣніи не было и рѣчи: это—фактъ, твердо установленный историческими изысканіями. Когда же крестьяне не только были укрѣплены за помѣщиками, но лишились всякихъ правъ, ихъ стали надѣлять землею по душамъ или по рабочимъ силамъ. Государство распространило эту систему и на свои земли. Въ мѣстностяхъ, гдѣ искони крестьяне владѣли землями наслѣдственно и свободно ихъ отчуждали, ихъ стали у нихъ отбирать, какъ принадлежащія казнѣ, которая затѣмъ распредѣляла ихъ по душамъ и отмежевывала къ каждой общинѣ количество соотвѣтствующее населенію. Такова была система, водворенная Межевыми Инструкціями XVIII-го столѣтія и окончательно введенная въ нынѣшнемъ. Очевидно, что съ освобожденіемъ крестьянъ эта система, основанная на общемъ безправіи, должна пасть. Но въ пользу сохраненія ея соединяются многія и притомъ весьма разнородныя теченія русскаго общества. Съ одной стороны, за нее ратуютъ славянофилы, которые, витая въ облакахъ и игнорируя факты, видятъ въ ней священное наслѣдіе древней Россіи, а вмѣстѣ и лѣкарство противъ всѣхъ золъ, обуревающихъ западный міръ. Съ другой стороны, за сохраненіе ея

ополчаются соціалисты, которые ненавидятъ личную собственность и въ коллективизмѣ видятъ спасеніе человѣчества: это — единственные послѣдовательные защитники общиннаго владѣнія. Наконецъ, за него стоятъ и тѣ шатающіеся умы, которые, не имѣя опоры въ знаніи и мысли, видятъ въ немъ, во всякомъ случаѣ, упроченное временемъ учрежденіе и мнимое спасеніе отъ пролетаріата. Соединеніе всѣхъ этихъ направленій повело къ тому, что при освобожденіи крестьянъ не рѣшились его коснуться. Во то время это было благоразумно, ибо нельзя было разомъ разрѣшать всѣ узы; къ тому же община давала правительству такое обезпеченіе платежей, котораго не доставляли отдѣльныя лица. Чѣмъ менѣе государство имѣетъ собственныхъ средствъ и орудій, тѣмъ болѣе оно стремится возложить отвѣтственность за единичныхъ плательщиковъ на тѣ мелкіе союзы, къ которымъ они принадлежатъ. Однако Положеніе 19-го Февраля ясно видѣло цѣль и указывало выходъ изъ созданной крѣпостнымъ правомъ системы: отдѣльнымъ крестьянамъ дано было право выкупа своихъ участковъ. Но послѣдующее законодательство не только не способствовало этому движенію, а напротивъ, старалось его задержать: право выкупа было обусловлено согласіемъ общины, котораго, конечно, получить весьма трудно. Такая политика имѣла роковыя послѣдствія. Выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, по существу своему, есть дѣло личное; выкупъ въ пользу общества противорѣчитъ всѣмъ основаніямъ права. Человѣкъ, который двадцать лѣтъ платилъ за выкупаемую землю и потомъ переселяется на другое мѣсто, лишается всего, что онъ взносилъ: земля его предоставляется другимъ даромъ. Сами крестьяне, руководясь здравымъ смысломъ и естественнымъ чувствомъ справедливости, сознавали это на первыхъ порахъ. Они держались того единственно вѣрнаго мнѣнія, что кто платилъ за землю, у того нельзя ее отнять. При существованіи общиннаго владѣнія можно производить передѣлы, но всегда по старымъ, а никакъ не по новымъ душамъ. Но съ умноженіемъ населенія и съ естественнымъ возрастаніемъ неравенства это правильное пониманіе помутилось. Тѣ, у которыхъ оказывалось мало земли, стали требовать общихъ передѣловъ, съ надѣленіемъ вновь народившихся душъ въ ущербъ прежнимъ. Въ крестьянскихъ обществахъ происходили нескончаемыя ссоры и даже драки. Еслибы въ то время правительство поддержало правильный взглядъ и установило общимъ правиломъ, что нельзя отнимать землю у того, кто за нее платилъ, то въ русскомъ крестьянствѣ установились бы твердыя понятія о собственности, и гражданскій порядокъ, вышедшій изъ Положенія 19-го Февраля, получилъ бы прочныя основы. Съ тѣмъ вмѣстѣ водворились бы надлежащія условія правильнаго экономическаго развитія. Вмѣсто

того, и правительство и общество, подъ вліяніемъ ложныхъ взглядовъ, поддержали новыя требованія. Результатъ былъ тотъ, что у крестьянъ перепутались всѣ понятія, и мы стоимъ далѣе отъ прочнаго гражданскаго порядка, нежели мы были въ самомъ началѣ. При такихъ условіяхъ, всеобщее обѣднѣніе составляетъ неизбѣжное послѣдствіе существующаго положенія. Выйдти изъ него можно только возвратившись къ правильной точкѣ зрѣнія. Если нельзя вернуть стараго, то можно упрочить существующее. Пока это не сдѣлано, пока у насъ распространены взгляды на общинное владѣніе, которые могутъ идти на руку только соціалистамъ, о гражданскомъ благоустройствѣ и о связанномъ съ нимъ экономическомъ преуспѣяніи не можетъ быть рѣчи.

Въ томъ же духѣ, какъ поддержаніе общиннаго владѣнія, дѣйствуютъ законы, воспрещающіе отчужденіе крестьянскихъ земель въ постороннія руки. И тутъ, также какъ въ общинномъ владѣніи, имѣется въ виду прочное обезпеченіе крестьянъ землею. Между тѣмъ, это вопросы существенно разные: въ одномъ случаѣ личное право собственности совершенно уничтожается, въ другомъ случаѣ стѣсняется только право распоряженія. Но и тутъ слѣдуетъ спросить: насколько подобныя мѣры могутъ оправдываться здравою политикой и насколько онѣ достигаютъ цѣли?

Подобныя ограниченія обыкновенно возникаютъ при переходѣ отъ крѣпостнаго состоянія въ свободное. Освобожденіе крестьянъ, какъ мы уже видѣли, можетъ совершиться двоякимъ способомъ: съ землею и безъ земли. Первый безусловно заслуживаетъ предпочтенія. Прежде всего, онъ является мѣрою справедливости относительно самаго подвластнаго населенія, которое въ теченіи вѣковъ лишено было возможности трудиться для себя и пріобрѣтать землю. Своею работою на пользу другихъ оно заслужило дарованное ему право выкупать ту землю, на которой оно сидитъ. Съ другой стороны, для государства въ высшей степени важно имѣть классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, а не массу бездомныхъ пролетаріевъ. Тамъ, гдѣ при освобожденіи крестьянъ эти цѣли были упущены изъ вида и крестьяне получили свободу безъ земли, приходится искусственными мѣрами возстановлять нормальныя отношенія. Въ этихъ видахъ, напримѣръ, въ Польшѣ и въ Остзейскомъ краѣ отмежевана была такъ-называемая крестьянская земля, которая, оставаясь собственностью помѣщика, должна постоянно отдаваться въ аренду крестьянамъ. Подобныя мѣры оправдываются ненормальнымъ положеніемъ дѣла; но на нихъ нельзя смотрѣть иначе, какъ на временныя и переходныя. Цѣль состоитъ все-таки въ окончательномъ переходѣ этихъ земель въ собственность крестьянъ.

Такою же временною мѣрой является и воспрещеніе крестьянамъ отчуждать пріобрѣтенныя ими земли въ постороннія руки. И это ограниченіе можетъ оправдываться лишь какъ переходное. Выше было замѣчено, что крѣпостной человѣкъ, внезапно выпущенный на свободу, не пріобрѣтшій привычекъ къ самодѣятельности и бережливости, легко можетъ разстроить свое состояніе и повергнуть въ нищету и себя и свое семейство. Примѣръ нѣкоторыхъ русскихъ общинъ, которыя пропили полученныя въ собственность земли, служитъ тому наглядным доказательствомъ. При такихъ условіяхъ можетъ быть полезно стѣснить свободное распоряженіе землею и требовать для всякаго отчужденія разрѣшенія власти. Это—родъ временнаго попечительства, которое установляется надъ людьми, только-что вышедшими изъ полной опеки. Но нѣтъ никакого основанія ограничивать отчужденіе односельцами или, вообще, крестьянами. Такого рода стѣсненія представляютъ не болѣе какъ остатокъ воззрѣній, имѣющихъ корень въ крѣпостномъ правѣ и связанномъ съ нимъ сословномъ строѣ. Когда люди прикрѣплены были къ мѣстамъ и общины образовали замкнутыя корпораціи, можно было давать имъ преимущественное право на покупку входящихъ въ составъ ихъ земель. Но при свободномъ переходѣ и поселеніи лицъ такое право теряетъ всякій смыслъ. Оно представляетъ только несправедливое стѣсненіе для продавца, который, съ устраненіемъ сторонней конкурренціи, принуждается продавать свою землю дешевле, нежели она стоитъ. Неумѣстно въ особенности устраненіе лицъ изъ другихъ сословій. Это значитъ закрывать глаза на тотъ несомнѣнный фактъ, что съ водвореніемъ общей свободы сословный строй предназначенъ къ упраздненію. А то, что разлагается естественнымъ ходомъ жизни, никакъ не слѣдуетъ поддерживать искусственными стѣсненіями, задерживающими свободное движеніе силъ.

Менѣе всего государство можетъ поставить себѣ задачею постоянное обезпеченіе всѣхъ крестьянъ землею. Это опять воззрѣніе, унаслѣдованное отъ крѣпостнаго права: При освобожденіи крестьянъ съ землею необходимо опредѣлить надѣлъ, ибо всякій крестьянинъ долженъ знать, на что онъ имѣетъ право и какой размѣръ земли онъ можетъ или долженъ выкупать. Желательно и полезно, чтобъ установленъ былъ размѣръ достаточный для обезпеченія освобожденнаго населенія. Но воображать, что этотъ порядокъ долженъ сохраниться навсегда, и что когда онъ нарушается свободнымъ движеніемъ общественныхъ силъ или ростомъ населенія, онъ долженъ быть возстановленъ, это такой взглядъ, который идетъ наперекоръ всѣмъ основнымъ требованіямъ государственной жизни и всякой здравой политикѣ.

Тѣ общія мѣры, которыми разрѣшаются вѣковыя связи и одинъ порядокъ переводится въ другой, никакъ не могутъ служить постоянными нормами жизни. Онѣ могутъ быть лишь точками исхода. Въ особенности когда крѣпостныя отношенія замѣняются свободными, свобода должна составлять основное начало всего общественнаго строя; тутъ менѣе всего умѣстны надѣленія и запрещенія, которыя дѣлаютъ правительство распорядителемъ судебъ всѣхъ и каждаго. И въ общегражданскомъ порядкѣ желательно имѣть классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, которые служатъ крѣпкою опорой государственной жизни. Если этотъ классъ, вслѣдствіе историческихъ причинъ, естественныхъ или искусственныхъ, слишкомъ умалился, государство можетъ принимать мѣры, клонящіяся къ его умноженію. Главнымъ средствомъ служитъ отмѣна стѣсненій, препятствующихъ дробленію собственности и переходу ея изъ рукъ въ руки. Могутъ быть установлены и неотчуждаемые семейные участки. Наконецъ, если зло велико, государство можетъ прибѣгнуть и къ ссудамъ. Но задаться мыслью, что при системѣ общей свободы все земледѣльческое населеніе непремѣнно должно состоять изъ поземельныхъ собственниковъ, что въ нихъ не должно быть болѣе или менѣе многочисленнаго класса чистыхъ рабочихъ, это значитъ не понимать ни существа и требованій свободы, ни задачъ государства. Такого рода фантастическія представленія могутъ только производить смуту въ умахъ, а когда они являются въ правительственныхъ сферахъ, они могутъ имѣть самыя роковыя послѣдствія.

Государство вовсе не призвано обезпечивать благосостояніе всѣхъ и каждаго, а тѣмъ менѣе надѣлять кого бы то ни было собственностью, недвижимою или движимою. Свободный человѣкъ стоитъ на своихъ ногахъ и все это дѣлаетъ самъ, подъ своею отвѣтственностью. Подобныя требованія къ государству предъявляются соціалистами, отрицающими всякое личное начало, а иногда и наивными мечтателями, которые въ своемъ воображеніи рисуютъ идиллическія картины возможнаго блаженства человѣческаго рода, не справляясь съ условіями земной жизни и съ тѣмъ, что можетъ и должно дѣлать государство. Легко сказать, что государство должно всѣмъ обезпечить возможность и средства человѣческаго существованія; подобныя требованія совершенно однозначительны съ требованіемъ, чтобы всѣ были добродѣтельны, умны, красивы и образованны. Чтобъ обезпечить чье бы то ни было благосостояніе, государство должно взять лице подъ свою опеку: между тѣмъ, человѣкъ по природѣ своей есть свободное существо, котораго высшее назначеніе состоитъ именно въ томъ, чтобы выйдти изъ опеки. Государство не можетъ уничтожить ни пороковъ,

и случайностей, ни дѣйствія свободныхъ экономическихъ силъ, которыя нерѣдко повергаютъ человѣка въ бѣдственное положеніе. Еслибъ оно даже захотѣло взять на себя доставленіе всѣмъ и каждому средствъ существованія, оно не въ состояніи было бы исполнить эту задачу. Это и оказывается всякій разъ, какъ къ нему предъявляются подобныя требованія.

Къ такого рода мечтательнымъ мѣрамъ относится и право на трудъ, которое было предметомъ горячихъ преній во Франціи въ 1848 году. Казалось бы, нѣтъ ничего справедливѣе, какъ требованіе человѣка, чтобы ему дали возможность трудиться и зарабатывать свой хлѣбъ. Но для того, чтобы дать работу, надобно, чтобъ она требовалась, а это зависитъ отъ обилія капиталовъ и отъ состоянія рынка. Времена безработицы суть именно тѣ, въ которыхъ, вслѣдствіе экономическихъ или политическихъ условій, предпріимчивость слабѣетъ, и государство не въ состояніи восполнить этотъ недостатокъ. Собственныя его предпріятія составляютъ только каплю въ морѣ, и если оно, въ минуты экономическихъ кризисовъ, ихъ расширяетъ, оно достигаетъ лишь того, что при удрученномъ состояніи народнаго хозяйства оно на общественный счетъ производитъ ненужныя работы, которыя все-таки не въ состояніи удовлетворить потребности. Этимъ только усиливается зло и возбуждаются безмѣрныя требованія, которыя грозятъ опасностью государству. Національныя мастерскія во Франціи въ 1848 году служатъ тому назидательнымъ примѣромъ. Во всякомъ случаѣ, такого рода безполезныя работы представляютъ только замаскированную благотворительность: подъ видомъ работы раздаются пособія. Когда же эта система возводится въ правило, и общественная благотворительность превращается въ право на работу, то подобное начало нельзя назвать иначе какъ полнымъ извращеніемъ всѣхъ юридическихъ, нравственныхъ и политическихъ понятій. Ни одно государство въ мірѣ не можетъ его принять. Еслибы оно вздумало провозгласить такое начало, оно скоро убило бы всякую предпріимчивость и пришло бы къ полному разоренію.

Столь же мало можетъ государство опредѣлить наименьшую заработную плату, необходимую для содержанія работника и его семьи. Заработная плата, какъ и самая потребность работы, опредѣляется состояніемъ рынка, то-есть, обиліемъ капиталовъ и требованіями предпріимчивости. Цѣна работы зависитъ отъ сбыта и цѣны произведеній. Произвольное установленіе нормы можетъ вести лишь къ тому, что при маломъ спросѣ многія предпріятія будутъ закрываться и рабочіе останутся вовсе безъ работы. Соразмѣреніе заработной платы съ потребностями работника потому уже невозможно, что самыя эти по-

требности весьма различны. Для холостаго рабочаго нужно гораздо менѣе, нежели для рабочаго обремененнаго семьей, а произведенная ими работа одинакова, слѣдовательно и плата должна быть одна и таже. Если она будетъ соразмѣряться съ потребностями семейнаго работника, то холостой будетъ жить въ избыткѣ, если холостаго, то семейный будетъ въ нуждѣ. Въ дѣйствительности, величина заработной платы, какъ и всего, что опредѣляется свободными соглашеніями людей, зависитъ отъ отношенія предложенія къ спросу, противъ котораго правительство совершенно безсильно, ибо факторы не отъ него зависятъ. Если это отношеніе таково, что рабочему недостаетъ на пропитаніе, то помощь противъ этого бѣдствія заключается единственно въ благотворительности: экономическія отношенія восполняются нравственнымъ началомъ. Не надобно только, чтобъ это нравственное начало прикрывалось другими формами, являясь въ видѣ юридическихъ требованій и отрицаніемъ экономическихъ отношеній. Въ благотворительности нравственное начало выражается во всей своей чистотѣ и во всей своей возвышенности; оно приходитъ на помощь нуждающимся и излѣчиваетъ тѣ раны, которыя наносятся человѣку столкновеніями общественныхъ силъ или естественными невзгодами.

Но именно поэтому благотворительность есть, по преимуществу, дѣло частное. Это было уже объяснено въ *Ученіи объ Обществѣ*, и этого нельзя не повторить съ особенною настойчивостью въ *Политикѣ*, гдѣ смѣшеніе нравственныхъ началъ съ политическими ведетъ къ совершенно ложному направленію государственной дѣятельности. Только въ свободныхъ частныхъ отношеніяхъ нравственность сохраняетъ свойственный ей характеръ. Только здѣсь она исходитъ изъ внутреннихъ побужденій, изъ глубины человѣческой совѣсти, а не становится принудительною, вопреки истинной ея природѣ. Только здѣсь возникаютъ тѣ живыя отношенія любви, участія и благодарности, которыя составляютъ высшую нравственную связь людей и которыя совершенно чужды оффиціальному бюрократическому формализму, неизбѣжно свойственному государственной дѣятельности. Только здѣсь возможна и настоящая оцѣнка всего безконечнаго разнообразія условій и обстоятельствъ, отдѣленіе истины отъ лжи, порока отъ несчастія, а вмѣстѣ и приложеніе къ каждому случаю сообразной съ нимъ помощи. Все это совершенно недоступно общественной благотворительности, по необходимости дѣйствующей путемъ общихъ мѣръ. Вслѣдствіе этого послѣдняя, по существу дѣла, является лишь восполненіемъ первой: она должна дѣйствовать тамъ, гдѣ частная помощь оказывается недостаточною. Но и въ общественной сферѣ первое мѣсто принадлежитъ тѣмъ частнымъ, мелкимъ союзамъ, къ ко-

торымъ принадлежитъ человѣкъ въ своей гражданской жизни. На нихъ возлагается оффиціальное попеченіе о бѣдныхъ. Государство же вступается только тогда, когда и эта помощь оказывается недостаточною, когда зло настолько распространено, что рождается необходимость общихъ мѣръ. Таковы бываютъ въ особенности народныя бѣдствія, войны, голодъ, болѣзни, наводненія, которыя требуютъ пособій изъ общихъ государственныхъ средствъ и вызываютъ правительственную дѣятельность.

Однако, и кромѣ этихъ чрезвычайныхъ случаевъ, государство можетъ принимать общія мѣры, заключающія въ себѣ, либо скрытно, либо явно, благотворительное начало. Но именно тутъ слѣдуетъ поступать съ крайнею осмотрительностью, ибо не руководимое разумомъ желаніе добра можетъ повести къ совершенно нежеланнымъ результатамъ.

Къ числу такихъ мѣръ принадлежитъ облегченіе податнаго бремени, лежащаго на мало имущихъ классахъ. Распредѣленіе общественныхъ тягостей находится въ рукахъ государства и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ соціальной политики, ибо съ нимъ тѣсно связано благосостояніе низшихъ классовъ. Когда эта политика направлена къ тому, чтобъ облегчить несправедливо лежащее на нихъ излишнее бремя, то нельзя не признать ея вполнѣ справедливою и цѣлесообразною. Историческія причины вели къ тому, что общественныя тягости ложились по преимуществу на низшіе классы. На этомъ построенъ былъ весь сословный порядокъ. Привилегированное сословіе имѣло свое высшее государственное призваніе; матеріальное же бремя ложилось главнымъ образомъ на низшіе классы и нерѣдко обращалось для нихъ въ невыносимый гнетъ. Они составляли то, что во Франціи называлось la gent taillable et corvéable à merci, челядь, подлежавшая податямъ и повинностямъ до границъ милосердія. Съ разрушеніемъ сословнаго строя и съ замѣной его общегражданскимъ эти отношенія существенно измѣняются: стремленіе государства заключается въ томъ, чтобы распредѣлить подати равномѣрно на всѣхъ. Въ этомъ состоитъ высокое начало равенства всѣхъ передъ закономъ. Однако, сюда незамѣтно вкрадывается начало другаго рода, а именно, стремленіе облегчить бремя, падающее на мало имущіе классы. Прежде привилегіями пользовались высшіе, теперь хотятъ дать привилегіи низшимъ. Тутъ очевидно является уже не начало справедливости, а благотворительность. Она выражается въ двоякой формѣ: въ видѣ прогрессивнаго налога и въ видѣ освобожденія отъ подати мелкихъ доходовъ. Первымъ нарушается пропорціональность, которая составляетъ коренное начало правды распредѣляющей: вмѣсто равенства

всѣхъ предъ закономъ водворяется произволъ, ибо величина прогрессіи зависитъ чисто отъ усмотрѣнія. Этимъ способомъ можно богатыхъ довести до нищеты. Во Флоренціи Медичи пользовались имъ, чтобы разорять своихъ противниковъ. Въ соединеніи съ изъятіемъ мелкихъ доходовъ отъ обложенія, что также есть дѣло чистаго произвола, такая система ведетъ къ тому, что всѣ общественныя тягости взваливаются исключительно на зажиточные классы. Когда же это совершается въ демократическомъ правленіи, гдѣ политическое право присвоивается всѣмъ гражданамъ безразлично, вслѣдствіе чего неимущія массы неизбѣжно получаютъ перевѣсъ надъ имущими, то изъ этого рождается чудовищное положеніе, что распоряженіе государственными налогами находится въ рукахъ не тѣхъ, которые ихъ уплачиваютъ, а тѣхъ, которые отъ нихъ избавлены. Это — система благотворенія себя на чужой счетъ, или ограбленія имущихъ неимущими. Нельзя не признать заслуги современной французской демократіи въ томъ, что она до сихъ поръ умѣла противостоять этому искушенію. Конечно, когда оба означенныя начала прилагаются въ умѣренныхъ размѣрахъ, они не могутъ имѣть особенно вредныхъ послѣдствій для государственной жизни; но они все-таки вносятъ въ нее неправильные взгляды и понятія, которые не могутъ не отзываться и на другихъ отношеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать правиломъ, что кто избавляется отъ государственныхъ тягостей, тотъ не можетъ пользоваться политическими правами; и наоборотъ, кто имѣетъ право голоса въ установленіи государственныхъ податей, тотъ долженъ платить ихъ наравнѣ съ другими. Можно думать, что путемъ облегченія податнаго бремени низшихъ классовъ открывается возможность соразмѣрно увеличить права высшихъ и такимъ образомъ перевести чисто демократическое устройство въ смѣшанныя формы. Но это — вопросъ будущаго.

Въ податномъ вопросѣ благотворительное начало проявляется въ замаскированной формѣ, которая поэтому спутываетъ понятія и затмѣваетъ истинное существо дѣла. Въ другихъ мѣрахъ, клонящихся къ улучшенію быта низшихъ классовъ, оно выступаетъ явно. Сюда относятся помощь и покровительство, которыя оказываетъ государство учрежденіямъ, имѣющимъ въ виду обезпеченіе мало имущихъ отъ случайныхъ или естественныхъ бѣдствій. Вниманіе государства къ такого рода учрежденіямъ вполнѣ законно и цѣлесообразно. Но надобно знать, какъ далеко оно должно простираться. Именно тутъ нужна величайшая осторожность. Забота не должна превращаться въ опеку. Надобно все-таки постоянно имѣть въ виду, что въ свободномъ обществѣ человѣкъ самъ располагаетъ своею судьбою и самъ

долженъ заботиться о своей будущности. Поэтому все, что ослабляетъ самодѣятельность и предусмотрительность, должно быть признано вреднымъ. Человѣколюбіе вступаетъ въ свои права только тамъ, гдѣ доказано, что человѣкъ не въ состояніи самъ себѣ помочь. Иначе оно ведетъ къ размноженію нищенства.

Этого упрека нельзя сдѣлать покровительству, которое государство оказываетъ сберегательнымъ кассамъ. Развитіе предусмотрительности въ народѣ есть въ высшей степени желанное явленіе; оно составляетъ коренное условіе улучшенія его быта и всякихъ экономическихъ успѣховъ. Поэтому государство поступаетъ совершенно правильно, когда оно эти сбереженія беретъ подъ свою защиту, принимая ихъ въ собственныя кассы и въ свое управленіе. Безъ этого, мелкія сбереженія легко могутъ исчезать, какъ вслѣдствіе случайностей рынка, такъ и вслѣдствіе недобросовѣстности частныхъ заемщиковъ и незнакомства массы малоимущихъ вкладчиковъ съ разнообразными условіями экономической жизни. Государство даетъ мелкимъ сбереженіямъ гарантію своего твердаго кредита. И это не только не составляетъ для него бремени, а можетъ служить ему даже значительнымъ пособіемъ при его кредитныхъ операціяхъ. Только при чрезвычайномъ развитіи мелкихъ сбереженій они могутъ обратиться въ обузу, съ которою не всегда легко справиться. Въ такомъ случаѣ можетъ потребоваться уменьшеніе предоставленныхъ вкладчикамъ льготъ. Принимая на себя управленіе сберегательными кассами, государство должно всегда имѣть въ виду, съ одной стороны, что онѣ составляютъ добытое трудомъ достояніе бѣдныхъ, которое въ его рукахъ должно оставаться неприкосновеннымъ, и что, поэтому, принятыя имъ на себя обязательства должны быть свято исполнены, съ другой стороны, что платежи процентовъ должны производиться изъ собственныхъ доходовъ сберегаемыхъ капиталовъ, а не изъ общественныхъ средствъ. Сберегательныя кассы суть учрежденія предусмотрительности, а не благотворенія.

Послѣдній характеръ получаютъ тѣ учрежденія, въ которыхъ кассы пополняются принудительными налогами. Таково именно общее страхованіе рабочихъ, введенное въ недавнее время въ Германской Имперіи и вызывающее подобныя же попытки и въ другихъ странахъ. Оно имѣетъ въ виду дать рабочему классу большее или меньшее обезпеченіе на случай болѣзней и старости. Цѣль, безъ сомнѣнія, весьма возвышенная и благая; но средства, которыя употребляются для ея осуществленія, нельзя признать согласными ни съ правильнымъ пониманіемъ задачъ государства, ни съ требованіями здравой политики. Тутъ проводятся два начала, одинаково нежелательныя: опека надъ свободными людьми и благотвореніе не въ частныхъ только случаяхъ

доказанной нужды, а какъ общая мѣра, распространяющаяся на цѣлый классъ людей, имущихъ и неимущихъ.

Опека состоитъ въ томъ, что страхованіе дѣлается обязательнымъ. Можно допустить обязательное страхованіе, когда оно имѣетъ въ виду случайныя бѣдствія, безвинно постигающія иногда цѣлое населеніе и дѣлающія его предметомъ общественной благотворительности. Таково у насъ страхованіе отъ пожаровъ крестьянскихъ строеній. Но иное дѣло заставлять человѣка въ зрѣлыхъ лѣтахъ дѣлать сбереженія на случай старости. Это уже не общее бѣдствіе, а его личная забота. Если его заставляютъ вносить извѣстную плату, то этимъ самымъ предполагается, что онъ вносить ее можетъ, но не дѣлаетъ этого добровольно по неразумію или безхарактерности. Это значитъ брать его въ опеку. Этимъ убивается въ немъ собственная предусмотрительность. Чѣмъ болѣе онъ обезпечивается принудительными взносами, тѣмъ менѣе онъ имѣетъ поводовъ и желанія заботиться самъ о себѣ и устроивать собственную свою судьбу.

Это парализующее дѣйствіе увеличивается, когда къ собственному вкладу присоединяются чужіе, со стороны частныхъ лицъ и со стороны государства. Тутъ къ обязательной предусмотрительности присоединяется благотвореніе, частное и общественное, и притомъ въ отношеніи къ такимъ лицамъ, которыя вовсе о немъ не просятъ и могутъ вовсе въ немъ не нуждаться. При этомъ частная благотворительность, также какъ собственные вклады, дѣлается обязательною. Германское законодательство возлагаетъ на фабрикантовъ уплату извѣстной части страховыхъ взносовъ. Такую подать нельзя признать ни справедливою, ни цѣлесообразною. На фабрикантовъ можно было бы возложить обязательное обезпеченіе рабочихъ въ старости, если-бы послѣдніе были связаны съ ними какими-либо обязательными отношеніями, еслибы они были закрѣплены къ фабрикамъ. Но отношенія тутъ свободныя и случайныя. Сегодня рабочій работаетъ здѣсь, а завтра онъ переходитъ туда, гдѣ ему даютъ бо́льшую плату. За что же заставлять фабриканта участвовать въ обезпеченіи судьбы рабочаго, съ которымъ онъ связанъ единственно договоренною платой и произведенною за то работою? Если желательно эти случайныя отношенія замѣнить болѣе прочною связью, въ которой участвовалъ бы нравственный элементъ, то именно этому всего болѣе препятствуетъ подобное законодательство. Частныя и личныя отношенія рабочихъ къ фабриканту замѣняются здѣсь общимъ ихъ отношеніемъ къ государству. Когда фабрикантъ принужденъ постоянно дѣлать взносы за своихъ рабочихъ въ государственную кассу, то у него отбивается и охота и поводъ устроивать подобныя учрежденія на своей фабрикѣ.

а именно эти частныя учрежденія привлекаютъ рабочихъ къ фабрикѣ и установляютъ между ними и хозяиномъ постоянныя нравственныя связи. При государственномъ страхованіи эти связи разрываются. Рабочій знаетъ, что если хозяинъ участвуетъ въ немъ своими взносами, то онъ дѣлаетъ это не добровольно, а потому, что его заставляютъ.

Всего менѣе понятно, въ силу чего государство можетъ брать на себя часть взносовъ. Государство платитъ пенсіи своимъ служащимъ, которые посвятили этому служенію значительную часть жизни, оставляя нерѣдко болѣе выгодныя частныя предпріятія именно въ видахъ обѣщаннаго обезпеченія въ старости. Но рабочій не находится на государственной службѣ; онъ — частный человѣкъ, добывающій хлѣбъ своимъ личнымъ трудомъ. Подводить его подъ одинъ разрядъ съ первыми значитъ смѣшивать совершенно разнородныя сферы. При такомъ взглядѣ нѣтъ ни малѣйшей причины, почему бы не давать пенсіи всѣмъ и каждому. Съ другой стороны, это не служитъ предупрежденіемъ или замѣной общественной благотворительности. Послѣдняя, какъ сказано, дѣйствуетъ только тогда, когда есть случаи доказанной нужды, а не въ видѣ предупредительной мѣры. Опытъ Германской Имперіи доказываетъ, что съ учрежденіемъ страховыхъ кассъ настоящая благотворительность не только не уменьшается, а напротивъ, увеличивается, ибо требованія со стороны бѣдныхъ ростутъ: они начинаютъ смотрѣть на оказанную имъ помощь, какъ на свое право. Мы указали и на то, что общественная благотворительность, даже когда она дѣлается обязательною, возлагается прежде всего на частные союзы, къ которымъ принадлежитъ лице; государство же приходитъ на помощь только тогда, когда бѣдствіе становится общимъ и частныя средства оказываются недостаточными. Здѣсь, напротивъ, государство замѣняетъ всякіе частные союзы и все притягиваетъ къ себѣ.

Несоотвѣтствіе этихъ мѣръ съ истинными задачами и даже средствами государства именно и повело къ тому, что подобный же проектъ, представленный французскимъ министерствомъ, канулъ въ воду. Противъ него справедливо было замѣчено, что сдѣлать всѣхъ рабочихъ пенсіонерами государства есть нѣчто чудовищное во всѣхъ отношеніяхъ. Въ замѣнъ того, въ видахъ поощренія личной предусмотрительности, предложено было ассигновать небольшую пока сумму въ пособіе добровольно возникающимъ кассамъ взаимной помощи. Противъ этого, въ свою очередь, совершенно справедливо было замѣчено, что это значитъ благотворить тѣмъ, которые что-нибудь имѣютъ, и оставлять безъ помощи тѣхъ, у кого ничего нѣтъ. Если этотъ законъ былъ принятъ, то это объясняется лишь политическою подкладкой, которая скрывается за всѣми этими благотворительными мѣ-

рами. Въ демократическихъ странахъ, и представители и правительства считаютъ нужнымъ заискивать расположеніе массъ, облеченныхъ верховнымъ правомъ, показавши имъ, что тѣ, которымъ ввѣрено управленіе, сочувствуютъ ихъ участи и готовы для нихъ что-нибудь сдѣлать. Но такого рода явленія обнаруживаютъ только оборотную сторону демократическихъ учрежденій; они не могутъ служить указаніемъ того, чѣмъ должно руководствоваться государство, понимающее свои задачи и свое призваніе.

Политическую подкладку имѣютъ и мѣры, принятыя германскимъ законодательствомъ. Онѣ имѣли въ виду привязать рабочія массы къ новосозданному государству, въ особенности же отвлечь ихъ отъ соціалъ-демократіи, грозящей разрушить весь существующій общественный строй. Извѣстно, что эта цѣль не была достигнута; громадный ростъ соціалъ-демократіи со времени изданія этихъ законовъ служитъ тому доказательствомъ. Рабочая партія дѣйствительно всего ожидаетъ отъ государства, но она хочетъ достигнуть этой цѣли, не становясь подъ его опеку, а, напротивъ, подчинивъ его себѣ. Мѣры, подобныя общему страхованію рабочихъ, не только не въ состояніи противодѣйствовать этому направленію, а, напротивъ, могутъ только его усилить, поддерживая мысль, что государство есть распредѣлитель всѣхъ земныхъ благъ. Истинная задача, какъ правительственной, такъ и научной соціальной политики состоитъ, наоборотъ, въ борьбѣ съ этими взглядами. Надо стараться внушить обществу, что не государственная регламентація и опека, а личная самодѣятельность составляетъ источникъ высшаго экономическаго развитія и условіе благосостоянія. Чѣмъ болѣе въ обществѣ укоренится это убѣжденіе, тѣмъ болѣе будетъ развиваться въ немъ внутренняя энергія и тѣмъ болѣе будетъ заключаться въ немъ задатковъ будущаго преуспѣянія.

Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что господствующія въ обществѣ понятія о задачахъ и дѣятельности государства въ значительной степени зависятъ отъ тѣхъ привычекъ, которыя утвердились въ немъ его предшествующею исторіей. Тамъ, гдѣ государство было преобладающимъ факторомъ историческаго развитія, общество естественно привыкаетъ обращаться къ нему за удовлетвореніемъ всѣхъ своихъ нуждъ и видѣть въ немъ источникъ всѣхъ благъ; напротивъ, отъ него всего менѣе ожидаютъ тамъ, гдѣ главною пружиною развитія было энергическое начало самодѣятельности. Въ Англіи мѣры, подобныя общему страхованію рабочихъ, имѣютъ весьма мало шансовъ на успѣхъ.

Изъ этого не слѣдуетъ однако, что въ странахъ перваго типа надобно, пользуясь укоренившимися привычками, расширять безмѣрно

государственную дѣятельность. Въ государственномъ управленіи, также какъ въ государственномъ устройствѣ, коренное правило здравой политики состоитъ не въ томъ, чтобы усиливать одностороннее начало, а въ томъ, чтобы его умѣрять и восполнять. Только этимъ достигается гармонія общественныхъ элементовъ, составляющая необходимое условіе высшаго развитія. Въ этомъ отношеніи государства втораго типа имѣютъ громадное преимущество передъ первыми. Тамъ, гдѣ общество привыкло къ самодѣятельности, недостатки ея восполняются легко. Съ одной стороны, отъ государства требуется меньше, ибо многое дѣлается само собой; съ другой стороны, практическая энергія, присущая обществу, естественно сообщается и правительству, побуждая его быстро и рѣшительно принимать нужныя мѣры. Напротивъ, тамъ, гдѣ въ обществѣ есть недостатокъ самодѣятельности, тамъ возбудить его крайне трудно. И чѣмъ болѣе правительтво расширяетъ свою дѣятельность, тѣмъ менѣе оно достигаетъ своей цѣли. Тутъ слѣдуетъ поступать съ величайшею осмотрительностью, чтобъ излишнею опекой и регламентаціей не заглушить тѣхъ скудныхъ зачатковъ энергіи, которыя зарождаются въ обществѣ, не привыкшемъ стоять на своихъ ногахъ. Люди, именующіе себя либералами, которые, при такихъ условіяхъ, постоянно взываютъ къ вмѣшательству государства, не вѣдаютъ, что творятъ. Вся цѣль здравой политики, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны представителей общества, должна быть направлена въ противоположную сторону. Только развивая въ себѣ мужественную самодѣятельность, народъ можетъ сохранить свое мѣсто въ ряду другихъ.

ГЛАВА IV.

Духовные интересы.

Еще болѣе важный предметъ заботы государства, нежели матеріальное благосостояніе народа, составляютъ духовные его интересы. Двѣ области въ особенности, по своему высокому значенію для государственной жизни, требуютъ его вниманія и содѣйствія: религія и просвѣщеніе.

Мы видѣли огромную важность религіи для государства (II, кн. 4, гл. 1). Давая непоколебимую опору нравственнымъ требованіямъ, направляя человѣческую совѣсть, она для громаднаго большинства людей составляетъ верховное руководящее начало ихъ дѣятельности, отъ котораго зависитъ исполненіе обязанностей, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ. Для массъ, которымъ недоступно философское образованіе, она представляетъ источникъ всей ихъ духовной жизни, единствен-

ную нравственную точку опоры; ею онѣ возводятся въ чистую область духа, возвышающую человѣка надъ животными. Для государства нѣтъ, поэтому, болѣе драгоцѣннаго союзника; его политика должна быть постоянно направлена къ тому, чтобы пріобрѣсти его содѣйствіе. Когда, подъ вліяніемъ фанатическихъ страстей, государственная власть вооружается противъ религіи, она совершаетъ величайшую ошибку и подрываетъ собственное существованіе. Противъ нея возмущается общественная совѣсть, и когда, послѣ временнаго торжества фанатиковъ, является человѣкъ, который водворяетъ религіозный миръ, онъ привѣтствуется всѣми, какъ избавитель, хотя бы онъ былъ величайшій деспотъ. Таково было положеніе Франціи послѣ Революціи. Возстановленіе религіи было однимъ изъ первыхъ дѣйствій Наполеона.

Рѣдко, впрочемъ, государственная власть обращается противъ самой религіи. Обыкновенно враждебная политика относится лишь къ той или другой ея формѣ или къ дѣятельности ея представителей въ области гражданской. Дѣло въ томъ, что религія не остается чисто вопросомъ человѣческой совѣсти. Вѣрующіе соединяются въ постоянные союзы; они образуютъ церкви, которыя, какъ всѣ постоянные союзы, занимаютъ извѣстное мѣсто въ гражданской области. Какое имъ здѣсь предоставляется положеніе, какими онѣ облекаются правами, какой просторъ дается ихъ дѣятельности, все это зависитъ отъ государства. Оно не судья въ догматахъ вѣры; оно не властно направлять человѣческую совѣсть; но опредѣленіе гражданскихъ и политическихъ правъ церквей, какъ постоянныхъ союзовъ, принадлежитъ собственно ему и никому другому. Здѣсь оно находится въ собственной своей сферѣ; здѣсь возникаютъ вопросы церковной политики.

Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* мы видѣли различныя положенія, которыя церковь можетъ занимать въ государствѣ: теократія, господствующая церковь, признанныя церкви, наконецъ терпимыя. О теократіи, какъ таковой, мы здѣсь говорить не станемъ. Изслѣдуя политику государственнаго устройства, мы устранили государственныя формы, къ которымъ принадлежитъ и теократія. По существу своему, она противорѣчитъ, какъ государственнымъ, такъ и религіознымъ началамъ, ибо она дѣлаетъ религію принудительною, вопреки истинной ея природѣ. Въ особенности она противорѣчитъ существу христіанства, которое образуетъ царство не отъ міра сего, и котораго высшая историческая задача въ гражданской области состояла въ выдѣленіи церкви изъ государства. Когда средневѣковые папы, во имя единства человѣческаго общества, хотѣли государство подчинить церкви, они натолкнулись на препятствія, лежавшія въ

самой природѣ обоихъ союзовъ. Законная сторона ихъ дѣятельности состояла въ томъ, что они отстаивали независимость церковнаго союза противъ притязаній свѣтской власти, которая, во имя той же идеи единства, стремилась подчинить себѣ церковь. Результатомъ борьбы было то, что оба союза утвердили свою самостоятельность. Оказалось, что не единство, а раздвоеніе составляетъ коренное начало человѣческаго общежитія, вытекающее изъ самой природы вещей. Идеальное единство должно установляться не подчиненіемъ одного союза другому, а согласнымъ ихъ дѣйствіемъ. Только этимъ раздвоеніемъ ограждается и свобода человѣческой совѣсти, которая безъ того неминуемо подвергается принужденію.

Но если теократическое устройство человѣческаго общежитія оказалось несостоятельнымъ и осуждено исторіей, то теократическія притязанія церкви, стремленіе ея властвовать въ гражданской области, тѣмъ не менѣе, продолжаютъ существовать и оказываютъ свое вліяніе на политику. Это относится въ особенности къ католической церкви, которая настойчиво предъявляла эти притязанія въ средніе вѣка и доселѣ, считая себя непогрѣшимою, не можетъ отъ нихъ отказаться. Въ свѣтскомъ движеніи новаго времени она видитъ только плодъ человѣческаго безумія. На этой почвѣ происходятъ и главныя столкновенія между государствомъ и церковью. Государство, съ своей стороны, не можетъ отказаться отъ неотъемлемо принадлежащаго ему права владычествовать въ гражданской области. Какъ бы ни было драгоцѣнно для него содѣйствіе церкви, оно не можетъ подчинить ей гражданскія отношенія, не отрекаясь отъ собственнаго призванія. Но размежеваніе этихъ двухъ областей представляетъ вопросъ чрезвычайно сложный, разрѣшеніе котораго можетъ быть весьма различно, смотря по тому, насколько въ народѣ имѣетъ силы религіозный элементъ и насколько та или другая его форма распространена въ обществѣ. Отъ этихъ условій зависитъ и то положеніе, какое дается церкви въ государствѣ, является ли она господствующею, признанною или просто терпимою.

Изъ этихъ формъ, безспорно, наибольшія выгоды представляетъ церковь господствующая, когда она утверждается на прочномъ основаніи народныхъ вѣрованій. Церковь, сросшаяся со всею историческою жизнью народа и со всѣмъ его государственнымъ бытомъ, заключаетъ въ себѣ такую нравственную силу и даетъ такую крѣпкую опору государственному порядку, съ которыми ничто не можетъ сравниться. Самая верховная власть получаетъ отъ нея религіозное освященіе и черезъ это становится священною въ глазахъ подданныхъ. Съ этимъ связывается и чувство народности. Защита отечества представляется вмѣстѣ защитою своей

вѣры, всего, что дорого и свято для человѣка, того, что онъ любитъ и чему онъ поклоняется. Эта духовная связь даетъ народу такую внутреннюю крѣпость, о которую разбивается всякая внѣшняя сила. Это показали Испанія и Россія въ Наполеоновскія войны.

Но эти громадныя преимущества имѣютъ, какъ и все человѣческое, свою оборотную сторону. Какъ бы ни благотворно было это внутреннее, живое единство между народомъ и церковью, которое выражается въ государственномъ ея положеніи, оно не существуетъ для тѣхъ, кто къ ней не принадлежитъ. Государство можетъ имѣть подданныхъ весьма различныхъ вѣроисповѣданій. Для нихъ требуется иная связь, хотя они точно такіе же граждане, какъ другіе, принадлежатъ къ той же народности и также любятъ свое отечество и служатъ своему государству. Въ народномъ сознаніи и въ государственной жизни является неизбѣжное раздвоеніе, которое тѣмъ глубже и сильнѣе, чѣмъ болѣе распространены среди подданныхъ другія вѣроисповѣданія. Граждане, не принадлежащіе къ господствующей церкви, видятъ въ себѣ какихъ-то отверженниковъ государства; они унижены противъ другихъ, и унижены во имя того, что для нихъ всего болѣе дорого и свято, что составляетъ для нихъ непреложную истину. Этимъ нарушается и равенство всѣхъ передъ закономъ. Чѣмъ болѣе это послѣднее начало водворяется въ государственной жизни, тѣмъ болѣе шаткимъ дѣлается положеніе господствующей церкви. Въ особенности это неравенство становится невыносимымъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ большинство народонаселенія принадлежитъ къ другому исповѣданію. Распространеніе привилегій господствующей церкви на покоренныя области, населенныя чуждымъ народомъ и имѣвшія совершенно другую исторію, составляетъ крупную политическую ошибку. Такъ въ Ирландіи англиканская церковь до недавняго времени пользовалась привилегированнымъ положеніемъ, тогда какъ громадное большинство населенія состояло изъ католиковъ. Отмѣна этихъ привилегій министерствомъ Гладстона была поэтому актомъ и политической мудрости и высшей справедливости. Столь же мало можетъ оправдываться у насъ господствующее положеніе православной церкви въ Остзейскомъ краѣ.

Но если неравенство, проистекающее отъ религіозныхъ различій, само по себѣ составляетъ великое зло для государства, то это зло увеличивается еще въ тысячу разъ, когда господствующая церковь является нетерпимою и притѣснительною. А такого рода поползновенія естественно рождаются вслѣдствіе самаго ея положенія. Сохранить свои привилегіи можно только не допуская другихъ пользоваться такими же правами и мѣшая распространенію другихъ вѣроисповѣданій. Къ умаленію гражданскихъ правъ присоединяются обыкновенно при-

тѣсненія совѣсти. На отщепенцевъ воздвигаются гоненія; воспрещается свободный переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое; при смѣшанныхъ бракахъ требуется, чтобы дѣти принадлежали къ господствующей вѣрѣ. Виновные въ нарушеніи притѣснительныхъ правилъ подвергаются преслѣдованію и карѣ. Самыя сходбища вѣрующихъ для принесенія молитвъ Верховному Существу и для чтенія священныхъ книгъ считаются преступленіемъ. Исторія человѣчества полна картинами тѣхъ ужасовъ, которые производитъ религіозный фанатизмъ, когда имъ воодушевляется государственная власть. Но исторія же показываетъ и все то безконечное зло, которое проистекаетъ отсюда и для государства и для церкви. Религіозныя гоненія не только возбуждаютъ ненависть и вражду въ сердцахъ притѣсняемыхъ, но они обращаютъ противъ церкви самыхъ благородныхъ ея сыновъ, тѣхъ, которыхъ нравственное чувство возмущается насиліемъ совѣсти и оскорбленіемъ того, что для человѣка наиболѣе свято. Утверждая внѣшнее свое владычество, угнетающая церковь разрушаетъ свое высокое духовное значеніе и тѣмъ подрываетъ истинныя свои основы, а государство плодитъ себѣ враговъ, вооруженныхъ тѣми началами, которыя составляютъ лучшій завѣтъ человѣчества и несокрушимое орудіе борьбы съ царствомъ насилія и мрака. Въ этомъ отношеніи назидательный примѣръ представляетъ отмѣна Нантскаго Эдикта Людовикомъ XIV-мъ. Не только Франція лишилась цѣлой массы мирнаго, трудолюбиваго и образованнаго населенія, которое свои полезныя силы перенесло въ другія страны, но государство и церковь, вмѣсто того, чтобы упрочить свое владычество, нажили себѣ внутреннихъ враговъ, которые, дѣйствуя неустанно во имя высшихъ человѣческихъ началъ, привели наконецъ оба союза къ паденію. Общественная совѣсть была возмущена ничѣмъ не оправдывающимся насиліемъ; лучшіе умы обратились противъ гонителей. Все литературное движеніе XVIII-го вѣка было реакціей противъ этого притѣснительнаго союза господствующей церкви съ всемогущимъ государствомъ. Оно и привело наконецъ къ Революціи. Въ большей или меньшей степени къ тѣмъ же результатамъ приводитъ всякое гоненіе, когда оно происходитъ въ обществѣ, способномъ къ умственному движенію и развитію. Тамъ же, гдѣ оно не встрѣчаетъ ничего, кромѣ мертвой апатіи или даже тупой поддержки со стороны распространеннаго въ массахъ религіознаго и національнаго фанатизма, побѣда его ведетъ къ тому, что въ обществѣ глохнутъ всякія живыя силы и всякое нравственное чувство. Народъ превращается въ коснѣющую массу, а государство представляетъ разлагающійся организмъ. Въ такое положеніе повергнута была Испанія подъ вліяніемъ системы, опиравшейся на инквизицію.

Такой тѣсный союзъ между государствомъ и церковью грозитъ опасностью и свѣтскому просвѣщенію. Послѣднее представляетъ элементъ независимый отъ обоихъ, самостоятельно развивающійся. Между тѣмъ, въ господствующей церкви, особенно одушевленной властолюбивыми притязаніями, является стремленіе подчинить себѣ все свѣтское образованіе. Наука, по средневѣковымъ понятіямъ, должна быть служанкою богословія. Обученіе юношества составляетъ одно изъ высокихъ призваній духовенства, и оно стремится всецѣло захватить его въ свои руки. Въ католическихъ странахъ эти стремленія проявляются съ особенною силой и находятъ поддержку въ правительствахъ, которыя въ тѣсномъ союзѣ съ церковью видятъ спасеніе противъ революціонныхъ идей. Успѣхъ подобной политики ведетъ къ подавленію всякой самостоятельной мысли, а вмѣстѣ къ погруженію народа въ невѣжество и мракъ, какъ и случилось въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкѣ въ Испаніи. Если же мысль въ обществѣ не заглохнетъ, то она, въ силу реакціи противъ подавляющаго ее гнета, кидается въ крайности и обращается противъ угнетающихъ ее силъ. Мысль менѣе всего поддается принужденію; она тысячами изворотовъ ускользаетъ отъ преслѣдованія. Если ей запирается выходъ внутри, она ищетъ опоры и пищи во внѣшнихъ сношеніяхъ. Чѣмъ живѣе международныя связи, чѣмъ менѣе государство можетъ обособиться отъ другихъ и оградить себя китайскими стѣнами, тѣмъ менѣе подобная политика имѣетъ надежды на успѣхъ. Народы, обладающіе свободою мысли, являются вожатыми другихъ на историческомъ поприщѣ. Рано или поздно за ними слѣдуютъ и отсталые. Свободное движеніе мысли все уноситъ передъ собою; клерикальная реакція противъ него совершенно безсильна. Она возбуждаетъ только противъ церкви несмѣтное количество враговъ, вооруженныхъ всѣми средствами просвѣщенія.

Привилегированное положеніе церкви ведетъ къ тому, что и собственныя ея внутреннія силы слабѣютъ. Привилегіи устраняютъ соревнованіе; обезпеченность избавляетъ отъ необходимости труда. Привилегированная корпорація не имѣетъ нужды собственною дѣятельностью поддерживать свое положеніе. Она погружается въ покойную рутину, предоставляя государству охранять ее отъ внѣшнихъ враговъ и взывая къ нему всякій разъ, какъ грозитъ дѣйствительная или мнимая опасность. При такомъ оскудѣніи духа многіе естественно отъ нея отпадаютъ, не находя въ ней той духовной пищи, которой алчатъ ихъ души. Но у нея уже нѣтъ силъ бороться съ этимъ собственными средствами, проповѣдью и убѣжденіемъ. Въ жадномъ исканіи истины она видитъ не глубочайшую потребность человѣческой души, а посягательство на ея оффиціальное положеніе, преступленіе противъ религіи

и государства. Оскудѣніе духа сопровождается узкостью и нетерпимостью. Политика, поддерживающая подобныя стремленія, жертвуетъ внутреннею сущностью внѣшнему величію. Желая покровительствовать союзнику, государство отнимаетъ у него именно тѣ побужденія, которыя даютъ ему внутреннюю крѣпость. Только полная свобода вѣроисповѣданій можетъ возвратить господствующую церковь къ настоящему ея призванію, возбудить въ ней дремлющія силы и сдѣлать ее живымъ и крѣпкимъ оплотомъ государственнаго строя. Безъ этого есть только блестящее оффиціальное положеніе, прикрывающее бѣдность внутренняго содержанія.

Мало того: ища внѣшней опоры, церковь рискуетъ потерять свою собственную самостоятельность; она становится орудіемъ государства. Эта опасность грозитъ въ особенности церквамъ, которыя не имѣютъ внѣшняго, независимаго главы, а сохраняютъ чисто національный характеръ. Казалось бы, такое подчиненное положеніе, если оно можетъ быть вредно для церкви, то во всякомъ случаѣ должно быть полезно для государства, которое не только избавляется отъ соперника, но и пріобрѣтаетъ всегда послушное орудіе. Однако и для самого государства такая политика ведетъ къ вовсе не желательнымъ результатамъ. Конечно, для него весьма выгодно не встрѣчать въ своей внутренней дѣятельности оппозиціи честолюбиваго союза, стремящагося распространить свое владычество на непринадлежащую ему гражданскую область. Средневѣковое положеніе церкви и вытекавшія изъ него притязанія именно и были причиною, что новое государство стремилось отобрать у нея черезъ мѣру расширенное вѣдомство и даже подчинить ее себѣ, обставляя ее привилегіями и ставя ее подъ свою защиту. Тамъ, гдѣ эта политика не встрѣчала препятствія въ независимомъ положеніи главы церкви, она въ значительной степени возымѣла успѣхъ. Но лишеніе церкви подобающей ей самостоятельности, какъ союза, по существу своему независимаго отъ государства, не можетъ обойтись безъ вредныхъ для нея послѣдствій. Именно отъ этого происходитъ въ ней внутреннее оскудѣніе, а это отзывается крайне неблагопріятно на самомъ государствѣ: пріобрѣтая орудіе, оно лишается опоры. Въ области духа, болѣе, нежели гдѣ либо, только независимыя силы имѣютъ внутреннюю крѣпость и могутъ служить надежною поддержкою власти. Весь смыслъ союза государства съ церковью заключается въ томъ, что внѣшняя сила нуждается въ духовной опорѣ. Превращая послѣднюю въ орудіе, государство подрываетъ собственныя свои требованія. Оно временнымъ цѣлямъ жертвуетъ отдаленными, практическому удобству высшими интересами народа. Вмѣсто того, чтобы найти въ церкви

поддержку, оно само принуждено ее поддерживать. Ненормальныя отношенія неизбѣжно ведутъ къ ненормальнымъ явленіямъ, тяжело отзывающимся на государственной жизни.

Независимое положеніе церкви связано и съ матеріальнымъ ея обезпеченіемъ. Владѣніе собственными имуществами даетъ ей самостоятельную матеріальную опору; напротивъ, полученіе пособій отъ государства ставитъ ее въ болѣе или менѣе зависимыя отношенія къ послѣднему. Вслѣдствіе этого, Токвиль осуждалъ отобраніе церковныхъ имѣній, которое послѣдовало во Франціи во времена Революціи, а также и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Онъ доказывалъ, что черезъ это духовенство лишилось связи съ страною, а вмѣстѣ и съ гражданскимъ порядкомъ, въ который вплетаются его матеріальные интересы; оторванное отъ почвы, оно должно или тѣснѣе примкнуть къ внѣшнему центру, или сдѣлаться покорнымъ орудіемъ государственной власти. Этимъ онъ объяснялъ развитіе ультрамонтанскаго направленія у французскаго духовенства въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ итальянскомъ парламентѣ Кавуръ, возражая противъ предложенія отобрать церковныя имѣнія, привелъ эту цитату изъ Токвиля. Такіе крупные авторитеты свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этомъ взглядѣ есть значительная доля истины. Однако не полная, ибо тутъ упускается изъ вида историческая сторона вопроса. Надѣленіе церкви имѣніями, какъ со стороны князей, такъ и частными лицами, было естественнымъ продуктомъ средневѣковаго порядка, когда церковь не только образовала независимый религіозно-нравственный союзъ, но въ значительной степени господствовала и въ гражданской области, составляя высшую общественную связь и замѣняя собою разложившееся государство. Съ развитіемъ новаго государственнаго строя это положеніе существенно измѣнилось; гражданское призваніе церкви отпало, а между тѣмъ, тѣ матеріальныя средства, которыя даны были для исполненія этого призванія, сохранялись неподвижными и неизмѣнными въ рукахъ духовенства. Церковныя имѣнія на вѣки изъяты были изъ гражданскаго оборота. Самое распредѣленіе ихъ было чисто случайное и вовсе не соотвѣтствовало общественной цѣли. Громадныя имѣнія принадлежали монастырямъ, которыхъ существенное назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы служить убѣжищемъ скорбныхъ душъ. Ихъ богатства только привлекали и плодили несмѣтныя толпы нищихъ. Значительными доходами пользовалось и высшее духовенство, епископы и каноники, что давало имъ средства жить въ роскоши, а нерѣдко и въ праздности, тогда какъ обдѣленное низшее духовенство, на которомъ лежало ближайшее исполненіе обязанностей относительно духовной паствы, находилось почти въ нищетѣ. Такое по-

ложеніе, очевидно, не соотвѣтствовало измѣнившимся требованіямъ. Поэтому, не только революціонеры, но и самодержавные государи постоянно стремились къ упорядоченію этихъ отношеній. Тотъ же вопросъ возникалъ и въ католическихъ странахъ, и въ протестантскихъ и въ православныхъ, совершенно независимо другъ отъ друга. Церковныя имѣнія были отобраны въ казну въ Россіи прежде, нежели это совершилось во Франціи. Этимъ обозначается переходъ отъ средневѣковаго порядка къ новому, отъ первенства церкви къ первенству государства въ гражданской области. Вопросъ состоялъ лишь въ томъ: слѣдовало ли только урегулировать существующее положеніе, установивъ лучшее распредѣленіе церковнаго достоянія и отобравъ излишки, или же разомъ покончить съ старымъ порядкомъ и поставить духовенство на жалованье? Этотъ вопросъ понынѣ еще возникаетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ означенный переворотъ доселѣ не совершился. Онъ можетъ рѣшаться различно, въ зависимости отъ политическихъ и экономическихъ соображеній, отъ положенія церкви въ государствѣ, отъ возможности соглашенія. Вступаясь въ эту область, государство очевидно нарушаетъ существующіе интересы; оно возбуждаетъ противъ себя самую вліятельную часть духовенства, а черезъ него и остальныхъ. Соглашеніе въ особенности трудно тамъ, гдѣ церковь имѣетъ независимаго внѣшняго главу. Тутъ могутъ произойти столкновенія, мучительныя для совѣсти гражданъ и опасныя для внутренняго мира. Поэтому здѣсь всегда слѣдуетъ поступать съ большою осторожностью. Государство можетъ рѣшиться на самовластное дѣйствіе только тамъ, гдѣ требованіе настоятельно, а соглашеніе невозможно. Въ такомъ случаѣ это актъ войны съ духовною властью, что всегда составляетъ великое зло и далеко не всегда сопровождается успѣхомъ.

Что касается до самаго результата этихъ мѣръ, то выборъ того или другаго способа обезпеченія духовенства представляетъ, какъ и всѣ учрежденія, выгодныя и невыгодныя стороны. Безъ сомнѣнія, обезпеченіе духовенства землями связываетъ его съ гражданскою жизнью, даетъ ему независимое положеніе, а вмѣстѣ и возможность исполнять свое благотворительное и учебное призваніе. Но, съ другой стороны, оно вовлекаетъ его въ матеріальныя заботы и развиваетъ въ немъ частные интересы, которые могутъ идти въ разрѣзъ съ его духовнымъ призваніемъ. Едва ли такое положеніе, независимое отъ свѣтской власти, можетъ служить противодѣйствіемъ вліянію внѣшняго главы. Напротивъ, чѣмъ тверже духовенство стоитъ на своихъ ногахъ, тѣмъ болѣе оно готово сплотиться около общаго вождя, ибо это даетъ ему высшую силу въ борьбѣ съ законными требованіями

свѣтской власти. Состоя на жалованьѣ у правительства, духовенство находится отъ него въ большей или меньшей зависимости, а это служитъ нѣкоторымъ противовѣсомъ подчиненію внѣшнему главѣ. Независимость церкви черезъ это умаляется, но вліяніе государства увеличивается. Который изъ этихъ двухъ элементовъ требуетъ усиленія это зависитъ отъ временныхъ и мѣстныхъ условій. Общаго правила тутъ нельзя положить. Нельзя при этомъ упускать изъ вида и то, что притѣсняемая церковь всегда имѣетъ обильные источники дохода въ добровольныхъ подаяніяхъ вѣрующихъ. Только при оскудѣніи религіознаго духа матеріальныя средства понужденія, употребляемыя государствомъ, достигаютъ цѣли. Но при такомъ условіи они вовсе даже и не нужны.

Все это относится преимущественно къ церкви господствующей, которая обыкновенно пользуется особенными имущественными льготами и пособіями. Но это равно прилагается и къ церквамъ признаннымъ. Не обладая привилегированнымъ положеніемъ, онѣ могутъ имѣть собственныя имущества или получать бо́льшія и меньшія пособія отъ государства. Устройство ихъ можетъ быть разное, и такъ же разнообразны могутъ ихъ отношенія къ государству. Они зависятъ, какъ отъ самаго характера и внутренняго устройства церкви, такъ и отъ мѣстныхъ и временныхъ условій, отъ историческихъ причинъ, отъ возможности соглашенія. Общее правило политики относительно всѣхъ ихъ состоитъ въ томъ, что государство, по возможности, должно жить съ ними въ мирѣ, оказывая имъ защиту и покровительство, и признавая въ нихъ высокую нравственную силу, которая руководитъ совѣстью болѣе или менѣе значительной части гражданъ. Менѣе всего государство должно вступаться во внутреннее ихъ управленіе. Система признанныхъ церквей установляетъ далеко не такую тѣсную связь между государствомъ и церковью, какъ система господствующей церкви. Поэтому государство должно вступаться только тамъ, гдѣ это право дано ему закономъ, утвержденнымъ обоюднымъ согласіемъ. Правительство, выходящее изъ этихъ предѣловъ, рискуетъ возмутить совѣсть вѣрующихъ и подорвать свой собственный авторитетъ. Мы видѣли, къ чему привела попытка Карла I-го ввести въ Шотландію англиканскую литургію. Точно также стремленіе Французскаго Учредительнаго Собранія 1789 года регулировать церковное управленіе вызвало всеобщее сопротивленіе и повело къ паденію религіи; только Конкордатъ Наполеона I-го возстановилъ правильныя отношенія. На нашихъ глазахъ походъ непреклоннаго князя Бисмарка противъ католической церкви кончился тѣмъ, что онъ принужденъ былъ идти въ Каноссу и сложить оружіе передъ папскою властью.

Не всегда однако миролюбивая политика возможна. Если существенный интересъ государства состоитъ въ томъ, чтобы жить въ мирѣ съ церковью, то, съ другой стороны, оно обязано охранять независимость свѣтской области противъ притязаній духовенства. Но именно на этой почвѣ возникаютъ столкновенія. И католическое властолюбіе и протестантскій піэтизмъ стремятся подчинить себѣ свѣтскую область, взять въ свои руки въ особенности воспитаніе юношества, употреблять орудія духовной власти для дѣятельности на политическомъ поприщѣ. Нерѣдко само государство способствуетъ этимъ стремленіямъ, надѣясь найти въ церкви союзника противъ революціонныхъ идей. Но этимъ оно вооружаетъ противъ себя независимые свѣтскіе элементы, которые тѣмъ болѣе дорожатъ своею свободою, чѣмъ бо́льшая имъ грозитъ опасность со стороны союза двухъ могучихъ властей. Они обращаются противъ государства, забывающаго истинное свое призваніе, а это ведетъ не къ ослабленію, а къ усиленію революціонныхъ идей. Въ недавнее время проектъ прусскаго правительства подчинить школы надзору духовенства вызвалъ такую бурю въ германскихъ университетахъ и во всѣхъ представителяхъ свѣтскаго образованія, что министерство принуждено было взять свое предложеніе назадъ. Если же, наоборотъ, государство даетъ отпоръ притязаніямъ церкви, послѣдняя поднимаетъ вопль о нарушеніи ея свободы и жалуется на гоненія. При такихъ условіяхъ, сохранить должную мѣру не всегда легко. Здѣсь твердость должна соединяться съ миролюбіемъ. Въ этомъ проявляется практическій смыслъ государственныхъ людей. Въ общественномъ же мнѣніи умиротворенію всего болѣе способствуетъ распространеніе здравыхъ понятій объ отношеніяхъ государства къ церкви.

Всего труднѣе достигнуть этого тамъ, гдѣ духовенство имѣетъ стремленіе вмѣшиваться въ политическія дѣла и играть политическую роль. Въ Бельгіи, съ самаго отторженія ея отъ Голландіи въ 1831 г., клерикальная партія составляетъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ политической жизни. Въ Германіи такая партія сплотилась и организовалась въ видахъ отпора антицерковной политикѣ князя Бисмарка. Въ особенности обострились отношенія во Франціи. Здѣсь духовенство выступило противникомъ республиканскихъ учрежденій; оно служило связью различныхъ монархическихъ партій въ ихъ походѣ противъ республики. Такая политика, въ свою очередь, вызвала вражду со стороны республиканцевъ. Они въ клерикализмѣ увидѣли главнаго своего врага. Изданы были законы, совершенно изгоняющіе религіозное преподаваніе изъ школы, ибо невозможно было отдать воспитаніе юношества въ руки людей,

которые стремились къ ниспроверженію существующаго порядка. Проведенная во всей строгости всеобщая воинская повинность была распространена и на учениковъ семинарій. Католическое духовенство сочло себя угнетеннымъ; возгорѣлась борьба на почвѣ отношеній государства къ церкви. Даже примирительная политика Льва XIII могла лишь нѣсколько ее умѣрить, но не утишить. Миролюбивое направленіе явилось слишкомъ поздно, когда страсти уже разыгрались и довѣріе было подорвано. Взаимная вражда поддерживается тѣмъ, что властолюбивое духовенство все-таки не хочетъ отказаться отъ своей политической роли. Общественная совѣсть не можетъ не возмущаться, когда раскрывается, что вѣрующіе граждане лишаются причастія за то, что они на политическихъ выборахъ подаютъ голосъ за неугодныхъ духовенству кандидатовъ. Положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ можетъ только воодушевленное искреннимъ желаніемъ мира руководство высшихъ духовныхъ властей. Тѣ, которые всю вину въ этихъ ненормальныхъ отношеніяхъ возлагаютъ на нетерпимость радикаловъ, смотрятъ на вещи съ крайне односторонней точки зрѣнія. Безпристрастный наблюдатель долженъ, напротивъ, сказать, что главная вина падаетъ на властолюбіе католическаго духовенства, которое вызываетъ и поддерживаетъ нетерпимость его враговъ. Радикалы были бы безсильны, еслибы католики не давали имъ оружія въ руки.

Многіе видятъ исходъ изъ этого положенія въ совершенномъ отдѣленіи церкви отъ государства. Этимъ способомъ вопросъ переносится на почву свободы, которая одна можетъ разрѣшить затрудненія. Католическое духовенство утверждаетъ, что ему не можетъ быть возбранено такое же участіе въ политическихъ выборахъ, какое принадлежитъ всѣмъ гражданамъ. На это ему отвѣчаютъ, что другіе граждане не имѣютъ въ рукахъ духовной власти, которую можно употреблять для насилованія совѣсти. Когда же эта власть признается и поддерживается государствомъ, то послѣднее не только получаетъ право, но и беретъ на себя обязанность положить предѣлы ея злоупотребленіямъ. Однако, исполнить это оно безсильно, ибо оно не можетъ вмѣшиваться въ сокровенныя отношенія между вѣрующими и ихъ духовными отцами. При такихъ условіяхъ лозунгомъ либерализма естественно становится начало, провозглашенное Кавуромъ: „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“. Но осуществленію этой программы препятствуютъ, съ одной стороны, интересы церкви, которая не хочетъ лишиться выгодъ, получаемыхъ отъ государства, а съ другой стороны интересы государства, которое не хочетъ лишиться своего вліянія на церковь. Пока оба союза живутъ въ мирѣ, такое отношеніе можетъ

сохраняться; но съ обостреніемъ борьбы разрѣшеніе связи, при обоюдной свободѣ, становится неизбѣжнымъ.

Непріязненное отношеніе къ церкви дѣлается особенно опаснымъ для государства, когда церковь связана съ покоренною и враждебною народностью. Таково, напримѣръ, положеніе католической церкви въ Ирландіи и въ Польшѣ. Здѣсь вся политика государства должна быть направлена къ тому, чтобы разъединить эти два интереса. Когда къ подавленію народности присоединяется религіозное гоненіе, то вражда достигаетъ крайней степени напряженности. Государство соединяетъ противъ себя двѣ высшія нравственныя силы, какія существуютъ въ человѣчествѣ: любовь къ отечеству и привязанность къ своей вѣрѣ. Этого можно избѣжать только остерегаясь всякаго посягательства на права совѣсти и малѣйшаго намека на религіозное притѣсненіе. Въ свободныхъ государствахъ возможное ослабленіе борьбы достигается уничтоженіемъ, какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ стѣсненій. Въ Англіи эманципація католиковъ и уничтоженіе господствующаго положенія англиканской церкви въ Ирландіи были актами мудрой политики. Если борьба этимъ не прекратилась, то это зависѣло отъ другихъ причинъ, главнымъ образомъ отъ аграрнаго вопроса, который составляетъ здѣсь камень преткновенія. Въ государствахъ, гдѣ политическая свобода или вовсе не признается или не имѣетъ такого широкаго развитія, подобная система, конечно, не можетъ быть принята. Но и тутъ надобно держаться основнаго правила: не толкать церковь въ ряды враговъ гоненіемъ и притѣсненіемъ, а стараться, напротивъ, пріобрѣсти на нее вліяніе дарованіемъ ей тѣхъ или другихъ льготъ. Тутъ всего болѣе требуется политическій тактъ, соединеніе твердости съ мягкостью. Твердость нужна не только для пресѣченія враждебныхъ дѣйствій, но и для вынужденія уступчивости съ противной стороны. При всякихъ переговорахъ полезно дать почувствовать, что имѣешь силу въ рукахъ. Но неумѣренное или неумѣстное употребленіе силы можетъ породить только большее зло, возбуждая страсти и подавая справедливые поводы къ нареканіямъ. Цѣлью все-таки должна быть не вражда, а умиротвореніе. На религіозной почвѣ оно всего болѣе необходимо и всего скорѣе достижимо. Подавленная народность, пока въ ней есть жизнь, никогда не примирится съ своимъ угнетеннымъ положеніемъ; но церковь имѣетъ свою сферу дѣятельности, которая неотъемлемо ей принадлежитъ и въ которую государство не имѣетъ права вступаться. Самыя властолюбивыя церкви, стремящіяся къ захватамъ въ гражданской области и проявляющія узкую нетерпимость, когда государство ищетъ ихъ содѣйствія, весьма хорошо уживаются со всякаго рода правительствами.

Въ Соединенныхъ Штатахъ католицизмъ не требуетъ себѣ никакихъ привилегій, а довольствуется полною свободой.

Эта послѣдняя система основана на совершенномъ отдѣленіи церкви отъ государства. Тамъ, гдѣ среди народонаселенія господствуютъ разнообразныя вѣроисповѣданія и нѣтъ исторической связи между извѣстною религіозною формой и развитіемъ народности, она представляетъ самое раціональное разрѣшеніе религіознаго вопроса. Но тамъ, гдѣ значительное большинство народонаселенія принадлежитъ къ извѣстной церкви и эта церковь обладаетъ крѣпкою организаціей, которая дѣлаетъ ее могущественною политическою силой, государству трудно оставаться къ ней вполнѣ безучастнымъ. Отсюда стремленіе сохранить политическую связь, оставаясь при системѣ признанныхъ церквей. Только обостреніе борьбы, какъ замѣчено выше, можетъ привести къ совершенному отдѣленію церкви отъ государства. Но и при полной свободѣ отношенія тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ могущественнѣе сама церковь и ея нравственный авторитетъ въ народѣ. Только обоюдная умѣренность и долговременная привычка къ свободѣ могутъ смягчать столкновенія. Наоборотъ, величайшею помѣхой мирному сожительству является фанатизмъ, какъ религіозный, такъ и антирелигіозный. Тутъ вопросъ разрѣшается не столько государственною политикой, сколько развитіемъ нравовъ и понятій. Только распространеніе истиннаго просвѣщенія можетъ привести къ утвержденію правильныхъ отношеній.

Эти затрудненія не имѣютъ мѣста въ отношеніи къ вѣроисповѣданіямъ, не имѣющимъ ни широкаго распространенія, ни крѣпкой организаціи. Сюда принадлежатъ многочисленныя христіанскія и нехристіанскія секты. Къ нимъ вполнѣ приложима система терпимыхъ церквей, даже совмѣстно съ господствующею церковью или съ признанными вѣроисповѣданіями. Тутъ основнымъ началомъ должна быть самая широкая терпимость. Этого требуютъ не только неискоренимыя права совѣсти, не только справедливость и человѣколюбіе, составляющія высшія руководящія начала государственной дѣятельности, но и здравая политика, не ослѣпленная узкимъ фанатизмомъ или ложнымъ пониманіемъ отношеній государства къ церкви. Истинное зло для государства составляетъ не распространеніе сектъ, а ихъ подавленіе. Распространеніе сектъ свидѣтельствуетъ о подъемѣ религіознаго чувства въ народѣ. Оно является результатомъ высоко нравственныхъ, а не какихъ-либо низкихъ, корыстныхъ или безнравственныхъ стремленій. Переходятъ въ секты тѣ люди, которыхъ душа не находитъ удовлетворенія въ оффиціальномъ формализмѣ, а ищетъ живаго духовнаго единенія съ Верховнымъ Источникомъ всякой жизни.

Какими путями происходитъ это приближеніе души къ Богу, совершающееся въ глубинѣ совѣсти, это скрыто отъ человѣческихъ взоровъ и менѣе всего подлежитъ вѣдѣнію государственной власти. Государство обязано только не касаться этихъ святыхъ отношеній, въ которыхъ человѣкъ обрѣтаетъ высшій подъемъ духа и въ которыхъ, поэтому, и оно само обрѣтаетъ высшія нравственныя силы, ибо отъ нравственныхъ силъ общества зависитъ и нравственная сила государства. Напротивъ, посягательство на святыню совѣсти понижаетъ нравственный уровень государства, которое дѣлается орудіемъ узкаго фанатизма. Нарушая требованія справедливости и человѣколюбія, оно, какъ уже было замѣчено выше, не только сѣетъ озлобленіе и ненависть въ угнетенныхъ, но возбуждаетъ противъ себя благороднѣйшія сердца среди гражданъ, которые возмущаются произволомъ и насиліемъ, учиняемымъ надъ совѣстью.

Поэтому, даже тамъ, гдѣ религіозныя секты носятъ болѣе или менѣе враждебный государству характеръ, къ нимъ слѣдуетъ относиться не иначе, какъ съ величайшею осмотрительностью. Обыкновенно враждебное государству настроеніе вызывается именно угнетеніемъ. Когда людей оставляютъ въ покоѣ и оказываютъ имъ покровительство, они не чувствуютъ никакой злобы. Есть секты, которыя признаютъ долгомъ совѣсти не исполнять извѣстныхъ государственныхъ требованій, которыя отказываются, напримѣръ, отъ принесенія присяги или отъ военной службы. Въ государствахъ, гдѣ господствуютъ правильные взгляды на права совѣсти и человѣколюбивыя отношенія къ подданнымъ, эти требованія замѣняются другими, не нарушающими религіозныхъ понятій секты. Квакерамъ разрѣшается, вмѣсто присяги, простое утвержденіе своимъ словомъ; съ меннонитовъ, вмѣсто военной службы, взимается особенная подать. Есть и такія секты, которыя отказываются отъ исполненія какихъ бы то ни было государственныхъ обязанностей. Но и тутъ, пока онѣ оказываютъ только страдательное сопротивленіе, нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ строгимъ карамъ; достаточно тѣхъ принудительныхъ мѣръ, какія принимаются, напримѣръ, противъ неисправныхъ плательщиковъ. Во всякомъ случаѣ, государство должно избѣгать всякой жестокости. Это составляетъ безусловное требованіе не только человѣколюбія, но и политики. Дать возможность всѣмъ частямъ подвластнаго населенія жить въ мирѣ и пользоваться безпрепятственно плодами своего труда, таково высшее призваніе его на землѣ. Насиліе оправдывается только тамъ, гдѣ безъ него нельзя обойтись, а жестокость не оправдывается никогда. Она только возмущаетъ совѣсть и остается пятномъ на государственной и народной жизни.

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть и на тѣ вопросы, въ которыхъ къ религіознымъ мотивамъ присоединяются и другія соображенія; таковъ вопросъ еврейскій. Онъ имѣетъ свою долгую и печальную повѣсть. На поприщѣ всемірной исторіи были два народа, которымъ человѣчество обязано высшими своими духовными благами: Эллины и Евреи. Отъ первыхъ оно получило тѣ высшія начала свѣтской культуры, которыя легли въ основаніе всей новой цивилизаціи; вторымъ оно обязано всѣмъ своимъ нравственнымъ достояніемъ. Но первые, какъ весенній цвѣтъ, исчезли, совершивъ свое дѣло; вторые же, униженные, угнетенные, разсѣянные по всей землѣ, сохранили въ теченіи тысячелѣтій непоколебимую вѣру въ завѣтъ своихъ предковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкую внутреннюю связь и рѣзкія черты національнаго характера. Мало того; это удивительное племя, щедро одаренное самыми разнообразными талантами, съумѣло среди самаго униженія сдѣлаться общественною силой. Съ непреоборимою крѣпостью духовнаго строя у него соединяется изумительная изворотливость въ денежныхъ дѣлахъ и ничѣмъ не смущающаяся настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Вслѣдствіе этого, уже въ средніе вѣка Евреи сдѣлались главными капиталистами среди европейскихъ народовъ. Къ нимъ самые ихъ притѣснители должны были постоянно обращаться за помощью. Когда же, съ устраненіемъ религіознаго гнета и съ водвореніемъ общей свободы, передъ ними открылось широкое поле для дѣятельности, они сдѣлались царями финансоваго міра. И на всѣхъ другихъ поприщахъ, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ литературѣ, особенно въ журналистикѣ, въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ сферахъ, они заняли выдающееся, а иногда господствующее положеніе.

Но именно эти успѣхи презираемаго племени возбудили противъ него усиленную непріязнь, которая въ значительной степени продолжается и доселѣ. Между тѣмъ какъ законодательства установили всеобщую свободу и гражданское равенство, между тѣмъ какъ въ нравахъ и понятіяхъ образованныхъ обществъ водворялись начала терпимости и человѣколюбія, въ массахъ, направляемыхъ слѣпыми инстинктами и пошлыми побужденіями, продолжала держаться упорная вражда къ чуждому элементу. Съ религіозною нетерпимостью соединяются самыя низменныя человѣческія чувства: ненависть къ богатству, зависть къ успѣху, желаніе устранить дѣятельную конкурренцію, наконецъ какое-то чисто животное озлобленіе, подобное тому, которое возбуждаетъ собаку противъ кошки. Жидъ представляется синонимомъ чего-то грязнаго и презрѣннаго. Христіанинъ видитъ въ немъ не брата, а существо низшей породы. Забываютъ, что имено отъ этого существа мы получили высшее, что есть въ человѣкѣ,—законъ мило-

сердія и любви, что изъ этого племени вышли и пророки и апостолы, что отъ него родился самъ Христосъ. Всѣ эти священные завѣты заглушаются и попираются ногами подъ вліяніемъ безсмысленнаго животнаго влеченія. Темныя массы воздвигаются на прогромъ еврейскаго имущества; въ среднихъ слояхъ развивается антисемитизмъ. Чѣмъ невѣжественнѣе толпа, чѣмъ ниже ея нравственный уровень, тѣмъ, разумѣется, сильнѣе проявляются въ ней эти чувства; но въ настоящее время даже и въ самыхъ образованныхъ странахъ обнаруживаются эти теченія, составляющія явные признаки одичанія. Конечно, ни одинъ человѣкъ съ возвышеннымъ нравственнымъ строемъ не можетъ къ нимъ примыкать. Вождями антисемитизма являются люди, принадлежащіе большею частью къ отребью человѣческаго рода: это или узкіе фанатики, или пошлые демагоги, или даже люди, обличенные во всякихъ мошенническихъ продѣлкахъ. Но когда движеніе принимаетъ широкіе размѣры, оно не можетъ не обратить на себя вниманія, какъ государственныхъ людей, такъ и наблюдателей политической жизни.

Къ сожалѣнію, не всѣ христіанскія законодательства умѣютъ возвыситься надъ этимъ низменнымъ уровнемъ. Въ Западной Европѣ антисемитизмъ представляется только уродливымъ явленіемъ, которое на законодательства доселѣ не оказало ни малѣйшаго вліянія: твердо установившіяся начала справедливости и свободы полагаютъ ему предѣлъ. Горько сознаться, что иное мы видимъ въ нашемъ отечествѣ. У насъ не только сохраняются средневѣковыя стѣсненія гражданскихъ правъ Евреевъ, но въ новѣйшее время мѣры строгости усилились подъ вліяніемъ ложно понятаго національнаго направленія. Изгнаніе Евреевъ изъ Москвы и тѣ притѣсненія, которыя повели къ выселенію ихъ массами въ другія страны, суть такія явленія, которыя не могутъ не поразить скорбью сердце русскаго человѣка, дорожащаго благоустройствомъ и добрымъ именемъ своего отечества. Подобныя мѣры идутъ наперекоръ не только требованіямъ справедливости и человѣколюбія, но и здравой политики.

Евреевъ обвиняютъ главнымъ образомъ въ томъ, что они будто бы высасываютъ кровь того населенія, среди котораго они живутъ, парализуютъ его дѣятельность и обращаютъ его въ нищихъ. Встрѣчаются люди, даже считающіе себя образованными, которые видятъ въ нихъ какихъ-то паразитовъ, которыхъ надобно истреблять. Какъ будто ремесленники, торговцы, коммиссіонеры, адвокаты, медики, музыканты суть паразиты! Тѣ, которымъ доводилось жить въ Малороссіи, наполненной Евреями, и сравнивать бытъ тамошнихъ крестьянъ съ великороссійскими, знаютъ, до какой степени эти обвиненія пре-

увеличены. Если есть разница, то скорѣе въ пользу Малороссіи. И тамошніе жители, не отуманенные слѣпыми инстинктами, но глядящіе на вещи безъ предубѣжденія, отъ помѣщиковъ до священниковъ, не только не видятъ отъ Евреевъ никакого зла, а напротивъ, признаютъ за ними существенную пользу. Ихъ неустанная дѣятельность и оборотливость оживляютъ торговлю и облегчаютъ сбытъ. Безъ сомнѣнія, среди нихъ встрѣчаются некрасивыя черты. Тысячелѣтній гнетъ не прошелъ для нихъ даромъ. Стѣсненные со всѣхъ сторонъ, они постоянно принуждены были дѣйствовать обманомъ и хитростью, и эти пріемы въ нѣкоторой степени наложили на нихъ свою печать. Но развѣ не тоже самое мы замѣчаемъ и въ русской торговлѣ, которую прошедшая наша исторія точно также не пріучила къ честности? Развѣ русскій кулакъ не такой же, если не худшій ростовщикъ, нежели Еврей? Разница между ними состоитъ лишь въ томъ, что Еврей довольствуется малымъ, тогда какъ русскій кулакъ всегда старается выжать какъ можно больше. Въ благоустроенномъ государствѣ, обманъ, какъ и всѣ другія преступленія, карается закономъ. Но тамъ, гдѣ есть уваженіе къ законному порядку, наказываются только доказанныя преступленія, кѣмъ бы они ни были совершены, а не устанавляются категоріи подозрительныхъ людей, которые стѣсняются въ своихъ гражданскихъ правахъ единственно потому, что ихъ собратья склонны къ мошенничеству. Во всякомъ случаѣ непонятно, если Евреи дѣйствительно вредны, почему имъ отдаются на жертву жители извѣстныхъ мѣстностей, среди которыхъ они принуждены жить, стараясь, волею или неволею, извлечь изъ нихъ средства пропитанія для слишкомъ скученнаго населенія. Непонятно также, почему Еврей, принявшій крещеніе изъ корыстныхъ видовъ, то есть показавшій себя негодяемъ, разомъ пріобрѣтаетъ всѣ гражданскія права, тогда какъ его болѣе нравственныя собратья подвергаются всей суровости стѣснительныхъ законовъ. Такого рода законодательство вноситъ въ государственную жизнь произволъ и несправедливость; возбуждая озлобленіе въ притѣсняемыхъ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, понижаетъ нравственный уровень общества, пріучая его смотрѣть равнодушно на оскорбленіе человѣческихъ чувствъ и нарушеніе христіанскаго долга, а съ другой стороны, оно умаляетъ и матеріальное его благосостояніе, лишая его той неоцѣненной пользы, которую приноситъ живое и дѣятельное населеніе, обладающее энергіей, оборотливостью и капиталомъ. Можно думать, что финансовое и экономическое положеніе Россіи было бы иное, еслибы съ Евреевъ сняты были всѣ стѣсненія и имъ дозволено было, какъ и всѣмъ людямъ, безпрепятственно расширять свою дѣятельность, селиться, гдѣ угодно, и заниматься, чѣмъ угодно. Надобно надѣяться,

что это совершится въ недалекомъ будущемъ. Начало гражданской свободы, водворенное у насъ великими преобразованіями Александра II-го, слишкомъ громко вопіетъ противъ этихъ остатковъ средневѣковыхъ воззрѣній.

Такой же осторожности, какъ и религіозныя вѣрованія, требуютъ отъ государственной власти ея отношенія къ свѣтскому просвѣщенію. И тутъ она ложною политикой можетъ обратить противъ себя силы, которыя ей выгодно имѣть своими союзниками и которыя менѣе всего поддаются принужденію.

Польза свѣтскаго образованія для государства такъ велика и очевидна, что объ этомъ нечего много распространяться. Все государственное развитіе новаго времени шло рука объ руку съ успѣхами просвѣщенія. Освободившись отъ путъ средневѣковой теократіи, государство стало на чисто свѣтскую почву, и въ этомъ движеніи оно нашло союзника и опору въ свѣтской наукѣ, которая стоитъ на той же почвѣ и слѣдовала тому же процессу. Государственный бытъ покоится не на однихъ темныхъ инстинктахъ народныхъ массъ, но прежде всего и болѣе всего на сознательномъ къ нему отношеніи высшихъ слоевъ общества, которые одни даютъ правительству образованныя силы, необходимыя для управленія государствомъ. Только при ясномъ пониманіи своихъ задачъ и условій своего существованія государство пріобрѣтаетъ возможность исполнять свое призваніе, а это пониманіе дается наукой и образованіемъ. Государства управляются мыслью, а не слѣпыми инстинктами. Просвѣщеніе даетъ имъ и орудія дѣйствія. Только призывая на помощь просвѣщенную наукой человѣческую изобрѣтательность государство можетъ успѣшно бороться съ своими соперниками и удержать свое мѣсто въ ряду другихъ. Отставая въ просвѣщеніи, оно неизбѣжно нисходитъ на низшую ступень.

Но если государство нуждается въ просвѣщеніи, то оно должно принимать во вниманіе и необходимыя его условія. Первое заключается въ умственной свободѣ, которая составляетъ движущую пружину всякой умственной дѣятельности; это—самый воздухъ, которымъ она дышетъ. Церковь государство можетъ привязать къ себѣ или даже обратить въ свое орудіе дарованіемъ ей всякаго рода льготъ и привилегированнаго положенія; съ свѣтскимъ просвѣщеніемъ такая политика немыслима, ибо оно не оставляетъ организованной силы и не заковано въ неизмѣнные догматы. Сущность его состоитъ въ неустанномъ, свободномъ движеніи человѣческой мысли, ищущей истины и открывающей въ этомъ исканіи все новыя и новыя орудія и пути. Просвѣщеніе, по самой своей природѣ, есть независимая сила, свободное вѣяніе духа, ускользающее отъ всякихъ опредѣленій и разрушающее всякія преграды,

Именно эти свойства свѣтскаго просвѣщенія заставляютъ нѣкоторыхъ писателей враждебно относиться ко всякому вмѣшательству государства въ эту область. Въ покровительствѣ, которое государство оказываетъ наукамъ и искусствамъ, они видятъ положительный вредъ. На такую точку зрѣнія становился Бокль въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о *Цивилизаціи въ Англіи*. Подтвержденіемъ этого взгляда можетъ до нѣкоторой степени служить англійская исторія, которая дѣйствительно представляетъ самобытное развитіе просвѣщенія помимо всякой правительственной дѣятельности, что не мѣшало Англичанамъ сдѣлаться однимъ изъ образованнѣйшихъ народовъ міра. Однако, такое воззрѣніе страдаетъ значительною односторонностью. Тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, въ общественной жизни господствуетъ начало самодѣятельности, на которомъ зиждется не только свѣтское просвѣщеніе, но и самый государственный бытъ, тамъ между обоими элементами само собой установляется необходимое согласіе. Но при другихъ условіяхъ отношенія могутъ быть совершенно иныя: иногда государство отстаетъ отъ требованій просвѣщенія, а иногда, наоборотъ, оно, съ своими практическими требованіями, стоитъ впереди. Въ первомъ случаѣ происходитъ разладъ, который въ концѣ концовъ можетъ привести даже къ переворотамъ; во второмъ случаѣ государственная власть стремится насаждать просвѣщеніе и такимъ образомъ поднять общество къ уровню своихъ требованій.

Лучшимъ примѣромъ политики послѣдняго рода можетъ служить Россія, гдѣ все развитіе просвѣщенія происходимо по иниціативѣ правительства. Толчекъ былъ данъ могучимъ геніемъ Петра, который вдвинулъ Россію въ ряды европейскихъ народовъ. Его царствованіе составляетъ величайшую эпоху не только государственнаго, но и общественнаго развитія Русскаго народа. Его преемники продолжали его дѣло. Устроены были университеты, гимназіи и разныя другія высшія и среднія учебныя заведенія; молодыхъ людей посылали учиться за границу; требованіе образованія сдѣлалось условіемъ для достиженія высшихъ чиновъ на службѣ. Монархи, проникнутые уваженіемъ къ просвѣщенію, какъ Екатерина II и Александръ I, требовали образованія и отъ окружающихъ. Идущее сверху направленіе постепенно распространялось и въ среднихъ слояхъ, всюду пробуждая мысль и потребность ученія. Воспріимчивая русская натура легко поддавалась этимъ требованіямъ и быстро усвоивала плоды просвѣщенія, сперва, какъ водится, съ внѣшней ихъ стороны, а затѣмъ, мало-по-малу, съ большею основательностью и глубиной. Возникла русская литература, свидѣтельствующая о самостоятельномъ творчествѣ народнаго духа. Русская мысль стала проникать во всѣ области знанія, всюду проявляя свои силы.

Но чѣмъ самостоятельнѣе становится мысль, тѣмъ болѣе она ускользаетъ отъ внѣшняго руководства. Правительство можетъ насаждать просвѣщеніе, но оно не въ силахъ его направлять. Скоро оказывается, что взлелѣянный ребенокъ хочетъ мыслить самъ и не поддается указкѣ. Чѣмъ настойчивѣе стремятся наложить на него руку, тѣмъ болѣе онъ возмущается противъ опеки. Тогда правительство объявляетъ направленіе просвѣщенія вреднымъ и хочетъ ставить ему преграды. Оно установляетъ строгую цензуру; нерѣдко оно вступаетъ въ союзъ съ церковью и старается свѣтскую науку подчинить религіознымъ началамъ. Такое реакціонное движеніе проявлялось во многихъ государствахъ Европы; но всюду оно имѣло результатомъ только полный неуспѣхъ.

Назидательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Германія въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Тамъ великія войны освобожденія произвели необыкновенное возбужденіе умовъ; и консерваторы и либералы съ одинакимъ воодушевленіемъ шли на защиту отечества. Но послѣ мира надежды либераловъ были обмануты; охранительная политика Австріи получила полный перевѣсъ. При такихъ условіяхъ, броженіе, очевидно, не могло скоро улечься. Начались волненія въ университетахъ; газеты сдѣлались органами демократической пропаганды. Наконецъ, убійство Коцебу обнаружило всю крайность обострившихся отношеній. Тогда, по настоянію Австріи, приняты были общія мѣры противъ печати и университетовъ. Но онѣ возбудили только общее негодованіе всѣхъ мыслящихъ людей въ Германіи. Не только либеральные профессора, какъ Дальманъ, но и строгіе консерваторы, какъ Нибуръ, который былъ прусскимъ посланникомъ въ Римѣ, были возмущены. „Я не поклонникъ германскихъ университетовъ“, писалъ послѣдній Штейну въ 1822 году; „я считаю ихъ даже извращенными учрежденіями; но такого рода мѣры внушены скотскою ненавистью (von einem bestialen Hass) къ наукѣ и просвѣщенію и обращены столько же противъ В. Превосходительства и меня, сколько противъ бѣдныхъ студентовъ. Впрочемъ, я боюсь, что наше юношество находится на плохомъ пути; но кто въ этомъ виноватъ передъ Богомъ? Каково это юношество было въ 1814 году, его можно было вести впередъ къ энтузіазму во имя всего истиннаго и ко всякому славному подвигу. Теперь невѣжество есть рекомендація, а наука поводъ къ проскрипціи“ [1]). Результатомъ того, что Нибуръ называлъ скотскою ненавистью къ наукѣ и просвѣщенію, было то, что эти силы обратились противъ угнетающихъ ихъ пра-

[1]) Pertz: Stein's Leben, V, стр. 715.

вительствъ. Революціонное движеніе 1848 года показало, насколько демократическая пропаганда, которую думали подавить внѣшними мѣрами, успѣла укорениться въ умахъ. Она на первыхъ порахъ все унесла передъ собою и пала только вслѣдствіе полной неприготовленности общества къ дѣйствію.

Для насъ, Русскихъ, еще назидательнѣе результаты стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ въ туже эпоху и по тѣмъ же побужденіямъ русскимъ правительствомъ. У насъ реакція, наступившая послѣ великихъ войнъ и особенно послѣ несчастнаго возмущенія 1825 года, приняла еще несравненно большіе размѣры, нежели въ Западной Европѣ. Уровень образованія русскаго общества былъ гораздо ниже, а потому отпоръ былъ меньше и мѣры можно было принимать еще болѣе строгія. Тогда какъ въ Германіи книги были избавлены отъ цензуры, что давало возможность свободнаго обсужденія научныхъ вопросовъ, а въ мелкихъ государствахъ существовало даже конституціонное правленіе съ свободою печати, у насъ правительственная цензура простиралась на всѣ произведенія человѣческаго ума и достигала размѣровъ, которые были бы невѣроятны, еслибы они не были точно удостовѣрены. Записки и воспоминанія современниковъ, даже самыхъ умѣренныхъ, свидѣтельствуютъ о томъ неслыханномъ гнетѣ, который тяготѣлъ надъ русскою мыслью. Печатаніе даже чисто ученыхъ книгъ встрѣчало почти непреодолимыя затрудненія; мысль подвергалась самому безобразному и невѣжественному искаженію. Всякое свободное слово, все, что хотя отдаленными намеками отзывалось либерализмомъ или вольнодумствомъ, безпощадно вычеркивалось. Несчастныхъ цензоровъ сажали на гауптвахту за совершенно невинныя статьи, которыя кому-либо изъ вліятельныхъ лицъ почему-либо не понравились. Съ 1848 года походъ противъ просвѣщенія сдѣлался еще болѣе грознымъ и настойчивымъ. Вслѣдствіе революціонныхъ движеній въ Западной Европѣ, все русское юношество и вся мыслящая часть русскаго общества подверглись подозрѣнію. Умный и образованный министръ, который дотолѣ хотя сколько-нибудь ограждалъ русскіе университеты отъ натиска реакціи, вышелъ въ отставку. Еще прежде него вышелъ просвѣщенный попечитель Московскаго учебнаго округа. На мѣсто его былъ назначенъ старый генералъ, вовсе не причастный образованію. Число студентовъ въ каждомъ университетѣ, кромѣ медицинскаго факультета, было ограничено тремя стами. Во время Крымской войны въ университеты введено было военное обученіе. На каѳедры философіи были посажены священники. Цензурныя строгости достигли такихъ размѣровъ, что печатать что-либо, отзывающееся мыслью, сдѣлалось почти невозможнымъ. Тѣ, которымъ довелось жить въ тѣ

времена, помнятъ ту невыносимо удушливую атмосферу, въ которую погружено было зрѣющее русское просвѣщеніе. И казалось, что изъ этого положенія нѣтъ исхода. Всемогущее правительство, не знавшее границъ своей волѣ, тяготѣло надъ умственною жизнью общества такъ, что не давало ему дохнуть.

Къ чему же окончательно привела эта политика? Непосредственнымъ результатомъ было то, что все способное мыслить и чувствовать, безъ различія направленій, умѣренные и крайніе, славянофилы и западники, обратились противъ правительства. Трудно измѣрить ту глубину ненависти, которая накипѣла въ эти печальные годы въ сердцахъ русскихъ образованныхъ людей. Записки Герцена могутъ дать объ этомъ нѣкоторое понятіе. И, какъ естественно въ такомъ положеніи, крайнія направленія получали все большій и большій перевѣсъ. Къ нимъ переходили даже люди склонные къ консервативному образу мыслей. Разумѣется, явно высказываться они не могли; но на частныхъ сходбищахъ, въ литературныхъ кружкахъ, велись горячія пренія; на каѳедрѣ раздавалось болѣе свободное слово. Съ помощью всякихъ изворотовъ и умолчаній мысль пробивалась и въ журнальныхъ статьяхъ, которыя, падая на воспріимчивую почву, получали самое широкое распространеніе. Русское общество пріучилось читать между строками, угадывать то, что не досказывалось. Всякій даже отдаленный намекъ встрѣчалъ восторженное сочувствіе и переходилъ изъ устъ въ уста. Подъ всеподавляющимъ гнетомъ происходила тайная работа, но вмѣстѣ накоплялись и сѣмена ненависти и озлобленія. И когда наконецъ, съ перемѣной царствованія и подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій, этотъ гнетъ былъ снятъ, и долго подавленная мысль ринулась на открытое ей поприще со всѣмъ упоеніемъ новопріобрѣтенной свободы, умѣренное направленіе скоро было перегнано крайнимъ. Привыкшее къ оппозиціи, общество смотрѣло съ оппозиціонной точки зрѣнія даже на самыя благія начинанія правительства. Подъ оффиціальными заявленіями преданности скрывалось неисцѣлимое недовѣріе. Всякое слово въ пользу власти разомъ лишало писателя популярности; напротивъ, крайнія направленія пріобрѣтали все больше и больше вліянія. Скоро они отъ слова перешли къ дѣлу и проявились въ соціалистической пропагандѣ, которая поставила себѣ цѣлью разрушеніе всего существующаго общественнаго строя. Когда же злодѣянія этой партіи вызвали наконецъ реакцію и въ правительствѣ и въ самомъ обществѣ, умѣренное направленіе опять осталось въ накладѣ. При разгарѣ страстей, голосъ благоразумія менѣе всего можетъ расчитывать на успѣхъ. Борьба умѣренныхъ людей съ крайними партіями становится тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ менѣе она находитъ

поддержки въ правительствѣ. Послѣднее, становясь на сторону односторонней реакціи, тѣмъ самымъ способствуетъ развитію другой крайности. Здоровая середина исчезаетъ подъ напоромъ противоположныхъ теченій.

Между тѣмъ, правительство должно дорожить именно этими средними, здоровыми элементами, которые представляютъ истинное зерно просвѣщенія. Движеніе человѣческой мысли состоитъ не только въ открытіи новыхъ путей, но прежде всего въ сохраненіи и упроченіи пріобрѣтеннаго. Въ этомъ заключается истинное существо развитія. Только при этомъ условіи прошедшая работа не пропадаетъ даромъ; только этимъ установляется живая связь поколѣній, составляющая сущность историческаго процесса. Мысль, оторванная отъ своихъ корней, теряетъ почву. Въ общественной жизни, въ особенности, прочно только то, что имѣетъ корни въ прошедшемъ. Не отрицаніе, а постиженіе историческаго содержанія составляетъ задачу науки. Истинное просвѣщеніе старается связать противоположные элементы, становясь посреди между узкимъ и упорнымъ отстаиваніемъ прошлаго и легкомысленнымъ скаканіемъ къ неизвѣстному будущему. Поэтому оно представляетъ самую надежную опору государственнаго порядка, имѣющаго въ виду исполнить настоящую задачу государства—сохранять, улучшая. Поэтому и государство должно имъ дорожить. Отталкивая отъ себя просвѣщенныхъ людей, оно подрываетъ собственныя свои основы. Правительство, которое хочетъ подавить просвѣщеніе, можетъ временно удержать свое положеніе, но оно имѣетъ противъ себя будущее. Ибо просвѣщеніе есть, по существу своему, прогрессирующій элементъ, который или явнымъ натискомъ или тайными изворотами разрушаетъ всѣ преграды и тысячью путями завоевываетъ себѣ большее и большее мѣсто въ человѣческой жизни. Вступить въ борьбу съ элементомъ, одареннымъ такою энергіей и такою эластичностью, есть совершенно безумное предпріятіе, не имѣющее ни малѣйшаго шанса на успѣхъ.

Но если государство должно искать союза съ просвѣщеніемъ, то оно, прежде всего, должно признать въ немъ независимую силу. Съ нимъ можно обращаться, какъ съ ребенкомъ, пока оно само еще ребенокъ. Но какъ скоро оно пришло къ самосознанію и почувствовало свою самостоятельность, къ нему слѣдуетъ относиться съ уваженіемъ, признать въ немъ союзника, съ которымъ надобно считаться, а не орудіе, которымъ можно дѣйствовать по произволу. Поэтому нѣтъ болѣе превратной политики, какъ та, которая всякую самостоятельную мысль считаетъ явленіемъ революціоннымъ и осуждаетъ независимость наравнѣ съ возмущеніемъ. А именно къ этому склонна власть,

не знающая границъ своей воли. Она привыкла видѣть, что въ юридической области все передъ нею склоняется; а тутъ она встрѣчаетъ духовную силу, которая не поддается никакимъ внѣшнимъ требованіямъ и слѣдуетъ только собственному убѣжденію. Въ обществѣ, для котораго безусловное повиновеніе есть законъ, это представляется какимъ-то ненормальнымъ, даже чудовищнымъ явленіемъ. Но если умѣренность, вообще, составляетъ первое требованіе здравой политики, если самоограниченіе есть высшее нравственное свойство власти, то здѣсь эти требованія выдвигаются съ особенною настойчивостью, ибо здѣсь власть имѣетъ дѣло съ силою, которую никакими средствами нельзя удержать въ повиновеніи. Управлять съ независимыми силами, безъ сомнѣнія, гораздо труднѣе, нежели обращаться съ слѣпыми орудіями; но зато результатъ несравненно плодотворнѣе. Надобно только ясно сознавать свою задачу, знать, что государство можетъ дѣлать и чего оно должно искать.

Мѣры, которыя могутъ быть приняты въ этой области, двоякаго рода: отрицательныя и положительныя. Однѣ имѣютъ въ виду предупрежденіе или пресѣченіе вредныхъ и опасныхъ явленій, вторыя — содѣйствіе просвѣщенію.

Мѣры перваго рода требуютъ особенной осторожности, ибо онѣ часто могутъ приносить болѣе вреда, нежели пользы. Безусловно отвергать ихъ нельзя; и тутъ, какъ во всей области политической дѣятельности, все зависитъ отъ временныхъ и мѣстныхъ условій, отъ состоянія общества, отъ его умственнаго уровня, наконецъ отъ образа правленія. Въ свободныхъ государствахъ естественно допускается полная свобода теоретическихъ изысканій, составляющая главное условіе умственнаго развитія. Свобода духа находитъ здѣсь высшую свою гарантію. При неограниченномъ правленіи полная свобода идетъ въ разрѣзъ съ существующими учрежденіями. Здѣсь по необходимости пытливому разуму полагаются границы, сообразно съ требованіями общественной жизни. Онѣ тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ ниже умственный уровень общества, чѣмъ менѣе оно заключаетъ въ себѣ самостоятельныхъ силъ и способности судить о теоретическихъ вопросахъ. Но именно тутъ всего легче, вмѣстѣ съ вредными или опасными проявленіями мысли, подавить и самостоятельные зародыши ея развитія или толкнуть ее на неправильные пути. Мы видѣли, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ въ этомъ отношеніи ложная политика. Можно положить общимъ правиломъ, что предупредительныя мѣры противъ чисто теоретическихъ изысканій всегда составляютъ зло. Онѣ приложимы къ летучей литературѣ, но никакъ не къ книгамъ, которыя во всякомъ случаѣ должны быть изъяты отъ предварительной цензуры.

Безъ этого немыслимо здоровое и правильное умственное развитіе. Самыя мѣры пресѣченія въ отношеніи къ книгамъ должны руководиться закономъ, а не произволомъ. Административныя кары опять-таки приложимы къ ежедневной летучей литературѣ, а не къ сочиненіямъ, на которыя положены нерѣдко цѣлые годы кропотливыхъ изысканій. Изъятіе ихъ отъ произвола требуется уваженіемъ къ мысли и труду. Конечно, и въ объемистомъ сочиненіи можно проводить всякаго рода разрушительныя ученія; но противъ этого долженъ дѣйствовать законъ, а не произволъ. Законъ долженъ опредѣлить, что разрѣшено и что дозволено. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду и состояніе умовъ, и образъ правленія, и религіозныя страсти, наконецъ даже предразсудки общества; но когда закономъ установлены извѣстные предѣлы, писатель знаетъ, что можно говорить и чего нельзя. Онъ не принимается за долголѣтнюю работу, рискуя тѣмъ, что плодъ ея будетъ уничтоженъ случайною прихотью узкаго администратора. Конечно, въ области мысли опредѣлить границы дозволеннаго и недозволеннаго весьма мудрено; тутъ всегда остается широкое поле для оцѣнки. Но именно для этого и существуетъ независимый и безпристрастный судъ, которому эта оцѣнка должна быть поручена. Равно удаленный и отъ односторонности бюрократическихъ взглядовъ и отъ общественныхъ увлеченій, соединяя въ себѣ сознаніе требованій порядка и вниманіе къ существеннымъ желаніямъ общества, онъ одинъ можетъ дать надлежащія гарантіи, какъ власти, взывающей къ карѣ, такъ и мысли, ищущей свободы. Этимъ путемъ всего легче и правильнѣе устанавливается и постепенное расширеніе умственной свободы, составляющее высшую цѣль самыхъ карательныхъ мѣръ. Чѣмъ болѣе зрѣетъ общественная мысль, обставленная надлежащими гарантіями, тѣмъ болѣе эти мѣры становятся безполезными. Высшее развитіе просвѣщенія вовсе ихъ не допускаетъ; съ водвореніемъ духовной свободы онѣ отпадаютъ сами собой.

Совершенно иное значеніе имѣютъ мѣры, содѣйствующія просвѣщенію. И тутъ, какъ сказано, государство должно отказаться отъ мысли, что оно можетъ давать направленіе наукѣ и литературѣ. Но на высшихъ ступеняхъ, также какъ и на низшихъ, оно можетъ и должно имѣть попеченіе о разсадникахъ просвѣщенія, въ которыхъ воспитывается юношество. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* были разсмотрѣны, какъ учрежденія, которыя устроиваются государствомъ, такъ и вопросы, при этомъ возникающіе. Эти вопросы, прежде всего, техническаго свойства, касающіеся педагогіи; ихъ здѣсь не мѣсто обсуждать. Но къ нимъ примѣшиваются и вопросы политическіе. Въ низшихъ школахъ они касаются отношенія къ церкви, въ высшихъ—свободы преподаванія.

Объ отношеніяхъ къ церкви и духовенству мы уже говорили. Мы видѣли, что при всей громадной пользѣ, которую доставляетъ союзъ съ церковью, государство не можетъ отказаться отъ собственнаго завѣдыванія народною школой, а этимъ установляется свѣтскій характеръ послѣдней, ибо государство само есть свѣтское учрежденіе. Здѣсь, какъ и вездѣ, первое правило здравой политики состоитъ въ соображеніи существующихъ условій. Тамъ, гдѣ церковь издавна завѣдывала народною школой и показала въ этомъ дѣлѣ свою силу и свое умѣніе, изъятіе школы изъ ея вѣдомства должно совершаться не иначе, какъ съ величайшею осмотрительностью, только тогда, когда этого настойчиво требуютъ интересы свѣтскаго образованія или когда это вынуждается властолюбивыми притязаніями духовенства. Напротивъ, тамъ, гдѣ школы возникли и устроились дѣятельностью свѣтскихъ лицъ, подчиненіе ихъ церковной власти составляетъ ничѣмъ не оправданное посягательство на ихъ самостоятельность. Если оба элемента, свѣтскій и церковный, оказываютъ одинаковое рвеніе къ этому дѣлу, то предоставленіе имъ свободы, подъ надзоромъ государства, составляетъ наилучшее рѣшеніе вопроса. Но всего хуже искусственное возбужденіе соперничества, тамъ, гдѣ оно въ дѣйствительности не существуетъ. Вмѣсто желаннаго согласія водворяется взаимная вражда, здоровые свѣтскіе элементы отвращаются отъ властолюбивой церкви, а вмѣстѣ и отъ государства, которое поддерживаетъ ея притязанія. Такой порядокъ вещей идетъ наперекоръ тѣмъ цѣлямъ, которыя государство должно поставить себѣ въ народномъ образованіи. И чѣмъ болѣе развивается свѣтское просвѣщеніе, чѣмъ болѣе оно заключаетъ въ себѣ силъ, тѣмъ менѣе оно поддается церковному вліянію. Въ недавнее время проектъ прусскаго правительства, подчиняющій въ нѣкоторой степени народныя школы духовенству, встрѣтилъ такой единодушный отпоръ во всѣхъ просвѣщенныхъ слояхъ общества, что министерство принуждено было взять его назадъ. А такъ какъ свѣтское просвѣщеніе, по существу своему, есть развивающееся начало, то ему и въ этомъ отношеніи принадлежитъ будущее.

Еще въ гораздо высшей степени свободное развитіе свѣтскаго просвѣщенія требуется въ высшихъ школахъ. Относительно университетовъ, задача политики, имѣющей въ виду истинные интересы просвѣщенія, заключается въ томъ, чтобы образовать изъ нихъ самостоятельныя корпораціи, одаренныя внутренними силами и способныя имѣть нравственный авторитетъ надъ обучающимся юношествомъ. Въ первой части курса мы видѣли, что въ этомъ состоитъ истинное существо университетовъ. Они призваны быть не только учебными заведеніями, но и разсадниками науки, центрами умственной дѣятель-

ности. Отъ нихъ зависитъ въ значительной степени настоящее и, еще болѣе, будущее умственное развитіе общества. Но именно это развитіе требуетъ прежде всего свободы, а свобода возможна только при независимомъ положеніи учащей корпораціи. Безъ этого не могутъ создаться ни крѣпкія умственныя силы, ни нравственный авторитетъ. Поэтому, всякія стѣснительныя мѣры, всякія стремленія къ подавленію самостоятельности университетовъ и къ введенію въ нихъ бюрократическаго элемента могутъ принести только вредъ народному просвѣщенію. Чѣмъ послѣдовательнѣе проводятся такія мѣры, тѣмъ значительнѣе проистекающее отъ нихъ зло. Мы уже указывали на печальные плоды такой политики. Она понижаетъ умственный и нравственный уровень общества и возбуждаетъ противъ государства силы, которыя ему полезно имѣть за себя.

Безъ сомнѣнія, о безусловной свободѣ университетскаго преподаванія не можетъ быть рѣчи. Университетъ не есть открытое для всѣхъ поприще, на которомъ каждому предоставляется возвышать свой голосъ. Онъ имѣетъ свое призваніе, которое налагаетъ на него извѣстныя обязанности, а съ тѣмъ вмѣстѣ установляетъ для мысли извѣстныя границы. Эти границы полагаются требованіями науки и преподаванія. Государство не можетъ допустить, чтобъ университетскія каѳедры дѣлались центрами и орудіями разрушительной пропаганды. Но желательно, чтобы всякія уклоненія отъ истинныхъ цѣлей преподаванія пресѣкались собственною внутреннею дѣятельностью и нравственнымъ авторитетамъ корпораціи. Только въ крайнихъ случаяхъ можетъ быть допущено внѣшнее вмѣшательство власти. Условіемъ для этого служитъ хорошій составъ самой корпораціи. Въ этомъ дѣлѣ государство не можетъ оставаться безучастнымъ. Если выборъ профессоровъ полезно предоставить самимъ университетамъ, которые могутъ быть лучшими судьями ученыхъ достоинствъ, то государственной власти во всякомъ случаѣ принадлежитъ право утвержденія. Самовосполняющіяся корпораціи, особенно при невысокомъ уровнѣ образованія и при отсутствіи конкурренціи, легко могутъ обратиться въ замкнутые кружки, покоящіеся на своихъ привилегіяхъ и перестающіе заботиться объ истинномъ своемъ призваніи. Контроль государственной власти полагаетъ этому преграды. Но контроль, въ свою очередь, не долженъ превращаться въ опеку. Государству въ дѣлѣ высшаго просвѣщенія принадлежитъ содѣйствіе, а не руководство, къ которому оно неспособно. Оно никогда не должно упускать изъ вида, что оно имѣетъ дѣло съ независимыми силами, съ которыми надобно обращаться съ уваженіемъ и осторожностью. Просвѣщеніе, болѣе нежели какая-либо другая область, требуетъ бережнаго и

внимательнаго къ нему отношенія. Только многолѣтнее и неуклонное шествіе по намѣченному правильному пути обезпечиваетъ надлежащій успѣхъ. Всякія же реакціонныя мѣры, въ особенности всякія колебанія между послабленіями и произволомъ, здѣсь вреднѣе, нежели гдѣ-либо. Онѣ вносятъ смуту въ умы, возмущаютъ нравственное чувство и подрываютъ необходимый авторитетъ. Здѣсь всего болѣе необходимы ясность взгляда и твердость направленія.

Для того, чтобъ исполнить эту задачу, необходимо, чтобы лица, которымъ ввѣряется управленіе народнымъ просвѣщеніемъ, сами стояли на высотѣ этого просвѣщенія. Повидимому, это—самоочевидное, даже элементарное требованіе; а между тѣмъ, на практикѣ, оно съ разныхъ сторонъ встрѣчаетъ препятствія. Въ конституціонныхъ государствахъ существенною помѣхой служитъ парламентское правленіе, въ которомъ министерскія мѣста замѣщаются далеко не всегда въ видахъ общественной пользы, а обыкновенно въ интересахъ господствующей партіи. Вслѣдствіе этого, управлять народнымъ просвѣщеніемъ часто призываются лица, вовсе къ тому не приготовленныя. Поправкою этому злу можетъ служить только учрежденіе постояннаго Совѣта, независимаго отъ смѣны партій и составленнаго изъ людей, обладающихъ безспорнымъ знаніемъ и авторитетомъ. Если онъ не замѣняетъ иниціативы министерства, то этимъ способомъ, по крайней мѣрѣ, существующій порядокъ ограждается отъ произвола. Въ неограниченныхъ правленіяхъ является помѣха другаго рода. Она заключается въ свойствахъ владычествующей бюрократіи, которой обыкновенно ввѣряется управленіе. Бюрократія всегда склонна къ рутинѣ и формализму; всякое свободное движеніе ей непріятно. Но именно это есть смерть для тѣхъ независимыхъ силъ, съ которыми ей приходится имѣть дѣло. Онѣ неизбѣжно глохнутъ, какъ скоро онѣ поддаются ея вліянію; если же онѣ оказываются непокорными, ихъ признаютъ революціонными, и тогда начинается глухая борьба, въ которой окончательно гибнутъ интересы просвѣщенія. Отъ управляющихъ лицъ требуется уже не пониманіе истинныхъ его задачъ, а податливость реакціоннымъ теченіямъ и полное презрѣніе ко всякому свободному движенію мысли. При такихъ условіяхъ, о сколько-нибудь разумной системѣ, конечно, не можетъ быть рѣчи. Бюрократическое управленіе есть пагуба истиннаго просвѣщенія. Если, вообще, неуваженіе къ независимымъ общественнымъ силамъ производитъ разстройство государственной жизни, то нигдѣ это зло не выражается такъ ярко, какъ именно здѣсь. Въ политикѣ нельзя не настаивать на той основной истинѣ, что государство не есть только организація силы, а сложная система, состоящая изъ разнообразныхъ элементовъ. Подчиненіе по-

слѣднихъ высшему единству не исключаетъ относительной ихъ самостоятельности, а требуетъ, напротивъ, внимательнаго соображенія съ свойствами каждаго и съ присущими имъ силами и способностями. Чѣмъ болѣе эти силы имѣютъ духовный характеръ, тѣмъ менѣе онѣ поддаются внѣшнему принужденію и тѣмъ бережнѣе слѣдуетъ къ нимъ относиться.

На этихъ началахъ основано и самое устройство государственнаго управленія, которое мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

Централизація и мѣстное самоуправленіе.

Два элемента соединяются въ организаціи государственнаго управленія: государственный и общественный. Еслибы государство было только явленіемъ силы, то вся его задача ограничивалась бы хорошимъ подборомъ и устройствомъ собственныхъ орудій. Но такъ какъ оно представляетъ сложный организмъ, составленный изъ свободныхъ лицъ и разнообразныхъ общественныхъ группъ, имѣющихъ свою собственную силу и дѣятельность, то необходимо предоставить послѣднимъ извѣстное участіе въ управленіи, стараясь лишь связать ихъ такъ, чтобъ онѣ въ существенныхъ вопросахъ подчинялись центральной власти и дѣйствовали согласно для общей пользы. Въ этомъ и состоитъ задача политики.

Собственное орудіе государства, какъ мы уже видѣли, есть бюрократія, или чиновничество. Она имѣетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ больше политическое тѣло организуется дѣйствіемъ сверху. Въ созданіи государствъ новаго времени она играла первенствующую роль. Она была главнымъ орудіемъ монарховъ въ собираніи земли и въ устроеніи государственныхъ силъ. Даже тамъ, гдѣ государство сложилось не столько дѣйствіемъ сверху, сколько соглашеніемъ общественныхъ элементовъ, и гдѣ, поэтому, послѣдніе являются почти исключительными факторами административной системы, недостатки такого рода устройства рано или поздно вызываютъ дѣятельность сверху, а съ тѣмъ вмѣстѣ и развитіе бюрократическаго начала. Это и случилось въ Англіи въ теченіи нынѣшняго столѣтія.

Но являясь необходимымъ орудіемъ власти и важнѣйшимъ дѣятелемъ въ административной области, бюрократія имѣетъ свои, присущіе ей недостатки, которые, даже при наилучшемъ ея устройствѣ, отзываются вредно на государственной жизни. Мы видѣли ту жестокую критику, которой баронъ Штейнъ подвергалъ прусское чиновничество, занимающее одно изъ первыхъ мѣстъ по своему трудолюбію, честно-

сти и образованію. Тамъ, гдѣ эти качества существуютъ въ меньшей мѣрѣ или даже вовсе отсутствуютъ, недостатки выступаютъ еще съ несравненно большею силой.

Бюрократія, по существу своему, есть элементъ оторванный отъ почвы. Она представляетъ чистое орудіе власти, безъ всякой связи съ общественною жизнью; отсюда упреки Штейна, что она не имѣетъ ни собственности, ни интересовъ, что она заботится только о полученіи жалованья, а до остальнаго ей дѣла нѣтъ. Чѣмъ менѣе она обставлена общественными элементами и чѣмъ менѣе она принуждена съ ними считаться, тѣмъ ярче проявляется это отрѣшеніе отъ живой дѣйствительности. Провинціи управляются людьми, которые совершенно имъ чужды, которые не знаютъ ни мѣстныхъ условій, ни мѣстныхъ интересовъ, которыхъ задача состоитъ не въ удовлетвореніи общественныхъ потребностей, а въ томъ, чтобы воспользоваться подчиненнымъ имъ матеріаломъ для правительственныхъ цѣлей. А между тѣмъ, важнѣйшія цѣли государства этимъ всего менѣе достигаются. Правительство воображаетъ, что расширяя власть своихъ орудій оно увеличиваетъ свою силу; въ дѣйствительности оно ее умаляетъ, ибо оно теряетъ настоящіе свои корни и остается зданіемъ, висящимъ на воздухѣ.

При такихъ условіяхъ, въ бюрократіи развивается свой собственный интересъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы властвовать безгранично и нигдѣ не встрѣчать препятствій. Поэтому, всякое свободное движеніе общественныхъ силъ заподозривается, какъ революціонное; самодѣятельность общества по возможности подавляется; произволъ водворяется всюду. Но такъ какъ для проявленія силы нужно имѣть поддержку сверху, то все вниманіе устремляется на то, чтобъ угодить начальству, отъ котораго зависитъ вся судьба чиновниковъ. Съ произволомъ къ низу соединяется раболѣпство къ верху. При нераздѣльномъ господствѣ бюрократіи эти черты проникаютъ весь общественный бытъ и становятся отличительными его свойствами, а это ведетъ къ полному нравственному упадку общества. Въ немъ исчезаетъ всякая независимость; она становится источникомъ подозрѣній и даже проскрипцій.

Этимъ извращается и самое управленіе. Угодливость состоитъ не только въ томъ, чтобы безпрекословно исполнять все, что приказано, и даже предупреждать желанія, но и въ томъ, чтобы представлять положеніе вещей въ видѣ пріятномъ для начальства. Вслѣдствіе этого, всѣ дѣйствія и послѣдствія управленія выставляются въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, а все, что нарушаетъ гармонію картины, тщательно скрывается. Только то зло, которое невозможно уже утаить, доводится до свѣдѣнія высшаго правительства, при чемъ, разумѣется, вина

всегда падаетъ не на управленіе, которое вызываетъ зло, а на тѣхъ, которые ему противодѣйствуютъ. Относительно послѣднихъ нерѣдко намѣренно сгущаются краски, чтобы показать всю пользу административной дѣятельности и необходимость предоставленія ей широкихъ полномочій. Такимъ образомъ, дѣйствительное положеніе вещей, прошедши черезъ бюрократическія донесенія, является въ совершенно превратномъ видѣ; тѣ, которые стоятъ на верху, не имѣютъ на малѣйшаго понятія о томъ, что совершается внизу. Они намѣренно вводятся въ обманъ и по неволѣ даютъ рѣшенія, противорѣчащія существу дѣла. Оффиціальная ложь становится господствующимъ явленіемъ общественной жизни; она проникаетъ всюду и все отравляетъ. Чѣмъ болѣе бюрократія получаетъ преобладающее значеніе, чѣмъ менѣе допускается свободный голосъ общества и самодѣятельность общественныхъ силъ, тѣмъ болѣе это зло становится глубокимъ и вопіющимъ. Въ государственной жизни образуются два противоположныхъ міра, бумажный и дѣйствительный, которые не имѣютъ между собой ничего общаго.

На эту бумажную дѣятельность уходитъ значительнѣйшая часть вниманія и силъ бюрократіи. Оторванная отъ жизни, она все свое время посвящаетъ бумагомаранію. Мы видѣли, какъ Штейнъ презрительно отзывался о прусскихъ чиновникахъ, которые „все пишутъ, пишутъ, пишутъ въ уединенныхъ, снабженныхъ хорошо запирающимися дверями канцеляріяхъ, неизвѣстные, незамѣченные, безславные, и воспитываютъ своихъ дѣтей такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ такія же пишущія машины“. Это изображеніе приложимо ко всѣмъ странамъ, въ которыхъ бюрократическое управленіе замѣняетъ собою все остальное. Канцелярія становится рѣшающимъ элементомъ во всѣхъ дѣлахъ, главною силой государства. А задача канцеляріи состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать настоящее дѣло, а въ томъ, чтобъ отписаться. Всякій интересъ къ живому дѣлу пропадаетъ; все вниманіе сосредоточивается на количествѣ входящихъ и исходящихъ бумагъ, ибо это служитъ мѣриломъ дѣятельности и усердія. Отсюда накопленіе громадныхъ вороховъ ненужныхъ дѣлъ и фоліантовъ безплодной переписки. Что разъ попало въ этотъ бездонный омутъ, то имѣетъ мало шансовъ когда-либо увидѣть свѣтъ Божій, а если наконецъ, съ помощью невѣроятныхъ хлопотъ и протекцій, получается результатъ, онъ обыкновенно является въ такомъ извращенномъ видѣ, что лучше было даже вовсе не приниматься за дѣло.

При такихъ условіяхъ, медленность дѣлопроизводства становится величайшимъ зломъ управленія. Иногда проходятъ цѣлые годы прежде, нежели получится рѣшеніе, между тѣмъ какъ именно въ этой области

быстрота дѣйствій составляетъ первую потребность. Къ этому присоединяются рутина и формализмъ, которые являются главными тормазами всякаго полезнаго начинанія. Оторванная отъ дѣйствительной жизни, погруженная въ бумажное дѣлопроизводство, канцелярія вся поглощена формою, за которою забывается содержаніе. Формальныя препятствія служатъ всегда удобнымъ поводомъ къ перепискѣ и къ умноженію исходящихъ. Они же избавляютъ отъ необходимости подумать и сообразить обстоятельства дѣла и наилучшее его рѣшеніе. Какъ оно рѣшится, канцеляріи все равно; нужно только провести его черезъ бумажную процедуру и, главное, устранить отъ себя всякую отвѣтственность. Лучшимъ для этого средствомъ служитъ соблюденіе заведеннаго порядка, который, къ тому же, не требуетъ никакой умственной работы. Онъ даруетъ спокойствіе и служитъ оправданіемъ. Вслѣдствіе этого, привязанность къ рутинѣ является отличительною чертой бюрократическихъ порядковъ. Все, что выводитъ канцелярію изъ ея соннаго равнодушія, для нея непріятно. Поэтому ярые бюрократы являются самыми горячими противниками всякихъ нововведеній. Если же они, побуждаемые сверху или подъ вліяніемъ окружающихъ общественныхъ теченій, принимаются за реформы, то они обыкновенно дѣлаютъ это во имя чисто теоретическихъ началъ, безъ всякаго соображенія съ дѣйствительностью и, главнымъ образомъ, съ цѣлью расширить бюрократическую дѣятельность устраненіемъ всякихъ независимыхъ элементовъ и подведеніемъ всѣхъ къ одному уровню, удобному для господства. Бюрократъ, въ которомъ не замерло живое отношеніе къ дѣйствительности и который старается окружить себя общественными силами, составляетъ рѣдчайшее явленіе. Только весьма выдающіеся люди сохраняютъ для этого достаточно свѣжести и энергіи.

Обыкновенно же бюрократическій порядокъ дѣйствуетъ убійственнымъ образомъ на человѣческія способности. Молодой человѣкъ, кончившій курсъ наукъ, нуждается въ практическомъ воспитаніи. Оно дается ему тамъ, гдѣ среда, въ которой онъ дѣйствуетъ, способствуетъ правильному развитію его силъ, гдѣ онъ смолоду привыкаетъ къ нѣкоторой отвѣтственности. Въ бюрократической іерархіи все совершается какъ разъ наоборотъ. Запрягаясь въ эту машину, человѣкъ съ первыхъ шаговъ привыкаетъ видѣть въ себѣ только страдательное колесо, исполняющее извѣстныя формальныя обязанности и не несущее никакой отвѣтственности. Все, что въ немъ было живаго, дѣятельнаго, энергическаго, постепенно глохнетъ въ рутинѣ и формализмѣ, и когда онъ достигаетъ наконецъ высшихъ ступеней, гдѣ онъ можетъ явиться самостоятельнымъ дѣятелемъ, на него легла уже неизгладимая печать многолѣтняго прохожденія бюрократическихъ

степеней, въ немъ исчезли всѣ свѣжія силы, всѣ широкіе взгляды; онъ высохъ и поблекъ: изъ человѣка онъ сдѣлался чиновникомъ. Тѣ же, которые старѣютъ на низшихъ ступеняхъ, подвергаются еще худшему изможденію. Чинолюбіе и чинопочитаніе становятся ихъ отличительными свойствами, главными интересами жизни. Узкость и мелочность взглядовъ и понятій дѣлаетъ ихъ совершенно неспособными къ какой-либо плодотворной дѣятельности. Хорошо еще, когда общій нравственный уровень чиновничества таковъ, что онъ ограждаетъ служащаго отъ искушеній личнаго интереса. Тамъ, гдѣ этотъ уровень низокъ, получается картина поистинѣ ужасающая. Лихоимство становится кореннымъ зломъ, проникающимъ всѣ общественныя сферы, отъ котораго нѣтъ спасенія. Рядомъ съ формализмомъ, равнодушнымъ ко всякому дѣлу, выказывается самый беззастѣнчивый произволъ, безучастность ко всему человѣческому. Намъ, Русскимъ, эти явленія весьма хорошо извѣстны. Они памятны всѣмъ, кто жилъ въ дореформенное время. Они переданы потомству и въ запискахъ современниковъ и въ безсмертныхъ твореніяхъ Гоголя.

Понятно, что для государства не можетъ быть болѣе настоятельной потребности, какъ поднятіе уровня и правильная организація этого необходимаго ему орудія. Мы уже видѣли, что подборъ людей составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ государственной власти. Но когда этотъ подборъ предоставленъ чистому произволу, онъ становится дѣломъ случайности. Въ бюрократическомъ порядкѣ, гдѣ отъ вершины идетъ обширная организація, развѣтвляющаяся по всѣмъ концамъ земли, это менѣе всего допустимо. Лице, стоящее на верху, можетъ не обладать тѣмъ глубокимъ знаніемъ людей, которое требуется для хорошаго выбора. Чѣмъ болѣе его окружаютъ соблазны, чѣмъ болѣе оно является предметомъ угодливости и лести, тѣмъ легче оно можетъ быть обмануто. Ближайшіе совѣтники обыкновенно имѣютъ въ виду прежде всего удержать свои мѣста, а для этого требуется устранить всякое опасное соперничество; вслѣдствіе этого, способные люди не только не выдвигаются, а, напротивъ, устраняются. На всѣхъ ступеняхъ іерархіи господствуютъ угодливость, непотизмъ и протекція. По извѣстному изреченію Бомарше: „быть посредственнымъ и ползать, съ этимъ всего можно достигнуть“ [1]). Въ представительныхъ государствахъ къ этому присоединяется необходимость угодить людямъ, которыхъ поддержка нужна при выборахъ или въ парламентѣ. Вмѣсто того, чтобы служить орудіемъ для общественныхъ цѣлей, управленіе становится такимъ образомъ поприщемъ, на которомъ разыгрываются всякіе частные интересы.

1) Médiocre et rampant, avec cela on parvient à tout.

Умалить это неизбѣжное зло можно только установленіемъ общихъ условій и правильнаго порядка восхожденія по служебной лѣствицѣ.

Первое и главное условіе состоитъ въ требованіи образованія. Только этимъ можно поднять умственный уровень бюрократіи. Извѣстно, какой вопль поднялся у насъ противъ направленныхъ къ этой цѣли указовъ Сперанскаго въ средѣ, гдѣ невѣжество было исконнымъ и господствующимъ явленіемъ. Въ образованныхъ государствахъ дипломы учебныхъ заведеній и служебные экзамены служатъ путемъ къ занятію высшихъ должностей. Въ этомъ отношеніи можно зайти даже слишкомъ далеко. Загроможденіе памяти книжными свѣдѣніями не всегда служитъ хорошимъ приготовленіемъ къ практическому дѣлу; оно можетъ даже дѣйствовать убійственно на способности. Изъ этого выходитъ та воспитанная на книгахъ и оторванная отъ жизни бюрократія, противъ которой возставалъ Штейнъ. Нерѣдко случается и то, что обучавшійся высшимъ наукамъ молодой человѣкъ, попадая въ канцелярію или на мѣсто, требующее чисто механической работы, разочаровывается въ своихъ занятіяхъ, относится къ нимъ небрежно и погружается въ апатію. Поэтому, въ высшей степени важно первоначальное руководство молодыхъ людей на служебномъ поприщѣ, умѣніе ихъ направить, заинтересовать ихъ дѣломъ, давать имъ порученія, связанныя съ нѣкоторою отвѣтственностью. На это обыкновенно обращаютъ слишкомъ мало вниманія, а между тѣмъ это—самое надежное средство обезпечить хорошій подборъ людей.

Если образованіе служитъ главнымъ условіемъ для поднятія умственнаго уровня служащихъ, то для поддержанія ихъ нравственнаго уровня необходимо болѣе или менѣе обезпеченное положеніе. Когда служащій не въ состояніи содержать себя жалованьемъ, онъ волею или неволею обращается къ другимъ путямъ, часто незаконнымъ, пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ для полученія частныхъ выгодъ, и за это съ него нельзя взыскивать, ибо ѣсть ему нужно. Ничтожные оклады служатъ вѣрнымъ средствомъ для распространенія лихоимства, а разъ оно внѣдрилось, оно охватываетъ и высшія ступени, гдѣ имъ удовлетворяются уже не матеріальныя нужды, а потребности роскоши. Всего хуже, когда въ высшихъ сферахъ получаются громадные оклады, а въ низшихъ служащіе нищенствуютъ. Тутъ къ матеріальной нуждѣ присоединяются чувства оскорбленія и зависти. Это—лучшая почва для распространенія революціонныхъ идей. Конечно, государство не можетъ всѣхъ своихъ служащихъ поставить въ условія безбѣднаго существованія. Чѣмъ оно само бѣднѣе,

тѣмъ менѣе оно въ состояніи это сдѣлать. Но требуется не избытокъ, а во всякомъ случаѣ обезпеченіе необходимаго. Здѣсь, какъ и вездѣ, средній уровень есть то, къ чему слѣдуетъ стремиться.

Къ матеріальному обезпеченію должно присоединяться и нравственное огражденіе. Надобно, чтобы служащій, добросовѣстно исполняющій свои обязанности, зналъ, что имъ не могутъ помыкать по произволу и лишить его того, на что онъ имѣетъ право. Только этимъ охраняется въ немъ чувство нравственнаго достоинства, а также и любовь къ своему дѣлу. Лишь при такомъ условіи возможно развитіе класса честныхъ и трудолюбивыхъ чиновниковъ, какой требуется въ государственномъ управленіи. Но именно въ этомъ отношеніи бюрократическая служба представляетъ наиболѣе затрудненій. Административный чиновникъ — не судья, который изрекаетъ приговоръ по своей совѣсти, а потому можетъ и долженъ быть поставленъ въ совершенно независимое положеніе. Администраторъ обязанъ исполнять приказанія начальства. Отъ усмотрѣнія этого начальства зависитъ оцѣнка его дѣятельности и его способностей. Тутъ произволъ неизбѣжно играетъ болѣе или менѣе значительную роль. Если, какъ дѣлается въ Германіи (I, кн. 5, гл. 3), положеніе чиновниковъ обставляется болѣе или менѣе значительными гарантіями, если самое прохожденіе службы совершается въ строгомъ законномъ порядкѣ, то этимъ самымъ приносятся въ жертву нѣкоторыя изъ существенныхъ качествъ хорошаго управленія: подвижность, рѣшительность, быстрота. Именно черезъ это бюрократія превращается въ неуклюжую, неповоротливую машину, въ которой господствуютъ рутина и формализмъ и глохнутъ высшія человѣческія способности.

Чѣмъ сложнѣе и совершеннѣе бюрократическій механизмъ, тѣмъ необходимѣе рядомъ съ нимъ открыть для этихъ высшихъ способностей другое, болѣе широкое поприще, гдѣ онѣ могутъ развиваться и выказываться на просторѣ. Въ представительныхъ государствахъ такимъ поприщемъ служитъ парламентская дѣятельность. Она даетъ то, чего не въ состояніи дать никакая бюрократія; здѣсь, въ живой борьбѣ силъ при обсужденіи высшихъ государственныхъ вопросовъ, выдвигаются способнѣйшіе люди, во всей свѣжести ихъ политическаго таланта, не связаннаго рутинными формами и незаглохшаго въ многолѣтнемъ восхожденіи по чиновной лѣствицѣ. Парламентъ служитъ разсадникомъ истинно государственныхъ людей, широко понимающихъ общественныя задачи и умѣющихъ ихъ осуществить. Въ этой школѣ воспитывались англійскіе государственные люди, которые могутъ служить образцомъ практическаго такта и политической мудрости. Въ ней воспитывается и самое общественное мнѣніе, которое пріобрѣ-

таетъ черезъ это политическій смыслъ и способность здраво судить о людяхъ и вещахъ. Въ государствахъ, гдѣ политическое представительство не существуетъ, эта школа должна замѣняться широкимъ развитіемъ мѣстнаго самоуправленія, которое, хотя въ меньшей степени, давало бы возможность свободнаго проявленія и развитія человѣческихъ силъ и способностей, помимо узкихъ рамокъ бюрократической среды. Выборныя должности, связанныя не съ однимъ только внѣшнимъ почетомъ, а съ настоящею практическою дѣятельностью и отвѣтственностью, могутъ служить разсадникомъ полезныхъ государственныхъ дѣятелей, если только правительство умѣетъ ими пользоваться и выбираетъ людей не по ихъ податливости, а по ихъ способностямъ.

Широкое развитіе общественной самодѣятельности необходимо и для самой бюрократіи. Это одно, что ставитъ ее въ надлежащія рамки и исправляетъ многіе изъ присущихъ ей недостатковъ. Только въ постоянномъ, живомъ соприкосновеніи съ независимыми общественными силами она въ состояніи выйдти изъ своей рутинной инерціи и наполнить свою формальную дѣятельность жизненнымъ содержаніемъ. Только встрѣчая всюду живыя преграды, она привыкаетъ сдерживать свой произволъ и пріобрѣтаетъ умѣніе ладить съ свободными людьми, не требуя отъ нихъ безусловнаго подчиненія, а оказывая имъ уваженіе и стараясь удовлетворить законнымъ ихъ нуждамъ, что̀ и составляетъ истинную цѣль управленія. Именно въ административной области всего болѣе необходимо взаимное ограниченіе независимыхъ силъ, которое одно обезпечиваетъ свободу и права гражданъ, а вмѣстѣ и законный ходъ правительственной дѣятельности. Безграничный произволъ администраціи есть худшее, что можетъ представлять управленіе. Но противъ него безсиленъ контроль отдаленной центральной власти; его могутъ сдерживать только независимыя общественныя силы.

Изъ этого ясно, что государственное управленіе тогда только достигаетъ истинной своей цѣли, когда оно слагается изъ различныхъ, сдерживающихъ другъ друга элементовъ. Мы видѣли, что оно раздѣляется на центральное и мѣстное. Разсмотримъ характеръ и свойства обоихъ.

Съ бюрократіей тѣсно связана централизація, то-есть, подчиненіе мѣстнаго управленія центральной власти, къ которой восходятъ важнѣйшія мѣстныя дѣла и которая по всѣмъ концамъ страны разсылаетъ свои приказанія. Бюрократія именно и служитъ органомъ этой системы. Токвиль, а за нимъ многіе другіе публицисты, допуская политическую централизацію, касающуюся общегосударственныхъ дѣлъ, возстаютъ противъ централизаціи административной, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Они видятъ въ ней величайшее орудіе деспотизма и па-

губу государства. Управленіе, при такой системѣ, превращается въ мертвую машину, получающую направленіе сверху и подавляющую въ обществѣ всякую самодѣятельность. Этотъ вопросъ горячо обсуждался въ особенности во Франціи, гдѣ централизація дѣйствительно достигла преувеличенныхъ размѣровъ. Но признавая тотъ вредъ, который можетъ произойти отъ чрезмѣрнаго развитія этого начала, нельзя не сказать, что критика его противниковъ страдаетъ значительной односторонностью.

Хорошо организованная централизація безспорно представляетъ весьма крупныя выгоды. Во-первыхъ, она придаетъ единство и силу правительственной власти, а въ этомъ состоитъ первая потребность государства. Посредствомъ централизаціи верховная власть можетъ быстро, энергически и безпрепятственно дѣйствовать на всѣхъ концахъ территоріи. Вездѣ она находитъ готовыя орудія и средства. Располагая громадными силами, она можетъ свободно передвигать ихъ съ мѣста на мѣсто по мѣрѣ нужды. Сопротивленіе здѣсь почти невозможно. Администрація дѣйствуетъ, какъ одинъ человѣкъ, не встрѣчая препятствій. Этимъ необыкновенно облегчается дѣйствіе и достигаются такая энергія и такая быстрота, которыя при другой системѣ немыслимы.

Во-вторыхъ, относительно самаго рѣшенія мѣстныхъ дѣлъ, центральная власть имѣетъ нѣкоторыя неоспоримыя достоинства. Она возвышается надъ мѣстными партіями, отношеніями и интересами. Играя роль безпристрастнаго судьи, который имѣетъ въ виду только благо цѣлаго, она охраняетъ интересы меньшинства противъ несправедливыхъ рѣшеній или пренебреженія со стороны большинства, а также интересы будущихъ поколѣній противъ неблагоразумныхъ и своекорыстныхъ стремленій настоящихъ.

Въ-третьихъ, центральная власть обыкновенно обладаетъ и бо́льшимъ знаніемъ дѣла. Если она менѣе знакома съ мѣстными потребностями, зато она часто видитъ дальше и шире, она лучше соображаетъ отношенія различныхъ частей управленія, наконецъ она обладаетъ административными и юридическими понятіями, которыя слишкомъ часто отсутствуютъ на мѣстахъ.

Въ-четвертыхъ, располагая бо́льшими средствами, она въ состояніи сдѣлать то, что не подъ силу отдѣльнымъ мѣстностямъ. Она приходитъ на помощь мѣстностямъ бѣднымъ, а гдѣ есть пособіе, тамъ есть и контроль. При недостаткѣ мѣстныхъ силъ, она посылаетъ собственныхъ агентовъ, которые вносятъ новую жизнь въ провинціальную глушь. Хорошій администраторъ иногда въ нѣсколько лѣтъ можетъ сдѣлать для провинціи больше, нежели мѣстное управленіе

могло бы совершить въ теченіи полувѣка. Во Франціи памятно управленіе Тюрго въ Лимузенѣ.

Въ-пятыхъ, центральная власть обыкновенно обладаетъ и большею иниціативой. Имѣя въ виду общія потребности, она понуждаетъ мѣстныя власти выходить изъ рутиннаго покоя и приняться за улучшенія. Въ Англіи реформы мѣстнаго управленія, какъ-то: общественнаго призрѣнія, городскаго хозяйства, полиціи, начались, когда за нихъ дѣятельно принялась центральная власть. Во Франціи, при введеніи закона о народномъ образованіи, въ 1833 году, правительство принуждало многія общины давать деньги, въ которыхъ онѣ отказывали.

Въ-шестыхъ, центральная власть одна можетъ соображать мѣстныя потребности съ государственными. Тѣ и другія находятся въ тѣсной связи. Общіе финансы, общая безопасность и общее благосостояніе зависятъ отъ мѣстныхъ финансовъ, отъ мѣстной безопасности и отъ мѣстнаго благосостоянія. Центральная власть воздерживаетъ рѣшенія мѣстныхъ властей, не соотвѣтствующія государственнымъ интересамъ, и распространяетъ на всѣ мѣстности мѣры необходимыя для всѣхъ. Только съ помощью централизаціи установляется истинная солидарность между различными частями государства; послѣднее становится организмомъ, живущимъ общею жизнью.

Рядомъ съ этими неоспоримыми выгодами централизація, особенно при плохомъ устройствѣ и при отсутствіи всякаго общественнаго контроля, можетъ однако сдѣлаться источникомъ величайшихъ золъ. Они отчасти лежатъ въ самомъ ея существѣ, но они значительно усиливаются тѣми условіями, среди которыхъ она дѣйствуетъ, и въ особенности стремленіемъ всякой односторонней системы преувеличивать свое начало. Недостатки ея слѣдующіе:

Во-первыхъ, стоя на вершинѣ зданія, центральная власть часто не имѣетъ надлежащаго знакомства съ мѣстными дѣлами. Она видитъ ихъ издали, большею частью на бумагѣ, черезъ посредство бюрократіи, которая, какъ мы видѣли, нерѣдко представляетъ ихъ въ совершенно искаженномъ видѣ. Вслѣдствіе этого, исходящія отъ центра рѣшенія часто идутъ въ разрѣзъ съ истинными потребностями населенія, а принимаемыя ею общія мѣры оказываются неприложимыми къ мѣстнымъ условіямъ.

Во-вторыхъ, центральная власть не имѣетъ и достаточно интереса въ мѣстныхъ дѣлахъ. Ея вниманіе устремлено въ другую сторону; она имѣетъ въ виду общія государственныя потребности и политическое положеніе. Мѣстные интересы кажутся ей слишкомъ мелкими и ничтожными; у нея нѣтъ достаточнаго побужденія ими заняться, и она

ими пренебрегаетъ, полагаясь на своихъ агентовъ. Къ этому присоединяется духъ однообразія, которымъ бываетъ одержимо центральное правительство. Оно все хочетъ подвести подъ одну мѣрку, вездѣ ввести одинакія правила, упуская изъ вида разнообразіе условій и потребностей. Мѣстной жизни не позволяютъ развиваться самостоятельно; она движется по предписаніямъ сверху.

Въ-третьихъ, централизація неизбѣжно ведетъ къ медленности въ производствѣ дѣлъ. Если исходящія сверху приказанія исполняются быстро, то восходящія къ верху и возвращающіяся обратно бумаги, проходя черезъ многоразличныя инстанціи, претерпѣваютъ убійственное замедленіе. Канцелярское производство съ дѣломъ не спѣшитъ: часто нужны справки и сношенія, иногда совершенно пустыя, которыя идутъ тѣмъ же порядкомъ. А между тѣмъ, на мѣстѣ дѣло не терпитъ; зло можетъ сдѣлаться неисправимымъ, прежде нежели получится надлежащее разрѣшеніе. Въ самыхъ центральныхъ управленіяхъ накопляется такое множество дѣлъ, которое почти превосходитъ человѣческія силы. Министры принуждены проводить бо́льшую часть времени въ томъ, что подписываютъ бумаги, о которыхъ имѣютъ самое поверхностное понятіе. Ничтожныя дѣла отвлекаютъ ихъ отъ болѣе важныхъ.

Въ-четвертыхъ, обыкновеннымъ спутникомъ медленности является формализмъ. Все, что сказано выше о недостаткахъ бюрократическаго дѣлопроизводства, не только прилагаются вполнѣ къ централизаціи, но и усиливается ею. При централизаціи формализмъ необходимъ, ибо однообразная форма одна даетъ возможность быстро обозрѣвать дѣла и знакомиться съ ихъ содержаніемъ. Только при установленіи общей формы всякій знаетъ, что ему дѣлать и гдѣ что найти. Чѣмъ сложнѣе машина и чѣмъ больше накопляется дѣлъ, тѣмъ это требованіе становится настоятельнѣе. Но именно черезъ это водворяется господство бумажнаго производства, отрѣшеннаго отъ дѣйствительности и убивающаго всякое живое содержаніе.

Въ-пятыхъ, при такомъ искусственномъ привлеченіи всѣхъ важныхъ и даже неважныхъ дѣлъ къ центру, послѣдній получаетъ неподобающее развитіе, въ ущербъ оконечностямъ. Все сосредоточивается въ столицѣ, а въ провинціяхъ всякая жизнь глохнетъ и замираетъ. Выходитъ уродливое тѣло съ непомѣрно развитою головой и атрофированными членами. Это явленіе замѣчается именно во Франціи. Вслѣдствіе этого, ударъ, направленный въ голову, имѣетъ результатомъ пораженіе всего организма. Всякій переворотъ, совершающійся въ Парижѣ, встрѣчаетъ въ провинціяхъ немедленную и безпрекословную покорность.

Но всего хуже, въ-шестыхъ, то, что эта система отучаетъ гражданъ отъ самодѣятельности. Они привыкаютъ во всемъ ожидать рѣшеній отъ правительства, за всѣмъ обращаться къ государству. Собственная иниціатива глохнетъ, всякая энергія исчезаетъ. И у частныхъ лицъ и у мѣстныхъ властей опускаются руки, когда всякое начинаніе обставлено безчисленными формальностями и должно пройти черезъ безконечный рядъ инстанцій прежде, нежели получится какой-нибудь результатъ, иногда вовсе даже не тотъ, который желателенъ. То свободное развитіе силъ, та бодрая увѣренность въ себѣ, которыя составляютъ признаки крѣпкаго народа, здѣсь совершенно теряются.

При такихъ великихъ качествахъ и столь же крупныхъ недостаткахъ, централизація очевидно имѣетъ большее или меньшее значеніе, смотря по условіямъ, среди которыхъ она дѣйствуетъ, и тѣмъ потребностямъ, которымъ она отвѣчаетъ. Жизнь вызываетъ преобладаніе той или другой ея стороны, дѣлаетъ ее полезною или вредною. Поэтому нельзя судить о ней отвлеченно, а надобно разсматривать ее въ отношеніи къ состоянію общества, къ которому она прилагается.

Здѣсь, какъ и во всѣхъ явленіяхъ государственной жизни, повторяется общій законъ, что чѣмъ меньше единства въ обществѣ, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть. Поэтому, централизація прежде всего необходима при созданіи сильныхъ государствъ. Тамъ, гдѣ общество раздроблено на мелкіе союзы, облеченные болѣе или менѣе державными правами, и одна часть населенія порабощена другой, подчиненіе всѣхъ общему центру можетъ быть произведено только дѣйствіемъ сверху. Центральная власть принуждена шагъ за шагомъ собирать раздробленные члены, подчинять себѣ одно за другимъ права, на которыхъ утверждается самостоятельность мѣстныхъ властей, наконецъ давать защиту подвластному населенію. Этимъ путемъ создается живое единство народа, безъ котораго чисто политическое объединеніе остается мертвой формою. Дѣйствіемъ центральной власти разносятся всюду общія понятія и привычки, создаются общія условія и удобства жизни; передъ всѣми воздвигается единое отечество, въ которомъ всѣ чувствуютъ себя солидарными. Въ этомъ заключается историческое значеніе централизаціи въ европейскихъ государствахъ. Упускать это изъ вида, какъ дѣлалъ Токвиль въ своей книгѣ о *Старомъ порядкѣ и Революціи*, есть анти-историческій пріемъ.

Тѣже потребности являются и послѣ глубокихъ потрясеній, когда взаимныя отношенія общественныхъ классовъ обострились и по всѣмъ концамъ земли кипитъ мелкая, но упорная борьба страстей и инте-

ресовъ. При такихъ условіяхъ, только усиленная централизація можетъ водворить миръ и упрочить новый порядокъ. Таково именно было положеніе Франціи послѣ Революціи. Не паденіе старыхъ преградъ, какъ думалъ Токвиль, а новыя потребности, вытекшія изъ переворота, вызвали деспотизмъ Наполеона. Поэтому, установленная имъ централизація сохранилась даже послѣ его паденія, когда водворились либеральныя учрежденія. Именно она дала новому общественному порядку ту устойчивость, которая позволила Франціи противостоять всѣмъ послѣдующимъ переворотамъ. Политическая власть ниспровергалась, но администрація стояла незыблемо, и подъ ея покровительствомъ общество быстро оправлялось отъ всѣхъ потрясеній. Эту заслугу не слѣдуетъ умалять.

Наконецъ, централизація необходима и тамъ, гдѣ государству грозитъ постоянная внѣшняя опасность. Тутъ центральная власть должна имѣть всѣ государственныя силы подъ руками и располагать ими мгновенно, при первой потребности. Всякое промедленіе или задержка могутъ быть гибельны. Таково положеніе Франціи въ настоящее время. Мы видимъ, что не политическія заблужденія, не стремленіе правителей къ деспотизму, а временныя и мѣстныя условія народной жизни вызываютъ тотъ или другой порядокъ управленія. Критика централизаціи, упускающая ихъ изъ вида, по необходимости будетъ односторонняя и поверхностная.

Но тамъ, гдѣ этихъ условій нѣтъ, несомнѣнно, что избытокъ централизаціи можетъ породить величайшее зло; тутъ выступаетъ уже не полезная, а вредная ея сторона. При нормальныхъ условіяхъ, при уравновѣшенныхъ отношеніяхъ, преувеличеніе односторонняго начала отражается пагубно на всей государственной жизни. Высшая цѣль государства состоитъ не въ усиленіи власти, а въ томъ, чтобы каждый общественный элементъ получилъ надлежашее развитіе и занялъ подобающее ему мѣсто въ общемъ организмѣ. Эта цѣль достигается только ослабленіемъ централизаціи и предоставленіемъ большей самостоятельности мѣстному управленію.

Децентрализація не должна однако совершаться въ пользу мѣстныхъ агентовъ правительства, какъ это было сдѣлано, напримѣръ, во Франціи при второй Имперіи. Такая реформа можетъ нерѣдко принести болѣе зла, нежели пользы. Одна изъ существенныхъ выгодъ централизаціи состоитъ именно въ томъ, что она мѣстныхъ правителей подчиняетъ высшему контролю. Ибо нѣтъ деспотизма хуже того, который дѣйствуетъ изблизи. Произволъ множества мелкихъ пашей, облеченныхъ безграничною властью, несравненно тяжелѣе ложится на населеніе, нежели какой бы то ни было деспотизмъ, идущій изъ отдаленнаго

центра. Въ центральной власти, воздвигающейся надъ мелочными мѣстными вліяніями и отношеніями, населеніе ищетъ защиты противъ полицейскаго вторженія во всѣ мелочи жизни, требующаго на каждомъ шагу безпрекословнаго повиновенія и не оставляющаго ни малѣйшаго простора для самостоятельнаго движенія силъ. Въ этомъ отношеніи требуется не ослабленіе, а усиленіе централизаціи. Полезное ослабленіе можетъ состоять только въ предоставленіи бо́льшаго простора самостоятельнымъ общественнымъ элементамъ. Въ нормальномъ порядкѣ дѣятельность центральной администраціи должна восполняться мѣстнымъ самоуправленіемъ. Эта потребность тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ менѣе сама центральная власть подлежитъ общественному контролю въ представительныхъ учрежде́ніяхъ. Только широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія можетъ восполнить ихъ недостатокъ и ввести административныя власти въ надлежащую колею.

Мѣстное самоуправленіе, въ свою очередь, имѣетъ присущія ему выгоды и недостатки. Выгоды его громадны:

Во-первыхъ, мѣстныя нужды ближе всего мѣстнымъ жителямъ. Они знаютъ свои дѣла лучше, нежели кто-либо другой. Собственный интересъ побуждаетъ ихъ дѣлать то, что́ полезно для всѣхъ, изыскивать для этого наилучшія средства и производить улучшенія съ наименьшими тратами. Они способнѣе всѣхъ надзирать и за исполненіемъ, ибо все дѣло у нихъ на глазахъ и близко касается каждаго. Всякая дѣятельность идетъ успѣшнѣе, когда люди сами дѣлаютъ свои дѣла, нежели когда они ведутся посторонними лицами, въ нихъ не заинтересованными. Это истина самая простая и очевидная.

Во-вторыхъ, самоуправленіе развиваетъ въ гражданахъ самодѣятельность, энергію, предпріимчивость, слѣдовательно ведетъ къ высшему развитію общественныхъ силъ. Люди привыкаютъ полагаться на себя, а не ожидать всего отъ правительства.

Черезъ это, въ-третьихъ, въ провинціяхъ развивается мѣстная жизнь, которая привязываетъ къ себѣ людей. Общественная жизнь равномѣрнѣе распредѣляется по всему государству, а не стягивается искусственно къ центру, оставляя члены безсильными.

Въ-четвертыхъ, самоуправленіе связываетъ администрацію съ народомъ. Принимая участіе въ управленіи, каждый видитъ въ общественномъ дѣлѣ свое собственное и готовъ содѣйствовать ему всѣми силами. Этимъ люди отвлекаются отъ частныхъ интересовъ и привязываются къ общественнымъ. Развивается общественный духъ, который служитъ одною изъ лучшихъ опоръ разумнаго правительства.

Въ-пятыхъ, самоуправленіе даетъ гражданамъ и ближайшее практическое знакомство съ общественными дѣлами. Они научаются знать,

чего можно и чего нельзя требовать отъ правительства. Политическое образованіе принимаетъ направленіе не теоретическое, а практическое. Безразсудныя притязанія и легкомысленныя сужденія разбиваются объ опытъ и не находятъ себѣ почвы.

Въ-шестыхъ, самоуправленіе является школою и для болѣе широкаго поприща. Государство, можетъ набирать отсюда образованныхъ и опытныхъ дѣятелей; получаются государственные люди, знакомые съ общественными вопросами не кабинетнымъ только образомъ, а изъ практики, видѣвшіе ихъ въ приложеніи, въ связи съ ихъ собственными интересами, однимъ словомъ, съ живымъ пониманіемъ. Въ представительномъ порядкѣ этимъ установляется и поддерживается живая связь между избирателями и избираемыми. Участіемъ въ мѣстныхъ дѣлахъ пріобрѣтаются довѣріе и вліяніе. Мѣстный дѣятель является въ парламентѣ представителемъ мѣстныхъ нуждъ и интересовъ; онъ знаетъ, какъ общія мѣры примѣняются къ дѣйствительной жизни, какое онѣ встрѣчаютъ сочувствіе или противодѣйствіе, наконецъ, каково въ данную минуту общественное настроеніе, которое центральное правительство, предлагая тѣ или другія мѣры, всегда должно принимать во вниманіе.

Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить сужденіе такого великаго и вполнѣ практическаго государственнаго человѣка, какъ баронъ Штейнъ. Выше мы видѣли (стр. 224 — 5), какъ онъ, ссылаясь на свой многолѣтній служебный опытъ, отстаивалъ пользу представительныхъ собраній. Позднѣе онъ писалъ: „въ тѣсной связи съ учрежденіемъ земскихъ чиновъ стоятъ учрежденія окружныя и общинныя. Если они такъ устроены, что они въ отдѣльныхъ лицахъ вызываютъ свободную жизнь и живое участіе въ дѣлахъ общины, то они заключаютъ въ себѣ самый чистый источникъ любви къ отечеству; они связываютъ ее съ семейнымъ очагомъ, съ воспоминаніями юности, съ впечатлѣніями, которыя оставляютъ въ насъ событія и окружающія условія всей нашей жизни. Они обезпечиваютъ истинную практическую свободу, которая ежедневно и ежечасно выказываетъ свое вліяніе на всѣ вещныя и личныя отношенія людей и ограждаетъ ихъ отъ начальственнаго произвола и самопревознесенія“ [1]).

Все это однако составляетъ лишь высшую, идеальную сторону мѣстнаго самоуправленія. Въ дѣйствительности же оказываются многія другія черты, которыя, особенно при неблагопріятныхъ условіяхъ, выступаютъ наружу и значительно видоизмѣняютъ эту привлекательную картину.

---

[1]) Pertz, V, стр. 190.

Во-первыхъ, личный интересъ, которымъ люди связываются съ мѣстными дѣлами, далеко не всегда служитъ надежнымъ руководителемъ. Общественный интересъ все-таки совсѣмъ не то, что свой собственный. Кто съ большимъ рвеніемъ занимается своимъ дѣломъ, тотъ часто оказываетъ весьма мало усердія, когда нужно участвовать въ дѣлѣ общемъ. Нерадѣніе лицъ, облеченныхъ правами, къ избирательнымъ собраніямъ есть явленіе весьма обыкновенное. Еще болѣе самопожертвованія требуется отъ тѣхъ, которымъ ввѣряется завѣдываніе общественнымъ дѣломъ. Жалованье, если оно есть, обыкновенно такъ скудно, что не можетъ служить приманкой. Вознагражденіемъ служитъ главнымъ образомъ тотъ почетъ, который пріобрѣтается общественною службой. Но мѣстный почетъ далеко не всѣмъ представляется привлекательнымъ. Люди съ высшими способностями ищутъ болѣе, широкаго поприща, гдѣ силамъ ихъ открывается большій просторъ, гдѣ интересы возвышеннѣе и они сами стоятъ на виду; другіе предпочитаютъ покойную частную жизнь общественной дѣятельности. Хорошо, когда среди мѣстныхъ жителей находятся самоотверженные люди, которые берутъ на себя эту обузу; но нерѣдко мѣстнаго почета ищутъ люди тщеславные, для которыхъ видное мѣсто въ провинціи или въ общинѣ составляетъ высшую цѣль честолюбія.

Во-вторыхъ, провинція часто не обладаетъ достаточнымъ количествомъ образованныхъ силъ для хорошаго управленія. Способнѣйшія лица стремятся къ центру, а на мѣстахъ остаются люди, болѣе практически знакомые съ дѣломъ, нежели широко образованные. Между тѣмъ, для администраціи, въ сколько-нибудь широкомъ объемѣ, особенно при постоянномъ соприкосновеніи мѣстныхъ дѣлъ и властей съ общими, одной практики недостаточно. Тутъ нужны болѣе обширные взгляды, знакомство съ государственными потребностями и съ юридическими началами управленія. Администрація есть наука; практика же, отрѣшенная отъ образованія, ведетъ къ рутинѣ, къ узкости взглядовъ, къ предпочтенію ближайшихъ интересовъ отдаленнымъ, хотя и существеннымъ, къ погонѣ за мелочами въ ущербъ болѣе важнымъ дѣламъ. Оттого мѣстныя общества нерѣдко предпринимаютъ то, что для нихъ вовсе невыгодно, напримѣръ, истребляютъ лѣса и раздѣляютъ общинныя земли въ ущербъ будущимъ поколѣніямъ, затѣваютъ разорительные процессы, а между тѣмъ, изъ скаредности жалѣютъ денегъ на самыя важныя и полезныя предпріятія. Въ особенности мѣстности бѣдныя и отдаленныя отъ центра лишены возможности улучшать свой бытъ безъ помощи центральной власти. Предоставленныя себѣ, онъ коснѣютъ въ завѣщанномъ вѣками состояніи и не въ силахъ изъ него выбиться.

Въ-третьихъ, въ провинціальномъ кругу развивается узкій мѣстный духъ, застарѣлый и мелочной. Личныя отношенія играютъ тутъ болѣе важную роль, нежели общіе интересы. На широкомъ политическомъ поприщѣ личныя отношенія должны, по крайней мѣрѣ, прикрываться общими цѣлями; человѣкъ можетъ имѣть успѣхъ только дѣйствуя во имя общей идеи. Въ тѣсномъ кругу мѣстной жизни, гдѣ интересы не довольно значительны, чтобы умственно и нравственно поднимать людей, гдѣ происходятъ безпрерырныя столкновенія, гдѣ мелочныя сплетни и раздоры получаютъ неподобающее развитіе, личныя отношенія заслоняютъ собою общественныя. Часто лица выбираются и дѣло дѣлается болѣе на основаніи искательствъ, интригъ, родства и кумовства, нежели изъ вниманія къ общественной пользѣ. Провинція всегда болѣе или менѣе заражена этими недугами, но въ еще большей степени она проникается этимъ мелочнымъ духомъ, если она не находится въ живомъ общеніи съ центромъ и не примыкаетъ къ общимъ интересамъ.

Въ-четвертыхъ, каково бы ни было самоуправленіе, оно во всякомъ случаѣ утверждается на владычествѣ большинства. Вслѣдствіе этого, интересы меньшинства всегда подвергаются опасности оставаться въ пренебреженіи или быть принесенными въ жертву, Это—слабая сторона всякаго свободнаго правленія, гдѣ нѣтъ высшей, сдерживающей и умѣряющей власти; но въ тѣсномъ объемѣ мѣстной жизни, гдѣ отношенія мельче и общіе вопросы часто заслоняются чисто личною враждою или пріязнью, эта опасность еще гораздо значительнѣе. Здѣсь партія, основанная на личныхъ видахъ и отношеніяхъ, можетъ получить перевѣсъ и распоряжаться всѣмъ для собственныхъ выгодъ. Сѣверо-американскіе города представляютъ тому ужасающіе примѣры. Еще хуже, когда въ борьбѣ мѣстныхъ партій выражается вражда различныхъ общественныхъ классовъ. Если большинство въ мѣстномъ управленіи принадлежитъ высшимъ классамъ, они могутъ пользоваться своимъ положеніемъ для притѣсненія низшихъ; наоборотъ, если послѣдніе имѣютъ преобладаніе, они могутъ обратить свою власть въ чистое орудіе грабежа. Хозяйничанье Негровъ въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки послѣ междоусобной войны представляло чудовищную картину расхищенія общественнаго достоянія. Во Франціи, только сила центральной власти оберегаетъ зажиточные классы отъ ограбленія соціалистическими муниципалитетами.

Изъ этого ясно, до какой степени важно для успѣшнаго дѣйствія мѣстнаго самоуправленія правильное его устройство. Оно даетъ преобладаніе тому или другому элементу, а съ тѣмъ вмѣстѣ перевѣсъ получаютъ или выгоды или недостатки учрежденій. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* мы разсматривали разнообразныя формы, въ которыя

слагаются различныя сферы мѣстной жизни, области, округи, общины. Здѣсь мы не станемъ вдаваться въ эти подробности, а ограничимся общими началами административной политики въ приложеніи къ мѣстному самоуправленію.

Первое и основное правило состоитъ въ томъ, что мѣстныя учрежденія должны быть построены на тѣхъ началахъ, на которыхъ строится самое общество. Здѣсь, болѣе нежели гдѣ либо, приложимъ общій законъ, что въ учрежденіяхъ должно выражаться дѣйствительное отношеніе общественныхъ силъ. Мѣстное самоуправленіе есть именно организація общества, какъ оно есть, а потому преобладать въ немъ должны тѣ элементы, которые преобладаютъ въ самомъ обществѣ; остальнымъ же должно быть присвоено то мѣсто, которое принадлежитъ имъ по внутреннему ихъ развитію и по той роли, которую они играютъ въ общественной жизни.

Въ этотъ отношеніи первый вопросъ состоитъ въ томъ, какая должна быть организація мѣстныхъ учрежденій: сословная или безсословная?

дѣли, что сословный порядокъ представляетъ извѣстную ступень всемірно-историческаго развитія человѣческихъ обществъ. Возникши изъ средневѣковаго быта, гдѣ гражданскія отношенія смѣшивались съ политическими, онъ сохраняется въ теченіи всего перваго періода государственнаго развитія новаго времени, пока наконецъ, съ водвореніемъ началъ свободы и равенства, онъ не уступаетъ мѣста общегражданскому строю. Отмѣна крѣпостнаго права знаменуетъ конецъ стараго и начало новаго порядка. Но переходъ совершается не вдругъ. Если, вообще, историческій процессъ представляетъ лишь медленное и постепенное развитіе учрежденій, только изрѣдка прерываемое катастрофами, влекущими за собою реакцію, то въ особенности этотъ законъ прилагается къ жизненному строю, связанному со всѣмъ частнымъ бытомъ, съ нравами, понятіями и привычками людей. Государство должно слѣдить за этимъ постепеннымъ ходомъ жизни, пользуясь тѣми элементами, которые еще сохраняютъ въ себѣ крѣпость, и устраняя то, что уже отжило свой вѣкъ.

Сословный порядокъ заключаетъ въ себѣ многія стороны, выгодныя для государства. Народъ не является здѣсь въ видѣ разсѣянной, волнующейся массы, состоящей изъ разобщенныхъ другъ съ другомъ единицъ; онъ получаетъ прочную юридическую организацію. Отдѣльные интересы связываются и группируются въ корпоративные союзы. Каждый изъ нихъ получаетъ свое законное мѣсто въ общемъ организмѣ; онъ не приносится въ жертву другимъ, а можетъ стоять и дѣйствовать за себя. Съ интересами связываются и лица, соединенныя общими

воззрѣніями и общественнымъ положеніемъ. Они привыкаютъ дѣйствовать сообща. Корпоративныя связи служатъ лучшею школой гражданской и общественной жизни. Личный интересъ подчиняется здѣсь общему, но не отдаленному, а близкому, касающемуся всѣхъ и знакомому всѣмъ. А съ другой стороны, въ этихъ частныхъ союзахъ лице находитъ защиту и покровительство. Оно не теряется въ массѣ, но, примыкая къ корпораціи, обрѣтаетъ въ ней силу и независимость. Этимъ самымъ государственная жизнь получаетъ необыкновенную крѣпость. Всѣ права и обязанности твердо опредѣлены. Каждый знаетъ свое мѣсто и свое назначеніе въ цѣломъ; гражданинъ привыкаетъ дѣйствовать въ предѣлахъ закона. На каждой ступени общественнаго быта образуется извѣстное, закономъ опредѣленное сочетаніе власти и самостоятельности, и все это связывается съ общимъ строемъ не внѣшними только предписаніями, а привычками, нравами и понятіями, установленными вѣками и вошедшими въ плоть и кровь гражданъ.

Эти громадныя выгоды именно и повели къ тому, что сословный порядокъ такъ долго и прочно сохраняется даже среди высоко образованныхъ обществъ. Однако, естественный ходъ жизни неудержимо ведетъ къ его разложенію. Этотъ крѣпкій строй держится только чрезмѣрнымъ стѣсненіемъ свободы. Когда отдѣльные интересы группируются въ юридически связанныя корпораціи, переходъ изъ одной группы въ другую становится затруднительнымъ. Свобода занятій стѣсняется, а когда съ этимъ связывается извѣстное общественное положеніе, то къ юридическимъ затрудненіямъ присоединяются предразсудки. Между тѣмъ, свобода занятій составляетъ источникъ всякаго промышленнаго развитія. Общество, основанное на сословномъ порядкѣ, всегда стоитъ на низкой ступени. Въ особенности это вредно отражается на низшихъ классахъ, которые стѣсняются въ своей дѣятельности и въ своихъ правахъ. Высокое положеніе привилегированныхъ сословій пріобрѣтается порабощеніемъ низшихъ. Крѣпостное право составляетъ главную поддержку сословнаго быта; а крѣпостное право въ самомъ корнѣ парализуетъ общественныя силы. Самый политическій строй получаетъ черезъ это неправильное развитіе. Вмѣсто справедливости, въ государственной жизни водворяется неправда. Къ этому присоединяется, наконецъ, внутренняя рознь. Сословія, особенно привилегированныя, обособляются въ своей исключительности. Въ нихъ частные интересы такъ переплетаются съ общимъ, что первые нерѣдко заслоняютъ послѣдній. Люди, пользующіеся высокимъ положеніемъ не по заслугамъ, а по рожденію, привыкаютъ смотрѣть на себя, какъ на особую породу, отъ которой не требуется ни труда, ни серіознаго

образованія для того, чтобы достигнуть всѣхъ почестей. Отсюда, съ одной стороны, чванство и презрѣніе къ низшимъ, съ другой стороны зависть и ненависть. Съ этимъ связываются противоположность интересовъ и борьба за власть и вліяніе. Разобщеніе сословій можетъ породить въ обществѣ раздоръ, дѣлающій всякую дружную дѣятельность невозможною.

Нерѣдко правительства пользуются этою рознью въ своихъ собственныхъ видахъ, съ тѣмъ, чтобы, раздѣляя, властвовать. Но такая политика, въ концѣ концовъ, обращается противъ самихъ ея зачинателей. Истинная польза государства состоитъ въ томъ, чтобы соединять, а не раздѣлять общественные элементы. Именно этой цѣли служатъ мѣстныя учрежденія, въ которыхъ послѣдніе призываются къ совокупной дѣятельности.

Очевидно, что тамъ, гдѣ существуетъ сословный порядокъ, на немъ должны строиться и мѣстныя учрежденія, и наоборотъ, тамъ, гдѣ онъ окончательно рушился, мѣстныя учрежденія могутъ быть только бессословныя. Затрудненія возникаютъ лишь при переходѣ отъ одного порядка къ другому. Здѣсь задача государства заключается въ томъ, чтобъ открывать просторъ новымъ жизненнымъ силамъ, не разрушая тѣхъ элементовъ стараго порядка, которые стоятъ еще крѣпко и могутъ оказать существенную пользу.

Два послѣдовательныхъ шага знаменуютъ собою этотъ процессъ: сближеніе сословій въ общихъ учрежденіяхъ и полное ихъ сліяніе. Въ первомъ случаѣ отдѣльныя сословія, сохраняя каждое свою организацію, соединяются для общихъ совѣщаній по мѣстнымъ дѣламъ. Здѣсь важно опредѣленіе, какъ численнаго состава каждаго, такъ и способовъ совѣщаній. Надобно, чтобы численное отношеніе ихъ было таково, чтобъ одинъ интересъ не былъ принесенъ въ жертву другимъ. Въ особенности это важно, когда происходятъ совмѣстныя совѣщанія, что̀ и составляетъ нормальный порядокъ. Очевидно, что численное отношеніе представителей различныхъ группъ должно сообразоваться съ дѣйствительнымъ ихъ отношеніемъ въ жизни, не только по числу лицъ, входящихъ въ тѣ или другія группы, но и по важности интересовъ, которые они представляютъ. Мѣстныя учрежденія должны быть вѣрнымъ выраженіемъ жизни и слѣдовать за ея движеніемъ.

Важнѣйшимъ интересомъ является здѣсь собственность, ибо она служитъ источникомъ всѣхъ расходовъ на общественныя нужды, завѣдываніе которыми и ввѣряется мѣстнымъ учрежденіямъ. Но такъ какъ собственность есть элементъ общій всѣмъ сословіямъ, то на этой почвѣ происходитъ и окончательное ихъ сліяніе. Сословное дѣленіе держится, пока съ привилегіями связано обладаніе извѣстнаго рода

имуществомъ. Какъ же скоро имущества переходятъ безпрепятственно изъ рукъ въ руки, такъ исчезаетъ и различіе интересовъ. Классъ собственниковъ, по существу своему, есть безсословный, а на немъ именно покоятся мѣстныя учрежденія. Задача политики состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать этому процессу сліянія, не задерживая его, но и не ускоряя. Преждевременное введеніе безсословности тамъ, гдѣ она не подготовлена жизнью, можетъ быть столь же вредно, какъ и задержка. Это можетъ вести къ устраненію или подавленію самыхъ полезныхъ элементовъ, тѣхъ, которые носятъ въ себѣ и высшее образованіе, и привычку къ общественной дѣятельности. Но разъ этотъ шагъ сдѣланъ, въ особенности если въ теченіи нѣкотораго времени учрежденіе дѣйствовало успѣшно, возвращеніе къ сословному порядку можетъ принести только вредъ. Поэтому, реформу земскихъ учрежденій, произведенную у насъ въ новѣйшее время, нельзя признать согласною съ требованіями здравой политики.

Въ самой собственности заключаются однако различные элементы, которые должны быть приняты во вниманіе при устройствѣ мѣстныхъ учрежденій. Есть собственность недвижимая и движимая, крупная мелкая и средняя. Каждая изъ нихъ имѣетъ свое мѣсто и свое значеніе въ цѣломъ. Онѣ даютъ болѣе или менѣе прочную матеріальную основу и для духовныхъ силъ; отъ собственности зависятъ и осѣдлость населенія, и прочность его быта, и средства для образованія. Различныя сочетанія этихъ видовъ въ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій придаютъ послѣднимъ бо̀льшую или меньшую устойчивость, а вмѣстѣ и соотвѣтствіе условіямъ и требованіямъ жизни.

Въ этихъ сочетаніяхъ выражаются и самыя различія общественнаго строя, аристократическаго, демократическаго и средняго. Эти различія могутъ сохраняться и безъ всякихъ сословныхъ раздѣленій, при общегражданскомъ порядкѣ. Аристократическій строй есть тотъ, въ которомъ преобладаетъ крупная собственность. Въ мѣстныхъ учрежденіяхъ онъ выражается, главнымъ образомъ, въ несеніи безвозмездныхъ должностей. Такое служеніе, когда оно укоренилось въ нравахъ, всегда полезно, ибо оно упрочиваетъ вліяніе высшихъ, образованныхъ классовъ; но для того, чтобъ оно стояло твердо и получило болѣе или менѣе широкое примѣненіе, необходимо присутствіе на мѣстахъ зажиточнаго и независимаго класса землевладѣльцевъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Англіи. Гдѣ это условіе не существуетъ, аристократическій строй не можетъ держаться; онъ рано или поздно обреченъ на паденіе. Въ противоположность ему, демократическій строй основанъ чисто на выборномъ началѣ, съ устраненіемъ всякаго ценза. Можно сказать, что это—худшій изъ всѣхъ порядковъ, ибо здѣсь преобладаніе получаетъ

неимущая, необразованная и неустроенная масса, которая или увлекается демагогами или покоряется бюрократіи. Въ первомъ случаѣ мѣстныя учрежденія дѣлаются орудіемъ притѣсненія, во второмъ они обращаются въ призракъ. Средину между тѣмъ и другимъ занимаютъ различныя сочетанія собственности, съ преобладаніемъ средняго ея размѣра, при чемъ, разумѣется, этотъ средній уровень можетъ быть выше или ниже, смотря по степени матеріальнаго благосостоянія самого общества.

При всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ надобно признать общимъ правиломъ, что голосъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ должны имѣть тѣ, которые расходы выплачиваютъ изъ своихъ кармановъ. Кто не платитъ мѣстныхъ налоговъ, тотъ не долженъ имѣть права голоса въ расходахъ. Поэтому и предѣлы налоговъ должны быть эластическіе. Кто уплачиваетъ небольшой налогъ, выше котораго нельзя идти и который взыскивается полностью, тому всегда выгодно увеличеніе расходовъ, ибо онъ знаетъ, что излишекъ будетъ оплачиваться другими. Соразмѣрность интереса съ правами составляетъ весьма важное и слишкомъ часто упускаемое изъ вида правило при устройствѣ мѣстныхъ учрежденій.

Но для успѣшнаго дѣйствія послѣднихъ требуется не одна только правильная ихъ организація. Существенное значеніе имѣетъ и отношеніе ихъ къ центральной власти. Связь можетъ быть двоякая: политическая и административная. Въ первомъ отношеніи важно вліяніе политической свободы на мѣстное самоуправленіе. Недостатки послѣдняго, проистекающіе отъ низкаго уровня провинціальнаго быта, въ значительной степени ослабѣваютъ подъ вліяніемъ политическихъ интересовъ, направляющихъ умы къ высшимъ цѣлямъ. Политическая свобода выводитъ мѣстную жизнь изъ того застоя, въ которомъ она коснѣетъ, когда она остается оторванною отъ центра; въ нее вносится новый духъ; исключительное господство мелкихъ мѣстныхъ интересовъ уступаетъ мѣсто болѣе возвышеннымъ стремленіямъ. Рядомъ съ этимъ однако являются и весьма существенныя невыгоды, которыхъ мы коснемся ниже, при изложеніи политики партій. Здѣсь мы остановимся исключительно на отношеніяхъ административныхъ.

И въ этой области недостатки, присущіе мѣстному самоуправленію, сами собой указываютъ на необходимость вмѣшательства центральной власти. Если центральное управленіе, какъ мы видѣли, требуетъ восполненія мѣстнымъ, то и послѣднее, въ свою очередь, требуетъ восполненія центральнымъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, нужны взаимныя сдержки и соглашеніе противоположныхъ началъ. Въ этомъ отношеніи существенное значеніе имѣетъ та доля самостоятельности, которая предо-

ставляется мѣстнымъ учрежденіямъ, и то подчиненіе, въ которое они ставятся въ отношеніи къ органамъ правительства.

Нельзя не признать, какъ общее правило, что мѣстное самоуправленіе тогда только получаетъ надлежащее развитіе, когда ему предоставляется самостоятельная сфера дѣятельности. Выборныя собранія, не имѣющія собственныхъ исполнительныхъ органовъ, а состоящія, съ совѣщательнымъ или съ рѣшающимъ голосомъ, при органахъ центральной власти, какъ установлено во французскихъ департаментахъ, представляютъ весьма недостаточный и несовершенный способъ самоуправленія. Только тамъ, гдѣ люди завѣдываютъ своими дѣлами сами, можно, въ точномъ смыслѣ, говорить о самоуправленіи. Только тамъ, гдѣ есть собственная дѣятельность и отвѣтственность, могутъ вырабатываться люди; только при этомъ условіи общественныя силы могутъ получать самостоятельную организацію и надлежащее направленіе. Но при разграниченіи сферъ дѣятельности правительственныхъ и общественныхъ органовъ оказываются значительныя затрудненія. Естественную область дѣятельности мѣстныхъ учрежденій составляютъ хозяйственныя нужды мѣстности; правительство же должно сохранять въ своихъ рукахъ ту принудительную власть, которая принадлежитъ ему по самому существу дѣла и безъ которой оно не можетъ обойтись, не потерявши всякой силы. Если эта власть присвоивается ему всецѣло, то мѣстныя учрежденія лишаются необходимыхъ способовъ дѣйствія и часто оказываются безсильными исполнять свое назначеніе. Таково, напримѣръ, положеніе нашихъ земскихъ учрежденій относительно взысканія земскихъ налоговъ. Страшное накопленіе недоимокъ, проистекающее отъ того, что взысканіе производится полиціей, парализуетъ всю ихъ дѣятельность и является для нихъ главнымъ источникомъ зла. Съ другой стороны, если мѣстнымъ учрежденіямъ предоставляется самостоятельная принудительная власть, то могутъ происходить постоянные конфликты, которые значительно затрудняютъ и запутываютъ управленіе. Разумное и сообразное съ мѣстными условіями разрѣшеніе этихъ вопросовъ составляетъ одну изъ важныхъ задачъ политики управленія.

Конфликты могутъ происходить и въ чисто хозяйственной области. Мѣстныя нужды находятся въ связи съ общими; въ самыхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, какъ мы видѣли, могутъ быть принесены въ жертву интересы меньшинства. Иногда вся масса населенія становится предметомъ своекорыстнаго хищенія со стороны шайки, успѣвшей захватить управленіе въ свои руки. Все это можетъ быть устранено только контролемъ со стороны центральной власти, которая является здѣсь высшимъ, безпристрастнымъ судьею. Этотъ контроль естествен-

но принадлежитъ органу правительства, состоящему на мѣстѣ и близко знакомому съ мѣстными нуждами. Но если этотъ контроль безграниченъ, если онъ доходитъ до безусловнаго права запрета на всѣ постановленія мѣстныхъ собраній, то самостоятельность мѣстныхъ учрежденій исчезаетъ. Она можетъ быть обезпечена, только если всѣ столкновенія подобнаго рода возносятся къ высшей инстанціи и разрѣшаются административно-судебнымъ порядкомъ. Если, при столкновеніяхъ на почвѣ дѣятельности властей, единство и быстрота управленія требуютъ, чтобы правительственная власть была обезпечена, то въ хозяйственной области, въ вопросахъ объ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ, наоборотъ, требуется главнымъ образомъ огражденіе мѣстныхъ интересовъ, а его можетъ дать только независимый и безпристрастный судъ. Поэтому, хорошее устройство высшаго судебно-административнаго учрежденія составляетъ вопросъ величайшей важности для мѣстнаго самоуправленія.

Но не отъ однихъ только учрежденій зависитъ правильное отношеніе властей; оно въ еще большей степени опредѣляется способами ихъ дѣятельности. Согласіе легко установляется тамъ, гдѣ обѣ стороны его желаютъ и стараются его достигнуть взаимнымъ вниманіемъ и обходительностью. Поэтому, нѣтъ болѣе превратной политики, какъ та, которая силу власти полагаетъ въ рѣзкомъ и высокомѣрномъ отношеніи представителей правительства къ мѣстнымъ учрежденіямъ. Нерѣдко, при реакціонномъ правительствѣ, мѣстные его органы стараются ему подслужиться, представляя независимыхъ мѣстныхъ дѣятелей враждебными правительству революціонерами, которыхъ надобно держать въ желѣзныхъ рукавицахъ. Это — лучшее средство нажить себѣ враговъ, поставить людей на дыбы и возбудить непримиримую оппозицію. Правительство, понимающее истинныя свои задачи, никогда не будетъ держать лице, которое становится во враждебное отношеніе къ управляемой мѣстности. Даже въ завоеванныхъ странахъ нуженъ примирительный образъ дѣйствія, чтобы заставить побѣжденныхъ покориться своей участи; въ отношеніи же къ собственнымъ гражданамъ это вдвойнѣ необходимо.

Съ своей стороны, мѣстные дѣятели, сохраняя свою независимость, должны всегда оказывать уваженіе къ власти, представляющей высшій государственный порядокъ. Принципіальная оппозиція, не вызываемая проявленіями административнаго произвола и высокомѣрія, всегда неумѣстна. Здѣсь заносчивость столь же вредна, какъ и апатія. Болѣе, нежели въ какихъ-либо другихъ учрежденіяхъ, успѣшное дѣйствіе мѣстнаго самоуправленія зависитъ прежде всего отъ умѣнія имъ пользоваться. Оно служитъ лучшею школой для людей, но на-

добно, чтобы люди дѣйствительно научались въ ней тому, чтб требуется общественнымъ благомъ. Только постоянная, неутомимая, безкорыстная дѣятельность на общественную пользу, въ соединеніи съ стойкимъ обереганіемъ своихъ законныхъ правъ и съ сохраненіемъ полной своей независимости, можетъ поддержать мѣстное самоуправленіе на болѣе или менѣе высокомъ уровнѣ и содѣйствовать правильному его развитію. Все въ немъ зависитъ отъ количества и качества наличныхъ силъ, а также и отъ взаимныхъ ихъ отношеній. Здѣсь, какъ и вездѣ, согласіе обезпечиваетъ успѣхъ, а внутреннія раздоры парализуютъ всякую дѣятельность.

Это приводитъ насъ къ послѣднему отдѣлу политики, къ вопросу о значеніи и дѣятельности партій.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Политика партій.

ГЛАВА I.

Партіи въ государствѣ.

Вездѣ, гдѣ государственная жизнь становится предметомъ сужденій въ обществѣ и печати, въ общественномъ мнѣніи естественно обозначаются различныя направленія. Людямъ свойственно смотрѣть на вещи съ разныхъ точекъ зрѣнія, и это именно ведетъ къ всестороннему ихъ освѣщенію. Отчасти это происходитъ отъ различія умственныхъ способностей и склада, но къ этому присоединяется разнообразіе положенія, образованія, интересовъ. Человѣкъ естественно устремляетъ главное свое вниманіе на то, что ему доступно и что ближе его касается; этому онъ придаетъ преобладающее значеніе, часто упуская изъ вида все остальное. А такъ какъ уровень образованія, положеніе и интересы болѣе или менѣе общи цѣлымъ разрядамъ лицъ, то, при взаимныхъ сношеніяхъ между людьми, изъ этого возникаютъ общіе взгляды и понятія, которые, въ приложеніи къ государственной жизни, становятся политическими направленіями; когда же общество призывается къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, изъ этихъ направленій образуются партіи съ опредѣленною программой и организаціей.

Такимъ образомъ, партіи составляютъ явленіе естественное и необходимое вездѣ, гдѣ есть политическая жизнь. Но и тамъ, гдѣ ея нѣтъ, умственное развитіе общества выражается все-таки въ различіи направленій. Только при полномъ умственномъ застоѣ, при отсутствіи всякаго участія къ судьбамъ отечества, заглохшая политическая мысль не производитъ расходящихся вѣтвей. Стараться подавить въ обществѣ всякое самостоятельное политическое мышленіе значитъ обрекать его на состояніе полнаго безсмыслія, держать его на

уровнѣ первобытнаго невѣжества. Къ этому стремятся деспотическія правительства, но это никогда имъ не удается. Мысль всегда пролагаетъ себѣ дорогу; если прямой путь ей загражденъ, она пробивается косвеннымъ, обходя или разрушая всѣ преграды. Чѣмъ болѣе ее подавляютъ, тѣмъ болѣе она оказываетъ сопротивленія. А такъ какъ она вѣчно присуща человѣческому духу, то рано или поздно она завоевываетъ принадлежащее ей мѣсто и проявляется въ разнообразіи направленій, которыя заключаютъ уже въ себѣ начало партій. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни, съ расширеніемъ общественной дѣятельности, теоретическіе взгляды получаютъ практическое приложеніе; единомышленники соединяются для проведенія своихъ воззрѣній и для защиты своихъ интересовъ. Такимъ образомъ направленія организуются въ партіи. Это первый признакъ того, что общество вышло изъ младенчества и стало на свои ноги.

Партіи могутъ быть весьма разнообразны. Онѣ могутъ имѣть мѣстный и случайный характеръ. Каждый болѣе или менѣе общій интересъ можетъ группировать около себя людей и сдѣлаться центромъ для образованія партіи. Каждый своеобразный оттѣнокъ мысли, рѣзко выраженный и раздѣляемый многими, можетъ выступить дѣятельнымъ элементомъ на общественномъ поприщѣ. Даже выдающаяся или ловкая личность или взаимная поддержка для достиженія частныхъ цѣлей могутъ связывать людей въ отдѣльныя группы, способныя играть болѣе или менѣе значительную общественную роль. Но среди всѣхъ этихъ случайныхъ соединеній есть нѣкоторыя общія направленія, которыя имѣютъ характеръ прочности и повторяются болѣе или менѣе всегда и вездѣ, ибо они вытекаютъ изъ самаго существа и свойствъ человѣческаго общежитія. Они-то и составляютъ главныя основы для образованія партій *).

Человѣческія общества, по закону ихъ духовной природы, подлежатъ развитію. Одинъ порядокъ вещей въ историческомъ процессѣ смѣняется другимъ. Каждый изъ нихъ, въ извѣстную эпоху, составляетъ основу народной жизни; въ немъ общество находитъ удовлетвореніе существенныхъ своихъ потребностей. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ эта форма становится недостаточною; являются новыя цѣли и требованія. Существующее устройство разлагается; наступаетъ время перелома и борьбы, до тѣхъ поръ пока изъ этого переходнаго состоянія не выработается новый порядокъ вещей.

---

*) Изложенную здѣсь характеристику партій читатель найдетъ въ моемъ сочиненіи *О народномъ представительствѣ*, изданномъ въ 1866 г. Здѣсь, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, повторяется сказанное тамъ.

Изъ этого весьма простаго закона развитія рождаются въ обществѣ элементы двоякаго рода: охранительные и прогрессивные. Одни держатся существующаго порядка, другіе требуютъ измѣненій и улучшеній. Для правильнаго развитія, очевидно, оба эти элемента необходимы, ибо истинный прогрессъ не состоитъ въ томъ, чтобы разрушать все существующее и все создавать заново. Мы видѣли, что развитіе тогда только прочно, когда оно опирается на выработанныя и утвержденныя вѣками основы. Сохраненіе пріобрѣтеннаго еще важнѣе, нежели его усовершенствованіе. Идеальная цѣль общежитія состоитъ въ томъ, чтобы сохранять улучшая. Но вслѣдствіе ограниченности и односторонности человѣческихъ способностей и стремленій, этотъ процессъ совершается борьбою противоположныхъ элементовъ, охранительнаго и прогрессивнаго. Одинъ старается удержать установленный порядокъ, который удовлетворяетъ существеннымъ его потребностямъ; другой стремится изъ него выбиться, открыть новые пути; а такъ какъ главнымъ для этого орудіемъ служитъ начало свободы, то прогрессивное направленіе является по преимуществу либеральнымъ. Оба элемента равно необходимы въ государственной жизни; каждый исполняетъ въ ней свое назначеніе.

Охранительная партія стоитъ на стражѣ существенныхъ основъ человѣческихъ обществъ—власти, закона, религіи, семейства, собственности. Эти вѣчныя начала составляютъ для нея святыню, которую она оберегаетъ отъ всякаго легкомысленнаго на нихъ посягательства. Она признаетъ и свободу, ибо безъ свободы нѣтъ независимыхъ общественныхъ силъ, а безъ независимыхъ силъ нѣтъ прочнаго порядка въ государствѣ. Гдѣ существуетъ только деспотизмъ сверху или снизу, тамъ все шатко, все можетъ мѣняться со дня на день. Только стоящія на своихъ ногахъ и упроченныя временемъ силы сообщаютъ устойчивость общественному быту. Но, дорожа свободою, охранительная партія видитъ въ ней не разлагающее, а созидающее начало; она старается ввести ее въ надлежащую колею, связать ее съ высшими требованіями власти и закона. Она не противится и нововведеніямъ, когда они подготовлены жизнью и становятся насущною потребностью общества. Только узкое и близорукое упорство стоитъ за сохраненіе того, что отжило свой вѣкъ и потеряло смыслъ. Дальновидные консерваторы сами совершаютъ необходимыя преобразованія, зная, что они этимъ упрочиваютъ зданіе, которому безъ того грозитъ разрушеніе. Въ этомъ отношеніи примѣромъ могутъ служить англійскіе консерваторы, которые являются высшимъ типомъ этого направленія. Сэръ Робертъ Пиль даровалъ права католикамъ и отмѣнилъ хлѣбные законы; Дизраэли провелъ одну изъ самыхъ коренныхъ

избирательныхъ реформъ; нынѣшнее консервативное министерство преобразовало все мѣстное управленіе, устроивъ его на выборномъ началѣ. Однако, лишь въ случаѣ настоятельной потребности охранительная партія рѣшается на такія радикальныя мѣры. Вообще же, она предпочитаетъ медленныя и постепенныя улучшенія, избѣгая всякой ломки, щадя упроченные интересы. Даже при разложеніи извѣстнаго общественнаго строя она дорожитъ всѣми остатками прежняго порядка, которые сохраняютъ еще жизненную силу и могутъ принести пользу государству. Для нея освященныя временемъ преданія, дающія нравственную устойчивость обществу, имѣютъ болѣе значенія, нежели стремленія свободы къ изысканію новыхъ путей. Преждевременныя, не подготовленныя жизнью нововведенія или такія, въ которыхъ не ощущается настоятельная нужда, встрѣчаютъ въ ней самое сильное, иногда даже чрезмѣрное противодѣйствіе. Къ теоретическимъ построеніямъ она относится безусловно враждебно. Такимъ образомъ, въ процессѣ общественнаго развитія она играетъ роль задерживающаго и направляющаго элемента, который даетъ правильность и устойчивость ходу. Это не только балластъ, сообщающій устойчивость судну, съ чѣмъ иногда ее сравниваютъ, но и рулевой, направляющій корабль между подводными камнями и оберегающій его отъ напора стихій.

Совершенно иной характеръ и назначеніе имѣетъ партія прогрессивная, или либеральная. Она дорожитъ болѣе свободою, нежели преданіями и порядкомъ. Она вѣритъ въ плодотворную силу человѣческой дѣятельности и старается открыть ей новые пути, уничтожая всякія стѣсненія. Отъ нея исходятъ планы преобразованій, она полагаетъ основы для будущаго. Но въ своемъ одностороннемъ стремленія она способна болѣе развязывать, нежели созидать. Ея начала преимущественно отрицательныя; она даетъ свободу всѣмъ элементамъ и не всегда умѣетъ ихъ связать. Требованія власти и порядка слишкомъ часто находятъ въ ней противодѣйствіе. Поэтому это—партія по преимуществу оппозиціонная. Когда же власть попадаетъ въ ея руки, она часто во имя теоретическихъ началъ готова приняться за скороспѣлыя и необдуманныя преобразованія, которыя оказываются неприложимыми на практикѣ или производятъ разрушительное дѣйствіе. А такъ какъ жизнь этому противится, то приходится ее насиловать. Начало свободы обращается въ орудіе притѣсненія; либералы становятся бюрократами. Это внутреннее противорѣчіе либеральной партіи составляетъ самую слабую ея сторону. Она болѣе, нежели ея противники, нуждается въ долговременномъ опытѣ власти, для того чтобы пріобрѣсти то сознаніе государственныхъ потребностей, котораго ей недостаетъ.

И въ этомъ отношеніи старые англійскіе виги могутъ служить образцомъ. Но именно новѣйшее преобразованіе этой партіи, подъ руководствомъ такого искуснаго и высокодаровитаго вождя, какъ Гладстонъ, доказываетъ, что односторонній либерализмъ способенъ увлечься далеко за предѣлы государственной пользы и приняться за нововведенія, которыя рушатся вслѣдствіе своей полной внутренней несостоятельности. Ирландскій билль, который въ рукахъ самихъ его авторовъ претерпѣвалъ всевозможныя превращенія и наконецъ палъ къ удовольствію даже тѣхъ, которые его поддерживали, служитъ тому наглядныхъ примѣромъ.

Таковы два главныя направленія, которыя существуютъ въ каждомъ развивающемся обществѣ, какъ необходимые факторы, управляющіе политическимъ движеніемъ. Одно идетъ впереди и вызываетъ къ жизни новыя силы, другое эти силы организуетъ и упрочиваетъ, связывая ихъ съ постоянными основами государственнаго порядка.

Въ нормальномъ развитіи общества эти два фактора естественно смѣняютъ другъ друга, какъ руководящія силы государственной дѣятельности. Когда существующій порядокъ устарѣлъ и потерялъ свое прежнее значеніе, когда выдвигаются новыя требованія и задачи, прогрессивная партія выступаетъ впередъ съ своею программой, разрѣшая старыя связи и давая просторъ новымъ элементамъ. Когда же эта программа исполнена и нужно утвердить новый порядокъ, наступаетъ очередь охранительнаго направленія. Вслѣдствіе этого, прежніе либералы могутъ дѣлаться консерваторами, когда требуется упрочить новыя пріобрѣтенія. Такъ, англійскіе виги, которые ратовали противъ Стюартовъ за народныя права, сдѣлались консерваторами со вступленіемъ на престолъ Ганноверской династіи. У насъ, либералы дореформеннаго времени, которые требовали коренныхъ преобразованій, естественно могли обратиться въ консерваторовъ, когда реформы были совершены и нужно было охранять ихъ отъ всякихъ колебаній. Только легкомысленный либерализмъ стремится все далѣе и далѣе, требуя все новыхъ перемѣнъ и не понимая необходимости остановокъ. Этимъ онъ подаетъ руку примыкающей къ либерализму крайней партіи—радикальной и, въ свою очередь, вызываетъ господство другой крайней партіи—реакціонной.

Существованіе крайнихъ партій, также какъ и среднихъ, составляетъ естественную принадлежность человѣческаго развитія. Всегда и вездѣ есть люди, которые доводятъ свои начала до крайнихъ предѣловъ, упуская изъ вида все остальное. Въ этой односторонности заключается иногда главная сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слабость

извѣстнаго направленія. Послѣдовательно проводя свои начала до конца, оно тѣмъ самымъ обнаруживаетъ ихъ недостаточность.

Изъ двухъ означенныхъ выше крайнихъ партій, радикальной и реакціонной, послѣдняя имѣетъ однако за себя не одну логическую послѣдовательность, но и цѣлый міръ реальныхъ отношеній, связанныхъ съ отжившимъ порядкомъ вещей. Всякій политическій или общественный бытъ, въ которомъ общество долго жило, непремѣнно заключалъ въ себѣ существенныя начала, способныя привязывать къ себѣ людей; къ нему примыкали разнообразные и достойные уваженія интересы. Поэтому, когда онъ палъ, онъ не можетъ не оставить по себѣ глубокихъ слѣдовъ. Эти воспоминанія и эти интересы, связывая людей, даютъ имъ общее направленіе. Но такъ какъ одними воспоминаніями пробавляться нельзя, то реакціонная партія ищетъ въ нихъ того, что существенно и вѣчно въ общественной жизни. Въ этомъ заключается ея сила. Она отрицаетъ новый порядокъ во имя высшихъ началъ, передъ которыми должны преклоняться люди. Надъ измѣняющимися событіями она воздвигаетъ идею неизмѣннаго закона. Поэтому охранительные элементы общества находятъ въ ней самую сильную поддержку противъ стремленій къ разрушенію. Но реакціонная партія всегда понимаетъ вѣчныя идеи одностороннимъ образомъ. Она считаетъ ихъ тождественными съ извѣстнымъ, отжившимъ свой вѣкъ порядкомъ вещей, смѣшивая такимъ образомъ вѣчное съ временнымъ. Она не признаетъ измѣняющихся требованій жизни и отрицаетъ свободу и прогрессъ, какъ уклоненія отъ вѣчнаго идеала. Свобода иногда дѣлается для нея орудіемъ дѣйствія, но истинная цѣль ея заключается въ томъ, чтобы путемъ насилія подавить свободное движеніе жизни, ибо только этимъ путемъ можно возвратиться къ прежнему порядку. Въ этихъ стремленіяхъ она нерѣдко взываетъ къ темнымъ инстинктамъ массъ, ища въ нихъ опоры противъ либеральнаго направленія образованныхъ классовъ; но свободная демократія ей столь же противна, какъ и мѣщанскій либерализмъ. Только церковь, съ ея неподвижнымъ строемъ и съ ея вѣчными догматами, возвышенными надъ волненіями человѣческихъ страстей, представляетъ ей надежную опору. Поэтому реакціонная партія всегда ищетъ союза съ церковью и старается вовлечь ее въ политическую борьбу. Если церковь отрекается отъ этой роли, которую стараются ей навязать, то этимъ самымъ реакціонной партіи наносится самый сильный ударъ.

Примѣрами организованныхъ реакціонныхъ партій, играющихъ важную политическую роль, могутъ служить современные французскіе монархисты и прусскіе феодалы. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что монархическое начало, отъ первыхъ зачатковъ политической жизни

до нашихъ дней, имѣло въ государственномъ развитіи народовъ выдающееся значеніе. Безпристрастный изслѣдователь историческихъ явленій долженъ убѣдиться и въ томъ, что безъ этого начала государственный бытъ остается шаткимъ и легко подвергается искаженію. Но изъ этого не слѣдуетъ, что монархію непремѣнно надобно возстановлять, когда она историческимъ процессомъ рушилась, главнымъ образомъ по собственной винѣ ея носителей. Разумная политика требуетъ держаться установленнаго порядка, улучшая его по мѣрѣ возможности, а не стремиться къ его разрушенію во имя начала, которое не въ силахъ было само себя поддержать. Всего менѣе позволительно связывать это начало съ формами и порядками, отжившими свой вѣкъ. Признаніе правъ династіи, давно лишившейся престола и потерявшей всякіе корни въ народной жизни, составляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ политическихъ ошибокъ, какія можетъ совершить политическая партія. Это значитъ вращаться въ области призраковъ и обрекать себя на безсиліе, что и случилось съ французскими легитимистами. Самое монархическое начало, будучи связано съ отжившею формой, теряетъ истинное свое значеніе. Въ Англіи не якобиты, а приверженцы Ганноверской династіи упрочили монархію. Еще несообразнѣе связывать религію съ отжившею историческою формой. Для легитимистовъ опора церкви, безъ сомнѣнія, представляетъ большую выгоду, но для церкви такая связь весьма опасна. Когда Левъ XIII ее разрушилъ, онъ тѣмъ самымъ нанесъ жестокій ударъ монархистамъ, но онъ вывелъ религію изъ того несвойственнаго ей положенія, въ которомъ она, по существу своему, никогда не должна была находиться.

Прусскимъ феодаламъ не приходилось и не приходится стоять за возстановленіе монархическаго начала, ибо монархія въ Германіи стоитъ крѣпко. Но и они связываютъ монархію съ отжившимъ порядкомъ, отрицая всѣ либеральныя стремленія новаго времени, какъ революціонныя начала, которымъ слѣдуетъ противодѣйствовать всѣми силами. У нихъ на этотъ счетъ составилась цѣлая философская теорія, глашатаемъ которой былъ Шталь. И у нихъ реакціонныя стремленія связываются съ религіей, хотя протестантизмъ, по существу своему, гораздо менѣе способенъ играть такую роль, нежели католицизмъ: онъ въ самомъ своемъ источникѣ носитъ въ себѣ революціонное начало. Крѣпкая своею дисциплиной и единодушіемъ, феодальная партія разыграла въ новѣйшей исторіи Пруссіи весьма важную политическую роль: она поддержала прусскую монархію въ ея борьбѣ съ парламентомъ и дала ей силы для проведенія политики, которая окончательно привела къ созданію Германской Имперіи. Но именно это торжество подорвало ея значеніе. Феодальная партія была и оста-

лась чисто прусскою; въ другихъ германскихъ странахъ она не имѣетъ корней. Поэтому, когда Пруссія поглотилась Германіей, она потеряла почву. Великій государственный человѣкъ, который изъ нея вышелъ и на нее опирался въ борьбѣ съ либерализмомъ, отступился отъ нея, какъ скоро онъ достигъ своей цѣли. Создавши Германскую Имперію, онъ долженъ былъ искать союзниковъ въ рядахъ тѣхъ, которые прежде другихъ подняли національное знамя и противъ которыхъ онъ ратовалъ. Въ настоящее время прусскіе феодалы остаются представителями бѣдствующаго землевладѣнія, которое взываетъ къ помощи государства для своего поддержанія, но тѣмъ самымъ обнаруживаетъ только свою собственную слабость. Общественный элементъ, который, вмѣсто того, чтобы дать опору правительству, самъ ищетъ въ немъ опоры, есть элементъ отживающій, неспособный стоять на своихъ ногахъ, а потому и играть политическую роль.

Сходное съ этимъ направленіе представляетъ и то, что можно назвать у насъ реакціонною партіей; но при отсутствіи политической жизни она не образуетъ сплоченной группы и не имѣетъ какой-либо твердой программы, а представляетъ только жалкіе обрывки недодуманныхъ мыслей и корыстныхъ поползновеній. Коренныя преобразованія Александра II-го, измѣнившія весь строй русской жизни, не могли не затронуть весьма многочисленныхъ и вліятельныхъ интересовъ. Освобожденіе крестьянъ, въ особенности, поколебало вѣковое положеніе дворянства. Тѣмъ не менѣе, на первыхъ порахъ, оно не вызвало реакціоннаго направленія. Наболѣвшія язвы вопіяли такъ громко, потребность реформъ чувствовалась такъ сильно, что не было мѣста подобнымъ стремленіямъ. Противъ отмѣны крѣпостнаго права никто не смѣлъ возразить, и съ самымъ способомъ освобожденія дворянство скоро примирилось. Въ первые годы послѣ введенія этой мѣры матеріальное его положеніе не только не пошатнулось, а, напротивъ, улучшилось. Всѣ спѣшили раздѣлаться съ принудительными отношеніями и охотно пошли на выкупъ; цѣны земель возросли. Дворянство не только не думало о возстановленіи старыхъ порядковъ, но оно стремилось къ конституціонной свободѣ. Оно хотѣло политическими правами вознаградить себя за утрату владычества надъ крѣпостными. Казалось, въ Россіи все безъ удержу стремилось впередъ; но именно это стремленіе и привело къ реакціи. Она была вызвана подвигами нигилизма. Когда во всѣхъ углахъ Россіи пошла соціалистическая пропаганда, а за нею тайныя прокламаціи, поджоги, убійства, когда наконецъ самъ Царь-Освободитель палъ жертвою гнуснаго злодѣянія, русское общество ужаснулось той бездны зла, которое заключалось въ самыхъ его нѣдрахъ. Потребность сильной власти чувствовалась всѣми, и прави-

тельство спѣшило ей удовлетворить: Россія была поставлена въ осадное положеніе. Тутъ естественно возникла и реакціонная партія. Во главѣ ея сталъ журналистъ съ выдающимся умомъ и талантомъ, но, къ сожалѣнію, лишенный нравственнаго смысла и трезваго пониманія политическаго положенія. Онъ самъ началъ съ того, что выступилъ подъ знаменемъ либерализма, даже чрезмѣрнаго; всѣ новыя реформы находили въ немъ горячаго защитника; но тутъ онъ круто повернулъ и сталъ безпощадно преслѣдовать то, чему онъ прежде поклонялся, заподозривая всякое явленіе свободы, кидая грязью во всѣ вызванныя преобразованіями новыя силы. Онъ понималъ однако, что съ одною проповѣдью реакціи далеко не уйдешь; для успѣшнаго дѣйствія на общество надобно было подкрѣпить ее патріотическою агитаціей. Но патріотизмъ въ благородномъ смыслѣ не только мирится съ либерализмомъ, но и естественно къ нему примыкаетъ. Бороться съ послѣднимъ можно было только взывая къ самымъ пошлымъ инстинктамъ толпы, къ самымъ низменнымъ ея чувствамъ. Началась травля всѣхъ подвластныхъ Россіи народностей, которыя обвинялись въ сепаратизмѣ и въ измѣнѣ. Польское возстаніе подало къ тому удобный поводъ, а когда оно было подавлено, посыпались доносы и на остальныхъ. Русское національное знамя связано было съ обскурантизмомъ, притѣсненіемъ и произволомъ. И толпа съ закрытыми глазами послѣдовала за вождемъ. Это было мѣтко характеризовано княземъ Вяземскимъ въ извѣстномъ стихотвореніи:

Бобчинскихъ и Добчинскихъ родъ,
Съ тупою вѣрою во взорѣ,
Предъ нимъ стоитъ, разинувъ ротъ.

Этотъ реакціонный походъ возымѣлъ свое дѣйствіе и на правительство; онъ привелъ къ нѣкоторымъ прискорбнымъ мѣрамъ. Но въ образованныхъ слояхъ общества онъ скоро потерялъ всякій вѣсъ, а со смертью его руководителя онъ палъ ниже самаго посредственнаго уровня. Въ литературѣ это направленіе представляетъ только довольно печальную смѣсь раболѣпства, пошлости и бездарности, а въ обществѣ оно поддерживается лишь стремленіями разоряющагося дворянства получить отъ правительства разнаго рода денежныя пособія. Это — повтореніе того, что сказано выше о прусскихъ феодалахъ. Такова обычная, но печальная судьба сословія, сходящаго съ историческаго поприща. Забываютъ благородныя слова великаго прусскаго государственнаго мужа, аристократа въ душѣ: „дворянство,— писалъ баронъ Штейнъ,—должно избѣгать всякаго призрака алчности или стремленія къ пріобрѣтенію“ [1]). Сами Нѣмцы въ то время

[1]) Pertz: Stein's Leben, VI, стр. 15.

мало имъ внимали, и Нибуръ могъ писать Штейну: „дворянство, за немногими исключеніями, спрашиваетъ только, гдѣ можно талеры выиграть или проиграть“ [1]. Русское дворянство не имѣетъ ни той узкости взглядовъ, ни того упорства въ преслѣдованіи цѣли, какими отличаются Нѣмцы; освобожденіе крестьянъ показало, что ему свойственны безкорыстныя и благородныя чувства. Но нельзя отрицать, что въ настоящемъ угнетенномъ его положеніи берутъ верхъ инаго рода стремленія. Когда сословіе чувствуетъ, что сила отъ него ускользаетъ, оно цѣпляется за отжившія свой вѣкъ привилегіи и особенно за денежныя выгоды, которыя испрашиваются у правительства подъ видомъ поддержки охранительныхъ элементовъ; это служитъ явнымъ признакомъ вырожденія. Когда въ немъ начинаетъ преобладать это направленіе, когда вмѣсто того, чтобы бодро смотрѣть впередъ, оно обращается назадъ, исторія отъ него отворачивается, и оно осуждено на паденіе. Но для реакціи именно такого рода силы служатъ самымъ удобнымъ орудіемъ. Окончательно восторжествовать онѣ не могутъ, но временно пріостановить движеніе, поселить смуту въ умахъ, въ особенности же пріобрѣсти разлагающемуся сословію нѣкоторыя матеріальныя выгоды, въ ущербъ нравственному достоинству, онѣ вполнѣ способны. Отъ этого можетъ пострадать только отечество.

Какъ реакціонная партія составляетъ крайность консерватизма, такъ радикальная партія является крайностью либерализма. Если либералы, стремясь къ улучшеніямъ, нерѣдко покидаютъ практическую почву во имя теоретическихъ началъ, то для радикаловъ отвлеченная идея, доведенная до крайнихъ послѣдствій, составляетъ начало и конецъ всѣхъ ихъ политическихъ воззрѣній. Отъ этого они не отступаютъ ни на шагъ. Радикализмъ не признаетъ ни жизни, ни исторіи. Для него нѣтъ ничего внѣ принятаго имъ начала, которое онъ хочетъ провести во всей его логической послѣдовательности. А такъ какъ этого нельзя сдѣлать безъ кореннаго измѣненія всего существующаго порядка, то радикальная партія естественно принимаетъ революціонный характеръ. Въ этомъ отношеніи она существенно отличается отъ партіи либеральной. Послѣдняя стремится достигнуть своихъ цѣлей посредствомъ свободнаго развитія общества, предоставляя послѣднему все большій и большій просторъ; радикализмъ, напротивъ, всегда готовъ прибѣгнуть къ насилію, безъ котораго онъ не можетъ осуществить своихъ плановъ. Поэтому, отправляясь отъ свободы, онъ въ концѣ концовъ становится отъявленнымъ ея противникомъ. Самый жестокій изъ всѣхъ деспотизмовъ тотъ, который установляется

[1] Тамъ же, стр. 100.

радикалами. Онъ водворяется во имя идеи, исключительной и нетерпимой; онъ взываетъ къ слѣпымъ страстямъ народныхъ массъ, которыя однѣ могутъ дать ему поддержку въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ; наконецъ, онъ совершенно неразборчивъ на средства, оправдывая ихъ благою цѣлью, какъ часто бываетъ, когда люди прибѣгаютъ къ насилію во имя мысли. Съ другой стороны, эта безпредѣльная преданность односторонней идеѣ и готовность все принести ей въ жертву даютъ радикальной партіи такую энергію, которою никогда не обладаютъ либералы. Иногда даже небольшая, но сплоченная и дисциплинированная группа представляетъ общественный элементъ, съ которымъ приходится считаться. Когда же радикальная партія, вслѣдствіе революціонныхъ движеній, достигаетъ господства, она можетъ явиться такою всесокрушающею силой, передъ которою падаютъ всѣ преграды. Дѣятели первой Французской Революціи представляютъ тому примѣръ. Конечно, это господство всегда недолговѣчно; оно неизбѣжно уступаетъ мѣсто реакціи.

Но всего опаснѣе становится радикализмъ, когда онъ переходитъ въ утопію. Тутъ самая идея принимаетъ такую форму, которая дѣлаетъ ее совершенно неприложимою къ жизни, а между тѣмъ, во имя ея отрицается весь существующій общественный строй. Таковъ именно соціализмъ. Мы видѣли, что это—ученіе, противорѣчащее и самому себѣ, и природѣ человѣка, и всему, что создано и выработано всемірною исторіей. Въ основаніяхъ своихъ оно представляетъ только хаосъ безсвязныхъ понятій. Оно хочетъ облагодѣтельствовать человѣческій родъ, и для этого оно превращаетъ человѣка въ слѣпое орудіе всеохватывающей машины. Всякое личное начало, а потому всякая энергія, всякая иниціатива, всякая самодѣятельность въ немъ подавляются. Во имя свободы происходитъ полнѣйшее отрицаніе свободы; во имя нравственности водворяется всеобщее принужденіе, то-есть полнѣйшая безнравственность; во имя обилія всѣхъ земныхъ благъ проповѣдуется порядокъ вещей, который можетъ имѣть послѣдствіемъ только повальную нищету. Политическій строй, который сулится въ будущемъ, есть деспотизмъ толпы, безгранично властвующей и надъ личностью и надъ имуществомъ всѣхъ и каждаго, то-есть, худшее, что только можетъ изобрѣсти человѣческій умъ. Когда же, среди самихъ приверженцевъ этого ученія, чувство свободы возмущается противъ такого порядка, то единственнымъ для нихъ исходомъ представляется анархія. Соціализмъ вѣчно колеблется между самымъ безумнымъ деспотизмомъ и полною анархіей. Это—двѣ вѣтви, выростающія изъ одного корня. Обѣ основаны на полномъ отрицаніи всего существующаго во имя фантастическаго идеала; въ этомъ они

сходятся, и надобно сказать, что въ этомъ отношеніи анархисты имѣютъ великое преимущество передъ коллективистами, ибо фантастическій идеалъ свободы все-таки лучше, нежели фантастическій идеалъ полнѣйшаго рабства. Практическое же отношеніе къ существующему у нихъ одинакое Соціалисты, равно какъ и анархисты, объявляютъ обществу войну на жизнь и на смерть. Считая себѣ все позволеннымъ противъ общества, въ которомъ они видятъ только воплощеніе неправды, они готовы на всякія преступленія. Только опасеніе наказанія и желаніе пріобрѣсти приверженцевъ, принимая на себя личину уваженія къ закону, заставляютъ ихъ иногда дѣйствовать парламентскимъ путемъ. Но истинная цѣль борьбы, состоящая въ разрушеніи всего существующаго общественнаго строя, нисколько не скрывается. Іюньскіе дни и ужасы парижской Коммуны, а равно и подвиги русскихъ нигилистовъ показываютъ, чего можно ожидать отъ этого направленія, а то пламенное сочувствіе къ этимъ событіямъ, которое высказывается даже парламентскими дѣятелями, принадлежащими къ этой партіи, доказываетъ, что для нихъ законная агитація есть только маска и орудіе разрушенія. Организуясь въ сплоченную партію, соціализмъ становится общественною силой, которая тѣмъ опаснѣе, что она увлекаетъ за собою массы, неспособныя понять то, что имъ проповѣдуютъ, и обольщаемыя приманками всевозможныхъ благъ. Соціалъ-демократія составляетъ главную язву современныхъ европейскихъ обществъ. Она грозитъ имъ страшными катастрофами и обнаруживаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма невысокій уровень современной политической мысли. Можно даже удивляться, какимъ образомъ такое совершенно превратное пониманіе всѣхъ общественныхъ и государственныхъ отношеній можетъ найти столь широкое распространеніе среди образованныхъ народовъ и сдѣлаться грозною общественною силой, съ которою приходится бороться, и притомъ съ весьма сомнительнымъ успѣхомъ. Это было бы даже невѣроятно, еслибы это не былъ фактъ, который стоитъ у всѣхъ передъ глазами, свидѣтельствуя о глубокой болѣзни современнаго человѣчества.

Причинъ этого явленія слѣдуетъ искать въ отношеніи различныхъ политическихъ направленій къ общественнымъ классамъ. Мы уже говорили объ общественныхъ классахъ (II, кн. 3, гл. 6). Мы видѣли, что они образуются естественнымъ движеніемъ экономическихъ силъ, которое производитъ неравное распредѣленіе богатства, а съ тѣмъ вмѣстѣ установляетъ іерархическое строеніе общества. При сословномъ порядкѣ эти различныя наслоенія замыкаются въ корпоративные союзы съ юридическою организаціей. Въ общегражданскомъ порядкѣ юридическія перегородки падаютъ; люди могутъ свободно пере-

двигаться внизъ и вверхъ; но различіе наслоеній остается, а съ этимъ связывается различіе интересовъ и направленій. Мы старались характеризовать природныя свойства главныхъ общественныхъ группъ и ихъ отношенія къ политическимъ направленіямъ. Естественно, что верхніе слои, которые пользуются всѣми жизненными благами, болѣе заинтересованы въ сохраненіи существующаго, а потому болѣе одержимы охранительнымъ духомъ, нежели нижніе, которые стремятся улучшить свое положеніе. Охранительные элементы находятъ естественную свою опору въ накопленномъ вѣками богатствѣ и образованіи, ибо это именно то, что требуется охранять. Съ другой стороны, когда нижніе слои, получивши свободу, стремятся пріобщиться къ жизненнымъ благамъ, матеріальнымъ и умственнымъ, то это стремленіе нельзя не признать вполнѣ естественнымъ и законнымъ. Превратное отношеніе начинается только тогда, когда ихъ увѣряютъ, что это участіе въ высшихъ благахъ можетъ пріобрѣтаться не собственною дѣятельностью и трудомъ, не медленнымъ развитіемъ общественной жизни, а разрушеніемъ существующаго и присвоеніемъ себѣ того, что принадлежитъ другимъ. Такой путь, безъ сомнѣнія, гораздо проще и легче, нежели первый. Чтобы произвести переворотъ, нужно только приложеніе физической силы, а именно ею масса обладаетъ въ избыткѣ. Понять же, что разрушеніе къ добру не приводитъ и, вмѣсто богатства, можетъ породить только общую нищету и отдалить въ неопредѣленную даль достиженіе цѣли, массы не въ состояніи, ибо ихъ умственный уровень такъ же низокъ, какъ и матеріальный. Поэтому, когда демагоги, которыхъ цѣль состоитъ не въ будущемъ облагодѣтельствованіи человѣческаго рода, а въ пріобрѣтеніи настоящей власти и вліянія, разжигаютъ ихъ страсти и ведутъ ихъ на бой, онѣ готовы за ними слѣдовать. Этимъ объясняется современное распространеніе соціалистическихъ ученій. Пока массы содержались въ повиновеніи самымъ юридическимъ строемъ общества, который не выпускалъ ихъ изъ крѣпостной зависимости, онѣ могли проявлять свое недовольство только временными вспышками, которыя вскорѣ и подавлялись. Когда же, съ водвореніемъ общегражданскаго порядка, онѣ получили свободу, а съ дальнѣйшимъ развитіемъ государственной жизни онѣ облеклись и политическими правами, онѣ сдѣлались доступны всякаго рода пропагандѣ. Онѣ стали общественною силой, съ которою надобно считаться и которая могла обратиться въ орудіе политической и общественной борьбы. Этимъ и не замедлили воспользоваться демагоги, которыхъ проповѣдь, приноровленная къ низкому пониманію массъ и взывающая къ ихъ страстямъ и къ ихъ интересамъ, получаетъ легкій доступъ въ неприготовленныхъ умахъ. Такимъ образомъ,

современная болѣзнь европейскихъ обществъ находитъ объясненіе не въ упадкѣ, а въ ростѣ общественнаго организма, въ появленіи на сцену новыхъ, доселѣ дремавшихъ общественныхъ силъ, вовсе еще не приготовленныхъ къ дѣятельности и требующихъ разумнаго руководства. Въ недостаткѣ этого руководства заключается главное современное зло. Исправить его могутъ только дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія. Соціализмъ можетъ быть побѣжденъ лишь высшимъ развитіемъ науки и постепеннымъ распространеніемъ благосостоянія въ массахъ.

Отношеніе различныхъ политическихъ направленій къ общественнымъ классамъ даетъ имъ реальную силу. Теоретическіе взгляды получаютъ опору въ общественныхъ интересахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и самыя направленія, примыкая къ тому или другому общественному классу, видоизмѣняютъ свой характеръ. Чѣмъ болѣе интересъ извѣстной общественной группы преобладаетъ надъ общими взглядами, чѣмъ болѣе она старается оградить или улучшить свое положеніе, тѣмъ болѣе отношенія партій получаютъ характеръ борьбы классовъ. Прежде всего образуются партіи аристократическая и демократическая. Первая носитъ по преимуществу охранительный характеръ, вторая преимущественно радикальный, хотя изъ числа аристократовъ нерѣдко выходятъ самые опасные демагоги, которые ищутъ власти, опираясь на народныя массы. Тамъ, гдѣ между этими двумя элементами нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, борьба неизбѣжно принимаетъ острый характеръ и окончательно приводитъ къ водворенію деспотизма. Таково именно было положеніе древнихъ республикъ. Но мы видѣли, что въ новое время борьба смягчается развитіемъ среднихъ классовъ, которые, занимая мѣсто между крайностями, мало-по-малу становятся главными дѣятелями на политическомъ поприщѣ. Высшіе слои среднихъ классовъ естественно примыкаютъ къ охранительному направленію, низшіе къ радикальному; самое же ядро является главнымъ носителемъ либеральныхъ началъ. Этимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечивается преобладаніе среднихъ партій, что и составляетъ нормальное явленіе въ государственной жизни. Вмѣсто ожесточенной борьбы, является возможность уступокъ и соглашеній, а потому и правильнаго развитія.

Мы видѣли однако, что не одно количество собственности имѣетъ вліяніе на духъ и направленіе различныхъ общественныхъ группъ; важное значеніе принадлежитъ и ея качеству. Поземельная собственность, своею прочностью и неизмѣнностью, подчиненіемъ связаннаго съ нею земледѣльческаго быта вѣчному порядку природы, способствуетъ развитію въ землевладѣльцахъ охранительнаго духа. Этотъ классъ служитъ самою крѣпкою опорой государственнаго порядка.

Прочно утвержденная поземельная собственность даетъ ему и ту независимость, которая дѣлаетъ его общественною силой, и безъ которой нѣтъ сколько-нибудь развитой общественной жизни, а тѣмъ болѣе политической свободы. Только въ независимыхъ людяхъ можетъ утвердиться стойкое сознаніе права, способное противостоять бюрократическому произволу. Въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣетъ крупная поземельная собственность, которая составляетъ главную матеріальную опору аристократіи. Съ независимостью она даетъ и мѣстное вліяніе и досугъ для занятія общественными дѣлами. Аристократія, которая не вращается въ придворныхъ сферахъ, а дорожитъ своимъ мѣстнымъ значеніемъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ охранительной партіи. Соединяя въ себѣ уваженіе къ преданіямъ съ самостоятельностью положенія, чувство права съ привязанностью къ порядку, пониманіе государственныхъ потребностей съ сознаніемъ своего общественнаго призванія, она даетъ общественному движенію ту устойчивость, безъ которой нѣтъ правильнаго развитія. Даже тамъ, гдѣ она не пользуется особыми политическими правами, она остается однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ общественной жизни. Классъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, понимающій истинное свое призваніе и дорожащій болѣе своимъ нравственнымъ вліяніемъ, нежели возбуждающими вражду привилегіями и милостями сверху, составляетъ для общества и для государства такой драгоцѣнный оплотъ, котораго ничто не можетъ замѣнить. Охранительная партія, въ особенности, безъ него лишается самой существенной своей силы.

Но и мелкая поземельная собственность, при нормальныхъ отношеніяхъ, служитъ не меньшею опорой охранительныхъ элементовъ. Тамъ, гдѣ мелкіе собственники искусственными преградами и несправедливыми тягостями не возбуждаются противъ существующаго общественнаго строя, гдѣ они пользуются должнымъ огражденіемъ и свободою, они, въ силу присущаго имъ охранительнаго духа, всегда готовы стоять за порядокъ. Въ особенности соціалистическія стремленія находятъ въ нихъ самый сильный отпоръ, какъ доказываетъ примѣръ Франціи. Но, конечно, опору охранительнымъ элементамъ можетъ дать только личная собственность; напротивъ, учрежденія въ родѣ нашего общиннаго владѣнія всего болѣе могутъ способствовать развитію соціалистическаго направленія.

Совершенно иной характеръ имѣетъ движимая собственность. Она связана не столько съ неизмѣннымъ порядкомъ природы, сколько съ личною дѣятельностью человѣка. Этою дѣятельностью она создается и накопляется, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, все въ увели-

чивающемся размѣрѣ. Своею способностью принимать всевозможныя формы, переноситься съ мѣста на мѣсто, дробиться и соединяться, она служитъ главнымъ орудіемъ промышленнаго развитія, а съ тѣмъ вмѣстѣ источникомъ прогрессивныхъ стремленій. Она, по преимуществу, составляетъ принадлежность среднихъ классовъ, отъ которыхъ исходятъ либеральныя движенія. Но опираясь на собственность, это движеніе сохраняетъ умѣренный характеръ. Промышленность требуетъ порядка; поэтому, при всякихъ смутахъ, промышленные классы склонны поддерживать реакцію. При низкомъ умственномъ и общественномъ уровнѣ они готовы даже вовсе отказаться отъ общественной дѣятельности и примкнуть ко всякому правительству, которое обезпечиваетъ имъ порядокъ и матеріальныя выгоды.

Совершенно иное имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ всякая собственность исчезаетъ и единственнымъ достояніемъ человѣка остаются личныя его силы. Какъ уже было объяснено въ *Ученіи объ Обществѣ*, умственный пролетаріатъ служитъ самымъ ревностнымъ дѣятелемъ радикальной и соціалистической пропаганды, а матеріальный пролетаріатъ является главнымъ его орудіемъ и жертвой. Но бороться съ этимъ зломъ одними полицейскими мѣрами есть предпріятіе, представляющее весьма мало шансовъ на успѣхъ. Временно зло можетъ быть подавлено, но оно возрождается еще съ большею силой, и чѣмъ строже принимаемыя мѣры, тѣмъ болѣе онѣ возбуждаютъ противъ себя общество. Глубоко вкоренившееся общественное зло излѣчивается не внѣшними, а внутренними лѣкарствами. Разлагающимъ элементамъ надобно противопоставить крѣпкія общественныя силы, которыя однѣ въ состояніи возвратить здоровье расшатанному организму.

Для дѣйствія на массы всего важнѣе вліяніе религіи, которая черезъ это получаетъ значеніе общественнаго и даже политическаго начала. Вообще, религія играетъ видную роль въ исторіи партій. Нерѣдко она является преобладающимъ интересомъ, вокругъ котораго группируются люди. Таковымъ она становится особенно въ эпохи религіозной борьбы, когда различныя религіозныя направленія стараются вытѣснить другъ друга, захвативъ въ свои руки или подчинивъ своему вліянію государственную власть. Нѣкоторые изъ важнѣйшихъ переворотовъ въ новой исторіи совершились при сильномъ участіи религіознаго элемента въ политической борьбѣ. Таковы были обѣ англійскія революціи. Политическій урокъ, который можно вывести изъ этихъ явленій, состоитъ въ томъ, что смѣшеніе политики съ религіей всегда есть великое зло. Оно вовлекаетъ религію въ область измѣнчивыхъ человѣческихъ отношеній, а въ политику вноситъ элементъ религіозной нетерпимости, всего менѣе согласный съ практическими

требованіями умѣренности и уступчивости, составляющими истинную сущность политическихъ отношеній. Тутъ является посягательство на права совѣсти и возбужденіе фанатическихъ страстей, дѣлающее невозможными всякія сдѣлки. Устраненіе этого элемента изъ политической борьбы составляетъ поэтому одно изъ существенныхъ требованій здравой политики, какъ въ отношеніи къ государственной власти, такъ и въ отношеніи къ партіямъ. Если религія должна своимъ вліяніемъ на народъ противодѣйствовать разрушительнымъ стремленіямъ, то это должно совершаться путемъ мирной и свободной проповѣди, проникающей въ сердца, а не помощью правительства, обращающаго религію въ орудіе своихъ цѣлей. Тутъ всего важнѣе частная дѣятельность духовенства, сознающаго свое призваніе; соединеніе же религіозной проповѣди съ политическими видами можетъ только ослабить это вліяніе.

Это относится и къ религіознымъ партіямъ, которыя образуются въ наше время на почвѣ политической и религіозной свободы. Католическое духовенство въ особенности, исполненное властолюбивыхъ стремленій, не ограничивается своимъ религіознымъ призваніемъ и нравственнымъ дѣйствіемъ на паству; храня средневѣковыя преданія, оно пытается подчинить своему вліянію и свѣтскую область. Нерѣдко оно вступаетъ въ политическую борьбу и употребляетъ духовное оружіе для ниспроверженія своихъ враговъ. Съ своей стороны, противники іерархическихъ притязаній далеко не всегда соблюдаютъ должную мѣру. Они не довольствуются устраненіемъ неумѣстныхъ требованій, но вступаются въ область, принадлежащую церкви, и хотятъ подчинить ее государству. На приверженцевъ клерикализма воздвигается гоненіе; священники изгоняются изъ школы, сестры милосердія изъ госпиталей. Ожесточеніе борьбы доходитъ до того, что благочестіе становится поводомъ къ исключенію изъ общественныхъ должностей. Въ этихъ крайностяхъ повинны въ особенности радикалы, когда имъ удается получить власть въ свои руки. Но и государственные люди первой величины не избѣгаютъ этого искушенія, когда, превозносясь своими успѣхами, они считаютъ для себя все возможнымъ и все дозволеннымъ. Здѣсь однако они встрѣчаютъ сопротивленіе, которое показываетъ имъ границы земнаго могущества. Передъ ними воздвигается духовная сила, о которую сокрушаются всѣ орудія матеріальной власти. Князь Бисмаркъ испыталъ это на себѣ. Не смотря на свое гордое заявленіе, что онъ не пойдетъ въ Каноссу, онъ принужденъ былъ смириться передъ внѣшнимъ безсиліемъ папы. Результатомъ его политики было то, что въ Германіи образовалась крѣпко сплоченная католическая партія, которая съ удивительнымъ искус-

ствомъ умѣла завоевать себѣ рѣшающее положеніе въ парламентѣ и заставить правительство вступить съ нею въ соглашеніе и взять назадъ всѣ свои мѣры. Во Франціи, напротивъ, клерикализмъ былъ нападающею стороной. Вступивъ въ союзъ съ монархическими партіями, которымъ онъ служилъ общею связью, онъ выступилъ на политическое поприще и былъ побѣжденъ. Здѣсь крайности антиклерикальнаго направленія были вызваны политическою дѣятельностью духовенства. Послѣднему пришлось отступить, послѣ того какъ властный голосъ папы провозгласилъ совмѣстимость религіи со всякимъ образомъ правленія и предписалъ согласное съ христіанствомъ уваженіе къ существующей власти. Собственный интересъ католической церкви требуетъ сохраненія тѣсной связи съ государствомъ, установленной Конкордатомъ; но именно эта связь въ значительной степени мѣшаетъ свободѣ ея движеній. Участіе въ политической борьбѣ противорѣчитъ оффиціальному ея положенію. Вслѣдствіе этого, во Франціи никогда не могла образоваться чисто клерикальная партія, имѣющая свою организацію и своихъ вождей. Въ Бельгіи, гдѣ этого препятствія нѣтъ, гдѣ церковь является свободнымъ союзомъ, католическая партія не только играетъ значительную политическую роль, но она совершенно поглотила въ себѣ всѣ консервативные элементы. Здѣсь католическая партія есть охранительная партія. Это даетъ ей значительную силу въ народныхъ массахъ. Вслѣдствіе этого, съ расширеніемъ избирательнаго ценза, она получила преобладаніе, между тѣмъ какъ во времена господства среднихъ классовъ постоянно первенствовалъ умѣренный либерализмъ. Демократизація выборовъ повела къ тому, что старая либеральная партія почти исчезла; другъ противъ друга остались клерикалы и соціалисты. Такое развитіе крайностей, обостряющее борьбу, конечно, мало обѣщаетъ въ будущемъ. Оно всегда служитъ признакомъ ненормальнаго состоянія общества. Къ этому мы вернемся еще ниже.

Мы видѣли, что интересы религіи связываются иногда съ интересами извѣстной національности. Это производитъ новое осложненіе въ составѣ и цѣляхъ партій. Національные интересы выступаютъ въ особенности тамъ, гдѣ различныя народности соединяются въ одномъ государствѣ. При существованіи политической свободы естественно, что каждая изъ нихъ образуетъ свою партію, къ которой примыкаютъ иногда люди весьма различныхъ направленій, связанные общимъ желаніемъ отстаивать права своей народности. Для притѣсняемыхъ народностей это имѣетъ огромныя выгоды. Онѣ могутъ поднимать свой голосъ, предъявлять свои требованія, вынуждать уступки. Это можетъ имѣть большія выгоды и для владычествующаго государ-

ства: участіе въ совокупныхъ интересахъ привязываетъ людей къ общему порядку и содѣйствуетъ объединенію. Но для этого необходима разумная политика, стремящаяся къ удовлетворенію справедливыхъ требованій. Когда же владычествующая народность хочетъ воспользоваться своимъ превосходствомъ для притѣсненія подвластныхъ, то это можетъ вести лишь къ нескончаемымъ раздорамъ. Въ особенности если государство составлено изъ разнообразныхъ племенъ, которыя всѣ предъявляютъ свои притязанія, положеніе становится весьма затруднительнымъ. Правительство, которое хочетъ опираться на парламентское большинство, принуждено лавировать между различными партіями, стараясь уравновѣсить ихъ одну другою, и путемъ частныхъ сдѣлокъ и уступокъ направлять ихъ къ совокупной цѣли. При такихъ условіяхъ собственно парламентское правленіе становится невозможнымъ. Тутъ требуется правительство, стоящее надъ партіями и отъ нихъ независимое. Таково именно положеніе Австріи.

Даже одна народность, предъявляющая притязанія на самостоятельное существованіе, можетъ причинить громадныя затрудненія. Сплоченная партія, хотя бы она состояла въ меньшинствѣ, можетъ имѣть рѣшающій голосъ въ законодательныхъ вопросахъ; отъ нея часто зависитъ судьба министерствъ. Она можетъ прямо затормозить всякую парламентскую дѣятельность. Примѣръ представляютъ Ирландцы. Искусная организація и ловкая политика ирландской партіи подъ предводительствомъ Парнелля заставили вождя англійскаго либерализма пойти на уступки и произвели расколъ въ средѣ самихъ либераловъ. Ирландскій вопросъ сдѣлался первенствующимъ въ англійской политикѣ. Въ настоящую минуту онъ отошелъ на второй планъ лишь благодаря громадному большинству, полученному консерваторами вслѣдствіе происшедшей реакціи. Но, безъ сомнѣнія, онъ въ недалекомъ будущемъ всплыветъ снова.

Еще хуже, когда положеніе подвластной народности связано съ отношеніями къ иностраннымъ державамъ. Тутъ можетъ случиться, что господствующая національность хочетъ утвердить свое владычество, а подвластная взываетъ къ чужестранной помощи. При такихъ отношеніяхъ всего болѣе требуется разумная и осторожная политика; но партіи, увлекаемыя патріотизмомъ, всего менѣе къ этому способны. Въ пылу одушевленія, онѣ закрываютъ глаза на дѣйствительность и не хотятъ признать ни требованій справедливости, ни внушеній благоразумія. Именно такою безразсудною политикой датская національная партія привела къ отторженію Шлезвигъ-Гольштейна.

Національная партія можетъ образоваться и въ предѣлахъ одной народности, когда требуется объединеніе разрозненныхъ частей. Въ

такомъ случаѣ національныя стремленія обыкновенно соединяются съ либеральными началами и могутъ принять даже революціонный характеръ. Препятствіемъ объединенію являются династическіе интересы отдѣльныхъ правительствъ, которымъ противополагаются требованія свободы и право народа самому опредѣлять свою судьбу. При этомъ въ средѣ самой національной партіи могутъ существовать различные оттѣнки, смотря по тому, какое устройство имѣется въ виду. Такъ напримѣръ, въ Германіи послѣ 1848 г. была великогерманская партія, которая хотѣла объединенія со включеніемъ Австріи, и малогерманская, которая признавала возможнымъ только единство, исключающее Австрійскую Имперію. Обыкновенно эти національныя стремленія подавляются, какъ революціонныя, до тѣхъ поръ, пока одно изъ правительствъ не догадается, что въ его выгодахъ стать во главѣ движенія и тѣмъ увеличить свою силу. Въ Италіи эту роль разыгралъ Піэмонтъ, въ Германіи Пруссія.

И въ объединенномъ тѣмъ или другимъ путемъ государствѣ можетъ сохраняться противоположность партій, стремящихся одна къ централизму, другая къ партикуляризму. Въ федеративныхъ республикахъ это противоположеніе составляетъ, какъ мы видѣли, весьма обыкновенное явленіе, вытекающее изъ самаго порядка вещей. И въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ это былъ центральный пунктъ всей внутренней политики. Но отношеніе этихъ двухъ направленій къ другимъ началамъ политической жизни можетъ быть разное. Иногда партикуляризмъ соединяется съ консерватизмомъ въ видахъ сохраненія завѣщанныхъ вѣками мѣстныхъ особенностей и учрежденій; радикализмъ, напротивъ, хочетъ воспользоваться центральною властью, чтобы все подвести подъ одинъ уровень. Таково отношеніе партій въ Швейцаріи. Иногда же, наоборотъ, приверженцы мѣстнаго самоуправленія опираются на чисто демократическія начала, чтобъ отвергнуть всякое вмѣшательство центральной власти. Такова была въ Соединенныхъ Штатахъ демократическая партія, основанная Джефферсономъ.

Все это однако продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока есть существенные вопросы, раздѣляющіе мѣстные интересы и общіе. Таковъ былъ въ Соединенныхъ Штатахъ вопросъ о невольничествѣ. Но можетъ настать время, когда всѣ подобные вопросы рѣшены, когда жизнь вошла въ извѣстную колею и противоположность мѣстныхъ интересовъ и общихъ сгладилось. Тогда различныя программы партій теряютъ свое значеніе, и онѣ остаются только какъ готовыя организаціи для проведенія тѣхъ или другихъ частныхъ интересовъ. Таково именно отношеніе ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ настоящее время. Это—худшее, до чего партія можетъ дойти. Всякое умственное и прав-

ственное содержаніе въ ней исчезаетъ; она теряетъ свое политическое значеніе и становится чисто стачкою людей, стремящихся воспользоваться общественнымъ достояніемъ для своихъ частныхъ выгодъ.

Для того, чтобы понять, какимъ образомъ можетъ произойти такое паденіе, надобно разсмотрѣть, что такое организація партій.

ГЛАВА II.

Организація партій.

Всякое политическое направленіе, для того чтобы сдѣлаться дѣйствительною общественною силой, должно быть организовано. Это одно даетъ ему способность дѣйствовать на практическомъ поприщѣ. Неорганизованное общественное мнѣніе представляетъ только хаосъ разнорѣчащихъ взглядовъ и направленій, который въ данную минуту, подъ вліяніемъ извѣстныхъ теченій, увлекается иногда въ одну сторону съ неудержимою силой и въ такомъ случаѣ можетъ получать рѣшающее вліяніе на ходъ дѣлъ, но который въ обыкновенномъ порядкѣ вещей неспособенъ служить опорою для какой-либо правильной политической дѣятельности. Каждый можетъ черпать изъ него все, что хочетъ. Уловить его часто нѣтъ возможности, ибо у него нѣтъ признанныхъ органовъ, а тѣ, которые громче другихъ поднимаютъ голосъ и тѣмъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе, часто вовсе не представляютъ господствующаго направленія. Въ этомъ нестройномъ хорѣ истина перемѣшивается съ ложью, здравыя понятія съ туманными представленіями и упорными предразсудками, а трезвый голосъ всего менѣе имѣетъ шансовъ быть услышаннымъ. Таковъ характеръ общественнаго мнѣнія даже въ странѣ съ такимъ высоко развитымъ политическимъ пониманіемъ, какъ Англія. „Это великое смѣшеніе безразсудства, слабости, предразсудковъ, ложныхъ чувствъ, вѣрныхъ чувствъ, упорства и газетныхъ статей, которое называется общественнымъ мнѣніемъ“, писалъ сэръ Робертъ Пиль въ 1820 году, когда еще демократизація общества не усилила темныхъ сторонъ этого элемента, играющаго въ свободныхъ странахъ первенствующую политическую роль. Для того, чтобъ изъ этого нестройнаго говора образовать прочную политическую силу, нужна организація партій. Она замѣняетъ собою прежнія сословныя и корпоративныя связи, раздѣляя общество не по происхожденію, не по интересамъ, а по идущимъ сверху до низу политическимъ направленіямъ. Это составляетъ необходимое условіе всякой сколько-нибудь развитой политической жизни и къ этому она неизбѣжно приводитъ. Если люди хотятъ дѣйствовать вмѣстѣ, они должны организоваться.

Однако, далеко не все общество примыкаетъ къ организованнымъ партіямъ. Послѣднія всегда составляютъ меньшинство, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ политическая жизнь достигаетъ наибольшей интенсивности и распространяется до самыхъ глубокихъ слоевъ. Внѣ организованныхъ партій всегда остается нейтральная масса, которая, примыкая къ той или другой сторонѣ, даетъ ей перевѣсъ. Этимъ объясняется смѣна партій въ парламентской борьбѣ, и это составляетъ великое благо, ибо партіи, увлекаемыя своими страстями и односторонними взглядами, часто упускаютъ изъ вида общественную пользу. Нейтральное мнѣніе стоитъ между ними, какъ безпристрастный судья, котораго голосъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Но если эта неустроенная масса своимъ вѣсомъ рѣшаетъ побѣду, то сама по себѣ она къ дѣйствію совершенно неспособна. Это признаютъ всѣ серіозные наблюдатели политической жизни. „Масса неорганизованнаго мнѣнія," говоритъ Брайсъ, „совершенно безсильна противъ сплоченныхъ партій" [1]). Поэтому, если послѣднія преслѣдуютъ свои частныя цѣли и одинаково вредны для общества, то честнымъ людямъ остается только образовать новую партію съ самостоятельнымъ устройствомъ; но это стоитъ неимовѣрныхъ усилій и часто все-таки не вѣнчается успѣхомъ, ибо издавна организованныя партіи имѣютъ свои хорошо извѣстные имъ пути, орудія и способы дѣйствія, съ которыми бороться весьма мудрено. Политическая жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ представляетъ тому чрезвычайно поучительные примѣры. Отсюда необходимость для всѣхъ честныхъ гражданъ, принимающихъ живое участіе въ дѣлахъ своего отечества, примкнуть къ той или другой политической организаціи и стараться направить ее къ общему благу. Держаться въ сторонѣ отъ партій значитъ обрекать себя на безсиліе. Это возможно для теоретика, но не для практика.

Организація партій, также какъ и самаго государственнаго управленія, можетъ быть двоякая: центральная и мѣстная. Первая имѣетъ въ виду совокупную дѣятельность въ парламентѣ, вторая главнымъ образомъ подготовку выборовъ.

Парламентская дѣятельность партіи требуетъ прежде всего совокупной программы. Недостаточно общаго направленія; нужно намѣтить тѣ практическіе вопросы, которые партія намѣрена проводить или поддерживать, и тѣ способы рѣшенія, которые, при данныхъ условіяхъ, считаются достижимыми или полезными. На этотъ счетъ мнѣнія могутъ, конечно, быть весьма разнообразны; но ихъ надобно свести къ единству посредствомъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній.

---

1) The Amer. Comm. 2-е изд. II, стр. 318.

Безъ уступокъ нѣтъ совокупной дѣятельности, а потому нѣтъ и партіи. Вслѣдствіе этого, государственнымъ людямъ приходится иногда поддерживать мѣры, несогласныя съ ихъ убѣжденіями. Пока это не касается основныхъ началъ, на которыхъ зиждется извѣстное направленіе, это совершенно неизбѣжно, ибо никто не можетъ имѣть притязанія направлять общія дѣла по своему личному усмотрѣнію. Когда дѣйствуешь съ другими, приходится дѣлать имъ уступки. Рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь мнѣніе большинства; но и большинство въ свободныхъ соглашеніяхъ принуждено идти на уступки. Еслибы оно вздумало насиловать убѣжденія меньшинства, оно произвело бы расколъ. Только добровольное согласіе обезпечиваетъ совокупную дѣятельность. Въ этомъ отношеніи важнѣйшую роль играетъ признанный партіею вождь. Тамъ, гдѣ прочно утвердилось парламентское правленіе, партіи всегда имѣютъ своихъ вождей. Въ Англіи этотъ обычай установился издавна. Какъ скоро одинъ вождь сходитъ со сцены, немедленно избирается другой. Это одно даетъ партіи возможность дѣйствовать, какъ дисциплинированная армія, и вступить въ управленіе дѣлами, какъ скоро противники остались въ меньшинствѣ. Только въ случаѣ если партія надолго лишена возможности сдѣлаться правительствомъ, она можетъ временно остаться безъ предводителя. Гдѣ нѣтъ такихъ прочно организованныхъ партій, тамъ нѣтъ и вождей; но это ведетъ къ ослабленію партійной организаціи, а вслѣдствіе того къ раздробленію партій на мелкія группы и къ шаткости политическаго положенія. Таково именно состояніе партій въ современной Франціи. Поэтому здѣсь такъ часто мѣняются министерства. Ни одно изъ нихъ не имѣетъ за собою прочнаго большинства, на которое бы оно могло опираться. Приходится изъ различныхъ группъ набирать людей, которые не пользуются достаточнымъ авторитетомъ. Случайное голосованіе можетъ низвергнуть правительство, которое наканунѣ еще стояло, повидимому, совершенно прочно. Англійская организація партій имѣетъ безспорно громадныя преимущества; но она требуетъ твердыхъ преданій, политическаго смысла и духа дисциплины, которые вырабатываются только долговременною практикою правильной политической жизни и всего менѣе могутъ утвердиться въ странѣ, подвергавшейся всевозможнымъ переворотамъ и колебаніямъ.

Не меньшую важность имѣетъ организація мѣстная, которою подготовляются выборы. Тутъ прежде всего рождается вопросъ объ отношеніи мѣстной организаціи къ центральной: подчиняется ли первая послѣдней, получая отъ нея руководство, или, наоборотъ, направленіе идетъ снизу и центральное представительство является только отраженіемъ мѣстныхъ требованій? Нечего распространяться о томъ,

что первое одно обезпечиваетъ вліяніе выдающихся людей и возвышаетъ умственный и нравственный уровень партіи. Но послѣднее болѣе согласно съ демократическими стремленіями. Въ Сѣверной Америкѣ эта противоположность обнаружилась въ примѣненіи къ выбору президента. Первые президенты намѣчались соглашеніемъ главныхъ парламентскихъ дѣятелей; они назначали кандидатовъ, за которыхъ партіи подавали свой голосъ. Но впослѣдствіи этотъ способъ былъ признанъ несогласнымъ съ демократическими началами, и кандидаты стали назначаться съѣздами делегатовъ отъ каждой отдѣльной мѣстности, выбранныхъ собраніями членовъ партіи. Вслѣдствіе этого, на съѣздахъ образуется множество группъ, изъ которыхъ каждая выставляетъ своего кандидата. Начинаются безконечныя интриги и упорная борьба. Случается, что ни одинъ кандидатъ не можетъ получить большинства и, наконецъ, проскакиваетъ такой, котораго первоначально никто не имѣлъ въ виду. Подобный порядокъ менѣе всего обезпечиваетъ хорошіе выборы.

Таже противоположность элементовъ и направленій обнаруживается и въ чисто мѣстной организаціи. И тутъ существуетъ двоякое устройство, изъ которыхъ одно можно назвать аристократическимъ, а другое демократическимъ. Первое состоитъ въ томъ, что передъ выборами вліятельные люди мѣстности, принадлежащіе къ извѣстной партіи, образуютъ комитетъ, который намѣчаетъ кандидатовъ и ведетъ избирательную кампанію. Когда выборы происходятъ въ болѣе или менѣе обширныхъ округахъ и въ множественномъ числѣ, списки кандидатовъ нерѣдко установляются по соглашенію съ центральными комитетами, при чемъ послѣдніе могутъ получить болѣе или менѣе значительное вліяніе. Во всякомъ случаѣ, тутъ направленіе опять идетъ сверху. При демократическомъ устройствѣ, напротивъ, главный центръ тяжести лежитъ въ первоначальныхъ собраніяхъ избирателей, принадлежащихъ къ извѣстной партіи. Тутъ самое назначеніе кандидатовъ совершается какъ бы путемъ всенароднаго голосованія; но на дѣлѣ оно попадаетъ въ руки дѣльцовъ, преслѣдующихъ свои личныя цѣли. Тотъ порядокъ, который повсемѣстно установился въ Соединенныхъ Штатахъ, представляетъ тому весьма назидательный образецъ. Здѣсь организація партій доведена до возможнаго совершенства. Такъ какъ, при республиканскомъ устройствѣ, выборы происходятъ весьма часто и во множествѣ, то образуются постоянные комитеты, которые руководятъ всей операціей и направляютъ ее по своему изволенію. Они составляютъ такъ называемые „кружки“ (rings), во главѣ которыхъ стоятъ „тузы“ (bosses). Въ ихъ рукахъ находится все мѣстное управленіе партій. Они ведутъ списки членовъ и разсылаютъ при-

глашенія на съѣзды, при чемъ тщательно устраняются всѣ тѣ, которые не хотятъ подчиняться ихъ руководству. Всякій сомнительный членъ просто исключается изъ списковъ или устраняется рѣшеніемъ подобраннаго большинства. Вслѣдствіе этого, списокъ кандидатовъ, заранѣе составленный кружкомъ, всегда получаетъ одобреніе собранія и становится оффиціальнымъ спискомъ партіи. Сами предводители не только постоянно избираются вновь, но въ случаѣ успѣха получаютъ возможность раздавать всѣ зависящія отъ партіи мѣста своимъ приверженцамъ и агентамъ. Эта раздача должностей составляетъ истинную цѣль всей организаціи. Такъ какъ послѣдняя требуетъ постоянной и усиленной работы, то она становится жизненнымъ занятіемъ особеннаго класса людей, которые получаютъ названіе *политикановъ*. Это своего рода ремесло, часто весьма грязное, но требующее значительнаго умѣнія, ловкости и знанія людей. Тутъ приходится всякими средствами обработывать массу, привлекать членовъ къ партіи, поддѣлывать списки такъ, чтобы на съѣздахъ получить нужное большинство, интриговать, расточать клевету, входить въ нечистыя сдѣлки. Все это, конечно, нельзя дѣлать даромъ. Вознагражденіемъ служатъ разныя общественныя должности, которыми располагаетъ партія, получающая перевѣсъ. Это и становится главною цѣлью дѣятельности кружковъ. Какъ скоро партія восторжествовала, она выгоняетъ всѣхъ своихъ противниковъ и замѣщаетъ всѣ должности своими приверженцами. Этотъ порядокъ господствуетъ сверху до низу, на всѣхъ ступеняхъ, отъ общинныхъ выборовъ до выбора президента республики. Вся администрація Соединенныхъ Штатовъ ничто иное какъ система хищенія общественныхъ должностей въ виду частныхъ выгодъ; это способъ наживы людей, дѣлающихъ изъ политики жизненное ремесло. У Брайса, сочувствующаго демократическимъ учрежденіямъ, можно прочесть поистинѣ ужасающую картину этихъ порядковъ, отъ которыхъ лучшая часть общества, тѣ, которые не хотятъ себя грязнить, устраняется съ омерзѣніемъ. Кто воображаетъ, что демократическая республика ведетъ къ господству народной воли, тотъ можетъ убѣдиться, что эта предполагаемая народная воля въ концѣ концовъ приводитъ къ господству организованныхъ шаекъ грабителей общественнаго имущества. Если Американцы, при ихъ изумительной энергіи и ихъ практическомъ смыслѣ, терпятъ такой порядокъ вещей, то это происходитъ единственно отъ того, что, при маломъ объемѣ государственной дѣятельности, политическая жизнь играетъ у нихъ несравненно меньшую роль, нежели промышленные интересы. Люди занятые не считаютъ нужнымъ бросать свои частныя дѣла, чтобъ участвовать въ этой грязной борьбѣ, требующей неимовѣрныхъ усилій для полу-

ченія весьма неважныхъ результатовъ. Между тѣмъ, свобода, для того чтобы держаться на надлежащемъ уровнѣ, требуетъ постояннаго напряженія со стороны честныхъ гражданъ, которымъ дорого благо отечества. Безъ этого общественное дѣло неизбѣжно попадаетъ въ руки людей, стремящихся извлекать изъ него свои частныя выгоды.

Въ Европѣ, гдѣ демократическіе нравы далеко не получили такого преобладанія, гдѣ вліяніе высшихъ слоевъ общества коренится въ преданіяхъ прошлаго и гдѣ, наконецъ, самые политическіе вопросы ставятся выше и шире, демократическая организація выборовъ не могла утвердиться. Конституціонная монархія въ особенности, по самому своему устройству, даетъ перевѣсъ образованнымъ классамъ. Даже тамъ, гдѣ успѣхи демократіи ведутъ къ большему или меньшему извращенію политическихъ порядковъ, остаются преданія и учрежденія, представляющія существенныя гарантіи противъ распространяющагося зла. Самая соціалистическая партія, которая представляетъ наиболѣе благопріятное поприще для демагогіи, принуждена выступать во имя общихъ началъ, а не довольствоваться стремленіемъ къ частной наживѣ. Въ Европѣ есть общественный духъ, который держитъ партіи на извѣстной высотѣ и даетъ перевѣсъ лучшимъ ихъ элементамъ. Особенно при первоначальномъ образованіи партій самымъ благопріятнымъ условіемъ является сосредоточеніе политической жизни въ высшихъ, образованныхъ слояхъ общества. Тутъ меньше элементовъ, которые требуется сплотить, и ихъ легче соединить вокругъ разумной программы. Важнѣйшую роль играетъ въ этомъ дѣлѣ независимая аристократія, которая, какъ уже было объяснено выше, по самому своему положенію призвана руководить общественною дѣятельностью и обладаетъ наибольшимъ политическимъ смысломъ. Великое преимущество англійскихъ партій заключается въ томъ, что онѣ сложились и упрочились подъ руководствомъ политической аристократіи. Напротивъ, средніе классы, болѣе расплывчатые и занятые преимущественно промышленными интересами, менѣе всѣхъ другихъ способны къ организаціи, требующей дисциплины и самоотверженной дѣятельности. Низшіе же классы, повинующіеся стадному чувству, лишены внутренней состоятельности и легко подпадаютъ подъ власть демагоговъ, если ими не руководитъ духовенство или бюрократія.

Какова бы, впрочемъ, ни была мѣстная организація партій, во всякомъ случаѣ она требуетъ значительной дѣятельности и издержекъ. Нужно печатать и разсылать программы и воззванія, нанимать мѣста для сходокъ, иногда приготовлять самыя записки, на которыхъ обозначаются имена кандидатовъ. Въ особенности необходимо вербовать приверженцевъ среди нейтральнаго населенія, отъ котораго оконча-

тельно зависитъ исходъ. Для всего этого нужны многочисленные агенты, умѣлые, ловкіе и дѣятельные. Прежде, нежели происходятъ выборы, они должны быть тщательно подготовлены. За кулисами идетъ дѣятельная агитація, и явная и путемъ интриги. Партія, которая пренебрегаетъ этими средствами или не умѣетъ ими пользоваться, всегда будетъ побита. При этомъ легко водворяется и подкупъ, прямой или косвенный, путемъ обѣщаній, угощеній и т. п. Законъ и общественная совѣсть полагаютъ этому нѣкоторый предѣлъ; но тамъ, гдѣ законъ слабъ, а общественная совѣсть стоитъ на низкой степени, самыя неблаговидныя продѣлки получаютъ право гражданства. Во всякомъ случаѣ, даже когда выборная агитація происходитъ вполнѣ правильно и законно, она требуетъ болѣе или менѣе значительныхъ издержекъ. Это даетъ перевѣсъ людямъ состоятельнымъ. При демократической организаціи, съ этою цѣлью учреждаются партійныя кассы, которыя пополняются частью добровольными, а нерѣдко и вынужденными пожертвованіями. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ этихъ видахъ налагается контрибуція на всѣхъ получившихъ общественныя должности по выбору или по назначенію партіи. Въ концѣ концовъ организація оплачивается плательщиками податей.

Каждая партія естественно должна имѣть и свои органы въ ежедневной печати. Это составляетъ одно изъ важнѣйшихъ орудій дѣйствія, и здѣсь журналистика находитъ настоящее свое мѣсто. Пока она служитъ только выраженіемъ неопредѣленнаго общественнаго мнѣнія, она представляетъ лишь нестройную смѣсь случайныхъ и личныхъ мыслей и направленій. При отсутствіи политической жизни, ежедневная печать принуждена обсуждать текущіе вопросы безъ настоящаго знанія и безъ надлежащей свободы. Лишенная непосредственнаго практическаго вліянія, она остается въ отвлеченной теоретической сферѣ, гдѣ открыто широкое поприще для всякаго рода мнѣній и сужденій. Но именно къ теоретическому обсужденію вопросовъ ежедневная печать менѣе всего способна. Какъ говорилъ Сисмонди, серіозное обсужденіе вопросовъ совершается въ книгахъ. Отрѣшенный отъ практической почвы, журнализмъ остается праздною болтовней, въ которой основательные и образованные умы рѣдко принимаютъ участіе. Онъ попадаетъ въ руки второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей, которымъ серіозная работа не по силамъ. Съ своей стороны, публика, воспитанная на этомъ пустомъ разглагольствованіи, пріобрѣтаетъ привычку легкомысленно судить о всѣхъ вопросахъ. Ей ежедневно кладутъ въ ротъ готовыя фразы, которыя она принимаетъ на вѣру, избавляясь отъ всякаго умственнаго напряженія. Воспитанное журнализмомъ общественное мнѣніе представляетъ хаосъ празд-

ныхъ толковъ, сбивчивыхъ понятій и шаблонныхъ сужденій, въ которомъ выдающуюся роль играютъ тѣ, которые менѣе всего стѣсняются нравственными соображеніями и умѣютъ угодить вкусамъ и страстямъ весьма неприхотливой массы читателей. Тутъ нѣтъ еще настоящихъ политическихъ партій, а есть только задорные голоса, которые принимаются за выразителей различныхъ направленій.

Исходомъ изъ такого положенія можетъ быть только серіозная политическая жизнь, направляющая умы къ практическимъ вопросамъ и создающая условія для всесторонняго ихъ освѣщенія. Въ ней журналистика получаетъ настоящее свое значеніе: она становится органомъ различныхъ сплотившихся въ партіи направленій общественной мысли. Но и тутъ она является оружіемъ обоюдо-острымъ. Духъ партіи всего менѣе способствуетъ добросовѣстному исканію истины; напротивъ, онъ обыкновенно ведетъ къ намѣренному ея затемнѣнію. Вся задача заключается въ томъ, чтобы побороть противниковъ, представивъ чужое мнѣніе въ невыгодномъ свѣтѣ. Самые очевидные факты скрываются или искажаются немилосердно; ложь расточается безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти; клевета сыплется полными руками. Мы видѣли сужденія о журналистикѣ выдающихся либеральныхъ писателей (II, стр. 325). Прибавимъ къ этому мнѣніе одного изъ великихъ государственныхъ людей нынѣшняго вѣка, подтверждающее сказанное: „При настоящемъ состояніи общественнаго духа и общей нравственности," писалъ Штейнъ Нибуру въ 1821 г., „я считаю свободу печати для журналовъ и газетъ учрежденіемъ пагубнымъ; она открываетъ свободное поле корыстнымъ стремленіямъ издателей и всѣмъ ихъ негоднымъ страстямъ и поверхностнымъ взглядамъ, дозволяя имъ извращать важнѣйшіе вопросы государства и церкви и въ извращенномъ видѣ представлять ихъ суду великой, пустой и поверхностной толпы, swinish multitude (свинская толпа). Предметы, подлежащіе только компетенціи серьезныхъ и дѣльныхъ людей, не должны обсуждаться за чайными столами, въ винныхъ погребахъ или на пивныхъ скамейкахъ. Пускай свобода преній имѣетъ мѣсто въ собраніяхъ народныхъ представителей, въ серіозныхъ и основательныхъ печатныхъ произведеніяхъ; но пустая шваль (das loose Gesindel) памфлетистовъ и газетчиковъ должна быть обуздана, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока нынѣшнее одичавшее поколѣніе не исчезло и новыя учрежденія не пустили глубокихъ корней" (Pertz, V, стр. 633). Въ другомъ письмѣ онъ писалъ Эйхгорну: „свобода печати, какъ и всякое свободное проявленіе человѣческаго духа, есть, безъ сомнѣнія, великое благо, и злоупотребленіе ею становится безвреднымъ, какъ скоро въ странѣ существуютъ свободныя учрежденія, дозволяющія гражданамъ созна-

тельно участвовать въ общественныхъ дѣлахъ; гдѣ таковыхъ нѣтъ, они, съ одной стороны, не находятъ поученія въ практической жизни, а съ другой стороны они отдаются на жертву поверхностнымъ, самозваннымъ, предубѣжденнымъ, безстыднымъ памфлетистамъ; обсужденіе политическихъ вопросовъ попадаетъ въ самыя недостойныя руки" (Тамъ же, стр. 859). И въ письмѣ къ книгопродавцу Котта: „Я не другъ журнализма; онъ убиваетъ основательную науку; мѣсто ея занимаетъ поверхностная и злобная политическая стряпня, которая ищетъ подписчиковъ, льститъ страстямъ массы и въ концѣ концовъ управляетъ государствами" (Тамъ же, VI, стр. 1048). Эти строки могли бы казаться писанными для нашего времени. Въ странахъ съ мало развитою политическою жизнью повторяются одни и тѣже явленія.

Обратить эту хаотическую смѣсь добра и зла въ органы серіозной общественной мысли, направить это обоюдо-острое оружіе къ общественной пользѣ, должно быть одною изъ главныхъ задачъ политики партій. И только партіи въ состояніи это сдѣлать; правительство въ этомъ дѣлѣ совершенно безсильно. Оно можетъ, сколько угодно, обуздывать журналистику; оно можетъ издавать противъ нея самые суровые законы; если пробужденная общественная мысль не имѣетъ другихъ органовъ, черезъ которые она можетъ высказываться, она останется въ рукахъ журналистики, и чѣмъ больше послѣдняя подвергается стѣсненіямъ, тѣмъ болѣе она получитъ неправильный ходъ и тѣмъ болѣе отъ нея будутъ устраняться серіозные умы, оставляя мѣсто беззастѣнчивымъ и бойкимъ писателямъ, стремящимся угодить либо правительству, либо публикѣ, смотря по тому, отъ кого они надѣются получить бо̀льшія выгоды. Только нравственный авторитетъ людей, стоящихъ во главѣ политическихъ партій и пользующихся общественнымъ вѣсомъ, способенъ эти бродячія стихіи ввести въ правильную колею. И это должно быть предметомъ самаго серіознаго ихъ вниманія. Уровень журналистики служитъ выраженіемъ умственнаго и нравственнаго уровня партіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея способности дѣйствовать на общество и быть полезнымъ элементомъ государственной жизни.

Однако, даже при наилучшихъ условіяхъ, журналистика всегда представляетъ такія темныя стороны, которыя, если не перевѣшиваютъ, то во всякомъ случаѣ значительно умаляютъ приносимую ею пользу. Дѣйствительно серіозные журналы, съ нравственными требованіями, съ сознаніемъ своей отвѣтственности, съ желаніемъ безпристрастно выяснять общественные вопросы, всегда составляютъ исключеніе. Они требуютъ такого соединенія силъ и талантовъ, которое встрѣчается рѣдко, ибо крупныя дарованія обыкновенно уходятъ на

болѣе высокія поприща; журнализмъ служитъ имъ лишь переходною ступенью. Притомъ, чѣмъ серіознѣе и основательнѣе журналъ, тѣмъ менѣе онъ доступенъ массѣ публикѣ, а потому тѣмъ менѣе онъ читается. Съ демократизаціей общества, въ особенности, требуется ежедневное чтеніе, приноровленное ко вкусамъ и понятіямъ необразованной массы. Кромѣ центральныхъ органовъ, нужны и мѣстные, а для послѣднихъ вовсе не достаетъ силъ. При такихъ условіяхъ, масса избирателей питается дешевыми изданіями, которыя наполняются мѣстными сплетнями и менѣе всего могутъ имѣть притязанія на серіозную политическую мысль. Только долговременная политическая опытность и развитіе практическаго смысла, въ особенности подъ вліяніемъ высшихъ, образованныхъ слоевъ общества, можетъ придать журналистикѣ характеръ, отвѣчающій болѣе высокимъ общественнымъ потребностямъ. Въ этомъ отношеніи англійская журналистика представляется образцовою. Конечно, и она не отличается безпристрастіемъ; этого отъ журналистики и нельзя ожидать. Но въ ней господствуетъ удивительно трезвый взглядъ на вещи, въ соединеніи съ основательнымъ знаніемъ состоянія и потребностей страны. Она не увлекается мечтами; въ ней установились извѣстные нравы и выработался языкъ, приспособленный къ практическому дѣлу и умѣющій соблюдать приличія. Во Франціи есть также нѣсколько органовъ, занимающихъ высокое мѣсто въ политической литературѣ. Но масса газетъ вездѣ представляетъ печальное явленіе. Ежедневная политическая полемика, кипящая во всѣхъ углахъ страны, гдѣ политическая жизнь разлита во всѣхъ слояхъ населенія, мало содѣйствуетъ поднятію уровня общества и выясненію вопросовъ. Скорѣе она ихъ затемняетъ, спутывая понятія и поставляя партійныя цѣли и интересы на мѣсто возвышеннаго и безкорыстнаго стремленія къ общественной пользѣ.

Тѣмъ большее значеніе получаютъ тѣ проявленія общественной мысли, которыя могутъ служить восполненіемъ и поправкой этихъ весьма невысокаго свойства явленій. Сюда принадлежатъ собранія, въ которыхъ выдающіеся люди излагаютъ свои политическіе взгляды передъ избирателями или передъ публикой. Политическія собранія бываютъ двоякаго рода: избирательныя и случайныя, созванныя по тѣмъ или другимъ поводамъ. Первыя совершенно необходимы при политической борьбѣ. Надобно, чтобъ избиратели знали, кого они выбираютъ, каковы направленія и программы кандидатовъ. Печатныхъ программъ и журнальныхъ статей недостаточно; живое слово дѣйствуетъ несравненно сильнѣе: оно убѣждаетъ и увлекаетъ слушателей. Только при этомъ условіи вопросы ставятся въ надлежащей широтѣ и полнотѣ. Поэтому избирательныя сходки вошли въ общій обычай,

какъ необходимая принадлежность выборовъ. Но и случайныя собранія не менѣе важны. Они нужны не только для постояннаго взаимнаго общенія между избирателями и избираемыми, но и для развитія политическаго смысла въ обществѣ. Парламентскія рѣчи рѣдко воспроизводятся журналами цѣликомъ; онѣ читаются весьма немногими. Поэтому, въ высшей степени полезно, чтобы передовые политическіе дѣятели, отъ которыхъ исходитъ направленіе, приходили въ живое соприкосновеніе съ страной, излагали передъ собранными массами свои политическіе взгляды и такимъ образомъ содѣйствовали распространенію здравыхъ политическихъ понятій. Никакіе журналы не въ состояніи этого замѣнить. Для жителей провинціи, ограничивающихся чтеніемъ мѣстныхъ газетъ, появленіе крупнаго парламентскаго дѣятеля, съ просвѣщенными взглядами и выдающимися способностями, составляетъ событіе, которое можетъ имѣть благотворное вліяніе на весь ихъ образъ мыслей. Въ Англіи такое живое общеніе парламентскихъ вождей съ мѣстною публикой вошло въ постоянный обычай; оно играетъ весьма важную роль въ борьбѣ партій и въ колебаніяхъ общественнаго мнѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что такія собранія могутъ служить орудіемъ дѣйствія и для демагоговъ. Поприще открыто для всѣхъ, а потому здѣсь, какъ и во всякой свободной борьбѣ, приходится напрягать всѣ умственныя и нравственныя силы, чтобъ увлечь за собою людей. Только при этомъ условіи вопросы освѣщаются съ разныхъ сторонъ и могутъ получить правильное рѣшеніе. Такого рода собранія пріучаютъ людей и къ взаимной терпимости. Тамъ, гдѣ они вошли въ нравы, въ собраніяхъ установляется строгій порядокъ и не терпятся нарушенія. Напротивъ, въ странѣ, гдѣ часто разыгрывались революціонныя страсти, нетерпимость, особенно крайнихъ партій, проявляется при всякомъ удобномъ случаѣ. Во Франціи соціалисты въ публичныхъ собраніяхъ не только постоянно стараются заглушить голосъ противниковъ, но и зачастую дерутся между собою. Эти безобразныя явленія свидѣтельствуютъ о томъ низменномъ уровнѣ, который у нихъ господствуетъ.

При организаціи партій необходимы и постоянныя ассоціаціи, съ комитетами для руководства дѣйствіемъ. Когда эти комитеты образуются изъ парламентскихъ вождей, они составляютъ естественную принадлежность общей организаціи партій. Но постоянные мѣстные комитеты, какъ показываетъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, ведутъ къ господству сплоченныхъ шаекъ, которыя заправляютъ всѣми дѣлами и подтасовываютъ выборы въ виду своихъ частныхъ цѣлей. Еще опаснѣе политическіе союзы, стоящіе въ сторонѣ отъ парламентской дѣятельности и полагающіе себѣ цѣлью производить агитацію въ странѣ. Вашингтонъ предостерегалъ своихъ согражданъ отъ подоб-

ныхъ учрежденій. Когда съ постоянною организаціей соединяется постоянное публичное обсужденіе всевозможныхъ политическихъ вопросовъ, то изъ этого образуются революціонные клубы, которые служатъ самымъ сильнымъ средствомъ для разжиганія народныхъ страстей. Для крайнихъ партій это составляетъ самое удобное и могучее орудіе дѣйствія. Франція представляла тому неоднократные примѣры. Поэтому, закрытіе клубовъ было всегда первымъ дѣйствіемъ правительствъ, стремившихся къ возстановленію порядка. Однако, политическіе союзы, направленные къ достиженію извѣстной цѣли, могутъ принести и существенную пользу. Въ Англіи Лига для отмѣны хлѣбныхъ законовъ сослужила великую службу народу и государству. Но нужны крѣпкіе политическіе нравы, чтобы выдержать подобную агитацію, которая можетъ быть направлена и на цѣли далеко не общеполезныя.

Во всякомъ случаѣ, не могутъ быть терпимы организаціи тайныя. Онѣ образуются тогда, когда цѣль, которую онѣ себѣ ставятъ, противорѣчитъ закону. Бывали однако тайныя общества и съ совершенно невинными, чисто теоретическими цѣлями и направленіемъ. Таковы масоны, образующіе тайное братство во имя нравственныхъ началъ, отрѣшенныхъ отъ всякаго вѣроисповѣданія. Они возникли въ тѣ времена, когда и нравы и законодательства не допускали свободнаго выраженія своихъ убѣжденій. Таинственность, соединенная съ разными странными обрядами, служила къ привлеченію членовъ, въ числѣ которыхъ бывали самыя высокопоставленныя лица. Въ прежнія времена эти союзы могли принести значительную пользу, какъ для смягченія нравовъ, такъ и для распространенія образованія. Дѣятельность Новикова и его товарищей въ Россіи служитъ тому свидѣтельствомъ. При нынѣшнихъ условіяхъ вся эта таинственность и эти обряды представляютъ не болѣе какъ забаву, которой напрасно придаютъ серіозное значеніе. Воспрещать эти союзы нѣтъ никакого повода, ибо они совершенно безвредны. Но не таковы тайные союзы, которые ставятъ себѣ не теоретическую, а практическую цѣль. Политическія тайныя общества образуются тогда, когда въ обществѣ пробудилась политическая мысль, а между тѣмъ всякая политическая дѣятельность для него закрыта, или же когда часть общества, принципіально враждебная существующему порядку, готовитъ оружіе для его разрушенія. Таковы были тайныя общества, которыми Европа покрылась во второе и третье десятилѣтія настоящаго вѣка. Исторія показываетъ однако, что серіозныхъ результатовъ они нигдѣ не достигли и, вообще, принесли несравненно болѣе вреда, нежели пользы. Политическая жизнь народовъ двигается не тайными путями, а явною дѣятельностью.

Самые перевороты тогда только ведутъ къ прочному измѣненію порядка вещей, когда они вызываются широко распространеннымъ неудовольствіемъ и имѣютъ общенародный характеръ. Тайныя общества всегда составляютъ ничтожное меньшинство, которое принуждено дѣйствовать скрытыми путями и совершенно безсильно противъ организованной правительственной власти. Производимыя ими вспышки легко подавляются, а учиняемые ими акты насилія вызываютъ только реакцію и укрѣпляютъ правительство, вокругъ котораго соединяются всѣ люди, дорожащіе общественнымъ порядкомъ. Наибольшее оправданіе подобныя общества находятъ въ тѣхъ странахъ, которыя подчинены иноземному владычеству; являясь дѣйствіемъ внѣшняго насилія, оно не оставляетъ инаго исхода, кромѣ приготовленія тайныхъ средствъ для его низверженія. Но и въ этомъ случаѣ дѣйствіе тайныхъ обществъ не въ состояніи исполнить своей задачи, а можетъ принести громадный вредъ. Не мацциписты освободили Италію, а правительство Піэмонта, поддержанное Франціей. Въ Польшѣ дѣятельность тайныхъ обществъ, которыя произвели возстаніе 1863 года, съ сопровождавшимъ его терроромъ, парализовала всякія реформы и надолго повергла страну въ самое приниженное положеніе. Вмѣсто подъема національности, она привела только къ вящему ея порабощенію.

Тамъ, гдѣ нѣтъ національнаго вопроса, дѣятельность тайныхъ обществъ находитъ еще менѣе почвы и ведетъ къ столь же пагубнымъ послѣдствіямъ. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, общеевропейская мода на тайныя общества проникла и къ намъ. Поводомъ послужило то дѣйствительно вопіющее противорѣчіе, въ которомъ находилась система управленія, руководимая Аракчеевымъ, съ тѣми либеральными началами, которыя были провозглашены самимъ императоромъ Александромъ. Лучшіе русскіе люди, возмущенные произволомъ, съ безкорыстною преданностью примкнули къ этой организаціи, въ которой они видѣли спасеніе отечества. Но почвы у нихъ не было никакой. При гражданскомъ порядкѣ, основанномъ на крѣпостномъ правѣ, мечтать о политической свободѣ было чистымъ безуміемъ. Безспорно благородныя стремленія не были соображены съ условіями жизни. Поэтому и результатъ былъ плачевный: цвѣтъ русскаго общества былъ уничтоженъ; всякая независимость исчезла; мысль подверглась безпощадному гоненію. Въ теченіи тридцати лѣтъ на русской землѣ лежалъ тяжелый гнетъ, что, въ свою очередь, вызвало потребность преобразованій. Вдающіяся въ крайность направленія всегда производятъ противоположное тому, что они имѣютъ въ виду.

Къ подобному же результату привели и тѣ тайныя общества, ко-

торыя возникли на нашихъ глазахъ въ шестидесятыхъ годахъ и существуютъ вѣроятно и доселѣ. Тутъ не было даже и повода къ составленію тайныхъ организацій. Правительство не только не угнетало подданныхъ, но совершало величайшія реформы, которыя когда-либо были произведены какимъ-либо правительствомъ; онѣ вполнѣ отвѣчали насущнымъ потребностямъ народа и открывали передъ Россіей великую будущность. При такихъ условіяхъ стремиться къ разрушенію существующаго общественнаго строя могли только люди, у которыхъ голова была вывернута на изнанку. Къ такого рода тайной организаціи могла примкнуть, конечно, уже не лучшая часть русскаго общества, а развѣ его отребье. Она пополнялась ничему не учившимися юношами, доведенными до фанатизма проповѣдью соціалистическихъ и радикальныхъ журналистовъ, которыхъ понынѣ еще превозносятъ, какъ великихъ дѣятелей на поприщѣ русской мысли. Средствами дѣятельности служили обманное хожденіе въ народъ, котораго старались взбунтовать всякаго рода сказками, тайная литература, революціонныя прокламаціи, а затѣмъ цѣлый рядъ покушеній и убійствъ, который завершился страшною смертью Царя, благодѣтеля своего народа. Плодомъ всего этого безумія было то, чего слѣдовало ожидать. Восторжествовала реакція, которой все это было на-руку. Правильное гражданское развитіе русскаго общества было нарушено; Россія была выбита съ законнаго пути, на который она была поставлена великими преобразованіями Александра II-го. Противъ терроризма снизу пришлось, какъ всегда, дѣйствовать терроромъ сверху. Русская земля была поставлена въ осадное положеніе; вмѣсто закона снова водворился произволъ. Когда подумаешь, что все это было дѣломъ ничтожной шайки, отличавшейся только скудоуміемъ, невѣжествомъ и дерзостью, можно придти въ нѣкоторое сомнѣніе на счетъ умственнаго состоянія современнаго поколѣнія. Когда молодые люди, не знающіе ни исторіи, ни права, ни политики, не имѣющіе ни малѣйшаго общественнаго вѣса и значенія, составляютъ тайныя общества для ниспроверженія всего существующаго порядка вещей, то подобное явленіе представляетъ такую глубину нелѣпости, съ которою едва ли что можетъ сравниться. Оно свидѣтельствуетъ лишь о томъ полномъ хаосѣ понятій, который у насъ существуетъ, и въ особенности о жалкомъ состояніи народнаго просвѣщенія. Если юноши, вступающіе въ такіе союзы, воображаютъ, что они этимъ путемъ готовятся быть гражданами своего отечества, то они жестоко ошибаются. Такого рода тайныя общества могутъ лишь окончательно сбить ихъ съ толку и дать имъ направленіе несовмѣстное ни съ какимъ гражданскимъ порядкомъ. Если же они образумятся, что весьма часто бываетъ, то обыкновенно они или обращаются въ смирныхъ и

покорныхъ чиновниковъ, или же, становясь отступниками, кидаются въ противоположную, столь же нелѣпую крайность.

Истинною школой гражданственности можетъ быть только явная, а не тайная общественная дѣятельность. Тамъ, гдѣ собственно политическая жизнь не существуетъ, для нея открыто поприще въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Здѣсь могутъ обозначаться различныя направленія общественной мысли, не въ теоретической только сферѣ, а въ связи съ живою дѣйствительностью, съ насущными потребностями общества. Здѣсь даже и при развитой политической жизни различныя партіи находятъ и поприще и опору. Мѣстнымъ вліяніемъ обезпечиваются политическіе выборы и дается возможность дѣйствовать въ центрѣ. Партія, не опирающаяся на мѣстныя силы, всегда остается шаткой и безпочвенной. Мѣстное самоуправленіе служитъ самою твердою основой общей политической жизни. Послѣдняя только тамъ прочна, гдѣ она вздымается на этомъ фундаментѣ.

Эта связь мѣстнаго самоуправленія съ политическими партіями имѣетъ, однако, какъ свою хорошую, такъ и свою дурную сторону. Выгоды состоятъ, прежде всего, въ томъ, что возбужденіемъ политическихъ вопросовъ мѣстное самоуправленіе, какъ уже было замѣчено выше, выводится изъ узкой сферы мелкихъ и личныхъ интересовъ. Черезъ это умственный и нравственный уровень общества поднимается; жизнь провинціи связывается съ общими интересами отечества. А съ другой стороны, политическія партіи изъ области теоретическихъ вопросовъ принуждены спуститься въ сферу практическаго приложенія. Онѣ приходятъ въ живое соприкосновеніе съ дѣйствительностью, съ насущными потребностями общества; программы ихъ получаютъ практическій характеръ. Эта живая связь между центромъ и отдѣльными мѣстностями служитъ лучшею школой политической жизни.

Но съ этими несомнѣнными выгодами сопряжены и существенные недостатки. Какъ скоро въ мѣстномъ самоуправленіи начинаютъ дѣйствовать политическія партіи, такъ общіе политическіе вопросы выдвигаются на первый планъ, часто заслоняя собою мѣстныя нужды. Выборы производятся уже не въ видахъ хорошаго управленія мѣстными дѣлами, а съ цѣлью дать торжество извѣстной партіи. Вслѣдствіе этого, дѣльные и полезные люди, принадлежащіе къ другой партіи, устраняются отъ участія въ мѣстномъ управленіи. Чѣмъ мельче округъ, тѣмъ эта невыгода ощутительнѣе. Въ парламентѣ, гдѣ сходятся люди изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей, различныя направленія находятъ своихъ представителей; оппозиція всегда играетъ здѣсь весьма значительную роль, и это служитъ къ пользѣ государства. Напротивъ, въ мелкой общинѣ, гдѣ выборы производятся по

общему списку, одна партія можетъ восторжествовать всецѣло, а другая можетъ быть вовсе исключена изъ дѣлъ. Это и ведетъ къ возможности образованія организованной шайки, которая ставитъ себѣ исключительною цѣлью пользованіе общественнымъ достояніемъ для своихъ частныхъ выгодъ, чему примѣры, какъ уже указано выше, представляютъ Соединенные Штаты.

Противодѣйствіемъ этому злу могутъ служить мѣры, ограждающія въ нѣкоторой степени мѣстное самоуправленіе отъ дѣйствія партій, какъ-то: удлиненіе срока выборовъ, учрежденіе должностей безвозмездныхъ или безсмѣнныхъ, обезпеченіе правъ меньшинства, наконецъ контроль правительственной власти. Важно также отдѣленіе мѣстныхъ выборовъ отъ политическихъ. Въ этомъ отношеніи различныя условія, въ которыхъ находится общество, могутъ вести къ различнымъ рѣшеніямъ. Тамъ, гдѣ политическая жизнь только-что зарождается и партіи не получили крѣпкой организаціи, полезно пріурочить политическіе выборы къ мѣстнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ люди успѣли сблизиться, столковаться и привыкли дѣйствовать вмѣстѣ. При такой системѣ, избиратели не представляютъ разсѣянной массы лицъ, большею частью вовсе не знающихъ другъ друга и сходящихся одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, за тѣмъ только, чтобы подать голосъ за часто неизвѣстнаго имъ кандидата. Тутъ есть уже прочные центры, которые могутъ служить опорою политической жизни. Но тамъ, гдѣ эти мѣстные центры подверглись уже разлагающему дѣйствію политическихъ партій, неизбѣжно разбивающихъ людей на противоположные лагери, полезно отдѣлить мѣстные выборы отъ политическихъ. Этимъ открывается возможность выбирать въ мѣстныя должности дѣльныхъ людей изъ другой партіи, не ослабляя этимъ своего политическаго вліянія. Черезъ это мѣстныя нужды становятся предметомъ спеціальнаго вниманія, а не приносятся въ жертву политическимъ видамъ.

Различныя отношенія партій имѣютъ вліяніе и на самую организацію мѣстнаго самоуправленія. Тамъ, гдѣ борьба еще не разыгралась, можно предоставить выбору должности, требующія безпристрастія, напримѣръ судебныя, которыя, напротивъ, при горячей борьбѣ партій, слѣдуетъ поставить въ независимое отъ нихъ положеніе. Вообще, чѣмъ болѣе стѣснена политическая жизнь, тѣмъ болѣе широкое поприще можно и должно предоставить мѣстному самоуправленію; только этимъ восполняется недостатокъ и полагается предѣлъ всемогуществу бюрократіи. Наоборотъ, съ развитіемъ политической жизни, сопровождаемой неизбѣжною борьбою партій, приходится принимать противъ послѣдней стѣснительныя мѣры; иначе она все заполонитъ. Въ этомъ отношеніи демократія находится въ самыхъ невыгодныхъ

условіяхъ. Предоставленіе верховной власти народной массѣ, не знающей никакихъ сдержекъ, именно и ведетъ къ тѣмъ безобразнымъ явленіямъ, которыя поражаютъ насъ въ Сѣверной Америкѣ. Гдѣ есть сдержки, зло несравненно меньше.

Зло заключается однако не въ однихъ учрежденіяхъ, но также, и всего болѣе, въ способахъ ими пользоваться. Это приводитъ насъ къ послѣднему вопросу, который подлежитъ нашему разсмотрѣнію, къ вопросу о способахъ дѣйствія партій.

ГЛАВА III.

Способы дѣйствія партій.

Политическія партіи, какъ и всѣ явленія человѣческой жизни, имѣютъ свои свѣтлыя и свои темныя стороны. Выше была объяснена необходимость организованныхъ партій при существованіи политической свободы. Самое разнообразіе общественныхъ потребностей и различіе человѣческихъ взглядовъ ведутъ къ образованію различныхъ политическихъ направленій, которыя, для того чтобы получить силу и дѣйствовать въ практической сферѣ, должны организоваться. Для государственной жизни это имѣетъ весьма значительныя выгоды.

Во-первыхъ, политическіе вопросы получаютъ всестороннее освѣщеніе. Каждая партія старается въ пользу своего взгляда привести всевозможные доводы. Ничто не остается скрытымъ; всякая общественная потребность находитъ своихъ защитниковъ и подвергается обстоятельному обсужденію.

Во-вторыхъ, существованіе оппозиціонной партіи, всегда готовой воспользоваться промахами противниковъ, служитъ самою сильною сдержкою бюрократическому произволу, а вмѣстѣ и постояннымъ побужденіемъ къ дѣятельности. Правительство принуждено вѣчно стоять на-сторожѣ, не упускать ничего, стараться отклонять удары, не оставлять открытаго мѣста для нападеній. За всякое свое дѣйствіе оно призывается къ отвѣту, и этотъ отвѣтъ долженъ быть таковъ, чтобъ онъ утвердилъ, а не поколебалъ его положеніе.

Въ-третьихъ, въ самихъ партіяхъ водворяется привычка къ дисциплинѣ, безъ которой нѣтъ совокупной дѣятельности, безъ чего нѣтъ даже возможности свести разнообразныя мнѣнія къ единству. Только при этомъ свойствѣ можетъ развиваться въ обществѣ самодѣятельность, которая составляетъ необходимое условіе преуспѣянія, и, наоборотъ, именно въ обществахъ, обладающихъ самодѣятельностью, партіи получаютъ наиболѣе крѣпкую организацію.

Въ-четвертыхъ, въ этой борьбѣ выдвигаются наиболѣе даровитые

люди. Каждая партія естественно ставитъ во главѣ своей вождей, способныхъ ею руководить и пользоваться ея силами для достиженія намѣченныхъ цѣлей. Правительство, съ своей стороны, даже когда оно возвышается надъ борьбою партій, не можетъ ввѣрять управленіе общественными дѣлами неспособнымъ лицамъ, которыя только роняютъ его достоинство и его авторитетъ. Угодливый министръ, который, при другихъ условіяхъ, продержался бы цѣлые десятки лѣтъ къ великому вреду государства, подвергаясь критикѣ оппозиціи, съ первыхъ же шаговъ окажется несостоятельнымъ. Правительственная дѣятельность, безъ сомнѣнія, становится затруднительнѣе, но именно поэтому она требуетъ высшихъ силъ.

Всѣ эти совершенно несомнѣнныя и неоспоримыя выгоды политическаго быта, который движется борьбою партій или, по крайней мѣрѣ, ее допускаетъ, имѣютъ однако и свою оборотную сторону. При наилучшихъ условіяхъ партійная борьба всегда представляетъ множество весьма некрасивыхъ явленій, а иногда она ведетъ къ гибельнымъ для государства послѣдствіямъ.

Во-первыхъ, принадлежность къ партіи неизбѣжно даетъ человѣку систематически одностороннее направленіе. Всякое непредубѣжденное и безпристрастное отношеніе къ явленіямъ общественной жизни исчезаетъ; членъ партіи на все смотритъ съ точки зрѣнія ея направленія и ея интересовъ. И этою односторонностью заражаются самые сильные практическіе умы, тѣ, которые призваны руководить другими. Только теоретикъ, стоящій въ сторонѣ отъ политической жизни, можетъ сохранить безпристрастный взглядъ на вещи. Въ особенности партія, долго находящаяся въ оппозиціи, привыкаетъ смотрѣть отрицательно на всѣ дѣйствія правительства, а въ концѣ концовъ и на самыя потребности власти и государства. Значительною поправкой этому злу служитъ парламентское правленіе, которое движется смѣною партій, а потому даетъ каждой изъ нихъ возможность на дѣлѣ познакомиться съ задачами и требованіями власти. Но для того, чтобы партія сдѣлалась способною управлять государствомъ, надобно, чтобъ она въ себѣ самой носила уже сознаніе государственныхъ началъ и способовъ ихъ осуществленія, а долгое пребываніе въ оппозиціи не содѣйствуетъ развитію этого сознанія.

Безпристрастное отношеніе къ интересамъ отечества становится тѣмъ болѣе рѣдкимъ, что, во-вторыхъ, при такой организаціи, духъ партіи болѣе и болѣе заслоняетъ собою безкорыстное стремленіе къ общему благу. Это составляетъ главную язву партійной борьбы. Общіе интересы совершенно теряются изъ вида или выставляются только какъ прикраса для частныхъ стремленій. Все вниманіе сосредоточи-

вается на томъ, чтобъ одолѣть противниковъ и стать на ихъ мѣсто. Духъ партіи охватываетъ всю политическую дѣятельность, сверху до низу. Все приносится въ жертву партійнымъ цѣлямъ, въ крайнихъ случаяхъ даже частнымъ интересамъ. Мы видѣли, что въ Соединенныхъ Штатахъ вся цѣль партій заключается въ томъ, чтобы получить власть въ свои руки и воспользоваться ею для личныхъ выгодъ.

Въ-третьихъ, въ этой ожесточенной борьбѣ естественно разгараются страсти. Спокойное обсужденіе государственныхъ вопросовъ замѣняется бурной агитаціей. Партіи, въ особенности оппозиціонныя, стараются возбудить общественное мнѣніе, подвинуть даже народныя массы противъ своихъ противниковъ. Нерѣдко взываютъ къ самымъ низменнымъ ихъ стремленіямъ. Злоба, зависть и ненависть водворяются въ обществѣ. Тамъ, гдѣ нѣтъ сильной власти, сдерживающей эту борьбу, она принимаетъ революціонный характеръ; раздоры партій ведутъ къ междоусобіямъ, а вслѣдствіе того къ паденію той свободы, которая ихъ породила.

Въ-четвертыхъ, для достиженія своихъ цѣлей партіи не пренебрегаютъ никакими средствами. Всякій вопросъ представляется въ видѣ приноровленномъ къ цѣлямъ партіи. Все, что для нея невыгодно, обходится молчаніемъ, а то, объ чемъ говорятъ, представляется въ искаженномъ видѣ. О добросовѣстномъ изслѣдованіи истины нѣтъ уже рѣчи; пристрастіе становится господствующимъ началомъ общественной жизни. Ложь охватываетъ все, сверху до низу; клевета расточается обильнѣйшими струями. Всякаго противника стараются закидать грязью, прямо или косвенно подорвать его значеніе. И противъ этихъ потоковъ лжи и клеветы нѣтъ никакого лѣкарства. Можно, сколько угодно, возстановлять извращенные факты и опровергать клевету; всякій вѣритъ только своей партіи и не вѣритъ другой. Въ этомъ хаосѣ нѣтъ даже возможности все опровергать, ибо ложь и клевета возобновляются ежедневно, ежечасно, по всякому поводу и во всѣхъ углахъ. Отсюда неизбѣжное пониженіе нравственнаго уровня общества. Люди становятся равнодушными ко лжи, какъ къ явленію самому обыкновенному, а тѣ, у которыхъ чувства не загрубѣли, удаляются отъ политическаго поприща.

Въ-пятыхъ, эта непрестанная борьба ведетъ къ неизбѣжному ослабленію правительственной власти. Если правительство, опирающееся на значительное большинство, черпаетъ изъ этого новыя силы, то правительство, имѣющее за себя лишь слабое большинство, или даже вовсе отрѣшенное отъ партій, всегда является шаткимъ. Оно принуждено вступать въ постоянные компромиссы. Во всякомъ случаѣ, значительная часть его силъ тратится на борьбу съ оппозиціей.

Спокойное занятіе государственными дѣлами невозможно для людей, которыхъ все вниманіе обращено на то, чтобы постоянно отражать враговъ и прикрывать свои позиціи. Подъ ожесточенными нападками противниковъ, особенно при возбужденіи народныхъ страстей, умѣренное и разумное правительство съ трудомъ можетъ держаться. Слабое же правительство неизбѣжно приходитъ къ паденію; при разгарѣ страстей это ведетъ обыкновенно къ установленію деспотизма, который полагаетъ конецъ борьбѣ тѣмъ, что на мѣсто ея водворяется произволъ.

Таковы выгоды и невыгоды, проистекающія изъ борьбы партій. Чѣмъ болѣе она обостряется, тѣмъ ярче выступаетъ невыгодная ея сторона: односторонность усиливается, страсти разгараются, духъ партіи заслоняетъ собою все и порождаетъ самыя безобразныя явленія. Напротивъ, когда борьба ведется въ предѣлахъ умѣренности, съ уваженіемъ къ противникамъ, съ соблюденіемъ нравственныхъ требованій, она является только естественнымъ выраженіемъ разнообразія человѣческихъ взглядовъ и потребностей и способствуетъ правильному рѣшенію вопросовъ. Отсюда слѣдуетъ, что первое и главное правило относительно политики партій заключается въ соблюденіи умѣренности. Это тоже самое правило, которое было выставлено выше, какъ руководящее начало правительственной дѣятельности. Какъ правительство, такъ и партіи должны прежде всего остерегаться преувеличенія собственнаго начала, памятуя, что всякое одностороннее начало не исчерпываетъ всей совокупности элементовъ и потребностей общественной жизни, а потому требуетъ восполненія. Высшая цѣль состоитъ все-таки въ соглашеніи, а борьба служитъ только средствомъ. Поэтому разумная консервативная партія всегда должна быть готова сдѣлать нужныя преобразованія, когда они вызываются общественными потребностями. Мы видѣли, что именно этой политики держатся англійскіе консерваторы. Съ своей стороны, прогрессивная партія всегда должна уважать существенныя основы государственной жизни и не посягать на тѣ учрежденія, которыя имѣютъ глубокіе корни въ исторіи и держатся собственною внутреннею силой. Можно сказать, что государственный смыслъ партій состоитъ въ умѣніи понимать истинную сторону въ мнѣніяхъ противниковъ.

При такой постановкѣ вопроса, очевидно, все сводится къ *своевременности* принимаемыхъ мѣръ. Это и есть основной вопросъ политики. Надобно знать, какія перемѣны вызываются жизнью, что̀ ею подготовлено и что̀ подверглось уже процессу разложенія и держится лишь искусственными средствами, представляющими остатокъ отжившихъ порядковъ. Это понятіе о своевременности есть то, что нынѣ

называется *оппортунизмомъ*. Крайнія партіи видятъ въ этомъ отреченіе отъ своихъ началъ, но въ сущности оппортунизмъ есть ничто иное какъ политика, которая имѣетъ дѣло не съ теоретическими принципами, а съ измѣняющимися потребностями и условіями практической жизни. Безъ вниманія къ своевременности дѣятельность партій обречена на безплодіе или можетъ произвести только вредную агитацію. Чистые теоретики могутъ отрѣшаться отъ условій времени и мѣста; практики ими связаны.

Отъ этихъ условій зависитъ и преобладаніе той или другой партіи въ данную минуту. Общій законъ состоитъ въ томъ, что при нормальномъ теченіи жизни господствуютъ среднія партіи, а въ борьбѣ выступаютъ крайнія. И въ нормальномъ развитіи могутъ потребоваться перемѣны: тогда преобладаніе естественно получаетъ прогрессивная партія; наоборотъ, когда нужно упрочить совершившуюся перемѣну, снова перевѣсъ получаетъ консервативная партія. Такимъ образомъ, при нормальномъ ходѣ вещей, оба направленія смѣняютъ другъ друга сообразно съ измѣняющимися потребностями и теченіемъ жизни.

Но совершенно иныя явленія наступаютъ, когда жизнь долго была задержана въ своемъ естественномъ развитіи. Тогда, вмѣсто постепенныхъ и умѣренныхъ улучшеній, приходится совершать ихъ разомъ. Упорный консерватизмъ вызываетъ потребность радикальныхъ перемѣнъ въ жизненномъ строѣ. Если есть власть, сознающая эти новыя потребности и способная руководить движеніемъ, преобразованія могутъ совершиться законнымъ путемъ, хотя и тутъ не обходится безъ борьбы. Если же безсильная власть предоставляетъ полный просторъ столкновенію партій, борьба неизбѣжно принимаетъ острый характеръ. Тогда среднія партіи разлагаются и сходятъ со сцены, а на мѣсто ихъ выступаютъ крайнія. Усиленіе послѣднихъ всегда служитъ признакомъ ненормальнаго порядка вещей. Оно означаетъ болѣзненное состояніе общества, изъ котораго оно можетъ выйдти только путемъ остраго кризиса.

Крайнія партіи, вообще, лучше организованы для борьбы, нежели среднія. Самая односторонность ихъ началъ крѣпче связываетъ людей и одушевляетъ ихъ фанатизмомъ, способнымъ увлечь колеблющіеся умы и разрушить воздвигнутыя предъ нимъ преграды. Поэтому нерѣдко фанатическое меньшинство, особенно въ минуты острой борьбы, получаетъ преобладаніе, на которое оно не могло бы расчитывать по своей численности. Отсюда, напримѣръ, успѣхи якобинцевъ въ первую Французскую Революцію. Среди разстройства, а частью бѣгства умѣренныхъ элементовъ и полнаго безсилія правительства, они одни остались организованною партіей, одушевленной самымъ край-

нимъ демократическимъ фанатизмомъ. Вслѣдствіе этого они не только получили преобладаніе, но успѣли одолѣть всѣхъ враговъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Въ изступленной борьбѣ со всѣми защитниками стараго порядка они спасли Революцію. Но орудіе, созданное для битвы, совершенно негодно для установленія или упроченія какого-либо нормальнаго порядка. Въ мирное время якобинскія стремленія могутъ быть только опаснѣйшимъ изъ золъ. Въ самый разгаръ борьбы временное ихъ преобладаніе неизбѣжно влечетъ за собою послѣдующую реакцію, ибо, могучія для разрушенія, они безсильны для созиданія. Вызванное ненормальнымъ положеніемъ минутное преобладаніе радикализма уступаетъ мѣсто обратному теченію. Таковъ опять неизмѣнный законъ, которымъ управляется все движеніе общественной жизни. Одна крайность непремѣнно вызываетъ другую. Обыкновенно и радикалы и реакціонеры всю вину сваливаютъ другъ на друга, не замѣчая, что они сами первые виновники торжества противниковъ. Разница между ними состоитъ лишь въ томъ, что реакціонеры, которые имѣютъ за себя многовѣковое прошлое, опираются на потребности власти и порядка, а потому долѣе могутъ удержаться въ своемъ положеніи, нежели радикалы, отрицающіе то и другое и стремящіеся пересоздать общество на основаніи теоретическихъ началъ. Но и реакція, чѣмъ она упорнѣе и чѣмъ менѣе она считается съ потребностями времени и съ измѣнившимися условіями жизни, тѣмъ неотразимѣе вызываетъ, въ свою очередь, господство радикализма. Между этими двумя крайностями общество колеблется взадъ и впередъ, пока оно не возвратится къ нормальному положенію, то-есть, къ господству среднихъ партій, подобно тому какъ маятникъ, выведенный изъ состоянія равновѣсія, качается туда и сюда, дѣлая все меньшіе и меньшіе размахи, пока не придетъ наконецъ къ нормальному положенію, опредѣляемому центромъ тяжести. Но въ маятникѣ этотъ центръ тяжести данъ разъ навсегда самымъ его строеніемъ; въ человѣческихъ же обществахъ онъ измѣняется движеніемъ жизни. Не надобно только воображать, что его можно произвольно перемѣстить впередъ или назадъ, выдвигая крайнія требованія. Онъ дается современнымъ состояніемъ общества и измѣняется лишь медленнымъ историческимъ процессомъ. Насильственное же его передвиженіе неизбѣжно вызываетъ поворотъ въ противоположную сторону, пока не будетъ найдена истинная точка. Отъ непреложныхъ законовъ общественнаго развитія уйти нельзя. Они не нарушаются безнаказанно, и тотъ, кто хочетъ ихъ насиловать, долженъ испытать на себѣ всѣ невыгоды образа дѣйствій, идущаго наперекоръ естественному порядку вещей.

Изъ этого можно видѣть, что въ политикѣ партій весьма важную

роль играютъ отношенія крайнихъ партій къ среднимъ. Въ эпохи борьбы первыя враждуютъ не только между собой, но и съ тѣми средними партіями, которыя ближе къ нимъ стоятъ. При разгарѣ страстей, умѣренность дѣйствій представляется величайшимъ зломъ, а потому удары крайнихъ направляются столько же противъ настоящихъ противниковъ, сколько и противъ слишкомъ вялыхъ союзниковъ. Французскіе террористы истребляли другъ друга. Но въ мирное время, когда преобладаютъ не крайнія, а среднія партіи, возникаетъ вопросъ: въ какія отношенія должны первыя становиться къ послѣднимъ?

Этотъ вопросъ, какъ и всѣ вопросы политики, рѣшается обстоятельствами. Важнѣйшее условіе заключается въ самомъ характерѣ крайнихъ партій. Если онѣ не выдѣляются въ особыя группы съ опредѣленною программой, а примыкаютъ къ соотвѣтствующимъ среднимъ, образуя только крайнее яхъ крыло, то вопросъ рѣшается очень просто. Тутъ нѣтъ необходимости сдѣлокъ и уступокъ. Крайніе элементы сами держатся въ предѣлахъ умѣренности, сознавая невозможность провести свою программу и поддерживая ту, которая всего болѣе къ нимъ приближается. Тогда борьба происходитъ собственно между двумя партіями, которыя смѣняютъ другъ друга въ правленіи. Таково положеніе дѣлъ въ Англіи. Тамъ радикалы всегда примыкали къ либеральной партіи, а реакціонная партія вовсе не существуетъ, вслѣдствіе того что политическое развитіе въ послѣднія два столѣтія происходило медленнымъ и правильнымъ путемъ, безъ переворотовъ и безъ разрушенія существующаго строя. Глубочайшее изъ совершенныхъ въ это время преобразованій, избирательная реформа 1832 года, которая отняла у аристократіи преобладающее вліяніе въ политическихъ выборахъ, произведена была съ такою обдуманностью и съ такимъ вниманіемъ къ практическимъ потребностямъ, что для реакціи не оставалось мѣста.

Совершенно иное положеніе тамъ, гдѣ, вслѣдствіе историческихъ причинъ и характера партій, крайніе элементы образуютъ отдѣльныя группы съ опредѣленною программой, которую они во что бы ни стало хотятъ проводить въ своей политической дѣятельности. И тутъ среднія партіи иногда принуждены искать ихъ союза, чтобы дать отпоръ общимъ врагамъ. Таково было положеніе республиканскихъ партій во Франціи, когда приходилось вести борьбу съ монархической коалиціей: оппортунисты соединились съ радикалами и одержали побѣду. При такихъ условіяхъ, взаимныя несогласія временно умолкаютъ, и всѣ соединяются въ дружномъ дѣйствіи. Но когда побѣда упрочена, разногласія выступаютъ наружу. Крайнія партіи предъ-

являютъ свои требованія, а среднія не могутъ на нихъ согласиться, не отрекаясь отъ своей совершенно правильной точки зрѣнія и не теряя почвы въ странѣ, гдѣ съ ослабленіемъ борьбы умѣренные элементы естественно получаютъ перевѣсъ. Для всякой партіи нѣтъ болѣе опасныхъ враговъ, какъ собственные крайніе союзники, которые своими необдуманными дѣйствіями подрываютъ ея положеніе и навлекаютъ на нее справедливыя нареканія. Какъ ни стараются умѣренные элементы сваливать вину на отчаянныя головы, которыя представляются одинокими явленіями, они волею или неволею остаются солидарными съ своими союзниками и несутъ на себѣ отвѣтственность за ихъ необдуманные поступки. Когда же эти поступки таковы, что они возмущаютъ общественную совѣсть, или когда союзники провозглашаютъ ученія разрушительныя для общественнаго порядка, тогда всѣ здоровые элементы общества отшатываются отъ партіи, имѣющей подобныхъ друзей. Если умѣренная партія хочетъ сохранить свое положеніе, она должна съ ними порвать. Это и не представляетъ затрудненій, когда партія сама по себѣ довольна сильна и располагаетъ прочнымъ большинствомъ. Но когда этого условія нѣтъ, волею или неволею приходится входить въ сдѣлки или съ прежними союзниками, или съ прежними противниками. Послѣднее, въ свою очередь, часто представляетъ неодолимыя затрудненія. Партіи связаны своимъ прошлымъ; столь же трудно бываетъ порвать съ прежними союзниками какъ и вступить въ союзъ съ прежними врагами, противъ которыхъ существуютъ и законныя причины недовѣрія и укоренившіяся предубѣжденія. Съ своей стороны, послѣдніе часто вовсе не расположены поддерживать своихъ старыхъ противниковъ. Они не отказываются отъ своей программы, которую они надѣются провести при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, или же они предъявляютъ требованія, на которыя нельзя согласиться, не отрекаясь отъ своей собственной точки зрѣнія и не подрывая своего положенія. Нужно много политическаго такта, чтобы при такихъ условіяхъ составить сколько-нибудь прочное большинство. Не имѣя достаточной опоры въ собственной партіи и принужденное вступать въ постоянныя сдѣлки направо и налѣво, правительство остается въ шаткомъ положеніи; оно колеблется туда и сюда и можетъ пасть при первомъ случайномъ толчкѣ. Таково именно положеніе французскихъ республиканскихъ правительствъ со времени побѣды ихъ надъ монархистами.

Нерѣдко крайнія партіи, недовольныя тѣмъ, что имъ не дѣлаютъ достаточныхъ уступокъ, сами содѣйствуютъ паденію среднихъ, съ которыми онѣ состояли въ союзѣ; но этимъ онѣ только пролагаютъ путь своимъ противникамъ. Назидательный въ этомъ отношеніи при-

мѣръ представляетъ выборъ въ Парижѣ радикала Бародэ, который привелъ къ паденію Тьера и къ торжеству монархистовъ. Это была величайшая политическая ошибка, которая могла быть даже непоправима, еслибы монархисты, въ свою очередь, не надѣлали еще бо́льшихъ ошибокъ и тѣмъ не подорвали своего положенія. Еще хуже, когда противоположныя крайнія партіи вступаютъ въ союзъ между собою для низверженія среднихъ. Это — самая безнравственная изъ всѣхъ коалицій, подрывающая достоинство партій и ведущая къ самой ожесточенной борьбѣ, иногда, въ концѣ концовъ, къ диктатурѣ. А между тѣмъ, къ этому всего чаще прибѣгаютъ именно тѣ партіи, которыя выставляютъ себя хранителями порядка. Онѣ руководствуются гнуснымъ правиломъ, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Въ надеждѣ на то, что торжество крайней партіи приведетъ къ реакціи, онѣ усугубляютъ смуту и всячески противодѣйствуютъ установленію сноснаго порядка вещей. Нѣтъ такого отчаяннаго средства, къ которому бы онѣ не прибѣгали для достиженія своихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи самый поразительный примѣръ политической безнравственности представляетъ поддержка, которую французскіе монархисты оказывали генералу Буланже. Толкать свое отечество въ руки политическаго авантюриста, въ надеждѣ, что среди этой смуты выпадетъ какой-нибудь шансъ для монархіи, это — такое забвеніе всего, что даетъ высшую цѣну политической дѣятельности, какое рѣдко встрѣчается въ исторіи. И когда представитель монархическаго начала, который предводительствовалъ этимъ походомъ, выставляется своими приверженцами образцомъ благородства, то нельзя не сказать, что понятіе о благородствѣ совершенно затмилось у французскихъ монархистовъ. Они вполнѣ заслужили свое паденіе.

Съ своей стороны, радикальная партія всегда готова прибѣгать къ революціоннымъ средствамъ, какъ только представляются хотя бы призрачные шансы успѣха. Тамъ, гдѣ политическая жизнь упрочилась вѣковою практикой и вошла въ правильную колею, революціонныя движенія не имѣютъ почвы. Въ Англіи нѣтъ революціонной партіи; ея нѣтъ и въ Сѣверной Америкѣ, хотя тамъ народъ привыкъ къ самовольной расправѣ. Но въ странахъ, которыя прошли черезъ глубокіе перевороты и пріобрѣли свободу путемъ революцій, крайнія партіи всегда готовы возбуждать народныя массы, подвигая ихъ на насилія и возмущеніе. Примѣры успѣха революціонныхъ движеній дѣйствуютъ заразительно и на тѣ страны, гдѣ вовсе нѣтъ политической жизни. Когда законный путь прегражденъ, кажется, что свободу нельзя иначе пріобрѣсти, какъ возстаніемъ, а такъ какъ народныя массы, вообще, легко поддаются увлеченіямъ и настоящія ихъ

воззрѣнія неизвѣстны, то ихъ и стараются возбудить всякими обольщеніями. Революціонныя движенія въ Германіи, въ 1848 году, представляютъ тому примѣръ.

Когда политическая жизнь долго была насильственно задержана, общее движеніе, охватывающее цѣлыя массы, можетъ, конечно, имѣть успѣхъ; но революціи, какъ мы видѣли, всегда оставляютъ по себѣ печальные слѣды. Съ одной стороны, остаются приверженцы стараго порядка, которые стремятся его возстановить; а такъ какъ революція всегда влечетъ за собою реакцію, то часто они въ этомъ успѣваютъ. Съ другой стороны, даже временный успѣхъ революціи возбуждаетъ надежды на лучшій исходъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. То, что составляетъ прибѣжище крайней нужды, обращается въ постоянную привычку. Революціонный духъ внѣдряется въ общество. Уваженіе къ закону, составляющее первое условіе правильной свободы, исчезаетъ; насиліе и возмущеніе становятся обычными орудіями дѣйствія. Революція возводится даже въ теоретическое ученіе или въ историческое начало, которое противополагается существующему порядку, какъ знамя будущаго. Мы видимъ это во Франціи. Съ своей стороны, правительства привыкаютъ видѣть во всякомъ либеральномъ движеніи революціонное начало. Они становятся на сторону реакціи, и тогда возгорается борьба, которая приводитъ къ новымъ потрясеніямъ. Для политической свободы нѣтъ большей опасности, какъ распространеніе революціоннаго духа въ болѣе или менѣе значительной части гражданъ. При такомъ условіи свобода никогда не можетъ получить правильныхъ и прочныхъ основъ; она всегда останется началомъ, висящимъ на воздухѣ и подверженнымъ всѣмъ измѣненіямъ вѣтра.

По самому существу своему, этимъ духомъ всего болѣе заражена соціалистическая партія. При существованіи политической свободы радикалы всегда имѣютъ надежду провести свои мѣры законнымъ путемъ. Чтобы пріобрѣсти довѣріе избирателей, они должны представлять изъ себя партію, понимающую условія политической жизни и способную управлять государствомъ. Но соціализмъ, стремящійся къ утопіямъ, не можетъ имѣть ни малѣйшаго шанса приложить свои теоріи иначе, какъ ниспроверженіемъ всего существующаго общественнаго строя. Какъ бы соціалисты ни притворялись партіей, уважающею законъ и стремящеюся дѣйствовать мирными путями, они остаются и всегда останутся революціонерами по самой своей природѣ, по смыслу ихъ ученія. Все содержаніе ихъ пропаганды заключается въ томъ, что массы подвергаются несправедливому ограбленію, что плоды ихъ труда отнимаются у нихъ тунеядцами, что весь су-

ществующій строй основанъ на насиліи и неправдѣ. Полная путаница понятій въ соединеніи съ воззваніемъ къ самымъ низкимъ страстямъ, вотъ все, что подносится невѣжественной толпѣ, обольщаемой обѣщаніями фантастическихъ будущихъ благъ. Результатомъ такой пропаганды можетъ быть только водвореніе въ обществѣ непримиримой вражды классовъ. Кромѣ потрясеній и переворотовъ, въ которыхъ могутъ погибнуть всѣ высшіе плоды цивилизаціи и которые неминуемо должны вызвать самую суровую реакцію, она ничего не сулитъ. А между тѣмъ, съ демократизаціей общественнаго и государственнаго быта, именно эта партія пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Современное теченіе жизни ведетъ не къ примиренію партій, не къ сглаженію ихъ различій, а, напротивъ, къ обостренію борьбы. Все то зло, которое онѣ въ себѣ заключаютъ, достигаетъ наивысшей степени съ появленіемъ соціализма на политическомъ поприщѣ. Тутъ дѣло идетъ уже не о тѣхъ или другихъ политическихъ вопросахъ; тутъ самое существованіе общества и всѣ основы гражданственности ставятся на карту.

При такихъ условіяхъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, важно существованіе въ государствѣ начала, возвышеннаго надъ борьбою партій и представляющаго отечество въ его постоянныхъ основахъ и въ его высшемъ единствѣ. Такимъ началомъ является наслѣдственная монархія. Глава республики всегда есть избранникъ и представитель извѣстной партіи. Только наслѣдственный монархъ, какъ живой носитель исторической преемственности государственной жизни, возвышается надъ временными и односторонними влеченіями общества. Въ немъ народъ видитъ твердый центръ, связывающій прошедшее съ будущимъ и обезпечивающій правильный переходъ отъ одного общественнаго строя къ другому. Въ эпохи броженія и внутреннихъ раздоровъ этотъ прочный центръ государственной жизни въ особенности важенъ. Мы видѣли, что общій законъ политическаго устройства и развитія состоитъ въ томъ, что чѣмъ меньше единства въ обществѣ, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть. Поэтому и значеніе монархическаго начала въ различныя эпохи и при различныхъ условіяхъ неодинаково. Оно возвышается особенно тамъ, гдѣ общество раздирается ожесточенною борьбою партій. Если историческая власть исчезла среди переворотовъ, то практическая потребность воздвигаетъ новую. Послѣдняя однако не можетъ замѣнить старой. Она долго остается колеблющеюся, и только при большомъ умѣніи и весьма благопріятныхъ условіяхъ она можетъ упрочиться временемъ и пустить корни въ народной жизни. Орлеанизмъ и бонапартизмъ во Франціи служатъ тому живыми примѣрами. Даже такой геній, какъ Наполе-

онъ I, сокрушался о томъ, что его династія не имѣетъ историческихъ корней.

Но для того, чтобъ историческая монархія могла исполнить свое назначеніе, она должна, какъ уже было сказано, имѣть въ себѣ довольно эластичности, чтобы слѣдовать за измѣняющимися потребностями жизни и понимать настоятельныя ея нужды. Монархъ тогда только возвышается надъ партіями, когда онъ дѣйствительно стоитъ выше ихъ, а не отождествляется съ одною изъ нихъ. Монархія, которая становится представительницею реакціи, тѣмъ самымъ подрываетъ свое значеніе. Ничто такъ не содѣйствовало ослабленію въ Европѣ монархическаго начала, какъ политика Священнаго Союза. Конечно, монархъ, призванный охранять законный порядокъ, не можетъ въ тоже время быть покровителемъ революціонныхъ стремленій. Но онъ не долженъ потребность законной свободы смѣшивать съ революціонными стремленіями и подавлять ихъ безразлично, какъ дѣлали главы Священнаго Союза. Этимъ онъ становится во враждебное отношеніе ко всѣмъ либеральнымъ и образованнымъ элементамъ народа, чѣмъ самымъ между правительствомъ и обществомъ водворяется глубокая рознь. Политика послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I-го вызвала движеніе декабристовъ, а политика его преемника еще болѣе усилила внутреннюю рознь и подготовила явленіе нигилизма. Общественное броженіе, вызванное борьбою различныхъ направленій и партій, можетъ временно заставить правительство принимать реакціонныя мѣры; но онѣ не должны дѣлаться постоянными руководящими началами политики. Реакціонный духъ столь же вреденъ для государственной жизни, какъ и революціонный духъ, ибо не борьба, а соглашеніе составляетъ высшую ея цѣль.

Таковъ результатъ, къ которому приводитъ насъ изученіе политики, какъ въ правительственной дѣятельности, такъ и въ борьбѣ партій.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ

Основанія политики.

Стр.

Глава I. Политика, какъ наука . . . . . .
Глава II. Политика и право 15
Глава III. Политика и нравственность 24
Глава IV. Раздѣленіе политики 40

КНИГА ВТОРАЯ

Созданіе государства.

Глава I. Способы происхожденія государствъ 42
Глава II. Территоріальная политика 55
Глава III. Политика народности 79

КНИГА ТРЕТЬЯ

Политика государственнаго устройства.

Глава I. Происхожденіе образовъ правленія 105
Глава II. Политика чистой монархіи 126
Глава III. Политика аристократіи 154
Глава IV. Политика демократіи 175
Глава V. Смѣшанная республика 210
Глава VI. Ограниченная монархія 223
Глава VII. Сложныя государства 268

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Политика законодательства.

Глава I. Преданія и прогрессъ 292
Глава II. Реформы и революціи 302
Глава III. Общее законодательство и мѣстное 341
Глава IV. Виды и способы обсужденія законовъ 356

КНИГА ПЯТАЯ

Политика управленія.

Стр.

Глава I. Силы государства 381
Глава II. Утвержденіе законнаго порядка 400
Глава III. Попеченіе о благосостояніи 416
Глава IV. Духовные интересы 451
Глава V. Централизація и мѣстное самоуправленіе 480

КНИГА ШЕСТАЯ

Политика партій.

Глава I. Партіи въ государствѣ 505
Глава II. Организація партій 525
Глава III. Способы дѣйствія партій 541

Опечатки и недосмотры.

Во второй части:

Стран.	*Строка сверху.*	*Напечатано:*	*Читай:*
11	20	Послѣднее	Второе
66	37	тысячелѣтняго	тысячелѣтій
67	38	составляетъ	составляетъ лишь
79	12	послѣдняя	послѣдняя
84	35	цѣльное зданіе	цѣльнаго зданія
88	91	состояніе	достояніе
110	27	должна	должна
112	9	въ силу	во имя
113	15	эти начала	ограниченія
169	14	Разрѣшал	Разрѣшая
182	6	требованій	общественныхъ требованій
183	14	общественный	общественныя
184	21	роспрастранено	распространено
186	31	облегченное	облеченное
195	3	возврату	возвратъ
—	5	сбыть	сбытъ
—	8	сношеній	отношеній
199	28	придѣлахъ	предѣлахъ
204	24	моиѣе,	, менѣе
244	20	грамадное	громадное
247	12	властю	властъю
252	3	объединеніе	объединенія
275	4	принужденъ	принуждены
—	30	реализмъ	реализмъ
289	40	Оно	Онъ
344	25	потенціональномъ	потенціальномъ
346	12	или	или же
—	16	заключеніе	заключенія
349	2	общенію	общеніи
353	5	организма	организма
362	3	эти	эти
364	9	Тюдоровъ	королей
368	8	замѣнялъ	замѣнилъ
372	33	неродность	народность
—	34—35	представлялъ живое изображеніе	былъ живымъ изображеніемъ
373	17	на себѣ, каждая въ	на себѣ, въ
374	19	Lerhet	Lehret
375	40	взглядми	взглядами
376	28	самымнъ темнымъ инстинктамъ	самымъ темнымъ инстинктамъ
377	2	послѣдствіями	плодами
387	20	Ассиріянъ;	Ассиріанъ,
403	29	демократіи искали	демократіи вожди искали

Въ третьей части:

Стран.	*Строка сверху.*	*Напечатано:*	*Читай:*
4	29	ему	имъ
—	30	имъ	ими
—	36	политической	государственной
5	28	движется	дѣлается
12	2	которое отличалось	которая отличалась
14	4	особый	особенный
21	10	1789 годъ	1799 года
47	23	въ себѣ	на себѣ
55	1	они	онѣ
56	26	Прусскій	Прутскій
57	19	въ Черное море	изъ Чернаго моря
62	11	владычествопала	владычествовала
75	31	разъединены породили,	разъединены, породили
87	3	зичительной	значительной
117	6	какъ и политическій	какъ политическій
—	40	самоуправленіе	мѣстное самоуправленіе
126	4	нѣкотороою	нѣкоторою
141	3	собою	за собою
147	27	умѣрить	умѣрять
154	17—18	вліяні—яніемъ	вліяні—емъ
177	9	стораяс	стараясь
181	32	окончательно	. Окончательно
186	18	оставляетъ	составляетъ
210	9	Ноименно	Но именно
229	2—3	пользо—зоваться	пользо—ваться
240	26	правомъ	правамъ
—	27	распологало	располагало
246	39	вожатаямъ	вожатаемъ
276	4	находятъ	находитъ
287	11	промышленные	промышленныя
288	22	тринсатлантической	трансатлантической
292	35	существенны	существенные
295	11	Слѣдя	Слѣдуя
330	36	отвѣтать	отвѣчать
331	5	состояніе	достояніе
343	11	у нетающей	угнетающей
362	23	держитъ землю	дорожитъ землею
368	34	прдти	придти
374	8	Дла	Для
376	15	первоначально	первоначальное
391	10	приложено	приложимо
392	18	никакихъ	значительныхъ
393	3	стремится	стремятся
401	40	по—лучаетъ	по—лучаетъ
404	2	уважанія	уваженія
421	1	удовлетворить	удовлетворять
—	9	составляеъ трет-	составляетъ тре-
—	35	и	въ
428	4	становится	становятся
431	5	которыя	которые
477	33	высшей	большей
482	7	на	ни

ВЪ ПРОДАЖѢ

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. 1856 г. Ц. 3 руб.

Опыты по исторіи русскаго права. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к.

Очерки Англіи и Франціи. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нѣсколько современныхъвопросовъ. 1861 г. Ц. 1 р.

Исторія политическихъ ученій, ч. 2, 3, 4—по 3 руб.

Собственность и государство, 2 ч. 1882 г. Ц. 8 руб.

Мистицизмъ въ наукѣ. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Положительная философія и единство науки. 1892 г. Ц. 3 руб.

Основанія логики и метафизики. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Курсъ государственной науки, ч. 1 и 2. Ц. по 3 р.

Складъ въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“.